

М. ГОРЬКИЙ

и СОВЕТСКАЯ

ПЕЧАТЬ

АРХИВ
А.М.ГОРЬКОГО

ТОМ
X

М. ГОРЬКИЙ и СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ

К Н И Т А

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

МОСКВА

1 9 6 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ, С. С. ЗИМИНА, И. С. ЧЕРНОУЦАН

Ответственный редактор Р. П. ПАНТЕЛЕЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Десятый том Архива А. М. Горького посвящен переписке писателя с советскими издательствами и журналами.

В первую книгу тома включена переписка Горького с работниками издательств и организаторами книжных начинаний, вдохновителем которых являлся Горький.

Самое большое место в книге занимают материалы, связанные с деятельностью Государственного издательства РСФСР, работе которого Горький придавал исключительное значение. «Госиздат мне кровно дорог, как источник культурной силы, болевши его и вижу, в успехе — заинтересован...» — писал Горький. Он считал, что «Госиздат должен не только печатать рукописи, но обязан сам создавать книги, необходимые государству» (Письмо Халатову 21 октября 1928 г. — АГ).

С пристальным вниманием следил Горький за работой издательства — «Земля и фабрика», «Academia», «Федерация», «Время» и др. В архиве писателя сохранились планы, отчеты, протоколы заседаний редколлегии издательства с его многочисленными пометками. Замечания к планам Государственного издательства художественной литературы и «Academia», стенограммы и протоколы заседаний с участием Горького помещены в разделе «Приложения» к соответствующим перепискам.

Значение публикуемых материалов шире и многообразнее, чем это может показаться на первый взгляд. Помимо вопросов, непосредственно связанных с изданием книг и журналов, в них нашли широкое отражение важнейшие события политической и культурной жизни страны.

В интересах более полного освещения темы редакция сочла необходимым поместить в томе наиболее значительные письма адресатов Горького, иногда с небольшими сокращениями.

Письма писателя, вошедшие в Собрание сочинений Горького, в настоящее издание не входят, за исключением письма к Н. Н. Накорякову, опубликованного не полностью.

Все письма печатаются по подлинникам, хранящимся в Архиве Горького; в отдельных случаях письма Горького публи-

куются с незначительными сокращениями, которые обозначены отточиями в угловых скобках.

Редакционные даты помещены перед текстом в угловых скобках. В случае отсутствия авторской даты дается обоснование датировки в комментариях.

Слова, подчеркнутые автором в тексте, печатаются курсивом. Полужирным шрифтом отмечаются подчеркивания Горького в письмах адресатов.

В текстах Горького сохраняются особенности горьковской пунктуации. Окончания недописанных слов воспроизводятся в угловых скобках.

Ссылки на Собрание сочинений М. Горького даются по изданию: М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. М., Гослитиздат, 1949—1955.

В подготовке и печати первой книги принимали участие: В. С. Барахов — переписка с Л. З. Мехлисом; Н. П. Дикущина, А. Е. Погосова — переписка с В. В. Воровским; Н. В. Дистлер — переписка с издательством «Время»; С. И. Доморацкая — переписка с В. И. Нарбутом, Н. И. Ивановым, Н. Н. Накоряковым, А. С. Щербаковым, издательством писателей в Ленинграде; С. С. Елизаров, Е. Г. Коляда, В. А. Максимова, Р. П. Пантелеева, Н. Н. Соколова, А. А. Тарасова — переписка с А. Б. Халатовым.

ГОРЬКИЙ — ВОРОВСКИЙ

Публикуемые в настоящем томе письма Горького Вацлаву Вацлавовичу Воровскому (1871—1923) относятся ко времени работы Воровского введующим Государственным издательством (1919). Горький в это время руководил издательством «Всемирная литература». Личное знакомство Горького и Воровского состоялось в период революции 1905 г., когда они работали в газете «Новая жизнь».

Горький писал в очерке «В. И. Ленин»: «...идею поездки в Америку для сбора денег в класс «большевиков» дал Л. Б. Красин; ехать со мной в качестве секретаря и организатора выступлений должен был В. В. Воровский, он хорошо знал английский язык, но ему партия дала какое-то другое поручение, и со мной поехал Н. Е. Буренин...» (Собр. соч., т. 17, стр. 9). В 1911—1912 гг. М. Горький и В. И. Ленин в Париже обсуждали вопрос об организации большевистского издательства взамен «Знания», которое, по словам Горького, «разваливалось» — редактуру нового издательства за границей М. Горький предлагал В. И. Ленину и В. В. Воровскому (Собр. соч., т. 13, стр. 17).

В Архиве А. М. Горького хранится выписка, сделанная в жандармском управлении из письма М. Горького Воровскому от 5 марта 1909 г.: «За последние дни и в Лукачарский не однажды вспоминали о Вас, и чему у нас весьма солидный повод есть. Может быть, напишем Вам вскорости. Живем бойко, живем много. Скоро, по весне, соберется здесь много публики разной, знакомой Вам. Настроены высоко, живут здесь рабочие, прекрасные парни».

Эти факты дают право думать, что между М. Горьким и В. Воровским велась переписка еще до революции, но в настоящее время Архив соответствующими письмами не располагает.

Из публикуемых в томе шести писем Горького Воровскому четыре письма были впервые напечатаны в журнале «Исторический архив» (№ 2 за 1958 г.). Остальные два письма Горького Воровскому и одно письмо Воровского Горькому публикуются впервые.

ГОРЬКИЙ — ВОРОВСКОМУ

(Петроград, 26 апреля 1919 г.)

Дорогой Вацлав Вацлавович!

З. И. Гржебин передаст Вам смету и разные документы по делу об организации критико-исторического издания «Русской литературы XIX в.», — т. е. издания, которое даст для школ и общего рынка наилучшие образцы художественной литературы истекшего века в количестве 400—500 томов с биографиями авторов, очерками эпохи и разного рода примечаниями.

Дело это начато давно, А. В. Луначарский его вполне одобряет, но до сей поры мы не можем провести смету и получить деньги, необходимые для организации редакционных работ, на покупку бумаги, набор и печать.

Очень прошу Вас по возможности ускорить решение вопроса, дабы к осени мы могли выпустить известное количество книг.

Вам могут указать, что «Всемирная литература»¹ за шесть месяцев не выпустила ни одного тома. Так, но — это вина не наша: у нас шкафы ломятся от рукописей готовых к печати, набрано около 1000 листов, а бумаги нам не давали, несмотря на строгие приказы Ильича и Красина². Только неделю тому назад мы получили 8000 пуд(ов), но ведь это — капля в море, пущай нам!

З. И. покажет Вам документы, из которых Вы увидите, что нас идиотски саботировали. Каковы побуждения этого саботажа — не хочу говорить, ибо это противно.

Теперь нами организовано издание «Литературы Востока», в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими. Мы даем новый перевод Библии, а, кроме того, Тюбингенское критическое издание ее, даем литературу Китая, Японии, Тибета, Монголии, Персии, Арабов, Турции и т. д., вплоть до индусской, египетской и ассирийского зноса.

Это — огромная работа, и, конечно, это хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции <Западной> Европы.

Но еще более крупным я считаю агитационное значение «Всемирной литературы», которая охватывает в нашем плане все, что создано европейской мыслью от Вольтера до Анатолья Франса, от Саифа до Уэльса, от Гете до Рихарда Демеля и т. д.

На днях будет готов наш проспект, напечатанный по-английски, по-немецки и по-французски, мы посылаем его во все страны: в Германию, Францию, Америку, Италию, Англию, Скандинавию и пр.³

Как видите — задача грандиозная, и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе.

Этому делу власть должна энергично помогать, ибо пока — это самое крупное и действительно культурное предприятие, которое она может осуществить.

Может быть, от всех ее усилий только одно это останется памятником ее энергии, только это не погибнет, растоптанное ордой озверевших мужиков¹.

Я очень прошу В. В. Вашей помощи нам! И я надеюсь, что Вы поймете, как ценна эта помощь.

Если б Вам понадобились более подробные разъяснения — телеграфируйте — к Вам приедет А. Н. Тихонов и даст Вам все нужные справки.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего доброго!

26. IV. 19.

А. Пешков

¹ Издательство «Всемирная литература» было создано по инициативе М. Горького в августе 1918 г. В состав литературно-издательской группы, кроме М. Горького, вошли: А. Н. Тихонов, И. П. Ладыжников, З. И. Гржебин.

Уполномоченный литературно-издательской группой Горький 14 сентября 1918 г. заключил договор с наркомом просвещения А. В. Луначарским об организации при Комиссариате народного просвещения издательства «Всемирная литература» («Известия ВЦИК», 7 сентября 1918 г. Тема договора см. в приложении 2 к настоящей переписке).

О задачах и целях «Всемирной литературы» Горький писал во вступительной статье в «Каталогу издательства «Всемирная литература».

После создания Госиздата (21 мая 1919 г.) издательство «Всемирная литература» вошло в его состав, сохранив при этом полную самостоятельность.

Горький руководил работой «Всемирной литературы» до отъезда за границу осенью 1924 г.

С конца 1924 г. «Всемирная литература» становится частью «Иностранного отдела редакционного сектора в Ленинграде». (Письмо И. И. Попова от 13 декабря 1924 г. в отдел «Всемирная литература» — АГ).

² Горький в телеграмме В. И. Ленину от 6 марта 1919 г. писал, что дело организации «Всемирная литература», в которое «...вложено столь много энергии и которое обещает колоссальные результаты, должно погибнуть. Прошу Вашего содействия». Ленин просил Л. Б. Красина разобраться в этом вопросе. На обороте письма Ленина сохранилась резолюция Л. Б. Красина: «Упорный отказ Питера в отпуске этой бумаги, месяцами лежавшей без употребления, есть несомненный и злобный саботаж...» (см. сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 433).

³ Речь идет о каталогах издательства «Всемирная литература», по западной литературе и по литературам Востока, которые вышли в 1919 г. со вступительными статьями М. Горького.

⁴ Здесь отразились ошибочные воззрения Горького, о которых он позднее в очерке «В. И. Ленин» писал: «...меня всю жизнь угнетал фант подавляющего преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм престарелства и почти полное отсутствие в нем социальных эмоций... Так думал я 13 лет тому назад и так -- ошибался» (Собр. соч., т. 17, стр. 26).

ГОРЬКИЙ — ВОРОВСКОМУ

(Петроград, 4 мая 1919 г.)

Уважаемый Вацлав Вацлавович!

Прилагая при сем копию договора «Всемирной литературы» с Наркомом Луначарским, очень прошу Вас решить дело это возможно скорее¹.

Цель «Всемирной литературы» — взять в свои руки издание всей художественной литературы, в том числе и текущей, путем издания альманахов².

Необходимо внести в это дело известный порядок, устранить параллелизм работы и т. д.

Как стоит дело с русской литературой XIX-го века?

Крепко жму Вашу руку.

4. V. 19.

М. Горький

¹ Горький имеет в виду договорительное соглашение и договором между Народным комиссариатом просвещения и литературно-издательской группой «Всемирная литература» от 29 апреля 1918 г. (приложение 3).

² Профессиональный союз деятелей художественной литературы в Петрограде в 1918 г. пытался осуществить издание произведений современной литературы путем организации альманахов и журналов. Эта идея была поддержана М. Горьким, входившим в правление Союза. Однако эта задача Союзом не была осуществлена. После прекращения деятельности Союза М. Горький пытался организовать издание современной литературы при «Всемирной литературе».

ГОРЬКИЙ — ВОРОВСКОМУ

(Петроград, 21 мая 1919 г.)

Дорогой Вацлав Вацлавович!

Очень извиняюсь, что снова беспокою Вас, знаю, как Вы заняты и потому не жду ответа на прежнее мое письмо. Но, будучи упрям, пишу снова.

Дело вот в чем: из тяжелого опыта «Всемирной литературы» и других начинаний такого рода я убеждаюсь, что в России нет возможности печатать книги: типографская техника расшатана, рабочих рук — мало, качество работы — ниже всякой критики, бумаги — нет, топлива — нет. В результате всего этого — нет книг, в количестве, потребном для огромной страны, охваченной жаж-

дою просвещения, то же, что издается — ничтожно численно и дорого.

Где же выход из этого положения? Его — на мой взгляд — нашел мой старый приятель, Зиновий Исаевич Гржебин, человек энергичный и в книжном деле опытный.

Он предполагает печатать книги за границей. Финляндия и Швеция не дают бумаги, но книги печатать — будут; ни та, ни другая не войдут в сношения с Советской властью, но войдут в такие с частным лицом, особенно, если узнают, что дело, им затеянное, имеет чисто культурный и научный характер.

Я прошу Вас познакомиться с планом затеваемого Гржебиным издательства; я принимаю в этом деле самое горячее участие, являясь организатором его редакционной части. Я пригласил в товарищи себе Десницкого-Строева, А. П. Пивкевича и в сотрудники — академика Стеклова, Филиппченко, И. П. Павлова, Книповича, Шимкевича и других столь же крупных ученых¹. Они организуют нам отдел естествонаучных книг.

Общественные науки и художественную литературу будем редактировать мы с Десницким.

Дело — огромное. Люди, призванные к работе просвещения народа, должны всячески способствовать его осуществлению и успеху.

И вот я горячо прошу Вас помочь всем, чем можете, Зиновию Гржебину осуществить это дело².

Да, это будет частное предприятие, но — где иной выход для снабжения страны духовной пищей? «Советская» вла^{сть} должна помочь осуществлению такого предприятия, если она действительно заинтересована в просвещении темных масс, в развитии культуры и если она хочет бороться с эмоциями, которые губят революцию.

Нам нужно создавать новую интеллигенцию, орудием ее создания может быть только книга.

Я еще раз убедительно прошу Вас отнестись внимательно и сочувственно к затеянному хорошему делу.

Крепко жму руку.

21. V. 19.

М. Горький.

¹ Василий Алексеевич Десницкий (Строев) (1878—1958) — литературовед, историк русской литературы. С Горьким был знаком с 1899 г.

Альберт Петрович Пивкевич (1893—1939) — профессор, доктор педагогических наук. После отъезда М. Горького в 1921 г. был председателем Комиссии по улучшению быта ученых.

Владимир Андреевич Стеков (1863—1926) — крупный русский математик, с 1919 г. — вице-президент Академии наук СССР.

Юрий Александрович Филиппченко (1882—1930) — профессор биологии и гистологии.

Николай Михайлович Книпович (1862—1939) — выдающийся зоолог и исследователь морей, член-корреспондент АН СССР.

Владимир Михайлович Шамшев (1858—1923) — профессор Петербургского университета, известный зоолог.

* Во второй половине 1919 г. З. И. Гржебин основал в Петрограде частное издательство. Позже издательство перенесло свою деятельность в Берлин. Однако выполнение проекта Горького об организации издания книг для России за границей осложнилось отсутствием валюты. Об этом свидетельствует, в частности, телеграмма Л. Б. Красина Горькому от 10 мая 1920 г.:

«Печатание научных изданий за границей считаю неосуществимым ввиду отсутствия средств для расплаты, поэтому не могу дать согласия на выезд типографских техников Стамони и Анненкова. Даже буквари мы едва ли будем в состоянии печатать за границей, по отсутствию средств вынуждены отказывать лазаретам и детским приютам выписки сгущенного молока и лекарств. Убедительно советую поставить крест над неосуществимым в ближайшее время планом зарубежных заказов. Красин».

При содействии Горького 10 января 1920 г. Воровский подписал договор с З. И. Гржебиным об издании им книг для России в берлинском издательстве Гржебина. Но, как указывалось в докладной записке Вейса и Малый Совнарком 4 марта 1921 г., Гржебин условия договора не выполнял, и книги в Россию в течение 1920 г. не поступали.

15 сентября 1920 г. ВСНХ вынес постановление о пересмотре Госиздатом договора с Гржебиным, а также о необходимости Наркомвнешторгу организовать за границей книгоиздательскую фирму (ЦГАОР, ф. 395, оп. 13, ед. хр. 1-а, лл. 8, 66, 97—100).

Об отношении М. Горького к берлинскому издательству З. И. Гржебина см. также в сб. «И. И. Ленин и А. М. Горький». М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 158—159, 173—174.

4

ГОРЬКИЙ — ВОРОВСКОМУ

(Петроград, июнь 1919 г.)

Дорогой Вацлав Вацлавович!

Необходим журнал, который поставил бы своей целью защиту культуры и борьбу с «бытом», т. е. воровством, взяточничеством, ленью, грубостью и т. д., а также и борьбу с антисемитизмом.

Я собрал группу беспартийных людей, куда входят С. Ф. Ольденбург, Е. Замятин, Марр, Жевержеев и множество других, все люди крупных научных заслуг¹.

А. В. Луначарский отнесся к идее такого журнала восторженно².

Позвольте З. И. Гржебину поговорить с Вами об этом деле, а также очень прошу Вас решить, наконец, дело об издании «Русской литературы XIX века».

Литература XX-го века тоже организована мною для издания (книг) как школьных, так и на общий рынок.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь на энергичную помощь Вашу.

А. Пешков

Датируется поступлением в Госиздат РСФСР.

¹ Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — видный русский ученый-востоковед. С 1904 по 1929 гг. непреременный секретарь Академии наук.
Евгений Иванович Замитин (1884—1937) — писатель, в первые годы революции участник ряда начинаний М. Горького, впоследствии эмигрант.
Николай Яковлевич Марр (1864—1934) — советский ученый-языковед.
Леонид Иванович Жевержеев (1881—1942) — искусствовед. В 1919 г. работал в отделе изобразительного искусства Наркомпроса.

² По-видимому, речь идет о журнале «Зантра». Замысел этот не был осуществлен Горьким.

5

ГОРЬКИЙ — ВОРОВСКОМУ

(Петроград, июнь 1919 г.)

Дорогой Вацлав Вацлавович!

Очень прошу Вас, примите д-ра Фитермана по делу книгоиздательства «Мир»¹. Это — солидное дело, под его маркой изданы прекрасные книги — в их числе «Русская история» М. Н. Покровского².

Следует всячески помочь издательству продолжать его работу, очень ценную, особенно в наше голодное время.

Приветствую

М. Горький

Датируется поступлением в Госиздат РСФСР.

¹ Горький считал необходимым в тяжелых условиях типографской разрухи поддерживать работу частных издательств. Об этом свидетельствует его открытое письмо к VIII Всероссийскому съезду Советов (22 декабря 1920 г.).

«...Необходимо обратить самое серьезное внимание на положение книжного дела в Республике. Положение это должно быть названо книжным голодом...»

А пока Госиздат все еще является неработоспособным, Съезду Советов следовало бы не приостанавливать кооперативных и частных издательств, а привлечь всех их к делу снабжения Республики книгами... Частные издательства можно поставить под самый строгий контроль, но в данный момент нет никаких оснований уничтожать их, а, напротив, следует широко использовать всю энергию, все влияние деятелей книг. А когда Госиздат превратится в живое, толковое и деятельное учреждение, оно покроет собою и поглотит в себя все отдельные предприятия, как свои органы» (Собр. соч., т. 29, стр. 396, 398).

«Мир» — кооперативное книгоиздательство. Существовало с 1906 по 1934 г. Моисей Яковлевич Фитерман — член-распорядитель издательства.

² М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. 1 — II. М., «Мир», (1918).

ГОРЬКИЙ — ВОРОВСКОМУ

Петроград, апреля 3 дня, 1920 г.

Дорогой Вацлав Вацлавович!

25/II Вы вменили нам в обязанность пользоваться текстами русских классиков, изданными Государственным издательством.

Это вполне резонно: тексты полных и сокращенных изданий должны быть совершенно идентичны.

Но 31/III Государственное издательство отменяет Ваше справедливое распоряжение, как Вы видите из прилагаемой бумажки.

Я, конечно, чувствую здесь руку товарища Ионов, ибо ничем иным объяснить явление это не могу.

Я прошу Вас подтвердить распоряжение Ваше от 25/II, вменить Ионову¹ в обязанность выдать мне все нужные тексты и указать ему, что он не должен смотреть как на своих врагов и конкурентов на людей, которые опычнее его и лучше умеют работать².

Будьте здоровы и желаю Вам хорошего отдыха на праздниках.

М. Горький

¹ Илья Ионович Ионов с 1918 г. заведовал Ленинградским отделением Госиздата. См. переписку Ионов с Горьким в настоящем томе.

² Одновременно с письмом Воровскому Горький послал письмо такого же содержания В. И. Ленину. См. сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», Изд-во АН СССР, 1961, стр. 153.

ВОРОВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

〈Москва〉 13. IV. 1920.

Дорогой Алексей Максимович!

Сообщаю Вам, что наше распоряжение о предоставлении Вам рукописей для пользования ими при издании классиков касалось только тех из них, которые перечислены в прилагаемом к договору списке; издание же классиков по представленному Издательством Гржебина второму списку ему не разрешено Редакционной коллегией Государственного издательства, а потому рукописи этих авторов не подлежат Вашему просмотру¹.

Соответственное разъяснение будет дано одновременно товарищу Ионову.

Письмо публикуется по копии, сохранившейся в фонде Госиздата (ЦГАОП). Подпись отсутствует.

¹ Надавание сочинений русских классиков было монополизировано в 1918 г. специальным решением правительства («Правда», 21 февраля.) По сообщению Н. Н. Накоранова, по-видимому, частное издательство Гринбана предполагало издание произведений авторов, которые не были еще изданы Государственным издательством, что противоречило постановлению правительства и интересам Госиздата.

8

ВОРОВСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Рим), 15 июня 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович

Ваш первоуродный рассказал Вам¹, вероятно, о нашем житье-бытье, так что останавливаться на этом не буду. Надеюсь, что Вы сообразитесь возможностью приехать сюда² и сами увидите, что и как. А приехать Вам полезно не только для того, чтобы починить механизмы и подкормиться, но и чтобы упорядочить все переиздания и спокойно поработать, а для этого необходимо стряхнуть на время психологические оковы так наз. действительности. Ваше присутствие здесь (несколько месяцев) было бы полезно для европейского общественного мнения, которое уже проглотило наконец антибольшевистскую живачку, странствовавшую в течение трех лет из одного в другой коровий желудок интеллигенции (есть еще такая и в Европе), и теперь эта самая интеллигенция начинает задумываться над вопросом: а что, ведь, пожалуй, и вправду ерунда все то, что я кричала про большевиков три года, — и проливает смутную тенденцию ознакомиться с тем, что же такое эта загадочная советская Россия, которая и в огне не горит, и в воде не тонет, и с голоду не умирает. Феномен. Народ здесь, знаете, глухой: ругают нас за то, за что совершенно не следует, но понятия не имеют о том, за что нас прямо по морде следовало бы...

Не сомневаюсь, что уже убедил Вас и жду сюда. А теперь маленькое дело. Поскольку Вы являетесь наседкой современной русской литературы, и под Вашим боком греется не мало гениев больших и малых, то окажите услугу отечеству, этим гениям и вселенной, поручив надежному человеку подобрать в двух экземплярах всю поэзию, беллетристику и пр. проявления русского духа (ох), поинтересившись в свет в России под большевистским игом. Для Питера Вам, вероятно, удастся использовать Ионина, который, хотя и смотрит на Вас букой, все же как завидный книжник не может отгрезниться от слабости к Вам. По Москве поможет Шуша³. А вообще объявите трудовой субботник по собиранию материала. Если понадобится деньги, представьте счет Литвинову в Наркоминдел «за счет италианской миссии». А получить эти вещи очень нужно как для надания на италианском, так и для использования в прессе.

Италия после войны оскудела невероятно. Я уже не говорю об убогости политической мысли — не только националистов, но и социалистов и пр., но какая нищета в литературе: читать нечего. Где прежняя Италия с ее обаятельной литературой, такой изысканной и в то же время глубоко человеческой, так что казалась родной всякому культурному европейцу. Все проторговали за клочок чужой земли — ненужной, населенной чуждым, враждебным племенем¹. Проторговали, да еще прикинули на весы в виде «походца» полмиллиона жизней, да столько же увечных. Вот кого мало расстреливать. И теперь вся идеология послевоенной молодежи — казалось бы цвет страны — сводится к бесплодной фразе: мы воевали, мы проливали кровь, так дайте же нам... а что дайте, и сами не знают, ибо мысль оскудела в траншеях, руки отвыкли работать, а желудки привыкли жить на казенный паек. Так-то.

Приедете — увидите. Пока всего хорошего, крепко жму руку.

В. Воровский

¹ Воровский пишет о сыне Горького — М. А. Пешкове (1897—1934), который тогда работал дискурьером при представительстве СССР в Италии.

² В. В. Воровский с 1921 по 1923 г. был полномочным представителем СССР в Италии.

³ Шушаника Никитична Манучарянц (р. 1889), член партии с 1918 г. С 1920 по 1924 г. была библиотекарем В. И. Ленина, а затем Н. К. Крупской. С 1930 по 1955 г. — старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Воровский 15 июня 1921 г. писал Манучарянц: «...к Вам может обратиться Алексей Максимович по части подбора художественной литературы в двух экземплярах, вышедшей в России за время революции. Помогите ему...» (Партиархив ИМЛ).

По сообщению Манучарянц, Горький не обращался к ней с просьбой оказать помощь в подборе литературы, а для Воровского все выходящие книги посылал Госиздат.

⁴ Очевидно, Воровский имеет в виду стремление Италии к захвату территорий на Адриатическом море, которое привело к военным действиям в Фиуме и Малой Азии.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1

ДОГОВОР МЕЖДУ А. М. ГОРЬКИМ, А. П. ТИХОНОВЫМ, З. И. ГРЖЕБИНЫМ
И И. П. ЛАДЫЖНИКОВЫМ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА».

20 августа 1918 г.

Августа 20 дня, 1918 г. Мы, нижеподписавшиеся, Алексей Максимович Пешков (М. Горький), Александр Николаевич Тихонов, Зиновий Исаевич Гржебин и Иван Павлович Ладыхинков, заключили между собой следующий договор:

1. Нижеподписавшиеся организуют издательство «Всемирная литература», которое ставит своей задачей: а) перевод на русский язык избранных

произведений иностранной художественной литературы второй половины XVIII в., всего XIX и начала XX в., б) снабжение этих произведений иллюстративными статьями, примечаниями и рисунками и в) издание вышеуказанных произведений, а также избранных произведений русских писателей XVIII, XIX и XX вв.

2. Нижесподписавшиеся уполномочивают А. М. Пешкова заключать договоры с Комиссариатом народного просвещения по вопросу о подготовке и издании и издания книг «Всемирной литературы» на средства Комиссариата народного просвещения.

3. Все права, обязательства и ответственность за выполнение договоров и обязательств, заключаемых А. М. Пешковым, нижеподписавшиеся берут на себя и исполняют безраздельно.

4. Все дела, касающиеся издательства «Всемирная литература», решаются всеми участниками коллегиально.

*М. Горький
А. Тихонов
З. Гржебин
Н. Лодыженков*

2

ДОГОВОР МЕЖДУ НАРОДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ
И ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ
ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

(4 сентября 1918 г.)

4 сентября 1918 г. Комиссариат народного просвещения Российской Федеративной Республики в лице комиссара просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, с одной стороны, и литературно-издательская группа в лице Алексея Максимовича Пешкова (М. Горького) — с другой, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. А. М. Пешков берет на себя обязанность образовать под своим руководством при Комиссариате народного просвещения издательство «Всемирная литература» для перевода на русский язык, а также для снабжения вступительными статьями, примечаниями и рисунками и вообще для приготовления к печати избранных произведений иностранной художественной литературы конца XVIII и всего XIX в.; Комиссариат народного просвещения обязуется на свой счет все эти произведения издать.

2. Указанные выше произведения издаются книгами двух типов: а) в форме брошюр размером в среднем около двух печатных листов, считая в печатном листе 60 000 знаков, и б) в форме томов, содержащих в среднем около 20 печатных листов, считая в печатном листе 30 000 знаков. Общее количество брошюр должно быть не менее 2000 номеров, общее количество томов не менее 800.

3. Из приведенного выше числа книг издательство «Всемирная литература» в течение первого года обязано приготовить к печати не менее 800 брошюр и 200 томов, а в течение первых четырех месяцев, считая от 1 сентября по 31 декабря 1918 г. — не менее 200 брошюр и 60 томов. Комиссариат народного просвещения обязан все приготовленные издательством, соответственно вышеприведенным цифрам, рукописи сдавать полностью и печатать, без всякой задержки.

4. Литературно-издательская группа в лице А. М. Пешкова в осуществлении своих задач пользуется полной автономией. А. М. Пешкову, а также его доверенным лицам предоставляется право заключать от имени издательства «Всемирная литература» всякие договоры и обязательства, относящиеся, по их мнению, к деятельности издательства. А. М. Пешкову предоставляется полная свобода в организации издательства, как-то: в выборе подменяющих издание книг, в установлении их тиража, в определении характера

вступительных статей и примечаний, а также в выборе сотрудников, авторов, переводчиков и служащих издательства и в установлении размера и порядка их вознаграждения в пределах общей сметной ассигновки.

5. Все средства для выполнения своих задач издательству «Всемирная литература» предоставляются Комиссариатом народного просвещения, согласно приложенной при сем договоре смета (смета в деле отсутствует. — *Ред.*). Установленные сметой суммы расходов по административно-литературной части, согласно отделам I, II, VIII и IX прилагаемой сметы, вносятся полностью Комиссариатом в банк на текущий счет А. М. Пешкова. Расходование внесенных в банк денег производится по усмотрению А. М. Пешкова, а также лиц, им особо уполномоченных, по чекам, подписанным А. М. Пешковым или этими лицами.

6. Издательство обязано вести точный бухгалтерский отчет о всех израсходованных им средствах и представлять через каждые 6 месяцев полный финансовый отчет с приложением оправдательных документов.

7. Комиссариат народного просвещения обязуется принять все меры к тому, чтобы предоставить в полное пользование издательства «Всемирная литература» государственную или частную типографию или, в крайнем случае, в полное пользование — часть типографии.

8. Выполнение всех технических работ по набору и печатанию произведений «Всемирной литературы» производится техническими средствами и за счет Комиссариата народного просвещения, но под непосредственным руководством литературно-издательской группы в лице А. М. Пешкова. Группе предоставляется право для каждой стадии этих работ иметь своих инструкторов, которые могут остановить, впредь до усовершенствования, те работы, исполнение которых, по их мнению, не стоит на должной технической или художественной высоте.

9. Срок настоящего договора трехлетний, считан со дня его подписания.

10. Если до истечения трехлетнего срока Комиссариат народного просвещения покажет отказываться от настоящего договора, он обязан известить об этом А. М. Пешкова не менее как за три месяца.

11. Если А. М. Пешков покажет отказываться от настоящего договора до истечения трехлетнего срока, он обязан предупредить об этом Комиссариат народного просвещения не позднее, как за три месяца до своего выхода и передать последнему в полном порядке все дела и отчеты по издательству «Всемирная литература».

12. Во всех случаях отказа одной или обеих сторон от договора или прекращения его силы по другим обстоятельствам, Комиссариат народного просвещения или орган, его заменяющий, обязан принять на себя полностью все обязательства, выданные А. М. Пешковым или лицами, им на то особо уполномоченными, от имени издательства «Всемирная литература».

Народный комиссар по просвещению *А. Луначарский*
Алексей Максимович Горький — Пешков

3

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ СОГЛАШЕНИЕ К ДОГОВОРАМ МЕЖДУ НАРОДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППОЙ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

29 апреля 1919 г.

29 апреля 1919 г. Народный комиссариат по просвещению в лице наркома Анатолия Васильевича Луначарского, с одной стороны, и литературно-издательская группа «Всемирная литература» в лице Алексея Максимовича Пешкова (М. Горького) — с другой, в дополнение и соответствующим договорам от 4 сентября и 21 ноября 1918 г. заключили настоящее соглашение в нижеследующем:

1. Литературно-издательская группа в лице А. М. Пешкова открывает при издательстве «Всемирная литература» отдел «Русская литература XX в.» и берет на себя обязательство организовать редакционную и издательскую работу ликвидированного издательского отдела при Петроградском профессиональном союзе деятелей художественной литературы.

2. Народный комиссариат по просвещению передает издательству «Всемирная литература» все документы и рукописи ликвидированного издательского отдела, а также переводит на имя «Всемирной литературы» на счет отдела «Русской литературы XX в.» как все наличные средства ликвидированного издательского отдела при профессиональном союзе деятелей художественной литературы, так и имеющиеся в наличии к нему, согласно смете, ассигновки.

3. Издательство «Всемирная литература», принимая на себя все денежные и иные обязательства ликвидированного издательского отдела, обязуется в своей работе руководиться сметами вышеупомянутого издательского отдела, оставаясь, однако, за собой право пересмотреть задано его редакционные планы.

4. Все взаимоотношения между Народным комиссариатом по просвещению и отделом «Русская литература XX в.», а также внутренний распорядок и организация отдела (как-то: ставки служащим, размер гонораров и т. д.) регулируются соответствующими пунктами договоров от 4 сентября и 24 ноября 1918 г., заключенных между Народным комиссариатом по просвещению и литературно-издательской группой «Всемирной литературы».

Народный комиссар по просвещению

А. Луначарский

Заведующий издательством «Всемирная литература»

М. Горький

На документе резолюция А. В. Луначарского. Принимаю условно, с тем, что окончательное утверждение будет дано при условии согласия заведующего Государственным издательством В. Воронского.

4

ИЗ ДОКЛАДА ЗАВЕДУЮЩЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» А. Н. ТИХОНОВА РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ГОСИЗДАТА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

19 апреля 1923 г.

Деятельность издательства с 1918 по 1922 г.

Издательство «Всемирная литература» основано в конце 1918 г. М. Горьким и А. В. Луначарским в качестве подсобного предприятия при Наркомпросе.

Цель издательства — переводить и печатать по-русски переводы наиболее значительных произведений иностранной литературы.

Работа издательства велась в двух направлениях: 1) по литературе Запада за период времени от Великой французской революции и до наших дней; 2) по народной словесности и литературе Ближнего и Дальнего Востока.

Работами издательства руководила редакционная коллегия, состоявшая из 20 видных специалистов по истории западной и восточной литератур. Во главе издательства встал М. Горький.

Первым заданием редколлегии было — выработка плана редакционной работы, который и был завершен в виде двух изданных «Всемирной литературой» каталогов — западной и восточной литературы. Вся дальнейшая деятельность издательства происходила в рамках этих каталогов.

В течение первых двух лет редакционная работа издательства велась в очень широких размерах — число литературных сотрудников издательства, переводчиков и редакторов, достигало 350 человек, ежегодный приток рукописей — до 2500—3000 печатных листов. Такой широкий размах объяснялся, с одной стороны, обязательствами издательства по отношению к Наркомпросу, которому издательство должно было по договору сдавать ежегодно не менее 300 томов, а с другой стороны — желанием Советского правительства оказать нуждающимся литераторам материальную поддержку путем предоставления им переводной работы. Последняя, часто благотворительная цель — являлась из несколько своеобразной роль издательства в политическом и культурном жизни страны. Но замыслам инициаторов издательство должно было служить как бы некоторым связующим звеном между Советской властью и литературной интеллигенцией. Кроме того, факт существования издательства с такими широкими культурными заданиями и блестящим составом сотрудников, куда входили почти все видные представители русской литературы, был использован также за границей как показательный пример культурных мероприятий Советской власти. Для этой цели каталоги издательства, тщательно изданные на четырех языках с предисловием М. Горького, были отпущены многим выдающимся представителям европейской литературы и получали лестные отзывы в европейской прессе. Таких же отзывов изданию и работа издательства удостоились, по словам Попова, и на Флорентийской книжной выставке 1922 г.

С возникновением в 1920 г.* Госиздата «Всемирная литература» механически была отчислена в его ведение и продолжала работать по прежней программе и в прежнем масштабе.

При указанных выше условиях (благотворительный характер деятельности издательства) и при ненормальной технической обстановке того времени, редакционная работа «Всемирной литературы» значительно опережала чисто издательскую деятельность; поступающие в редакцию в большом количестве рукописи не успевали печататься, и в результате в портфеле издательства мало-помалу накопился огромный запас (около 6000 печатных листов) неиспользованных рукописей. Все нарастающая разруха типографского дела, с особой силой сказавшаяся в 1921 г., еще более усугубила это несоответствие. Тем не менее со времени своего основания и до перехода на хозяйсчет, т. е. с 1919 по 1922 г., «Всемирная литература» выпустила в свет 59 названий книг, 548 листов текста, что при тиражах от 10 до 20 тыс. каждой книги составляло 931 000 экземпляров книг или 7 142 тыс. оттисков текста, производительность по тому времени весьма значительная.

Выпускаемые «Всемирной литературой» книги разбивались на две главные серии:

1) Основную (большого формата), предназначенную для пополнения школьных и других библиотек и состоящую из наиболее значительных произведений европейской литературы, и

2) Народную (малого формата) — для широкого распространения в массах и потому состоящую из книг более доступных по теме и изложению.

Что касается работ Восточного отдела «Всемирной литературы», то они с первых же дней приняли характер чисто академической, научно-исследовательской деятельности и заключались главным образом в научном переводе и обработке литературных памятников Востока, причем некоторые из исполненных этим отделом работ (как например: ассирио-вавилонский эпос, монголо-ойратский эпос, некоторые переводы с китайского и др.) расцениваются специалистами как крупные научные открытия, имеющие общепроизводственное значение.

Помимо редакционной и издательской деятельности, «Всемирная литература» являлась также инициатором некоторых подобных культурных начинаний.

* Решение о создании Госиздата РСФСР было опубликовано в «Известиях» 21 мая 1919 г. — Ред.

ваний, из которых следует прежде всего отметить организованную ею Студию художественных переводов, где под руководством таких специалистов, как Блон, Гумилев, Чуковский, Горюхов, Замитин, Позинский и другими преподавалась теория художественного перевода и велась практическая записка. Теоретические наработки студии записаны в изданной «Всемирной литературой» книге (в 2-х изданиях) «Принципы художественного перевода», практически же последствием был выпуск значительного кадра опытных переводчиков, оказавших надолго большую помощь в его работе. Деятельность студии продолжается и в настоящее время. В студии производится опыт коллективного перевода, результатом этого опыта является выходящая в ближайшем будущем книга перевода стихов Эредна.

Вторым крупным начинанием «Всемирной литературы» являлась собранная из библиотек иностранных книг. Возникшая из насущной потребности издательства в иностранной литературе, она вскоре приобрела самостоятельное значение и, постепенно пополняясь, содержит в настоящее время около 30 тысяч томов иностранной художественной литературы, являясь, таким образом, не только самым полным в России собранием иностранных книг, но также одним из крупнейших, посвященных этому предмету книгохранилищ Европы.

Так развивалась работа «Всемирной литературы» вплоть до 1 апреля 1922 г., который составил в жизни издательства некоторую новую эру, так как в начале этого года Госиздат, а вслед за ним и «Всемирная литература», перешли на начала хозяйственного расчета...

ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»

Издательство «Время» (1923—1934) было Промышленно-производственным кооперативным товариществом. Председателем правления издательства являлся Илья Владимирович Вольфсон, главным редактором — Георгий Петрович Блок. И тот и другой были ранее известны Горькому по работе в издательстве Гржебина. Кроме правления, в издательстве существовал Контрольно-редакционный совет во главе с академиком С. Ф. Ольденбургем. В 1931 г. создан редакционный совет. 4 мая 1934 г. председателем совета был избран Анатолий Васильевич Луначарский.

В начале деятельности издательства круг издаваемых им книг был очень разнообразен. На первом месте, как это видно по каталогу 1925 г., стоят книги по экономике, кооперации и научной организации труда. Дальше идут книги по истории, научные и научно-популярные книги, из которых в дальнейшем выделялась ведущая для издательства серия «Занимательная наука», книги по физической культуре, мемуарная литература, имевшая широкое распространение в 20-х годах, художественная литература, книги для детей и юношества, в том числе учебники и учебные пособия.

Постепенно объем деятельности издательства изменяется, сначала оно перестает издавать книги для детей и учебники, а затем, в связи с типизацией издательства, переходит к выпуску двух серий: занимательная наука и зарубежная художественная литература. Среди книг второй серии основное место занимает издание авторизованных собраний сочинений Стефана Цвейга и Романа Роллана. Оба собрания сочинений выходит с предисловием Горького.

Издательством «Время» впервые были выпущены произведения ряда прогрессивных зарубежных писателей: Дю Гара, Анны Зетерс и др. Деятельность издательства по подбору и изучению прогрессивной зарубежной литературы консультировалась Международным бюро пролетарских писателей.

Горький внимательно относился к работе издательства «Время». В письме к Д. А. Лутохинову от 15 марта 1926 г. он писал: «Интересно работает «Время» — И. В. Вольфсон. Выпустили любопытную книгу Чечулина «Ворьба Екатерины II за престол», повести Кудряшова «Александр I и тайна Ф. Кузьмича», дали сокращенное издание «Смуть» Платонова и ряд интересных брошюр Ферсмана, Вернадского и др. Внешний вид изданий — довоенный» (АГ). В известной мере в деятельности издательства «Время» находит

отражении идеи Горького о широком издании сокровищ мировой литературы, о популяризации науки.

Ныне публикуемая переписка охватывает период 1924—1932 гг., она содержит 14 писем Горького и 22 — издательства.

1

БЛОК — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 24 ноября 1924 г.

Многоуважаемый
Алексей Максимович,

Вероятно, Вы слышали о существовании нашего издательства, а нас, его учредителей — Илью Владимировича Вольфсона и Георгия Петровича Блока — помните, может быть, по совместной издательской работе в 1920—1921 году¹.

Организованный нами издательский кооператив существует уже не первый год. Членами его состоят академики С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, С. Ф. Платонов и ряд других лиц из литературного мира.

К этому письму приложен наш каталог. Он даст Вам представление и о наших задачах и о том, как мы эти задачи выполняем.

Наша давнишняя мечта — напечатать что-нибудь Ваше. Нам все равно — будет ли это одна цельная вещь или сборник. Мы заранее принимаем все гонорарные условия, которые Вы нам предложите, и обещаем Вам, что издадим Вашу вещь скоро, по мере сил изыщно и распространим ее широко.

Вы знаете, как тяжелы теперь условия издательской работы. Трудно и с деньгами, трудно и с бумагой, трудно и с техникой. Трудно, наконец, дается и связь с потребителями книги. Тем не менее мы работаем. Получение от Вас рукописи для издания мы рассматривали бы прежде всего как моральное вознаграждение за усилия, потраченные на преодоление этих трудностей.

Но кроме этой общей, — у нас есть к Вам еще и частная просьба.

В марте этого года мы выпустили перевод книги Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения»². Успех этой книги в России превзошел все ожидания. В течение полугода с небольшим выпустили последовательно четыре ее издания. Сейчас расходуется тридцатая — тридцать пятая тысячи. В печати о ней большой шум. Ее читают и партийные деятели, и инженеры, и хозяйственники, и рабочие, и просто обыватели.

Теперь мы собираемся напечатать книгу Локиера (Lochner) о деятельности Форда в первый период войны. У нас в руках немецкое издание этой книги³, где в качестве предисловия помещено Ваше обращение к матерям⁴.

Для успеха книги в России напечатание в русском издании этого обращения имело бы громадное значение. Разрешите нам это, пожалуйста, и дайте нам русский текст этой статьи. Соответствующий гонорар в указанном Вами размере мы переведем немедленно по получении русского текста.

Так как за отсутствием конвенций напечатать переводную книгу в России может всякое издательство, то с выпуском книги Локнера нам приходится очень торопиться. Поэтому мы очень просим Вас, по получении этого письма, по возможности немедленно телеграфировать нам (по адресу: «Время», Ленинград) о принципиальном Вашем согласии или несогласии.

В случае Вашего согласия будьте любезны без задержки выслать нам рукопись заказным письмом.

Искренно Вас уважающий

Блок

¹ Н. В. Волыфсон (1882—1950) и Г. П. Блок (1888—1962) в 1920—1921 гг. работали в издательстве З. И. Гринева. Об этом писал в своих воспоминаниях Н. В. Волыфсон: «С Алексеем Максимовичем мне посчастливилось поработать в 1921 году, когда он возглавлял редакцию издательства З. И. Гринева, а я — Ленинградское отделение издательства. Здесь мы ежедневно встречались по работе» (ЛГ).

² Генри Форд. Моя жизнь, мои достижения. Предисловие профессора Н. С. Лаурова. Л., издво «Время», 1924.

³ L. P. Lochner. Die staatsmännischen Experimente des Autokönigs Henri Ford. (Mit einigen Gedanken von M. Gorki.) München, 1923. (Политические эксперименты автомобильного короля Генри Форда. С предисловием М. Горького. Мюнхен, 1923).

О русском издании этой книги см. в примечании 2 ко второму письму.

⁴ Заключительная часть предисловия Горького состояла из призыва к матерям. Горький писал: «Я обращаюсь к женщинам, к матерям. Не только к тем 275 тысячам матерей Америки и миллионам матерей Европы, потерявшим детей своих в последней войне, но и к матерям, которые раскут потирать детей своих завтра или через год...»

2

ВОЛЫФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 13 января 1926 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович,

Мы очень виноваты пред Вами: мы не ответили на Ваше милое в свое время полученное от Вас письмо в прошлом году¹ и, кроме того, не рассчитались с Вами за перепечатанное нами Ваше предисловие к книге Локнера². Да, мы виноваты перед Вами, но «заслуживаем снисхождения»: Ваше письмо осталось на руках у Георгия Петровича, который вскоре после получения Вашего письма неожиданно прекратил работу. Этим обстоятельством объясняет-

ся наша невольная неаккуратность, за которую извиняемся пред Вами.

Не откажите сообщить, какой гонорар следует выслать Вам за перепечатку Вашего предисловия к книге Локнера, а также, куда и как перевести Вам эту сумму. Указанная Вами сумма будет немедленно с благодарностью переведена нами. В предисловии 12 тыс. знаков. Книга была выпущена нами в количестве 3500 экз. В этом количестве она была разрешена к изданию.

Одновременно с этим высылаем Вам заказной бандеролью 3 экз. книги Локнера с Вашим предисловием. Посылаем Вам также некоторые из изданных нами книг (часть из них отпечатана отдельно на лучшей бумаге) и наш последний каталог, который даст Вам представление о нашей работе³. Несмотря на трудности работы, нам удалось, как увидите из каталога, выпустить порядочное количество книг, в том числе многих виднейших ученых и писателей России⁴. Но среди них нет... Вашего имени. И вот большая просьба к Вам, дорогой Алексей Максимович, не пришлите ли Вы нам для напечатания что-нибудь из Ваших новинок. Мы были бы бесконечно рады выпустить что-нибудь написанное Вами, будь то роман, сборник или что-либо другое. Что касается условий гонорара, то, надеюсь, столкнемся. Будьте добры указать их.

Я надеюсь, Вы помните нашу совместную издательскую работу в 1920—1921 годах. Присылку Вами какой-либо новинки для напечатания мы рассматривали бы как известную моральную поддержку в работе, которую, по мере сил и возможности, стремимся выполнять культурно и добросовестно.

Буду рад, если напишете несколько слов о том, как Ваше здоровье, как живете и работаете. Время от времени в наших газетах появляются кое-какие сведения о Вас.

Судя по газетам, Вы переехали из Сорренто в другое место, но, не зная Вашего нового адреса, посылаем Вам письмо по-прежнему, в надежде, что оно дойдет до Вас.

Шлю Вам сердечный привет и крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

³ Письмо развязать не удалось.

⁴ Луве Поль Локнер. Генри Форд и его Корабль мира, воспоминания с предисловием М. Горького (Л., изд-во «Время», 1925). В русском издании было полностью воспроизведено предисловие немецкого издателя. См. письмо Локнера Горькому (Т. VIII Архива А. М. Горького «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами», М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 316—317).

⁵ Издательство «Время», каталог за 1925 г.

⁶ Издательством «Время» среди других книг были изданы книги: академик С. Ф. Платонов «Смутное время», «Прошлое русского Севера»; академик С. Ф. Ольденбург «Европа в сумерках на пожарах войны. Впечатление от поездки во Францию, Англию и Германию летом 1923 г.»; Н. С. Лесков «Амур в лирических»; Алексей Толстой «Буют машины. Фантастические сны».

ГОРЬКИЙ — КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВУ «ВРЕМЯ»

(Неаполь, 5 февраля 1926 г.)
Книгоиздательству «Время»

Милостивые государи,

сердечно благодарю Вас за присланные книги. О гонораре за предисловие к Лонжеру не может быть речи, ибо присланные вами издания, вероятно, покрывают его с избытком.

Очень сожалею, что не могу ничего дать вам из моих работ; дело в том, что у меня есть договор с Госиздатом, обязывающий меня печатать только у него. Срок договора истекает в июне 27 года. Но, если б не было этого условия, я все-таки, не мог бы ничего дать Вам, потому что пишу книгу, которую едва ли кончу ранее, чем через год¹. Тогда я с Вами спущусь.

А пока позволяете просить Вас прислать — в счет будущего — книги:

К. В. Кудряшова. Александр I.
» Исторические загадки

Н. Д. Чечулина. Екатерина II.

Дюма. Учитель фехтования, — я даже не слышал о том, что есть такой курьез!²

И не найдется ли по экземпляру распроданных брошюр Вернадского, Ферсмана, Кольцова?

Заранее благодарю и желаю всего доброго

А. Пешков

Адрес: Napoli
Posilippo Villa Galotti

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

¹ Имеется в виду «Жизнь Климента Самгина».

² См. примечание к следующему письму.

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 15 февраля 1926 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Максимович,

Мы сегодня получили Ваше письмо и спешим выслать Вам заказной бандеролью указанные Вами книги:

Кудряшов. Александр I и тайна Федора Козьмича.

Чечулина. Екатерина II в борьбе за престол.

Дюма. Учитель фехтования.

Вернадский. Начало и вечность жизни.

Ферсман. Время.

Ферсман. Химия мироздания.

Кольцов. Улучшение человеческой породы.

Кольцов. Омоложение организма по методу Штейнаха.

Кольцов. Причины современного исхудания¹.

Книга Кудряшова «Исторические загадки» еще не печаталась².

Посылаем Вам также наш последний каталог. Если Вас интересуют какие-либо из изданных нами книг, мы с удовольствием вышлем их Вам. Нам было бы очень интересно услышать Ваше мнение по поводу изданных нами книг.

Очень сожалеем, что по указанным Вами причинам, мы пока не можем печатать Вас, а очень хотелось бы. Во всяком случае, очень просим Вас, если у Вас будет кое-что для печати, не забыть списаться с нами на этот счет.

С искренним уважением к Вам

«Издательство Время»

И. Вольфсон.

¹ К. В. Кудряшов, профессор, Александр I и тайна Федора Кузьмина. Пб., изд-во «Время», 1923.

Н. Д. Чечулид. Екатерина II в борьбе за престол. Л., изд-во «Время», 1924.

А. Дюма. Учитель фехтования. Л., изд-во «Время», 1925.

А. Е. Ферсман, академик. Время. Пб., изд-во «Время», 1922; О нем же. Химия мироздания. Пб., изд-во «Время», 1923 (в архиве А. М. Горького находится эта книга с подчеркиваниями и пометами Горького).

Н. К. Кольцов. Улучшение человеческой породы. Пб., изд-во «Время», 1922; О нем же. Причины современного исхудания. Пб., изд-во «Время», 1922; О нем же. Омоложение организма по методу Штейнаха. Пб., изд-во «Время», 1923.

² Книга К. В. Кудряшова «Исторические загадки» не была издана.

5

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬФСОНУ

(Неаполь), 26. II. 26.

Дорогой Илья Владимирович, —

очень обрадован тем, что Вы живы, здоровы и — в любимом Вашем деле.

Среди издательства, знакомых мне — «Время» я нахожу наиболее интересным по подбору книг и по технике изданий. Кое-что я уже прочитал, очень понравились брошюры талантливейшего А. Е. Ферсмана. Кольцов несколько вяло пишет; «Средневековый быт» едва ли найдет много читателей, уж очень незначительно и

мелко все, изложенное в этом сборнике; лучшая статья — первая. Не понравилась грубоватая книга В. А. Стеклова и «Европа» С. Ф. Ольденбурга. Разумеется, я понимаю, что необходимо издавать и такие старые и бездарные вещи, как Арну. Превосходно заданы и удивительно интересны «Письма» Соловьева. Это, пока, все, что я прочитал¹.

Повторяю, что издательство вызывает впечатление очень серьезного и культурного дела.

Почему бы Вам не издать несколько хороших исторических романов? Мне думается, что современному читателю они были бы весьма полезны уже одним тем, что развили бы его привычку читать. У немцев есть любопытные романы «Парапельс» — жизнь известного «алхимика» и «Белые боги» — повесть из эпохи завоевания Мексики. Эти книги очень хвалят все, кто их читал, о них благожелательно отозвался в «Беседе» проф. А. Лютер².

И, уж если Вы издали одну книжку Дюма — почему не издать еще две, три, напр. «Королеву Марго», «Анж Питуэ» и т. д.

Простите за эти советы, но, мне кажется, что я понимаю психологию современного читателя, который «тарзанизирует» себя не только «Тарзаном», но и кинематографом.

Буду очень благодарен, если Вы откроете мне счет, который я стал бы оплачивать каждые 6 месяцев. Мне нужно очень много книг, их приходится посылать в Бразилию, Австралию и т. д.

На первый случай пришлите мне 9 книжек по прилагаемому списку.

Как я уже писал Вам, с 26 года³, с июня, договор мой с Госизд(атом) кончается и я не премину предложить Вам что-либо из написанного мною⁴.

Крепко жму руку.
Будьте здоровы.

А. Пешков

Napoli
Posillipo
Villa Galotti
M. Gorki

¹ «Средневековый быт» — сборник статей под редакцией профессора О. А. Добинин-Рождественского, А. К. Хомеатовской и Г. П. Федотова (Л., изд-во «Время», 1925). Сборник был посвящен Ивану Михайловичу Гревсу в сорокалетие его научно-педагогической деятельности. Первая статья — Г. Федотова «Феодальный быт в хронике Ламберта Арденского».

В. А. Стеклов, академик. В Америку и обратно. Л., изд-во «Время», 1925.

С. Ф. Ольденбург, академик. Европа в сумерках на пожарах войны. СПб., изд-во «Время», 1924.

Артур Арну. История цивилизации. Л., изд-во «Время», 1926.

Вл. Соловьев. Письма. Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., изд-во «Время», 1923.

* «Беседа» — журнал литературы и науки, издававшийся при ближайшем участии профессора Б. А. Адлера, Андрея Белого, профессора Ф. А. Брауна, М. Горького, В. Ф. Ходасевича в Берлине. Выходил с 1923 по 1925 г.

В № 2 журнала «Беседа» за 1923 г. была помещена статья А. Лютера «Немецкая литература последних лет», в которой он писал: «Крупнейшими созданиями в области исторического романа за последние годы, несомненно, является трилогия молодого австрийского писателя Гвидо-Эрнста Кольбенгейера (Kolbenheyer), избравшего своим героем Парацельса. Первая часть — «Детство Парацельса» — вышла в 1918 г., вторая — «Звезда Парацельса» — в 1921 г., третья еще не появилась».

Горький на протяжении ряда лет стремился познакомить советского читателя с биографией Парацельса. Указанные выше книги не были переведены и не вышли в России, но в 1935 г. под редакцией Горького в серии «Жизнь замечательных людей» была издана книга В. Проскурякова «Парацельс», написанная по предложению Горького.

В той же статье А. Лютер очень положительно отзывался о трехтомном романе Эдуарда Стюена «Die Weissen Götter» (Белые боги) из эпохи завоевания Мексики испанцами.

¹ Описание Горького — договор его с Госиздатом кончался в 1927 г.

² Произведения Горького в издании «Время» не выходили.

6

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 26 апреля 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Мне и это письмо приходится начинать с извинений. Я своевременно получил Ваше письмо от 26 февраля, я очень ему обрадовался, сейчас же распорядился о высылке книг, несколько раз собирался ответить, но, будучи невероятно занят и напряжен, никак не мог этого сделать до сих пор. Простите, Алексей Максимович!

Меня обрадовало в Вашем письме, что Вы меня помните, я почувствовал в нем теплоту. Мне также приятно было услышать Вашу характеристику издательства, во главе которого я стою. Для достижения того, что достигнуто, пришлось потратить очень много сил. Ведь приходится преодолевать много препятствий. Но когда книга уже выходит в свет, чувствуешь известное удовлетворение.

Книги по Вашему списку мы в свое время выслали Вам. Надеюсь, что Вы их получили. Одновременно с этим письмом посылаю Вам 16 книг. Это все новинки, выпущенные нами в марте и апреле месяцах. Среди этих книг обращаю Ваше внимание на новый труд академика Платонова и на книги Кугеля, Хетчинсона и Баррейра¹. Книга Хетчинсона «Когда наступает зима» мне очень понравилась. Хвалит книгу Баррейра «Слепой корабль», но сам я ее еще не читал.

Я Вам очень признателен за отзывы о прочитанных Вами книгах нашего издания. Ведь Ваше мнение нас очень интересует.

Буду просить Вас, если это Вас не очень затрудняет, и в дальнейшем делиться с нами своими впечатлениями о прочитанных книгах. Меня, в частности, интересует Ваше мнение о новой серии создаваемых нами книг «Занимательная наука». Книги этой серии имеют целью в доступной занимательной форме знакомить неподготовленного читателя с достижениями науки в разных областях. К составлению этих книг мы привлекаем видных популяризаторов (Перельмана², Рюмина, Цингера, Никольского и т. д.) и стремимся подавать их хорошо и в техническом отношении. Мы уже выпустили «Занимательную арифметику», «Занимательную геометрию», «Занимательную химию», «Занимательную электротехнику», «Занимательное стихосложение», готовы еще «Занимательная зоология», «Занимательная ботаника», готовим также «Занимательную гигиену», «Занимательную физкультуру»².

Я рад, что Вам понравилось издание «Писем» Соловьева. Ведь это издание было подготовлено к изданию в изд(ательстве) Гризбена еще при Вас. Только, к сожалению, такие книги сейчас расходятся очень туго.

Меня чрезвычайно обрадовало Ваше обещание прислать нам для издания что-либо из написанного Вами по окончании срока договора с Госиздатом. Кстати, в июне какого года кончается срок Вашего договора с Госиздатом: 1926 или 1927? Если в 1926-м, как Вы упомянули в Вашем последнем письме, тогда это совсем скоро. Мне очень хотелось бы выпустить какую-либо Вашу книгу.

Мы с удовольствием откроем Вам счет и охотно будем высылать Вам наши книги, которые Вам потребуются. Присылайте списки.

В Вашем письме Вы говорите о двух немецких романах «Парацельс» и «Белые боги», которые, по Вашему мнению, стоило бы издать на русском языке. Мы не видели этих книг. Нельзя ли Вас попросить поручить какому-либо книжному магазину прислать их нам. Стоимость их мы Вам с благодарностью вернем. Только в том случае, если это не связано для Вас с большой возней.

Что касается романов Дюма, о которых Вы говорите, то в России было уже несколько изданий этих книг. Мы узнаем, в какой мере они не распроданы. Во всяком случае большое Вам спасибо за Ваши указания.

Кажется, написал обо всем. Да, по поводу Вашего замечания, что я оказался в любимом деле — издательском, должен сказать, что я всю свою жизнь проработал в издательском деле и за все годы революции не имел в этом отношении ни одного дня перерыва. — Только очень устаешь.

Напишите, дорогой Алексей Максимович. Буду всегда рад Вашим письмам. Я хотел бы также знать, как Ваше здоровье и самочувствие. Будьте здоровы! Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

¹ С. Ф. Платонов, академик. Петр Первый. Л., изд-во «Время» 1926.

А. Р. Кугель. Листья с дерева. Л., изд-во «Время», 1926.

А. Хетчинсон. Когда наступит зима. Л., изд-во «Время», 1924.

Жан Баррейр. Слепой корабль. Л., изд-во «Время», 1926.

² «Занимательная арифметика» и «Занимательная геометрия на полном воздухе и дома» Я. И. Перельмана вышли в издательстве «Время» в 1926 г.

В письме в редакцию журнала «Наши достижения» от 31 декабря 1928 г. Горький пишет: «По физике и химии отличным популяризатором является Перельман, работающий в изд-ве „Время“» (см. письмо 1 в редакцию «Наших достижений» во второй части настоящего тома).

³ «Занимательная химия», «Занимательная электротехника», «Занимательная электротехника на дому и самодельные электрические приборы» В. В. Рымина вышли в издательстве «Время» в 1925 г.

Н. И. Шувальовский. Занимательное стихосложение. Л., изд-во «Время», 1926.

А. М. Никольский. Занимательная зоология. Л., изд-во «Время», 1926.

А. В. Цингер. Занимательная ботаника. Л., изд-во «Время», 1926.

Г. А. Дюперрон. Занимательная физкультура. Л., изд-во «Время», 1926.

7

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬФСОНУ

(Сорренто, 17 июля 1926 г.)

Дорогой Илья Владимирович, —

получил семь книжек¹, сердечно благодарю. На Ваше письмо от 26 апреля своевременно ответил и, поблагодарив за книги, о некоторых из них отозвался, помню, неодобрительно. Например — Радигс²; юноша писал незначительный роман свой с явным намерением заслужить похвалу Анри де Ренье и со страхом пред Ан(атоле) Франсом. Разумеется — я плохо представляю себе степень малограмотности современного русского читателя и, м. б. поэтому не могу представить, кого может заинтересовать «Мас».

Интересны обе книжки Цвейга³, это — серьезный писатель и довольно своеобразный, друг Р. Розлана, но вне его влияния. Мне кажется, что Цвейг способен написать крушную вещь. Очень хорошая вещь «Слепой корабль»⁴, я слышал, что Баррейр осенью печатает еще какую-то любопытнейшую книгу. Прочитал книгу Ю. Гирша, — интересно сопоставить ее с «Лжеучениями» Осипского⁵. «Преступление» Эрландра я читал в рукописи, — другой перевод, — автор не талантлив и соблазнен пьесами Пираделло. Поль Ребу был обруган итальянской критикой. Жюлинона не читал, его «Путь к славе» — неплохо, но лишь потому, что «экзотика».

В общем современная литература на Западе лично мне кажется серой, скучной, несмотря на ее попытки «встать ближе к жизни»,

неудачные даже у таких людей, как Дю Гар, Мак Орлан, Дюамель, Таро и еще некоторые. Повторяю, — современ(енного) рус(ского) читателя я вижу неясно, но все же мне кажется, что для него и полезней, и приятнее были бы такие старые книги, как «Последний день Помпеи» Бульвера, «Старый дом» Эисворта, «Повесть о двух городах» Диккенса, «Парижские тайны» Сю, «Собор Париж(ской) Богоматери», «Сен Маро», «Айвенго» и. т. д.

Прочитав присланные Вами книги — напишу еще, а теперь позвольте просить Вас прислать мне «Бориса Годунова»⁶ — Пресникова или Платонов автор? Не помню. И — «Ивана Грозного»⁷.

Получили Вы «Дело Артамоновых»? Послал я мае.

Будьте здоровы. Сердечно благодарю за книги еще раз.

А. Пешков

Sorrento
17. VII. 26.

- ¹ Паль Ребу. Маленькая Панакода. Л., изд-во «Время», 1926.
² Жозеф Жюлипон. Случай в Корнесско. Л., изд-во «Время», 1926.
³ Сомерс-Фермер. Якобозка. Л., изд-во «Время», 1926.
⁴ Стефан Цвейг. Жгучая тайна. Л., изд-во «Время», 1926.
⁵ Оливия Уэдсли. Пламя. Л., изд-во «Время», 1926.
⁶ Альбер Эрландр. Преступление и его оправдание. Л., изд-во «Время», 1926.

⁷ Ю. Гирш. Успехи организации американского хозяйства. Л., Изд-во «Время», 1926.

⁸ Рамон Радига. Мао. Л., изд-во «Время», 1926.

В Архиве А. М. Горького сохранилась следующая заметка Горького об этой книге: «Рамон-Раймонд Радигэ, Raymond Radiguet „Le Bal du comte d'Orgel“».

Книга, доказывающая, как даже при очень сильном желании француз трудно написать целомудренный роман. Автор хотел заслужить одобрительное слово Анри де Ренья, но боялся пролитической утомленности Анатоли Франса.

⁹ Вероятно, речь идет о книгах Стефана Цвейга «Амок» и «Жгучая тайна» — обе вышли в издательстве «Время» в первом полугодии 1926 г.

¹⁰ Жюль Баррейр. Слепой корабль. Л., изд-во «Время», 1926.

¹¹ Н. Осиповский. Мои замечания о Союединенных штатах Северной Америки. М., изд-во «Правда» и «Беднота», 1926.

¹² С. Ф. Платонов. Борис Годунов. Пг., изд-во «Огни», 1921.

¹³ С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Берлин, изд-во «Обелиск», 1924.

8

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Кисловодск, 9 августа 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Мне переслали сюда Ваше письмо от 17-го июля. Я очень огорчен, что предыдущего Вашего письма я не получил. Не было и книги «Дело Артамоновых». Я, в частности, не получил ответа на

вопрос о том, когда именно кончается Ваш договор с Госиздатом: в 1926 или 1927 гг.? Черкните, пожа^луйста, об этом пару слов. Пишите лучше заказными письмами.

Указанные Вами книги «Борис Годунов» и «Иван Грозный» высланы Вам из Ленинграда.

Соображения Ваши в Вашем последнем письме совершенно правильны: многие из новых вещей, конечно, уступают прежним и весьма вероятно, что новому читателю было бы полезнее прочитать кое-что из старых книг. Теоретически это правильно, а практически ищут «новинок».

Я уверен, что лучшая старая книга будет хуже читаться любой новой, хотя бы и среднего качества книги. В итоге не знаешь, что издавать, тем более, что публике не всегда правится лучшее, наиболее художественное.

Я сейчас в Кисловодске, лечу сердце. К началу сентября буду обратно в Ленинграде. Буду рад получить от Вас к тому времени письмо, узнать, как Ваше здоровье и самочувствие. Работаете ли Вы сейчас над чем-нибудь?

Будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

9

ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬСТВУ «ВРЕМЯ»

(Сорренто, 1 сентября 1926 г.)

Дорогой Илья Владимирович, —

не найдете ли Вы возможным издать роман Орлова¹, вещь написанную весьма интересно и «фабульно», на что, кажется, есть спрос?

Рукопись посылает Вам жена автора, она же расскажет Вам, кто он.

Всего доброго. Скоро напишу Вам о прочитанных книгах.

А. Пешков

1. IX. 26.

Sorrento

¹ Николай Афанасьевич Орлов (1889—1926) — журналист. Заграничный корреспондент газет «Советская Сибирь» и «Тихоокеанская звезда».

Речь идет о романе Орлова «Диктатор». Роман в России не был опубликован.

В Архиве А. М. Горького находятся письма Е. Орловой — жены Н. А. Орлова, написанные после скоростной смерти мужа в марте 1926 г., из которых видно, что Горький читал роман Орлова и дал о нем положительный отзыв.

(Сorrento, 2 ноября 1926 г.)

Дорогой Илья Владимирович, —

Сегодня получил Ваши книги¹, сердечно благодарю.Очень удачна — и не только на мой взгляд — серия научных, действительно «занимательных» книг².Из прежних посылок славная вещь «Папакода» П. Ребу, хорошо он сделал Неаполь. Жолинон — неудачная попытка найти новую форму для бытового романа, над этим безуспешно старается и Мак-Орлан. Не понравилась, конечно, Рикарда Гух³. Сомерс-Фермер — скучно и удивительно слащавый перевод: «цветочек», «сверевочка», «печечка», «водочка» и «бурские республики, население которых состоит из буров». Переводит, вообще, отчаянно.О С. Цвейге напишу отдельно, когда прочитаю его новую книгу⁴. Это очень талантливый писатель и, видимо, прекрасный человек.Мой контракт с Госиздатом кончается в июне 27-го года. Но едва ли в этом году я сумею дать Вам что-либо, потому что пишу большую книгу «Сорок лет»⁵ и не вижу, когда кончу ее.

Спасибо Вам за то, что не забываете меня.

Желаю всего доброго.

А. Писаков

2. XI. 26.

¹ Андия Езерская. Гнет поколений. Л., изд-во «Время», 1926. Перевод с английского. М. Волохова.

Стефан Цвейг. Смысл жизни. Л., изд-во «Время», 1927 (1926)*.

Эрнст Цап. Фрау Сикста. Л., изд-во «Время», 1926.

Клод Фаррер. Маскарад. Л., изд-во «Время», 1926.

Клема Вютель. Я ужасный буржуа. Л., изд-во «Время», 1926.

Горас Ван Оффель. Яванская роза. Л., изд-во «Время», 1927 (1926).

Свенгер Льюис. Мексика. Л., изд-во «Время», 1927 (1926).

С. П. Белопольский и Г. А. Дюверноа. 75 уроков гимнастики. Л., изд-во «Время», 1926.

Мэж Керди. Физическое воспитание. Л., изд-во «Время», 1926.

² Речь идет о серии «Занимательная наука».³ Рикарда Гух. Дело доктора Деруги. Перев. с немецк. П. С. Берштейна и Т. Н. Жирмунской. Л., изд-во «Время», 1926.⁴ В № 2 журнала «На литературном посту» за 1927 г. была помещена рецензия на эту книгу за подписью «Аль».⁵ «Смысл жизни».⁶ «Жизнь Клима Самгина».* Книжки, обозначенные 1927 (1926) годом, вышли в последнем квартале 1926 г. — *Ред.*

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬФСОНУ

(Сорренто, 12 ноября 1926 г.)

Дорогой Илья Владимирович, —

книжка С.Цвейга — подлинное искусство, а «Смятение чувств» — вещь классически-прекрасно сделанная. Нужно обладать очень мощным талантом для того, чтобы, взяв столь экстравагантную тему, рассказать ее так убедительно, так человечески мягко. Талант Цвейга растет мощно, и мне кажется, что он, Цвейг, способен написать потрясающие книги. Он прислал мне русский перевод книги и я уже ответил ему, очень хваля¹.

Эрих Цан — очень плохой Гауптман и — старый Гауптман. На его тему немцы писали много и — некоторые — не так скучно. Очень милая вещь «Иванская роза» Ван Оффеля. Интересен Синклер Льюис, но столкновение «высоколобого» с «низколобым» — современная американская драма — разработана им грубовато. Хороша женщина². Роман Езерской — интересен, но писательница не талантлива, и заголовок «Гнет поколений» слишком громко звучит для книги, написанной на излюбленную американцами С. М. тему: «энергия — все преодолевает». Но в результате «преодолений» появляются такие люди, как Гольдштейн «низколобый», который хвастается тем, что на него работают «люди с университетским образованием», и он может их, в любой момент, вышвырнуть вон³. Американская идеализация энергии — штука плоховатая и требует — для русского читателя — распространенных пояснений. Вот только-что сейчас ушел от меня «высоколобый», сказав: «В Америке все сыты и больше ничего не хотят. Мы, американцы, самый безнадежный народ». Впрочем, я плохо понимаю: что нужно всеядному русскому читателю наших дней? Обращаясь к любезно присланным Вами книгам, скажу, что на сей раз подбор их очень интересен, а издание Цвейга — заслуга и праздник. Недавно послал Вам две книжки французов и одну итальянца⁴, посылаю еще две, а также рукопись перевода английского романа, м. б., Вам годится? Перевод, видимо, плохой и требует редакции. Я его не читал, но, говорят, роман забавный, — «фабульный»⁵. Переводчиков здесь — батальоны.

Будьте здоровы, И. В., и еще раз — спасибо! «Занимательные» науки, — действительно занимательны! Как они идут у Вас? Читает ли их молодежь?

Жму руку.

А. Пешков

12. XI. 26.

Часть письма опубликована в VIII томе Архива А. М. Горького «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». (М. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 46.)

¹ Стефан Цвейг. Смятение чувств. Л., изд-во «Время», 1927 (1926).

9 ноября 1926 г. Горький писал Цвейгу: «Сегодня я получил Вашу книгу, дорогой Стефан Цвейг, сердечно благодарю Вас за внимание и подарок, ценный для меня. — Книгу я прочитал уже раньше, мне прислало ее издательство «Время», где работает мой знакомый, Илья Вольфсон. Могу сказать Вам, что перевод сделан тщательно, вполне литературным языком; чувствуется, что особенности Вашего стиля понаты и воспроизведены со всей возможной точностью. Это дает мне право смело говорить о достоинствах оригинала...» (АГ).

² Речь идет об Алиерне — единственном женском образе, выделенном в романе Спенкера Льюиса «Ментран».

³ Макс Гальдштейн, один из персонажей романа «Гнет поколений».

⁴ Андре Шанесси «Разбойник Ру» и Кросби Гарстин «Совиное гнездо». Книги в России не издавались.

⁵ О каком романе идет речь не удалось установить.

12

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 8 декабря 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Благодарю Вас за Ваши подробные письма от 2 и 12 ноября. Простите, что несколько замедлил ответом. Я уезжал в Москву и был чрезвычайно занят.

Мы всегда с большим интересом читаем Ваше мнение об изданных нами книгах. Книг хороших очень немного. Хотя принимаем книги к изданию с большим выбором, тем не менее попадаете часть книг и менее удачных. Одновременно с этим письмом посылаем Вам 11 книг, вновь вышедших в свет после отправки моего последнего письма. Из посылаемых книг хвалят здесь книги: Голсуорси «Темный цветок», Фэвра «Тум», Эстонье «Вещи видят», Стриблинга «Тифтадоу». Имела большой успех маленькая книжка Цвейга — «Страх» (из ранее написанных им новелл).

Мы получили от Вас две рукописи: одну — перевод с английского и другую — с французского и одну английскую книгу. Мы их отдали для отзыва, но получении которого напишу Вам о каждой книге в отдельности. Французских и итальянских книг мы пока от Вас не получили.

Очень меня обрадовала Ваша оценка книги и таланта Цвейга. И мне он кажется одним из самых интересных современных авторов. Его новеллы очень красивы и убедительно правдивы, естественны. Он тонкий психолог. Мы, с согласия Цвейга, решили издать собрание его сочинений. Биографию, по его же, Цвейга, указанию, напишет за границей критик Шпехт. А вот к Вам, Алексей

Максимович, такая просьба: т. к. Цвейга еще мало знают в России, не откажите, пожалуйста, написать хотя бы небольшое предисловие или вступление к собранию сочинений, в котором сможете сказать русскому читателю несколько слов о Цвейге. У Вас это отнимет совсем мало времени, а для собр(ан)ия сочинений это важно. Гонорар за предисловие переведем Вам в размере по Вашему указанию. Мы хотели бы, чтобы собр(ан)ие сочинен(ий) Цвейга было бы издано во всех отношениях возможно качественнее, и с этой точки зрения очень хотели бы, чтобы ему предшествовало именно Ваше предисловие, тем более, что Вы такого высокого мнения о таланте Цвейга. И уже попутно еще просьба: т. к. одна книжка («Амок») уже набрана, не откажите, в случае высылки Вами предисловия, протелеграфировать за наш счет: «Время», Ленинград, выслано. Горький».

Вчера в местной «Вечерней Красной газете» появился фельетон о Цвейге, который посылаю Вам при сем¹.

Мне было приятно читать Ваш отзыв о нашей серии «Занимательная наука». На создание этих книг мы потратили массу труда. Хотелось их сделать действительно занимательными при сохранении их полной научности. Мы заботились также и о технике издания, чтобы книги были приятны. Труд не пропал даром: книги имеют успех. Они являются единственными в своем роде. Но новое несчастье — Главлит, проводя типизацию, лишает нас права продолжать эту серию. Мы добиваемся разрешения на ее продолжение, т. к. слишком много труда потратили на ее создание и вряд ли целесообразно отказываться от работы, которая является культурной и полезной. Ведь, неизвестно, появится ли другая такая серия научно-популярных книг, если нам пришлось бы прекратить издание их.

Раз Ваш договор с Госиздатом кончается только в июне 27-го года, то пока, конечно, ничего нельзя сделать. Но нельзя ли все-таки издаться, Алексей Максимович, получить от Вас к изданию, когда Вы кончите, Вашу новую книгу «Сорок лет»? Я был бы бесконечно рад этому, а Вы вряд ли что потеряете от этого. Вы можете заранее быть уверены в самом внимательном нашем отношении к тщательности издания. Вряд ли будут у нас расхождения и в вопросе гонорара. Серьезно, очень хотелось бы выпустить что-нибудь из вновь написанного Вами.

С нетерпением жду Ваших писем. Не забывайте меня.

Будьте здоровы, Алексей Максимович! Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий и преданный Вам

ИВ

Спешной почтой

¹ Р. К у л д з. Литературные слуги Запада, Стефан Цвейг. «Красная газета», вечерний выпуск от 7 декабря 1926 г.

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬФСОНУ

(Сорренто, 15 декабря 1926 г.)

Посылаю Вам, Илья Владимирович, заметку о Цвейге¹; переписать некогда было; возвратите мне рукопись. Написал — плохо, знаю; едва ли Вам понравится, но — я так загружен работой и корреспонденцией, что, право, не мог сделать лучше. И — горю. Работаю, почти непрерывно, по 10—12 часов в сутки.

Если Вы не пожелаете зачислить гонорар в счет книг, Вами так любезно присылаемых, то, пожалуйста, переведите его по адресу:

Украина. Город Черкассы.

Улица Свердлова, 21

Всеволоду Березницкому.

Посланные мною Вам книги:

A. l'Seraxens. Beni l'roi de Paris и *Lucien Romier L'homme blessé* — возвращены мне русской почтой.

Обращаю Ваше внимание на любопытнейшую книгу: *Dr. Leopold Kühn «Wir Frauen»*. Berlin 22.² издательскую фирму забыл. Кюн — «гинекократа», это новое движение и, кажется, с хорошим будущим.

На эту же тему есть книга *Margarete Weinberg*³ что-то об «утопиях», ее очень хвалил мне один немецкий профессор.

Очень огорчен, что «Занимательная наука» встретила препятствия к дальнейшему росту. Это — глупо и грустно.

Всего доброго.

А. Пешков

15. XII. 26.

¹ Речь идет о предисловии Горького к Собранию сочинений Стефана Цвейга (см. т. I. Л., изд-во «Время», 1927).

² Leopold Kühn. *Wir Frauen* (Женщины Кюна. Мы женщины. Берлин, 1922).

³ Margarete Weinberg. *Das Frauenproblem im idealstaat der Vergangenheit und der Zukunft. Ein Streifzug durch das Wunderland der Utopisten*. (Маргарита Вейнберг. Женская проблема в идеальном государстве прошлого и будущего. Путешествие по чудесной стране утопистов. Лейпциг, 1925).

ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬСТВУ «ВРЕМЯ»

(Сорренто, 16 декабря 1926 г.)

Выслано¹

Горький

¹ Предисловие к Собранию сочинений Стефана Цвейга.

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 27 января 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Простите меня, что будучи очень занят (я дополнение я еще несколько дней болею), я с опозданием отвечаю на Ваше письмо от 15 декабря. Большое Вам спасибо за присланное предисловие к собранию сочинений Цвейга. Не знаю, почему Вы недовольны предисловием. Вы правильно подчеркнули в нем то исключительное уважение к женщине, которое чувствуется в произведениях Цвейга, а также его изумительно бережное отношение к человеку.

Согласно Вашему желанию возвращаю Вам рукопись. В ней 4069 типографских знаков. Гонорар в размере 100 рублей мы перевели по указанному Вами адресу. (...)

Цвейг также прислал нам небольшое предисловие к русскому изданию¹. Копию его при сем прилагаю. Он выразил большую радость по поводу того, что именно Вы написали предисловие к его произведениям. Ждем на днях еще критико-биографической статьи Шпехта из Вены. В феврале надеемся выпустить первые два тома, которые будут пополнены новеллами, не попавшими в прежние издания.

Вы, к сожалению, ничего не ответили мне по поводу Вашей собственной книги. Как Вы полагаете ее издавать: по окончании всей книги или частями. Не поручите ли Вы издание этой книги нам. Постараемся в пределах физической возможности сделать это хорошо. Я уже не говорю о том, что мне было бы чрезвычайно приятно Вас издать. Напишите мне, пожалуйста, об этом, Алексей Максимович.

Спасибо за обращение внимания на книгу Кюн. Я ее выписал из Германии. — Письмо наше от 8 января Вы, наверное, получали. Оба присланных Вами романа нам, к сожалению, пришлось вернуть. — Как Вы нашли наши книги, высланные Вам в декабре. Одновременно с этим посылаем Вам выпущенные после того восемь книг.

Благодарю Вас за сочувствие по поводу серии книг «Занимательная наука». Собираюсь в Москву, чтобы выяснить дальнейшую судьбу этой серии.

Как себя чувствуете, Алексей Максимович? Не отражается ли такая усиленная работа на Вашем здоровье? Берегите себя.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно преданный Вам

И. Вольфсон

¹ Собрание сочинений Стефана Цвейга вышло с предисловием автора, предисловием М. Горького и критико-биографическим очерком Шпехта (см. т. I. Л., изд-во «Время», 1927).

(Сорренто, 7 февраля 1927 г.)

Очень неловко мне пред Вами, дорогой Илья Владимирович, но не могу я ответить ни да, ни нет на Ваше предложение издаваться у Вас, не могу, потому что поставлен в глупую позицию человека, который не знает свободен он или нет? Мой договор с Госиздатом, кончается, как я говорил, в июне т(екущего) г(ода), частным образом я извещен, что Госиздат, пользуясь правом возобновить договор, предполагает будто бы выпустить до июня второе издание моих книг. Официального подтверждения этого слуха не имею, хотя запрашивал. П. П. Крючков, ведущий мои дела с Госиздатом, все еще в Берлине, в России он будет не ранее марта, тогда уж я буду «все» знать. Но, я думаю, Вы сами могли бы узнать правду о втором издании, спросив об этом Илью Груздева¹.

Книги, посланные в декабре, еще не все прочитал, среди них хороши: рассказы Вальдо Франка, японский роман — Аришима, интересна книга Эриксона и «Тум» Фэира². Очень слабы английские авторы, вообще английская литература удивительно слаба; о ней, — при посредстве М. И. Будберг³ прекрасно знающей ее и внимательно следящей — я имею возможность судить.

Кроме книги Э. Кюн, на ту же — гинекократическую — тему вышла книга Margarete Weinberg, титул я забыл. Ее очень похвалил «Руль» и мне похвально писали о ней знакомые из Берлина. Спасибо, что послали деньги в Черкассы. Разумеется их для меня — вполне достаточно.

Цвейг написал очень умное предисловие, какой он вообще хороший человек!

Послушайте; почему бы Вам не перенести Джерома Клапка Джерома «Трое в одной лодке» и еще две, три его книги? У нас есть хорошие переводы, писатель он веселый и — настоящий. Не плохо бы издать «М-ме Бовари», «Саламбо», «Разгром» Золя, «Тартаревы» Дюде, Старо? Да, но ведь хорошо и — это надо знать. А то молодые литераторы, читая западных современников своих, пишут мне самонадеянно: «Мы — лучше, талантливее», да и читатели тоже впадают в патристический раж: «Наши лучше!».

Примите мой сердечный привет и спасибо за книги.

А. Пешков

7. II. 27.

Sorrento

¹ Петр Петрович Крючков (1889—1938) — секретарь Горького.
Илья Александрович Груздев (1892—1960) — писатель, литературовед, подготовивший несколько собраний сочинений М. Горького.

² Уолдо Ф р а н к. Перекресток. Л., изд-во «Время», 1927.

Томас Аришима. Эта женщина. Л., изд-во «Время», 1927. Перев. с франц. Г. П. Блока.

Густав Эрикссон. Бродячая Америка. М.— Л., изд-во «Земля и фабрика», 1927.

Луи Фавр. Тум. Л., изд-во «Время», 1927.

² Мария Игнатьевна Будберг (рожденная Закревская, р. 1892) — секретарь-переводчица Горького.

17

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬФСОНУ

⟨Сорренто, 8 февраля 1927 г.⟩

Дорогой Илья Владимирович,—

А. Реубени, еврейский литератор, живущий в Палестине, написал роман на древнееврейском языке «Опустошение»¹; время — Палестина до и во время войны. Он хотел бы видеть роман этот переведенным по-русски. Для ознакомления с романом может прислать Вам две, три главы русского перевода. С его манерой писать Вы можете ознакомиться по книжке «Стихия», изданной Госиздатом в серии «Современной иностранной библиотекы», редакция П. Когана. На книжке фамилия автора напечатана неверно: Рувейни, а надо — Реубени². Его адрес: Beth-Hakerem, Jerusalem, Palestina.

Палестинцы говорят о романе очень похвально.

Прилагаю перечень нескольких книг, англ<ийских> и франц<узских>, имеющих «хорошую прессу». Джером — не все новинки.

Привет.

А. Пешков

8. II. 27.

S(orrento)

¹ Роман А. Реубени «Опустошение» не был издан в России.

² А. Рувейни. Стихия и др. рассказы. М., ГИЗ, 1923.

18

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 25 сентября 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

⟨...⟩

Будучи летом в Москве, я повидался с Крючковым специально по поводу Ваших произведений и был очень огорчен, когда узнал, что мы опять не можем Вас издавать благодаря возобновлению Вами договора с Госиздатом.

Т. к. я давно не писал Вам, то не спросил Вас, как Вы нашли выпущенные нами 3 тома собр(ания) соч(инений) Цвейга. Напишите, пожалуйста! Мы готовим 4-й и 5-й том. Очень он мне нравится, Цвейг. Интересный он психолог и чувствуется в нем большое благородство.

Обычно мне не удается самому прочитать все книги, даже изданные нами. Сейчас, во время лечения, мне удалось читать больше обычного. Поправились мне из последних книг: книга Истрати «Нерантсула», Дюшена «Рек-ба», Ла-Мазьера «Меня пышно похоронят» и Фербер «Три Шарлотты»¹. Читаете ли Вы наши книги? Каково Ваше мнение о них? Мы выпустили в этом году довольно много книг, которые в общем имеют успех. Уделяем много внимания и технике издания. В начале этого года в Академии художеств была графическая выставка. Мы в ней участвовали и получили диплом за художественное оформление книги. Участвуем сейчас и в Московской Всесоюзной полиграфической выставке.

Я также не сообщил Вам, что после долгих хлопот нам вновь разрешили к изданию серию «Занимательная наука». Мы переиздали «Занимательную геометрию и арифметику», котор(ые) выслали Вам, а сейчас печатаем «Зан(имательную) физику»², исправленную и обновленную. Получится интересная книга. По выходе вышлем ее Вам. Т. к. эта серия предназначена главным образом для молодежи, мы уделяем большое внимание тщательности издания книг этой серии.

Вчера в вечерней «Красной газете» была помещена заметка о том, что сегодня, 25 сентября, исполняется 35-летие Вашей литературной деятельности. От души поздравляю Вас, дорогой Алексей Максимович, и желаю Вам здоровья и бодрости для дальнейшей работы.

Не сердитесь, Алексей Максимович, что давно не писал Вам и время от времени пишете. Я всегда рад Вашим письмам и с интересом жду их.

Крепко жму Вашу руку и шлю Вам мой сердечный привет
Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

¹ Памит Истрати. Нерантсула. Л., изд-во «Время», 1927.

Фердинанд Дюшен. Рек-ба. Л., изд-во «Время», 1927.

Пьер Ла-Мазьер. Меня пышно похоронят. Л., изд-во «Время», 1927.

Эдита Фербер. Три Шарлотты. Л., изд-во «Время», 1927.

² Я. И. Перельман. Занимательная геометрия. Л., изд-во «Время», 1927; О и же. Занимательная арифметика. Л., изд-во «Время», 1927; О и же. Занимательная физика. Л., изд-во «Время», 1927.

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬФСОНУ

<Сорренто, 2 октября 1927 г.)

Получил книги; спасибо дорогой Илья Владимирович!

Конечно — рад, что «занимательные» книжки снова увидят свет. Показывал я их людям весьма ученым, — хвалят и завидуют. Здесь книги этого типа не в ходу, да и вообще здесь, — тихо с книгой, потому что исчез интеллигент.

Впечатление от предшествовавших этим книг у меня — тускловатое, м. б., потому, что я очень зачитался, устал. Из полученных сегодня — слышал восторженные отзывы о книге Жюльена Грин¹. Но — должен сказать, что русских «молодых» читаю более охотно, даже — с жадностью. Удивительное разнообразие типов у нас, и хорошая дерзость. Понравились мне — за этот год — Андрей Платонов², Зайицкий³, Фадеев⁴ и Олеша⁵. Не плоха книга Магра⁶, но — почему бы Вам не переиздать «Ипатию» Кингслэя? (Изд. А. Суворина «Дешев<ая> библиотека»). И обратите внимание на Переса д'Айяла, — кажется, я Вам писал о нем. Дюма, Дюма, Н. В., вот что станут читать, я уверен. «Три мушкетера» и пр... «Граф Монте-Кристо», «История». Это возбуждает интерес к чтению, более, чем что-либо другое. Эса де Кейрош, португалец, тоже был бы хорош.

Говорю так, слыша жалобы: «скучно читать, как живут обыкновенные буржуа». Желание необыкновенного всегда здоровое желание, а сейчас — более, чем всегда.

Жизнь вообще должна быть необыкновенной, тогда она идет быстро и не утомляет. Мы существуем в эпоху чудовищных скоростей, чудесных событий, чудес науки, но — все это как бы вне «быта» и не влияет на него. А «необыкновенная» книга, входя в быт, тренирует мозг и воображение к более глубокому пониманию чудес действительности. Право — так!

Еще раз спасибо! Крепко жму руку.

А. Пешков

2. X. 27.

Sorrento

¹ Жюльен Грин. Адриенна Мезюра. Л., изд-во «Время», 1927.² А. Платонов. Епифанские петухи. (Рассказы.) М., изд-во «Молодая гвардия», 1927.³ С. С. Зайицкий. Шестьдесят братьев. М. — Л., ГИЗ, 1927.⁴ А. Фадеев. Разгром. Л., изд-во «Прибой», 1927.⁵ Ю. Олеша. Зависть. «Красная новь» 1927, № 7—8.⁶ Морис Магр. Приключения из Александрии. Л., изд-во «Время», 1927.

Ленинград, 14 марта 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Простите, что давно не писал Вам. В повседневных заботах то о том, то о другом — как-то замотался. Одновременно с сим посылаем Вам заказными бандеролями 26 книг, выпущенных нами зимой. В их числе два новых тома собрания сочинений Стефана Цвейга: 4-й и 5-й. Последний состоит из легенд и миниатюр. Этот автор продолжает пользоваться у нас большим успехом. И он действительно интересен. Он, между прочим, недавно прислал нам новое исследование о Льве Толстом. Он прислал его нам на немецком языке в корректуре. Мы еще не успели с ним ознакомиться.

Из других книг интересна книжка Кальдерона «У предела»: небольшие перуанские рассказы — перевод с испанского. Имели успех у публики книги: Ларруи «Последний рейс Анемона», Энтин «Обетованная земля», Хиченс «После приговора»¹.

Посылаем Вам также последнее издание «Занимательной физики» в двух частях и новые издания «Занимательной ботаники», «Занимательной зоологии» и «Занимательной химии»². Мы уделяем много внимания этой серии «Занимательной науки» и хотим сделать ее максимально интересной, занимательной и в то же время научной. Мы готовим в этой серии «Занимательную минералогию», которую пишет академик А. Е. Ферсман.³ Несмотря на то, что тема, казалось бы, скучная, будет, кажется, интересная книжка. Готовим еще «Занимательную авиацию»⁴, «Занимательную географию»⁵, «Занимательную технику»⁶ и т. д. Когда книги выйдут в свет, пришлю их Вам для ознакомления. Хочется, чтобы получились хорошие книги, а для этого приходится много работать.

Если у Вас будут какие-либо замечания или указания по поводу выпущенных книг, я за них буду Вам, конечно, признателен.

Скоро наступает Ваше 60-летие. Шлю Вам, дорогой Алексей Максимович, мое сердечное поздравление и от всей души желаю Вам в течение многих лет той же бодрости, которой Вы отличались до сих пор. Ведь по Вашей бодрости, интересу и работоспособности Вы значительно моложе своих лет. Сохраните и впредь эту «молодость». Газеты пишут, что в начале мая Вы собираетесь в Россию. Так ли это на самом деле? Я был бы чрезвычайно рад познакомиться и побеседовать с Вами.

Всего лучшего. Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

¹ Вентуру Гарсия Кальдерон У предела. Л., изд-во «Время», 1928.
Морис Ларуи. Последний рейс Алемона. Л., изд-во «Время», 1928 (1927)*.

Мэри Энтон. Обетованная земля, вып. 2. Л., изд-во «Время», 1928 (1927).

Роберт Хиченс. После приговора. Л., изд-во «Время», 1928 (1927).

² Н. И. Перельман. Занимательная физика, кн. 1 и 2. Л., изд-во «Время», 1928.

А. В. Цингер, профессор. Занимательная ботаника. Л., изд-во «Время», 1928.

А. М. Никольский, профессор. Занимательная зоология. Л., изд-во «Время», 1928.

В. В. Рюмин. Занимательная химия. Опыты и развлечения из области химии. Л., изд-во «Время», 1928.

³ А. Е. Ферсман, академик. Занимательная минералогия. Л., изд-во «Время», 1928.

⁴ К. Е. Вейгелен. Занимательная авиация. Л., изд-во «Время», 1928.

⁵ С. П. Аржанов, профессор. Занимательная география. Л., изд-во «Время», 1929.

⁶ Вероятно, Вольфсон имел в виду книгу «Занимательная техника наших дней» В. В. Рюмина, которая вышла в 1930 г. в издании «Время».

21

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

〈Ленинград〉, 28 марта 1928 г.

Италия. Сорренто
Горькому

Издательство Время горячо поздравляет дорогого Алексея Максимовича, шлет искренние и лучшие пожелания¹

Вольфсон

¹ Поздравление с 60-летием.

22

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 6/10—28 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Стефан Цвейг, будучи в Ленинграде, просил переслать Вам изданную нами его книгу о Толстом¹, а также прилагаемую при сем его визитную карточку. Книга посылается одновременно бандеролью.

* Книжки, обозначенные 1928 (1927) годом, вышли в последнем квартале 1927 г. — *Ред.*

<...>

Сейчас я из «Красной газеты» узнал, что Вы на днях уезжаете за границу. Мне очень досадно, что мне не удалось повидаться с Вами. Если Вы не уезжаете в ближайшую пару дней, сообщите, пожалуйста, авось можно будет повидаться с Вами².

Во всяком случае шлю Вам сердечный привет и пожелания здоровья.

Крепко жму руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

P. S. Предисловие к книге о Толстом написано Стефаном Цвейгом в Москве во время его приезда в СССР на торжества по случаю 100-летия со дня рождения Толстого.

¹ Речь идет о VI томе собрания сочинений Цвейга, в котором был напечатан очерк Цвейга «Повесть своей жизни. Лев Толстой» с предисловием Цвейга, написанным в Москве 14 сентября 1928 г., и посвященном: «Максиму Горькому с благодарностью и уважением».

² 12 октября 1928 г. Горький уехал из Москвы в Сорренто.

23

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 17 ноября 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович,

<...>

Посылаю Вам вышедшие у нас за последнее время книги. Серия «Занимательная наука», задающаяся целью популяризировать знания в возможно более занимательной форме, постепенно расширяется нами и пользуется большим успехом. В течение последних месяцев мы выпустили следующие новые названия: «Занимательную минералогию» акад. А. Е. Ферсмана, «Занимательную авиацию» К. Е. Вейсберга, «Занимательные задачи» Я. И. Перельмана, а в этом месяце выпускаем «Занимательную географию» С. П. Аржанова. Большинство книг этой серии рекомендованы Главполитпросветом даже для сельских библиотек.

Что касается иностранной художественной литературы, то в этом году было как-то мало значительных произведений. Не отказываясь от издания отдельных книг, мы часть внимания уделяем изданию собраний сочинений. Как Вам известно, мы уже начали выпускать Собрание сочинений Стефана Цвейга. Мы уже выпустили 6 томов, готовим 7-й. В этом месяце у нас выйдет новое издание сочинений Цвейга. — Теперь мы решили издать также собрание сочинений Романа Роллана¹. В материальном отношении оно не может представить большого интереса, т. е. сочинения Роллана вряд ли могут рассчитывать на широкий сбыт, в частности,

благодаря своему объему, но Роллан — классик, его сочинения — настоящая литература, и несмотря на трудности, связанные с этим изданием, мы идем на это. Начнем с «Жана Кристофа», и после него выпустим, вероятно, или «Кола Брюньон», или «Очарованную душу».

В связи с этим начинанием мысли невольно обращаются к Вам. Вы много раз писали и говорили о Ромене Роллане. Вы писали о нем с такой теплотой и уважением. Вы так ценили его идеализм и мужество, что было бы совершенно естественно видеть первое в России собрание сочинений Ромена Роллана с Вашим предисловием. Поэтому я обращаюсь к Вам, дорогой Алексей Максимович, с просьбой написать предисловие к издаваемому нами собранию сочинений Ромена Роллана. В зависимости от того, располагаете ли Вы большим или меньшим количеством времени или в зависимости от Вашего желания предисловие может быть большего или меньшего объема — по Вашему усмотрению. <...>

Только я очень просил бы Вас, дорогой Алексей Максимович, не отказать в этом, т. к. я придаю большое значение тому, чтобы такое большое начинание, как Собр<ание> соч<инений> Ромена Роллана, имело именно Ваше предисловие. И еще просьба: если можно, не задерживать его. Мы сейчас разрабатываем проспект этого издания, и я был бы Вам признателен, если бы по получении этого письма Вы сообщили нам по телеграфу (адрес — Ленинград — «Время»), согласны ли Вы дать нам предисловие и когда можете его выслать?¹

Я познакомился с Цвейгом, когда он приезжал сюда на Толстовские торжества. Он интересный человек и чуткий психолог. К Вам он относится с большим уважением и любовью.

Как Ваше здоровье, Алексей Максимович?

Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

¹ Собрание сочинений Ромена Роллана начало выходить в 1930 г.

² См. следующую телеграмму.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ» — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 17 декабря 1928 г.

Прошу телеграфировать, когда предполагаете выслать предисловие Собранию сочинений Ромена Роллана. Привет.

Время

ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬСТВУ «ВРЕМЯ»

Сорренто, 18 декабря 1928 г.

Какой Ваш срок?

Горький

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ» — ГОРЬКОМУ

Ленинград. <19 декабря 1928 г.>

Первый том Роллана Вашим предисловием необходимо выпустить немедленно, поэтому очень просим выслать предисловие по возможности декабре. Телеграфируйте.

Время

ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬСТВУ «ВРЕМЯ»

Сорренто, 20 декабря 1928 г.

Декабре не могу.

Горький

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 21 декабря 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Только что пришла Ваша телеграмма о том, что в декабре Вы предисловия к собранию сочинений Ромена Роллана написать не успеете.

Целый ряд обстоятельств, главным образом формального порядка (ведь все издательства работают теперь по заранее утвержденному годовому плану), заставляет издательство торопиться с выпуском этого издания. Этим и объясняется наша последняя телеграфная просьба выслать предисловие, по возможности, в декабре месяце.

Как я уже говорил в предыдущем своем письме, мы придаем исключительно важное значение тому, чтобы Собр(ание) соч(инений) Романа Роллана вышло у нас именно с Вашим предисловием. Ваше согласие написать его чрезвычайно нас обрадовало. Поэтому, если в предложенный нами действительно короткий срок Вы не успеете написать предисловия, мы задержим первый том и подождем с выпуском его до получения от Вас предисловия.

Дорогой Алексей Максимович, лучше всего будет, если Вы назначите срок сами. Моя только просьба при этом — возможно ускорить присылку, т. к. дело это для нас действительно спешное. Только этим и объясняется, что мы позволили себе беспокоить Вас по телеграфу, на что, я надеюсь, Вы не сердитесь. Буду Вам благодарен, если протелеграфируете нам Ваше решение по поводу срока.

Посылаю Вам выпущенную нами еще одну книгу из серии «Занимательная наука» — «Занимательную географию» Аржанова. Эта серия доставляет нам большое удовлетворение. Посылаю Вам также шесть томов последнего издания Собр(ания) сочинений Стефана Цвейга. 6-й том (Казанова — Стендаль — Толстой) совершенно новый. Готовим 7-й том, в том числе очерк о Достоевском.

Буду рад, если черкнете несколько слов о том, как Ваше здоровье и как себя чувствуете.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

30

ГОРЬКИЙ — ВОЛЬФСОНУ

⟨Сорренто, 21 декабря 1928 г.⟩

Дорогой Илья Владимирович, —

должен отказаться писать о Роллане потому что все его и о нем книги оказались не здесь — в ящике, на чердаке, — а в Берлине, в моей библиотеке. Библиотека упакована в ящиках для отправки в Россию.

Понимаю, как это неловко вышло, да и хотелось бы написать о Роллане но — невозможно же писать, закрыв глаза. На его книгах отметки есть.

Вчера получил сведение о смерти Ю. И. Айхенвальда, убит автомобилем. Хотя я и был антипатичен ему, а — жаль, талантливый, знающий человек был.

Жму руку.

А. Пешков

21. XII. 28.

Письмо частично опубликовано в № 12 журнала «Вопросы литературы», за 1959 г. (стр. 245).

31

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 15 мая 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Узнав из газеты о предстоящем Вашем скором возвращении в СССР, я хочу просить Вас, не можете ли Вы проездом получить в Берлине Ваши материалы о Ромене Роллане, — отсутствие которых мешало Вам написать предисловие к русскому собранию сочинений. Выпуск в свет задержался, так что все же очень хотелось бы получить Ваше предисловие. Да это соответствовало и Вашему желанию.

Мы заключили договор с представителем Ромена Роллана, так что выпустим Собр(ание) его сочинений в качестве авторизованного издания.

Посылаю Вам только что вышедший в свет 7-й том Собр(ания) соч(инений) Стефана Цвейга, посвященный Ромену Роллану. Предисловие к этому тому написал Василий Алексеевич Десницкий.

Об остальном до скорого, надеюсь, свидания с Вами.

Крепко жму руку.

Искренно уважающий Вас

И. Вольфсон

32

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 5 июня 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Позвольте приветствовать Вас по случаю Вашего приезда на родину.

Очень хочу Вас повидать. Мне по делам издательства надо будет съезжать в Москву в ближайшие дни — во всяком случае до

15 числа¹. Пробудете ли Вы в Москве до того времени, и как условиться с Вами о свидании? Буду Вам признателен, если черкнете об этом пару слов.

Предполагаете ли Вы быть в Ленинграде и когда именно? Крепко жму Вашу руку.

И. Вольфсон

¹ 31 мая 1929 г. Горький приехал из Сорренто в Москву. До 17 июня находился в Москве, 17 июня выехал в Ленинград.

33

ВОЛЬФСОН — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 14 октября 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович, благодарю Вас за присланную статью о Ромене Роллане. Мы сильно продвинули подготовительную работу по выпуску первых томов Собрания сочинений Роллана и надеюсь, что в скором времени они уже появятся в свет. Делаем все от нас зависящее, чтобы получилось во всех отношениях тщательное издание¹.

Также готовим к выпуску следующие тома Собрания сочинений Стефана Цвейга, в том числе книгу о Фоме², недавно полученную нами от Цвейга в корректурном виде.

Одновременно с сим посылаю Вам наши новинки в области художественной литературы (Глезера, Зудермана, Гексли и Хейворда)³, а также две новые книги из серии «Занимательная наука» — «Занимательную метеорологию» Святского и Клады и 2-е издание «Занимательной минералогии» акад. Ферсмана. Как Вы находите эти книги? Мы уделяем много внимания этой серии и готовим следующие выпуски: «Занимательная техника в прошлом», «Занимательная техника наших дней», «Занимательная физиология». Эта серия должна в популярной и занимательной форме дать действительно научные данные постепенно из всех областей знания. Как увидите из каталога, книги этой серии рекомендованы почти по всей линии.

Я был очень огорчен, что летом мне не удалось повидаться с Вами ни здесь, ни в Москве, несмотря на мои попытки в этом направлении. Я не видел Вас много лет и, конечно, очень хотел бы повидать Вас, тем более, что в прошлом году не видел Вас.

Крепко жму руку.

Искренне уважающий Вас

И. Вольфсон

¹ Собрание сочинений Романа Роллана готовилось издательством с особой тщательностью. Был создан специальный совет, утверждавший перевод-

чинов и проверявший качество перевода. Как пример можно привести специальное заседание, посвященное обсуждению методики перевода «Пола Брюно» с участием Луначарского 4 мая 1931 г. (см. приложение). Сам Роллан очень внимательно следил за изданием. Юридическим представителем его был А. Г. Пертвик. За качеством переводов следила М. П. Кудашева. К работе над изданием была привлечена Государственная Академия художественных наук (ГАНХ) во главе с президентом П. С. Коганом, бывшим одним из редакторов издания. Гонорар за издание Р. Роллана передал на стипендии студентам Московского университета. Историю написания Горьким предисловия к собранию сочинений Р. Роллана см. в № 12 журнала «Вопросы литературы» за 1959 г. (стр. 244–247).

¹ Стефан Цвейг. Жозеф Фуше. Собр. соч., т. IX. Л., изд-во «Время», 1931.

² Эрнст Глэзер. Год рождения 1902. Л., изд-во «Время», 1929.
Герман Зудерман. В шестнадцать лет, Л., изд-во «Время», 1929.
А. Гексли. Сквозь разные века, Л., изд-во «Время», 1929.
Д. Хейворд. Нордич. Л., изд-во «Время», 1929.

34

БЛОК — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 23 июня 1930 г.

А. М. Горькому

Сорренто

Многоуважаемый Алексей Максимович,

Одновременно посылаем Вам заказной бандеролью первый том выпускаемого нами Собрания сочинений Романа Роллана. В этом томе Ваше предисловие. Заодно посылаем Вам и последние выпуски «Занимательной науки»: метеорологию, физиологию, технику в прошлом и технику наших дней. На очереди «Занимательная механика» Я. И. Перельмана.

Если выберется у Вас свободная минутка, будьте добры — напишите, что думаете об этих книгах. Особенно нетерпеливо ждем мы Вашего отзыва о первом томе Роллана: на эту книгу положено было много времени и трудов. Удовлетворяет ли Вас перевод и нравится ли внешность.

Шлем Вам сердечный привет.

Издательство «Время»
Г. Блок

Ленинград, 28 августа 1931 г.

А. М. Горькому

Москва

М. Никитская, 6.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Вопрос об экспорте советской книги за границу разрешен у нас, к сожалению, далеко еще не вполне и не удовлетворительно.

Мы экспортируем почти исключительно дореволюционные книги, разбавляя их очень небольшим количеством современных высокохудожественных изданий. В том и другом случае мы ориентируемся либо на читателя-эмигранта, либо на богатого библиофила.

Едва ли правильно ограничиваться этой более чем скромной, узкокоммерческой задачей и оставлять без внимания интересы широкого читателя-иностранца, не имеющего ни малейшего представления о том, какой путь пройден советской наукой и советской литературой за 14 лет революции.

Мы имеем в виду выпуск советской книги на иностранных языках специально для экспорта. Мы думаем, что наши издательства — в смысле выбора книг и в смысле качества перевода — сумеют выполнить эту задачу не хуже зарубежных. А задача это весьма значительная и политически и экономически.

В этой области сделано пока очень мало.

Госиздат выпустил в этом году одну книгу на немецком языке и потерпел, насколько мы знаем, довольно серьезную неудачу со сбытом ее за границей. Эта неудача была вызвана, вероятно, главным образом тем, что книга эта узкоспециальная (хирургия нервных тканей) и что внешность ее далеко не привлекательна.

Попытка нашего издательства поработать для экспорта окончилась пока тоже довольно неудачно: — мы выпустили на немецком языке хорошо известную Вам «Занимательную минералогию» А. Е. Ферсмана, имеющую несомненные шансы на успех за границей, снабдили ее предисловием большого немецкого ученого и популяризатора Р. Браунса, но эту книгу (образец ее мы прилагаем) — просто не выпустили на международный рынок. Нашу идею приветствовали и ВОКС и Наркоминдел, т. Литвинов, но председатель «Международной книги» посмотрел на дело иначе и отказался приобрести у нас книгу для экспорта. На этом дело пока и остановилось.

Эти уроки тяжелы и убыточны, но вопрос слишком серьезен, чтобы складывать оружие перед первыми же трудностями. Нет сомнения, что за границей наша экспортная книга встретит

дружный отпор со стороны иностранных книготорговых фирм. Нет сомнения, что наша книгоэкспортная агентура за границей работает еще недостаточно умело. Но нужно все-таки, по нашему мнению, наступать, а не отступать.

Нам кажется, что это новое большое культурное дело не может не привлечь Вашего внимания и потому мы как общественная книгоиздательская организация, кровно в этом деле заинтересованная, решаемся просить Вас, многоуважаемый Алексей Максимович, взять на себя инициативу и созвать широкое совещание для обсуждения возбуждаемого нами вопроса. Если Вы найдете возможным это сделать, то не откажите, пожалуйста, привлечь и нас к участию в этом совещании¹.

Председатель редсовета *Луначарский*
Члены редсовета: *Ольденбург, Ферсман*
Председатель правления *Раскин*
Зав. издат. отделом *Блок*

Дорогой Алексей Максимович,

Во-первых, пользуюсь случаем, чтобы послать Вам привет из Венеции. Во-вторых, по поводу этого письма. Я не знаю, есть ли смысл собирать по данному вопросу широкое совещание. По делу это хорошее, и сделают его люди из «Времени» крепко. А Вы могли бы поддержать это дело, где надо.

Крепко жму руку

А. Луначарский

¹ Книга Ферсмана не экспортировалась и разошлась в России.

Многоуважаемый
Алексей Максимович,

Стефан Цвейг предполагает приехать в сопровождении Франса Мазерелли в СССР. К его приезде и по случаю его пятидесятилетия мы хотим выпустить сборник избранных его новелл в таком приблизительно составе:

1) «Амок», 2) «Женщина и ландшафт», 3) «Письмо незнакомки», 4) «Улица в лунном свете», 5) «Двадцать четыре часа из жизни женщины», 6) «Страх», 7) «Закат одного сердца», 8) «Мендель-букинист».

На это издание нам уже отпущена превосходная бумага, и мы собираемся выпустить его довольно роскошно. В нем будет свыше

60 гравюр на дереве работы А. Кравченко, которого Цвейг, как нам известно, ставит очень высоко¹.

К Вам у нас две просьбы.

Прежде всего, не найдете ли Вы возможным написать для этого собрания предисловие, хотя бы очень короткое. Если же это Вас затруднит, то не разрешите ли повторить в нем то предисловие, которое Вы дали в свое время для выпускаемого нами Собрания сочинений Цвейга.

Кроме того, мы очень просим Вас высказать Ваше мнение относительно нашего выбора повести. Может быть, Вы посоветуете нам как-нибудь его видоизменить.

Нам хотелось бы познакомить Вас с нашими последними изданиями. Сообщите, пожалуйста, куда Вам их послать: в Италию, или по Вашему московскому адресу.

С коммунистическим приветом
председатель Правления *Я. Раскин*

¹ Сборник в издании «Время» не вышел. Задержка была из-за гравюр. В 1934 г. издательство было ликвидировано. Сборник избранных повести Цвейга с иллюстрациями Кравченко вышел в 1936 г. в издании Гослитиздата без предисловия Горького.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИЗ ПРОТОКОЛА РАСШИРЕННОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ КООПЕРАТИВНОГО ТОВАРИЩЕСТВА «ВРЕМЯ»

от 4 мая 1931 г.

С. Ф. Ольденбург, открывая совещание, указал, что в процессе работы в издательство возник целый ряд редакционных вопросов, по которым крайне ценно было бы выслушать мнение А. В. Луначарского. Издательство приняло рассматривать себя как лабораторию, как опытный участок, на котором пробуются различные методы редакционной и издательской работы. При своем маленьком масштабе издательство может позволить себе ту роскошь кропотливой работы, которая недоступна крупным массовым издательствам.

А. А. Смирнов сделал сообщение об издании собрания сочинений Романа Роллана. Издание это в значительной степени носит экспериментальный характер: не было, кажется, случаев, чтобы при жизни автора собрание его сочинений выпускалось в таком исчерпывающе полном объеме; во всяком случае, до известной степени и методы перевода и редактирования. В Полное собрание сочинений входит: 1) романы, 2) биографии, 3) драма, 4) истории музыки и 5) публицистика.

Полное собрание сочинений займет от 15 до 20 томов, около 20 листов каждый, всего около 350 печатных листов. Такого издания нет и во Франции. Объем издания предугадан автором, вообще все издание ведется в тесном контакте с ним.

По следующим ниже вопросам было бы очень ценно узнать мнение Анатолия Васильевича.

1. Объем издания. а) включать ли такие произведения как «Историю оперы» — диссертацию (22 печатных листа), вещь чисто интуитивную, эрудиционную; б) требует ли издания монография о художнике Фр. Милле,

вышедшая только на английском языке; и) то же об Эпизодосе(?) следует ли выдать книгу Жува о Ромеке Роллане (может быть, написать из нее разговоры и письма).

2. Порядок издания. У нас был намечен такой порядок: романы, биография, драмы, истории музыки и публицистика. Роллан предлагал после романов выпустить драмы, а потом уже биографию.

3. Публицистические произведения Роллана, охватывающие период времени с 1914 по 1919 гг. вышли во Франции в виде двух сборников. К осени текущего года Роллан предполагает подобрать новый сборник публицистических статей, где затрагиваются недавние события, вплоть до наших дней. В русском издании предполагается объединить все три сборника в один том. Ввиду громадного общественного интереса, который этот том вызвал бы у нас именно в настоящее время, не следует ли выпустить его раньше других, не дома, конечно, нумерации томов.

4. Не выпустить ли большую монографию о Бетховене (тоже не дома нумерации томов) раньше чем том биографий, где будет и краткая биография Бетховена?

5. Не вызывает ли возражений метод перевода? Нужна ли в настоящую точность, вплоть до сохранения абзацев, восклицательных знаков, кавычек, пробелов и т. д.? Роллан придает, по-видимому, особое значение этому вопросу единство своих произведений. Как передавать немецкие имена, разговорки? Как разрешить вопрос о примечаниях? Мы даем их очень умеренно, считаясь с тем, что и сам Роллан почти не дает примечаний.

С. Ф. Ольденбург, обращая внимание на необходимость тройной редактуры, находит это в данном случае вполне уместным. Правда, переводы выполняются весьма ответственными и высококвалифицированными переводчиками, но все же переводчик, разрабатывая отдельно каждый маленький участок перевода и увлеченный своей ювелирной работой, может незаметно для себя нарушить общее единство стиля. Обнаружить подобные погрешности не всегда легко, и в этом отношении принятый нами тройной стилистический контроль чрезвычайно полезен. Но помимо этого общего контроля, редакторы считают необходимым производить и детальную сверку перевода с оригиналом.

А. В. Луначарский заявил, что принципиально он против того, чтобы переводы пропускались через столь многочисленные редакционные фильтры (у семи нянек дитя без глаза), но раз в данном случае тройная редакция, как показал опыт, себя оправдывает, надо ее сохранить. В отношении порядка издания Анатолий Васильевич склоняется скорее к первому варианту, согласно которому перед за романами предполагается выпустить биографию, а после них уже драма. Можно, разумеется, сохранить нумерацию томов, выпустить в первую очередь те произведения, которые возбуждают больший общественный интерес и могут разойтись в большом тираже. Что касается Бетховена, то издавать надо обе книги, но в первую очередь желательно выпустить большую монографию. В собрание сочинений необходимо включить и новую книгу Роллана «Бетховен и Гёте», богатую новыми документами и письмами. В смысле внешнего оформления правильно возможно ближе придерживаться оригинала. Диссертацию «История оперы» А. В. Луначарский не советует выпускать. Вряд ли стоит отказываться от издания монографии о Фр. Шопе. Описание этой патетической жизни чрезвычайно интересно как доказательный документ против буржуазии. Книга Жува очень ценна, но печатать ее целиком в собрании сочинений Роллана нецелесообразно. А. В. Луначарский вполне присоединяется к предложению А. А. Смирнова поместить в конце издания приводимые Жувом разговоры и письма.

М. Л. Ломоносов сделал сообщение о принципах, положенных им в основу начатого им перевода «Кола Брюньон». «Кола Брюньон» написан прозой, сплошь и рядом переходящей в прозу ратмическую и рифмованную, причем эти рифмованные отрывки построены в стиле как бы прибауток. Наряду с несомненной рифмой, которую автор сознательно вводит как таковую, встречается в ряде случаев и рифма, так сказать «калупанная», возник-

какая-то случайно в силу распространенного во французском языке подбора окончаний. Переводчик должен ставить себе задачей передавать рифму рифмой походу, где несомненно ее наличие (хотя бы, иной раз и «разружал» систему рифм; например, систему из четырех одинаковых рифм передавал двумя парами рифм). В отдельных случаях поэтически не передавать рифму оригинала; но допустимы и «компенсации», т. е. введение рифмы там, где ее нет в оригинале, но где она вытекает естественно из строя фразы. Другими словами, переводчик не должен избегать произвольной рифмы и тех мест, где она уместна. Конечно, введение рифмы в русский перевод неизбежно ослабит лексическую точность перевода. Но такая незначительная жертва адекватности высшего порядка — более верной передачей всего строя речи, самой окраски повествования. Высказанные им положения доподлинно иллюстрирует примерами.

А. В. Луначарский, отмечая прекрасный перевод представленных М. Л. Лозинским отрывков, согласен, что передавать музыкальное оформление нужно вольно, избегая главным образом обобщен напечатлени. Все принципы перевода, высказанные Лозинским, Луначарский считает правильными и уверен, что перевод «Колы Вронзон», выполненный с таким виртуозным умением, будет отвечать всем художественным требованиям.

Г. П. Блок дополнил о состоянии работ по собранию сочинений Рюланда. Третий том вышел, четвертый том в верстке. Восемь томов закончены переводом, девятый том в работе у М. Л. Лозинского.

Я. И. Перельман знакомит совещание с работой по отделу «Занимательная наука». «Занимательная серия» насчитывает 20 книг: из них 5 по технике, 3 по физике и механике, 2 по химии и минералогии, 2 по астрономии и метеорологии, 1 по географии, 3 по естествознанию, 4 по математике. Обычными доказательствами достоинства серии являются: быстрота расходимости книг, прекрасные отзывы и печати и рекомендации Главлитпаросети. Особенность той популяризации, которая осуществляется серией, состоит в том, что книги серии привлекают внимание читателей не только к самому поразительному и грандиозному в науке, но и к ее будничной стороне, к ее основам. Достигается это тем, что обыденное и знакомое поворачивается с новой неожиданный стороны и тем становится для читателя свежим и интересным. Вторая особенность серии — тесная связь научного материала с практической жизнью, со всем, с чем читатель приходит в соприкосновение, не исключая и художественной литературы. Далее, в области точных наук серия не избегает математики, а, напротив, приучает к ней, прививает вкус к точному расчету. И, наконец, внимательное внешнее оформление книг, тщательность и продуманность иллюстраций также содействуют успеху популяризации. В дальнейшем намечен выпуск книг на следующие темы: «Занимательное земледелие», «Техника на транспорте», «Технология», «Наука на войне», «Мореплавание», «Земледелие», «Мореведение», «Геология», «Статистика». Ибо идти в ногу со временем, редакция хотела бы охватить и такие дисциплины, как сельское хозяйство, обществоведение и др. — но опасается, что обработка подобного материала в духе книг «Занимательной серии», пожалуй, была бы неуместной. Между тем отклонять и избегать этих тем нельзя, потому возникает вопрос, не выпустить ли параллельную серию по этим дисциплинам под другим названием.

Г. П. Блок сообщает, что серия «Занимательная наука» получила признание не только в СССР, но и за границей: в иностранных, в частности, в швейцарских, а затем и в немецких периодических изданиях появились не раз отрывки из книг серии, а в 1928 г. вся она целиком была издана Парижским Международным институтом интеллектуальной кооперации в список наиболее выдающихся книг, вышедших во всех странах мира. Вслед за тем некоторые из названных авторов (члены товарищества, академики А. Е. Ферман и Я. И. Перельман) получали от иностранных издательств предложения выпустить их книги за границей и в иностранном переводе. Все это, вместе

панное, навело издательство на мысль о выпуске некоторых книг серии собственными силами на иностранном языке для экспорта за границу.

В настоящее время перед издательством стоят следующие практические вопросы:

1. На какой язык переводить.
2. Что оставить из содержащегося в книгах специфически русского материала (примеры из нашей художественной литературы, из нашей индустриальной практики и т. п.).
3. Сохранить ли рисунки, заимствованные из иностранных изданий.
4. Не следует ли приносить редактора-иностранца, практически знакомого с новыми формами его языка.
5. Как перевести название серии, в частности слово «Занимательная».
6. Каком должно быть внешнее оформление книг.

А. В. Дунаровский отметил, что с серией «Занимательная наука» он знаком и признает весьма удачным как применяемый издательством метод популяризации, так и оформление серии. Что касается тем из области гуманитарных наук, то нет оснований их избегать, но к выбору их следует подходить с особой осмотрительностью. Так например, истории, политической экономии, социологии едва ли могут дать материал для книг «Занимательной серии», но нет никаких причин отказываться от обработки таких, например, областей, как сельское хозяйство (исключая скота) и вопросы коллективизации или как статистика. Нужно только и здесь не вдаваться, по возможности, в рассуждения позитивно-экономического порядка, что в рамках данной серии было бы действительно неуместно.

Мысль о выпуске этой серии для экспорта нужно приветствовать. Переводить можно и на немецкий и на английский языки. Если найти пути сбыта то английское издание серии может разойтись громадными тиражами и дать серьезный приток валюты в Союз. Специфически русским материалом перегружать книги не следует, и в этом отношении они потребуют издательского пересмотра. Вопрос о перепечатке рисунков из зарубежных изданий также нуждается в пересмотре, главным образом с точки зрения юридической, но избегание претензий со стороны иностранных издателей. Редактор-иностранец, конечно, необходим, но он должен располагать не только литературным, но и издательским опытом, чтобы иметь возможность учесть, какие вопросы вызывают особый интерес со стороны зарубежных читателей. Слово «Занимательная» ближе всего, пожалуй, переводится по-немецки словом «Unterhaltendes». Книжки следует оформлять высокохудожественно, но отнюдь не роскошно, ориентирясь на среднего малоимущего читателя, а не на богатого bibliофила.

С. Ф. Ольденбург со своей стороны добавил, что перевод серии на английский язык дал бы возможность связать с ней обширные круги людей не только Запада, но и Востока: Индия, Китай и Япония.

Г. П. Блок отметил, что новостка для неспециала, констатировал, что совещание, как и следовало ожидать, дало очень много.

В заключение **Г. П. Блок** отметил, что издательство при малых сравнительно масштабах своей деятельности представляет собой совершенно своеобразную общественную единицу, невиданную нигде в мире, кроме СССР, разновидность кооперации — издательскую артель, артель работников науки, литературы, книжной графики и издательского дела. За этой организацией уже больше восьми лет работы. Надо думать, что есть у нее и будущее. В области общегосударственной издательской, входящему во Всесоюзную систему промкооперации, обеспечено партийное руководство. Хотелось бы наладить руководство и в области редакционной. Издательство считало бы полезным, чтобы все наиболее крупные редакционные вопросы, приобретающие особую важность в период составления годового плана, подвергались премии от времени такому же широкому обсуждению, как это имело место сегодня. В этих целях издательство предполагает выделить из своей среды редакционный совет и решает просить Анатолия Васильевича войти

в состав членов артели и принять на себя председательствование в этом совете.

Я. Г. Раскин, поддерживая эту просьбу, отметил, что вхождение в издательство такого выдающегося партийного работника, как А. В. Луначарский, — соратника Ленина, имело бы не только огромное моральное и пропагандистское значение для издательства, но и крупнейшее политическое значение для всей промышленности.

С. Ф. Ольденбург, присоединившись к общей просьбе, заметил, что работа тов. Луначарского в Академии наук СССР все чаще и продолжительнее поддерживает Анатолия Васильевича в Ленинграде и что именно в периоды этих своих наездов Анатолий Васильевич и мог бы, вероятно, легче всего уделить издательству некоторую долю своего времени.

А. В. Луначарский ответил, что отнесшись с симпатией к издательству «Время», ценя его культурную деятельность и самоотверженную работу его членов, он согласен принять сделанное ему предложение, но просит учесть в виду, что в силу перегруженности прочей работой он будет иметь возможность уделить издательству сравнительно немного времени.

С. Ф. Ольденбург заявил, что издательство может таким образом считать А. В. Луначарского вступившим в состав членов издательства и в должности председателя редакционного его совета, вслед за чем объявил редакционное совещание закрытым.

Совещание началось в 13 ч. 05 м. и окончилось в 14 ч. 55 м.

(ИРЛИ, ф. № 42, ед. хр. 30).

ГОРЬКИЙ — НАРБУТ

Владимир Иванович Нарбут (1888—1946) — поэт. До Октябрьской революции принадлежал к группе анимистов. После революции выступал со стихами, приветствующими советский строй. В 1921 г. Нарбут вступил в Коммунистическую партию и некоторое время принимал активное участие в работе отдела печати ЦК РКП(б).

В период, к которому относятся печатаемые ниже письма, В. И. Нарбут руководил издательством «Земля и фабрика» («ЗиФ»).

Письмо Горького легло в основу статьи В. И. Нарбута «Читатель хочет романтизма» (см. «Журналист», 1925, № 10, стр. 15—16).

Издательство «ЗиФ» систематически посылало Горькому свои издания. В. Нарбут, Ф. Гладков, А. Серафимович, А. Новиков-Прибой и другие сотрудники издательства обращались к Горькому с просьбой руководить работой издательства и участвовать в альманахе «ЗиФ».

4

НАРБУТ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 7 августа 1925 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Несколько дней назад мы (т. е. наше «беллетристическое» надво)¹ послали Вам телеграмму с просьбой дать предисловие (размер которого предлагается на Ваше усмотрение) к выходящему вскоре (все 7 томов уже сданы в печать; один том даже в гранках) Собранию сочинений А. Неверова².

Ваше мнение о Неверове было бы тем более ценно, что этот писатель довольно охотно читается рабочей и общинтеллигентской аудиторией (повесть «Ташкент — город хлебный» А. Неверова выдержала 5 изданий и разошлась что-то около 40 тыс. экз.), чего нельзя сказать о других молодых русских писателях (книги Ал. Толстого, выпущенные Госиздатом 1½—2 года назад, преспокойно, например, лежат на полках магазинов).

Мы не посылаем Вам графок Неверова лишь оттого, что не уверены, дойдут ли они до Вас (кстати, если Вас не затруднит, сообщите нам, получили ли Вы те 25—30 наших «землефабричных» изданий, какие мы послали Вам в конце июня); кроме того, быть может, они и не нужны Вам, Алексей Максимович!

С нетерпением ждем от Вас ответа. В ближайшее время пошлем Вам (в рукописи) новую книжку рассказов (частично неопубликованных) И. Бабеля³ — с той же просьбой сказать два слова читающей братии и об этом писателе, так несправедливо и жестоко осуждаемом в настоящее время кое-кем из наших доморожденных критиков (напр., Осинским в «Правде»⁴ и «напостовцами» с знаменитым Семеном Родным во главе).

Вообще, несмотря на принятую ЦК резолюцию о художественной политике партии («Известия ЦИК» за первую половину июля, — Вы, вероятно, знаете эту резолюцию?)⁵, разброд литературных умов все еще продолжается. Я надеюсь прислать Вам № 8 «Журналиста» (по выходе его из печати), где Вы, Алексей Максимович, найдете так называемую писательскую анкету — мнения наших писателей об этой резолюции⁶. Чего-чего только нет в этих ответах. Вересаев и И. Новиков отрицают необходимость вообще какого бы то ни было вмешательства партии в литературные дела; другие приветствуют; третьи — наши «безумнодевые» (Чужак и т. п.) — требуют дискуссии. И т. д., и т. п. «Напостовцы» (потерпев известное поражение) просто скулят... Словом, литературные наши разногласия еще далеко не изжиты.

Между тем, настоящая рабоче-крестьянская литература так и прет наружу. Наше издательство невелико, но вот пример: в мае через нашу редакцию прошло (округленно) 150 рукописей, в июне — 175, в июле — около 200. Из них — 60% из провинции. Средний размер — 5—6 печ(атных) листов. Подавляющее большинство рукописей — беллетристика (это, по-видимому, объясняется тем, что 85% всей продукции «Земли и фабрики» — беллетристика). Конечно, почти 75% всех рукописей приходится отвергать, несмотря на искреннее желание наше помочь начинающему писателю. Однако, к чести себе, мы можем уверить Вас, Алексей Максимович, что ни одна рукопись нового писателя не остается у нас без тщательного просмотра (нередко 2—3 товарищей) и внимательного ответа. Я думаю, что книгоиздательства и журналы наши только так и должны работать; иначе они обратятся в чиновничье-безжизненные аппараты — средостения между писателем и читателем.

С осени думаем организовать при «Земле и фабрике» клуб для литераторов и учредить всесоюзный литературный конкурс на роман (с опаской идем на это!), повесть и рассказ. Каково Ваше, Алексей Максимович, мнение об этом? Пожалуйста, напишите мне и по сему поводу. Мы же думаем, что именно таким образом мы

теснее свяжемся и с писателем, и с активным читателем (который нередко — тот же начинающий писатель).

Еще об одном хочется поговорить с Вами. Опыт работы крупнейших наших издательств в области художественной литературы, за последние 2—2½ года, неопровержимо (цифрами тиража и требований в библиотеках) доказывает, что наибольшим спросом пользуются не современные молодые русские авторы (Иванов, Сейфуллина, Бабель и др.), а иностранные: Даже Лондон, Гейри, Дж. Конрад (очень модный сейчас), Сниклер — прощан и проходят 15—20-тысячным тиражом, и в библиотеках истрепываются нарядно, а наиболее ходкие из молодых (Сейфуллина, напр., или Леонов) еле-еле дотягивают до 7—8 тыс. (в среднем). Разгадка этой непопулярности (кстати, стихи сейчас почти совсем не идут) молодых русских писателей, мне думается, лежит в недостаточной их занимательности, душевности, в перегибе палки в сторону чисто внешних (формальных, стилистических) достижений, от которых читатели ни холодно ни жарко. Так ли это, не знаю, но то обстоятельство, что «Воскресение» Толстого и Ваши книги (еще издание «Знания»), по требованию в библиотеках, стоят на первом месте, — говорит, как будто, в пользу приведенного мне в голову соображения.

Ну, кончаю. Не осудите, что занял у Вас так много времени. Давно хотелось поделиться с Вами кое-какими мыслями, да 12—14-часовая работа (всякого рода) мешала взяться за перо.

Буду очень благодарен Вам, Алексей Максимович, за ответ.

Ваш В. Нарбут

Мой адрес: Москва, Кузнецкий мост, 13, изд-во «Земля и фабрика», Владимиру Ивановичу Нарбуту.

Р. С. Алексей Максимович!

Одобряете ли Вы идею задуманного нами выпуска «Библиотеки художественной литературы народностей СССР»?

Сюда по плану должны войти избранные произведения писателей Грузии, Украины, Армении, Азербайджана, Татареспублики и др.

Работа — трудная, но, мне кажется, нужная и благородная. Не ошибаемся ли мы?

В заключение — небольшой вопрос: стоит ли переиздавать кое-что из старого («Тайга», напр.) и издавать вообще Вяч. Шимкова?

Привет.

В. Нарбут

7/VIII

¹ Издательство «Земли и фабрики».

² А. С. Неверов. Собр. соч. в 7-ми тт. М.-Л., изд-во «ЗиФ», 1926.

³ По-видимому, речь идет о книге П. Э. Бабеля «Истории моей голубяти» (М.-Л., Изд-во «ЗиФ», 1926).

⁴ См. статью Н. Осенского «Литературный год» в «Правде» от 1 января 1925 г.

⁵ 18 июля ЦК РКП(б) принял резолюцию «О поднятии партии в области художественной литературы», которая напечатана в «Правде» и в «Известиях» 1 июля 1925 г.

⁶ «Журналист» — журнал теории и практики печати, орган Центрального и Московского бюро секции работников печати. Издавался нерегулярно с 1922 по 1933 г.

В № 8-9 и 10 «Журналиста» за 1925 г. под заголовком «Что говорят писатели о постановлениях РКП(б)» приводились высказывания писателей: Л. Леонидова, Ю. Либедиского, А. Новикова-Прибоя, Андрея Белого, В. Вересаева, Андрея Соболя, Ив. Новикова, Л. Авербаха, В. Шшловского, О. Брика, Н. Чукава, Ив. Асеева, Ал. Безыменского, Ф. Гладкова, Б. Пильника, Ал. Толстого, Б. Пастернака и др.

В «Известиях» от 22 июля 1925 г. опубликовано обращение «От Федерации советских писателей», в котором говорится, что резолюция ЦК РКП(б) «создает широкую базу для беспристрастного развития и объединения всей революционной литературы СССР».

2

ГОРЬКИЙ — НАРБУТУ

(Сorrento, 17 августа 1925 г.)

Уважаемый Владимир Иванович,—

Неверова я читал мало, а то, что читал, не нахожу значительным; поэтому: дать предисловие к собранию его сочинений не могу¹. «Ташкент» — вещь, конечно, не плохая, но, все-таки, это лишь честная работа, а не искусство, и «С мешком за смертью» С. Григорьевна² гораздо лучше «Ташкента».

Не нашу предисловия и Бабелю. Он достаточно веско, вполне убедительно говорит сам за себя, без всяких предисловий. Это — большой талант. Рычат на него? Этим ему не мешают, его с толка не собьешь. Да и вообще — теперь, ведь, не старое время, талант дорогу себе найдет³.

Относительно конкурса на роман я бы сказал так: искусственные, внешние подхлестывания молодых авторов не могут дать ничего хорошего. Можете быть уверены, что, работая на конкурс, молодежь бесполезно испортит много ценнейшего материала, к которому они, испортив его, уже не возвратятся. Таким образом погибает масса ценнейшего опыта.

Д. Лондона, Конрада и О'Генри читают охотнее, чем русских, потому, что они пишут «романтичнее», фабульнее и о незнакомом. Особенно плохо, что читают Генри⁴, это писатель ловкий, но не очень талантливый и он вреден, потому что внушает маленьким

людям надежды на случайное, но большое счастье. Продавщицы из магазинов выходят замуж за миллионеров, клерки женятся на богатых красавицах, все это очень утешительно, сентиментально и фальшиво. Но это — забавнее, искуснее рассказов Дорогойченко, Ярового, Волкова, Гаврикова и т. д.⁵ Затем: читатель хочет романтизма, это несомненно. Он требует, чтоб о знакомом ему рассказали интересно, познаваемо, чтоб в то, что он переживает и пережил было внесено нечто углубляющее, украшающее. Он видит, что современная действительность интереснее ее отражений в книгах и чувствует, что книги чего-то не договаривают, а некоторые кое-что замалчивают, скрывают. К противоречиям старого и нового у нас подходят неумело, изображают их грубо и слишком торопятся примирить их, но О'Генри примиряет хитрее, Конрад и Лондон делают это талантливей.

Из всего, что издано «ЗиФ», наиболее интересной является тощенькая книжка Лазарева. Этот, видимо, талантлив и пытается говорить своим языком, а не как М. Волков, слезливый напоминающий старого народника интеллигент, который подыгрывается под мужика, или легковесный Гавриков, или сухой Дмитриев.

Современный читатель пережил и знает не меньше Ярового, Логникова и т. д. Уместно поставить вопрос: для кого они пишут? Понятен Зириков, начитавшийся Вл. Иванова, но люди, которые плохо подражают Г. Успенскому — мне не понятны.

И — еще одно: слишком много деревни, изображаемой идилически. Кажется, что уже забыто существование налкое: революцию сделал и делает город. У молодых писателей чаще является героем деревенский парень красноармеец, а рабочий — реже. Неверно. И нехорошо.

Многokrатно использована тема противоречия коммуниста интеллигента с ком(мунистом) рабочим. Но совершенно обойдена тема противоречия коммуниста рабочего с коммунистом мужиком. Меня нельзя убедить в том, что этого противоречия — нет. Много пишется о деревенском труде и забыта поэзия городской работы, творчество рабочего.

Только у старого писателя Гумилевского⁶ в «Бабьей выдумке» взята верная нота. Литературу разных народностей лучше бы не трогать⁷. Не до нее. Предоставьте это историкам, ибо это вчерашний день. А книжкам Цветкова-Просвещенского, Артамонова, даже Луначенкова место в Истпарте⁸, а не у нас, в «ЗиФ».

Издавать ли Шинкова? Конечно — издавать. Это неплохой и грамотный писатель. И, безусловно, он честнее, искреннее Марка Криницкого. И нельзя, издавая болтовню Свицкого, сомневаться в праве Шинкова быть изданным.

Я бы издал и «Тайгу» и «С котомкой» — очерки, которые он печатал в «Красной нове».

Обратите внимание на Акулинина, — неплохой⁹.

Если же решите издавать литературу грузин, армян, татар

и т. д., — посмотрите сборники, изданные в 15—16 годах издательством «Парус»¹⁰. У — татар — казанских — интересен Гаиз Исхаков, хотя он эмигрант и «большевиков» не любит. Не плохи его пьесы: «Брачный договор» — («Алдам-бырдым») и «Три жены»¹¹. «Пелю» Сундукьяна переведен¹².

Ну, вот сколько я Вам вежливо написал. Может быть — годится?

Будьте здоровы! Будьте бодры духом.

А. Пешков

Р. С. Пожалуйста — присылайте новые книги все, если можно! Буду очень благодарен.

А. П.

Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

¹⁰ Об отношении Горького к творчеству Неверова см. статью «О возмеченных и начинающих». (Собр. соч., т. 24, стр. 361.)

¹¹ Горький с большим интересом следил за развитием творчества Григорьева, на протяжении нескольких лет (1925—1933) переписывался с ним (см. «Литературное наследство», т. 70, «М. Горький и советские писатели». М., Изд-во АН СССР, 1963). В письме от 11 октября 1925 г. Горький пишет Григорьеву: «От „Вассы“ через „С мешком“ до „Казарны“ — диапазон широкий. Это меня радует, ибо Вас, очевидно, хватает надолго и на многое» (стр. 128). См.: С. Григорьев и С. мешком за смертью (Железный путь). М. — Л., изд-во «ЭйФ», 1924; то же, изд. 2, 1925.

¹² Горький и в других случаях положительно отзывался о творчестве Вабеля. В письме от 22 февраля 1928 г. он писал Ромулю Роллану: «Этот человек очень крупного и красивого таланта — и человек строгих требований к себе самому. Его „Конная армия“ — ряд превосходно сделанных этюдов в стиле Гоголя — романтика и автора „Гараса Булыбы“ до „Ревизора“ и „Мертвых душ“. Вабель большая надежда русской литературы» (АГ).

¹³ В таком же духе Горький высказывался об О'Генри не однажды. В «Письме курским красноармейцам» он пишет: «Утешитесь, проповедники примирения с жизнью, враждебны мне, кто бы ни были: верующие в бога, или писатели, вроде америталца О'Генри». (Собр. соч., т. 24, стр. 357—358.) Позднее, признав талантливость О'Генри, Горький продолжает также отрицательно относиться к его творчеству. См. статью «Молодая литература и ее задачи» (Собр. соч., т. 25, стр. 94) и статью «Беседа с писателями-ударниками по вопросам, предложенным рабочим редакционным советом ВЦСПС» (Собр. соч., т. 25, стр. 92). См. также «Архив А. М. Горького», т. IV, стр. 213. М., изд-во ГИХЛ, 1957.

¹⁴ В 1925 г. издательство «ЭйФ» выпустило: А. Я. Дорогойченко — «Изра-читальня. Кандидаты»; П. Яровой — «Красное кольцо» (Повести и рассказы); М. И. Волков — «Дубье» (Рассказы, изд. второе), «Закован» (Рассказы, изд. третье), «Задиристые рассказы»; А. Гаврилов — «Рассказы на ходу»; В. Н. Лазарев — «Жилая земля»; Т. П. Дмитриев — «Разброд» (Повесть); П. С. Логинков-Лесняк — «На подъеме» (Рассказы); В. З. Зыринов — «Кровавая земля» (Рассказы); Л. И. Гумилевский — «Тысяча лет» (Рассказы); «Другая жизнь» (Рассказы).

¹⁵ Об отношении Горького к творчеству Гумилевского см. «Литературное наследство», т. 70. «М. Горький и советские писатели». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 147—149.

¹⁶ Несколько позднее Горький, познакомившись с новой советской литературой «разных народностей», стал ее горячим пропагандистом и инициатором целого ряда изданий, посвященных литературам братских народов

Советского Союза. Так, в начале 30-х годов по инициативе Горького создавался альманах «Творчество народов СССР». Главной задачей альманаха являлось установить обмен опытом литературно-художественного творчества всех народов СССР (см. об этом в настоящем томе переписку Горького с А. С. Щербаковым).

⁸ Истпарт — комиссия по изучению истории ВКП(б) и Октябрьской социалистической революции, создана в 1920 г. Истпарт имел свое издательство.

⁹ В 1928—1929 гг. издательство «ЗиФ» выпустило Полное собрание сочинений В. Я. Шишкова в 12-ти томах.

Под влиянием Горького и по его примеру В. Шишков в 1921—1925 гг. путешествовал «по Руси», — обогнул Тверскую, Ленинградскую губернии, бродил по Смоленщине и Поволжью, в результате чего возникли его очерки: «Скотомкой» и «Поволжский край». Повесть «Тайга» получила высокую оценку Горького: «Тайга» очень понравилась мне, и я поздравляю Вас, — это крупная вещь. Несомненно, она будет иметь успех, поставит Вас на ноги, внушит Вам убеждение в необходимости работать, веру в свои силы» (Собр. соч., т. 29, стр. 356—357).

В 1925 г. в издательстве «ЗиФ» вышли: повесть М. Кришницкого «Святозар Октябрь», написанная на уровне примитивной агитки, пятое издание книги А. И. Свирского «Из мрака прошлого» (повести и рассказы), второе издание его Сборника рассказов, подготавливалось к изданию Собрание его сочинений в семи томах (вышло в 1928 г.).

Р. Акулинин — в те годы очеркист. В «ЗиФ» издавался в 1926—1927 гг. После Великой Отечественной войны предан Родину, остался в США, в числе так называемых «перемещенных лиц». *

¹⁰ Книгоиздательством «Парус» по инициативе Горького были выпущены национальные сборники: «Сборник армянской литературы» под редакцией М. Горького (Пр., 1916); «Сборник латышской литературы» под редакцией М. Горького и В. Брюсова (Пр., 1916); «Сборник финляндской литературы» под редакцией В. Брюсова и М. Горького (Пр., 1917).

¹¹ Гаяз Исхаков (1878—1954) — татарский писатель. После Октябрьской революции эмигрировал в Турцию. В Издательстве «ЗиФ» его произведения не издавались.

¹² Габриэль Мирдумович Сундужян (1825—1912) — крупнейший армянский драматург.

Сохранился перевод пьесы Сундужяна «Пено» с правкой А. М. Горького (Ереванский литературный архив Академии наук Армянской ССР).

— Пьеса в издании «ЗиФ» не выходила.

ГОРЬКИЙ — ИОНОВ

Илья Иванович Ионов (Бернштейн) (1887—1942)—поэт и видный издательский работник. Член КПСС. После Октябрьской революции заведовал издательством Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов, Ленинградским отделением ГИЗа. В конце 1924 г. был назначен заместителем заведующего ГИЗа. С 1928 до 1930 г. был заведующим издательством «ЗиФ», работал в «Международной книге», в издательстве «Academica» (1931—1932 гг.) и др.

Переписка Горького с Ионовым продолжалась с 1918 по 1932 г.

В 1918 г. И. И. Ионов, бывший тогда заведующим «Издательства Петроградского Совета», задумал издавать произведения Горького отдельными брошюрами по возможно дешевой цене и обратился к Горькому за разрешением.

Содержанием дальнейшей переписки между ними являются вопросы, связанные с работой издательства: «Всемирная литература», ГИЗ, «Academica».

Горький ценит Ионова как деятельного, энергичного работника, с широким размахом и с любовью относящегося к своему делу, но ошибки Ионова вызвали с его стороны протест и резкое осуждение.

Ниже печатается пять писем Горького и шесть писем Ионова.

1

ИОНОВ — ГОРЬКОМУ

Петроград, 8 июня 1918 г.

Алексее Максимовичу Горькому.

Издательство Петроградского Совдепа обращается к Вам с просьбой о разрешении издавать в виде брошюр Ваши произведения по одному рассказу в каждой брошюре¹.

Не стремясь к извращиванию цен на наши издания, мы будем выпускать Ваши рассказы по самым минимальным ценам, стараясь также придать изданию изящную внешность.

Если Вам угодно принять также участие в просмотре и редактировании, сообщите, пожалуйста, когда и где можно с Вами переговорить об условиях и плане издания.

Заведующий книгоиздательством

Илья Ионов

¹ Издание произведений М. Горького отдельными брошюрами частично было осуществлено Издательством Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов.

2

ГОРЬКИЙ — ИОНОВУ

(Петроград, весна 1919 г.)

Т. Ионову.

Вещь значительная и ее следовало бы издать¹.

Я послал автору такой отзыв:

«Рукопись длинна, требует сокращений. Ее описательная часть — недостаточно картина и слишком кратка — необходимо увеличить описания за счет диалога. Язык — местами — небрежен; произведения такого типа должны иметь совершенную форму. Библия — книга прежде всего высокой художественной ценности, пользуюсь ею, нужно сохранить ее высокий пафос, чистоту ее языка».

Приветствую.

А. Пешков

Датируется по письму М. В. Введенского Горькому от 13 марта 1919 г. (АГ).

¹ Речь идет о трагедии М. В. Введенского «Земля обетованная». Издана не была.

3

ИОНОВ — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 27 марта 1924 г.

В день, когда Вам исполнилось 55 лет, в нашем Издательстве вышло 16-томное собрание Ваших сочинений¹. В этот день мы получили возможность сдать в набор сборник писем к Вам великого Ленина². К бесчисленным нитям, связывающим Вас с Россией, прибавляются все новые и новые.

Ваш Ионов

¹ М. Горький. Собрание сочинений, тт. I—XII. М.—Пг., ГИЗ, 1924; тт. XIII—XVI, Л., ГИЗ, 1924.

² «Письма В. И. Ленина Максиму Горькому (1908—1913 гг.)», Л., ГИЗ, 1924.

ИОНОВ — ГОРЬКОМУ

Ленинград, 29 ноября 1924 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Получил с радостью Ваше письмо¹. Как ни странно, я не мог добиться Вашего адреса. Только сегодня я приехал из Москвы, где начал принимать дела Государственного издательства. Вы, вероятно, еще не знаете, что ЦК назначил меня заведующим². Принимаю очень запущенное дело и, если удастся его наладить, тогда Ленинград превратим в советский Лейпциг. Об этом я давно мечтаю. Пусть хоть книга найдет в Ленинграде свое настоящее убежище. В печатном дворе ставлю новые заграничные машины. Число рабочих с 400 выросло до 1200. В общем наш Ленинград(ский) аппарат дает до 15 млн. оттисков в месяц. Продукция и по качеству неплохая. Вы сами это видите.

В Вашем письме меня удивило Ваше прежнее сомнение относительно моей любви к книге. Вы меня плохо знали, Алексей Максимович. Книга, книгопечатание, полиграфическое искусство это такое дело, ради которого на костер пойдешь. В особенности у нас, где в работу вкладываешь всю душу, всю энергию и двадцать пять часов в сутки. Теперь работа утраивается. Страна поглощает книги, как песок воду. Ведь я не только печатаю, я проталкиваю книгу в провинцию, в деревню... Сам слежу за печатанием, езжу на места, хлопоту и с радостью смотрю, как дело крепнет и ширится.

Я Вам посылаю одновременно с письмом пачку разнообразных книг. Умышленно подобрал разные, чтоб Вы на них взглядели. Книги, что женщина, даже взглянуть приятно.

Б(ыть) м(ожет), в апреле будем участвовать на книжной выставке во Флоренции. Делаю Вам, А. М., предложение: будьте почетным председателем нашего комитета. Принимаете?³

Скажите, что из книг Вас интересует? Что прислать?

Во время наводнения я был за границей. Дом книги (подвал) был залит. В типографии была вода. Служащие проявляли чудеса, самоотверженно спасая книги. Все же убытки до ста тысяч рублей. Но рана уже залечена. Прошли огонь, прошли и воду.

Напишите о Вашем здоровье. В газетах всякую ерунду печатают.

Крепко жму Вашу руку. Не откажитесь писать.

Ваш всегда

И. Ионов

¹ Письмойти не удалось.

² В это время И. И. Ионов был назначен временно исполняющим обязанности заведующего Государственным издательством.

² Речь идет о второй международной книжной выставке, в которой принимал участие Госиздат. Горький председателем выставочного комитета Госиздата не был и на выставке не присутствовал. В обстановке нарастающего фашистского террора в Италии он почти безвыездно жил в Сорренто.

5

ГОРЬКИЙ — ИОНОВУ

⟨Сорренто, начало января 1925 г.⟩

Петербург Госиздат Ионову.

Решительно против устранения Тихонова Коллегии¹. Его совместная работа с Вами — залог полного успеха

Горький

¹ Речь идет об удалении А. Н. Тихонова из коллегии редакции «Всемирная литература», которая входила в Ленинградское отделение Госиздата (см. письмо 6 и примечание к нему). Горький ценит Тихонова и был связан с ним многолетней работой (см. письма А. М. Горького к А. Н. Тихонову. «Горьковские чтения (1953—1957)», М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 5—98).

6

ИОНОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 8 января 1925 г.
А. М. Пешкову.

Дорогой Алексей Максимович!

Я получил Вашу телеграмму относительно Александра Николаевича Тихонова и хочу Вам вкратце рассказать сущность дела.

Взаимоотношения с Тихоновым всегда у Ленинградского отделения Государственного издательства были довольно натянутые. Я не отрицаю его деловых качеств и думаю, что при надлежащем руководстве он был бы чрезвычайно полезным человеком. Попытки мои в прошлом году с ним сговориться ни к чему не привели и теперь, когда мне приходится объединить всю работу Государственного издательства, я, естественно, подбираю себе штат руководителей, с которыми я могу откровенно и просто сговариваться о всех делах.

На одном из заседаний нашего Правления я, наперекор ему, поддерживал кандидатуру А. Н. Тихонова в качестве заведующего отделом всемирной литературы. Кандидатура эта во всем руководящем аппарате встретила резкое сопротивление, которое я не считаю себя вправе сломить, ибо все товарищи полагают, что с Тихоновым сработаться они не сумеют. Я, конечно, придаю большое

значение энергии и знанию дела того или другого работника в области книгоиздательской деятельности, но и считаю, что нам нельзя ставить судьбу дела в зависимость от того или другого отдельного сотрудника. Ведь для нас с Вами важна, прежде всего, гарантия того, что дело, имеющее большое культурное и общественное значение, будет продолжаться.

За последнее время «Всемирная литература», в силу различных обстоятельств, не проявляла никакой жизни. После слияния Ленинградского Отделения со своим Главным управлением я гарантирую, что задачи, которые стоят перед «Всемирной литературой», будут мною выполняться независимо от того, будет ли Тихонов находиться в штате или нет. Хочу также указать, что коллеги «Всемирной литературы», в составе которой имеется значительное количество «мертвых душ», заявила мне через академика Ольденбурга, что она будет считать себя распушенной, если Тихонов не будет включен в штат. Вы понимаете, Алексей Максимович, что если мне, руководителю Госиздата, предъявляют такой «английский» ультиматум, я принужден такой ультиматум отвергнуть. Это, конечно, не мешает мне сейчас сговариваться с отдельными тружениками книги, — да и они сами сейчас пишут о готовности своей работать, — на предмет того, чтобы продолжать, повторю, полезное дело, во многом обязанное Вам. Вы понимаете, Алексей Максимович, что если и чувствую какую-то неприязнь к тому или другому человеку, быть может, даже не вызванную живыми причинами, — мне с таким человеком было бы трудно работать. Моя неприязнь к Тихонову вызывается многими фактами, о которых я могу говорить с Вами только при личном свидании.

Поймите, что и без него мы справимся с делом¹, которое, повторю, с моей стороны встретит самую большую поддержку. Вам, Алексей Максимович, мне не хочется причинить ни одной неприятности, но поймите и мое положение, положение руководителя, который сейчас должен отвечать на огромный, достаточно расплывчатый аппарат.

Несколько слов о себе.

Вы уже знаете, что я назначен заведующим Государственным издательством. Несколько раз от такой почетной роли я отказывался, отказывался потому, что мне желательно было бы работать в Ленинзе, который постепенно нормально рос и из небольшого сравнительно аппарата превратился в большое европейское издательство. Здесь же, в Москве, за несколько лет хозяйничания настолько разрушился аппарат и с хозяйственной, и с идеологической стороны, что нужны нечеловеческие силы для его восстановления. Я привлек в качестве своих помощников Платона Михайловича Керженцева², Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича³, Михаила Александровича Сергеева⁴, Ефима Яковлевича Белицкого⁵ и несколько других черавычайно энергичных и способных товарищей, сумевших возродить почти погибшее дело. Работать нужно не

менее 16 часов в сутки, так как мне приходится одновременно руководить отделением в Ленинграде, где сейчас сосредоточивается 65% всей нашей валовой продукции. Таким образом, моя мечта о создании в Ленинграде советского Лейпцига близка к осуществлению. В составе нашего аппарата уже имеются 7 типографий и одна бумажная фабрика, изготавливающая около 40 тыс. пуд(ов) бумаги, с общим количеством рабочих и служащих в 7000 чел. Я думаю в течение 25 года выпустить 1 млрд. печатных оттисков.

Строить все это на том гнилом фундаменте, какой я застал в Москве, чрезвычайно трудно. Но в своей работе я встречаю большую поддержку со стороны руководящих органов и отдельных товарищей, которые, надеюсь, помогут мне поднять книгоиздательское дело. Я сам надежды не теряю и думаю, что в 25 году мы дадим значительный производственный и финансовый эффект. Жалка книги огромная. Наш торговый аппарат не успевает удовлетворять запросы клиентуры из-за отсутствия оборотных средств. Придется значительно поработать и в этой области, чтобы добыть оборотные средства и, наконец, прочистить путь книге в деревне. Работа гигантская, благодарная, для которой можно пожертвовать себя целиком. Но и так мы горим с двух концов.

Когда будут готовы наши издательские планы на 25 год, я пришлю их Вам и Вы с ними ознакомитесь. Охотно по мере выхода «Падение царского режима»¹ будут высылать Вам все тома. Пока же посылаю Вам две книги Павлова² и, в качестве образцов, несколько наших новых изданий.

Я хотел бы, Алексей Максимович, чтобы Вы сами писали мне о том, что Вам нужно, и я незамедлительно буду Вам это высылать.

В апреле этого года, в Париже, мы принимаем участие в художественно-промышленной выставке. Я там устраиваю отдел художественной книги и художественной графики³. Быть может, у Вас будет желание туда съездить на открытие?

Выздоровливайте. Всего Вам лучшего.

Крепко, по-товарищески, жму Вашу руку.

Заведующий Государственн(ым) издательством

И. Ионов

¹ И. И. Ионов, несмотря на протест А. М. Горького, отказался привлечь А. Н. Тихонова к работе в Госиздате в качестве заведующего отделом «Всемирная литература». Вскоре А. Н. Тихонов был привлечен к работе в издательстве «Academica», затем стал заведующим издательства «Круг».

² Платон Михайлович Керженцев (Лебедев) (1881—1940) — видный деятель советской культуры. Выступал со статьями по вопросам литературы, театра, культуры, западноевропейского революционного движения и др. В 1923—1925 гг. работал заместителем главного редактора Госиздата.

³ Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955) — советский государственный и общественный деятель, профессиональный революционер с конца 80-х годов, литературовед, историк и этнограф, был главным редактором издательства «Жизнь и знание». С 1930 г. возглавлял организованный им Литературный музей в Москве.

⁴ Михаил Алексеевич Сергеев (р. 1888) — прозаик, критик и очеркист-этнограф, автор трудов о малых народах севера Советского Союза. Один из руководителей «Издательства писателей в Ленинграде». В 1927 г. был председателем Правления издательства «Прибой».

⁵ Ефим Иванович Белицкий в то время был заместителем заведующего Ленинизмом.

⁶ «Падение Царского режима». (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.) Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 1—7. Л., Госиздат, 1924—1927.

⁷ Речь идет о книгах академика И. П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы» (сборник статей, докладов, лекций и речей, издание второе, дополненное. Л., Госиздат, 1924) и «Лекции о работе главных пищеварительных желез» (издание третье, Л., Госиздат, 1924).

⁸ В 1925 г. на Художественно-промышленной выставке в Париже Советский Союз был представлен небольшим отделом — «Книга и графика».

Горький на выставке не был.

7

ГОРЬКИЙ — ИОНОВУ

(Сорренто, 25 февраля 1925 г.)

Илья Ионович,

простите за беспокойство: А. Даманская¹ просит меня написать Вам, что Госиздат должен ей за переводы ее, издаваемые Госиздатом. Она очень нуждается и больна. Ее адрес: Париж, 16-е, 1, Rue Edmond, Abaut, 1.

м-ме Даманской.

Эта женщина, как Вы знаете, перевела на русский язык много хороших книг.

Привет

А. Пешков

25. II. 25.

¹ Августа Филипповна Даманская (1877 — 1959) — писательница и переводчица. Одна из первых в России начала переводить произведения Романа Роллана.

После Октябрьской революции эмигрировала во Францию. Для издательства «Всемирная литература» она перевела «Прометей» и другие рассказы Генриха Федерера (Пб., 1922), Джамса Мэтью Барри — «Белая птичка» (Пб., 1922). Для Госиздата: Конрада Мейера «Народный вождь Георг Енх» (из эпохи борьбы швейцарского народа за независимость). Госиздат, М. — Пб., 1923 и др.

В письме к Горькому Даманская обращалась с просьбой об оплате ей этих переводов, задержанной Ионовым (АГ).

Москва, 3 декабря 1931 г.

А. М. Пешкову,

Италия.

Дорогой Алексей Максимович!

Я хочу сообщить Вам о мероприятиях, которые мы провели для того, чтобы увеличить и улучшить портфель «Академии».

После некоторых хлопот, мы, наконец, уладили дело с бумагой, и потребное нам количество в этом квартале и в 1932 г. мы получим.

К сожалению, не совсем хорошо обстоит дело с качеством бумаги, но т. к. некоторые крупные бумажные фабрики ведут лабораторную работу по улучшению качества бумаги, они согласились делать различные пробы на наших заказах для того, чтобы поддерживать квалификацию рабочих; т. к. количество, потребное для нас, бумаги не очень велико, то, вероятно, удастся хотя бы часть получить хорошего качества.

Я уверен, что часть наших изданий мы сумеем продать за границей, и потому для некоторого количества тиража импортируем искусственную кожу и ряд других материалов.

Что касается редакционного портфеля, то сразу довести листаж с 6 милл. этого года до 15 милл. в будущем году — дело довольно трудное, тем более, что тиражи у нас небольшие — 3—5 тыс., и поэтому ассортимент книг будет по названиям очень разнообразный. Это к лучшему.

На сегодняшний день мы сверстали план на 13 милл., который прилагаю к этому письму, ознакомьтесь с ним и напишите нам. Сюда не вошло много из того, о чем мы говорили на заседании. Это делается дополнительно и будет представлять собой наиболее интересную часть нашего плана.

К юбилею Гете мы готовим «Фауста» в переводе Брюсова (2-я часть перевода Брюсова не была напечатана), избранную лирику и римские элегии с немецким текстом (параллельно русский) с гравюрами художника Нивинского¹.

Быть может, одну из этих книг мне удастся сделать к марту — началу юбилея, — остальные в течение года.

Хочется сделать хорошо, чтобы и у нас эта дата была отмечена новыми изданиями.

На днях мы прочли Вашу статью «История молодого человека»². Из начала, я, к удивлению своему, узнал, что серия эта издается «Огоньком», между тем на эти же книги имеется договор с А. Виноградовым³. По этому договору мы уже выдали ему 3500 р. Такую же сумму, если не больше, он получил и от «Огонька».

Я совершенно теряюсь и не могу понять, как это можно такое большое издание почти одновременно разместить в двух изд(ательст)вах. Ясно, что если «Огонек» издаст большим тиражом эти книги, «Академия» их сбыть не сможет, хотя бы потому, что книги нашего изд(ательст)ва имеют более высокий номинал, чем приложения к «Огоньку». Если бы даже и было какое-либо оправдание дублирования, то этого нельзя делать из-за бумаги.

К сожалению, нам, вероятно, придется отказаться от этого издания, да, кроме того, меня интересует еще вопрос литературной этики. Мне помнится, как Вы пробрали одного очеркиста за то, что он поместил небольшую статью в журнале «Наши достижения»⁴ и еще где-то. Вы были правы, литературное мародерство надо клеймить. Случай же, о котором я Вам пишу сейчас, требует тоже внушения, тем более, что дублирование «Истории молодого человека» не было согласовано с изд(ательст)вом «Академии». Ваше мнение?

В системе ОГИЗа работать трудно, я заклятый враг издательского централизма и поэтому настаиваю на выделении «Академии» в самостоятельное Всесоюзное издательство — и уважения будет больше и пользы тоже.

Приложение:

С приветом и дружеским расположением

И. Ионов

¹ Иоганн Вольфганг Гете. Фауст, ч. 1. Перев. В. Брюсова. М.—Л., ГИХЛ, 1932. («Фауст», ч. 1—2 в переводе Н. А. Холодовского был выпущен издательством «Academia» в 1936 г.); О н ж е. Избранная лирика. С портретом Гете — гравюра на дереве В. Фаворского. Под ред. А. Габричевского и С. Шервинского. М.—Л., «Academia», 1933. О н ж е. Римские элегии. Пер. С. Шервинского. Оформление и рисунки Иги. Нивинского. М.—Л., «Academia», 1933.

² Статья была напечатана в газетах «Правда» и «Известия» 25 ноября 1931 г.; является предисловием к серии «История молодого человека XIX столетия» под редакцией М. Горького и А. К. Виноградова, состоящей из восемнадцати романов и повестей русских и зарубежных авторов; вошла в первую книгу серии, содержащую произведения французских писателей: Шатобриана «Рено» и Константа «Адольф».

³ Анатолий Корнилович Виноградов (1888—1946) — советский писатель-беллетрист, литературовед и переводчик. Вместе с Горьким редактировал серию романов «История молодого человека XIX столетия». Издание было осуществлено в 1932 г. в 24 выпусках издательством «Журнально-газетное объединение».

⁴ Речь идет о журналисте Г. Е. Рыжине, который для для первого номера «Наших достижений» свою ранее уже напечатанную статью «Салуты новым людям». По этому поводу в № 2 «Наших достижений» под рубрикой «От редакции» было напечатано письмо Горького и читателям журнала, осуждающее поступок Рыжина (См. во второй книге настоящего тома письмо Горького к редакции «Наших достижений»).

ГОРЬКИЙ — ИОНОВУ

<Сорренто, декабрь 1931 г.>

Дорогой Илья Ионович,—

«Историю молодого человека» предложил издавать «Огоньку» — я. М. Е. Кольцов¹ обратился ко мне с вопросом: какие книги можно бы дать в приложении к «Огоньку» в 32 г.? Я рассказал ему о затеянной мною с Виноградовым «Историей», и Кольцов охотно согласился взять ее. Не помню, знал ли я тогда, что «Академия» тоже хочет издать эти книги, но если бы знал, — это не поменяло бы мне предложить «Историю» именно Кольцову, потому что он выпустит эти книги десятками тысяч, а это и требуется, ибо их необходимо распространить широко. Отом, что дело это с «Огоньком» налажено, я узнал из первой фразы моей статьи, — фраза эта написана не мною, а, вероятно, редакцией «Известий» или П. П. Крючковым. А что «Академия» тоже будет издавать «Историю» и — с радостью — узнал уже здесь.

А. К. Виноградов, на мой взгляд, повинен только в том, что, должно быть, своевременно не договорился с Вами об одновременности двух изданий. Я очень настаиваю именно на двух изданиях и очень прошу Вас: не согласитесь ли Вы со мной? Дело в том, что дешевое и на плохой бумаге издание «Огонька» быстро разоидется — исчезнет. Но для этих книг, на мой взгляд, необходимо более длительное бытие и влияние, — нам нужно неуклонно бороться с психикой крестьянского индивидуализма. Виноградов это понимает, как видно по его статьям о Шатобриане и Степдаде². Может быть, Вы согласились бы возобновить это издание — в расширенном и дополненном виде — в 32—33 году?

Работая в этом направлении, мы могли бы дать «Историю женщины в XIX в.»³ — с большим очерком ее истории, начиная с древности — тема совершенно новая, пишем еще не тронутая. Затем дали бы «Историю купца»⁴, — тоже новая тема и тоже необходимая для ознакомления нашей молодежи с прошлым. Подумайте над этим, Илья Ионович.

Опасаясь, что Вы относитесь к Виноградову не совсем справедливо. Он человек невращенческий, но — очень знающий и хороший работник. Не думайте, что я хочу «влиять» на Вас, нет, просто я заинтересован успехом дела, культурное значение которого Вы, конечно, понимаете не хуже меня.

Далее, Алексей Карпович Джигелегов, хороший знаток эпохи италианского «Возрождения» и автор интересного «очерка» роли интеллигенции в эту эпоху⁵, имеет план «Истории Возрождения». Мне кажется, что Вам следует познакомиться с автором, его планом и его взглядами и взяться за издание этой работы, — она сли-

вается с работой Льюренто по «Истории цивилизации»⁶ и предшествует ей.

План «Академии» я просмотрел. Он показался мне несколько «пестрым». «Звучащий фильм», «Слово о полку Игореве», «Игрушка», «Реквием», «Вера Засулич», «Македонский вопрос» и т. д. — не ясно, на какую нить все это навязано? Я стоял бы за большую связность, за разбивку книг по сериям. Разбиваются они вполне удобно: русские прозаики и поэты, эпос и сказки, иностранная проза; можно и так: город и деревня в прошлом, меццанство на Западе и т. д. Сомневаюсь, что нужно издать Радищева, а если это признано необходимым, то настаивал бы на солидном очерке положения крестьян в Германии, Франции, Англии XVIII в. с очень сильным упором на тему: что дала крестьянам Франции буржуазная революция? *

Из русских прозаиков даны: Наумов, Слонцов, Вельтман, Воронов, но нет Помилковского, Г. Успенского, Гаршина, Мамина-Сибиряка⁷, а следовало бы напомнить о них, а также воскресить из мертвых интересного прозаика Дмитрия Гирса — «Д. Константиновича», он никогда не издавался, а его «Записки военного» и «Дневник писца» стоят этого. Основная его вещь «Старая и новая Россия»⁸ считается незаконченной, но в одном из писем Деметра⁹ это опровергнуто.

Считал бы, что следует издать книжку Чехова «Мужики», «В овраге», «Новая дача», Бунина «Деревню» и томик рассказов типа «Ночной разговор», — современная крестьянская молодежь должна знать, что и как писали о ее дедах, как они жили¹⁰.

Рядом с Теккереем нужно бы взять «Семейство Бухгольца» — Юлиуса Штинде.

Не помешало бы «Тристрам Шенди» — Стерна¹¹.

Разумеется, я за выделение «Академии» в самостоятельное издательство, за исключение в его ведение издания классиков, да и детскую литературу следовало бы Вам же взять. Вы, вероятно, знаете, что Тихонов А. Н. и В. Н. Невский работают над планом «Истории городов», иными словами «Истории русского быта». Обратите внимание на эту работу. На днях я пошлю им кое-какие мои соображения¹².

Ну, я достаточно написал Вам.

Спасибо за осведомление о работе «Академии»¹³.

Будьте здоровы и не очень сердитесь на людей. Как на них ни сердись, они от этого не становятся лучше.

А. Пешков.

Датируется по предшествующему письму Нопова.

⁶ М. Е. Кольцов в то время был председателем «Журнально-газетного объединения» («Жургаз»), издававшего журнал «Огонек» и выпускавшего в 1932 г. серию романов «История молодого человека XIX столетия» (см. переписку Горького с Кольцовым во второй части настоящего тома).

² Речь идет о вступительных статьях к вып. 1 (Ф. Шатобриан — «Рене», Б. Констан — «Адольф») и вып. 2—4 (Стендаль — «Красное и черное») серии «Истории молодого человека XIX столетия».

³⁻⁴ Эти замыслы реализованы не были.

⁵ По-видимому, речь идет о книге: А. К. Джигалегов. Очерки итальянского Возрождения (Кастильоне, Аретино, Челлини). М., изд-во «Федерация», 1929.

⁶ J. Lorige, — Historia critica de la inquisicion de España (Madrid, 1812—1813). См. русский перевод. Льюренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции. Т. I—II. М., Соцэкгиз, 1936.

⁷ После указания Горького включены в план издательства «Academía».

⁸ Дмитрий Константинович Гирс (псевдоним Д. Константинович, 1836—1886) — писатель. См. его «Записки военного». Беллетристические очерки. Рассказы и картины военного быта. Д. К. Гирса, автора «Старой и юной России». СПб., типография А. Моригеровского, 1872; «Дневник ютариального писца. Очерки, заметки, воспоминания». СПб., «Отечественные записки», 1883, т. 267, № 3 и 4, т. 268, № 5; введение «Старая и юная Россия» (см. там же, 1888, т. 177, № 3 и 4) вошло в план издательства «Academía», но издано не было.

⁹ У Горького ошибочно Деметр. Речь идет о Николае Александровиче Демерте (1835—1876), публицисте, сотруднике «Отечественных записок».

¹⁰ Издательство «Academía» выпустило: «Мужики» и другие рассказы (М.—Л., 1934) и «В овраге» с иллюстрациями А. А. Суворина (М.—Л., 1937).

«Деревня» и «Ночной разговор» издательством «Academía» изданы не были.

¹¹ Юлиус Штуде (1841—1900) — немецкий писатель. «Семейство Бухгольц» (М., изд. Университетской типографии, 1887) и издательство «Academía» не выходило.

«Тристам Шенди» Л. Стерна был включен в план «Academía», но выпущен этим издательством не был.

¹² Историк В. И. Невский и А. Н. Тихонов, в то время главный редактор издательства «Academía», предполагали выпустить в этом издательстве серию книг по истории русских городов и их быта. Они просили Горького дать программу для данной серии. Горький отнесся сочувственно к этому начинанию и прислал программу. Издательство «Academía» приступило к осуществлению серии и привлекло в качестве авторов ряд писателей и историков (В. А. Десницкого, С. А. Золотарева, В. Яковку и др.). Часть рукописей («Переяславль», «Н.-Новгород», «Москва», «Углич») была представлена в редакцию, но они остались ненапечатанными.

¹³ Речь идет о плане издательства «Academía» на 1932 г.

Горький, являясь с 1927 г. председателем редакционного совета издательства «Academía», систематически просматривал проекты и планы этого издательства (замечания Горького к издательскому плану «Academía» на 1930 и 1931 гг. см. в приложениях 1, 2).

Редакционный план издательства «Academía» на 1931 г. и свои замечания к плану Горький послал главному редактору издательства А. Н. Тихонову, в письме к которому писал: «...план действительно сумбуриный, кое-какие заметки я сделал, прилагаю, но выравнять весь план сообразно потребностям эпохи и вкусам ее — не берусь, для такой большой работы у меня нет времени». План с замечаниями Горький просил передать А. В. Халатову. См. письмо Горького А. Н. Тихонову от 26 февраля 1931 г. «Горьковские чтения» (1953—1957). М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 59—60.

В 1932 г. на даче в Горках состоялось заседание, посвященное реорганизации издательства «Academía», которая протекала под непосредственным руководством Горького.

В январе 1935 г. Горький в последний раз просмотрел план издательства «Academía» и внес в него свои добавления.

ИОНОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 9 января 1932 г.

А. М. Пешкову.

Италия.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше письмо я получил в копии 26-го декабря. Хотел сразу Вам ответить, но в деловой суматохе откладывал со дня на день.

Я никак не могу согласиться с тем, чтобы одновременно издавать «Историю молодого человека». В крайнем случае имело бы смысл издать в одном или двух томах все вводные статьи. Да и такое дублирование не совсем желательно¹.

Лишь вчера мне сообщили о том, что хорошая бумага будет отпускаться только на количество тиража, отправляемого за границу, а весь остальной тираж придется печатать на бумаге худшего качества. Я против этого категорически возражаю. Мы сейчас так налаживаем производство книг по «Академии» и так пригоним персонал, машины и материалы, чтобы зарядить производство на самое лучшее качество. Здесь перебой ветершим. Если нам придется на одних и тех же машинах, в той же самой типографии держать две линии в области издания книг, мы тем самым собьем квалификацию рабочих, мастеров, и нужного качества не достигнем. Я надеюсь, что отведу эту угрозу.

Вы сделали в своем письме целый ряд очень интересных предложений. Надо готовить «Историю женщины в XIX веке», «Историю купца». Вы обещали прислать план, и если Вы сделаете это, то я на редколлегии ознакомлю товарищей с Вашими предложениями.

А. К. Дживелегов был у меня, мы сговорились относительно подготовки издания «Истории Возрождения»².

Вы правы, тот план «Академии», который я Вам послал, несколько пестр. Конечно, мы разобьем план на серии и отделы. То, что я Вам послал, это черновик, в ближайшее время Вы получите план разработанный, и я думаю — тогда он не будет выглядеть так пестро.

Относительно «Истории русского быта» я сговорился с В. И. Невским, — это тоже будет большим вкладом в работу «Академии».

Сегодня я получил первый экземпляр Салтыкова-Щедрина «Неизвестные страницы»³. Книга была сдана еще в июле в производство, и поэтому за качество ее не отвечаю, хотя книга сделана чистенько. Завтра вышлю Вам экземпляр.

Прилагаю к этому письму план выхода на ближайшие несколько месяцев.

Мы получили приглашение от итальянских издателей участвовать в апреле этого года на международной книжной выставке во Флоренции; кажется, она будет в том же здании, в котором я организовывал первую книжную выставку в 22 г.⁴ На днях я обращусь по этому поводу к издателям, и если нас поддержат средствами, мы сумеем показать много интересного.

Я обратился с просьбой к т. Крочкову, чтобы он, с Вашего согласия, подготовил для издательства «Академия» для издания в 2-х книгах сборник Ваших последних статей — публицистических и по литературе. Кроме того, я сказал, что пора, наконец, сделать одно хорошее настоящее издание «Матери» с иллюстрациями⁵. Быть может, Вы подтвердите ему свое согласие. Ничьих издательских интересов мы не нарушим, а поскольку у нас есть возможность, это нужно сделать. Читатель ненасытен, но разборчив: он требует книг интересных и обязательно в переплетах.

С дружеским приветом

И. Ионов

¹ Серия романов «История молодого человека XIX столетия» и издательство «Academia» не вышла.

² «История Возрождения» издания не была.

³ М. Е. Салтыков-Щедрин. Неизвестные страницы. М.—Л., изд-во «Academia», 1931.

⁴ Третья международная книжная выставка во Флоренции состоялась без участия советских издательств.

⁵ «Мать» и публицистические и литературные статьи Горького в издательстве «Academia» не находились.

11

ГОРЬКИЙ — ИОНОВУ

[Сорренто, 23 января 1932 г.]

Илья Ионович. —

По праву председателя редколлегии издательства «Академия» я должен указать Вам, что план издания «Сокровищ мировой литературы», план, над созданием коего работали знатоки литературы, разрушается Вами. Вы включаете в этот план книги, которые не должны иметь места в нем. Таких книг, на мой взгляд, являются, — «Собрание сочинений Брюсова», «Пушкин в жизни» — Вересаева, очень плохая книжка Чулкова о декабристах, «Мятежники», книга Галины Серебряковой, «Мудрешкин сын» — Амур-Санана, «Македонский вопрос» — Кваша. Очень сомневаюсь, что в наши дни необходимо издать 208 писем к Тургеневу, «Рисулки Пушкина»¹.

Все эти и подобные книги должен издавать ГИХЛ, а не «Академия». Издание «Архивных материалов» тоже не дело «Академии». Я не вижу необходимости тратить «хорошую» бумагу на все эти издания, не вошедшие в план.

Вместе с этим отклоняются намеченные в плане такие книги, как «Симплициссимус» — Гриммельсгаузена, «Мэр Кестербридж» — Томаса Гарди, писателя, из сочинений коего у нас переведена лишь одна книга, отклоняется «Париж и июльская революция по письмам братьев Тургеневых» — работа Виноградова.

Все это создает странную пестроту и путаницу и совершенно затемняет основные и вполне ясные цели «Академии»: одна — создать «валютную» книгу для Европы даже, кажется, совершенно забыта, другая — дать молодежи нашей лучшие произведения мировой литературы — капризно или малограмотно осложнена.

Мне известно, что с октября до 15-го января редакционная коллегия собиралась только два раза. Я считаю это недопустимым. Вы обязаны устраивать собрания коллегии по меньшей мере два раза в месяц. Я знаю Вас достаточно хорошо для того, чтоб прямо сказать Вам: единоличным руководителем ответственного дела «Академии» Вы не можете быть, у Вас для этого нет достаточно веских данных, этому мешает и недопустимое, грубое отношение Ваше к сотрудникам и большое Ваше самолюбие.

Далее: в «Правде» напечатана статья против т. Халатова², подписанная между именами прочих работников ГИЗа и Вашим именем. Я повил бы опубликование этой статьи, если б авторы ее, в порядке честной самокритики, показали в своей плохой работе, ибо они, будучи сотрудниками ГИЗа, сами же и виноваты в том, что его работа плоха. Но вместо этого они обвиняют во всех грехах некую метафизическую сущность, не называя имени ее.

Разумеется, всем ясно, что речь идет об Артеме Халатове, это он во всем виноват. Я не буду защищать т. Артема, уверен, что он сам себя сумеет защитить против неосновательных обвинений, и знаю, что он вполне способен честно признать основательную критику его работы.

Но мне кажется, что вдохновителем этой статьи и похода против Халатова является Вы и что Вами и в этом случае руководит Ваше самолюбие, Ваше все еще неизжитое стремление к единоначалию, к «диктатуре».

Вы на одном из заседаний Правления выступили против Халатова с обвинением, что он держит на службе «Академии» двух «контрреволюционеров и белогвардейцев». Это очень серьезное обвинение, но Вы должны были предъявить его не Халатову, а — мне. Вам известно, что на включении Тихонова и Виноградова настаивал и настоял я. Значит это я ставлю на службу Советов «контрреволюционеров и белогвардейцев». Вот, видите, куда Вас заносит Ваша любовь к интрижкам.

Тихонова и знаю 30 лет, Виноградова — тоже хорошо знаю, оба они искренно советские люди, оба отличные работники в области книжного дела и хорошо знают литературу. Вы могли бы многому поучиться у них, и это было бы весьма полезно не только Вам, а и делу.

Клюшников «Марев», Всен, Крестовский «Панургово стадо», Писемский «Взбаломученное море», Лесков «Никуда» или «На полях», Достоевский «Бесы», Савинов-Росинин «То, чего не было» и его «Коль».

Затем следовало бы дать еще два романа на тему о петрашевцах: Андреев «40-е годы», Пальм-Альминский «Алексей Свободин».

По поводу списка поэтов. Из списка выпали: Надсон, Фофанов, Каролина Павлова, Марья Лохвицкая и многие другие, не менее значительные, чем Якубович и Сибирский. Если взять Минаев, нужен и Тредьяковский и Борис Алмазов.

По поводу этого списка следовало бы договориться с издательством ленинградских писателей, которые работают над изданием «Библиотеки поэта», начиная ее с Тредьяковского и доводя до Ахматовой.

Иностранцы мемуары:

Нет Записок Агриппы д'Обиньи, замечательных записок Шатобриана, Жюль Валлеса.

Русские мемуары:

Ник. Успенский — стоит ли издавать эту книгу озлобленного и пьяного человека?

Л. Оболенский — Мне кажется, что прежде чем издавать его старые воспоминания в том виде, как они напечатаны были в 1902 г. — необходимо поискать в Архиве Департамента (архива) полиции его рукописи, которые хранились у Мих(айла) Мих(айловича) Филиппова и вместе с архивом последнего были арестованы полицией. Кстати, следовало бы установить, не сохранился ли в Департаменте архив «Научного обозрения» Филиппова.

Недавно В. Шкловский выпустил книгу «Записки архиерейского служки». Эти записки относятся к XVIII веку и написаны Добрыниным, действительно служкой архиерея. Шкловский изобрел их так же, как изобрел «Записки Болотова. М(ожет) б(ыть) «Академии» следует издать подлинный текст?

Социальные утопии:

Не следует ли ввести Ишюк «Делатели золота».

2

М. ГОРЬКИЙ. ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПЛАН «АКАДЕМИИ» НА 1931 г.

27 февраля 1931 г.

Я не чувствую «плана» в этом перечне разнообразных книг. На какую идеологическую, историческую или эстетическую нить накинута она?

1. Сокровища мировой литературы.

Почему в «сокровища» включены только русские сказки и почему они выделены из разряда «фольклора» и «сокровища»?

Почему «Оэтический эпос», «Вегудская поэма» — «сокровища», а «Эдда», «Гайавата», «Песнь о Роланде», «Метаморфозы» — Овидия, «Поэма о Бескупальфе», «Тристан и Изольда» — не «сокровища»? В этот отдел следовало бы включить: «Прометей», присовокупив к трагедии Эсхила историю мифа о Прометее, как разуме «богоборца». А также нужно бы добавить вестонский «Калевал-поэма», родственник по духу мифу о Прометее. Забыты: Лопе-де Вега, Кальдерон, Камюэнс, Тирсо де Молина.

Вместо «Холодного дома» лучше взять у Диккенса «Записки Пиканского плуба» — в переводе Ир. Владенского, — книгу формально связанную с «Мертвыми душами» и вообще со многими в нашей старой литературе. Диккенса следует перенести в отдел «Иностранной классики». Тургенев — в русские. Кому у нас необходима, кого и как может заинтересовать в наши дни скучнейшая «Переписка Абеляра — Элоизы»? Почему нет Шиллера? Можно бы дать «Лагерь Валленштейна», «Медийскую драму», «Разбойников», «Стюарт».

2. Иностранные классики.

Почему нет Флобера. Следует дать «М-м Бонари», «Саламбо», «Бювар и Петруше» с хорошим предисловием о «мучительных поисках» мешанской мысли, «Искушение» с хорошим очерком о ересях и кровавых расприх христианской церкви. Очерк этот можно заменить 15—16 главами 2-го тома Гиббона, обработав и сократив эти главы.

Не рано ли причислять Пираделло к разряду классиков? Итальянцы еще не признали его таковым. Не следовало бы дать «Песнарекские рассказы» Г. д'Аннуцио.

Затем среди классиков нет испанцев, а Ибаньес — признанный классик. У него можно взять «Рассказы о Валенсии». Если включены Филдинг и Ричардсон, — необходимо взять: Смоллетта «Гемфри Клинкер» и, новачко, Стерна «Тристрам Шенди».

Не вижу оснований исключать Шодерло де Лакло «Опасные связи», Стендаля «Партреза», Мериме «Варфоломеевскую ночь».

Взят Словацкий — мистик. Нет Красиньского и Выспянского. Совершенно не вижу оснований издавать «Фоблаза», эта книга в списке как похабный анекдот среди серьезнейшей беседы.

3. Западные мастера стиля.

Почему исключен Клодель? Вилье де Лиль, — его проза? Хотя «стилисты» в наших переводах, обычно, перестают быть стилистами.

4. Русские писатели.

Каролина, Левитова, Наумова, — следовало бы издать так, как уже издан Николай Успенский под редакцией Чуковского, т. е. однотомником избранных рассказов.

Кроме Бенедиктова, есть еще поэты: Розентейм, Всеволод Крестовский, Апухтин, Алмазов; они не хуже его и тоже заслуживают тоненьких сборничков «избранных» стихов. Намечен Случевский, — несправедливо забыты Майков, Плещеев.

Нужен сборник эпиграмм, начиная от Пушкина и Соболевского, до наших дней.

Забыты баснописцы: Хемингер, Дмитриев, Крылов. Хемингера только за одну басню «Метафизик» не следует забывать. Что издается Пальма? Его роман «Свободия».

Повести Одоевского прекрасно изданы. Следует издать Лермонтова «Герой нашего времени». Нет Гл. Успенского, Короленко, следует дать томик Чехова и т. д.

5. Фольклор.

Сюда надобно перевести все сказки из «сокровищ». Затем следует издать сборник сказок «Народ, бог и богами угодики». Таких сказок, отмечающих языческие и сатирические воззрения на бога, религию, святых, довольно много и собрать их давно необходимо. В частности, можно найти их в «Сборнике белорусских сказок» Романова, затем изуживать у современных очеркистов, которые изображают жизнь национальностей. Напр., в очерках Ареутянской «Страница большой книги» есть отличная сказка об Аллахе, который устал заботиться о людях и очень радуется, когда они перестают верить в его бытие. Не вижу причин, почему признано необходимым остановиться исключительно на русском фольклоре, а фольклор национальностей — отринут. Следовало бы издать небольшие сборнички сказок финских, тюркских и тюрко-финских племен.

Но не ограничиваться и этим, а дать еще сборник сказок немецких, скандинавских, ирландских, а также китайских, индусских, корейских — последние собраны Гариним-Михайловским, но, вероятно, искажены его пером. Материал для сборников сказок восточных народов может дать Владивостокский институт.

О работе В. Князева «Энциклопедия песловиц» у А. В. Халатова есть мой отрицательный отзыв, как о работе малограмотной и хаотической.

Имеется ли общий редакция для фольклора? Она должна быть очень внимательной, ибо в этой области неизбежны повторения одного и того же, что, наверное, встретится в сборниках Азодовского и Корнаухова. К одному из таких сборников необходимо дать статью о «переходящей сказке», которая отражает единство мышления различных племен и масс.

М. Горький

Но Вы, очевидно, поставили себе целью «выжить» их из редакции. Так как я считаю Вас человеком ненормальным и не способным единолично вести работу «Академии» — следует «выжить» из «Академии» и меня.

Считая дело «Академии» крупным культурным делом, я посылаю копию письма этого в ЦК партии³.

М. Горький

Печатается по машинописной копии, заверенной секретарем Горького.
¹ Речь шла об избранных стихах Брюсова. — См.: Брюсов В. Избранные стихи. (Материалы к биографии Валерия Брюсова Ириной Брюсовой.) М., «Academia», 1933. Из остальных отмеченных книг в издательстве «Academia» вышли: В. В е р е с а е в. Пушкин в жизни. (Систематический свод подлинных свидетельств современников.) Т. 1, 2. М.—Л., 1932; Абрам Э ф р о с. Рисунки поэта (Пушкин). М., 1933.

² Статья «Что сделал ОГИЗ для выполнения решений ЦК?» (см. «Правду» от 5 декабря 1931 г.)

³ В Архиве А. М. Горького есть обстоятельный ответ Ионов от 15 февраля 1932 г. на это письмо Горького. Несколько позднее, 12 марта 1932 г., Горький писал Халатову об Ионове: «Совсем устроить его не следовало бы, работник он хороший, его только надобно ограничить, чтоб не грубил и не капризничал».

В апреле 1932 г. Ионов был назначен председателем Всесоюзного объединения «Международная книга».

П Р И Л О Ж Е Н И Я

1

М. ГОРЬКИЙ. К ПЛАНУ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(1930 г.)

Мне кажется, что если в плане Лажечников, то следовало бы взять и Загоскина, а также Гривенку, его роман «Чайковский». Эти романы дали бы «Академии» очень хорошую тему: «Исторический роман до Октября».

Льва Толстого — мало. «Воскресение» не так характерно для него и для «Академии» — как напр. «Казак», «Севастопольские рассказы», «Хаджи Мурат».

У Алексея К(онстантиновича) Толстого нужно бы взять его стихи: «Сон Попова», «Историю России», «Поток-богатырь», римские стихи из «Дневника» и писем к жене, — как сатирик и юморист он еще никак не освоен. И вообще его «аристократический демократизм» — не взвешен, а в названных произведениях он выразился особенно ярко.

Вяжт — Бажин. Мне кажется, что следует взять Златовратского, как наиболее типичного из «народников», идеализатора мужика. Его нужно бы показать в годы ошпынения: «Красный куст», «Крестьяне-присяжные», «Золотые сердца» и затем, в процессе отрезвления — роман «Устой». Пропущен Захарьинский; его роман в 80-х годах играл роль «революционного».

Едва ли возможно забыть Потапенко. У него тоже два этапа: рассказы «Денатер», «Генеральская дочь», — кажется, и другие в этом роде. Затем, в начале 90-х годов «Новые люди» и «Любовь» — в этом романе буржуа кладет интеллигента на обе лопатки.

О буржуе, который начинает сознавать свою силу, хорошо — против обобщения — рассказал Боборыкин в романе «Василий Теркин».

Ставил вопрос: не следует ли «Академии» читать несколько, наиболее крупных романов «контрреволюционного» характера? Думаю, что без этого план «Академии» будет выполнен недостаточно исторично. Романы эти:

К концу литературного периода
Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

Лит. период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале
Литературный период был еще в начале

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВ

Артеми́й Багра́тович Хала́тов (1896—1938) — выдающийся советский и партийный деятель, член КПСС с августа 1917 г.

После Октябрьской революции Халатов — член коллегии Народного комиссариата по продовольствию, а с ноября 1919 г. — начальник Главного управления по снабжению продовольствием Красной армии и флота. Осенью 1921 г., по инициативе В. И. Ленина, при Совете народных комиссаров создается Комиссия по улучшению быта ученых — ЦЕКУБУ, и Халатов назначается ее председателем.

М. Горький так вспоминал об этом: «В ту пору — 19—21 год — я работал в Комиссии по улучшению быта ученых, комиссия эта возникла по инициативе В. И. Ленина и Л. Б. Красина; в дальнейшем Ильич и А. Б. Халатов развили ее в ЦЕКУБУ...» (письмо А. Е. Бадаеву от 25 июля 1929 г. в статье: Неопубликованное письмо А. М. Горького. «Рабочая Москва», 1936, 30 июля). По-видимому, и это время и произошло знакомство Горького с А. Б. Халатовым.

В августе 1927 г. Халатов послал Горькому книжку — «Отчет о деятельности ЦЕКУБУ за 5 лет (1921—1926 гг.)». Горький высоко оценил значение ЦЕКУБУ, одного из учреждений советской власти, которым она неоспоримо может гордиться перед «культурной» Европой и в связи с этим отмечал заслуги Халатова (письмо от 10.X.1927 г.).

В начале июля 1927 г. по решению Совета народных комиссаров Халатов был назначен председателем правления Госиздата, где работал до 1932 г. К этому времени и относится по преимуществу публикуемая ниже переписка Горького и Халатова.

М. Горький и А. Б. Халатов. Фотографии М. А. Пешкова, Москва, 1931 г.
Музей Горького, Москва.

1

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 1 октября 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович,

в эти дни исполняется 35 лет ¹ Вашего литературно-художественного творчества и прежде всего мне хочется выразить Вам, милый и дорогой Алексей Максимович, свое искреннее товарищеское восхищение и крайне приходится сожалеть, что в эти дни нет Вас здесь у нас, в Москве, чтобы иметь возможность в близко товарищеской обстановке (торжественная обстановка Вам всегда была чужда) провести эти дни. Пожелаю Вам бодрости, здоровья рассчитывал, что (в) ближайшее время увидимся здесь, в Москве.

Получил оба Ваши письма, искренне рад и благодарю. Отвечаю на оба сразу, все откладывал и приурочивал ответ к отъезду т. Крюкова к Вам (...). Что касается соответственного использования старика Сытина ², то это также совпало и с моими намерениями его опыт громадный соответственно использовать (об этом

говорил мне также т. Стоменяков ³), и на работу он будет <в> ближайшие дни оформлен по согласованию с ним.

Вот уже почти три месяца, как я работаю в Госиздате ⁴. Вти- нулся, приходится работать здорово, двойной и большей порцией (как в период Компрода) ⁵, ибо есть над чем поработать. Не хватает человеческих сил и времени, и ряд очередных — ближайших, длительных, срочных и ударных задач стоят на очереди и ждут своего конкретного разрешения. Вот коротенько часть этих вопросов: выполнение издательского производ[ственного] пла- на (кстати сказать, который за первое полугодие значи- тельно недовыполнен), упорядочение расчетов с авторами, приближение авторов к Госиздату, усиление распростра- нения книги, улучшение качества — по содержанию (чтобы не засорять рынок читателей), улучшение внешнего оформления книги, упорядочение срока выхода книги; детская, крестьян- ская литература, усилить выпуск и ускорить издание Ленинских сочинений, ослабить финансовое напряжение, наметить реальный и достижимый план производ[ственного], издательско-финансо- вый на будущий год и пр. и пр. Да помимо всего этого необходимо добиться того, что(бы) Госиздат (стал) центром культурным общественного порядка, центр(альным) Домом Книги в СССР, объединяющим и сближающим общественно-культурные и лите- ратурно-художеств[енные] силы нашего Союза. Над осуществле- нием этой важнейшей и интереснейшей и нужнейшей задачи надо также организационно, умеючи поработать. <В> ближайшее вре- мя, если Вас эта мысль интересует, и наверное, интересует, приш- лю Вам свои соображения, планы и что уже конкретно сделано, а также данные о положении Госиздата.

При заведующем ГИЗа образовал Совет по делам издания и распространения советской книги (задачи и состав Вы усмот- рите из прилагаемой записки) и рассчитываю на Ваше участие и сотрудничество. Прошу об этом черкнуть<...>

<В> ближайшее время начнет выходить важнейший журнал (толстый) под назв[анием] «Культура и революция» ⁶, <о> целях и о значении которого Вам подробно расскажет т. Крючков (он с собой захватил необходимые материалы). Этот журнал наме- чен к изданию изд[ательством] «Правда», я поднял вопрос о це- лесообразности издания его ГИЗом, на что получил предвари- тельное согласие. Рассчитываю сам войти активным участником и войти в редколлегия, и очень хотелось бы видеть Вас в составе редколлегии и ближайшим и активным участником этого важней- шего и нужнейшего органа.

Кроме того, имею к Вам просьбу по линии журнала «Крас- ная новь» ⁷, издаваемого Госиздатом, о ней Вам несколько под- робнее изложит т. Крючков, и рассчитываю на В[аше] согласие. Я со своей стороны приложу все усилия, чтобы улучшить каче- ство, усилить тираж и приблизить к сотрудничеству ряд наших литер[атурно]-худож[ественных] сил.

Вы мне не черкнули — Ваш отзыв о большой работе ЦЕКУБУ и о тех материалах, которые я Вам послал. Черкните.

Пока столько.

Ожидаю В(ашего) ответа.

Кренко жму В(ашу) руку.

Ваш Арт. Халатов

P. S. Пришли(те) мне пару книжек Ваших с В(ашей) надписью.

А. Х.

¹ 24 сентября 1927 г. исполнилось 35 лет со дня опубликования первого рассказа М. Горького «Малар Чудра» в тифлисской газете «Кавказ» (12 сентября 1892 г.).

² Иван Дмитриевич Сытин (1851—1934) — известный дореволюционный издатель.

Издательство И. Д. Сытина просуществовало до 1924 г. Позднее Сытин принимал участие в работе некоторых советских издательств. В Госиздате Сытин работал в качестве консультанта. В 1916 г. в связи с 50-летием издательской деятельности Сытина Горький писал, что он из тех людей, «которые видят в работе смысл жизни и любянно чувствуют огромное значение труда», и предсказывал, что «страна со временем оценит правильное работу Сытина». (Сборник «Полвека для книги», М., изд-во И. Д. Сытина, 1916, стр. 32).

³ Борис Спирidonович Стомоников (р. 1882) в 20-х годах работал в Наркомвнешторге и Наркоминдело. В 1927 г. был назначен членом коллегии Центрархива.

⁴ В газете «Известия» от 23 июня 1927 г. сообщалось, что в результате произведенного обследования работа Госиздата за 1925—1926 гг. признана неудовлетворительной и заведующий издательством тов. Бройдо освобожден от работы. В вечернем выпуске «Красной газеты» (Ленинград) от 4 июля 1927 г. сообщалось о назначении Халатова председателем Правления Государственного издательства.

⁵ Народный комиссариат по продовольствию.

⁶ «Революция и культура» — научно-публицистический иллюстрированный двухнедельный журнал. Выходил с 15 ноября 1927 г. Издавался газетой «Правда». В ответном письме от 10 октября Горький писал, что сотрудничать в журнале он готов, но в редколлегии работать не может.

⁷ В журнале «Красная новь» № 5 и 6 за 1927 г. публиковалась первая глава романа «Жизнь Клима Самгина». В письме от 21 июня Крючков сообщил Горькому об уходе из редакции журнала А. Воронского. Получив письмо, Горький 28 июня телеграфировал Крючкову, что он просит прекратить печатание романа в журнале, и в письме Крючкову от 29 июня подтвердил, что не будет печататься в «Красной нове». В № 7 продолжение романа не было опубликовано. По этому поводу Халатов обратился к Горькому с просьбой о дальнейшем сотрудничестве Горького в журнале, на что Горький ответил согласием. В телеграмме от 24 октября Халатов писал: «Согласие Вашей дальнейшей активной работе «Красной нове» имеет большое принципиальное общественное значение» (АГ). (См. также переписку с Воронским во второй части настоящего тома).

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 10 октября 1927 г.〉

Дорогой Артемий Багратович, —

ЦЕКУБУ одно из тех учреждений Советской власти, которым она неоспоримо может гордиться пред «культурной» Европой. Советская власть может поставить в пример буржуазным государствам свое заботливое отношение к работникам науки и свою оценку их труда, конечно, вполне достойного такой оценки. Я думаю, что большинство ученых тоже должно признать, что именно благодаря заботам власти в тяжелые для нее и для них годы, они все-таки могли развить столь энергичную и столь богатую результатами деятельность. Лично Вы, дорогой друг, в эти героические годы были неутомимым пестуном и «кормильцем» ученых. Вы навсегда связали Ваше имя с ЦЕКУБУ, и я уверен, что будущий историк русской новой культуры, творимой в России, расскажет о Вашей работе с тем удивлением, с той благодарностью, которые Вами неотрицаемо заслужены. Так как я знаю эту Вашу работу, я уверен, что говорю о ней безошибочно. Хотя говорю и «коряво», как будто благодарственный адрес сочиняю Вам, но это только потому, что не сразу решился сказать Вам просто и сердечно: какой Вы, А〈ртеми́й〉 Б〈агратови́ч〉, прекрасный работник, какой хороший человек.

Книги пошлю Вам ¹ с Крючковым. Я с ним составил план издания моих книг, причем он правильно указал мне, что авторский мой гонорар слишком высок и удорожает книги. Поищем. Мне очень хочется, А〈ртеми́й〉 Б〈агратови́ч〉, чтоб Вы поговорили с Крючковым по вопросу об «утилизации» беспризорных; у него, на мой взгляд, есть хорошая мысль о постановке воспитания этих несчастных ребят, которые являются весьма болезненными занозами в теле Союза. Поговорите и заставьте Кр〈ючкова〉 разработать мысль в план. И — толкайте его в партию. Он говорит: «войду, когда партии будет труднее». Нелено.

Намеченная Вами работа в Госиздате также необходима, как и обильна, но я не сомневаюсь, что Вы справитесь с нею. Форма и размер моего сотрудничества в этом огромном деле для меня неясна. Чего бы Вы хотели?

Поскольку я, делатель «сырья», могу судить о фабрикате, т. е. о книге-товаре, фабрикате, я бы сказал, что в видах большей компактности, в видах экономии места в библиотеках, книги следует издавать более однообразных размеров.

Затем кажется мне, что редакция беллетристического отдела слишком мягка, выпускает книги, которые нужно бы возвращать авторам для исправлений, сокращений. Плохих книг издается

довольно много. В состав редакции следовало бы пригласить кого-либо из историков литературы, напр. Войтовского². Но, разумеется, не болтуна вроде Фатова³.

Есть целые ряды книг на одну тему и почти одинаково бездарных, напр. книги американских «трампов»⁴, бродяг. Их выпущено Госиздатом, кажется, шесть штук.

Если Вы желаете, я буду следить за дефектами изданий и сообщать об этом Вам или кому Вы укажете.

Вступит в ряд коллегия «Рев(олюции) и культ(уры)» — номинально — какой смысл? Сотрудничать в журнале я, конечно, готов.

Относительно «Кр(асной) нови» вопрос решается в желаемом Вами смысле.

Кончаю второй том Самгина⁵. В первых числах мая поеду в Россию⁶ и все лето буду ездить по тем местам, где жилал. Это — решено. Но Вы, пожалуйста, никому не говорите об этом, дабы не делать лишнего шума. Я еду для того, чтоб видеть все, что сделано за пять лет моей жизни здесь. Шум поменяет мне. До меня доходят слухи, что предполагено чествовать Горького⁷. Похлеبات с хорошими товарищами хороших щей я, конечно, готов. Но — тихо. Меня уже начали «чествовать», каждый день получаю телеграммы, а одна 137 слов! Чего же смотрит Рабирин? Нет, серьезно! Мне хочется написать книгу о новой России⁸. Я уже накопил для нее много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать — невидимкой — на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин делегатов, на мусульманок и т. д. и т. д. Это — серьезнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения.

Очень трогательные и удивительно интересные письма пишут мне разные маленькие строители новой жизни из глухих углов страны.

Будьте здоровы, дорогой А(ртеми) Б(агратович). Желаю Вам бодрости духа, успехов работы.

Крепко жму руку.

А. Пешков

10. X. 1927.

Sorrento

Является ответом на письмо Халатова от 1 октября.

24 октября Халатов телеграфировал: «Прошу согласия опубликовать первое — строки вашего письма, характеризующие значение ЦЕКУБУ, второе — часть письма, касающуюся вашего желания написать книгу «о новой России». Горький, видимо, дал согласие, так как отрывки из этого письма были опубликованы в «Известиях» 2 ноября 1927 г. (о ЦЕКУБУ), в «Правде»

29 марта 1928 г. (о приеме в СССР и замысле книги о новой России) и в пробном номере газеты «Читатель и писатель» 4 декабря 1927 г. (об издании художественной литературы).

С некоторыми сокращениями письмо напечатала газета «Советская культура» 27 марта 1958 г.

¹ Халатов в письмах от 19 августа и 1 октября (АГ) просил выслать ему книги Горького с дарственной надписью.

² Лев Наумович Войтоволский (1876—1942) — историк литературы, критик и публицист. Сотрудничал в журналах «Печать и революция», «Новый мир», «Красная новь». Автор очерков по истории русской литературы XIX—XX вв. и книги «По следам войны. Походные записки 1914—1917 гг.». Переписывался с Горьким.

³ Николай Николаевич Фаддв (1887—1961) — литературовед. Переписывался с Горьким.

⁴ Книжки, в которых описывался быт американских бродяг — «трампов», были издаваемы следующие:

Б. Дэвис. На задворках жизни. Похождения американского бродяги. Л., ГИЗ, 1927.

Г. Эрикссон. Джаз. Приключения бродяг в Америке. Л.—М., «Книга», 1927.

Г. Эрикссон. От тюрьмы к кино. Приключения бродяг в Америке. Л., «Книга», 1927.

Д. Тулли. Автобиография бродяги. М.—Л., Госиздат, 1926.

Г. Кемп. Мьюгье милл. ГИЗ, 1927.

Муллини Глэн. Хобо. Приключения студента из Чикаго. М.—Л., ГИЗ, 1927.

В письме к Н. А. Грудzewу (июнь, после 7, 1927) Горький писал: «За этот год издаю четыре книжки «трампов»: «Хобо» Муллини, Эрикссон, Тулли, Дэвис. — Одна другой хуже и в безобразных переводах. Интересен лишь Кемп, но впрочем это не бродяга. Вообще переводная литература Госиздата очень плоха» (АГ).

⁵ Второй том романа «Жизнь Клима Самгина» был закончен Горьким в феврале 1928 г.

⁶ М. Горький приехал в СССР 28 мая 1928 г.

⁷ 18 ноября Халатов писал Горькому, что в связи с исполнявшимся 35-летием литературной деятельности и исполнившимся в марте 1928 г. 60-летием писателя, Госиздат, «Известия» и «Правда» в порядке общественной инициативы образовали комиссию по организации чествования Горького в составе: Н. Н. Сизморова-Степинова, А. В. Дунаевского, Н. С. Ганецкого, М. Н. Покровского, А. Б. Халатова и др.

⁸ В беседе с сотрудником газеты «Рабочий край» Горький сказал: «Было бы смешно, если бы я, пробыв в СССР несколько месяцев, сразу бы стал писать роман о Советской России. Я пишу свои впечатления, то, что я видел и слышал, и то, что я обо всем этом думаю» («А. М. Горький «Рабочему краю». Беседа с сотрудником в день отъезда из СССР». «Рабочий край», Иваново-Вознесенск, 1928, 14 октября). Эти впечатления писателя отражены в очерках «По Союзу Советов».

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 12 октября 1927 г.

Италия. Сорренто. Горькому

Правление ГИЗа и редакция «Известий» приветствуют Вас с тридцатипятилетием литературной деятельности. Трудно перечислить Ваши огромные заслуги на литературном и общественном поприще. В Вашем лице советская страна имеет не только выдающегося художника, но и борца за идеалы рабочего класса, из рядов которого Вы вышли сами. В годы царизма Вы боролись за общественное начало в русской литературе, в дни десятилетия Октября мы с особенной яркостью вспоминаем, что Вы задолго до Октября в своих художественных произведениях были провозвестником пролетарского бунта. Правление ГИЗа и редакция «Известий», приветствуя Вас в день тридцатипятилетия, выражают твердую уверенность, что это не только дата, отмечающая огромный пройденный творческий путь, *(но)* и связующее звено между ним и Вашим дальнейшим сотрудничеством с ГИЗом и «Известиями» и деле служения трудящимся массам СССР.

Заведующий Госиздатом *Халатов*
Редактор «Известий» *Скворцов-Степанов*¹

Телеграмма была опубликована под заголовком «Привет Горькому» в газете «Известия» от 12 октября 1927 г.

¹ Иван Иванович Скворцов-Степанов (1870—1928) — коммунист, видный политический деятель, с 1925 г. — член ЦК ВКП(б). В то время был ответственным редактором газеты «Известия». В связи со смертью И. И. Скворцова в «Известиях» 10 октября 1928 г. был опубликован очерк Горького «И. И. Скворцов».

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 29 XI 1927 г.

М. Горькому

Дорогой товарищ!

Для Вас, работника на идеологическом фронте советского государства, не является секретом то обстоятельство, что Госиздат, будучи наиболее мощной издательской организацией, в то же время взаимодейственно наименее чем какое-либо другое

издательство, связан с читательскими массами, являющими собой потребительский контингент гизовской продукции.

Любое издательство, как наше так и за границей, открывает каналы для своей продукции, продуцирует духовные сдвиги у читателей и приобретает влияние на их запросы только в том случае, если оно, кроме выбрасываемой им на рынок тяжелой книги, имеет в своем распоряжении периодику легких массовых журналов, подвижных многотиражных еженедельников. В Госиздате же до сего времени преобладала неповоротливая периодика тяжелых журналов, ежемесячных и научных трудов, выходящих по несколько книг в год.

С этой точки зрения Госиздату совершенно необходимо иметь легкий иллюстрированный, хорошо выполняемый литературно-художественный и критико-библиографический массовый журнал-газету, который бы связал советского писателя и ГИЗ с читателем и который бы выявил ГИЗу лицо читателя, а читателю лицо ГИЗа и писателя.

Помимо этой чисто практической задачи, уже давно напрашивается необходимость в периодически издаваемом литературно-художественном и критико-библиографическом еженедельнике, чего не могут заменить собой журналы типа «Красная нива»¹, «Огонек»² и т. п.

Что потребность в серьезном художественно-литературном и критико-библиографическом еженедельнике назрела — это можно уже видеть хотя бы по тому, что беспрестанно издаются газеты-однодневки, вроде «Октябрьской газеты» ВАППа³ и газеты «За культуру и революцию»⁴ о(бщест)ва «Долой неграмотность» и т. д.

Госиздат, имеющий в своем распоряжении достаточно технических средств, объединяющий вместе с тем наиболее крупные литературные силы в своих ежемесячных журналах, к тому же кровно заинтересованный в том, чтобы такой еженедельник был поставлен наиболее образцово — понятно должен издавать литературный журнал скорее, чем какое бы то ни было другое издательство.

Вот почему мы уже месяца два, как возбудили ходатайство о разрешении издавать нам нечто вроде такого еженедельного журнала-газеты.

Пробный номер такого проектируемого нами журнала под заголовком «Читатель и писатель»⁵ выходит на днях. Быть может, мы остановимся не на том типе еженедельника, какой определится этим первым номером. Мы попробуем в середине декабря выпустить второй пробный выпуск. Но независимо от того, удовлетворит или не удовлетворит нас оформление еженедельника по его первым номерам — иметь подобное издание мы считаем совершенно необходимым.

Нам известна при этом Ваша роль в советской прессе и Ваша

деятельность в оформлении советской идеологии. Мы даем себе полный отчет в том, что Вы в большой степени сможете содействовать нам, участвуя в том издании, которое мы проектируем. Мы рассчитываем на это Ваше участие (...).

Зав. Госиздатом *Арт. Халатов*
Завед. отд. периодики *Васильченко*

¹ «Красная нива» — еженедельный литературно-художественный иллюстрированный журнал под редакцией А. В. Луначарского, В. П. Полонского, Н. И. Стенякова-Скворцова и др. Выходил с 1923 по 1931 г. в изданиях «Известий».

² «Огонек» — еженедельный иллюстрированный журнал под редакцией М. Кольцова. Начал выходить с 1923 г.

³ «Октябрьская газета» — еженедельная газета Федерации объединенных советских писателей РСФСР. Иллюстрированная. М., 8 октября 1927 г., изд. ФОСП.

⁴ «За культурную революцию». К десятилетию Октябрьской революции. Одесская газета Центрального совета общества «Долой неграмотность» и редакция журнала «За грамоту». Иллюстрированная. М., ноябрь 1927. Редакция: М. И. Калинин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, Г. Я. Попов, В. А. Шмулевич, М. С. Эйштейн, Д. И. Эрде (редактор), Л. М. Римский (секретарь).

⁵ «Читатель и писатель» — иллюстрированная газета. Еженедельник литературы и искусства (1927—1928). Первый пробный номер вышел 1 декабря 1927 г. и был послан Горькому. В 1927 г. издали 2 номера, а в 1928 г. — 52 номера.

5

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 29/XI 1927 г.

Дорогой товарищ!

По согласованию с Коллегией Наркомпроса и Отделом Печати ЦК ВКП(б) при ГИЗе создается Совет по делам издания и распространения советской книги ¹ с целью наиболее тесной увязки книжного дела между отдельными издательствами Союза, наилучшего удовлетворения издательскими организациями требований органов, ведающих культурно-просветительной работой, и широких читательских масс в наилучшей взаимной информации.

Созданием Совета советская общественность должна теснее увязаться как с работой ГИЗа, так и с жизнью вообще издательских организаций.

Заседания Совета будут иметь место раз в 2—3 месяца с целью заслушивания докладов заведующего ГИЗом и отдельных докладов крупнейших издательств о своей издательской деятельности и основных вопросах издательской политики и книжного рынка.

Обмен мнений в Совете с вовлечением в них издательских организаций, учреждений, ведущих культурно-просветительную работу,

руководящих партийных и советских организаций, авторов и, наконец, представителей читательских групп, несомненно, послужит основанием к достижению новых успехов в организации дела издания и распространения советской книги.

Сообщая Вам о создании Совета, позволяю себе рассчитывать на Ваше постоянное участие в работе Совета.

О дне первого заседания Совета, созыв которого намечается после XV партсъезда², Вы будете поставлены в известность заблаговременно.

С товарищеским приветом

Заведующий ГИЗом Арт. Халатов

На письме имеется вторая дата — 3.XII., — возможно, что это дата отправления.

¹ В докладе Совету народных комиссаров РСФСР сообщалось: «В целях более близкой связи с советской общественностью... организовали Совет при ГИЗе с привлечением руководителей политико-просветительной работы в Союзе (Агитпроп и Отдел печати ЦК, Наркомпрос, Главполитпросвет и и т. д.), крупнейших издательства и отдельных ответственных товарищей. Этот Совет по изданию и распространению советской книги будет собираться на периодические совещания при Госиздате и обсуждать основные вопросы в области взаимоотношений наших книжных организаций и общей политики книжного дела...» См.: А. Б. Халатов. Работа Госиздата РСФСР и ближайшие перспективы. (Доклад Совету Народных комиссаров РСФСР.) М. — Л., ГИЗ, 1927, стр. 11.

² XV съезд ВКП(б) состоялся 2—19 декабря 1927 г.

6

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 6 декабря 1927 г.〉

Дорогой т. Артемий Багратович, —

Подтверждаю телеграмму: сотрудничать в «Читателе-писателе» — буду. Весьма сожалею, что не попал в пробный №. Манера переписываться телеграммами — плохая, — не говоря о том, что дорогая — манера. Из Вашей телеграммы я не понял, о чем идет речь. А теперь неясно представляю, чем будет отличаться «Читатель» от «Печати и революции»¹. Очень жду пробного номера.

Сотрудничать начну с января — кончив работу над романом².

Вы получили первый том?³

Будьте здоровы. Всего доброго!

А. Пешков

6. XII. 27

Sorrento.

P. S. Если видите Крючкова, — попросите его послать мне XIX том⁴ и Самгина⁵.

А. П.

¹ «Печата и революция» — журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Издавался с 1921 по 1930 г. Ред. коллегия: А. В. Луначарский, И. П. Стеняков-Скворцов, М. Н. Покровский и др.

² М. Горький в это время работал над вторым томом романа «Жизнь Клима Самгина».

³ По-видимому, Горький послал Халатову первый том романа «Жизнь Клима Самгина», который вышел в Берлине в издании «Кинга».

⁴ В 1927 г. Государственное издательство выпустило т. XIX Собрания сочинений Горького, в котором был опубликован роман «Дело Артамоновых».

⁵ В начале декабря 1927 г. в газетах появилось объявление о выходе в свет в издании ГИЗа романа «Жизнь Клима Самгина» (т. I). 23 декабря И. П. Крюкова сообщила Горькому: «Жизнь Клима Самгина» вышла в издании ГИЗа в начале декабря тиражом 20 000 тыс. и через две недели была распродана» (АГ).

7

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 12 декабря 1927 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

получил Ваше письмо, в коем, извещая о создании «Совета» по делам издания и распространения советской книги, предлагаете мне «постоянное участие в этой работе». Сомневаюсь в том, что могу быть полезен. Что я могу сказать, не зная, как у Госиздата организован распространительный аппарат. Не знаю даже, в чьих руках книжки на ст(анциях) жел(езных) дорог и, если в руках Госиздата, — чем он торгует в киосках? Суворин и Ефимов торговали «легкой» книгой, русской, иностранной беллетристикой, на пристанях, на пароходах по Волге и Каме у них тоже торчали книгоноши¹.

Теперь, как я вижу, переводная беллетристика почти все в руках частных издательств и они издают ее лучше Госиздата, где выбор книг бессистемен и вообще плох. Примеры: за два года издано семь книг, описывающих жизнь американских бродяг, четыре из них скучны и бездарны. Стефан Цвейг издан после того, как был выпущен изд(ательст)вом «Время». Примеров параллелизма множество не только в области беллетристики. Книга для «легкого чтения» — ходкий товар, который мог бы хорошо окупить тяжелую литературу, она едва ли скупается, если вспомнить такие факты, как издание двух «Историй» партии беков — Невского² и Ярославского³, и бесчисленного количества различных «мемуаров», которые должен бы взять только один «Истпарт».

Вот сейчас Париж выпускает целую серию романов⁴ — биографии Дантона, Робеспьера, Бальзака, Монтеня, Шелли, Вийона и т. д. Если б Госиздат взял на себя переводы и издание этой серии, то, снабдив каждую книгу соответствующим предисловием, он дал бы новому читателю литературу. Затем: недостаточно

обращается внимания на «колоннальную» литературу Европы. И вообще, много можно и должно бы сделать в Госиздате, но, может быть, многое уже и делается.

И не мало делается небрежного. В «Каталоге Госиздата» 19—25 гг.) только что полученном мною, не отмечены распроданные издания, а таковые есть. В отделе прозы Бласко Ибаньес² помещен на 30 и 34 стр., как Бласко и как Ибаньес, это все равно, как из Гоголя делать двух писателей: один — Николай, а другой — Гоголь.

Ласниц Курт, а не Курд. Экоут и Экхуд — один и тот же автор. Д'Эм и Д'Эсм — тоже одно лицо. И вообще «опечаток» в Каталоге — много, но это не опечатки типографии, а «описки» — ошибки составителей Каталога. С «Бюллетенями» Госиздата он во многом расходится.

Повторяю: мне многое не известно и не понятно. Возможно, что я ошибаюсь. Не сердитесь. Всего доброго Вам.

А. Нешков

12. XII. 27.

¹ Алексеем Сергеевич Суворин (1834—1912), петербургский книгоиздатель и типограф. Суворин открыл книжные магазины в Петербурге, Москве и других крупных городах, а, кроме того, заключил договор с железнодорожным ведомством, и на всех крупных железнодорожных станциях открыл киоски, где продавались газеты и книги.

Петр Александрович Ефремов (у Горького опечатка) (1830—1907) — известный библиограф и библиофил, владелец русских классиков.

² В 1926 г. издательством «Прибой» (Ленинград) были изданы книги В. Нешкова: «Очерки по истории РКП(б)» (изд. 2, т. 1) и «История РКП(б)». Краткий очерк (изд. 2).

³ В 1927 г. в издании ГИЗа вышли его «Краткие очерки по истории ВКП(б)» (ч. I), «От народничества до периода ликвидаторства» (изд. 2) и ч. II «От периода ликвидаторства до XV съезда ВКП(б)».

⁴ По-видимому, Горький имеет в виду следующие книги: Lecomte George. La vie amoureuse de Danton (Coll. Leurs amours). 1927; Henri Béraud. Mon ami Robespierre (Coll. Le Roman des Grandes Existences). 1927.

В том же году издана ГИЗом книга Анри Бера «Мой друг Робеспьер». H. Cornilleau. Honoré de Balzac (Coll. Les Hommes et les Oeuvres). 1927. André Lemaître. La vie gaillarde et sage de Montaigne (Coll. Le Roman des Grandes Existences). 1927.

⁵ Курт Ласниц (1848—1910) — немецкий писатель. Жорж Эскоуд (1854—1927) — бельгийский писатель. Жан д'Эм (р. 1893) — французский писатель.

8

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто, 17 декабря 1927 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович,—

на мой взгляд пробный № журнала «Читатель и писатель» всецело плох.

Формат неудобен. Красавец с папирской в руках ¹ и все другие картинки не интересны и тоже плохи, если сравнить их с отличной техникой иллюстраций «Экрана» и «Работницы» ². Памятник Александру III-му воспроизводится 616-й раз.

Титул журнала — не удачен. При чем тут читатель? Ведь редакция не предлагает ему участия в журнале наравне с писателем, который тоже не на месте в титуле журнала. Известно: писатели — пишут, читатели — читают, до сей поры только в этом выражалась их совместная деятельность. Не думаю, что редакция «Читатель и писатель» способна изменить этот порядок. Не ясно: какого читателя имеет она в виду, — того, который освещается «Огоньком»? Мне кажется, что Госиздат поступил бы целесообразнее, взяв под «свою руку» этот распространенный журнал, сделав его более приличным технически, — крупнее шрифты, отчетливее снимки, лучше бумагу — и сделав более значительным по содержанию. Мне кажется, что не стоит пропагандировать хулиганские частушки:

Ребятишки, — режьте, бейте,
Ничье жизни суда,
Северух зарезал я —
Отсидел четыре дня.

Не вижу ничего интересного и поучительного в воспоминаниях о мошеннишке корнете Савине, в романе 24 авторов ³ и вообще в двух гнетих «литературы», печатаемой «Огоньком».

Литература пробного номера «ЧиП» отличается от таковой же «Огонька» не многим по существу, но, боюсь, что по форме она — хуже. В статье «От редакции» такая фраза: «Наша цель отразить переходную эпоху во всех нюансах ее проявления». Не говоря о том, что «ЧиП» никак не «нюансов» не отразил, «нюансы» тут совершенно лишни и фраза не очень грамотна. В одной из рецензий говорится: «Жизнь часто жестока и уродлива и она создает уродливый быт, в силу которого дети оказываются на улице». Едва ли эта повесть заинтересует читателей, но она, я уверен, рассмежит его своей наивностью. В другой рецензии называется «некоторым недостатком» такая чепуха: «Ошерясь поля лотели с высунутыми языками и тяжело дышали». Рецензент — деликатный человек, но — это уже крупный недостаток в данном случае. А что значит «Несколько фантастический роман»? ⁴

Таких шуточек в пробном №-ре не мало и выходить с ними на улицу не следовало бы. Мы и без «ЧиП» а достаточно малограмотны. Мое мнение таково: эпоха, переживаемая нами, характеризуется взрывом творческих сил в России и духовным одичанием Европы, Америки, так вот всестороннее, объективное освещение этих двух процессов и должно быть поставлено целью журнала. Полагаю, что русскому читателю было бы и забавно, и поучительно прочитать о профессоре богословия ⁵, который подал в Праге заявление

о своей готовности занять должность палача, о мэре г. Чикаго⁴, который публично жег в костре книги знаменитых английских писателей, пожертвованные авторами Чикагской библиотеки, о том, что берлинские судебные учреждения загружены делами об истязании детей, о бандитизме в Америке и других бесчисленных и неоспоримых признаках разложения буржуазии во всем мире.

Не менее поучителен и процесс разложения «рафинированной» интеллигенции нашей в Париже, Берлине и других Вавилонах, любознательно прочитать о русских фашистах, которые стремятся, — как они говорят, в своем «Манифесте»⁷ — построить государство на Евангелии, доказывая, что Евангелие оправдывает: неравенство, право господства сильного над слабым, лозунг «цель оправдывает средства» и т. д., об эстетствующем критике Айхенвальде, который похоронил живого писателя Карла Чапека⁸, о том, как под рубрикой «Спортивный обзор» «Рудль»⁹ печатает: «Богослужение совершается по праздникам» там то; о целом ряде курьезнейших фактов, о забвении русского языка, о жестокайшей склоке среди эмигрантских кружков и т. д. и т. п. — вообще обо всем том, что свидетельствует, как быстро дичают и звереют люди, которые 10—15 лет тому назад считали себя духовными потомками Герцена, Белинского, Добролюбова... А вместе с этим необходимо отметить такие факты, как отказ русского рабочего изобретателя от 70 тысяч награды, о росте чувства собственного достоинства в массовом человеке Союза Советов, о переломе быта, о росте грамотности национальных меньшинств, о их попытках создавать свое искусство, — сказать свое слово и пр.

Нужно отмечать и такие заявления, как недавно напечатанное в Парижском журнале «Комедия», «Вкус к русской музыке — одно из благороднейших завоеваний французской публики».

Это тоже — неплохо, таких заявлений — немало, они разлазятся все чаще по разным поводам, знать их — следует.

Делать все это и значит «отражать эпоху во всех проявлениях» ее воли к творчеству нового, а также к разрушению отжившего.

Если что-нибудь сказалось излишне резко, Вы мне это извините.

Привет сердечный.

А. Пешков

12. XII. 27

В стихах Безыменского¹⁰ две сноски, но не 1, 2, а обе помечены единицей. Примечание же — одно, а другое — перевод немецких слов — не сделано.

«Поэзия дня»¹¹ — статейка из тех, которые писались в 80-х годах для возбуждения гуманизма. Тогда и сложилась известная

пословица: «Отчего гуманист гладок? Пожалел, да и — на бок!». Очень, очень плох пробный №, да и вообще затея издавать «Читатель и писатель» — недостаточно продумана.

А. И.

Дата письма устанавливается по письму Халатова от 25 декабря 1927 г. Письмо частично (отрывок о русском рабочем изобретателе) было опубликовано в 1936 г. в № 8 журнала «Изобретатель» (стр. 7).

¹ Имеется в виду портрет Горького с папиросой в руках, опубликованный на четвертой странице «Читателя и писателя» 1 декабря 1927 г.

² «Экран» — иллюстрированный литературно-художественный и политический журнал. Начал выходить с 1923 г.

«Работница» — ежемесячный массово-политический иллюстрированный журнал. Выходит с 1923 г. В 1923—1930 гг. издавался отделом ЦК ВКП(б) по работе среди женщин.

³ Горький имеет в виду конюшу «Частушки». (Из материалов, собранных газетой «Беднота».) Составил Н. Захаров-Монский. Библиотека «Огонек», № 183, М., 1926. На стр. 29-й приведены частушки, цитируемые Горьким.

В «Огоньке» за 1926 и 1927 гг. упоминались об известном авантюристе конца XIX — начала XX в. корнете Савине найти не удалось.

В № 1—25 журнала «Огонек» за 1927 г. печатался детективный роман «Большие пожары», в написании которого приняли участие писатели: А. Аросев, Н. Бабель, Н. Березовский, Р. Будашев, А. Грив, А. Зорич, Е. Зоули, М. Зощенко, В. Ийбер, В. Каптерия, М. Косылов, Б. Мавренков, Л. Леонин, Ю. Либединский, В. Лидин, Н. Липин, Г. Никитин, Л. Никулин, А. Новиков-Прибой, Н. Оганев, А. Саварский, М. Слоимский, А. Толстой, К. Федин, А. Яковлев.

⁴ Горький имеет в виду опубликованные в «Читателе и писателе» 1 декабря 1927 г. рецензии: П. Е. на сборники рассказов Л. Сейфуллиной «В будний день» и «Два друга»; Е. С. П. на книгу Сергея Жданова «Мартыньиха»; А. А. Ш. на книгу Р. Маколеев «Остров сирот».

⁵ В статье «О безэмигрантской литературе» Горький писал: «Антон Карташев, христианин, профессор богословия. В прошлом году в одном из собраний парижских эмигрантов он истерически кричал, приглашая публику бить, резать, удушать большевиков. В том же прошлом году нахослованское правительство, по сообщению «Последних новостей», объявило, что ему необходим палач. Эту почтенную должность пожелало занять семнадцать кандидатов, один из них — профессор богословия. Не знаю, Карташев ли это, но считаю возможным — он» (Собр. соч., т. 24, стр. 338).

⁶ 25 октября 1927 г. парижская безэмигрантская газета «Последние новости» сообщила, что мэр г. Чикаго Томпсон назначил на 24 октября сожжение 100 книг, подаренных городской библиотеке королевой Викторией. В числе их были Тениссон, Карлейль и др.

⁷ В письме к С. Н. Сергееву-Ценскому от 29 октября 1927 г. Горький писал: «А вот в 18-см № газеты „Голос верноподданного“ записана программа „партии“ легитимистов, и в программе говорится, что „эпистолы“ оправдывают: первенство, право господства сильного над слабым и возмунт „даль оправдывает средства“» (Собр. соч., т. 30, стр. 41).

⁸ Горький имеет в виду статью Ю. Айхенвальда «Литературные заметки», опубликованную в газете «Руль» 16 ноября 1927 г. Статья начиналась словами: «Скончавшийся на днях чешский писатель Карел Чапек известен и русским читателям...» В «Литературных заметках», опубликованных в газете «Руль» 30 ноября, Ю. Айхенвальд приносил извинения К. Чапеку и писал, что его ввело в заблуждение появившееся в газетах ложное сообщение о кончине Чапека.

⁹ «Руль» — безэмигрантская газета, издававшаяся в Берлине в 1920—1932 гг. под редакцией Н. В. Гессена, В. Д. Набокова и А. И. Каминки.

Горький и статье «О безэмигрантской литературе» называет ее «самой злой и наиболее бесперемежно лживой газетой «фашистского умонастроения» (Собр. соч., т. 24, стр. 340).

¹⁰ А. Безименский. Вступление к моей поэме. (Роман с персильной.) «Читатель и писатель» от 1 декабря 1927 г.

¹¹ Статья П. Кудряшова «Поэзия Московского дня» опубликована в «Читателе и писателе» 1 декабря 1927 г.

9

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 25 декабря 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович,

пользуясь случаем отъезда А. И. Свидерского ¹, посылаю Вам это письмо и небольшую посылку (икру и грибов).

Получил В(аши) последние два письма от 12 и 17/XII о художественной литературе ГИЗа, аппарате распространения, а также отзыв о пробном первом номере «Чип». В основном с Вашими замечаниями и предложениями согласен, они почти целиком совпали и с моими замечаниями и соответствующими предложениями и указаниями, которые я по аппарату ГИЗа сделал и сделаю на основании Ваших замечаний еще раз дополнительно. Дело плохо обстоит у нас с переводной литературой, на это обращено соответствующее внимание. <...>

Посылаю Вам давно изготовленный альбом ЦЕКУБУ ², а также выпущенную коротенькую брошюру на трех иностр(анных) языках, предназначенных для приезжающих иностранных делегаций в X Октября.

Препровождаю при сем второй пробный номер «Чип» ³, который также имеет ряд недостатков, но лучше первого номера. Необходимость в издании такой еженедельной литературной газеты все же налицо, возможно, что первые номера будут не совсем удачны, но мне кажется, что при учете всех недостатков, которые мы будем постепенно исправлять, в результате будем иметь необходимую нам еженед(ельную) литературную газету, как проводник в основном Гизовской продукции. <В> ближайшие дни пришлю Вам план изданий — сочи(ений) М. Горького на 1928 юбилейный год — весь этот план нами согласовывается и совместно вырабатывается.

Весною ожидаем Вас в Москве.

Пока столько.

Наилучший привет.

Ваш Арт. Халатов

¹ Алексей Иванович Свидерский (1878—1933) — старый большевик, в 1928 г. — начальник Главискусства.

² Альбом ЦЕКУБУ «Пять лет работы Центральной комиссии по улучшению быта ученых при Совете народных комиссаров РСФСР (ЦЕКУБУ) 1921—1926» (с иллюстрациями и диаграммами). М., ЦЕКУБУ, 1927.

Коротенькая брошюра — «La commission central pour l'amélioration des conditions de vie des hommes de science auprès du Conseil de commissaires du peuple». Москва, Tsékoubov, 1927. Титульный лист, обложка, текст на французском, английском и немецком языках.

³ Второй пробный номер газеты «Читатель и писатель» вышел 24 декабря 1927 г.

10

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 30 декабря 1927 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

извините, что снова беспокою Вас.

Необходимо обратить Ваше внимание на глубокую несправедливость, допускаемую кем-то по отношению к прекрасному писателю Сергееву-Ценскому.

Его повести, его роман печатаются в «Новом мире», рассказы в «Красной ниве», роман «Валя» издан Госиздатом¹. Он превосходный техник, литературная молодежь должна учиться по его книгам.

Но, вот, издательство «Мысль»² хотело издать собрание его сочинений, издало уже один том, а остальные кто-то запретил издавать³. Почему?

Если это — начало борьбы с «частником» и Госиздат сам хочет издать ценные книги — я понимаю. Но — так ли? Нет ли тут недоразумения, крайне обидного для автора?

И, затем, как все писатели, он живет исключительно на свой литературный заработок. Зачем обижать полезного и ценного человека, который уже почти 25 лет работает, переведен на европейские языки?⁴

Очень прошу Вас, А(ртеми) Б(агратович), обратите внимание на этот факт. Было бы крайне приятно видеть Ценского напечатанным в Госиздате, так отлично, как печатается Мамин-Сибиряк, например.

Адрес Сергеева-Ценского:

Крым. Алушта.

Простите за беспокойство.

До свидания. Крепко жму руку.

А. Пешков

30. XII. 27.

Sorrento

Пожалуйста передайте записку Крючкову, я не знаю его адреса.

Письмо было опубликовано в заметке «Из архива „Красной нови“» в журнале «Огонек» 23 марта 1958 г. (стр. 23).

² В 1927 г. в № 4 журнала «Новый мир» был опубликован рассказ С. Н. Сергеева-Ценского «Живая вода», а в № 9 и 10 печатались повесть «В грозу». В № 19 журнала «Красная новь» был опубликован рассказ «Граф и Граф», а в № 41 рассказ «Воицы». Первая часть романа «Преображение» «Вали» была напечатана в 1926 г., вторая часть — «Обреченные на гибель» — печаталась в № 9-12 журнала «Красная новь» за 1927 г.

³ «Мысль» — частное издательство в Ленинграде. Выпускало книги по искусству, общественедению, естествознанию, сельскому хозяйству, технике. Имело представительство в Москве.

⁴ В первой половине декабря 1927 г. Сергеев-Ценский писал Горькому: «Не знаю, дошло ли до Вас мое письмо и книжечка «Жестокость» — единственная, которую пока выпустила «Мысль». Остальные новые книги запрещены и изданию. Даже «Печаль полей» — старая книга — и та почему-то не разрешается...» (АГ).

В ответ на это Горький писал Сергееву-Ценскому: «О Ваших книгах сейчас же напишу в Глазнет. Почти уверен, что тут какое-то недоразумение» (Собр. соч., т. 30, стр. 55). По-видимому, так оно и было, так как в конце 1927 г. в издательстве «Мысль» вышли «Молчальники» и «Наклонная Елена» Сергеева-Ценского.

⁵ Первая часть романа Сергеева-Ценского «Преображение» была переведена на английский язык и вышла в Нью-Йорке в 1926 г. с предисловием Горького.

11

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 8 февраля 1928 г.)

Дорогой Артемий Вагратович,—

третьего дня получил Ваше письмо, подарки ¹ — очень тронут! Спасибо. Сколько лет Вашей дочери? Хочу привезти ей что-нибудь итальянское. А Вам что привезти? Посылаю «Сказ о Ермаке» Вяткина, одного из членов редакции «Сибирских огней». Вещь — не плохая. Кое-кто говорит, что автор «осоветил» Ермака. Мне кажется, что это — не грех, хотя я не вижу, что Ермак «осоветчен». Не найдете ли Вы возможным издать этот «Сказ»? ² Это следовало бы сделать не только потому, что надо поддерживать автора в его желании «осоветивать» темы, но и потому, что вещь, наверное, будет читаться.

Следовало бы также издать напечатанную в 8-й книге «Печать и революция» статью Д. Горбова «10 лет эмигрантской литературы» ³. Статья эта дает хорошую картину духовного оскудения эмигрантских писателей, а журнал «Печать» и «Революция» широкой публикой мало читается, и статья может пройти незамеченной. Это будет жалко, ибо наши молодые писатели плохо знают о том, каковы литераторы эмигранты и что они делают. Мне известно, что о достоинствах эмигрантской литературы существует преувеличенное мнение среди молодежи, но мнение это

основано на заслугах в прошлом и на незнакомстве с работами Бунина, Куприна и К^о в настоящем. Литераторы у нас читают, к сожалению, мало, а книжку Горбова, вероятно, прочитали бы. Конечно, она интересна не только для одних литераторов.

Да, заметно, что литераторы наши учатся мало, да и то — по необходимости, а не по страсти учиться. Это — печально. Сейчас у меня в гостях Безыменский, Жаров и Уткин⁴. Талантливые ребята, особенно последний. Большим, даже огромным поэтом он может быть. А Безыменский метит в Некрасовы Союза Советов. Хорош и Жаров, очень. Большая радость видеть таких людей.

Ну вот сколько я Вам написал. Еще раз — спасибо за папирсы, конфеты. «Писатели и читатель» — второй № тоже не понравился мне. Не вижу — куда, — во что он метит? Рецензии — безответственны и поэтому для молодежи вредны. Раздражают, но — не учат⁵.

Рассуждения Чужака о «психологизме» — страшно запутаны. Разве можно утверждать, что «адорового психологизма» — нет?⁶ Ну, а «психологизм» пролетарских литераторов и поэтов — не адоров?

Крепко жму руку.

А. Пенков

8. II. 28.

¹ В конце декабря 1927 г. Халатов направил Горькому посылку (см. письмо Халатова от 25 декабря 1927 г.).

² Имеется в виду поэма Г. А. Вяткина «Сказ о Ермаковом походе», напечатанная в «Сибирских огнях» (№ 1 за 1927 г.). В письме от 14 марта 1928 г. Халатов писал Горькому, что поэма Г. А. Вяткина принята к печати отделом крестьянской литературы ГИЗа.

³ Речь идет о статье Д. А. Горбова «10 лет литературы за рубежом», напечатанной в 1927 г. в № 8 журнала «Печать и революция» (стр. 9—35). Об отдельном издании этой статьи см. примечание к письму Горького Халатову от 25 марта 1928 г.

⁴ А. Безыменский, А. Жаров, Н. Уткин приехали в Сорренто в феврале 1928 г. Об этом визите к Горькому см. статьи: А. Безыменский «У Горького» («Вечерняя Москва», 1928, 28 марта); А. Жаров «Горький приедет обязательно» («30 дней», 1928, № 4) и «Газетом по Европам» (Первая встреча с Горьким) («Комсомольская правда», 1928, 16 февраля). Последнюю статью А. Жарова Горький критиковал за ошибки фактического характера (см. письмо Горького А. Жарову от 16 марта 1928 г. — АГ). А. Жаров в своем ответе Горькому от 19 марта признавал критику Горького справедливой (АГ).

⁵ Речь идет о втором номере «Читателя и писателя». На стр. 9—10 этого журнала под общим заголовком «На книжном рынке» напечатано 16 рецензий на книги разных авторов.

⁶ Речь идет о статье Н. Чусика «Гармоническая психопатия». (Статья дискуссионная), в которой есть такие слова: «адоровый психологизм — это чистейший понос». («Читатель и писатель», 1927, 24 декабря).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 8 февраля <1928 г.>

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

И. А. Груздев сообщил нам о Вашем интересном замысле сборника критических статей о Вашем творчестве марксистов, народников и модернистов¹. Принципиально всячески приветствуя план такой критической антологии, признавая несомненный интерес широкого обзора критических мнений о Вашей литературной деятельности за 30 лет во всем разнообразии характеристики и направлений, ГИЗ, к сожалению, вынужден в этом вопросе считаться с фактом недавнего выхода в свет хрестоматии марксистских статей о Горьком (Литературно-критическая библиотека под редакцией Н. К. Пиксанова. Максим Горький. Составили П. Е. Будков и Н. К. Пиксанов, 1928, ГИЗ, стр. 183)². Аналогичный сборник, тоже марксистского направления, вышел в частном издательстве («Никитинские субботники»)³. Это делает нежелательным в настоящий момент воспроизведение в третий раз статей критиков-марксистов, без которых выпускать предполагаемый сборник не представляется удобным. Необходимо также считаться с невозможностью осуществить предположенное издание к юбилею за недостатком времени, а также с трудностью включения в экстренном порядке в производственный план большого сборника в 20 печ(атных) листов, ввиду ограниченности общих норм листажа по отделам.

Ввиду этого, не отказываясь от мысли вернуться в будущем к этому жизненному и ценному плану, ГИЗ вынужден пока ограничиться подготовкой к выходу принятых ранее юбилейных критических изданий о Вашем творчестве (ряд книг И. А. Груздева и др.)

Заведующий Госиздатом

А. Халатов

Датируется по письму Горького к И. А. Груздеву от 23 декабря 1927 г.

¹ В письме к Груздеву от 23 декабря 1927 г. Горький писал: «А вот что было бы, пожалуй, интересно и нужно читателю, это — сборник статей о Горьком: марксистов — Плеханова, В. В. Воровского и др.; народников — Редько, Михайловского и т. д.; «модернистов» литературы, напр., Ильяшенция Анненского — о «На дне» из «Книги отражений»; Д. Мережковского — «Не святая Русь», о «Детстве», Философова — «Молит Горького»; и был даже рекомендовал злые выходы Гиппиус и, пожалуй, грубости Аришбаева, Куприна» (АГ).

* «Максим Горький. Сборник критических статей о нем». Пособие для школ II ступени, техникумов и самообразования. Составители П. Вудков и Н. Пивсаков. М.—Л., ГИЗ., 1928.

* «Максим Горький. Сборник статей. Юбилейное издание. Л., «Никитинские субботники», 1928.

13

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 5 марта 1928 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

итальянские газеты печатают, что мне дано звание «заслуженного писателя», или что-то в этом роде¹.

Сим извещаю юбилейный комитет, что я решительно отказываюсь от всяких чинов и наград, в какой бы форме они ни были предложены мне.

Я имею уже высшую награду, о которой может мечтать литератор,— награду непосредственного общения с моим читателем, и всякие иные награды рядом с этой будут не только излишние, а даже смешные.

Добавлю к этому, что отчаянный шум, поднятый по поводу моего «юбилея», очень угнетает меня и, возможно, способен обидеть товарищей писателей, проработавших в области русской литературы не меньше, чем я.

Мой сердечный привет

А. Пешков

5. III. 28.

¹ 24 февраля 1928 г. итальянская газета «Трибуна» поместила заметку под заголовком «Русское правительство Максиму Горькому», в которой напечатанное 23 февраля в «Известиях» сообщение о том, что Наркомпрес восстановил возбудить ходатайство перед СНК РСФСР о присвоении звания заслуженного деятеля искусства М. Горькому, Д. Бедному, А. Серафимовичу, С. Подыачеву, однако восстановления об этом не было.

14

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 14 марта 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Прежде всего должен привести Вам свои извинения за долгое молчание, но захлестнула работа, был несколько раз нездоров (непродолжительно) и писать не удавалось.

В своем письме 8/II Вы писали о желательности издания статьи Д. Горбова «10 лет эмигрантской литературы» — отдельной брошюрой. Ознакомившись с этой статьей, я всецело присоединюсь к Вашему пожеланию, но в свою очередь имею к Вам, дорогой Алексей Максимович, предложение — не согласитесь ли Вы дать к этой брошюре краткую вступительную статью¹, которая вскрыла бы важность ознакомления с нею для наших писателей, для нашей общественности и фиксировала бы внимание читателей на основных вопросах эмигрантского литературного пути. Надеюсь, что Вы не откажете сделать это полезное и нужное дело.

«Сназ о Ермаке» Вяткина, который Вы мне рекомендовали, принят к печати нашим отделом Крестьянской литературы. С вопросом о печатании произведений Сергеева-Ценского дело обстоит значительно более сложно и об этом я на днях пришлю Вам отдельное письмо и материал.

В письме еще 10/X Вы поднимали вопрос огромной важности, вопрос о литературно-критической работе вообще и ГИЗа, в частности. Я уже принял ряд мер улучшения критико-библиографической работы в ГИЗе и собирания сил в этой области (с Войтоволоским переговоры ведем), надеюсь, что общими силами дело сдвинем.

Теперь о Ваших произведениях. Тов. Крючков посылает Вам все вновь выходящие книги. К изданию полного собрания сочинений приступили, и я надеюсь, что к юбилею (29 марта)² первый том выпустим³. Я бы очень хотел выпустить специальный том Ваших статей за последние 1—1,5 года⁴, независимо от сборника писем рабочим⁵, об этом с Вами будет лично говорить т. Крючков.

Благодарю за присланные статьи «О науке», «О пользе грамотности». Первая опубликована в «Известиях»⁶, вторую я отдал «Читателю и писателю»⁷, о выправлении которого Вы упомянули в одном из последних писем и к задачам которого эта статья наиболее подходит.

По вопросу о «Чипсе» я на днях собирал писательский актив (около 40 человек), где выяснилось в целом благоприятное отношение к задачам, поставленным газетой, и был намечен ряд путей к дальнейшему оздоровлению и укреплению газеты⁸.

Общественный комитет по организации Вашего юбилея работает⁹. О результатах его работы, вероятно, Вас информирует Крючков. На днях большое собрание созвал актив Московского комсомола¹⁰ (...). Я думаю, что Ваше свидание с нашими комсомольцами будет иметь большое значение и даст Вам минуты большого удовлетворения.

В. И. Невский при Публичной библиотеке им. В. И. Ленина по инициативе Комитета организует выставку, посвященную жизни и творчеству Вашему¹¹, которая в дальнейшем преобразу-

ется в постоянный музей. Очень прошу Вас отнестись хорошо к этому начинанию и помочь нам своими указаниями, советами и материалами.

Не откажите, дорогой Алексей Максимович, сообщить мне еще раз Ваши окончательные предположения о времени приезда в СССР. Я лично в первых числах мая должен буду выехать в Кельн на Международную выставку Печати, комиссаром советского отдела которой я состою¹². Мне очень хотелось бы быть в Москве в дни Вашего приезда и не потерять первых минут свидания Вашего с советской страной. Возвратиться из Кельна я предполагаю между 15—20 мая. Было бы чудесно встретиться с Вами в это время в Берлине¹³ и вместе вернуться к нам. Если Вы сочувствуете этому проекту, черкните, когда будете в Берлине, и я обязательно поснею к этому времени туда.

Сообщите также, если уже у Вас составился определенный план, как Вы предполагаете распределить первое время своего пребывания в Союзе и какие пути путешествий себе избираете.

Жму Вашу руку, дорогой Алексей Максимович, и с нетерпением жду часа свидания с Вами.

Мой наилучший привет.

Ваш Арт. Халатов

¹ См. письмо Горького Халатову от 25 марта 1928 г.

² В 1928 г. юбилей Горького отмечался не в день его рождения—28 марта, а 29 марта.

³ Первый том юбилейного Собрания сочинений Горького (М.—Л., ГИЗ) вышел в мае-июне 1928 г.

⁴ Это намерение было осуществлено ГИЗом только в 1931 г. в издании сборника «М. Горький. Публицистические статьи», в который вошла статья писателя за 1927—1931 гг.

⁵ Имеется в виду книга М. Горького «Рабселькорам и военным о том, как я учился писать». Под таким заглавием она вышла в издании ГИЗа в октябре 1928 г. (В последующих изданиях см. под заглавием «О том, как я учился писать»).

⁶ Статья Горького «О науке» опубликована в «Известиях» 11 марта 1928 г.

⁷ Отрывок из статьи Горького «О пользе грамотности» напечатан в «Читателе и писателе» 17 марта 1928 г.

⁸ Речь идет о совещании писателей, которое состоялось 9 марта в Госиздате по инициативе редакции «Читатель и писатель». В числе участников совещания были: А. Фадеев, Н. Асеев, В. Ибнер, Ф. Березовский, А. Новиков-Прибой, Н. Лышко, Н. Жигя, П. Замойский и др. «Совещание пришло своевременно и необходимость издания «Читателя и писателя» («Советские литераторы о газете «Читатель и писатель», «Читатель и писатель», 17 марта 1928 г.).

⁹ 4 марта 1928 г. в «Правде» было опубликовано специальное письмо «О предстоящем юбилее Горького» от имени «Общественного комитета по организации юбилей М. Горького».

¹⁰ 5 марта 1928 г. в клубе им. Кухмистерова по инициативе МК ВЛКСМ состоялся вечер рабочей молодежи, посвященный Горькому. На вечере присутствовало около пяти тысяч человек с крупнейших предприятий Москвы. Вечер открыл вступительным словом А. Б. Халатов (см. об этом: «Правда» 6 марта 1928 г.; см. также «Читатель и писатель», 10 марта 1928 г.).

¹¹ 27 мая в Библиотеке им. В. И. Ленина состоялось открытие выставки М. Горького (см. об этом сообщение в «Правде», 29 мая 1928 г.).

¹² Советский павильон на Международной выставке печати в Кельне был открыт 25 мая 1928 г. А. Б. Халатов был назначен правительственным комиссаром советского павильона.

¹³ По пути в СССР Горький останавливался в Берлине на несколько дней: 21—22 и 25—26 мая. 23—24 мая Горький провел в Кельне, где посетил выставку печати (см. его статью «О выставке печати в Кельне», опубликованную в «Правде» 1 июня 1928 г.).

15

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

«Сorrento», 25 марта 1928 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

предисловие к статье Горбова¹ на днях пришло, хотя это предисловие несколько нарушает план затеянной мною статьи «О него-днях»².

Не решил еще, когда поеду в Москву, не знаю, как разобраться в бесчисленной мелкой работе, но думаю, что во второй половине мая все кончу. Я Вас прошу телеграфировать мне из Кельна, дабы мне сообразоваться с Вашим маршрутом.

Будьте добры передать И. П. Скирцову статейку «О краеведении»³, с просьбой напечатать ее. Так как она, в большей своей части, является выдержкой из чужой статьи, то, разумеется, гонорар мне за нее не нужно платить.

Хороший журнал «Сибирские огни» и хорош один из руководителей его — Зазубрин⁴. Прилагаю копию моего письма Р. Роллану⁵, но печатать ее не следует до поры, пока Роллан не опубликует французский текст. Он сделает это на днях, и я Вам телеграфирую.

Мне кажется, что Д. Бедный неосновательно обругал книгу Софьи Федорченко⁶. Эта книга, вместе с книгой Войтоловского «По следам войны» превосходно и доказательно изображает *анархическое* построение армии царской в 16—17 годах. Обе они совершенно снимают с «большевиков» обвинение в том, что они «разложили фронт», а вместе с этим они устанавливают также неоспоримо факт победы партии нашей над солдатско-мужичьей анархией — удивительной победы.

Следовало бы заказать кому-нибудь из толковых военспецов статью, которая бы, опираясь на книги Федорченко и Войтоловского как на своеобразные «документы», изобразила бы хаос и анархию армии царской и организацию силами пролетариата армии Советской. Я ждал, что к 10-летию «Красной армии»

это будет сделано. Но никто достойно не отметил работу пролетариата по созданию Советской армии.

Как буду я рад встретить Вас, милый мой Артем Багратович.
Крепко жму руку.

А. Пешков

25, III. 28.

¹ Речь идет о статье Горького «О безэмигрантской литературе», опубликованной в «Правде» 11 мая 1928 г.

«Правда», публикуя статью Горького, поместила следующее примечание: «Настоящая статья представляет собою послесловие к книжке Горькова, выпускаемой Госиздатом. Однако книга отдельным изданием с послесловием Горького не вышла. В мае 1928 г., когда была получена статья Горького, издательством «Круг» уже был отпечатан сборник статей Д. Горькова «У нас и за рубежом», в который вошла и его статья «10 лет литературы за рубежом». Д. А. Горьков в своем письме в редакцию настоящего издания пишет по этому поводу: «В начале мая 1928 г. Ив. Ив. Скворцов-Степанов в разговоре со мною сообщил мне, что Алексей Максимович прислал послесловие к моей работе об эмигрантской литературе... и что это послесловие будет вскоре опубликовано в «Известиях» или «Правде». До этого и ничего не знал о том, что Алексей Максимович обратил на эту мою работу внимание...

Таким образом, к присланным мною, приспосаблив несмело печатный для меня рукописный послесловие Алексея Максимовича было опубликовано само по себе... а работа моя — тоже сама по себе, в моем сборнике «У нас и за рубежом...»»

² В Архиве А. М. Горького сохранился только небольшой набросок статьи под названием «О негодных». В дальнейшем этот замысел нашел свое воплощение в ряде статей под другими названиями: «О пролетарском пасателе» и в статье «О механических гражданах СССР. Ответ корреспондентам» (Собр. соч., т. 24, стр. 332 и 431).

³ Речь идет о статье Горького «О краеведении», написанной 22 марта 1928 г. (АГ). Статья была опубликована только 18 июня 1931 г. в газете «Кубасс» (Щегловск).

В письме Горькому от 5 апреля 1928 г. И. И. Скворцов-Степанов сообщал, что считает целесообразным печатать эту статью. «... Статья не столько Иванова, — писал он, — сколько Н. Н.» (АГ). Имеется в виду статья Новомосковского «Краеведение и генеральный план развития народного хозяйства Сибири», опубликованная в № 1 «Сибирских огней», за 1928 г.

⁴ См. переписку с В. Я. Задубинным по второй части настоящего тома.

⁵ Видимо, речь идет о письме Горького Р. Роллану от 22 марта 1928 г. (Собр. соч., т. 30, стр. 83—86).

По поводу истории написания и публикации этого письма см. письма Горького Р. Роллану от 23 марта и 9 апреля (Собр. соч., т. 30, стр. 86—88 и 90—91. В Собр. соч. письмо № 918 ошибочно датировано 5 апреля).

⁶ Речь идет о книге С. Федорченко «Народ на войне. Фронтовые рассказы». Д. Бедный 19 февраля 1928 г. в журнале «Известия» поместил статью «Мистификаторы и фальсификаторы — не литераторы. О Софье Федорченко». В этой статье он утверждает, что книга С. Федорченко не документальная, что все ее лишние, якобы сделанные ею на войне, являются вымыслом и «показом на народ». Однако в более ранних своих высказываниях об упоминаемой книге С. Федорченко Д. Бедный отзывался положительно. В предисловии к книге Л. Войтовского «По следам войны. Походные записки 1914—1917 гг.» (т. I, Л., ГИЗ, 1925; т. II, М.—Л., ГИЗ, 1927) он говорил: «Такой книги (за исключением разве книги С. З. Федорченко «Народ на войне») об империалистической войне у нас еще не было» (Демьян Бедный. Собр. соч., т. 5, М., Гослитиздат, 1954, стр. 286).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 27 марта 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Государственное издательство РСФСР, приветствуя Вас, крупнейшего писателя и борца за дело рабочего класса в день Вашего юбилея, счастливо работать вместе с Вами в области культурного строительства СССР. Желаем Вам долгие годы плодотворной работы.

Заведующий Госиздатом

Арт. Халатов¹

¹ Поздравительная телеграмма в связи с 60-летием Горького и 35-летием его литературной деятельности была опубликована в «Известиях» 30 марта 1928 г.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

: <Сorrento, 31 марта 1928 г.>

Дорогой Артемий Багратович,—

не хотите ли напечатать в «ЧпШ» мое письмо литературному кружку Профтехнической школы г. Покровска,— Республики Неметского Поволжья?¹

Так как я посылаю—кроме Покровска—письмо это еще в Тверь, комсомольцам², то гонорара мне, разумеется, не надо платить. Сегодня сажусь писать послесловие к статье Горбова. Простите, что задерживаю, но — у меня масса очередной работы проде — вот таких писем, которым я,— может быть, ошибочно — придаю серьезное значение.

Получил около двухсот поздравительных телеграмм и кучу писем. Вздвинуван. Конечно — знал, что я человек «популярный», но, все-таки, не ожидал такого единодушия, такой ласки, дружеской и трогательной.

Напишу молодежи длинное письмо по этому поводу³.

Кренко жму Вашу руку, товарищ.

А. Пешков

31. III. 28.

Sorrento

P. S. Николай Снегсарев, нововременец, прислал мне свою книгу «Смирительная рубашка»⁴ и письмо, в котором он просит

меня хлопотать, чтоб его «пустили в Союз Советов». Я ему ответил: «Книгу читал, нахожу, что писать такие книги не следует. Содействовать Вашему возвращению в Советские республики — не стану». Сообщаю Вам это потому, что Снеессарев послал Вам в ГИЗ рукопись новой своей книги «От крепостного права до Советской власти». — это его воспоминания. Может быть. Вы забыли, кто он такой этот Снеессарев, так вот, напоминаю. «Смирительная рубашка» — дрянная болтовня.

Жму руку.

А. Пешков

Р. Р. С. Прилагаю вырезку из «Последних новостей» Милюкова. До чего эти люди «ядовиты», не правда ли? Но — яд жиденький. И уязвляющий человечинско, очевидно, не крайне плох по части знания прошлого, ибо о том, что на Капри был — среди рабочих — провокатор данно и многократно писалось.

Повалите, пожалуйста, в «Известия» прилагаемое письмишко¹.

А. П.

Кажется мне, что фамилия каприйского провокатора была тоже — Смирнов!

Р. Р. Р. С. «Popolo d'Italia» напечатала интервью со мною; интервью это — буквальная перепечатка лживого и опровергнутого мною «интервью»², помещенного в Лондонской газете «Обсервер» 6-го марта 26-го года. Хороши правды? Прощу т. Курского³ привлечь «Popolo» к суду.

А. П.

¹ Это письмо и отрывки было напечатано в газете «Читатели и писатели» 28 апреля 1928 г. (статья «Горький — молодым пролетписателям»). Полностью письмо было напечатано одновременно в «Правде» и «Известиях» 21 апреля 1928 г. под заглавием «О пролетарском писателе» (Собр. соч., т. 24, стр. 332—335).

² В тверской комсомольской газете «Смена» 20 апреля 1928 г. было опубликовано письмо Горького литературоведом профтехической школы г. Пономарева. История опубликования этого письма в «Смене» рассказана в книге Б. Палевого и Г. Куврякова «Письма из Сорренто. Переписка тверских комсомольцев с Алексеем Максимовичем Горьким» (Калининское областное изд-во, 1936, стр. 24—25).

³ По-видимому, речь идет о статье «О повзвешенных и „начинающих“», впервые напечатанной в «Известиях» 1 мая 1928 г. (см. Собр. соч., т. 24, стр. 359).

⁴ Под таким заглавием вышел сборник статей Н. Снеессарева в издании Гутнова (Берлин).

⁵ Речь идет о письме Горького (напечатано в «Известиях» 22 апреля 1928 г.), опровергающим клеветническую статейку С. Смирнова «Белецкий и М. Горький», напечатанную 29 марта 1928 г. в «Последних новостях» (Париж). С. Смирнов вспоминал, как он в 1918 г. познакомился в тюрьме с С. П. Белецким (бывшим начальником департамента полиции), который ему сказал: «Горький... до сих пор, вероятно, не знает, что готовила учени-

ков, бывших в этой школе (на острове Капри) были *моя*. Свою заметку С. Смирнов заканчивал такими словами: «Пусть, хоть и с опозданием, в эти юбилейные дни узнает об этом М. Горький».

² В архиве писателя сохранился черновик его письма в редакцию лондонской газеты «Обсервер», опровергающего ложные измышления римского корреспондента о том, что якобы Горький дал ему интервью, содержащее критику порядков в СССР (АГ).

История этого «интервью» изложена в статье «Вымышленная беседа с М. Горьким» 24 марта 1926 г. в вечернем выпуске «Красной газеты».

³ Дмитрий Иванович Курский (1874—1932) — видный партийный и государственный деятель, в 1928—1932 гг. был полпредом СССР в Италии.

18

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 5 апреля 1928 г.〉

Дорогой Артемий Багратович,—

прилагаю статейку в дополнение книжки Горбова; думаю, что статейку эту нужно печатать как «Послесловие». Лично мне она не нравится — не удалась; устал я очень. Может быть, не следует печатать ее? Хотелось бы знать, что скажет о ней Н. И. Бухарин¹. Затем: маленькая статейка для «ЧП»² и «Привет Первому Съезду Сибирских писателей». Не поместить ли «Привет» в «Правде»?³ Предоставляю это на Ваше усмотрение. Не помню, — кто это Бардин-Турбин⁴ и по какому поводу я писал ему? Адрес его мне неизвестен, а потому посылаю его письмо в ГИЗ.

Посылаю два снимка с бюста, который только-что отлично сделал С. Т. Коненков⁵. Он приехал из Америки и лето будет жить в Риме. Талантливый человек.

Пишу для «Известий» длинную благодарность всем, кто поздравил меня. Телеграммы получил сотни две, писем — тоже не менее.

А вот русских газет не получаю ни одной уже четвертые сутки. Схрунно.

Желаю всего доброго. До свидания.

А. Пешков

5. IV. 28

Sorrento

¹ Н. И. Бухарин был в то время редактором газеты «Правда».

² Видимо, речь идет о статье «Еще о грамотности», напечатанной 21 апреля 1928 г. в «Читателе и писателе». Одновременно эта статья была напечатана в «Известиях».

³ Приветствие было напечатано в «Правде» 20 апреля 1928 г.

⁴ Возможно, речь идет о Гардине-Турбине. Халатов в письме редактору еженедельника «Читатель и писатель» С. Ф. Васильченко 19 апреля 1928 г.

сообщал, что посылает ему письмо Гардина-Турбина с надписью Горького (АГ). Письмо это обнаружить не удалось.

⁶ В период между 17 марта и 5 апреля Горький позировал С. Т. Копенкову, приехавшему в Сорренто. (См.: С. Копенков «О моей работе», «Нева», 1955, № 6, 156—157).

М. И. Копенкова в своих воспоминаниях пишет: «Позировал он стоя и, чтобы не терять времени, читал... письма, полученные из Советского Союза» (М. И. Копенкова. Воспоминания.— АГ).

19

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто, 1 мая 1928 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович,—

в Москве буду между 20—25 мая, более точной даты не могу сообщить. Очень занят, пишу брошюру на тему «Как я учился писать?» Это — для рабоче-крестьянской молодежи, которая идет в литературу.

Очень много работы, часов по 14 в сутки, и то не управляюсь. Написал статью-очерк «Первая Маевка» для «Правды» и вчера случайно сжег ее. Огорчен.

Нужно писать много писем и вообще — гора мелкой работы!

Вот уже месяц, как не получаю из С⟨оветского С⟨оюза⟩ ни журналов, ни газет, ни книг. «Пожаловался» в Полпредство. Сегодня послал сына и Крючкова в Рим, — пускай узнают — в чем дело?

Кренко жму руку.

А. Пенков

Датируется на основании пометки Халатова из письма.

20

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 9 мая 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня, 9 мая, выезжаю в Кельн на открытие выставки, где буду 11-го числа. Открытие состоится 12 мая. По приезде в Кельн телеграфирую Вам свой адрес и буду ждать от Вас известий

Намеченное Вами время приезда в СССР — 20—25 мая — меня очень устраивает. Думаю, что мы могли бы приехать вместе. Во всяком случае очень просил бы Вас назначить встречу в Берлине, куда я немедленно приеду. (...)

Должен принести Вам глубочайшее извинение за исключительно неприятное недоразумение, происшедшее с первым томом Вашего Собрания сочинений (дешевого), выпускаемого Госиздатом. Когда этот том попал ко мне в руки и я ознакомился с предисловием Луначарского к нему, я, по соглашению с И. И. Скворцовым-Степановым, дал распоряжение немедленно задержать выход и не выпускать в продажу. По возвращении А. В. Луначарского из Жевевы и обратился к нему с письмом и говорил с ним лично о том, что его предисловие, очевидно, является результатом недоразумения, ибо оно ни в коей мере не гармонирует с той оценкой, которую нашли Ваши труды в советской прессе в дни юбилея. А. В. признал, что в спешке им была допущена ошибка и что он не смог написать предисловия и поручил сделать выборки из своих старых статей, которые и легли в основу предисловия. Теперь А. В. дал измененное предисловие и первый том с замененными двумя первыми листами выйдет на днях в продажу почти одновременно со вторым томом¹. По выходе их немедленно пришлем Вам.

Сегодня получили печальное известие о новой тяжелой утрате — умер Александр Дмитриевич Цюруна². Ушел еще один крупный человек и прекрасный чуткий товарищ. По проницательности и глубине это известие, я должен был поехать на заседание Комиссии по увековечению памяти Ф. Э. Дзержинского. Каких двух борцов не стало и как трудно их заменить.

Смерть А. Д. так меня потрясла, что трудно и тяжело писать. Приезжайте скорее, Алексей Максимович, повидать старых друзей, посмотреть на нашу «строительную» горячку». Ждут Вас здесь с большим нетерпением.

До скорого свидания

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

¹ Первый том юбилейного Собрания сочинений Горького с переработанным предисловием А. В. Луначарского (М. — Л., ГИЗ, 1928) вышел в мае, второй том — в июне.

² Александр Дмитриевич Цюруна (1870—1928) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В 1918—1921 гг. вместе с Халатовым работал в Наркомпроде.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Москва, между 1 и 5 июля 1928 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

не следует ли исключить первый абзац записки¹, заменив его указанием на статью «Наши достижения»?²

Затем: помнится, что в беседе с гг. Проскуряковым и Либерзон-ном был выбран иной тип журнала: 6 книг по 10 л., а об альмана-хах вообще не было речи³.

Мне кажется, что на 12 книг мы не найдем материала, по край-ней мере первое время, до поры, пока сотрудники не научатся пи-сать для такого журнала.

Не указано, какой же материал будет предложен альманахами.

Нужно ли говорить об ожидаемой убыточности издания?
Будьте здоровы!

А. Пешков

Жду Вас в субботу?

Датируется по содержанию и списку лиц для рассылки «Записки» от 5 июля 1928 г. (АГ).

¹ Горький имеет в виду Докладную записку о журнале «Наши дости-жения», составленную им совместно с Халатовым и излагающую задачи и структуру журнала. Замечания писателя относятся к первому варианту «Записки»; они были учтены при ее переработке. (Текст «Записки» см. во второй части настоящего тома в разделе «Горький и „Наши достижения“».) 18 сентября 1928 г. на совещании редакционной журнала было принято реше-ние — на основе данной «Записки» издать проспект журнала «Наши дости-жения». («Наши достижения» — двухмесячный журнал под редакцией М. Горького. Проспект. М., Госиздат, 1928).

² Речь идет о статье М. Горького «О наших достижениях» (Собр. соч., т. 24, стр. 383—387), впервые опубликованной в газетах «Правда» и «Наве-стия» 4 июля 1928 г.

³ В первоначальном варианте «Записки» значилось, что журнал «Наши достижения» будет еженедельным и в качестве приложения к нему два раза в год будут выходить альманахи. Во втором варианте «Записки» и в Проспек-те было установлено выпускать шесть книг журнала в год.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Москва), 9 октября 1928 г.

Артемий Багратович,—

Ян Страун, организатор Лит. Отдела Главискусства¹ имеет сделать Вам предложение, касающееся «Н. Д.» — предложение это я поддерживаю².

А. Пешков

9.X.28.

¹ Ян Яковлевич Страуэн (1884—1941) — писатель, журналист. В 1928 г. в Главискусстве при Наркомпросе был организован литературный отдел, консультантом которого был назначен Я. Я. Страуэн (см. «Читатель и писатель», 1928, 28 июля).

² Видимо, речь идет о предложении Я. Я. Страуэна включить в число корреспондентов «Наших достижений» Н. С. Назова. В своем письме к Халатову от 12 октября 1928 г. Страуэн сообщал, что на днях говорил с Горьким, который поддержал эту кандидатуру. Публикуемое письмо Горького является, по всей вероятности, запиской, переданной им Страуэну для Халатова (АГ).

23

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 29 октября 1928 г.
Сорренто.

Дорогой Алексей Максимович!

Первый период организационной работы по журналу «Наша достижения» на днях будет завершен выпуском проспекта¹ и листовки журнала, а также рекламным объявлением в газетах. Этим самым я хочу сказать, что через несколько дней по всему Союзу будет известно об окончательном оформлении Вашего начинания.

Этот факт обязывает всю нашу редакцию самым серьезнейшим образом начать усиленную работу по собиранию необходимых для журнала материалов, по созданию редакционного портфеля.

В связи с этим приходится Вас просить о том, о чем мы с Вами говорили накануне Вашего отъезда.

1. Набросать список тем статей², которые, по Вашему мнению, должны быть заказаны и истребованы в виде материалов от разных лиц и учреждений с таким расчетом, чтобы первые два номера были бы в достаточной степени обеспечены.

2. Учтя, что форма изложения большинства статей не будет соответствовать основной установке нашего журнала (это можно заранее предвидеть) и что вследствие этого придется подвергать большинство статей и материалов, присылаемых в редакцию, тщательной обработке, мы организуем при редакции институт так называемых «оживителей», т. е. такую ячейку вполне грамотных писателей, которые сумели бы преподнести фактический материал читателю в живой, красочной форме.

3. Опасаясь, как бы не возник у читающей публики вполне законный вопрос: «Как это Горький будет ответственным редактором журнала, когда он уехал в Сорренто», иначе говоря, для того, чтобы отвести всякие обвинения в надувательстве и в спекуляции «Вашим именем», я дал краткую информацию в газеты о том, что, несмотря на Ваш отъезд за границу, весь поступающий в журнал материал будет Вами редактироваться.

Но это не все. Важнее следующее: в каждом номере журнала совершенно необходима Ваша большая статья. Я не говорю о первом номере, где должна быть помещена Ваша программная статья — от редакции ². Я, кроме этого, считаю, что было бы целесообразно, чтобы в каждом номере журнала помещался один Ваш законченный очерк о достижениях СССР на основе Ваших наблюдений, впечатлений и т. д. ⁴ Ведь Вы всерьез задумали написать книгу об СССР, которая и будет являться суммой этих очерков. Это жизненно необходимо для журнала. Мы берем на себя большие обязательства перед читающим Союзом, и эти обязательства надо выполнить на все сто процентов.

Ваши подробные соображения по вопросу журнала будут для редакции весьма ценны: ждем их.

С товарищеским приветом

Ваш Арт. Халатов

¹ Проспект журнала «Наши достижения» вышел из печати в начале ноября. См. письмо Халатова Горькому от 8 ноября 1928 г.

² Горький исполнил эту просьбу, см. его письмо к Халатову от 7 ноября 1928 г.

³ В первом номере журнала «Наши достижения» в виде редакционной передовой была напечатана первая часть статьи Горького «О „маленьких“ людях и о великой их работе».

⁴ В 1929 г. в «Наших достижениях» (№ 1—6) был опубликован цикл очерков Горького «По Союзу Советов».

24

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сorrento, 7 ноября 1928 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович!

В чем дело? Список тем для статей 1-го №¹ был составлен и передан мною Вам вместе с темами, которые наметил т. Гольдман². Мною указаны статьи:

Культурная роль Красной Армии³.

Уменьшение смертности детей до 5-летнего возраста и далее, увеличение веса новорожденных и т. д.⁴

Волго-Донской канал⁵.

Туркестан — Сибирская дорога⁶.

Азнефть. Керосинопровод Баку — Батум, нефтепровод Грозный — Туапсе⁷.

Успехи в области медицины, особенно — хирургии (факты ее успехов особенно способны влиять на воображение)⁸.

Пресса. Книгоиздательство⁹.

Практические результаты работ научно-исследовательских институтов.

Таковые же — научных экскурсий. Тут проф. Ферсман мог бы дать очерк работ геологических экскурсий¹⁰.

Строительство: силовых станций, фабрик и заводов, холодильников, элеваторов, жилищное и т. д.

Производство товаров, которые раньше покупались за границей¹¹.

Опытные поля. Новые сельскохозяйственные культуры. Машинизация крестьянского труда¹².

Черновик списка, переданного мною Вам в Москве, я уничтожил, перечисляю темы по памяти.

Но должен сказать, что выбор тем — не моя обязанность, а редакторов отделов. Иначе — в чем же выразится их работа? Да и вообще выбор тем — не может быть делом моей компетенции, не надо забывать, что я не ученый и не «хозяйственник». О распределении работы и о работе редакторов неоднократно говорилось на редакционных совещаниях. Говорилось и о необходимости создать кадр «оживителей»¹³, равно и о том, что первое время весь материал журнала я буду читать.

Ново для меня в письме Вашем указание на то, что «в каждом № журнала необходима большая статья» моя. Это, разумеется, невозможно. Для первой книги я пришлю с Крючковым статью о детях в С(оветском) С(оюзе). Для второй — Баку — Сормово — Днепропетровск¹⁴. Этими двумя статьями, вероятно, будет исчерпан весь материал моих впечатлений.

Писать статью о Чехове — не могу, нет времени¹⁵. Как все это странно и «несогласованно»: марксистская критика по каждому поводу, — пример: «Утиловско», — говорит о «чеховщине» и ее, будто бы, «глетворном влиянии»¹⁶, а собрание сочинений Чехова издается при одном из распространеннейших журналов¹⁷. Ну, ладно, дело Ваше.

Хочу просить Вас, Артемий Багратович, взять из «Круга» для распространения Вашим ГИЗовским аппаратом книжку стихов Дм. Семеновского «Мир хорош»¹⁸. Автор — хороший поэт, давно уже, лет шесть, действительно работает в Иваново-Вознесенской газете «Рабочий край». Очень беден и вполне заслуживает поддержки. Распродажа его книжки помогла бы ему получить с «Круга» гонорар и повторить издание.

Посылаю две вырезки из «Рули». Дровяников¹⁹ действительно сделал большие успехи. Наклеенная вырезка может служить образцом для заметок в хрестике «Наших достижений». Ее, конечно, следует обработать, сделать яснее, понятней. Не всякий читатель знает, что такое пищевод²⁰.

В число тем, указанных на первой странице, забыл включить: Изобретения²¹.

Движение электрификации в деревне²².

Самодетельность деревни в области ее хозяйства²³,
Рабселькорство и его значение²⁴.
Ну, кажется все.
Сердечный привет.

А. Пешков

7.X.28.

В дате, поставленной Горьким в конце письма, ошибка: надо не октябрь, а ноябрь. Месяц уточняется по письмам Халатова от 25 и 29 октября 1928 г., на которые отвечает Горький в настоящем письме.

¹ Имеется в виду первый номер журнала «Наши достижения».

² Абрам Зильберштейн Гельман (1898—1933) — старый член КПСС, редактор отдела «Техника и производство» журнала «Наши достижения».

³ Статья Б. Зорина «Красная армия и культурное развитие СССР» напечатана в первом номере журнала. В Архиве А. М. Горького хранится рукопись статьи с правкой Горького.

⁴ На эту тему была заказана статья профессору А. Сысину. Первоначально статья называлась «О детской смертности». Напечатана в № 2 под заглавием «Борьба с эпидемиями в СССР». Рукопись ее, направленная Горьким, хранится в Архиве А. М. Горького.

⁵ В качестве материала для статьи о Волго-Донском канале Горький рекомендовал воспользоваться «единственной статьей» П. С. Осадчего, опубликованной в 3-й книге журнала «Научное слово», 1928. (См. письмо Горького Уряцкому от 8 октября 1928 г. по второй части настоящего тома).

⁶ Статья Н. Булгакова «Турксиб» была напечатана в первом номере «Наших достижений» за 1930 г.

⁷ В № 1 (1929 г.) были напечатаны статьи А. Серебровского «Советский нефтяной гигант» (о Бакинских нефтепромыслах) и «Нефтепровод Грозный — Туапсе» (отдел «Хроника»). В № 2 (1929) — статья С. Федотова «Нефтекомбинат Грозный — Туапсе».

⁸ Успехам советской медицины посвящены статьи: профессор Н. Кольцов «Пересадка кожи у человека» (1929, № 3), профессор А. Сысина «Борьба с эпидемиями в СССР» (1929, № 2), А. Югова «Бой туберкулезу» (1930, № 9), А. Шаповаловой «Операция на мозгу» (1933, № 8), З. Чагина «Торакотомия и ее мастер» (1933, № 11), М. Попова «Переливание крови» (1934, № 3) и др.

⁹ В 1929 г. по вопросам печати опубликована статья С. Египетова «Газета на стене» (№ 4).

В 1930 г. этой теме были посвящены статьи (см. пятый номер «Наших достижений»): М. Горький «Восемнадцатая годовщина пролетарской печати» (от редакции), С. Урицкий «Крестьянская газета», В. Проскуряков «Пролетарская фабрика книги» и др.

¹⁰ См. письма Горького в редакцию «Наших достижений» по второй части настоящего тома.

¹¹ Названным темам посвящены статьи: С. Белин «Ленинская Шатура» (1929, № 1), П. Маслюков «Днепростанция и ущелье» (1929, № 2), Н. Анов «Днепрострой» (1930, № 3) и др.

С № 1 журнала «Наши достижения» в отделе «Хроника» был введен раздел «По фабрикам, заводам и рудникам», где печатались статьи «О заводе АМО», «Машиностроительные гиганты» (Коломенский, «Красное Сормово», Брянский завод «Красный Профинтерн»), «Новые заводы и фабрики» (15 крупных предприятий в Ленинграде), «Опуске новых заводов» и др. В 1929 г. напечатаны статьи: Н. Жига «На ленинградских заводах» («Красный Путиловец» и «Красный Выборжец») (№ 2), С. Александров «Государственный электростанция» (№ 4), А. Бедуин «Завод Электросталь» (№ 4) и др. В последующие годы

журнал продолжал отводить центральное место строительству и реконструкции фабрик и заводов. В 1930 г. были напечатаны статьи о нижегородском автозаводе, харьковском паровозостроительном (№ 2), о шарикомоделинском заводе — «Завод точности» (1932, № 5), о «Красном Путиловце» — В. Васильевский «Единый ритм» (1933, № 8), о горловском машиностроительном заводе П. Нилин «Восстание пушечников» (1935, № 2) и др. Об успехах в области холодильного дела была напечатана статья В. Бронина «Советское фабричное холода» (1929, № 6). О жилищном строительстве статьи: П. Кожаный «Рабочее жилищное строительство» (1929, № 4), Е. Загорская «Архитектурная революция» (1931, № 4). В 1932 г. в № 6 журнала «Наши достижения» была напечатана серия статей, посвященных успехам жилищного строительства: К. Гурайт «Спусти 10 лет», Ю. Мари «Дворец рабочей окранны», Т. Холодный «Конец Растеряевой улицы» и др.

Специальной статьи о производстве ранее ввозимых товаров в журнале напечатано не было.

¹² Одной из основных задач отдела «Сельское хозяйство» было освещение успехов в области роста и усовершенствования техники сельского хозяйства. В 1929 г. этой теме были посвящены статьи: Н. Пралежаев «Транспортные колонны на крестьянских полях» (№ 3), Д. Турчанинов и С. Данилов «Псковская сельскохозяйственная опытная станция» (№ 3), М. Шефлер «О достижениях в сельском хозяйстве» (№ 5); в 1930 г.: З. Клейн «Комбайн советский» (№ 2), Н. Гриневский «Сельмашиностроение» (№ 6), Д. Шабанов «К индустриальному земледелию» (№ 10—11) и др.

¹³ См. во второй части настоящего тома письма Горького в редакцию журнала «Наши достижения».

¹⁴ Речь идет об очерке (IV) цикла «По Союзу Советов». В плане четвертого номера журнала очерк имеет название «О детях», в машинописном тексте, поступившем для журнала оригиналом набора, кроме общего заглавия «По Союзу Советов», был подзаголовок «О пионерах». Первоначальное свое намерение дать для первого номера журнала очерк о детях, а для второго — о Баку—Сормово—Днепрострое Горький в дальнейшем изменил. Очерк о детях был напечатан в № 4 «Наших достижений» (1929 г.), а впечатления писателя от пребывания в Баку, Сормово, Днепрострое наши свое отражение в (I) и (III) очерках цикла «По Союзу Советов» («Наши достижения», 1929, № 1, 3).

¹⁵ В конце октября 1928 г. Горький получил письмо от Луначарского и Халатова, которые от имени Правления ГИЗа и редакции Полного собрания сочинений А. П. Чехова просили Горького написать статью о «Чехове-человеке» (письмо от 25 октября 1928 г. — АГ).

¹⁶ Видимо, Горький говорил о некоторых ошибочных статьях, в которых авторы сводили роль Чехова только к «слетворному алиению». Упомянутая «Утиловск» в связи с Чеховым, Горький, возможно, имел в виду статью Н. Вольсона «Утиловск и МХАТ» («Новый мир», 1928, № 4), в которой автор писал:

«... „Утиловск“ по характеру своих приемов относится к типу „индивидуально-психологических драм“, — напоминающих „театр Чехова“, хотя бы того же „Дядю Ваню“» («Новый мир», 1928, № 4, стр. 231).

¹⁷ В 1929 г. вышло 12 томов (24 книги) Собрания сочинений А. П. Чехова в качестве приложения к журналу «Огонек» под общей редакцией А. В. Луначарского, С. Д. Балухатого и др.

¹⁸ Дмитрий Николаевич Семеновский (1894—1960) — поэт. Горький состоял с ним в переписке, написал предисловие к его книге стихов «Земли и дрега» (М., изд-во «Недра», 1930). Предисловие Горького см.: Собр. соч., т. 25, стр. 265.

В данном письме речь идет о книге Дм. Семеновского «Мир — хорон (Стихотворения)». Предисловие Александра Блока. М., изд. «Круг», 1927.

Халатов в письме от 9 января 1929 г. сообщал, что предложение Горького о распространении книги стихов Дм. Семеновского проводится в жизнь торгашом сектором ГИЗа.

¹⁹ Речь идет о пеице Василии Дровинникове, командированном ВЦИК в Италию для завершения музыкального образования. См. о нем статью Горького «Наш человек», опубликованную 23 мая 1928 г. в «Известиях» и в вечернем выпуске «Красной газеты». В газете «Руль» (Берлин) 28 октября 1928 г. была помещена заметка «Василий Дровинников». Видимо, эту вырезку послал Горький.

²⁰ В материалах редакции журнала сохранилась машинописная копия с вырезки из газеты с пометкой «Образец для хроники, присланный А. М.» Вот ее текст: «... На заседании Киевского хирургического общества доктором Хоршаком была продемонстрирована больная. Пищевод ее сросся и стал непроходимым даже для жидкой пищи. Доктор Хоршаки сделал ей искусственный пищевод из ее же кожи, снятой с грудной клетки. Спустя шесть месяцев больная стала принимать всякую пищу и чувствует себя здоровой...» (АГ).

²¹ В отделе «Хроника» уделялось большое место рабочему и крестьянскому изобретательству и рационализаторским предложениям.

²² Вопросам электрификации города и деревни был посвящен ряд статей: С. Болыев «Ленинская Шатура» (1929, № 4), С. Апплов «Первая электрическая» (1929, № 6), Д. Семеновский «Электрический совхоз» (1932, № 2), А. Крылова «Плюс электрификации» (1933, № 2—3), Э. Гиллер «Электро-большевик» (1930, № 12) и др.

²³ В «Наших достижениях» был специальный отдел «Сельское хозяйство», в котором равносторонне освещались успехи социалистической перестройки деревни. В 1929 г. в журнале опубликованы следующие статьи по эту тему: С. Кисилевский «Деревня до и после революции», И. Вольфов «Музыкальная артель» (№ 1), Н. Гриневский «Мастера земли» (№ 2), Н. Фейгенсон «Крестьяне — исследователи» (№ 3), И. Прилежаев «Тракторные колонны на крестьянских полях» (№ 3), цикл статей о сельскохозяйственных коммунах и др.

²⁴ Статья о рабселькоровском движении была заказана М. И. Ульяновой (См. примечание 12 к письму 8), но в журнале статья М. И. Ульяновой не появилась. В № 5 за 1930 г. помещена статья о рабселькорах Б. Горелика «Резервы растущего социализма».

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 8 ноября 1928 г.
Сорренто.

Дорогой Алексей Максимович!

В последнее время я был очень перегружен работой и не мог Вам писать. Пользуясь праздничным днем, хочу поделиться с Вами по следующим вопросам.

1. Мною получено письмо из Редиздата Исполнительного Комитета Коминтерна о следующем: а) Редиздат просит поместить Ваше имя в число редакторов «Интернациональной библиотеки пролетарской литературы»¹, которая будет выходить в ряде стран. В библиотеке будут публиковаться повести и романы, отражающие борьбу трудящихся в советской, колониальных и капиталистических странах, а также историко-революционные произведения. Примеры: роман Бела Иллеша из истории венгерской

революции², повесть Хосои из жизни японских текстильщиков³, «Бруска» Панферова и т. п. Для редакции этой библиотеки приглашены и дали свое согласие Гладков, Истрати, Синклер и Бехер. Название библиотеки еще окончательно не установлено. Выходить она будет на немецком, французском, английском, испанском, шведском и, вероятно, на чешском и японском языках. В Германии — в издательстве «Ферлаг фюр литературы унд Политик», во Франции — в издательстве «Эдисон Социаль Интернациональ». Оба эти издательства, между прочим, издают Полное собрание сочинений Ленина в 30 томах; издали «Цемент» Гладкова, «Разгром» Фадеева, переводит Шолохова, Семенова, Панферова⁴; б) Редиздат предлагает издать под моей редакцией на ряде языков сборник заметок, статей и Ваших речей, отражающих Ваши впечатления об СССР⁵. Считаю, что этот сборник будет несомненно полезен, Редиздат просит запросить Ваше мнение об издании его — независимо от того, что Вы будете писать книгу об СССР⁶, которая, по сведениям Редиздата, Вами обещана симпатизирующему нам издательству «Малик Ферлаг».

Прошу Вас по этим двум вопросам сообщить мне Ваши соображения для ответа Редиздату Коминтерна.

2. Список книг, которые Вы считаете необходимым в целях антирелигиозной пропаганды издать Госиздату⁷ — мною сдан в проработку, ведутся переговоры с Истпартом, где хранятся материалы «Святейшего Синода», и в течение 10—14 дней я Вам сообщу свое заключение по этому вопросу.

3. Посылаю Вам проспект журнала «Наши достижения». Думаю, что он издан хорошо. Мы уже дали объявление в газетах о приеме подписки на журнал⁸. Материал для редакции поступает в большинстве случаев недоброкачественный; кое-какие статьи мы отобрали, и в ближайшие дни Вам пошлем их на окончательную редакцию. Далее мы сделали попытку мобилизовать советских писателей, поставив перед ними две задачи: а) давать в журнал оригинальные зарисовки и очерки из области наших достижений и б) перерабатывать, оживлять то «сырье», которое поступает самотеком в редакцию. Попытка эта удалась, собравшиеся писатели приветствовали наши начинания; посылаю Вам протокол этого совещания⁹. Времени осталось очень немного к моменту выпуска первого номера; хотелось бы скорее от Вас получить ответ по поводу того вопроса, который мною уже поднимался в предыдущем письме: я имею в виду помещение Ваших очерков в журнале о Ваших впечатлениях об СССР. Я полагаю, что если Петр Петрович выйдет к нам в конце ноября, то мы успеем Вам послать имеющийся материал для журнала с тем, чтобы он привез (его) после Вашего просмотра обратно.

4. Из области малых дел: а) Ваша просьба о сохранении «Дома поэта» в Коктебеле (о чем Вам писал Л. Остроумов)¹⁰ урегулирована; б) М. И. Сафаровой оказана единовременная помощь ЦЕКУБУ в размере 100 рублей; в) дочь покойного писателя Га-

рина-Михайловского в профсоюз зачислена и будет принята на службу во Всесоюзную библиотеку¹¹; г) по делам Жеглова и Плехана — все делается¹².

«...» Что же касается Петра Петровича, то он как хороший работник всегда будет целесообразно использован в Госиздате.

Крепко жму Ваши руки. Привет всем.

Ваш Арт. Халатов

¹ Видимо, эта серия Редиздата Исполнительного Комитета Коминтерна не была осуществлена.

² Речь идет о романе Бела Палаша «Тисса горит».

³ Накидзо Хосои (1897—1925) — писатель-самоучка, один из зачинателей японской пролетарской литературы. Речь идет о его повести «Печальная история рабочих».

⁴ Собрание сочинений В. И. Ленина на немецком языке в издательстве «Literatur und Politik» начало выходить в 1927 г., на французском языке — в издательстве «Editions Sociales internationales» в 1928 г. (См. «Ленин на иностранных языках». Библиографический указатель. [М], ГИЗ, 1931.)

В 1929 г. в Берлине, в издательстве «Literatur und Politik» вышел «Тихий Дон» М. Шолохова, а в 1931 г. в Париже, в издательстве «Editions Sociales internationales» — ряд книг советских писателей, в том числе «Цемент» Ф. Гладкова, «Разгром» А. Фадеева, I и II части «Брусков» Ф. Панферова, «Железный поток» А. Серафимовича и др.

⁵ Возможно, что это намерение Редиздата было реализовано в 1931 г. французским издательством «Editions Sociales internationales», которое выпустило сборник публицистических статей Горького под названием «Еux et Nous» («Они и мы») с предисловием Романа Роллана.

⁶ Этот замысел Горького был частично реализован им в создании цикла очерков «По Союзу Советов».

⁷ В письме Халатову от 21 октября 1928 г. Горький писал:

«В виду несомненного роста националистических тенденций и религиозных настроений, а также ввиду пропаганды духовенства, которое способствует развитию национального шовинизма, — необходимо усилить борьбу с этими явлениями. В руках советской власти находится прекрасное и еще не использованное ею оружие борьбы против национализма и религиозных настроений, это — архив «Святейшего Синода». Архив этот дает прекрасный материал для книг на темы:

1. Борьба церкви против религиозных верований меньшинств. По этому вопросу в архиве Синода лежит громадный материал. Нужно, чтоб Советская власть первая использовала его так, чтоб все ужасы гонения церкви на инуюверующих были показаны вместе с кромешной тьмой религиозных суеверий. За работу эту, вероятно, взялся бы В. А. Строев-Десницкий.

2. Государственный — «допоставляющий» — церковь и сектантство. Религиозные пропагандисты на Украине говорят и пишут о гонениях Синода на плуга и багачам, как на стремление беларуссов ассимилировать украинцев, что — неверно, разумеется.

3. Церковь и крепостное право. Показать, что церковь всегда морально поддерживала крепостное право и экономически была заинтересована в сохранении его. Последнее должно быть доказано книгой.

4. Монастыри и крестьянство.

5. Религия и наука. Нужно рассказать, что религия была и есть одна из главных причин взаимного непонимания людьми друг друга, что она искусственно затемила сознание людьми общества их интересов. Наука же работала и работает на создание условий, облегчающих жизнь и труд людей, объединяющих условия. Важно показать, что на построение и укра-

шение храмов, на расходах по культам государства тратили гораздо больше сил и средств, чем на развитие науки. Это продолжалось до «века машин», т. е. — до технической победы науки.

Книги, написанные в целях антирелигиозной пропаганды, я читал почти все, но среди них не нашел ни одной, написанной достаточно толково и в уровень пониманию массы.

Путем издания таких книг Госиздат постепенно перейдет от органа печатающего к органу самосильно создающему полемику, культурно воспитывающие книги» (АГ).

⁸ 17 октября 1928 г. в «Правде» было помещено объявление о подписке на журнал «Наши достижения».

⁹ Речь идет о совещании писателей и журналистов, которое состоялось 3 ноября 1928 г. (см. об этом «Читатель и писатель», 1928, 18 ноября).

¹⁰ Лев Евгеньевич Остроумов (1892—1955) — писатель.

¹¹ Дочь Н. Г. Гарина-Михайловского — Ольга Николаевна Михайловская (р. 1906) по просьбе Горького в 1929 г. была принята на работу в Государственную библиотеку СССР им. Ленина (письмо Горького от 6 июля 1928 г. директору Библиотеки В. И. Невскому с резолюцией В. И. Невского — АГ).

¹² Видимо, речь идет об устройстве на работу поездного контролера А. А. Жегнова (письмо А. А. Жегнова от 24 сентября 1928 г.) — АГ).

26

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 27 ноября 1928 г.

Сорренто.

Дорогой Алексей Максимович!

Вот уже две недели с тех пор, как я Вам отправил последнее большое письмо. Не получая от Вас ни звука, я обеспокоился и вчера телеграфно запросил Вас. Не знаю, чем объяснить Ваше молчание: не захворали ли Вы?

Сегодня я уезжаю на несколько дней в Ростов; надеюсь, что по приезде я застану Ваше ответное письмо. Пока ограничусь следующими сообщениями:

1. В отношении журнала «Наши достижения»: дело как будто налажилось. Материал поступает в достаточном количестве, правда не совсем удачный; первые шаги по организации оживителей — нами приняты. Надо полагать, что с Вашей помощью и при том очень большой — журнал своевременно выйдет. О журнале Вам подробно напишет г. Урицкий¹; я не буду повторять его. Когда выезжает Петр Петрович?

2. Большое Вам спасибо за Ваши предложения в области издания антирелигиозной литературы; наш СОЦЭК написал по этому вопросу гг. Красикову и Ярославскому² и по получении их заключения мы Вам подробно об этом напишем.

3. Посылаю Вам изданную на правах рукописи «Пятилетку классиков» — доклад и стенограмму расширенного (заседания) Редак-

на, на котором Вы принимали участие³. Было бы очень хорошо, если бы Вы посвятили бы несколько времени этому кардинальнейшему вопросу и прислали бы в последующем порядке еще раз Ваши весьма ценные для нас замечания.

4. Завтра открывается съезд рабселькоров⁴. Программа съезда следующая: 1) текущий момент и задачи печати, 2) положение рабсельк(оровского) движения.

Было бы очень хорошо, если бы смогли телеграфно их приветствовать⁵, я лично постараюсь по соглашению с М. И. Ульяновой использовать этот съезд для собирания материалов к той брошюре, о которой Вы говорили (Участие рабселькоров в советском строительстве)⁶. Дополнительно материалы к ней соберут «Крестьянская газета», «Рабочая газета» и «Правда». После накопления достаточного количества, месяца через два, все эти материалы перешлю Вам.

5. Сегодня праздновали столетие Чернышевского. Юбилейная комиссия ЦИКа устроила в Большом театре торжественное заседание с участием большого массового актива и культурных организаций, где с докладами выступали Покровский, Крупская и Луначарский. Речь Анатолия Васильевича была исключительна по своему блеску⁷. ГИЗ к юбилею выпустил первый том избранных сочинений Чернышевского⁸, второй том литературного наследия⁹, второй том работы Стеклова о Чернышевском (первый том вышел раньше)¹⁰ и брошюру Луначарского¹¹. Все эти издания посылаю Вам.

6. На днях был у меня писатель Пришвин, с которым я имел продолжительную беседу. Тов. Пришвин дал согласие принять активное участие в «Наших достижениях», но просил дать ему конкретные, подробные указания о характере тех материалов, которые он мог бы дать для журнала. Не сочтете ли Вы возможным написать ему краткое письмо по этому вопросу.

7. Недавно ездил в Ленинград, где организовал совещание с активом ленинградских писателей, на котором присутствовало до 75 человек¹².

Заседание было очень оживленное и интересное; писатели во многом правильно критиковали нашу работу и во многом еще казненные отношения с авторами. Чтобы укрепить связь с ленинградским писательским активом, мы вынесли решение о дальнейшем развитии работы журнала «Звезда»¹³. Познакомился с т. Фединым, который оставил прекрасное впечатление.

8. ВЦСПС собрал совещание профсоюзных библиотекарей, на котором я сделал доклад о массовой литературе (тезисы прилагаю). 150 библиотекарей основательно обсудили доклад, и я вынес впечатление, что кадры агитаторов за нашу массовую книжку у нас выросли¹⁴. На днях с аналогичным докладом думаю выступить у комсомольцев.

9. Третий номер альманаха «Советская страна» едан в печать.

В ближайшее время т. Арнаруни пошлет Вам материалы к первому реформированному номеру¹².

10. В предыдущем письме писал Вам о предложении быть одним из редакторов интернациональной библиотеки пролетарской литературы. Сообщите Ваш ответ.

Работа не уменьшается, а растет — становится разнообразнее и труднее. Жду ответа. Привет Максиму и П. П.

Крепко жму руку.

Мой наилучший привет.

Ваш Арт. Халатов

Р. С. Одновременно с этим письмом — подробное о «Н(аших) д(остижениях)» Вам пишут т. Урицкий о положении дела с репортфелем в целом и т. Либберзон специально по разделу «Культура и быт» и впрямь они и т. Проскуряков Вас будут часто информировать по журналу.

Арт. Халатов

¹ Видимо, имеется в виду письмо С. Б. Урицкого Горькому от 29 ноября 1928 г. (см. переписку Горького с Урицким во второй части настоящего тома).

² П. А. Красиков принимал активное участие в работе Союза воинствующих безбожников, был членом Центрального Совета Союза. Е. М. Ярославский с 1924 г. возглавлял Союз воинствующих безбожников.

³ «Пятилетний перспективный план издания классиков 1928—1932», ГИЗ, 1928. В этой брошюре имеется особый раздел: «Стенографический отчет расширенного заседания Редакции 29 сентября 1928 г.». На стр. 71—73 напечатано выступление Горького. Экземпляр брошюры, хранящийся в Архиве, имеет ряд замечаний и поправок Горького. Замечания Горького по пятилетнему плану издания классиков см. в приложении 1.

⁴ Халатов имеет в виду IV Всесоюзное совещание рабселькоров, которое открылось в Москве 28 ноября (сообщение об этом см. в «Правде» от 29 ноября 1928 г.).

⁵ См. в настоящем томе приветственную телеграмму Горького рабселекорам от 30 ноября.

⁶ Возможно, речь идет о замысле журналиста М. Шейнина — одного из первых организаторов рабселькорского движения. В апреле 1928 г. Горький получил от него письмо, в котором он рассказывал о своем замысле написать книгу «О рабкорах, о рабочей печати» (письмо М. Шейнина от 31 марта 1928 г. — АГ).

21 октября 1928 г. Горький писал Халатову: «Некто Шейнин сообщил мне письмом, что он говорил с Вами о работе над книгой «Государственная работа рабселькоров» и что Вы заказали уже книгу ему. Если это так — не могу ли я прочитать рукопись? Книга весьма ответственный» (АГ).

⁷ Торжественное заседание, посвященное столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, состоялось в Большом театре 26 ноября (см. об этом в «Правде» от 27 ноября 1928 г.). Текст доклада А. В. Луначарского опубликован в «Правде» 25 ноября 1928 г.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения, т. 1. Под ред. М. Н. Покровского. М.—Л., ГИЗ, 1928.

⁹ Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. 2. М.—Л., Госиздат, 1928.

¹⁰ Ю. М. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, т. 2. М.—Л., Госиздат, 1928 (т. 2 вышел в конце ноября, т. 1 — в сентябре 1928 г.).

¹¹ А. В. Луначарский. О Чернышевском. М., ГИЗ, 1928.

¹² 28 октября в Ленинградском отделении Госиздата состоялось совещание издательских работников с писателями и работниками печати Ленинграда. Совещание обсуждало вопрос о работе издательства с автором (см. об этом в вечернем выпуске «Красной газеты» от 29 октября 1928 г.).

¹³ «Звезда» — еженеделный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Орган Союза советских писателей СССР. Журнал выходит в Ленинграде с 1924 г.

¹⁴ Всесоюзное библиотечное совещание проходило в Москве в ноябре 1928 г. На этом совещании Халатов выступил с докладом «Культура революции и массовая книга» («Читатель и писатель», 1928, № 47).

¹⁵ «Советская страна» — литературно-художественный альманах народов СССР (1927—1929).

27

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

Госиздат. А. Б. Халатову

(Сorrento, 28 ноября 1928 г.)

Дорогой Артемий Багратович!

Сам прошу выдать за мой счет Зинаиде Владимировне Васильевой¹ книг Горького и других авторов, сколько она спросит.

М. Горький

28.XI.28.

Sorrento

¹ Зинаида Владимировна Васильева (р. 1874) — жена друга Горького химика Н. В. Васильева. По поводу просьбы З. В. Васильевой имеется приписка в письме к Халатову от 29 ноября 1928 г.

28

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 29 ноября 1928 г.)

Дорогой Артемий Багратович!

Ваше письмо от 8-го, посланное 11-го, я получил 26-го ноября, таким образом, оно задержало на 15 дней; письма почтой приходят на 6-й день.

Отвечаю на вопросы в порядке их:

1. Редактура Исполкома поздравит с хорошей идеей. Предлагаю в число книг, намеченных к изданию включить:

Николая Колоколова «Мед и кровь», изд. «Федерация».

Лидии Комыловой рассказ «Богатый источник» из сборника «Химеры», изд. «Федерации» же.

Книгой Колоколова нанесен меткий и сильный удар мешанинскому «гуманизму»; рассказ Кошловой правдиво и художественно говорит о конфликте матери и детей. Очень рекомендую Вам лично обе эти вещи, — испытаете наслаждение, читая их!

Сборник статей моих приготавливаю, скажите Крючкову, чтоб прислал мне вырезки всего напечатанного летом в Союзе Советов.

2. Рад, что Вы согласны с мыслью использовать материалы Синода. Но кроме указанных книг, необходима еще одна: «Происхождение сектантства». Это должна быть книга для сектантов и было бы хорошо, если б ее написал человек знакомый с *догматикой* церкви, а не только с политикой ее. Тема книги такая: 1-я часть: Христианство и раннее сектантство IV—IX вв. Попытки провести в жизнь евангельский «коммунизм». Фра-Дольчино, «Табориты» и прочее в этом духе. Средневековая буржуазия и ее борьба против христианского аскетизма, — Лютер, Кальвин и прочие «реформаторы». Борьба дворянства против Лютера, переход его на сторону князей, вызванный страхом пред движением крестьянства и ремесленников. Борьба церкви против вольномыслия буржуазии. Расщепление догматов Евангелия и канонов Вселенских соборов параллельно расщеплению классовых интересов.

2-я часть: Русское крестьянское сектантство. Его прямая идеологическая, — т. е. политико-экономическая — связь с западным. Догматическая связь — на это надо обратить особенное внимание, здесь самое слабое и уязвимое место нашего сектантства, оно все в «словесности», весьма наивной, грубой и «философски» не прожитой. Признаков самостоятельного религиозного творчества — нет у сектантов, ни у мистиков, ни у рационалистов. Особенно серьезной критике нужно подвергнуть догматику сектантов рационалистов, обнаружив ее пустоту, противоречивость, указав, что ее творцами всегда являлись люди не из класса трудящихся, или же люди, — как Сютаев, Бондарев — из зажиточных слоев крестьянства¹. В заключение книги надобно указать, что христианство было последней попыткой создать *интернациональную* религию, после него религиозное творчество совершенно иссякло, умерло как свойство человека. Все последующие попытки создать религию — от «Корана» до «Китаба-Акдеса»² равноценны попыткам религиозных реформ Лютера, Кальвина, Цвингли и др., т. е. совершенно не имеют того культурного значения, какое имели древние религии, не отвечают, не могут отвечать интересам трудового народа и только раздробляют его словесностью, из которой давно выпал смысл.

Такая книга, будучи написана просто и понятно, поможет бы сектантам деревень разобратся в своих заблуждениях. Разумеется, я набросал схему книги наскоро. Но Вы, конечно, понимаете, что мною руководит сознание необходимости всестороннего интеллектуального нажима на деревню и что с этим делом мы должны торопиться. Борьба за культуру, это — борьба с деревней, гнез-

дилищем всяких предрассудков, суеверий, консерватизма кротов и медведей.

3. «Журнал совещания писателей»³ вызвал у меня впечатление тяжелое. «Мы ошиблись», — совершенно правильно заметил т. Урицкий. Гражданин Березовский, Никифоров, Малашкин и Клычков все это — не те люди, которых следовало пригласить на совещание. На совещании определенно выяснилось, что они ничего не знают, не читали о «Наших достижениях» и не познакомились с проспектом его, чем и объясняются их «попытки ревидовать установку журнала», как правильно отметил т. Рыклин. Я думаю, что они вообще ничего не читают, кроме рецензий о своих сочинениях. Я думаю, что Вы тоже ошибаетесь, полагая, что «общий язык между редакцией и этими писателями найден». Я бы полагал, что следовало пригласить людей такого типа, как Жига, Акульшин, Стонов, Панферов, Огнев и др. (угие), не в той мере знаменитых, как приглашенные. Т. Рыклин, сказав: «Описывайте то, что ясно для всех, как достижение»⁴, этим самым поощряет С. Клычкова описывать с любовью веру крестьянства в чертей, — а эта вера вне области «Наших достижений».

Как всегда дельно говорили Кольцов, Урицкий, Гольцман, Чернов — кто это?⁵ — Вольнов. Нам необходимо завести постоянных корреспондентов на местах, необходимо вовлечь в работу провинциальные литкружки, которые должны давать сведения о своей работе, а редакция из этих сведений будет составлять общую сводку по образцу той, которую я послал т. Урицкому, вырезав ее из «Воронежской правды». Такие же сводки надобно давать о жизни комсомола на местах, о работе избачей. А Жиге поручить бы организацию — силами рабкоров — описания культурных и производственных успехов на различных фабриках. Чрезвычайно важно указание т. Чернова, — поддержанное Кольцовым, — на необходимость отмечать «рост личности», активную работу единиц. Это будет «электрификацией» их духа. <...>

Эмигрантская пресса полна лживыми сообщениями о том, как в деревнях избивают селькоров и о всяческих беспорядках в Союзе. Это создает у меня очень тревожное настроение и «делает мне плохие нервы». Хотел бы я знать, кто этот негодяй, печатающий в «Руле» сообщения из Москвы, и кто негодяй, корреспондирующий в «Соц(иалистическом) вест(нике)» меков?⁶ Не очень весело мне, дорогой Артемий Багратович!

К тому же почти каждый день приносит злые анекдоты. Раскрываю на сон грядущий книжку «Любовь и простокваша»⁷ и на 58-й стр. ее читаю: «сейчас земля ни в чем так не нуждается, как в хорошем ледниковом периоде. Такой ледниковый период соскребил бы с людей всю культуру, он растер бы в пыль железные дороги и проклятые машины, сравнял бы с землей их вонючие фабрики, бездушные каменные глыбы городов», далее речь идет о необходимости уничтожить церкви, тюрьмы, сумасшедши-

дома, но это уже не уменьшает смысла первых слов, нет, не уменьшает! И такая ересь печатается в стране, где провозглашен лозунг культурной революции, в деревенской стране, где признано необходимым развивать индустрию, и ересь эту печатает *рабочее издательство* «Прибой» в 1927 г.! Можете себе представить, как скучно читать такие книжки! Читали Вы ответ Рязанова Полонскому в 7-й книге — «Летопись(ей) марксизма»? Уничтожающий ответ¹. Завидую эмигрантам: сколько радости доставляют им дорожные мои товарищи!

Закончил вторую статью о Баку² и пр. Принимаюсь за статью для «Известий» о «Защитниках культуры»³.

Крепко жму лапу Вашу, кожанный человек.

А. Пешков

К Вам обратится Зинаида Владимировна Васильева, работающая в булочных и пекарнях, она организует клуб для рабочих. Выдайте ей за мой счет столько моих книг, сколько она спросит. Пожалуйста! Не только моих, но и других авторов, коих она укажет.

А здоренье?

А. П.

Письмо датировано на основании пометки Халатова и его встречных писем.

¹ О Т. М. Бондареве и В. К. Сюттене Горький неоднократно упоминал в своих статьях и письмах (Собр. соч., т. 24, стр. 53; т. 25, стр. 249; т. 28, стр. 357, 555).

² Видимо, речь идет о «Китаб аль-агани» — арабской «Книге песен».

³ Речь идет о протоколе организационного совещания писателей и журналистов при редакции журнала «Наши достижения» 3 ноября 1928 г. См. об этом совещании в письме Халатова Горькому от 8 ноября 1928 г.

⁴ Имеется в виду выступление Г. Рязанова на указанном совещании 3 ноября (АГ).

⁵ О. Чернов — селькор. На совещании 3 ноября в редакции журнала «Наши достижения», определив задачи журнала, он говорил: «Надо остановиться на нашем крупнейшем достижении, на росте личности. В 1923 г. я записал кое-что о кооперации в Нижегородской губернии. Теперь, в 1928 г., я опять побывал в старых местах. Колоссальный рост, рост не только оборотов, но и рост личности, рост работников, умения работать. У нас, как правило, не умеют увидеть этих новых людей, не умеют их показывать. «Наши достижения» этот пробел должны заполнить, ибо рост нового человека — крупнейшее достижение».

М. Кольцов в своем выступлении сказал: «Очень важно то, о чем говорит т. Чернов. Именно важно то, как все завоевания пролетариата превращаются в жизнь, как создаются новые люди» (АГ).

⁶ Журнал «Социалистический восток» — орган русских эмигрантов-меньшевиков. С 1 февраля 1921 г. издавался в Берлине, с мая 1933 по июль 1940 г. — в Париже.

⁷ Габриэль Сьотт «Любовь и простокваша». (Рассказ.) Пер. с португальского. Л., изд-во «Прибой», 1927.

⁸ В VI книге «Летописей марксизма» была помещена анонимная резко критическая рецензия на книгу В. Полонского «Материалы для биографии М. Бакунина».

В. Полонский выступил с возражением в статье «Заметки журналиста. О литературных нравах и литературной безразличности». В статью автор включил открытое письмо, адресованное редакции журнала «Летопись марксизма» («Известия», 16 октября 1928 г.).

Горький имеет в виду статью редактора журнала «Летопись марксизма» Д. Б. Рязанова «Ответ на „Открытое письмо В. Полонского“» («Летопись марксизма», 1928, VII—VIII, стр. 135—156).

* Речь идет о второй части первого очерка из цикла «По Совлау Советов».

** Видимо, речь идет о статье «О разных разностях», напечатанной в «Известиях» 29 декабря 1928 г.

29

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 30 ноября 1928 г.〉

Передайте рабселькорам¹ товарищеский мой привет, пожелание мужества в борьбе за справедливость, культуру.

Горький

Датируется по письмам Халатова Горькому от 27 ноября и от 18 декабря, в которых он сообщает: «Б.ХИ выступил с кратким словом на совещании рабкоров, огласил Вашу приветственную телеграмму» (АГ).

¹ Текст этой телеграммы в несколько измененной редакции впервые был напечатан в «Правде» в «Дневнике IV Всесоюзного совещания рабселькоров за 6 декабря». «Тов. Халатов, — сообщалось в «Дневнике», — в своей речи огласил полученную им для совещания приветственную телеграмму от М. Горького следующего содержания: «Передайте рабселькорам мой товарищеский привет, пожелание мужественности в борьбе за культуру». Сообщение это было встречено шумными аплодисментами» («Правда», 1928, 7 декабря).

30

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 5...6 декабря 1928 г.〉

Дорогой друг!

В высокой степени не нравится мне то, что чорт носит Вас с места на место — в Ростов — Архангельск — Владивосток, а также на все собрания и заседания в Москве. Очень рекомендую Вашему вниманию умную статью т. Семашко о необходимости экономии сил¹. Эдакое Вы нелепое и несумное дитя, если забыть о бороде, которой Вы гримируетесь, чтоб скрыть Ваше юношеское существо. Конечно, я знаю, что ругать Вас — бесполезно, но — не терпится и все-таки ругаюсь. Затем перехожу к делам.

Ваше и т. Либерсона письма от 27-го получены сегодня — 5-го. Десять дней, это — плохо! Письмо Урицкого и приложения еще не дошли до меня.

Пришлину писать не стану. С характером материала он познакомится по первому № «Наших достижений». Он — человек умный и, если захочет, сам хорошо увидит, что надобно делать. А мне писать ему — неловко, мы люди очень различные, далекие друг другу.

Рад, что Вы познакомились с Фединим и оценили его по достоинству. Это, действительно, весьма хороший человек, серьезный, умница.

Доклад Ваш о «Культурной революции и книге» — отличный². По поводу его и Вам напишу отдельно, а теперь разрешите обратить внимание Ваше кое-какими проектами. Обширная моя переписка с детьми-школьниками убеждает меня в том, что они крайне нуждаются в знании основных начал истории культуры, т. е. в истории развития и организации труда в связи с историей науки, — т. е. открытий, изобретений, улучшающих технику. Основной книгой для детей наших должна быть книга «Труд и наука», «Наша книга». Она должна рассказать детям о жизни, как о борьбе человека с природой и борьбе классов, затрудняющей победы труда и разума над сопротивлением сил природы. Автором такой книги мог бы быть Перельман, превосходный популяризатор, работающий в изд. «Время», а основой ее, отчасти, могла бы быть «История великих изобретений» Вольдемара Кемпфера³, изданная «Прибоем». Над этим вопросом стоит подумать. Созданием такого рода книг Госиздат начал бы постепенно выполнять свою роль педагога, воспитателя — мы с Вами об этом неоднократно говорили и этому великому делу Вы, на мой взгляд, должны бы посвятить все свое время. Знакомясь с текущей работой Госиздата, я все чаще нахожу в ней, хотя и не очень крупные, но характерные промахи. Вот, например, отлично изданная книга Сальвадора Мадариага «Священный жираф». Предисловие расхваливает ее⁴. Но это очень скучная, плоская и к счастью едва ли понятная нашему массовому читателю попытка антифеминиста изобразить государство женщины, попытка не первая и такая же пошлая, как все подобные. Таких книг будут писать, наверное, много в противовес «гинекократическим» тенденциям, которые развиваются в Германии и Англии. Степень грамотности автора «Жирана» — не велика. Среди многих небрежностей укажу одну, весьма характерную: в предисловии сказано об английском писателе Чосере, авторе «Кентерберийских рассказов», что он жил, «как известно, в четырнадцатом веке», а в примечании указан 16-ый век, 1552—1599 года. Ошибаться на 200 лет, говоря о биографии писателя, это, знаете, очень плохо! Но такие и подобные ошибки очень часты, и они не могут не компрометировать Госиздат.

Мне кажется, что Вам следовало бы учредить консультацию из нескольких литературных «спецов», которые взяли бы на себя ответственность за правильность текста переводов иностранной литературы. Тут необходимы такие люди, как Виноградов, Эйхенгольд¹ и др (успо) в этом роде. Кстати: был у Вас Лухомин? Если был, признали Вы его годным к работе?²

Не думаете ли Вы, что следовало бы учредить периодические совещания редакторов московских газет по вопросам освещения и распространения книг? Есть, конечно, вопросы и другого характера, по которым в прессе нашей часто обнаруживается разноречивостью. Но меня в данном случае занимает вопрос о помощи прессы в деле распространения книг. Если б редакционный коллектив Госиздата вырабатывал образцовые рецензии на ту или иную книгу, распространение которой особенно желательно, и эта рецензия печаталась во всех газетах Москвы и крупных провинций, — что Вы на это скажете? Вообще дело о рецензировании книг не очень грамотными мальчиками должно быть реорганизовано. Подумайте, какое это имело бы влияние на распространение книги.

«Земля и фабрика» прислали мне письма с вопросами, на которые отвечаю завтра. Рекомендую издать книжку Сторер Клаустона «Трагическое приключение господина Моливно»³ — веселая и остроумная вещь, герой — английский епископ, лицемер и трус, книга высмеивает «детективные» романы и должна иметь широкое распространение. Следует перевести только что вышедшую книгу Ламмеля о немецких «беспризорных»⁴, из этой книги совершенно ясно, что у нас положение беспризорников значительно лучше.

Очень хорошо, что к работе в «Наших достижениях» привлечен т. Либерзон молодой писатель Марков⁵, талантливый человек. Вы его приласкайте. А что Зазубрин?

Крепко жму Вашу руку, дорогой, и очень прошу Вас — берегите себя.

А. Пешков

Боюсь, что Красиков и Ярославский отнесутся формально к проекту книг для сектантов. Госиздат должен руководить направлением всей издательской деятельности!

А. П.

6.XII.28.
S(orrento)

Датируется по содержанию.

¹ Видимо, имеется в виду статья Н. А. Семашко «На борьбу с советской извещивностью», напечатанная в «Известиях» 24 ноября 1928 г.

² Имеется в виду доклад Халатова, сделанный им на совещании библиотекарей. Тезисы доклада Халатов отослал Горькому 27 ноября.

³ Вальдемар Кемпферт. История великих изобретений. Л., изд-во «Прибой», 1928.

⁴ Сальвадор де Мадарикаг. Священный жираф. Перев. с англ. Предисловие Евгения Ляна. М., ГИЗ, 1928.

На стр. 11 в предисловии сказано, что Чоесер жил в XIV в.

⁵ Марк Давидович Эйхенгольд (1889—1953) — профессор, историк литературы.

⁶ Датмат Александрович Лутохин (1885—1942) — экономист и литературный критик. В 20-е годы жил в Чехословакии, в эмиграции. В 1927 г. возвратился в СССР. В 1923—1935 гг. встречался и переписывался с Горьким, написал о нем воспоминания (см. журнал «Ленинград», 1940, № 11—12).

Халатов в письме к Горькому от 25 ноября 1929 г. сообщал, что Ленинградское отделение ГИЗа привлекло Д. А. Лутохина к работе.

⁷ Джозеф Сторер Клаустон (1870—1944) — английский писатель. В данном случае Горький говорит, видимо, об одном из следующих его романов: «The ruin blast» («Шипов в сугробе») или «The Adven tale of Merg d'Haricot» («Приключения мосье д'Арлико»). Судя по каталогам центральных библиотек, эти романы не были переведены на русский язык.

⁸ Видимо, речь идет об одной из пьес Петра Мартина Лампелля — «Бунт в воспитательном доме», или «Идовитый газ над Берлином» (она была переведена в 1928 г. на русский язык М. К. Левиной из права рукописи. Эта пьеса в переводе и «собралке» М. К. Левиной была выпущена ГИХЛом в 1931 г.).

⁹ См. переписку Горького с Урицким во второй части настоящего тома.

31

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 25 декабря 1928 г.〉

Дорогой друг Артемий Багратович, —

совершенно правильно: с «наукой» у нас плохо. Тут необходимо принять решительные меры — искать людей и найти людей. Еще раз напоминаю о Завадовском Борисе и о Перельмане, который мог бы взять на себя популяризацию самых премудрых статей наших ученых и сделал бы это отлично.

Правильно Ваше указание и на то, что секретариат работает «за совесть».

Гольцману я ответил. Воззвание к рабочим посылаю¹. Мне кажется — было бы хорошо, если б (его) подписал весь коллектив редакции вместе с секретариатом, конечно, и — с Вами. Места слишком субъективно-горьковские можно, разумеется, выкинуть.

Мое «скептическое» отношение к гг. Ярославскому и Красикону объясняется их крайней перегруженностью и опасением, что вследствие этого, они затинут работу. Я предлагаю Вам и убеждаю Вас: ставьте ставки на молодежь. Посмотрите, какой молодчина Колоколов, какая умница Кошлова и как много обещает Слёгов. Очень огорчен, что Заз(убрина) «вычистили», жалко, хорошая сила! Надеюсь, что переработавшую им книгу «Два

мира» Вы все-таки издадите?² Она лучше «Колчаковщины» Дорохова³.

Количество людей, которые переползают на эту сторону баррикады будет расти, это — естественно. Тем более мы должны «держать ухо остро». Тем больше мы должны уделить работы и внимания на организацию наших сил. Старика — заработались, устали, перегружены. Вы увидите, что Керженцев, хотя он еще не старик, ничего не делает из «Книги и революции»⁴. Если он не подберет кружок хорошей молодежи — он повторит «Печать и революцию»⁵. Человек он не даровитый и, кажется, самонадеянный, да и самолюбивый. А вот Кострова⁶, бывшего редактора «Комсом(ольской) правды» надо бы пристроить к делу.

«Книга и революция» Вам — не поможет. Вам необходимо организовать в самом ГИЗе грамотный и внимательный к работе коллектив, который не делал бы таких глупостей, как например: «ЗиФ» издал книгу «Уленшиггель», Ленигиз — «Чудо Граля». В последней книге говорится об «Эйленшиггеле»⁷, это и есть «Уленшиггель». Тут дело не в том, что искажено имя, а в том, что Ленигиз не догадался указать: книга об Уленшиггеле издана на русском языке там-то, что, несомненно, увеличило бы сбыт книги. Издаются малограмотные, опорооченные на Запавде книги, как напр., «Подлинные приключения Колумба»⁸. И вообще — делается масса чепухи.

Ее может уничтожить только коллектив, организованный ГИЗом в себе самом, коллектив людей, знающих литературу.

Рад, что идея совещания редакторов пришла к Вам по вкусу. И опыт-таки очень советую приглашать на эти совещания молодежь — пусть учится трудному делу строить сов(етскую) прессу.

«ЗиФ» прислал мне приглашение сотрудничать в журнале «Земля советская»⁹, — журнал рассчитан на деревенский актив селькоров, избачей, учителей, колхозников и т. д. Так. Но, — ведь «Н. Д.» тоже имеют в виду именно эту «публику». Зачем же еще другой журнал для нее? К чему этот «параллелизм»? Его и без «Земли Советской» много.

Вы бы предложили Дорогойченко и Рубановскому¹⁰ объединиться с «Н. Д.»

По вопросу об издании нац(ональной) литературы и нац. альманахов — не имею возражений. Простите, что пишу внаскоку, — получил материал для «Н. Д.» и тороплюсь читать его.

Крючков передаст Вам стихи Семеновского. Этот парень честно работает 15 лет, из них — лет 6 — фельетонистом «Рабочего края» в Иваново-Вознесенском. Поэт он — лучше многих призванных и, главное, искреннее их. Некоторые из его старых, дореволюционных стихов, напр. «Святой боже» — придется выкинуть, хотя они крайне характерны для его творчества той эпохи и для самой эпохи.

Крепко жму руку. Здоровья, бодрости, веры в то, что Вы успешно ведете огромное дело.

А. Пешков

25.XII.28.

Либерзон — молодчина! Хороший работник и хороший человек. Он, Урицкий, Гольцман — превосходная тройка!

Р. С. Эмигрантская и буржуазная пресса Запада полностью использовала речь т. Томского: «Все воры, все воруют», — говорил он. Затем сказал, что за отчетный кусок времени украдено 400 тыс. рублей. Для «всех» это — ничтожно мало. Но буржуй рад подарку Томского, им это — праздник¹¹.

А. П.

¹ Статья «О „маленьких людях“ и о великой их работе». Первая часть этой статьи, кончающаяся словами «... имеет право на титул великих людей нашего мира», впервые была напечатана в виде редакционной статьи в № 1 журнала «Наши достижения», вторая часть — в № 2.

² В. Я. Зазубрин в 1928 г. был исключен из партии. Об издании романа «Два мира» см. переписку Горького с В. Я. Зазубриным.

³ П. Дорохов. Колчаконщина. (Роман-хроника). М., изд-во «Федерации» (б/г).

⁴ «Книга и революция» — двухнедельный журнал выходил с декабря 1928 г. по 1930 г. Ответственный редактор П. М. Керенцев.

⁵ «Печать и революция» — еженеделный журнал литературы, искусства, критики и библиографии. Издавался в Москве с 1921 по 1930 г.

⁶ Т. Костров (псевдоним А. М. Мартыновского, 1901—1930). См. переписку Горького с Т. Костровым во второй части настоящего тома.

⁷ Шарль де Костер. Тиль Уленшпигель. М.—Л., изд-во «ЗиФ», 1928; Вольфганг Гёте. Чудо Грала. (Роман.) Перев. с нем. Л., изд. Библиотеки «Всемирная литература», 1928.

В этом издании один из персонажей, размышляя о героическом зносе (стр. 14), упоминает «Блаженниги».

⁸ Речь идет о книге-хронике Андре Мариуса «Подлинное приключение Христофора Колумба». Перев. с франц. М.—Л., изд-во «ЗиФ» (б/г).

⁹ «Земля советская» — литературно-художественный еженеделный журнал. Выходил с 1929 по 1932 г., являлся органом Российской организации пролетарско-наркозных писателей. Ответственным редактором журнала был А. Я. Дорогойченко.

¹⁰ И. Рубановский в 1923 г. — член редколлегии самарского журнала «Гоним», в 1930—1931 гг. — член редколлегии журнала «Комбайн».

¹¹ Имеется в виду отчетный доклад Томского на VIII съезде профсоюзов. («Правда», 1928, 15 декабря.)

Ноги себе сломали, дорогой мой друг? Не удивлен этим. Что-нибудь подобное должно было случиться с Вами. Не удивлюсь, если Вы и голову сломите себе. В тоску и в бешенство приводит меня совершенно детское легкомыслие, с которым Вы разбрасы-

вае свои силы и — мягко говоря — неразумное отношение к Вашему здоровью. Казалось бы Вам, человеку с бородой, надо помнить, что сил у Вас не так уж много, здоровье — основательно подорвано и надо бы помнить, что Вы — работник весьма ценный и что партия ценными работниками не так богата, как бы следовало, а работа — расширяется и усложняется, а молодые силы — туго растут. Об этом говорится и пишется немало, и странно, что это не доходит до сознания таких людей, как Вы. Разумеется, я знаю, что и мои слова не будут иметь никакого значения. Но все-таки скажу, что иногда, глядя на то, как вы, товарищи, живете, невольно думаешь: вот люди, которые торопятся умертвить себя. О ногах Ваших узнал из заметки в «Руси». Сами Вы не догадались сообщить мне об этом. Сегодня несколько успокоило письмо Крючкова. Приехал Вольнов и рассказал мне о заседании с литераторами¹. Мягкий Вы человек, милый мой друг. На Вашем месте я бы всех этих Никифоровых, Евдокимовых, Орешинных и прочих, кои прежде всего интересуются вопросом: сколько им заплатят? — я бы их изругал. Кстати, — я давно хотел сказать Вам, что следовало бы понизить гонорары «именитым» писателям, всем этим Никифоровым, Новиковым-Прибоям, Ляшко, Гладковым и т. д., им — понизить, а «начинающим» повысить. А то получается неприятная и вредная неравномерность оплаты труда и создается среди литераторов «аристократия». Мне кажется — не следует платить выше 200—250 руб. за лист, я слышал, что платят по 400 и выше. И — люди истребуют, зазнаются, а самое вредное: не работают над собой. Заметьте, что никто из них не растет. Уже есть «пролетарские» литераторы, которые ищут книги как будто «из милости» к пролетариату, смотрят на рабочих как бы «сверху вниз» и предлагают ему всякий хлам, необработанным, как он высыпался из-под пера на бумагу. Все это — плохо. Хотелось бы мне убедить Вас, что в редакцию «Н. Д.» надобно ввести людей, которые отнеслись бы к работе с увлечением, «за совесть». Таким я считаю Ив(ана) Мих(айловича) Касаткина, Жигу, Родиона Акулынина, Ивана Вольного. Эти знают рабочих, знают и крестьян, эти сумеют обработать материал, как следует для усвоения нашим читателем.

Хотелось бы мне посидеть около Вас, не только для того, чтоб пилить Вас. Ну, ладно. Поздравляю с Новым годом. Сердечно желаю Вам всего доброго, а родителям передайте почтительный мой привет².

А. Пешков

Получил письмо от А. И. Свидерского, приглашает сотрудничать в журнал «Искусство»³.

Отказываюсь. Не думаете ли Вы, что слишком много новых журналов? «Революция и книга» Керженцева, «Советская страна» Дорогойченко, какой-то журнал под редакцией Аины Караваевой

и Шолохова¹ и еще, и еще что-то, и «30 дней»², и «Чудак»³. А бумаги — говорят — не хватает. Редактировать журнал — дело нелегкое и требует опыта. Пример «Журнала для всех»⁴ — плохого журнала, — веско подтверждает этот факт, — нелегкое дело. «Революция и культура» говорит о том же.

Привлекать молодых литераторов к работе «редакторов» — дело вредное для них, для сотрудников и для читателей. Квалифицированные рабочие учатся работать у мастеров, также и литераторы должны учиться делу редактирования, напр., у Шмидта, редактора «Проектора»⁵, человека, который «научился».

Не нравится мне это обилие журналов, хотя и сказано Пушкиным, — если не ошибаюсь:

Дай бог побольше нам журналов,
Плодит читателей они⁶.

А — вдруг мы найдем Гоголевских Петрушек?

Плодить — это выгодно для торговцев книгами, нам же необходимо воспитывать читателей, вот в чем дело!

Надоел и Вам? Я — всем надоел. Судьба такая.

А. Пешков

Датируется по замечке Халатова.

¹ Видимо, имеются в виду совещания писателей, проходившие 28 октября и 3 ноября 1928 г. См. письма Халатова от 8 и 27 ноября 1928 г. и письмо Горького от 29 ноября.

² Екатерина Герасимовна Халатова — мать А. Б. Халатова.

³ «Искусство» — ежемесячный журнал, орган Главискусства Наркомпроса РСФСР, выходил с марта по октябрь 1929 г. Редакколлегия: А. В. Луначарский, А. И. Свидерский, Н. А. Равич.

В Архиве писателя имеется переписка с А. В. Луначарским о журнале «Искусство» (см. письмо Горького А. В. Луначарскому от 8 января 1929 г. и А. В. Луначарского Горькому от 29 января — АГ).

⁴ Видимо, Горький имел в виду работу А. А. Каразаевой и М. А. Шолохова в журнале «Октябрь», членами редакколлегия которого они тогда являлись.

⁵ «30 дней» (1925—1941) — иллюстрированный, общественно-литературный, художественный и научно-популярный ежемесячник. Журнал советской и иностранной новеллы. С конца 1932 г., когда во главе редакколлегия журнала встал П. А. Павленко, журнал изменил свое лицо. См. письмо Горького к П. А. Павленко в Собрании сочинений (т. 30, стр. 268—271), и также переписку Горький — Сейфуллина («Литературное наследство», т. 70 «Горький и советские писатели. Неизданный переписка». М., Изд-во АН СССР, стр. 365).

⁶ «Чудак» — еженедельный иллюстрированный журнал сатиры и юмора (1928—1930). Редактором был М. Е. Кольцов (см. переписку Горького с Кольцовым во второй части настоящего тома).

⁷ «Журнал для всех» — Ежемесячник литературы, искусства, науки и общественной жизни издавался с 1928 по 1930 г. Редакколлегия: В. Бахметьев, Ф. Березовский, Ф. Глазков, Н. Ляшко.

⁸ «Проектор» — иллюстрированный, литературно-художественный и сатирический журнал выходил с 1923 по 1935 г. Издание газеты «Правда». Л. Ю. Шмидт был членом редакколлегия журнала в 1928—1931 гг.

⁹ Эти слова принадлежат не Пушкину, а П. А. Вяземскому (стихотворение «На новый 1828 год»).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 9 января 1929 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Шлю Вам свой сердечный новогодний привет и желаю, чтобы 1929 год был для Вас отмечен здоровьем и бодростью и принес нам скоро новую встречу в Москве. Для меня год начался неважно — пришлось пролежать несколько недель, так как сломал ногу. Сейчас поправляюсь, и в ближайшие дни снова начну ходить. На время болезни работу не прерывал, так что приступаю непосредственно к деловым вопросам.

1. Журнал «Наши достижения» меня несколько беспокоит. Боюсь, что журнал сможем поставить на должную высоту, только когда Вы приедете в СССР и сможете здесь на месте непосредственно направлять работу. Сегодня 8 января, а мы еще не получили статей от М. И. Ульяновой (о рабселькорах)¹ и Мих. Кольцова², и только что принесли статью Луначарского³.

Почтовая связь с Италией очень хромает, видимо, это чувствуете и Вы. Последнее Ваше письмо Крючковушло 12 дней. В первом номере, кроме Вашей статьи⁴, остальной материал несколько бесцветен. Особенную тревогу испытываю в отношении Отдела хроники.

Вы, вероятно, помните, что при обсуждении состава редакции журнала, перед вами был поставлен вопрос о подыскании второго заместителя главного редактора журнала, который мог бы отдавать ему больше времени, чем я. Я долго думал о кандидате на эту должность и в конце концов остановился на тов. Гольцмане, который довольно активно ведет редакционную работу по Отделу техники и производства. Думаю, что Вы одобрите этот мой выбор. Вопрос о нем будет решаться на днях.

С редакторами отделов дело в целом обстоит плохо, пока активно работают Гольцман и Урицкий. Только в последние дни мне удалось уговорить Мих. Кольцова взять на себя просмотр всех материалов по культуре и быту. Занятость Яковлева и инертность Вильямса⁵ обнажают наш фронт на участке сельского хозяйства. Чем помочь, не знаю. В отношении Н. К. Кольцова⁶ по разделу науки я вполне разделяю Ваше мнение, что с материалом по науке мы не справляемся, и первый номер журнала в области науки представлен совершенно недостаточно. Н. К. Кольцов сейчас уехал в заграничную командировку, и я решил привлечь к редактированию этого отдела О. Ю. Шмидта, который может дать нам значительно больше, и думаю, что, вероятно, придется им заменить Кольцова. Письмо, посланное мною Шмидту, посылаю Вам в копии⁷.

Материал ко второму номеру подбирается и скоро будет Вам послан. Со дня на день ждем Ваших замечаний и указаний по первому номеру.

2. Номер третий альманаха «Советская страна» сдан в печать и скоро выйдет. Первый номер этого альманаха под Вашей редакцией хорошо бы издать в феврале⁹. Случайно смотрел часть поступающего материала — слабо. Думаю привлечь к редактированию его т. Сутырина⁸, которого Вы знаете. К работе над альманахом вплотную привлечен П. П. Крючков, который, вероятно, Вас информирует подробно.

3. За последнее время сильно двинули выпуск ГИЗом отдельных произведений по серии нацлитературы. Выпущены: Д. А. Ширванзаде — «Злой дух»; Ц. Гартный — Повести и рассказы; В. Винниченко — «Талисман», «Борьба»; Д. А. Лебедев — «Домик на Сак-маре»; Ив. Франко — «Борислав смеется», «Захар Беркут»; А. М. Амур-Санаи — «Мудренкин сын»; Тарас Гуца (Якуб Колас) — «В глуши Полесья»; Мих. Коцюбинский — Избранные произведения, т. 1¹⁰.

Все эти книги Вам пересылает Петр Петрович. Сообщите Ваше мнение об этом нашем начинании — насколько удачно с ним справляется Литературно-художественный отдел.

4. Второе крупное начинание в 1929 году — издание Дешевой библиотеки ГИЗа — также начали претворять в жизнь¹¹. «Железный поток» Серафимовича¹² вышел, и я его Вам посылаю (цена всего 30 к.). В январе выйдут: «Разгром» Фидеева¹³, «Чапаев» Фурманова¹⁴ и «Русская история» Покровского¹⁵. Что из Ваших произведений Вы считали бы возможным выпустить в этой серии?

5. Читали ли Вы мой доклад в ЦК комсомола о массовой книге, посланный Вам с моим последним письмом, на которое, кстати, не имею ответа. На днях в «Правде» опубликую свою небольшую статью о художественной литературе¹⁶. Об этой статье мне очень хотелось бы иметь Ваше мнение.

6. Статью Ваггу о двух книгах («Грешница» Пиранделло и «Мед и кровь» Колоколова) и прошу Вашего разрешения опубликовать в новом журнале «Книга и революция»¹⁷, первый номер которого вышел на днях. В эту статью Вы нам разрешите внести небольшие изменения, ибо «ЧиП» перестал существовать с первого января, и отдельные строчки в статье, посвященные этому органу, теперь устарели. Журнал «Книга и революция» нужный и важный, и появление в нем Вашей статьи, несомненно, сыграет положительную роль.

7. Ваше предложение о распространении книги стихов Д. Н. Семеновского¹⁸ Торговым сектором ГИЗа проводится в жизнь (копию справки по этому вопросу прилагаю).

8. Петра Петровича я включил в число штатных работников секретариата редакции «Наших достижений» и «Советской страны», где он очень активно работает. В дальнейшем думаю при-

взвешивать его еще к научно-популярной литературе, вопрос об издании которой, особенно в части производственно-технической, очень важен и актуален.

1928 год по ГИЗу закончили в целом благополучно. В феврале предполагаю делать в Совнарком доклад об итогах и перспективах работы ГИЗа¹⁹. Доклад, видимо, будет интересный, и я его обязательно принёс Вам.

Пока столько.

Крепко жму В(ашу) руку
Наилучший привет

Ваш Арт. Халатов

9/1—29 г.

¹ По поводу статьи для «Наших достижений» Халатов писал М. Н. Ульяновой: «Дорогая Мария Ильинична! Прилагаю при этом проспект журнала «Наши достижения», первый номер которого выйдет в конце декабря, прошу Вас с таковым ознакомиться и принять постоянное участие в работах этого журнала».

Редакция журнала получено на днях письмо из Сорренто от А. М. Горького, в котором он рекомендует обратиться к Вам с просьбой написать для первого номера журнала статью «Рабсельское хозяйство и его значение».

И Вас очень прошу дать нам эту статью, размер ее — по Вашему усмотрению.

С ком. приветом

Арт. Халатов (АГ)

Предполагавшаяся статья М. Н. Ульяновой в журнале не появилась.

² Имеется в виду статья «Передовая американца», которая по своему характеру не соответствовала профилю журнала «Наши достижения» и поэтому не была там напечатана. Опубликована в журнале «Красная новь» (1929, № 3).

³ Статья Луначарского «За стройкой» была напечатана в № 1 «Наших достижений» за 1929 г. (стр. 72—81).

⁴ Речь идет о статье М. Горького «О „маленьких“ людях и о великой их работе».

⁵ Я. А. Яковлев и В. Р. Вильямс были редакторами отдела «Сельское хозяйство» в журнале «Наши достижения».

⁶ Н. К. Кольцов возглавлял отдел науки в журнале — см. переписку Горького с Н. К. Кольцовым в настоящем томе.

⁷ В письме Халатова О. Ю. Шмидту от 4 января 1929 г., хранящемся в Архиве А. М. Горького, содержится предложение адресату взять на себя руководство отделом науки в журнале «Наши достижения».

⁸ «Советская страна» — литературно-художественный и публицистический альманах, посвященный творчеству народов СССР. Первая книга альманаха была выпущена в десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции — в 1927 г., вторая — в 1928 г., третья — в 1929 г. Альманах выходил под редакцией Н. Г. Смирновича. В 1929 г. Горький был приглашен быть ответственным редактором альманаха. Его статья «Литературное творчество народов СССР», впервые опубликованная в газетах «Правда» и «Известия» 19 сентября 1928 г. (см. Собр. соч., т. 24, стр. 423—425), была помещена как передовая в № 3 «Советской страны». В том же номере в статье «От редакции» сообщалось о реорганизации альманаха. Горький активно включился в редактирование и подготовку первого номера нового альманаха. (Об этих двух номерах — № 3 за 1929 г. и № 1 — реорганизованном — идет речь в письме Халатова.)

Писателя не удовлетворил подготовленный материал и низкое качество переводов. Книга не была издана. На I съезде ССП Горький в своем докладе вновь вернулся к вопросу об альманахах по литературам народов СССР. В 1935 г. под руководством Горького был выработан план альманаха «Творчество народов СССР». Этот альманах вышел уже после смерти Горького, в 1937 г. («Творчество народов СССР», альманах I. М., ГИХЛ, 1937) и открывался, в знак преемственности, той же статьей писателя — «Литературное творчество народов СССР», — которая была напечатана в № 3 «Советской страны» за 1929 г.

⁹ Владимир Андреевич Сутырин (р. 1902 г.), — литературный критик, кинорежиссер, в 1929 г. был одним из секретарей ВОАПП.

¹⁰ В 1929 г. перечисленные книги вышли в серии «Творчество народов СССР».

¹¹ Книжки этой серии за короткий срок стали очень популярны среди читателей. «Трехмесячный опыт издания «Дешевой библиотеки» Госиздата показал, что тираж в 50 тыс. экз. недостаточен, — извещает «Журналист» в № 8 за 1929 г. — Первые же книжки этой библиотеки разошлись полностью за две недели. Ввиду этого дальнейший тираж решено выпускать не менее 100 тыс. экз.» (стр. 230).

План организации «Дешевой библиотеки» ГИЗа, составленный М. Горьким, — см. приложение 2.

¹² А. Серафимович. Железный поток. М. — Л., Госиздат («Дешевая библиотека», № 1—3), 1929.

¹³ А. Фадеев. Разгром. М. — Л., Госиздат («Дешевая библиотека», № 4—6), 1929.

¹⁴ Д. Фурманов. Чапаев. М. — Л., Госиздат («Дешевая библиотека», № 7—11), 1929.

¹⁵ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке, ч. I и II. М. — Л., Госиздат («Дешевая библиотека», № 37—41), 1929.

¹⁶ Халатов имеет в виду свою статью «Открытые вопросы художественной литературы», опубликованную в «Правде» 29 января 1929 г.

¹⁷ Статья М. Горького «О книгах» была опубликована в журнале «Книга и революция» (№ 6, 1929 г., стр. 7—9).

¹⁸ Речь идет о стихах Дм. Семеновского «Мир хорош». Упомянутая Халатовым копия сиванки хранится в Архиве Горького.

¹⁹ А. В. Халатов. Работа Госиздата РСФСР в 1928 году и ближайшие перспективы. Доклад Совету Народных Комиссаров РСФСР. М. — Л., ГИЗ, 1929. (На правах рукописи.)

Дорогой Артемий Багратович, —

вероятно, Вы не станете возражать против необходимости оживления массового читателя с культурной работой, которая ведется в различных областях С(оюза) Советов. Я предлагаю Вам издать ряд книг, которые развернули бы перед читателем живую и широкую картину труда «маленьких» героев, строителей великого будущего. Следует дать очерки Сибири, Сев(еро)-Кав(казского)

край, Средней Азии, Поволжья и т. д. Затем — сузить круг — и дать Текстильный округ, Донбасс, Урал и пр.¹

Вместе с этим письмом посылаю очерки Павла Максимова «Северо-Кав(казский) край». Они написаны вполне грамотно, охватывают почти весь край, сообщают много поучительного, интересного, читаются легко².

Если эта затея улыбнется Вам, — напишите мне, и я пришлю очерки Иваново-Вознесенского округа, затем начну собирать и по другим областям, округам. Все эти книги должны подкреплять и ускоривать то влияние на массу, которое ГИЗ имеет в виду, издавая «Наши достижения».

Вероятно, Вы дадите очерки Максимова на просмотр и оценку Ваших редакторов, и они там надолго застрянут или будут прочитаны небрежно. Мне известно, что все, что так или иначе связано с «Н. Д.», особыми симпатиями именитых литераторов и заносчивых чиновников — не пользуется. Именитые литераторы тоже, в сущности, заносчивые чиновники, многие из них и еще хуже того³. Поэтому было бы лучше, если б книги типа, предлагаемого мною, просматривал редколлеktив «Наших достижений», т. е. Урицкий, Либерзон и другие наиболее активные работники, для которых «Н. Д.» не является делом чужим, казенным.

Как Ваша нога? Или — ноги? И как вообще здоровье?

Я загружен работой выше головы. «Н. Д.» значительно увеличили количество моих корреспондентов. По их письмам можно думать, что журнал наш попал в цель, что его ждут и надеются увидеть в нем *самых себя в своей работе*.

Всего доброго, А. Б.

А. Пешков

10.1.29.

Опубликовано полностью в газете «Советская культура»
27 марта 1953 г.

¹ Речь идет о серии «Библиотека „Наших достижений“». Мысль об ее издании не раз высказывался писателем в его письмах Халатову, И. Жиге (см. приложение 3 к письму Горького от 17 января 1929 г.). Горький сообщает о готовящейся серии Иваново-Вознесенским литераторам Дм. Семеновскому и Мих. Лукьянову. Последнему Горький предлагает создать серию очерков о его родном крае и пишет: «Часть очерков будет помещена в „Н. Д.“, затем все они выйдут отдельной книжкой в „Библиотеке „Наших достижений“». Такие книги будут даны по всем областям: Сев(ерному) Кавказу, Поволжью, Дальнему Востоку, Сибири и т. д.» (АГ). Писатель возвращается к идее издания сборников и письмо к П. Максиму: «Библиот(ека) „Н. Д.“ будет издавать сборники очерков о достижениях культуры в пр(очем) по областям: Запад(ная) и Восточ(ная) Сибирь, Дальний Восток, Урал, Север(ный) край и т. д.» (П. М а к с и м о в. Воспоминания о Горьком, изд. 3. М., «Советский писатель», 1956, стр. 95). Горький воплощает в работу по созданию сборников дальневосточного писателя и этнографа В. К. Арсеньева (см. в настоящем томе письмо Горького Халатову — конец ноября, до 16 декабря 1929 г.).

Задуманная Горьким серия «Библиотека „Наших достижений“» не была осуществлена. Очерки П. Максимова, М. Лукьянова, И. Жиги и других

авторов о достижениях в родных краях и областях регулярно публиковались в журнале «Наши достижения».

² Павел Хрисанфович Максимов (р. 1892) — советский писатель-очеркист. Его очерки о Северном Кавказе, в рукописи прочитанные Горьким, вышли в свет под названием «Кавказ без романтики» (Ростов-на-Дону, изд-во «Северный Кавказ», 1931).

Переславля рукопись П. Максимова в Москву, Горький писал П. П. Кречкову: «Мне думается, что очерки такого рода и политически, и культурно гораздо более полезны для массового читателя, чем „сочинения“ преждевременно и незаслуженно прославленных писателей. Таких очерков у нас много печаталось в «Кр(асной) новиз», «Новом мире» и, если их собрать в сборники да издавать, — мы получим весьма ценную библиотеку по вопросу о «вознании» С(ююза) Советов» (АГ).

³ Идея Горького о создании журнала «Наши достижения» была встречена некоторой частью писателей недоверчиво, скептически. В данном письме Горький, видимо, имел в виду совещание редакцонного журнала с писательским активом, состоявшееся 3 ноября 1928 г., которое показало это с полной определенностью (АГ).

35

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 17 января 1929 г.)

На письмо от 9.I

Да, дорогой А(ртёмий) Б(агратович), «первый блин» у нас будет «комом»¹, но — не надо смущаться этим, а следует приложить все усилия к тому, чтоб второй был сделан лучше первого.

Первой книжкой мы дадим понять публике, что «Наши достижения» возникли не по капризу, не по инициативе Горького, а потому, что на это дело даны основания объективной действительностью. В дальнейшем нам не нужно будет обременять занятых людей просьбами о статьях, а следует опереться с возможно большей силой на показание, на материал массовых работников и на тот «очеркизм», о котором так умно писал Жига в последнем № «ЧиПа»². Разрешите повторить, что мы добьемся несомненного успеха в массовом читателе тогда, когда привлечем к журналу таких опытных «очеркистов», как Жига, Акулыниц, Стонов и др., чьи очерки, печатаясь в «Кр(асной) новиз» и «Нов(ом) мире», забываются, препадают³. Тройка или пяток таких ребят, привлеченных к постоянной и активной работе в журнале, может сделать очень много.

По сельскому хов(яйству) необходимо найти редактора и, я думаю, что искать его надобно в провинции, среди преподавателей Агр-институтков, среди «опытников». Этот отдел будет очень богат материалом и потребует у редактора очень много времени, внимания.

За хроникой я не боюсь, хотя в первой книге она и не так богата, как хотелось бы.

Приглашение О. Ю. Шмидта — радостно приветствую так же, как и приглашение т. Гольмана и зам-редактора.

В «Деш(евую) биб(лиоте)ку», мне думается, следует пустить «Мать», а еще — не знаю что⁴.

На все Ваши письма ответил, о докладе Вашем писал, возврата его Вам с некоторыми мелкими пометками.

Статью «о двух книгах» исправьте, как находите нужным. А как статья о «маленьких-великих»?

Справки о книге Семеновского при Вашем письме не оказалось, копии писем Шмидту и Кольцову, М. Е. — имеются.

Вольный пишет о движении сельхозкультуры в Орловском округе⁵.

Журнал «Книга и революция» печатает материал с фокусами, которые затрудняют чтение. К чему это?⁶

Нам следует все делать как можно проще, понятнее, не забывая, что наш читатель не так грамотен, чтобы интересоваться техникой, ее тонкостями, гораздо больше он будет доволен, если ему дать более крупный и четкий шрифт. По 1-му № «Революция» и ин(и) нельзя судить, каков будет журнал, а два № «Чудак» — определенно неудачны, за исключением карикатуры с инвалидом на обложке второго. Всех благ. Слышал от Крюкова, что отдых очень помог Вам. Рад.

А. Пешков

17—1.29.

А. Б.1

По поводу научно-популярной библиотеки: из переписки с проф. Борисом Завадовским я узнал, что его сотрудник Азимов предполагает написать брошюру, посвященную вопросам связи внутренней секреции половых желез с вопросами эстетических восприятий и этики⁷.

Это — совершенно ново и чрезвычайно важно. И вот этой брошюрой следует открыть серию «Научно-популярной биб(лиотеки)». Кстати: кто редактирует б(иблиоте)ку, кто будет писать?⁸

Если б Вы знали, какие прекрасные брошюры писали лучшие немецкие профессора Гржебину по 4-вал(ара) за лист!

А он, свинья, не издал их.

А. П.

Завадовскому я написал⁹. Издание брошюры взял бы на свой счет. Вы представить себе не можете, как велико может быть значение с такой новой точки зрения на отношение полов.

¹ Речь идет о первом номере журнала «Наши достижения».

² Горький говорит о статье И. Жиги «Очерк — боевое оружие писателя». В этой статье И. Жига писал: «...писателя, которые «чураются» жизни, такой, как она есть, не смогут дать вам живого, полнокровного очерка. Очерк — это чрезвычайно острое и ответственное дело. За очерком надо идти в массы, надо знать жизнь, надо знать описываемых людей, факты, вещи. Очеркист

должен иметь высокое мужество, смелость мысли, он должен вскрывать явления, анализировать, делать выводы, давать ответы на поставленные жизнью вопросы... Очерки нельзя рассматривать, как только литературный жанр. Очерк — это боевое оружие писателя и, бери это оружие, надо сказать — и хочу често служить передовым идеям современности» («ЧП», 1928, 23 декабря).

² В письме к Н. Жиге Горький сообщал: «Советовал А. Б. Халатову издавать „очерки“, которые печатаются в журналах и продаются тут же. Советовал организовать очерки по областям, округам, даже по районам, издавать библиотеку „Очерки текущей действительности“ или „жизни“. Это было бы дважды полезно: и для авторов, как Вы указали, и для читателей, все еще плохо знающих, где они живут и пред чем живут» (Цит. по кн.: Н. Ж и Г. А. М. Горький. Воспоминания. М., изд-во «Советский писатель», 1955, стр. 91).

³ В серии «Дешевая библиотека Госиздата» за 1929 г. вышли «Детство» и «Мой университет» М. Горького, в 1930 г. — «Мать», «В людях», «Городок Окуров», «Дело Артамоновых» и второе издание «Детства» и «Моего университета».

⁴ Речь идет о статье Н. Вольнова «Орловский край». Эта статья вошла в плане третьей книги журнала «Наши достижения» за 1929 г. Опубликована не была.

⁵ Горький имел в виду различные шрифты на одной и той же странице журнала, что затрудняло чтение.

⁶ Была ли эта статья написана, установить не удалось. Сам Б. М. Заводовский выступил в журнале «Наши достижения» (1931 г., № 4) со статьей «О природе половых гормонов».

⁷ В сентябре 1930 г. совместно с Г. А. Шмидтом (см. письмо Горького Халатову от 19 декабря 1930 г.) Горький разработал план издания серии популярных книг по «Истории науки». По инициативе писателя брошюры по курсу «История науки» было намечено выпускать как приложения к журналу «Наши достижения». Общее руководство по подготовке научно-популярной библиотеки возлагалось на Н. К. Колыцова (см. переписку с ним во второй части настоящего тома). Однако бумажный кризис в стране помешал осуществлению этого горьковского начинания.

⁸ Имеется в виду письмо Горького Заводовскому от 17 января 1929 г. (АГ).

36

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 25 января 1929)

Дорогой Алексей Максимович!

Первый номер «Наших достижений» закончен и на днях выйдет из печати. По получении от Вас отредактированных Вами материалов к этому номеру перед нами стала трудная задача составить статью от редакции. Присылка Вашей статьи «О «маленьких» людях и о великой их работе» как раз совпала с нашими размышлениями о передовой и мы, пользуясь Вашим разрешением дать эту статью за подписью редакторов и секретариата и внести в нее необходимые замечания, решили напечатать Вашу статью в качестве редакционной для первого номера¹. Размер статьи — 12 страниц был велик для редакционной и нам пришлось поработать над ее сокращением с тем, однако, чтобы все основные мысли

Ваши были сохранены. В переработанном виде статья занимает 6—7 страниц и, несмотря на все наши старания быть близкими и подлиннику в его целом, я боюсь, что мы немного ее «изувечили». Не сердитесь на нас за это.

Далее: так как первая книга выходит в Ленинские дни, то и считал необходимым дать коротенькую статью «Под знаменем Ильича»² — иначе говоря, первые слова в нашем журнале посвятить Ленину. Копию этой статьи — препровождаю.

Мы получили, под большим нашим давлением, статью Мих. Кольцова — «Переделка американца». Вполне соглашаясь с оценкой этой статьи, данной самим автором, мы задержали ее, и печать не сдаем и посылаем ее Вам на просмотр³. Надо сказать откровенно, что статьи с положительными типами и фактами не совсем удаются Мих. Кольцову. Думаю, что поступаем правильно.

Теперь, когда содержание первой книги вполне определилось, мы можем остановиться на общей оценке материалов ее. Сам не знаю почему, но все время я испытываю какую-то тревогу за судьбу нашего журнала. Правда, меня очень ободряют Ваши отзывы, данные в Ваших письмах и отдельных замечаниях. Я вполне с Вами согласен, что материал, который печатается в первой книге, послужит стимулом к возбуждению сил «культурной революции». Но все же, мне думается, что первая книга, отдельные статьи которой несомненно представляют интерес, в целом создает впечатление альманаха, что все статьи подобраны не по определенной системе, не по заранее выработанному плану⁴. Не в этом ли заключается некий «замечный недостаток» нашего журнала. Не думаете ли, Вы, Алексей Максимович, что вскоре⁵ нам придется перейти к расположению материала по разделам, причем — в начале журнала или перед разделами давать объединяющую статью, нечто вроде передовой, которая суммировала бы, объясняла и оправдывала бы помещение отдельных статей и очерков. В этих «передовицах» — злободневность наша бы свое отражение, конечно, в разрезе наших достижений, благодаря чему книга приобрела бы более действенный характер, становилась бы журналом общественного значения. Только при таком соблюдении пропорции между злободневностью и фиксацией всех наших культурных завоеваний — наш журнал превратился бы в дальнестрельное орудие и давал бы меткие залпы по всяким реакционным и упадочническим настроениям.

В отношении журнала я ограничусь этими своими «размышлениями», учитывая что, все подробности о нем Вам пишут и С. Б. Урицкий, и П. П. Крючков и другие. Выход первого номера в свет не за горами; посмотрим, что и как о нем скажут.

Еще раз и еще раз приходится повторять о том, что безделье нашей Редколлегии — за малым исключением — переходит все границы. Не знаю, что предпринять.

К сожалению, приходится отметить, что один из немногих активных работников — тов. Гольдман — накануне отъезда за границу на два месяца. Опять образуется брешь в одном из разделов журнала, кстати сказать, хорошо поставленном⁶. Как видите, много трудностей приходится преодолевать, но я убежден, что все эти шероховатости с течением времени сотрутся. Мы взялись за большое дело, за нужное дело, убежден, что мы раскатаем, привлечем к этому делу необходимую нам публику — и дело пойдет на лад.

В ближайшие дни мы Вам пошлем первый пакет рукописей для второй книги.

Постановление о назначении тов. Гольдмана заместителем ответственного редактора принято, и я думаю, что мы получили хорошего и активного соратника в деле создания журнала. В редакционную привлекаем еще тов. Ферсмана, который уже дал свое предварительное согласие. Как нам быть с Н. К. Козьцовым, сообщите Ваше мнение. О. Ю. Шмидт дал согласие редактировать отдел науки и будет у меня на днях для переговоров.

В последнем письме Вы мне писали о чрезмерно быстром и неоправданном необходимости росте числа наших журналов. Я эту Вашу мысль вполне разделяю и в начале текущего года ставил вопрос о пересмотре всех издающихся журналов в целях сокращения параллельных и конкурирующих органов. Думаю этим летом войти со специальным докладом по этому вопросу в соответствующие инстанции. Что касается «Книги и революции», то мне кажется, что Вы неправы, авансом возражая против его выхода. С закрытием «ЧиПа»⁷ у нас нет критико-библиографического органа, быстро реагирующего на все литературные вопросы и рекомендующего читателю то или иные новые книги. «Печать и революция» — журнал тяжелый, главным образом занятый крупными вопросами литературоведения и истории литературы. «Книга и революция», первый номер которого в общем неплох, заполняет имеющуюся брешь в нашей критико-библиографической периодике.

О «Земле советской» должен сказать следующее: когда создавался этот журнал, я возражал против его выпуска, но было решено дать Ассоциации крестьянских писателей возможность иметь свой орган.

Лутохина, о котором Вы мне писали, Ленигиз привлекает к редакционной работе, о чем с ним главный редактор Ленигиза уже договорился.

Пока столько, через пару дней черкну дополнительно.

Нога поправляется — третьего дня приступил непосредственно к работе.

Мой наилучший привет.

Ваш Арт. Халатов.

¹ В первой книге журнала «Наши достижения» за 1929 г. (январь-февраль) была помещена первая часть статьи М. Горького «О „маленьких“ людях и о великой их работе» и как-то редакционная статья. Вторая ее часть напечатана во второй книге журнала (март-апрель).

² Статья Арт. Халатова «Под знаменем Ленина» напечатана в журнале «Наши достижения» (1929, № 1, стр. 3—4).

³ См. во второй части настоящего тома письмо М. Кольцова Горькому от 23 января 1929 г.

⁴ Здесь и ниже набранное полужирным шрифтом подчеркнуто Горьким или цитируется им в ответном письме Халатову от 4 февраля 1929 г.

⁵ После слова «искоре», поверх строки Горький пишет: «и что».

⁶ А. З. Гольдман руководил отделом техники и производства.

⁷ Издание еженедельника «Читатель и писатель» было прекращено с января 1929 г.

37

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

[<Сорренто, 4 февраля 1929 г.>

Дорогой Артемий Багратович,—

Вы пишете: «первая книга создает впечатление альманаха: статьи подобраны не по определенной системе, не по заранее выработанному плану»¹.

Если это так, это — очень плохо. Тем более плохо, что, ведь летом, на многочисленных заседаниях Редколлегии система и план были выработаны. Почему же Редколлегия не могла следовать системе и плану? Мне кажется, что именно на этот вопрос Вы и отвечаете словами: «безделье нашей Редколлегии переходит все границы. Не знаю, что предпринять».

Я повторю то, что предлагал неоднократно: к работе в журнале необходимо привлечь более молодые и более свободные силы.

Далее Вы пишете: «в начале журнала или пред разделами нужно давать объединяющую статью, которая суммировала бы и оправдывала помещение отдельных статей и очерков».

Просмотрев стенограммы заседаний, Вы, наверное, убедитесь, что такие «вводные» статьи, написанные редакторами отделов — предлагались, но редактора не написали их. Само собою разумеется, что в таких статьях отразилась бы и «злободневность», так как они говорили бы о текущей работе науки, техники, сельского хозяйства и т. д., а не о «делах давно минувших дней».

Ваши слова: «столько при таком соблюдении пропорции между злободневностью и фиксацией наших культурных завоеваний» — эти слова не понятны мне. Что подразумеваете Вы под «злободневностью», которая, по Вашему мнению, очевидно, находится в каком-то противоречии с «фиксацией культурных завоеваний», а также и с задачей журнала: строить пропаганду культурной революции на фактах положительного характера². Хорошо, если б Вы объяснили мне это место Вашего письма.

Относительно Н. К. Кольцова я уже писал Вам что он, кажется, жаждет отставки и, вероятно, будет доволен ею. На активную работу в журнале он явно неспособен, о чем предупреждал нас О. Ю. Шмидт, это, разумеется, ценнейшее приобретение для журнала.

Статью М. Е. Кольцова печатать нельзя², я известил его об этом. Копия статьи о Владимире Ильиче при Вашем письме не оказалась.

«Книга и революция» возбуждает у меня вопрос: для кого задается этот журнал? Не думаю, чтоб массовый читатель нуждался в нем. О странном расположении материала я уже писал Вам. Зачем нужно на одной и той же странице печатать две различные статьи разными шрифтами? Думаю, что это должно затруднить процесс чтения. Что значит «россеянство» в применении к сказкам, сюжеты которых в огромном большинстве «переходящие», «общечеловеческие»: борьба разума против стихийных сил природы, восхваление личного мужества, борьба бедного против богача, простак против зазнавшегося умика, осмеяние себялюбия, трусости, жадности и т. д.? Причем тут «россеянство»? Насколько политически тактично подчеркивать «национальный мотив» там, где его нет и где он дает право, например, антисемитам сказать, что «статейку жиды писали»? Я приветствовал бы книгу, которая — в поучение националистам — указала бы, что внесла во всемирное народное творчество сказки русская сказка, как в наших сказках выразилось национальное «я», как против народного творчества боролась церковь и т. д., указала бы, насколько в этой области «национальное» творчество — в сущности интернационально. Это была бы хорошая, поучительная книга, а так вот, подусотвей строчек никого ничему не научишь³.

Не совсем ясна мне Ваша мысль: «Рентабельность работы необходима советскому издательству лишь для поддержания его производства на необходимом уровне»⁴. Так ли? В стране с населением в 150 миллионов, которое ежегодно физически и «грамотно» растет — уровень производства тоже, естественно, должен расти и едва ли возможно «устанавливать максимум тиража для книги»⁵. Впрочем, может быть, я плохо понял Вашу мысль.

О «Наших достижениях» побеседуем после того, как изругают первую книжку. Ругать будут, разумеется, охотно, с наслаждением. Занятие простое и приятное, особенных талантов не требует.

Лутухин пишет: «Просмотрел календарь коммуниста на 29 г. В политсловаре даны такие слова: „цитата“, „дебет“. „Джентри“, пояснено, как наименование китайского дворянина. Нет биографии Ленина». Далее: «На избирательном собрании великопленные были пионеры. Иванов, мальчик 12-ти лет, в зале, где было полторы тысячи народа, спокойно, по блокноту изложил целую програм-

му реформ по детскому вопросу, говорил легко, не заученно. Слушали его напряженно, ему одному дали двойное время и проводили овацией. Таких «ораторов» будто бы много»⁷.

Календарь — материал для «Книжки и революции», а Иванов — для «Наших достижений».

Посылаю Вам два тома Уитон Синклера. Раньше послал письма Сакко и Ванцетти. Если ГИЗу книги эти не нужны, пусть их передадут в Ленинскую библиотеку.

Мало обращено внимания на провинцию, мало! Вот куда следовало бы заглянуть редакции «К(нижки) и р(еволюции)».

Беленко с Лутухиным беседовал, обещал ему временную работу, но прошел уже месяц, работы еще нет. Лутухин «ни сват, ни брат» мне, но это грамотный человек, человек не способный в официальном издании ГИЗа⁸ допустить такую чепуху, как — Светлова «По градам и весям». «Светлов» — это роман Оммулевского, а «По градам и весям» — роман Засодимского. В русской литературе нет книги «Суходольские дворяне», а есть «Суходол»⁹.

В проекте изданий за время 28—32 указан Помяловский «Очерки бурсы». Почему именно это, а не «Молотов» и «Мещанское счастье» — повести, особенно характерные для нашего времени, когда мещанство, становясь все более активным политически, просачивается всюду? Странно это.

От вестей из Москвы, от погоды у меня — судороги, хочется удрать к вам. А я — прихварываю. Всего доброго, А. Б.

А. Пешков

4/I.29.

Дата Горького, поставленная в конце письма, ошибочна.

Письмо написано 4 февраля 1929 г., что установлено по содержанию, связным письмам Халатова и письму Горького к Крыжину от 3 февраля 1929 г.

¹ Здесь и далее Горький цитирует Халатова, приводя надписки на его письма от 25 января 1929 г.

² Данная фраза в оригинале подчеркнута фиолетовыми чернилами. Видимо, это пометы Халатова.

³ Речь идет о статье «Переделика американца».

⁴ Горький пишет о статье «Возрождение расовенства», помещенной в № 1 журнала «Книжка и революция» за 1929 г. (стр. 25—28).

В этой статье с позиций отрицания художественного наследия прошлого подвергается критике книга К. Чуковского «Маленькие дети» и сборник под редакцией Н. Рыбникова «Сказка и ребенок». (М., ГИЗ, «Библиотека педагога», 1928.)

⁵ Горький цитирует фразу из статьи Арт. Халатова «Издательство и автор», напечатанную в № 1 журнала «Книжка и революция» за 1929 г. (стр. 25—28).

⁶ Халатов в названной выше статье писал: «Чрезвычайно важным является установление в законодательном порядке минимума авторского гонорара и максимума типографской для различных видов литературы...» (стр. 27).

⁷ Откуда взяты приведенные слова Лутухина, установить не удалось.

⁸ Здесь и ниже писатель имеет в виду брошюру: «Пятилетний перспективный план издания классиков. 1928—1932». М., ГИЗ, 1928.

⁹ Речь идет о повести И. Бунина.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 3 марта 1929 г.)

Дорогой Артемий Багратович.

Инициатором издания журнала «Наши достижения» и ответственным редактором его являюсь я. Это значит, что я и несу главную ответственность за все, выходящее под маркой этого журнала. 13-ый протокол заседания секретариата ¹ известил меня, что предпринято издание иллюстрированного двухнедельника «Наши достижения» под другой редакцией. Мотивы, по которым признана необходимость издавать такой журнал, мне неизвестны, неизвестен и состав редакции. Я весьма опасаясь, что журнал этот не выдержит того скромного тона, который все мы считали обязательным для «Наших достижений». Картинки, вообще, не убедительны. Откровенно говоря — затея эта непонятна мне и мне по душе. Почему бы Вам не подождать с ним до мая? ²

Вы знаете, что я не самолюбив и Вы, наверное, догадываетесь, что дело для меня дороже людей. Мне странно видеть, что дело, только что начатое и не окрепшее, уже «реформируется». Повторю, что основания реформы не понятны мне ³. Просил бы Вас ответить на это письмо возможно скорее.

Всего доброго

А. Пешков

3/III.29.

¹ Протокол № 13 заседания секретариата журнала «Наши достижения» от 12 февраля 1929 г. (АГ).

² В протоколе № 13 было записано решение о проекте издания фотожурнала, который наглядно должен был показывать читателю успехи во всех областях социалистического строительства. Журнал решено было выпускать как своеобразное приложение к «Нашим достижениям». Имена вначале лишь краткое сообщение об этом заседании, Горький воспринял его решение как ненужную и преждевременную реорганизацию основного журнала и возражал против этого. Но 4 марта Горький телеграфировал Кричову: «Получил протокол редколлегии, беру назад мои возражения против двухнедельника. Писем не оглашайте, не передавайте адресатам. Горький» (АГ). В письме к нему же от 5 марта вновь сообщал, что ознакомился с протоколом редколлегии, от возражений отказался, но предупредил против поспешной организации нового издания.

Идея иллюстрированного журнала была уточнена и развита по приезде Горького в Москву. В декабре 1929 г. вышел первый номер ежемесячного иллюстрированного журнала «СССР на стройке».

³ Речь идет об изменениях в структуре журнала «Наши достижения» напечатанных в докладной записке к протоколу № 13 (см. об этом во второй части настоящего тома письмо Горького в секретариат журнала «Наши достижения» от конца февраля 1929 г. и примечание к этому письму).

(Москва, 4 марта 1929 г.)

Вы мне поверите, дорогой Алексей Максимович, что я ежедневно собираюсь Вам писать, но нагрузка сверх сил, особенно за последний период, мешала мне это сделать. Я очень перед Вами виноват, что так долго молчал, теперь, как видите, собрался и хочу Вам ответить на Ваши последние письма, которые я сейчас еще раз перечитал.

1. Относительно журнала «Наши достижения»: я в курсе всех Ваших писем, адресуемых редколлеktиву, и по этому вопросу меньше Вам буду писать потому, что знаю о том, что Петр Петрович Вас подробнейшим образом обо всем информирует.

Пусть первая книга не так уже блестяща, но все же сделано большое дело. Недавно заседала редколлекия и приходится вновь констатировать, что у нас большинство членов редколлегии совершенно инертно. Я уже как-то говорил Вам, я считаю, что только Ваш приезд, которого лично жду с нетерпением, позволит нам полностью преодолеть все трудности, которые стоят на пути нашего журнала.

Хочу пояснить те мысли, которые Вам показались неясными: а) относительно объединяющих или вводных статей. Вы ведь с этим положением соглашаетесь. Но, к сожалению, редактора отделов их не пишут. Далее: Вам непонятны мои слова: «только при таком соблюдении пропорции между злободневностью и фиксацией наших культурных завоеваний»¹. Может быть, мысль выражена довольно туманно, но я под этим разумею вот что, — для того, чтобы каждой книге журнала придать более действенный характер, необходимо, чтобы текущие темы строительства и актуальнейшие задачи дня, стоящие перед страной, нашли бы свое отражение в каждой книге журнала. Хочу, Алексей Максимович, чтобы Вы меня поняли: примерно, выход второй книги журнала совпадает с такими моментами общественно-политического порядка, как день восьмого марта, перевыборная кампания, выдвижение задач по увеличению урожайности. Вот я и подгадывал бы, что в связи с этими моментами необходимо, чтобы из 10—15 статей, помещенных в таком номере, 3—4 статьи были бы написаны, примерно: «о женщине», «о достижениях в области управления государством» (выборы и переизборы) и т. п. Вот что, Алексей Максимович, я разумею, когда писал о «соблюдении пропорции между злободневностью и фиксацией наших культурных завоеваний».

Первая книга журнала распространяется хорошо². Правда, я знаю, что еще очень много районов остались нетронутыми: примерно, Сормовский завод, на котором недавно был Петр Петрович,

не имеет понятия о журнале «Наши достижения». Нам предстоит сделать огромную работу и в области редакции, и по распространению. В редколлегиях обязательно, по Вашему указанию, введем молодые свободные силы, точно так же для пропаганды журнала надо будет организовать круг активных распространителей.

2. Относительно издания стихов Семедовского³ — получен неблагоприятный отзыв нашего ЛИТХУДа, копию которого Вам посылаю. Было бы хорошо получить от Вас Ваше окончательное суждение по этому вопросу.

3. Вы вполне правы указывая на необходимость развития дела издания научно-популярной литературы и некоторой перестройки этой работы. В частности, относительно издания брошюры Азимова, Госиздат вынужден, конечно, не за Ваш счет, а в плане своих изданий.

4. Ваше предложение относительно издания книг, которые знакомили бы массового читателя с культурной работой в различных областях Союза Советов — вещь совершенно необходимая, но я опасаясь, что эту Вашу мысль можно будет осуществить только частично из-за отсутствия бумаги. В частности, об издании очерков П. Максимова (я немножко задержал его очерки у себя), я постараюсь ускорить их просмотр. С Вашими замечаниями о журнале «Книга и революция» я вполне согласен; в этом журнале много фокусов, но все же я полагаю, что этот журнал найдет и свое лицо и своего читателя. Ценность его в том, что он быстро реагирует на выходящую продукцию и, несомненно, много поможет и библиотекарям, и читателям.

5. Письма Сакко и Ванцетти, полученные от Вас, переданы «ЗиФу», который их издает в несколько сокращенном виде⁴. Будем весьма Вам признательны, Алексей Максимович, если Вы и впредь будете присылать наиболее интересные книги для перевода.

6. Вполне разделяю Ваше мнение об обилии существующих журналов. В этой области, несомненно, придется сделать хирургическую операцию. В отношении авторского гонорара мы сейчас прорабатываем вопрос, и свои выводы из объективного цифрового материала я приведу Вам.

7. Я очень виноват перед Вами в том, что задержал помещение Вашей статьи «О книгах» в «Книге и революции», но хотелось сначала увидеть этот журнал и получить ясное представление о его характере. Сегодня эту статью передал П. М. Керженцеву.

С наилучшим приветом, —

крепко жму Вашу руку

Ваш Арт. Халатов

4/III

Р. С. Н. К. Круская на днях вручила мне письмо — для Вас вместе с моей почтой⁵.

Арт. Х.

¹ Из письма Халатова от 25 января 1929 г.

² В «Правде» от 13 февраля 1929 г., через месяц после выхода первой книги журнала, было помещено такое объявление: «Весь тираж № 4 журнала «Наша достижения» разошелся полностью. В ближайшие дни выходит второе издание этого номера».

³ Речь идет о переиздании сборника «Мир хорош».

⁴ «Письма Сикко и Ванцетти». Перев. с английского. М.—Л., «ЗиФ», 1930.

⁵ Вероятно, речь идет о письме Н. К. Крушеной от 16 февраля 1929 г., в котором Н. К. Крушеная просит Горького уточнить даты его встреч с В. И. Лениным, советует Горькому поместить в «Наших достижениях» материал о коммунах. Письмо опубликовано в журнале «Октябрь» (1941, № 6, стр. 21).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 7 марта 1929 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Только что получил перевод «часовой беседы Истрати после его возвращения из СССР»¹ с Фредериком Лефевр², напечатанной в журнале «Нувель литерер» от 23/II — с. г.³ Эта беседа меня крайне возмутила, и я не могу удержаться, чтобы Вам не послать этого яркого образца человеческой подлости. Недаром Вы скептически относились к этому человеку, просто говоря — не любил его. Вчитываясь в эту беседу, я нахожу, что никакие архиреволюционные фразы, рассманные в беседе, не могут скрасить самого отвратительного и тяжелого впечатления от этой беседы, если только она не является измышлением его собеседника Лефевра. Эта беседа для Вас блестящий материал, чтобы Вы еще раз подняли свое перо на этих — нам якобы сочувствующих, нас использующих, а потом на нас плюющих — «сентиментальных революционеров».

Черкните мне, Алексей Максимович, несколько слов по этому вопросу.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Арт. Халатов

7/III—29 г.

¹ Палант Истрати (1884—1935) — французский писатель, выходец из Румынии. В 1928 г. посетил СССР, опубликовал в советской прессе восторженные статьи о новой России, о встречах с Горьким. Возвратившись во Францию, выступил в печати с клеветническими измышлениями о советской действительности, что вызвало протест со стороны общественности СССР. 9 ноября 1929 г. «Литературная газета» напечатала письмо группы советских писателей «К писателям Запада. Палант Истрати и Советский Союз».

² Фредерик Лофевр — французский писатель, принадлежал к школе так называемых писателей-популистов, маскированных лозунгами демократизма и вирюности свою подлинную буржуазно-революционную идеологию.

³ «Nouvelles littéraires». Речь идет о французской буржуазной газете, выходящей по настоящее время.

41

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 15 марта 1929 г.〉

Дорогой Артемий Багратович, —

правильно, совершенно правильно: журнал следует поднимать как можно ближе к текущей действительности. Отмечая *сделанное*, он должен *освещать делавшееся* и *рассказывать о предполагаемом*. Однако сделано уже так много, что все это мы обязательно должны подытожить, чтобы наш читатель ясно видел основу, фундамент, на коем строится сегодня и будет строиться завтра. Тогда мы получим то, чего хотим: исторический рассказ о росте социалистической культуры, рассказ, воспитательное значение которого для массы будет несомненно. В мае мы с Вами устроим на материале трех книг собеседование, сначала — частное, затем — публичное.

С отзывом о стихах Семеновского ¹ я, частью, согласен, но все же настаивал бы на издании его стихов. Мотив мой таков: стихи имеют самостоятельную ценность, тут я с т. Беспаловым не согласен. Некоторые стихи действительно не современны и даже вредноваты — согласен. Но — вот в чем дело: Семеновский работает в «Рабочем крае» со времени его основания, он очень популярен в среде текстильщиков Иваново-Вознесенской губернии, — это я знаю. Не хотелось бы, чтоб отказ напечатать его книжку возбуждал кривотолки, которых и без этого достаточно. Может быть, Беспалов спешит с ним, договорится об исключении «неподходящих» стихов. В конце концов — решайте Вы. Количество обид на ГИЗ, «ЗиФ», «Прибой» растет с такою быстротой, что я уже думаю ответить на все эти обиды в печати большой статьей. Невежливо, до смешного обидчива, самолюбива и требовательна становится литературная молодежь!

По вопросу создания библиотеки «Очерков» мы побеседуем в мае. Это — большой вопрос. Тут надобно действовать весьма осторожно и при строжайшей редактуре.

Надо бы, А. Б., сделать брошюру: «Сколько стоит война?» Дать подсчет истраченного металла, снаряжения, т. е. — амуниции, разрушений хозяйства, потерь людьми и т. д. Это я говорю потому, что деревенский народ не имеет представления именно о стоимости войны. Вообще мне кажется, что на деревню, на ее вос-

питание мы все еще мало тратим сил. А письма из деревень становятся все порчи́вее, задорней.

Ну ладно! Будьте здоровы.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Знаете: очень много издается плохих книг? Мне кажется — все больше и больше. Зачем, напр., издана глупенькая книжка Моруа «В стране эстетов»? ² И вообще — очень много ненужного. Жалко бумагу.

Датируется по секретарской пометке на письме.

¹ Отзыв на книгу стихов Дм. Семеновского «Мир хорош» написан критиком и литературоведом И. М. Беспаловым (1900—1937), который в 1929 г. был ответственным редактором журнала «Печать и революция». Книга отыскана, посланная Горькому, в архиве писателя не сохранилась.

² Андре́ Моруа. Путешествие в страну эстетов. М., изд-во «Прибой», 1929.

42

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сorrento, 19 марта 1929 г.⟩

С пошленькой болтовней г. Истрати я уже аником, дорогой Артемий Багратович. Болтовня эта не удивила меня, ибо лучшего я не ожидал. ⟨...⟩ Напрасно у нас так много и так любезно возят-ся с господами этого гина. Разумеется, они могут более или менее красноречиво говорить о гнилом разложении буржуазного общества, но, при этом, сами они остаются неизменными буржуа и — хуже того: сектантами секты европейских интеллектуалей, людьми «первого сорта», которые признают за собою право быть совершеннейшими невендами по отношению к таким «варварам», как, напр., мы, грешные. Это не мешает им восхищаться русской музыкой, театром и т. д. и не мешает обнаруживать поразительную малограмотность во всем, что касается России. С. Цвейг написал, что Зимний дворец построен Петром I, — средний русский интеллигент не скажет, что Лувр основан Людовиком XI. Вот, посмотрите, что пишет «Le Cri de Paris» о Чехове.

Отвечать Истрати — не буду, много чести для него. Но я собираю материал вообще об отношении европейских интеллектуалей к Союзу Советов и напишу об этом со временем ¹.

Почему нигде нет объявлений о «Н. Д.»? Судя по отзывам, которые прислал Крючков, первая книга имеет неплохую прессу ². Но нам необходимо стремиться к тому, чтоб журнал был, действительно, массовым, тиражом в 50, в 100 тыс., мы этого не достигнем.

С авторами, которые продают рукописи свои и нам и — в то же время, — другим изданиям, я бы просил не церемониться.

Такие «нравы» следует искоренять ². До чего пзнахальничались у нас литераторы и до чего они терпеть не могут друг друга. Скверное это явление. По этому поводу хорошо бы выступить Н. И. Бухарину.

Посылаю Вам на просмотр «XX век» — новый итальянский журнал ⁴. Не плохо? Очень удачен портрет скульптора Джемито ⁵ на обложке. Старик недавно умер от гриппа. Талантливый был.

Всего доброго. Сердечно жму руку.

А. Пешков

19.III.29.

¹ В статьях «Цели нашего журнала» (январь 1930), «Гуманизм» (декабрь 1930) и др. Горький писал об «однобоких наблюдателях» и тех называемых «гуманистах», не способных понять величия свершения социалистического строительства, а видевших лишь «мусор разрушаемого старого» (см. Собр. соч., т. 25, стр. 307, 235).

² Можно указать на рецензии в газетах «Правда» от 15 марта 1929 г.; «Гудок» от 19 февраля 1929 г.; «Рабочая газета» от 17 марта 1929 г.; «Учительская газета» от 15 марта 1929 г.; «Орловская правда» от 29 марта 1929 г. и др.

³ Во второй книге журнала «Наши достижения» за 1929 г. под рубрикой «От редакции» (стр. 154) была помещена заметка, написанная М. Горьким об авторах, бездостоинство публикующих свои произведения одновременно в разных изданиях.

⁴ «XX век» (или «Новоэпоха») — журнал, выходивший в Риме в 1926—1929 гг., был органом одноименного литературного направления, возглавлявшегося писателем Массимо Бонтенелли (1878—1955).

⁵ Винченцо Джемито (1852—1929) — выдающийся итальянский скульптор-реалист. Боролся против академического формализма в искусстве. Создавал скульптурные образы труженников, людей из народа.

43

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 21 марта 1929 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Давно я от Вас не получал известий о Ваших делах, настроениях и предположениях. Полагаю, что в ближайшие дни получу от Вас ответ на мои последние письма. Работа протекает с большим напряжением: принимаем украинских писателей, берем шефство над различными культурными организациями, провели десятилетие рабфаков, ежедневно приходится по два-три доклада делать в связи с переизборной кампанией, двинули дело с изданием массовой книги и распространением ее ¹ и т. д. Думаю, что темп работы в ближайшее время несколько ослабеет.

В отношении журнала «Наши достижения» — дело налаживается, второй номер печатаем, в конце месяца он будет разослан подписчикам; успех первого номера несомненен хотя бы по одному тому, что нам приходится издавать его третьим тиражом в количестве 8 тыс. экз., всего первый номер разошелся в тридцати трех тысячах. Беглый просмотр появившихся рецензий

особенно в провинциальной печати говорит о правильности общей установки журнала, и печать одобрительно отзывалась о материалах первого номера. Но есть и другая точка зрения, которая нашла свое отражение: во-первых, в рецензии Д. Заславского — в «Правде»² и в прилагаемом письме тов. Ильина³ из ЦК комсомола, как бы заменяющим рецензию «Комсомольской правды». Последние две заметки являются материалом для дискуссии, так как оба автора, несомненно, выражают точку зрения многих иных. Ими снова ставится вопрос о пропорции в светотени⁴, которую они считают необходимым соблюдать в нашем журнале. Я полагаю, что будет целесообразно обождать выхода в свет второй книги, появления еще десятка рецензий и тогда придется вновь выступить в защиту основной линии журнала. Несколько дней тому назад заседали в Секретариате (приняли участие гг. Гольдман и Урицкий). В этом заседании просмотрели содержание третьего номера; решили в первой половине апреля созвать широкое собрание председателей культкомиссий московских заводов и фабрик, на котором мы совместно с рабочими обсудим все достоинства и недочеты журнала.

Хочу высказаться по некоторым Вашим предложениям.

Вы как-то предлагали учредить консультацию из нескольких литературных «снечов», которые взяли бы на себя ответственность за правильность текста переводов иностранной литературы. Идея несомненно хороша, но, к сожалению, трудно подобрать таких литераторов. Попытку сделаем, но приходится иметь в виду, что внешние работники вообще работают медленно-слабо.

В середине апреля предполагаю созвать по Вашему совету первое совещание редакторов московских газет по вопросам освещения в них (критико-библиографического отдела) тех книг ГИЗа, пропаганда которых особенно необходима.

И последнее, я вновь подтверждаю свое полное согласие с Вашим предложением об издании ряда книг, освещающих работу по отдельным областям, районам и отраслям хозяйства СССР. Будем весьма Вам признательны, если в этом отношении Вы нам придете на помощь и дадите указания по поводу авторов, тем, источников и т. п. И все это несмотря на то, что вопрос об издании книги П. Максимова⁵ несколько задержался. Виноваты тут, конечно, недостатки механизма нашего громоздкого аппарата.

Вы, видимо, читали последнюю беседу с П. Истрати⁶ (я передал ее П. П. для Вас), в которой этот «революционер» пытается несколько смягчить то тяжелое впечатление, которое он создал своей первой беседой.

Ваш приезд не за горами, с нетерпением жду встречи.

Приложение: Копия письма т. Ильина.

С наилучшим приветом

Ваш Арт. Халатов

21/III—29 г.

¹ Халатов имеет в виду выполнение постановления ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1928 г. «Об обслуживании книгой массового читателя», в котором отмечалось, что «текущий период социалистического строительства чрезвычайно увеличивает значение массовой книги как орудия организации масс и коммунистического просвещения, повышения их культурного уровня». (Цит. по кн.: «О партийной и советской печати». М., изд-во «Правда», 1954, стр. 380). В связи с этим ЦК обязал издательства увеличить выпуск массовой книги, улучшить ее распространение и обеспечить снижение себестоимости массовой книги.

В июне 1929 г. было проведено Всесоюзное книготорговое совещание, на котором Халатов выступил с докладом: «Культурная революция и массовая книга» (доклад опубликован ГИЗом в 1929 г.).

² Д. Заславский с к и й. Наши достижения № 1. «Правда» от 15 марта 1929 г.

³ Ильин — сотрудник аппарата ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правды». Его письмо от 11 марта 1929 г. к Халатову, пересланное Горькому, содержит отзыв на первый номер журнала «Наши достижения» (письмо хранится в Архиве А. М. Горького).

⁴ Этот вопрос возник еще до выхода в свет журнала, в период его организации. На совещании в Госиздате, которое состоялось 9 июня 1928 г. с участием Горького, речь шла о типе журнала, о формах подачи материала. Ряд товарищей, отмечая необходимость и своевременность журнала, высказывал сомнение: правильно ли освещать только достижения страны. Они рекомендовали показывать и недостатки социалистического строительства. Горький в заключительном слове сказал: «Некоторые товарищи говорят о необходимости установить некоторую пропорцию между достижениями и недостатками. Это само собою разумно. Мы неизбежно будем касаться и недостатков... Разве можно обойтись без критики?» (цит. по газете «Известия» от 10 июня 1928 г.; см. «Стенограмму совещания от 9 июня 1928 г. о журнале „Наши достижения“» во второй части настоящего тома).

Этот спор возобновился после выхода в свет первой книги «Наших достижений». В названной выше статье Д. Заславский дает в общем положительную оценку журналу, считая, однако, что в первом номере журнала нет «светотени».

⁵ Речь идет о книге очерков П. Максимова «Кавказ без романтики».

⁶ Эта беседа была помещена во французском журнале «Монд» в 1929 г.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сorrento, 31 марта 1929 г.〉

Дорогой Артемий Багратович,—

О письме т. Ильина тоже можно сказать, что оно «однобоко», как сам он говорит о журнале, имея пред собою одну первую и не очень удачную книжку. По материалу, который дает эта книжка, еще нельзя говорить, что «достижения» как будто становятся самоцелью. Каждая ступень лестницы на пути вверх, конечно, самоцель, но в то же время она — опора для следующего шага вверх. Слишком торопится молодежь критиковать. Рабочие относятся к журналу более солидно, их критика больше «по существу».

Но — сейчас говорить на эти темы бесполезно. Мы подробно побеседуем об этом в мае, когда у нас будут три книги. Само собою разумеется, что журнал должен непрерывно расти и претерпеть ряд существенных изменений.

На днях прочитал книжку Персова «Ржаной хлеб», это — из серии «Творчество народов СССР». Перевод — ужаснейший! Я написал об этом автору ¹. Книжки этой серии нам необходимо редактировать весьма тщательно, а то они садут на шею ГИЗа. Обращаю Ваше внимание на рассказ «Плотина» в книжке Замойского «Канитель», изд(ание) «Федерации» ². В рассказе изображена работа комсомола в деревне, и рассказ этот следовало бы издать отдельной брошюрой именно для крестьянства.

Скоро увидимся, чему очень рад.

Сообщаю новый и неплохой анекдот, который выдают за факт. В купе вагона сидит Турати ³, секретарь партии, человек против него закуривает сигару. Т(урати) указывает, что купе для некурящих. Тот — курит. Турати дает ему карточку свою. Курильщик, прочитав ее, прячет в карман. Тогда Турати спрашивает: «Вы не знаете, кто я?» «Отлично знаю» — говорит курильщик и продолжает дымить. Турати зовет кондуктора и жалуется ему, но курильщик, вынув визитную карточку Турати, показывает ее кондуктору. Тогда, тот, отдав ему честь, берет Турати за руку, выводит его в коридор и говорит ему: «Не связывайтесь с этим мошенником, он — Турати».

Лучше всего, что это рассказывают фашисты, да, видимо, и сочиняют они же. Крючков передаст Вам рецензии о двух книгах, обратите внимание на них ⁴.

И — будьте здоровы. Ем Вашу рыбу с утра до вечера и съедаю огромное количество апельсин.

А. Пешков

31.III.29.

¹ С. Персов. Ржаной хлеб. (Рассказы.) Из серии «Творчество народов СССР». Авторизов. перев. с еврейск. Л. С. Лиховицкой-Рисс. М.—Л. ГИЗ, 1929. В письме к С. Персову от 31 марта 1929 г. Горький сообщил по поводу книги «Ржаной хлеб»: «В общем она мне понравилась. Думаю, что и не ошибусь, находя у автора весьма живой дар изображения характеров и хорошее знание своего материала». Однако, по словам Горького, книгу портит перевод, сплошь «бесчисленные ошибки» которого «крайне трудно уловить подлинное лицо автора» (АГ).

² П. Замойский. Канитель. Повести и рассказы. М., изд-во «Федерации», 1929.

³ Фазинго Турати (1857—1932) — один из основателей и руководителей итальянской социалистической партии, лидер ее правого реформистского крыла.

⁴ Горький писал Крючкову 31 марта 1929 г.: «Рецензии на книги Драйвера и Ремарка передайте А. Б. Халатову» (АГ).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 13 апреля 1929 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

За последние две недели я получил от Вас несколько писем и спешу Вам на них ответить. Прежде всего, по поводу журнала. Вышла вторая книга ¹ и, судя по многим газетным отзывам, а также из бесед, которые я имею с отдельными товарищами, журнал попал в цель. Я совершенно с Вами согласен в том, что будет целесообразно отложить подробную беседу об установке журнала и о тех «существенных изменениях» — как вы пишете, которые должен претерпеть этот журнал, до Вашего приезда. К этому времени я полагаю, что получу отзывы от наших ответственных товарищей о журнале — в ответ на разосланный мною запрос. Распространяемость этого журнала (более 30 тыс. экз.) несомненно говорит о большом интересе к нему. Мы в этом месяце попытаемся нащупать мнение рабочих о выпущенных книгах журнала путем созыва широкого совещания председателей культкомиссий заводов и фабрик Москвы.

Ряд Ваших предложений об издании: очерков «Лицо областей и районов», брошюры о войне и т. п., — давайте, Алексей Максимович, и эти вопросы совместно разрешим, когда приедете.

Мы сейчас находимся в полосе бумажного кризиса, в связи с чем работа идет с перебоями. По вопросу о бумаге я дважды выступал в «Правде» ². Посылаю Вам эти две статьи.

Рассказ «Плотина» Замойского, который Вы считаете пущим издать отдельной брошюрой, я передал Отделу крестьянской литературы, который включит ее в свой издательский план.

Ваше письмо про авторов, торгующих своими статьями оптом и в розницу, наделало много шума ³. Многие извиняются, «Журналист» жаждет опубликовать фамилии этих авторов, и дело доходит до курьезов. В нашу редакцию пришел некий автор, начал извиняться. Но когда ему заметили, что в «Наших достижениях» он не печатался, он, почесав затылок, сказал:

— Перепутал. Значит надо идти в другую редакцию извиняться.

Будьте здоровы. Всего, всего хорошего.

С наилучшим приветом.

Крепко жму Вашу руку.

13/IV

Ваш Арт. Халатов

¹ «Наша достижения», 1929, кн. 2.

² Арт. Халатов. Визитные бумажки. «Правда», 1929, 26 марта; О и же. Необходим решительный перелом. «Правда», 1929, 7 апреля.

³ Халатов имеет в виду статью «От редакции», опубликованную во второй книге «Наших достижений».

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 18 апреля 1929 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Хочу с Вами поделиться некоторыми соображениями по гизовским делам в нашего журнала.

Вы, верно, уже получили пространное и очень интересное письмо тов. Лобова ¹, написанное им как читателем журнала «Наши достижения». Я вполне разделяю его замечания и предложения ². Поскольку мы выпустили две книги журнала, я разослал письмо небольшому кругу ответственных товарищей с просьбой прислать нам свои отзывы (копию этого письма прилагаю). Все это будет для нас очень важным материалом для того большого совещания, которое мы с Вашим приездом организуем в конце мая.

Просматривая содержание 3-го номера, я пришел к заключению о необходимости иметь Вашу статью. Правда, в последнем своем письме к Крючкову Вы пишете о том, что Вы готовите статью для этой книги ³. Это очень хорошо, ибо выпускать книгу без Вашей статьи было бы ошибочно. Секретариат наметил включение в план 3-го номера двух статей: Енгенова «Газета масс» (о стенгазетах) и Бобинской «Юные строители» (о деткорах) ⁴, требующих тщательной редакции. Может быть, эти две статьи — в связи с тем, что в мае месяце проводится «день печати» — послужат для Вас материалом для Вашей статьи. Конечно, было бы лучше, если бы Вы успели дать третий очерк «По Союзу Советов» ⁵. Если же время не позволяет Вам или Вы не настроены писать этот третий очерк, то небольшую передовую мы будем ждать, и большой беды не будет в том, если мы выпустим третью книгу в середине мая или к Вашему приезду. Я с Вами не согласен по поводу того, что в третью книгу можно было бы дать статью о Госиздате. Мне думается, что это было бы несколько бестактно, тем более, что я считаю, что есть еще очень много областей (как в промышленности и в сельском хозяйстве, так и в области науки), где имеются несомненные достижения, которые еще не отражены в журнале. В отношении статьи о ГИЗе, я полагаю, что можно будет дать ее несколько позже, связав ее с результатами того праздника «советской книги», который мы организуем в конце мая в связи с десятилетием Госиздата. Кстати этому двухнедельнику советской книги мы придаем большое значение, пытаемся развернуть широкую кампанию — «за книгу» в центре и на местах.

С Вашим предложением о выпуске в серии крестьянской литературы рассказа «Плотина» Замойского дело обстоит так. Мы этот рассказ в крестьянском оформлении выпустили в 1926 г. отдельной

брошюрой⁶ — тиражом в 35 тыс. Остаток на наших складах и в отделениях исчисляется в 12 тыс. экз., к тому же отзывы об этом рассказе — не совсем положительные. Вот почему я полагаю, что с переизданием этой брошюры надо воздержаться.

Недавно делал доклад комсомольцам⁷. В области госиздатской работы держим курс на усиленный выпуск массовой литературы по всем ее разделам. Накопилось много дел и вопросов, по поводу которых мы побеседуем с Вами, Алексей Максимович, когда приедете.

На днях уезжает П. П., он Вам многое лично расскажет, кроме того, передаст Вам об одной моей деловой просьбе, которую прошу Вас выполнить. Я не совсем в курсе: как Вы решили вопрос с Вашим *переездом* или *приездом*? Так или иначе — ждем Вас и встретим Вас с большой радостью. А пока — ждем Ваших писем.

Будьте здоровы, крепко жму Вашу руку.

Ваш Арт. Халатов

18/IV

¹ Семен Семенович Лобов (1888—1937) — заместитель председателя ВСНХ СССР и председатель ВСНХ РСФСР.

Названное письмо хранится в Архиве А. М. Горького.

² Фраза, набранная полужирным шрифтом, в оригинале подчеркнута красным карандашом. Можно предположить, что это подчеркнул Горький, так как в своем ответном письме Халатову от 27 апреля 1929 г. писатель цитирует эту фразу.

³ В письме Крючкову от 8 апреля 1929 г. Горький сообщал: «Занятя начну писать редакционную для третьей книги» (цит. по кн. «Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 3. М., 1959, стр. 717).

⁴ В четвертой книге «Наших достижений» за 1929 г. были помещены статьи: Е. Бобвинская «Юные строители» (стр. 11—22) и С. Ефимов «Газета на стене» (стр. 92—105).

⁵ Названный очерк М. Горького отыскивает третью книгу журнала «Наши достижения» за 1929 г.

⁶ П. З а м о й с к и й. Плотина. Ред. Феоктиста Березовского. М.—Л., ГИЗ, 1926.

⁷ «Журналист» по этому поводу сообщает следующее: «18 марта состоялся вечер смочки ГИЗа с краснопреспеленскими комсомольцами в Центральном доме комсомола Красной Прессы, прошедший под лозунгом «Дом комсомола должен стать местом проверки гизовской книги». Докладчик от шефа т. Халатов призывал собравшихся «к взаимной работе за лучшую книгу для масс» («Журналист», 1929, № 8, стр. 230).

Дорогой Артемий Багратович!

Я очень смущен тем, что Вы «вовне разделяете замечания и предложения т. Лобова», ибо для меня совершенно ясно, что т. Лобов журнал наш перелистал невнимательно и цель журнала

недостаточно ясна ему. Так, напр., он «не знает, можно ли считать первостепенной важностью для журнала статьи Абрикосова и Пантелеймонова»¹.

Не понимаю, что значат слова «первостепенная важность для журнала». Журнал не является самоцелью, он затеян в целях ознакомления рабочих и крестьян с ростом их работы, в целях «показа» им объективного государственного значения этой работы, хотя бы субъективно работа казалась мелкой и будничной, — именно об этом говорят редакционные статьи, очевидно, не прочитанные т. Лобовым. Если б он прочитал их, он не усумнился бы в первостепенном значении фактов, сообщенных Абрикосовым и Пантелеймоновым². Первый из них говорит, что «они в одной стране еще нет правильно поставленного селекционного дела»³, а у нас уже есть. Второй, указывая на одно из крупнейших достижений нашей науки, сообщает, что на ранние продукты наши уже заняты требования из ряда стран, даже из Австралии⁴. О материале первой книги т. Лобов ничего не говорит, во второй он обошел молчанием большинство фактических сообщений. Всего более заинтересовали меня его слова: «чтоб Вы могли поместить все для нас наиболее ценное»⁵ и в соответствующем виде». Для кого — «для нас»? Для работников центрального хозяйственного аппарата Сов(етской) власти? Не думаю, что журнал с такой «установкой» нужен и полезен.

Редакцией журнала неоднократно заявлялось, что он издается для массы, в самом широком смысле этого понятия. Его цель — завоевать внимание и симпатии рабочих и крестьян, «активистов», «опытников», людей низового аппарата. Он должен дать этим людям фактический материал для агитации за Сов(етскую) власть, для пропаганды коллективизма и коммунизма, науки и техники, должен усилить трудовой пафос активистов, и через них, провести пафос в массу. Необходимо, чтоб рабочие и крестьяне подробно и всесторонне ознакомились с процессом развития своего классового, государственного, хозяйственного творчества. Необходимо, чтоб они видели: их трудом хозяйство страны действительно реставрируется, расширяется, организует новые отрасли промышленности, открывает новые залежи полезных ископаемых, учится само обрабатывать свое сырье и постепенно освобождает себя от необходимости ввоза иностранных товаров. Необходимо говорить о том, что все это достигается благодаря развитию социалистического сознания и воли.

Нужно, чтоб крестьянин-активист, «опытник» все более убеждался в решающем значении коллективизма, машины и науки для сельского хозяйства, убеждался в том, что рабочий работает на него все более успешно, в том, что все, что делается на фабриках и заводах, делается, в конечном итоге, для реорганизации деревни, для облегчения ее нищенской жизни и каторжного труда. Нужно фактами доказывать, что в мире нет другой, кроме

Советской, государственной организации, которая служила бы интересам только одного класса — класса⁶ трудящихся на земле и на фабрике. И следует возможно чаще подчеркивать, что наша действительность, воспитывая из древнего, замученного историей, одичавшего и жадного мужика, — сознательного коллективиста, постепенно делает его разумным, активным работником на земле, психически единосущным работнику на фабрике, что между этими двумя представителями труда не должно и не может быть противоречия интересов.

Вот краткий перечень тех простых идей, которые, на мой взгляд, необходимо внедрить в сознание рабочей массы. Цель журнала «Н. Д.» я вижу именно в организации социалистического сознания рабоче-крестьянской массы. Т. Лобов видит эту цель должно быть не так. Вы — солидарны с ним?

Он пишет Вам о «второстепенности авторов». Я считаю, что чем больше мы привлечем к сотрудничеству людей непосредственного, живого дела, — тем скорее журнал наш проникнет в трудовую массу, а она, почувствовав в нем правильную оценку ее работы, скорей признает его своим органом.

Лобов советует «дать задания одному из лучших писателей, энтузиастов нашего социалистического строительства».

Личные мои знакомства с литераторами необширны и, вероятно, поэтому я среди современных именитых писателей «энтузиастов» социализма не встречал еще. Энтузиазм на словах не мешает мне чувствовать и видеть, что большинство писателей «революционного призыва» некультурно, социально и технически малограмотно, самолюбиво, избаловано бестактным ухаживанием за ними. Они не учатся, не растут, равнодушны ко всему, кроме своих узко-цеховых интересов и среди них уже немало таких, которые являются кандидатами в паразиты рабочего класса.

Мне известно, что когда редколлегия пригласила писателей на совещание по организации работы «Н. Д.», они гораздо более живо интересовались в просами гонорара; но не целями журнала, и никто из них не обнаружил знакомства с агитацией за издание «Н. Д.» «Оживители» сырого материала, предлагаемого редакцией рабселькорами, очевидно, не работают.

У меня вообще не было и нет никаких надежд на помощь журналу со стороны именитых писателей, — за исключением двух, трех не очень именитых.

Если б т. Лобов ознакомился с редакционными статьями журнала, он не говорил бы о «ненужных деталях». Таких деталей нет. Их вообще не может быть в коллективной работе класса, строящего социалистическое государство. Все, даже очень мелкое, что делается в каждой деревне и на каждой фабрике «по-новому», имеет существенное воспитательное значение для массы. Мы должны давать в журнале описание достижений каждой деревни, коммуны, совхоза, колхоза, фабрики, завода, а также и описание

единоличных успехов активистов, крестьян-опытников, рабочих-изобретателей. Нужно, чтоб крестьянин и рабочий, люди обновленного сознания, тяготеющие к социализму, видели и знали, что их положительная работа замечена и учтена как государственное достижение. Журнал должен стоять на одной плоскости с рядовыми работниками «низов» и помогать развитию их социалистических чувствований, опираясь на факты, на их же работу, на их достижения во всех областях труда.

Т. Лобов предлагает освещать «основные достижения в областном разрезе». Вероятно, Вы помните, что я тоже предлагал это, но предлагал с оговоркой: сначала дадим читателю материал, а затем, на основе этого материала, сделаем вывод, дадим итоги достижений по областям. Итоговые статьи требуют авторов, способных отнестись к задаче серьезно и с увлечением. Таких авторов — нет, их надобно создать. Затем: для читателя, на внимание коего рассчитывает журнал, итоговые статьи менее интересны и конкретны, чем маленькие очерки, в которых рассказывается о работе его, читателя. Покажите сначала частично работу в различных пунктах его области, в разных волостях, фабриках, а после того дайте общую картину всей работы области, тогда ему легче будет поверить правде фактов. Как видите, я по всем пунктам замечаний и предложений не согласен с т. Лобовым и с Вами. Очевидно, нам, при свидании лично, нужно будет очень много беседовать о работе журнала.

Мне кажется, что Вас чрезмерно волнуют указания [на «недочеты», указания, вызванные Вами же и — вызванные преждевременно. Мое мнение: прислушаться надобно к голосам снизу, а не сверху. Если же Вы думаете, что необходима санкция с верха, тогда будет лучше, если Вы предложите проверить и оценить работу журнала не отдельным лицам, а ЦК партии.

Вместе с этим письмом посылаю книжку одного англичанина, жестоко правдивые очерки войны⁷. В Англии эта книжка не правится, это уже хорошо рекомендует ее. Передайте книжку в «ЗиФ». Недавно я послал туда, на имя Гладкова, еще две книжки, французскую и голландскую⁸.

Замечаете ли Вы что в прессе все чаще встречаются (указания на плохой подбор книг ГИЗом и «ЗиФом», и «Прибсемо»? Я имею в виду не статью Манделштама в «Известиях»⁹, а рецензии «Печати и революции», «К(ниги) и р(еволюции)», журналов.

Прилагаю вырезки¹⁰: любезную речь Гувера о преступности в США и статейку «Corriere della Sera»¹¹ о нашем кино.

Крючков приедет в понедельник.

Будьте здоровы и — до свидания.

А. Пешков

Сорренто.
27.IV.29.

Опубликовано в отрывках в газ. «Известия» 26 мая 1929 г.

¹ Горький здесь и в дальнейшем приводит выдержки из письма Лобова (АГ).

² Авторы статей, помещенных во второй книге «Наших достижений».

³ Горький на память цитирует следующее место из статьи Х. Абрикосова «Обновленное огородничество»: «Этим достижением мы можем гордиться, так как ни в одной стране нет государственного правильно поставленного селекционного дела огородных семян, — производство семян неадо находится в частных руках» («Наши достижения», 1929, кн. 2, стр. 153).

⁴ Инженер Б. Пантелеймонов в своей статье «Использование соевых озер (рапные производства)» писал: «Сначала мы скромно думали только о ближайших соседях — Австрии и Чехословакии. Но вскоре выяснилось, что мы можем начать поставку в Англию, в Гамбург (кругом всей Европы), даже в Мальбурн» («Наши достижения», 1929, кн. 2, стр. 134).

⁵ В машинописной копии вместо слова «шнеево», которое стоит в черновом автографе и в письме, цитируемом Горьким, напечатано «кумное». Исправляется по черновому автографу.

⁶ Вторично написанное слово «класса», усиливающее смысл фразы и делающее более четким и ясным построение, было пропущено в машинописном тексте. Восстанавливается по черновому автографу.

⁷ В черновом автографе сказано, что это очерки Фойгта.

⁸ В письме Ф. В. Гладкову от 25 апреля 1929 г. Горький писал: «... посылаю две книги Жульена Грин и Карла ван Вехтена, он — голландец, но пишет по-английски» (АГ).

⁹ О. М а н д е л ь ш т а м. Потоки халтур. «Известия», 1929, 7 апреля. В статье идет речь о низком качестве переводов иностранной литературы.

¹⁰ Посланные Горьким вырезки не сохранились.

¹¹ «Corriere della Sera» («Вечерний вестник») — крупнейшая итальянская буржуазная газета. Издаётся в Милане с 1876 г. по сей день.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто, 8 мая 1929 г.⟩

Дорогой А(ртёмий) Б(агратович), —

Очень прошу Вас: пошлите 300 руб. почтой, по сегодня же Екатерине Михайловне Андреевой¹.

Большая Пушкарская, д. 34-а, кв. 33.

Ленинград

Деньги нужны на лечение туберкулезного ребенка.

Очень крепко жму Вашу руку.

До свидания!

А. Пешков

Визы готовы, остается прочесть десяток рукописей и ответить на письма. Хочется быть в Москве к 19-му²

А. П.

8.V.29.

¹ В Архиве А. М. Горького имеются два письма работницы из Ленинграда Е. М. Андреевой, адресованных писателю. В первом письме Андреева просит Горького помочь ее маленькой дочери, больной туберкулезом.

На этом письме рукою Горького написано: «300 р. От 7/V» (АГ).

Во втором письме Андреева вспоминает о встрече с писателем летом 1929 г., когда он приехал в Ленинград, благодарит за то, что Горький поддержал его материально, помог определить дочь в санаторий, а ей самой — устроиться на работу.

² 26 мая 1929 г. Горький вместе с сыном М. А. Пешковым и его женой Н. А. Пешковой выехал из Рима в Советский Союз. 31 мая писатель прибыл в Москву.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 5/VI 1929 г.

Дорогой товарищ!¹

Девятого июня в Центральном клубе «Красная Кузница», на территории Октябрьских лагерей организуется большое торжественное заседание для красноармейской аудитории, посвященное десятилетию советской книги.

Я убедительно прошу Вас принять участие в этих торжествах своим кратким выступлением².

Время торжества от 5 до 7 час. вечера.

С товарищеским приветом

Арт. Халатов

¹ Пригласительный билет.

² В «Литературной газете» от 10 июня 1929 г. сообщалось, что 9 июня вечером, «в центральном клубе, для всех частей лагерея состоится торжественное заседание. Выступит с докладом тов. Халатов. На заседание приглашены члены Редисоветской республики, т.т. Луначарский, М. Горький, Демьян Бедный, Серафимович и др.»

Принял ли Горький участие в этом заседании — неизвестно.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Алейское, (Барнаул), 17/X 29 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам второе письмо¹. Хотелось думать, что оно Вас еще застанет в Москве; в нем я хочу поделиться с Вами рядом соображений по нескольким вопросам.

1. Прежде всего я хочу коротко рассказать Вам о ряде впечатлений, которые у меня сложились в результате работы в Юго-Западной Сибири, в Барнаульском и Рубцовском округах, после

М. Горький в типографии «Печатный двор». Фотография, Ленинград, 1929 г.
Музей Горького, Москва.

объезда нескольких районов, личного посещения десятка сел, коммун-колхозов и т. п. Октябрь месяц должен был дать резкий перелом в отношении усиления темпов хлебных заготовок по всему краю. Но результаты первых трех пятидневок еще недостаточны. Мы определили необходимость заготовки в октябре месяце до 30 м. пудов хлеба, а собрали за 15 дней только до 9 м. пудов.

Основная причина столь медленного темпа заготовок хлеба в крае объясняется огромным запазданием в деле проведения подготовительной работы по хлебозаготовкам, которая фактически началась только в конце сентября.

Само собой разумеется, что ждать реальных результатов от ряда срочно принятых мер можно только не ранее конца месяца.

В этом году Сибкрай отличается пестрым урожаем.

Каковы настроения на селе? В подавляющем большинстве бедняцко-батрацкая часть и середняки — идут с нами. Положение кулака: повсюду враждебная и выжидательная. Признаки внешнего наступления путем террора уже имеются, но вместе с тем, кулак перешел на организованную, т. е. внутреннюю борьбу². Репрессии в этих районах в достаточной степени еще не развернулись; они начнутся только после 10-го октября — по окончании срока твердых заданий. Приведу Вам один очень яркий, почти

анекдотический случай. При посещении Шининовского района, Рубцовского округа, — секретарь райкома передал мне следующее: в прошлом году нашумело так называемое Шининовское дело. Было продано 70 середняцких хозяйств, что повлекло за собой смену местной партийной и советской головы. Пользуясь этим, группа кулаков пришла в райком и заявила:

— Смотрите, братья, не повторите прошлогодней истории...

Это они, кулаки, являются хранителями генеральной линии партии и потому пришли Райком предупредить.

Массовая работа в селе слаба; комсомол только-только начинает раскачиваться. Печатное слово — испытаннейшее наше средство агитации и пропаганды — не использовано. Ни в одном сельсовете, ни в районе, ни на элеваторе, ни в доме крестьянина, ни в библиотеке — нигде я не видел популярного плаката с лозунгами, обращений к сдатчикам хлеба и т. п.²

Я привел Вам ряд отрицательных моментов хлебозаготовительной кампании в крае. Тем не менее, можно с несомненностью утверждать, что намеченный план на все 100% выполним. Приходится всю энергию направить на то, чтобы достичь фактического перелома в темпах хода хлебозаготовок.

2. Было бы очень хорошо, если бы Вы окончательно оформили подавие весьма нужного журнала «За рубежом»³. <...>

3. Я имею сведения, что пятая книга «Н. Д.» выйдет из печати только 20 числа. Позже никак нельзя, ибо необходимо, чтобы эта книга дошла до наших читателей, особенно живущих на окраинах СССР, к сроку, т. е. к 12-й годовщине Октября. Как идет подготовка шестой книги? Ведь больших надежд возлагать на комсомольскую братию — нельзя⁴. Очень прошу Вас перед отъездом наметить содержание этой книги, совместно с Гольцманом, Уришиным и Проскураковым. Семен Борисович⁵ уже вернулся, надо полагать, хорошо отдохнул, и Вы должны на него подействовать, чтобы он крепче взялся за дела журнала.

В отношении перехода «Н. Д.» с 1930 г. на ежемесячный выпуск: дело важное, сугубо необходимое. Удешевление и популяризация журнала, несомненно, могут увеличить тираж его до 75 тыс. экз. Мои сомнения в том — выполним ли реорганизованный план на 1930 г. в связи с Вашим отъездом — после того, как Вы мне сказали, что в конце декабря Вы намереваетесь вернуться обратно в Союз, — разумеется, отпадают⁶.

Нам необходимо добиться вот чего: крепко связаться с работниками отдаленных районов, чтобы усилить кадр авторов с мест. Кстати, в Сибири я нигде не видел журнала: это — по части нашего распространческого аппарата.

4. «На стройке СССР». — Я имею сведения, что т. Керженцев задерживает по формальным соображениям согласование на издание этого журнала. Вы бы, Алексей Максимович, на него воздействовали. Возможно, что к Вашему отъезду номер будет впервые

готов. Было бы хорошо, если бы Вы дали необходимые указания⁷. Продумывая этот вопрос, я все более и более убеждаюсь в том, что это начинание весьма почетно для нас при условии, что журнал будет выполнен на ять. <...>

5. Несколько слов о работе и перспективах ГИЗа:

Выясняется, что мы закончим год со значительным превышением плана. Вместо первого варианта в 720 милл. оттисков, мы — без дочерних предприятий — «ЗиФа», «Академии», «Моск(овского) «раб(очего)», — фактически издадим до 900 милл. лист. отт(исков), т. е. — против объема работы п(рошлого) г(ода) — будем иметь увеличение на 50%.

Тем не менее — спрос на различные виды литературы остается неудовлетворенным. Спрос на учебники, на научную книгу, тех-популярную литературу будет превышать наш выпуск.

Надо отметить, что опыт издания современных и классических художественных произведений и наиболее важных соц.-экономических трудов по серии «ДБГ»⁸ блестяще себя оправдал. По-моему «ДБГ» имеет приличное будущее.

Все это говорит о том, что на 1930 г. мы должны ожидать нового значительного роста продукции. План мы намечаем минимум в 1500 м(илл.) л(истов) о(ттисков). Иначе говоря, темп роста книжной продукции значительно превысит намеченные контрольные цифры по пятилетке — и мы будем ее пересоставлять.

Планы б(удущего) года выполнимы при условии усиления полиграфбазы ГИЗа и фактического получения необходимой нам бумажной нормы. На очереди ряд новых задач в области книжного дела.

Наши ближайшие задачи: организация кадров, редакторов и авторов, улучшение качества и удешевление продукции ГИЗа. Предполагаем расширить права отдельных частей ГИЗа путем предоставления большей самостоятельности секторам ГИЗа при строгой централизации руководства. Таков общий план в отношении организационной структуры ГИЗа.

В ноябре мы будем иметь план на 1930 г., а в декабре — пересмотренную издательскую пятилетку.

Я очень сожалею, что по всем этим и другим вопросам не удастся, видимо, лично побеседовать, ибо думаю, что я по приезде в Москву Вас уже не застаю. Придется отложить эту беседу на декабрь, когда Вы вернетесь в Союз. Это, конечно, не исключает нашей корреспондентской связи. Удастся Вам, буду рад получить от Вас письмо, — по личным и ГИЗовским вопросам, которое прошу перед Вашим отъездом передать В. М. Проскурякову.

В заключение очень прошу Вас: оберегайте себя, чтобы всегда видеть здоровым и бодрым.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Арт. Халатов.

Соррентонцам — мой привет.

Давид Григорьевич³ желает Вам и всем уезжающим всего хорошего.

Печатается по машинописной копии.

¹ Первое письмо Халатов пишет Горькому 8 октября 1929 г., со станции Тончика. Он делится впечатлениями от поездки по Сибири, описывает трудности борьбы за сбор урожая (АГ).

² Фразы, набранные полужирным шрифтом, подчеркнуты красным карандашом. Можно предположить, что пометы красным карандашом сделаны Горьким, отметившим наиболее значительные и интересовавшие его факты жизни деревни того времени.

³ Журнал, основанный по инициативе М. Горького, выходил с 1930 г. по 1938 г. под редакцией Мих. Кольцова. «Журнал „За рубежом“, — писал Горький, — ставит своей целью всестороннее освещение жизни современной Европы и Америки» (Собр. соч., т. 25, стр. 187). См. раздел «Горький и журнал „За рубежом“» по второй части настоящего издания.

⁴ Халатов имеет в виду сотрудников «Комсомольской правды», которые в июне месяце 1929 г. на расширенном заседании редколлегии журнала «Наши достижения», проходившем с участием А. М. Горького и посвященном обсуждению трех первых книг журнала, выступили с предложением разработать план шестой книги журнала и выпустить весь номер силами авторов-комсомольцев. Это предложение было принято. Комсомольцы составили общий план номера, однако в его конкретной разработке и выполнении не приняли активного участия, и доводить работу до конца пришлось секретариату журнала.

⁵ Урицкий.

⁶ Горький уехал в Сорренто 23 октября 1929 г. В 1930 г. по состоянию здоровья в Советский Союз приехать не смог. Вернулся в Москву 14 мая 1934 г.

⁷ «СССР на стройке» — ежемесячный иллюстрированный фотожурнал, показывающий успехи социалистического строительства. План первого номера журнала был просмотрен Горьким, исправлен текст, сделаны замечания, касавшиеся расположения фотоматериалов и их содержания (см. приложение 3). Журнал вышел в декабре 1929 г. В составе редколлегии — А. М. Горький. Издавался до мая 1941 г. С 1950 г. журнал стал выходить под названием «Советский Союз». Издавался сначала на четырех, а затем на пяти языках: русском, английском, немецком, французском, позднее — испанском.

⁸ «Денежная библиотека» ГИЗа.

⁹ Либерзон, сотрудник журнала «Наши достижения».

51

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 24 ноября 1929 г.)

Статью¹ привезет Крючков. Размер 44 тыс. знаков.
Привет.

Горький

¹ Можно предположить, что речь в данной телеграмме идет о статье В. М. Воблого, которую Горький рекомендовал поместить в «Наших достижениях» за 1930 г. (см. об этом в настоящем томе письмо Горького Халатову, написанное не ранее 1 декабря 1929 г.).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 27 ноября 1929 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я прошу Вас ознакомиться с прилагаемым письмом тов. Живова¹ (работника «Известий» и Международного бюро революционной литературы), с которым Госиздат заключил договор на составление им сборника произведений иностранных писателей об СССР. При заключении договора я обещал т. Живову, что Вы примете участие в редактировании этого сборника и предложите ему свое небольшое предисловие. Тов. Живов этот труд заканчивает. Я прошу Вас дать ему Ваши конкретные указания и ответы на поставленные им вопросы. Вместе с тем, — не сочтете ли Вы целесообразным поместить некоторые отрывки из этого сборника (отзывы последних лет) в «Наших достижениях».

За последние два месяца я от Вас ни одной строки не получал. Как Ваше здоровье — и почему от Вас ни слуху, ни духу?

Всего хорошего,

Ваш Арт. Халатов

¹ Марк Семенович Живов (1893—1963) — литературный критик, переводчик.

Имеется в виду письмо Горькому от 24 ноября 1929 г., в котором Живов делится своими мыслями и планами по поводу составляемой им антологии произведений иностранных писателей о Советском Союзе, дает список предлагаемых авторов сборника (АГ).

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, конец ноября... до 16 декабря 1929 г.)

Вы извините меня, дорогой Артем Багратович, за то, что не отвечал на Ваши письма, — в Москве писать было совершенно некогда, а приехав сюда — тотчас же начал писать для «Лит. учебн.»¹, «Наших достижений»², предисловие к сборнику молодых писателей³ и т. д. Работать над «Самгиным» — нет времени.

К делу издания журнала «За рубежом» Сталин, Ворошилов, Литвинов отнеслись, — как Вы знаете, положительно. ЦК в заседании 21.X постановил: «Поручить Аппо в 2-недельный срок подготовить вопрос об издании журн(ала) «За рубежом» и журн(ала) посвященного вопросам войны». О дальнейшем ничего не знаю. (...)

Мне кажется, что нам должна бы надоесть роль места, куда изо дня в день плюет буржуазная пресса, и что нам пора понять: под плевок эти мы подставляем наш рабочий класс в глазах пролетариата Европы, который — в большинстве — питается именно буржуазной прессой. Против любого ряда отрицательных фактов нашей действительности мы имеем полнейшую возможность выдвинуть ряд таких же и гораздо более мрачных фактов действительности европейской. Нам крайне легко перекрыть свое плохое — гораздо более «плохими» явлениями быта современной Европы.

Но, разумеется, дело не в том, чтоб «перекрыть», а в том, чтоб развернуть пред нашей молодежью широкую картину разложения буржуазного общества.

Картина эта достаточно ярка, вполне способна обесцветить блеск мецанского быта, пристыдить наших пессимистов и скептиков, — основой скепсиса и пессимизма служит культурное невежество, а в него включается и полное незнание жизни Запада. Свою действительность молодежь тоже плохо знает, но, — так как, все познается сравнением — обязательно следует дать материал для сравнения. Кроме того, журнал несколько заткнул бы шипящие глотки наших обывателей. <...>

В журнале этом нашли бы себе место толково написанные обзоры европейской и американской литературы. Если б у нас была серьезная и более грамотная критика, она, опираясь на показания зарубежных романистов, очень помогла бы делу культурной организации нашей жизни. <...> Мы все еще не научились рецензировать те книги литераторов-радикалов, которые способны весьма ярко осветить различные стороны жизни Европы и С. Ш. Америки, как напр. книги Синклера Льюиса, Адамса, Ремарка, Глезера, Гексли и т. д.

Здесь я должен сказать кое-что о работе ГИЗа; боюсь, что это будет неприятно Вам, но — что же делать! Вам совершенно необходимо реорганизовать ту часть Вашего аппарата, которая ведает иностранной беллетристикой. Нет смысла издавать книги О'Флагерти⁴, пухляе, но пустые сочинения Т. Драйзера⁵ и прочее в этом духе, пропуская в то же время мимо рук такую ценную вещь, как «Рожденные в 902 г.» Глезера⁶ или «Символы разные стекла» Гексли⁷. Вы скажете — «Драйзера издает „ЗиФ“», но это, ведь, филиал ГИЗа. Ремарк издавался целый год и вышел в трех изданиях⁸. Книги Льюиса «Эрроусмит» и «Дальмер Гаутри» — первый отлично изображает шарлатанов науки, вторая религии — книги, которые заслуживают широчайшего распространения, издаются, как «Собрание сочинений»⁹, что, вероятно, повышает их продажную цену.

В дешевой серии классиков поэмы Пушкина напечатаны с сокращениями целых строф ради экономии бумаги, — разве это допустимо? Госиздательство компрометирует себя

такими фактами. А сокращение моего «Детства» на девять глав?

Великий другой на моем месте поднял бы большой и не очень приятный для ГИЗа шум, я же не себя защищаю, а спрашиваю: если допустимо сокращать Пункина и «Саламбо» Флобера, — то что же недопустимо для заведующих литературно-художественным отделом ГИЗа?¹⁰ И — что за варвары сидят там у Вас? Очень много недостатков в работе ГИЗа, и, право, неуместно говорить о них. Мне кажется, что Вы, слишком много взяв на себя различной работы, недостаточно уделяете времени ГИЗу и, увлекаясь количеством продукции, мало следите за добротностью ее качества. В 28 г. Вы решили уменьшить количество журналов, бороться с параллелизмом — журналов — и очень плохих — стало больше, параллелизма — тоже больше. Ведомственные журналы служат рассадниками бездарных и полуграмотных истребителей бумаги.

Если Вы просмотрите учебники, Вы убедитесь, что параллелизм процветает и в учебниках.

Вы соглашались с тем, что ГИЗ не только издательство, «коммерческое дело», но и государственное учреждение культурно-просветительного характера. Но — помните: в 28 г. мы с Вами у А. И. Рыкова и вместе с ним признали необходимость заказать и издать «Историю гражданской войны» для крестьян¹¹. Это не сделано. Не изданы до сей поры повести Помяловского «Мещанское счастье» и «Мологов», а Вы тоже согласились, что время требует этих книг. Издается моя «Исповедь». Вы знаете, что В. И. Ленин и многие товарищи книгу эту опорочили, отчасти — по вине автора, отчасти — по недоразумению¹². Ее не следовало издавать в те дни, когда наблюдается рецидив религиозных настроений. А если уж издавать, то и этой книге следовало присоединить, в качестве предисловия, статью Войтоловского¹³, которая очень хорошо разъясняет «чуждо» в конце книги и, вообще, мое «богостроительство». X

Дорогой друг мой, Вы не обижайтесь. Мне искренно хочется помочь Вам в деле крайне трудном и огромном. Но для этого Вы сами должны отдать себя целиком этому делу. Вам необходимы хорошие помощники. Что Басов¹⁴ — вернется в ГИЗ? Вы хвалили его. Вам бы еще привлечь к работе т. Гольдмана, перетаски его из РКИ, он очень хороший работник и, видимо, непрерывно работает над собой, весьма заметно растет.

Я не вернусь в декабре и вообще не вернусь пока не кончу Самгина, — это решено.

О журнале «На стройке» не могу сказать ничего отрадного. Проработав над чем-то несколько месяцев, истратив кучу денег, люди создали нечто очень бледное и почти уродливое. Можно было сделать больше, лучше и дешевле в неделю времени¹⁵. Я бы советовал Вам: не пробуйте возложить работу по «Стройке» на П. П. Крюкова. У него есть свой план работы, — план очень простой и, мне кажется, дельный.

На совещании* по «Стройке» я видел двух чиновников из распространительного аппарата ГИЗа. Хотя эти люди с большим самонадеянностью, но впечатление они вызвали унылое. Тот факт, что Вы нигде в Сибири не видели журнала «Наши достижения», меня не удивляет. На Волге я тоже не видел его. В Ростове даже партийцы не знают, что есть такой журнал.

По вопросу о распространении продукции ГИЗа я тоже посоветовал бы Вам вызвать Чумандрина¹⁶ и побеседовать с ним. Он — человек с хорошими задатками организатора и неплохо говорит о методах распространения книги в деревне. Вообще, дорогой А. Б., следует «освежать» аппарат, привлекать к работе новые силы, молодежь.

Вы, конечно, знаете, что редколлегия «Н. Д.» постановила: включать в журнал беллетристику, т. е. — придавать очеркам более живой и, по возможности, художественный характер. Думаю, что это будет неплохо и полезно.

Арсеньев, автор книги «В дебрях Уссурийского края», взялся составить сборник очерков о Дальнем Востоке¹⁷. Скоро начнет высылать материал. У нас есть: «Северный Кавказ» и «Дальний Восток». Нужно организовать: Восточную и Западную Сибирь, Урал, Северный край — шесть сборников.

Для Северного края есть отличный знаток его Г. Ф. Чиркин¹⁸, автор интересного очерка «Советская Канада», напечатанного в 3-й за 29 г. книжке журнала «Природа и люди»¹⁹; для остальных — не вижу работников. Надо списаться с местными товарищами «наработками» и краеведами. Это поручено П. П. Крючкову.

Вот, покамест, все.

Не обижайтесь на меня, дорогой друг, за «критику». Очень хочется, чтоб все шло хорошо.

Датируется по содержанию и именным письмам Халитова.

Печатается по черновому автографу, сверенному с машинописной копией.

¹⁶ «Литературная учеба» — журнал, организованный Горьким в помощь начинающим писателям. Начал выходить под редакцией М. Горького с 1930 г. (см. раздел «Горький и „Литературная учеба“» во второй части настоящего издания).

В письме речь идет, видимо, о статье Горького «Цели нашего журнала», впервые частично опубликованной в «Известиях» от 4 января 1930 г. под заглавием «О журнале „Литературная учеба“, полностью — в № 1 журнала «Литературная учеба» за 1930 г.

Горький в это время работал и над «Письмами начинающим литераторам», которые под общим редакционным заглавием «Письма из редакции» начали печататься с первого номера «Литературной учебы».

¹⁷ Возможно, Горький имел в виду работу над очерком «На краю земли», опубликованным в № 1 «Наших достижений» за 1930 г., а также над передовой для этого номера журнала.

¹⁸ Речь идет о статье «Молодая литература и ее задачи», написанной в виде предисловия к сборнику рассказов молодых авторов. Издание сборника не было осуществлено. Статья впервые в извлечениях опубликована после

смерти автора в «Правде» от 18 июня 1941 г. Полностью — в т. III «Архива А. М. Горького» (М., Гослитиздат, 1951).

⁴ Лайам О'Флаэрти (О'Флаэрти, р. 1896) — англо-ирландский буржуазный писатель. В 1929 г. вышли две его книги: роман «Жена соседа» (М.—Л., ГИЗ, 1929) и рассказы «Весенний сон» (М., Амд. изд. общ-во «Огонек», 1929).

⁵ В других случаях Горький отмечал значение Т. Драйзера в развитии американской литературы и его участие в антиимпериалистической антивоенной борьбе деятелей культуры всего мира (см. Собр. соч., т. 25, стр. 5; т. 30, стр. 217). В 1929 г. выходило Собрание сочинений Т. Драйзера под общей редакцией С. С. Динамова (М.—Л., «ЗаФ», 1929).

⁶ Горький имеет в виду книгу Э. Глэзера «Рожденные в 1902 году» («Das Jahrgang im 1902»).

⁷ Книга О. Хаксли (А. Гексли) «Синько, разные стекла» была переведена в 1930 г. на русский язык (Л., Изд-во «Время»).

⁸ Эрик Марин Ремарк. На Западе без перемен (Воспоминания участника мировой войны). М., изд-во «Федерации», 1929; Эрик Марин Ремарк. На Западе без перемен. М.—Л., ГИЗ, 1929; Э. М. Ремарк. Обстрел (из кн.: «На Западном фронте без перемен»). М., изд. гал. «Батрак», 1929.

⁹ С. Льюис. Мартин Эроусмит. Собр. соч., т. 2. М.—Л., Госиздат, 1929; С. Льюис. Эльмер Гантри. Л., Изд-во «Прибой», 1937.

¹⁰ Горький имел в виду следующие издания: А. С. Пушкин. Поэмы. Ред., примеч. и сопроводительная статья Д. Бедного. М.—Л., Госиздат («Детская библиотека классиков». Школьная серия), 1929; М. Горький. Детство. М.—Л., Госиздат («Детская библиотека Госиздата»), 1929; Г. Флобер. Саламбо. Собр. соч., т. 2. Л., изд. «Красная газета» («Библиотека иностранных классиков и русских писателей», вып. 19, 30), 1929.

¹¹ А. Н. Рыков в то время был председателем Совета народных комиссаров РСФСР. Такое издание не было осуществлено. О замыслах Горького по созданию обобщающего труда «История гражданской войны» см. в настоящем издании переписку с Халатовым 1930 и 1931 годов.

¹² Речь идет о критике В. И. Лениным богостроительских ошибок Горького, отраженных в повести «Исповедь» (1907).

Объясняя замысел произведения, Горький писал: «Я — атеист. В «Исповеди» мне нужно было показать, какими путями человек может прийти от индивидуализма к коллективистическому пониманию мира... Герой «Исповеди» воспринимает под «богостроительством» устройство народного бытия в духе коллективистическом, в духе единения всех по пути к единой цели — освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего» (Цитируется по Собранию сочинений М. Горького; т. 8, стр. 304). Но положительный замысел автора был искажен влиянием богостроительской «философии».

«...Всякая, даже самая усовершенная, самая благоумеренная защита или оправдание идеи бога есть оправдание реакции», — разъяснял Ленин Горькому. (Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 115).

Сам писатель вскоре после выхода повести в свет изменил свое первоначальное отношение к ней. В письме к В. Я. Брюсову от 31 августа 1908 г. он писал: «Сам я очень недоволен ею...» (цит. по Собранию сочинений М. Горького; т. 8, стр. 504). В. И. Ленин в цитируемом выше письме от середины ноября 1913 г. также отмечал, что Горький еще одобрил «Исповедь».

В 1929 г. в «Избранных произведениях» Горького «Исповедь» была выпущена ГИЗом; тогда же в издании ГИЗа появился IX том Собрания сочинений

М. Горького под редакцией Н. Груздева, включивший «Исповедь»; повесть подготавливалась к печати в Ленинградском отделении ГИЗа.

¹² Вероятно, Горький имел в виду одну из глав книги Л. Войтоволоского «Очерки коллективной психологии» (М.—Пг., ГИЗ, 1924). В этой работе «чуждо» исповедницам большой девушки, изображаемое Горьким в «Исповеди», объясняется психологией массы, гипнозом толпы.

¹³ Михаил Михайлович Басов (1898—1937) — журналист и культурный работник. Один из основателей и редакторов журнала «Сибирские огни». С июня 1928 г. работал в Москве, в правлении Госиздата.

¹⁴ Речь идет о макете первого номера журнала «СССР на стройке», с которым писатель ознакомился в Москве до своего отъезда в Сорренто. Горький сделал целый ряд конкретных замечаний и пожеланий, касающихся как содержания некоторых фотодокументов, их расположения в журнале, «тон и характера подписей к ним, предлагая разместить материал так, чтобы воссоздавалась целостная картина социалистического строительства по различным областям промышленности, сельского хозяйства, культуры. В Архиве А. М. Горького хранится текст первого номера журнала, исправленный по замечаниям Горького (см. также приложения 3, 4).

¹⁵ Михаил Федорович Чузандриш в то время был членом редколлегии журнала «Литературная учеба». (См. о нем во второй части настоящего издания).

¹⁶ Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872—1930) — известный исследователь Дальнего Востока, путешественник, этнограф, писатель. В 1926 г. В. К. Арсеньев переработал и объединил свои ранее написанные книги «По Уссурийскому краю» и «Церсу Уаала» в одну книгу «В дебрях Уссурийского края». Ее второе издание выпустило в 1929 г. издательство «Книжное дело» (Хабаровск — Владивосток), в качестве предисловия было дано письмо Горького Арсеньеву от 24 января 1928 г.

В сентябре 1929 г. Горький писал В. К. Арсеньеву: «Разрешите обратиться к Вам с таким предположением: необходимо, чтоб наш массовый читатель был ознакомлен — по возможности широко — с ходом культурного и промышленного роста всех областей Союза за истекшие 10 лет. С этой целью Госиздат решил выпустить серию областных сборников под общим титулом «Библиотека „Наших достижений“... Не возьмете ли Вы на себя труд создать сборники по достижениям Уссурийского края и организовать еще два-три сборника по областям Дальнего Востока? Я усердно прошу Вас принять участие в этой работе» (Собр. соч., т. 30, стр. 152).

В. К. Арсеньев в письме от 28 сентября 1929 г. (АГ) ответил Алексею Максимовичу, что принимает на себя организацию сбора статей для книги о Дальневосточном крае. К сожалению, преждевременная смерть помешала ему осуществить эти планы.

¹⁷ Г. Ф. Чиркин — краевед, знаток Сибири и Северного края, автор многих трудов: «Комбинат Мурманской дороги — его возникновение, достижения и ближайшие перспективы» (М., «Пролетарское слово», 1927); «Пробуждение Мурман» (М.—Л., «Московский рабочий», 1929); «Советская Канада» (Л., изд. П. П. Соикана, 1929).

¹⁸ «Природа и люди» — ежемесячное приложение к популярному научно-учебному журналу «Вестник знания», издававшемуся с 1925 по 1941 г. в Ленинграде.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, не ранее 1 декабря 1929 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

затея т. Живова¹ — умная затея, но очень ответственная. Не знаю, прав ли я, но думаю, что, кроме Главлита, материал следовало бы просмотреть ЦК.

Написать предисловие — не отказываюсь, но и я должен ознакомиться с материалом, поэтому скажите, чтоб мне прислали его. <...>

Крючков передаст В. М. Проскурикову список 15-ти книг различных европейских авторов². Все это — книги более или менее социально и художественно ценные. Время от времени я мог бы присылать Вам такие списки, а Ваш — или «ЗиФа» — аппарат, предварительно проверив их приемлемость для нашего читателя, издавал бы их.

Таким путем ГИЗ постепенно вытеснил бы с рынка тот малокультурный хлам, которым питают и отравляют читателей частные издательства. Борьба против засорения рынка книгами Уоллеса³ и подобных ему авторов — прямая задача Государственного издательства, — не так ли?

Для первой книги «Наших достижений»⁴ я послал П. П. Крючкову статью Воблого, Воблый — тип «безумного мечтателя», люди этого типа, при наличии внимательного отношения к их «безумству» становятся такими «мастерами культуры», какими были Стефенсоны, Фультоны, Лютер Бербанкс, каковы есть Эдиссон, Тесла, Капица и пр. «Безумная» идея Воблого, в сущности, очень разумна, она формулируется так:

«Ни одной капли пресной воды — в море. Всю пресную воду на орошение засушливых земель».

Я стою за то, чтоб напечатать эту статью в «Наших достижениях». Она является достижением по духу своему, по смелости идеи, по бодрости темы и вере в безграничные творческие силы разума.

Мечтателей типа Воблого у нас не мало, и я думаю, что мы поступим не плохо, если дадим место для их статей на страницах «Наших достижений»⁵. Это очень оживит журнал, вялость коего объясняется объективными причинами, из коих главная — пассивный саботаж наших достижений со стороны людей, которые уже достигли сытости и маленьких, мещанских удобств.

Нам нужно драться, и мы должны бить лентяев, индифферентистов, скептиков по причине сытости, а также и по причине усталости. Или мы способны заразить молодежь нашей бодростью или не

способны. Я верю: способны. Вывод — ясен: «безумцев» не следует бояться, а надобно давать простор их голосам, если это голоса нашего хора.

Прилагаю объявление в стихах, вырезанное мною из «Крестьянской газеты»⁶. Это объявление напечатано в количестве 1 425 тысяч, прочтет его, вероятно, не меньшее, а большее количество людей. Стихи достаточно грамотные. У нас беспризорно и бездеятельно гуляют огромные табуны стихотворцев, которые именуют себя «поэтами». Многие из них голодают. Почему бы им не начать писать рекламы в стихах? Это даст им заработок, это очень оживит последнюю полосу газеты, это должно будет иметь некоторое культурно-воспитательное влияние на малограмотного читателя. Был такой «Дядя Михай»⁷, писавший рекламы в стихах для табачных фабрикантов, его рекламы имели большой успех, и его путем некоторое время шел Майковский. Не попробовать ли Вам заказать объявления о книгах ГИЗа в стихах? Иногда следует подражать американцам, они не все делают плохо. Вы скажете: ГИЗ не нуждается в рекламе своего товара. Но, ведь, объявления-то о книгах он все-таки печатает. И, наконец, дело не в ГИЗе, а инициативе ГИЗа, — сделает он, найдутся подражатели.

Кстати о ГИЗе. Для «Наших достижений» давно необходима статья о росте книжной продукции по Союзу Советов⁸. Очень прошу Вас — закажите эту статью.

Нужен обзор наших успехов в области геологических изысканий. Нужна статья «Апатиты, их значение», «Калийные соли», «Колхозное движение в 1929 г.», «Роль опытных сельскох(озийственных) станций, значение их практической работы».

Нужен ряд статей, которые заинтересовали бы деревенского читателя⁹.

Вы, вероятно, видите, что я работаю «не покладая рук». Журнал «Литер(атурная) учеба» требует много внимания, я возлагаю на него большие надежды.

В «Наших достижениях» необходимо ввести какого-то энергичного человека. Кого бы? Не знаю.

С комсомольцами, как видите, ничего не вышло¹⁰. К «черной» работе вообще у нас не замечается тяготения, никто не хочет быть чернорабочим культуры, всякому хочется командовать хотя бы в роли околоточного надзирателя.

А все мы, без различия цвета глаз, волос, формы носа и т. д. должны быть именно чернорабочими. Не теряю надежды, что лет через 30 молодые люди будут аристократами, и ежедневно каждому специальная барышня станет чистить ногти на руках, ногах и сморкать нос. Мне, грешному, хочется зубы чистить. Не свои, свои я кладу на ночь в стакан.

Будьте здоровы, дорогой мой кудрявый эскимос. Кстати: оказалось, что эскимосы суть — кельты и значит родственники

по крови ирландцам, французам. Последние¹¹ не очень довольны этим открытием.

Всего доброго.

Датируется по содержанию, смежным письмам Халатова и переписке Горького с Крючковым.

Печатается по машинописи без подписи автора, сверенной с черновым автографом.

¹ Имеется в виду издание сб. «Глазами иностранцев...». См. об этом в настоящем томе письмо Халатова от 27 ноября.

² Названный список обнаружить не удалось.

³ Эдгар Уэллес (1875—1932) — английский писатель, автор детективных романов.

⁴ Имеется в виду первая книга «Наших достижений» за 1930 г.

⁵ В. М. Воблый, исследователь Севера, один из авторов проекта создания «Великого северного пути» — железнодорожной магистрали, соединяющей побережье Ледовитого океана с побережьем Охотского моря.

О какой статье В. Воблого пишет Горький — неизвестно. В 1930 г. в «Наших достижениях» статьи В. Воблого не публиковались. В № 6 журнала за 1931 г. была помещена статья Воблого «Великий северный путь», которая лишь попутно затрагивает тему, названную Горьким.

⁶ Вырезка, посланная Горьким, не сохранилась. Возможно, это было объявление в стихах, рекламирующее новый фонарь: «Летучая мышь»:

Не ходи во двор с лучинкой!
Иль со свечкою, как встарь!
Расставайся со старинкой,
Заведи себе фонарь! и т. д.

Это объявление, начиная с 22 октября и до конца декабря 1929 г., почти ежедневно печаталось на четвертой полосе газеты.

⁷ Дядя Михай — псевдоним журналиста, фельетониста С. А. Короткого.

⁸ Халатов в письме от 5 января 1930 г. (см. в настоящем томе) обещает Горькому поместить названную статью в пятой книге журнала в связи с Днем печати.

Пятая книга «Наших достижений» за 1930 г. почти целиком посвящена теме развития издательского дела в СССР, росту книжно-газетной продукции, работе Госиздата.

⁹ В связи с помечаниями Горького в «Наших достижениях» за 1930 г. были опубликованы следующие статьи: В. Савин «За советский календарь» (№ 3, стр. 66—69); С. Ш-р «Разработка Хибинских апатитов» (№ 3, стр. 90); А. Ферсман «В Хибинских тундрах» (№ 6, стр. 43—45).

В раздел «Хроника» была введена постоянная рубрика, где печатались корреспонденции с мест о ходе коллективизации сельского хозяйства в стране: «Реконструкция сельского хозяйства» (№ 1, стр. 90—94); «На пороге сплошной коллективизации» (№ 2, стр. 93—95); «Коллективизация районов и округов» (№ 3, стр. 93—96; № 5, стр. 85—89).

Были помещены также статьи, как Н. Тулайнов «Институт по изучению засухи» (№ 6, стр. 29—31); Г. Москаленко и А. Фаворов «Украинский генетико-селекционный институт» (№ 6, стр. 32—34); В. Качурин «Институт урала» (№ 6, стр. 34—39); А. Зорич «На Полярной земле» (об опытных сельскохозяйственных станциях на полярном круге; № 6, стр. 46—50) и др.

¹⁰ Речь идет об участии работников Комсомольской правды в подготовке шестой книги «Наших достижений» (см. об этом в письме Халатова от 17 октября 1929 г.).

¹¹ В машинописной копии вместо слова «Последние», которое стоит в черновом автографе и требуется по смыслу фразы, напечатано — «Наследники». Исправляется по черновому автографу.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва, 5 января 1930 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Я был очень рад после долгого перерыва получить Ваши последние два письма, но крайняя загруженность задержала мой ответ.

Сейчас подвожу итоги 1929 г. и намечаю пути дальнейшей работы. Надо сказать, что истекший год дал ряд бесспорных сдвигов — Госиздат проделал большую работу по мобилизации внимания масс вокруг вопросов книги, создал большую литературу по популяризации пятилетки, создал Д⟨ешевую⟩ Б⟨иблиотеку⟩ Г⟨осиздата⟩ и т. д. Но, конечно, есть еще много дефектов, с которыми будем дальше упорно бороться.

Прежде всего, постараюсь ответить на основные вопросы, поставленные в Ваших последних письмах:

1. Я очень рад, что Вы одобрили идею ГИЗа, заказавшего г. Живову книгу на тему «Иностранцы об СССР» и согласились дать к ней предисловие¹. Рукопись автора, которая должна поступить в ближайшие дни, мы, конечно, немедленно Вам пошлем. ⟨...⟩ Я всецело присоединяюсь к Вашему мнению о целесообразности и своевременности создания «За рубежом», но вопрос о его редакции нам еще раз надо обдумать и обсудить.

2. Список художественных книг европейских авторов, присланный Вами В. М. Проскурикову, мы уже пустили в работу через Лит⟨ературно⟩-худ⟨ожественный⟩ отдел, в частности, перевод книги Олдингтона скоро уже будет готов². Вашу помощь в области отбора новых лучших иностранных книг, которую Вы любезно предлагаете, мы, конечно, примем с большой благодарностью. Ваше участие в этой работе, я думаю, в первую очередь значительно ускорило бы выпуск ГИЗом переводов лучших иностранных новинок.

3. Очерк Воблого, конечно, надо дать в «Наших достижениях». Мы на днях утверждали содержание № 1 «Наших достижений» на 1930 г. и я должен констатировать, что номер должен быть не плохим. К постоянной работе в «Наших достижениях» мы теперь привлекаем Зорича³, который будет давать по очерку или фельетону в каждый номер и, кроме того, взяли в редакцию двух новых литературных работников. Я думаю, что 1930 г. должен двинуть журнал вперед.

4. Ваше предложение о рекламе книг в стихах, мы используем и, прежде всего, по линии рекламирования массовой крестьянской литературы.

5. Статью о ГИЗе для «Наших достижений» я дам, но только к майскому номеру. Этот номер мы приурочим ко Дню печати и дадим ряд очерков, посвященных достижениям советской печати.

6. Появление первого номера «Литературной учебны» я жду с большим нетерпением, это Ваше начинание меня очень интересует.

7. Вашу критику гизовской работы в области художественной литературы я считаю совершенно правильной. Во главе Литхуда теперь вместо т. Сандомирского⁴ стоит т. Канатчиков⁵, который, по моему мнению, сумеет выправить этот участок нашей издательской работы.

Вопрос об издании «Истории гражданской войны» для крестьян мы двигаем через ПУР и я думаю, что в середине года будем иметь эту книгу. С «Исповедью» недоразумение допустило наше Ленинградское отделение, которому даны соответствующие указания и нагоний.

8. Сборники очерков о строительстве в областях мы выпускаем. Этим делом занимаются В. М. Проскуряков и П. П. Крючков. С Максимовым мы договор уже заключили⁶, но надо отметить, что этот молодой автор несколько легкомысленно подошел к своей работе и нам пришлось вернуть ему рукопись для переделки.

9. Меня очень огорчил Ваш отзыв о журнале «СССР на стройке». Выход его вызвал всеобщее сочувствие. Мы уже нынче имеем до 40 тыс. подписки. Я знаю, что в номере первом есть немало промахов, что журнал можно сделать лучше, и мы этого достигнем. Но сейчас дело не в том, как оформлен журнал, а в том, что такой журнал нынче вышел⁷.

Сейчас наступил новый издательский год. Бумаги дали мало и, видимо, снова будем жить в условиях нехватки книг. В 1930 г. хочу многое в ГИЗе сделать по-новому. Культурная революция требует новых форм нашей издательской работы. Обо всем этом напишу дополнительно на днях.

Крепко жму руку;

Ваш Арт. Халатов

5/Л

Постскриптум: На днях ГИЗ выпустил весьма интересную книгу Гувера (перевод) «Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов Северной Америки»⁸.

Экземпляр ее я послал Вам через т. Крючкова.

¹ «Глазами иностранцев. Иностранные писатели о Советском Союзе. 1917—1932». Составил М. Живов, ГИХЛ, 1932. Книга вышла без предисловия М. Горького.

² Речь идет о романе Ричарда Олдингтона «Смерть героя», выпущенном Государственным издательством художественной литературы в 1932 г.

³ А. Зерич (псевдоним Василия Тимофеевича Локотя, 1900—1937) — журналист, сотрудничал в журнале «Наши достижения».

⁴ Герман Борисович Сандомирский (1882—1937) — литератор и редакционно-издательский работник.

⁵ Семен Павлович Канатчиков (1879—1940) — старый большевик; был заведующим литературно-художественным отделом Государственного издательства и главным редактором Гослитиздата.

⁶ Имеются в виду очерки П. Максимовна «Капкан без романтики», вышедшие отдельной книжкой в 1931 г. в Ростове-на-Дону.

⁷ Имеется в виду отзыв Горького о первом номере журнала, вышедшем в декабре 1929 г. (см. приложения 3, 4). В первом номере журнала «СССР на стройке» были помещены следующие материалы: Азнефть. Нефтяные промыслы в Баку; Рабочий городок Арменикенд; Нефть на Урале; Завод «электро-сталь»; Коломенский завод; «Красный пролетарий». Станкостроительный завод в Москве; «Севкабель». Завод в Ленинграде; Ленинградский металлический завод; Судостроение в Ленинграде; Завод имени Кошкиного в Ленинграде; «Сельмашстрой». Постройка завода в Ростове-на-Дону; Совхоз «Гигант»; Стенной город Элиста; Электрификация Ленинградской области.

⁸ «Новейшие изменения в экономике Соединенных Штатов Северной Америки. Отчет Комитета при президентской конференции по безработице по вопросу о новейших изменениях в экономике под председательством Герберта Гувера с включением докладов особого ядра сотрудников Национального бюро экономических исследований» (в 2-х томах). Перев. А. М. Гинзбург. М.—Л., ГИЗ, 1930.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 15 января 1930 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

получил Ваше письмо, очень обрадовался. Вы так долго не писали, что я подумал: не рассердились ли Вы на мою ворюгию? Нет, — ну и чудесно.

По поводу «За рубежом»: давайте попробуем ввести этот отдел в «Наше достиженье», о чем я уже написал П. Крюкову. Кроме Зорича, мы могли бы привлечь Неандера¹, бывшего редактора «Нашего Союза» в Париже и редактора парижской «Экономической жизни» Валентинова². Можно привлечь и еще многих зав(едующих) печатью из наших колл(ег)ов. Постепенно научимся делать эту работу в «Н. Д.», а затем — разовьем отдел в журнал. Что Вы скажете? На мой взгляд — следует начать с этого.

У нас выходит десятки хороших очерков отдельными книгами, напр. «Сахалин»,³ «По островам Тихого океана» и т. д.⁴, некоторые из этих очерков не печатались в журналах, — как Вы думаете, не следует ли нам обратиться к «очеркистам» лично и именно с предложением работы в «Н. Д.»?

«Литучеба» — дело не легкое, редколлегия не совсем ясно представляет себе метод работы, путает «Литучебу» с политучебой. Этим она может отпугнуть молодежь, которая взвост: «Опять политика!».

Дело надо ставить так: политучеба на живом текущем материале литературы, а не наоборот.

Вы понимаете? Молодые литераторы дают нам свой материал, а мы его анализируем как выявление тех или иных идеологических настроений, анализируя его как литературу, формально, грамматически, тематически, политически.

Но мы славим с этим. Там, в редакции, хорошие ребята, да и «шпунтчики» искренние.

Были здесь наши «Парижская Коммуна» и «Профинтерн»¹, были у меня, потом и у них провел семь часов. Отличные ребята. Напишу о них для второй книги.

Крепко жму руку, будьте здоровы.

Привет всем!

А. Писков

Ганецкого видите? Спросите его: куда палеховские мастера девают подлинники своих рисунков? Я предлагаю следующее: собрав эти рисунки, — можно купить их на мой гонорар, — издать их в красках для Европы². Этим мы убьем двух зайцев: заработаем на дорогом издании, — его надо сделать дорогим, — повысим рыночную цену палеховских изделий и спрос на них. Подумайте об этом.

А. П.

15.I.30.

¹ Борис Николаевич Невадер (псевдонимы — Николай Сергеевский и Дмитрий Гузый — журналист, эмигрант, сотрудничал в журнале «Наш Союз», издававшемся советским полпредством в Париже. Позднее этот журнал был преобразован в газету. После закрытия газеты «Наш Союз» в 1930 г. с помощью Горького возвратился в СССР. Сотрудничал в газете «Труд» и др. Переписывался с Горьким.

31 января 1930 г. Горький писал в Париж В. С. Довгалеvскому: «Невадера попробуем использовать в качестве сотрудника в отделе «За рубежом» журнала «Наши достижения» (АГ).

² «Экономическая жизнь» — белоэмигрантская газета, издававшаяся русскими меньшевиками в Париже в конце 20-х годов.

Н. Валентинов (псевдоним Николай Владиславович Вольский, р. 1879 г.) — меньшевик, философ-махист, с конца 20-х годов — в эмиграции.

³ Л. Аляптов. Сахалин. (Очерки). Изд-во «Федерация», 1929.

⁴ П. Ю. Шмидт. На островах Тихого океана. Л., изд. П. П. Солякина, 1928.

⁵ В январе 1930 г. советские военные корабли «Парижская Коммуна» и «Профинтерн» во время заграничного плавания заходили в итальянский порт Неаполь. 11 и 13 января состоялись встречи М. Горького с советскими моряками. Писатель посвятил этому событию очерк «Советская эскадра в Неаполе», опубликованный в № 2 журнала «Наши достижения» за 1930 г. (См. Собр. соч., т. 17, стр. 252—261).

⁶ Илья Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг) (1879—1937) — деятель польского и русского революционного движения, старый большевик. В то время был членом коллегии Народного комиссариата внешней торговли.

Это предложение Горького тогда не было осуществлено.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 2/III — 1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Наконец-то оформлено в соответствующем порядке издание журнала «За рубежом», вопрос о котором поднят по Вашей инициативе еще несколько месяцев тому назад.

Трудность оформления этого вопроса заключалась в подборе соответствующих членов редколлегии, учитывая крайне ограниченный круг подходящих для этой работы лиц в связи с особым оригинальным значением журнала. Теперь состав редакции сконструирован в следующем виде: Вы, в качестве ответственного редактора, ибо иначе это нами и не мыслилось, гг. Костров (Вы его знаете по работе его в «Комсомольской правде»), Рубинштейн¹ (о нем Вы мне говорили и рекомендовали его ввести в состав редколлегии), Войтаковский² и Дзенис³ (из И(нститута) К(расной) П(рофессуры)) — члены редколлегии.

На днях мною было созвано предварительное заседание редколлегии, на котором мы обменялись мнениями и уточнили цели и задачи этого журнала в соответствии с высказанными не раз Вами основными установками о характере журнала «За рубежом». Сущность обмена мнений изложена в прилагаемом при сем на Ваше имя письме г. Кострова⁴; в этом письме нашли отражение те конкретные вопросы, которые встали перед нами на первом же заседании.

По моему предложению на этом заседании мы постановили привлечь к ближайшему сотрудничеству в журнале гг. Зорича (он изъявил лично согласие) и Сандомирского, ранее работавшего по руководству литературно-художественным отделом Госиздата. Он будет весьма полезен, ибо в достаточной мере в курсе всех необходимых вопросов, а главное владеет шестью иностранными языками.

Мне хотелось бы общими усилиями и с Вашей активной поддержкой обеспечить выпуск номера первого журнала «За рубежом» к Первомайским дням⁵. Как Вы на это смотрите? Прошу черкнуть Ваши пожелания для руководства в работе журнала.

С товарищеским приветом.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

¹ Модест Иосифович Рубинштейн (р. 1894) — публицист, экономист, в то время — заместитель директора Института экономики Коммунистической академии.

² Григорий Наумович Войтинский (Зархин) (1893—1953) — историк и экономист, автор ряда работ по вопросам международных отношений на Дальнем Востоке.

³ Освальд Петрович Даенне (1896—?) — историк, занимался вопросами международного рабочего движения.

⁴ См. письмо т. Кострова Горькому от 1—2 марта 1930 г.

⁵ Первый номер журнала «За рубежом» вышел в конце июня 1930 г.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 15 марта 1930 г.〉

Дорогой Артемий Багратович,—

на письмо т. Кострова я ответил, копия ответа есть у П(етра) П(етровича), пожалуйста, познакомьтесь с ней.

Журнал надобно выпускать в июне, к маю мы не успеем.

У меня есть предложение Вам, суть его—такова:

Читая вводные статьи Аркадия Виноградова¹ к переводам французских авторов, я убеждаюсь, что Виноградов мог бы отлично написать «Историю французской литературы XIX в.»². Он обладает всеми данными, которые необходимы для этой работы: богатой эрудицией, правильным марксистским подходом к материалу и хорошим, простым языком. Книжки такой у нас—нет, а нашей молодежи, — особенно «начинающей» писать, — она совершенно необходима. Виноградов и потому еще может придать этой книге особенный интерес, что он прекрасно видит связь французской литературы с русской, общность их тенденций и влияние экономического фактора на словесное искусство.

Что Вы думаете по этому поводу?

Привет и лучшие пожелания.

А. Пешков

15—III—30.

¹ У Горького описка: Виноградова звали *Анастасий* Корнилевич.

² Предложение Горького не было реализовано.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 4 апреля 1930 г.〉

Дорогой Артемий Багратович,—

разрешите обратить внимание Ваше на рукопись В. С. Каменского «Духовенство в России»¹. Мне кажется, что ее следует из-

дать и следовало бы издать «в спешном порядке», ибо она вполне отвечает на «злобу дня». Содержание ее чисто фактическое, факты подобраны убедительно, изложены очень просто и достаточно интересно.

В «Последних новостях» Милюкова² прочитал такую заметку:

«По уверениям корреспондента «Правды», один из обвиняемых на процессе СВУ³ Павлушков показал, будто врач-украинец «помогали умирать» заметным коммунистам».

«Мы вообще высказывали пожелания, — показывал Павлушков, — чтобы медики использовали свое положение и незаметно «помогали умирать» всяким выдающимся своим пациентам-коммунистам, всяким наркомам и проч. Даже такой вопрос обсуждался «как лучше помогать умирать: прямо илом или прививкой бактериальных культур». Дурдуковский будто бы задал вопрос доктору Подгваецкому: «как же это вы, врачи, можете лечить таких извергов?»⁴.

(«Правда», 27 марта).

Это понуждает меня напомнить Вам о книге Н. Колоколова «Мед и кровь»⁵, — книге, в которой отлично изображено столкновение врача-гуманиста с чекистом. Книга эта была рецензирована безграмотно и враждебно, хотя она сделана талантливо. Не найдете ли Вы нужным перепечатать ее в «Дешевой библиотеке»? По-моему — это необходимо сделать.

Получил бюллетень ред(акционного) совета ГИЗа. Не ясно — для кого он падается? И не слишком ли тяжел редсовет численностью в 51 человек? Впрочем — Вам виднее.

Всего доброго. Жму руку.

А. Пешков

4.IV.30.

¹ Василий Станиславович Каменский (1870—1938) — литератор, один из корреспондентов Горького. Рукопись Каменского не была издана.

² «Последние новости» — белоэмигрантская газета, издававшаяся в Париже в 1920—1940 гг. П. Н. Милюков — бывший лидер русской белой партии, являлся редактором газеты с 1921 г.

³ «Сила низвержения Украины» — антисоветская организация украинских буржуазных националистов, раскрытая и ликвидированная органами государственной безопасности в 1929 г. В марте-августе 1930 г. в Харькове состоялся судебный процесс над участниками этой антисоветской организации, в числе которых были С. Ефремов, Павлушков, Дурдуковский, Подгваецкий. Отчет о процессе тогда регулярно печатался в «Правде». В корреспонденции о процессе обвиняемого Павлушкова сообщалось:

«Выясняется, что и подкушенный (Павлушков. — Ред.) и Ефремов, и Дурдуковский считали, что вообще некоторым советским врачам следовало бы использовать свое положение при лечении коммунистов так, чтобы те уже не могли выздороветь. Это было, конечно, логическим выводом из их отношения к террору» («Правда», 1930, 22 марта).

⁴ Набранный шрифтом текст является вырезкой из газеты «Последние новости», вклеенной в текст письма Горьким. Ссылка на «Правду» от 27 марта ошибочна. Данное сообщение было опубликовано в «Правде» не 27, а 22 марта 1930 г.

² Николай Иванович Колоколов (1897—1933) — писатель, сотрудник журнала «Наше достояние». Его роман «Мед и кровь» впервые вышел в 1929 г. в издательстве «Федерация». Роман был переведен в 1933 г. издательством Московского товарищества писателей.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 12 апреля 1930 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

вчера прочитал изданную ГИЗом книгу Гиршбейна «Снопы молчания»¹. На первой странице этой книги переводчик ее — Гурвич — говорит: «Индия — страна с *трехмиллионным* населением». Это, конечно, можно поставить в вину корректору. Но — вот образцы перевода: «простыня, облегающая чресла, являющая совершенную красоту ног», «бедность, по-звериному покорная», «держаться издали», «издали представляется, что Индия бьется в когтях угнетателей англичан, а на самом деле — Англия — это та сила, которая раздувает костер, зажженный чужими руками, жарит каштаны и сторожит пламя». «Индия — это магнитное поле, которое привлекает даже насмех посмотреть ее». «Голова падает, продолжая блестеть и обливаясь своей собственной кровью». «Родным ветерком так и обдает тебя, когда приближаешься к большой толпе бездельников». «Английское правительство, которое сначала было растерялось, быстро доискалось гнилого места в народном организме, откуда можно было выклевать червей».

Такой гнусной безграмотностью переводчик усваивал всю книгу, кстати сказать, — совершенно неинтересную и даже глуповатую. Крайне печально, что такая книга и в таком идиотском переводе могла быть напечатана Государственным издательством.

Вообще за последнее время приходится отмечать что-то слишком много небрежностей в издательском деле. Напр.: на книге Голсуорси «Лебединая песнь»² не отмечено, что это 5-й том «Сати о Форсайтах», а четыре тома издала «ЗиФ». Читатель, купив «Лебединую песнь», ничего не поймет в ней. А зачем нужно было издавать «Последний сейм Реймонта»³, книгу бедарию и сугубо националистическую? «Моск(овский) рабочий» издал книжку Кента «Политичес(кие) права США»⁴, в ней читаю такие «перлы»: «сущностью политики является верность партии. Лишь немного менее важным законом политичес(кой) деятельности является тот, хорошо известный факт, что борьба против аппарата очень невыгодна для политика». Редактор книги должен помнить о том, где, в каких условиях и кем будет читаться книга и должен такие фразы снабжать примечаниями.

Количество плохих книг у нас возрастает. Издается такая чепуха, как пошленькие рассказы Рахилло «Воспоминания Пушкина»¹, изданные «Федерацией». Я не уверен, что организованный Вами «рабочий совет» — способен будет прекратить засорение книжного рынка хламом. Нет, для борьбы с этим явлением необходимо еще что-то более грамотное, знающее и менее самонадеянное. Следовало бы мобилизовать молодых литературоведов из «Научно-исследовательского института сравнительного изучения литературы Запада и Востока». В книгоиздательском деле необходимы литературно грамотные люди, это — бесспорная истина. А рабочий редсовет сам себя признает в этом деле не правомочным, требуя, чтобы «Госиздат издал брошюру» и в ней «указал бы на его» — ГИЗа — «задачи в деле издания массовой литературы», требуя таких книг, от чтения которых «у человека сразу произошло бы какое-то перерождение». С таким требованием ГИЗ недалеко уйдет по пути улучшения своей продукции, — ведь из этих требований ясно, что люди, которые предъявляют их, сами еще должны учиться, а учить других им — рановато.

Затем: объявлено, что ГИЗ «будет всемерно помогать развитию и укреплению творчества пролетарских писателей». Я был бы очень благодарен Вам, если б Вы осведомили меня: кем именно и в каких формах практически будет оказываться эта помощь? По какой программе? Знать это мне совершенно необходимо, ибо — как Вы знаете — «Литучеба» ставит пред собой эту же цель.

Всего доброго, дорогой А(ртеми) Б(агра)тович, и не обижайтесь на это ворчливое письмо. Прилагаю ходатайство Н. А. Рубакина², похлопочите за него, А(ртеми) Б(агра)тович, — заслуживает!

Сердечный привет.

А. Пешков

12.IV.30.

¹ Перец Гирибейн. Свои молчания (Индия). Перев. с еврейск. А. В. Гурвича. М., ГИЗ, 1930.

² Джон Голсуорси. Лебединая песнь. (Роман.) М.—Л., ГИЗ, 1930.

³ Владислав Реймонт. Последний сейм Речи Посполитой. М.—Л., ГИЗ, 1930.

⁴ Франк Кент. Политические права Соединенных Штатов. Перев. с англ. Л. И. Рязанского. М., изд-во «Московский рабочий», 1930.

⁵ Иван Рахилло. Воспоминания Пушкина. (Юмористические рассказы). М., изд-во «Федерация», 1930.

⁶ Николай Александрович Рубакин (1862—1946) — русский литератор и библиограф, проживал в Швейцарии. Имеется в виду просьба Н. А. Рубакина к Советскому правительству о пенсии. В 1930 г. Постановлением Совета Народных комиссаров СССР Н. А. Рубакину как выдающемуся библиографу и собирателю книг была пожизненно назначена персональная пенсия.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто, конец апреля 1930 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович, —

статью о Ленине сократил и посылаю¹, а с Толстым² — мне делать нечего, да и нет у меня под рукой этой статьи.

Если затеете издавать «Исповедь» — обязательно распорядитесь, чтоб к ней дали выдержки из статьи Войтоловского, то ее место, где он объясняет «чуждо», как гипноз толпы.

Чуковский³ пишет мне, что Вы «не решаетесь» издать Николая Успенского⁴. Конечно, немного странно издавать его раньше Глеба⁵, но уж раз издается никудашний писатель Лебедев⁶, — почему же не издать Н. Успенского? У него есть свое достоинство: в противовес Златовратскому, Левитову и пр⟨очим⟩ народникам, он деревню не обожал, относился к ней весьма критически.

В наши дни такое отношение к мужичку весьма полезно, как я думаю, ибо некоторые факты поведения мужичка, возбуждая темные надежды мещанина, весьма радуют последнего.

Будьте здоровы, не берите пример с меня.

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по дате получения адресатом.

¹ В то время Горький готовил очерк «В. И. Ленин» для XXII тома Собрания сочинений. (Изд. 2, доп. М.—Л., ГИХЛ, 1933—1934). Работа над очерком была в основном закончена в июне 1930 г. (см. телеграмму Горького Халатову от 13 июня 1930 г.).

² Речь идет об очерке «Лев Толстой», предназначенном для Собрания сочинений М. Горького.

³ Письмо К. И. Чуковского Горькому от 14 апреля 1930 г. (АГ).

⁴ В 1931 г. в Государственном издательстве художественной литературы вышло Собрание сочинений Н. В. Успенского под редакцией К. Чуковского.

⁵ Произведения Глеба Успенского неоднократно издавались Государственным издательством. В частности, в 1929 г. вышел однотомник его сочинений в писем.

⁶ Горький имеет в виду прозаика и драматурга Ивана Ивановича Лебедева (1859—1949), автора ряда произведений, посвященных жизни деревни.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 30/IV 1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно не писал Вам, так как последний период проходил в напряженной работе по ГИЗу. Несмотря на быстрый и решительный подъем нашей книжной продукции (ГИЗ за последние

два года более чем удвоил свой выпуск) мы уже сейчас не успеваем за огромным ростом спроса на книгу. По массовой книге сегодня тираж в миллион становится обычным явлением и не покрывает потребности. К весенней посевной кампании только ГИЗ выпустил свыше 50 милл(ионов) книг, и они разошлись (в прошлом году все издательства дали всего 2,5 милл(иона) к весеннему севу). Огромна потребность в учебной книге, особенно для подготовки инженеров, техников, врачей, агрономов. Раньше мы эту продукцию выпускали в тираже нескольких тысяч экз(емпляров), а сейчас тираж в несколько десятков тысяч расходуется буквально в несколько дней.

Для более подробного ознакомления я прилагаю Вам отчет о моем докладе в С(овете) Н(ародных) К(омиссаров) РСФСР и статью «Кадр и книга».

Нам надо преодолеть три слабых места издательского дела: недостаточную мощность бумажной промышленности, отсталость полиграфии и слабость кадров — авторских, редакционных, полиграфических и книготорговых. Чтобы преодолеть все эти узкие места и поднять наше книгоиздательское дело в соответствии с требованиями социалистического строительства, мы должны прежде всего организационно перестроиться. Я внес предложение о создании книжно-журнального концерна (объединения), так как считаю, что эта организационная форма поможет разрешить задачи качественного улучшения нашей работы над книгой и обеспечить необходимость количественного подъема книжной продукции¹.

Я в ближайшее время пошлю Вам более обстоятельные материалы, характеризующие эту реформу, а сейчас только бегло набросаю Вам общие ее контуры.

Мы хотим объединить ГИЗ с крупными государственными типизированными издательствами и создать ряд специализированных самостоятельных государственных организаций, работающих над отдельными видами литературы. Так, например, мы объединим массовый отдел ГИЗа с «Московским рабочим» и некоторыми другими и создадим массовое политическое издательство, техническое издательство образуется из Гостехиздата и части научного отдела ГИЗа, Государственное художественное — из Литхуда ГИЗа и «ЗиФа»² и т. д.

Все эти организации сосредоточат свою деятельность на редакционно-издательской работе и борьбе за улучшение книги. Все они войдут в концерн как его часть и будут работать под общим руководством. Эти издательства мы освободим от забот по книгораспространению, с полиграфией и будем их обслуживать единой сетью книгораспространения и полиграфической базой, которые войдут в качестве самостоятельных единиц в концерн. Этим мы добьемся несомненно наилучшего использования материальных ресурсов, обеспечим необходимые темпы рекон-

струкции полиграфии и, главное, качественно улучшим нашу книгу.

СНК уже принял эти мои предложения (копию постановления) СНК Вам посылаю) и мы сейчас работаем над уточнением этих общих положений.

Мне очень ценно было бы получить Ваше мнение по этому поводу.

В области литературы я хочу обратить Ваше внимание на две переводные социально-экономические книги, которые мы за последнее время выпустили: «Новейшие изменения в экономике САСШ» (доклад комиссии Гувера) и «Америка завоевывает Британию» Л. Дени³. Обе они представляют большой интерес и выпущены нами в самых ударных темпах. Хорошую книгу написал А. Е. Бадаев «Большевики в Государственной думе»⁴. Видели ли Вы № 4 «СССР на стройке», посвященный Турксибу и Днепрострою?

Турксиб мы открыли более чем на год раньше срока, это наше большое достижение.

Вы мне писали о новых работах А. Виноградова. Я дал указание тов. Канатчикову заключить с ним договор на книгу «История французской литературы XIX в.». Заявление Рубакина я двигаю и в ближайшее время сообщу Вам результат.

Я думаю, что Вы не правы в Вашей оценке рабочего редакционного совета. Я прежде всего должен отметить, что никакого параллелизма между «Литературной учебой» и бюллетенем рабочего редсовета нет и быть не может. Бюллетень не есть учебное издание, а информационно-публицистический журнал, организующий определенные слои рабочих (слои интересующихся литературой) вокруг работы ГИЗа. Критика рабочих с предприятий и их непосредственное участие в борьбе ГИЗа за улучшение книги, мне кажется, бесспорно полезны и необходимы. Весь вопрос в умелом руководстве этой работой. Контрольный экземпляр № 3 этого бюллетеня — посылаю.

Меня очень встревожили вести о Вашем здоровье. Вам надо больше беречь себя. Как Вы чувствуете себя сейчас и думаете ли Вы в этом году повидать нас? Желаю Вам всего лучшего.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

³ Отчетный доклад Халатова о деятельности Госиздата РСФСР и о реорганизации издательского дела состоялся на заседании Совета народных комиссаров РСФСР 23 апреля 1930 г. (Выписка из протокола. — АГ).

⁴ Речь идет о создании единого Объединения государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ). ОГИЗ был образован постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 8 августа 1930 г.

⁵ Людвиг Дени и Л. Америка завоевывает Британию. Перев. с английск. М., Госиздат, 1930.

⁶ Адисей Егорович Бадаев (1883—1934) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Речь идет о его книге «Больше-

ники в Государственной думе. Большевикская фракция IV Государственной думы и революционное движение в Петербурге. Воспоминания», вышедшей в издательстве «Прибой» в 1929 г.

Горький, прочитав книгу в границах, в июле 1929 г. писал автору: «Вот несколько слов о Вашей книге и про Вас. Написал я их «от души», с большой товарищеской любовью к Вам, с чувством благодарности за Вашу работу» («Рабочая Москва», 1936, 30 июня). Отзыв Горького был опубликован в шестом издании книги Бадаева в 1939 г. (ОГИЗ, Госполитиздат, 1939, стр. 5—7).

63

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 16 мая 1930 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

За последнее время почта начала здорово шалить. П. П. Крючков телеграфно известил меня, что письма Ваши высланы, но до сегодняшнего дня писем нет. Ничего не поделаешь — придется подождать.

Пока хочу Вам сообщить следующее:

1. Несколько дней тому назад вышел вторым изданием, тиражом в 100 тыс. экз. по серии «Дешевая библиотека Госиздата», «Ледолом» Горбунова. Ваш отзыв на эту книгу создал автору имя и вызвал большой интерес к ней¹.

2. Я подписал договор с М. М. Басовым на издание «Сибирского сборника»² и договор с М. Г. Лукьяновым на сборник его статей по Иваново-Вознесенскому краю³. Я полагаю, что эти два сборника явятся осуществлением Вашей идеи об издании книг, отражающих жизнь и быт во всех их границ в районном масштабе. Сборники эти дадим в качестве приложения к журналу «Наши достижения».

3. На днях мы получили контрольный экземпляр пятого номера журнала «Наши достижения», посвященного Дню печати⁴. Я считаю этот номер удачным. Очень сожалею, что Ваша статья попала в «другую редакцию»⁵. Хотелось думать, что в ближайших номерах по-прежнему неизменно будут печататься Ваши статьи, что для этого журнала является абсолютно необходимым. Следует отметить, что пятый номер журнала преимущественно составлен из статей гизовцев. В этом его и сила, и слабость. Последняя потому, что все же нам нужно стремиться к привлечению и других авторов. На одном из последних заседаний секретариата журнала и провел решения об издании культурно-бытового номера (№ 7). Было бы очень хорошо, если Ваше здоровье Вам позволит, проредактировать весь материал, предназначенный для этого номера. В отношении тиража журнала мы сделали несомненные успехи. Пока имеет расходимость в 60 тыс. экз., надо

думать, что умелым распространением мы могли бы достичь и 80-тысячного тиража журнала⁴.

4. Вы, наверное, уже ознакомились с № 4 «СССР на стройке», посвященным Турксибу и Днепрострою. По-прежнему не прекращается поток восторгов, вызываемых этим журналом. Хотелось бы знать Ваше мнение по поводу последних номеров. Изменилось ли оно после Вашей оценки первого номера. Вследствие технической невозможности печатать его в большом тираже, пришлось прекратить подписку, достигшую 50 тыс. экз., П. П. Крючков получил задание совместно с находящимся в Берлине г. Тером («Межд(ународная) книга»)⁵ заключить договор на распространение иностранных изданий. Если Гознаку удастся получить из-за границы дополнительное оборудование своей типографии, то печатание и расходимость журнала в 100 тыс(ыч) обеспечены⁶. Следующий номер журнала будет сборным — и мы его должны будем выпустить, как и номер шестой «Наших достижений» к XVI партсъезду.

Не буду Вас больше утомлять всякими делами. Меня очень беспокоит состояние Вашего здоровья. <...> Старайтесь едко возможно меньше заниматься. Я думаю, что П. П. этому поможет.

Особенно сейчас ощущается большая необходимость получать почаще от Вас весточки. Еще два слова о книгоиздательском концерне. После моего доклада в директивной инстанции была избрана комиссия, которая сейчас подрабатывает организационные формы этого объединения. Подробности — в следующий раз.

Будьте здоровы, храните себя, крепко жму Вашу руку.

Ваш Арт. Халатов

16/V — 30 г.

⁴ Имеется в виду рецензия М. Горького «Хорошая книга», впервые опубликованная в газете «Известия» 10 декабря 1929 г. Эта рецензия (см. Собр. соч., т. 25, стр. 68—69) была напечатана как послесловие ко второму изданию романа К. Горбунова «Ледолоз» (М.—Л., ГИЗ, 1930).

⁵ Издание «Сибирского сборника» не было осуществлено. Об этом см. переписку Горького с Забужинским по второй части настоящего тома.

⁶ Лукьянов Михаил Григорьевич — журналист, был сотрудником журнала «Наша достижения». Речь идет о его книге «Ситцевый край. Очерки Ивановской промышленной области», М.—Л., изд-во «Московский рабочий», 1931.

⁴ В пятом номере журнала «Наша достижения» за 1930 г., посвященном советской печати, были опубликованы следующие материалы: 18-я годовщина пролетарской печати (От редакции); С. Урицкий «Крестьянская газета»; В. Проскуряков «Пролетарская фабрика книги»; Н. Накоряков «Страна энциклопедий»; М. Басов «Сибирская энциклопедия» и др.

⁵ Речь идет о статье М. Горького «18-я годовщина пролетарской печати», опубликованной в № 5 журнала «Наша достижения» за 1930 г. без подписи с подзаголовком «От редакции».

⁶ К концу 1930 г. тираж журнала «Наша достижения» составлял примерно 60 тыс. экз., в 1931 г. — 65—70 тыс. экз.

¹ Парукр Аветович Тер-Григорян (р. 1879 г.) — заведующий берлинским отделением «Международной книги».

² Тираж журнала «СССР на стройке» достигал в 1930 г. — 60 тыс., в 1931 — 75—80 тыс. экз.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 22 мая 1930 г.)

Дорогой друг Артемий Багратович, —

что Горбунова надали в «Дешевой библиотеке» это — очень хорошо, а что «Мед и кровь» Колоколова не надали это — плохо. Книга эта ставит и совершенно определенно решает общественнейший вопрос боевой революционной морали. Чье-то отрицательное отношение к ней будит у меня неприятные мысли и подозрения.

Я полагаю, что теперь, когда мы немножко поссорились с деревней, «Дешевая библиотека» обязана посылить вмешаться в эту ссору, — вмешаться, конечно, не в качестве «примирителя», а ради объяснения психологических, т. е. классовых причин ссоры. Некоторая — и весьма значительная — часть советской, да и комсомольской молодежи, явно испугана «столкновением сил», — испуг этот объясняется плохим ее знанием «власти земли» и вообще страшной нашей деревни¹.

Поэтому я думаю, что было бы вполне своевременно выпустить в «Дешевой библиотеке»:

Чехова: «Мушкетеры», «В овраге»; Глеба Успенского — наиболее яркие отрывки из «Власти земли», Бунина «Деревню». Все три книжки требуют предисловий.

И вообще совершенно необходимо знакомить современную молодежь с дореволюционной деревней, тогда и современная будет ей понятна и не вызовет у нее либерального слюнотечения, наблюдаемого мною.

В «Дешевой библиотеке» классиков издана «Скучная история» Чехова. А зачем? Вещь — скептическая, жаропонижающая. Я бы предпочел видеть изданным Помяловского «Молотов» и «Мещанское счастье». Третий год настаиваю на издании этих повестей.

5-й № «Наших достижений» — неплох, вообще журнал становится, понемножку, все более интересным, — как будто. Авторами — богатею, тоже понемножку. Материал 7-й книги немедленно пришлите мне. Я, вероятно, начну печатать в «Наших достижениях» «Самгина», ибо писать для «Наших достижений» — совершенно нет времени, — регулярно писать².

Необходимо поставить на ноги «Литучебу», этот журнал — плох, очень плох. Такие статьи, как Тимьянского и Златовой во 2-й книге — совершенно невозможны³. Статьи идеологического характера для этого журнала должны писать старые, опытные теоретики марксизма, а не молодые, косноязычные юноши. Работы над этим журналом будут по горло.

4-й № «На стройке» — самый удачный, но снимки «Днепро-строю» несколько однообразны и слишком много подъемных кранов. «Турксиб» — выдержаннее. Один мой знакомый видел все три номера в некоем Парижском банке, на столе в приемной для публики; она рассматривала журнал с интересом и порицаниями по адресу «политиканов». Здесь «власти» тоже сильно заинтересованы журналом, как сообщил мне Д. И. Курский⁴.

Пора посвятить номер «Тракторстрою», Балахнинскому комбинату и вообще Нижнему с его проектами мостов через Оку и Волгу, с автозаводом и т. д.⁵

Затем — целый номер — «Дворцам труда», «Домам культуры». Для заграницы будет интересен, — а для нас валютно — полезен, — номер, посвященный кустарному делу.

По поводу здоровья: здесь жил месяца полтора пом(ощник) директора Обуховской больницы М. А. Горников⁶, талантливый медик и настоящий советский человек. Он нашел у меня переутомленное сердце, запретил мне пить кофе, вино, заставил много есть, после обеда — час лежать и это привело к тому, что одышка у меня стала значительно слабее. До этого режима я задыхался.

Вы, дружище, советуете мне: «ежели возможно меньше заниматься». Это — невозможно.

Ну, будьте здоровы и берегите себя. Хворать нам — некогда. Крепко жму руку.

Ваш А. Пешков

22.V.30.

Дорогой А(ртёмий) Б(агратович), —

вот какое дело:

Иивалид Красной Армии Николай Малинтович⁷ был отправлен Мосздравотделом в Берлин для производства хирургической операции, которую московские хирурги отказались сделать. Здравотделом ему было сказано, чтоб он узнал у берлинских хирургов: сколько будет стоить операция и сколько — лечение и узнав, — сообщил бы и тогда нужные деньги ему будут высланы. Он узнал, сообщил, но денег ему не прислали.

Теперь берлинские хирурги, видя его трагическое положение, согласились сделать операцию даром, но Малинтович должен оплатить 10 дней подготовки к операции в больнице, 1½ месяца лежать в гипсе и 1½ — подвергаться электрофикации, итого около 100 дней.

Все это очень неладно. Немцы могут опубликовать в прессе, нам враждебной, этот случай небрежного отношения к инвалиду Красной Армии и похвастаться своим великодушием: сделали операцию даром.

1000 марок я уже выслал Малинговичу, но этого мало, нужно еще хоть 500. Сделайте мне одолжение, А. Б. пошлите за мой счет эти 500 м(арок) в полпредство в Берлин, на имя Николая Малинговича. Если можно — поскорее. Он там киснет почти год, ожидая денег из Москвы. У него, в результате ранения, так срослись ноги и бедра, что он может двигать их только обе сразу и не может сидеть, а только — стоять и лежать. Сделайте?

А. Пешков

На кой чорт выпустили в Германию Анатолия Каменского?⁹ Его надо было в Соловки выпустить прохвоста. Это же отчаянная сволочь, Каменский!

¹ Говоря о «столкновении сил», Горький, имел в виду факты сопротивления, которое оказывала в деревне политике коллективизации часть зажиточного крестьянства. Но, конечно, это была «ссора» не с деревней, а с кулачеством.

В словах Горького о «страшной напавшей деревню» слышны отголоски его прежних (1917 г.) ошибочных представлений о русском крестьянстве.

² Речь идет о третьей части романа «Жизнь Клима Самгина», над которой Горький продолжал тогда работать. Незадолго до этого в январе — апреле отрывки из этой части печатались в № 1—4 журнала «Звезда» за 1930 г. Вскоре автор отказался от намерения публиковать третью часть романа в «Наших достижениях». Она была выпечатана полностью отдельной книгой в 1931 г. одновременно берлинским издательством «Книга» и Государственным издательством художественной литературы.

³ Имеются в виду статьи — «Марксизм и философия» Г. Тиминского и «Закономерности метода (Молодая пролетарская проза)» Е. Златовой («Литературный учебник», 1930, № 2). Начало статьи Е. Златовой было опубликовано в первом номере журнала.

⁴ Д. И. Курский в 1928—1932 гг. был полномочным представителем СССР в Италии.

⁵ В последующих номерах журнала «СССР на стройке» появились ряд материалов на эту тему. Так, в журнале № 5—6 были опубликованы фотографии о работе Балахнинского бумажного комбината, в журнале № 9 — о стройке Нижегородского автомобильного завода и т. д.

⁶ Михаил Алексеевич Горинков (1874—1941) — врач-терапевт, лечащий Горького в Сорренто.

⁷ Как повествует из письма Халатова от 8 июля 1930 г., Горький был введен в заблуждение, ибо Н. Малингович никогда не служил в рядах Красной Армии, а являлся по профессии театральным работником.

⁸ Анатолий Павлович Каменский (1877—1941) — писатель декадентского направления.

Горький на протяжении многих лет последовательно отрицательно относился к этому писателю и его творчеству. (См. письмо Горького Каменскому от 9 декабря 1905 г.) в Литературно-художественном сборнике «Красной панорамы», Л., 1928.). В 1907 г. Горький писал в письме Е. Н. Чирикову: «...с другой стороны на литературу выступают различные параноики,

«садисты, педерасты и разного рода психопатологические личности вроде Каменского, Ариабашева и К*» (Собр. соч., т. 29, стр. 17). См. также статью Горького «О предателях» (там же, т. 25, стр. 197).

65

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 28 мая 1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я только что вернулся из своего семидневного отпуска, который я провел на Волге. Конечно, не обошлось без того, чтобы в нескольких городах не заняться делами областных и краевых отделений. Вернулся и застал Ваше письмо от 16/V. Я очень поражен, что Вы ничего не пишете о своем здоровье. Ваша приписка о том, что Вам «некогда» меня радует в том смысле, что Вы, видимо, работаете сверх меры. А если так, то все же я надеюсь получить ответ на мой последнее письмо.

Ваши замечания относительно дополнительной правки статьи о В(ладимире) И(льиче)¹ будут сделаны, когда получу гранки этой статьи из печати.

Меня Н. К. Крупская просила переслать Вам ее письмо и две ее брошюры².

С удовольствием прочел Вашу прекрасную статью «О солитере» для «Н. Д.», едко бичующую нового всесоюзного мещанина³.

Надо полагать, что в ближайшие дни избранная комиссия закончит свою работу по организации издательского конферна, после чего я Вам подробно напишу по этому делу. Предстоит огромнейшая работа по объединению на базе Госиздата многих издательств. Тогда же я Вам и сообщу относительно того, кто постарался издать книгу Гирибейна «Снопы молчания».

Хорошо, Алексей Максимович, если б Вы черкнули два слова о Вашем здоровье, о Ваших планах на лето этого года.

Крепко жму Вашу руку, будьте здоровы.

Ваш Арт. Халатов

28 — V — 30 г.

Р. S. Сегодня мне звонил по телефону т. Любимов⁴, который недавно был у Вас и провел целый день в приятной беседе с Вами.

Арт. Халатов

¹ Речь идет об очерке М. Горького «В. И. Ленин».

² «Письмо Н. К. Крупской Горькому от 25 мая 1930 г. см. в № 6 журнала «Октябрь» за 1941 г. (стр. 22). Речь идет о брошюрах Н. К. Круп-

ной: «Что говорил Ленин о колхозах и о мелком крестьянском хозяйстве» (М.—Л., ГИЗ, 1930) и «Из далеких времен. Политпросветработа среди петербургских рабочих в 90-е годы» (М.—Л., ГИЗ, 1930).

² «О солдате» — статья М. Горького впервые была опубликована в № 6 журнала «Наши достижения» за 1930 г. (см. Собр. соч., т. 25, стр. 177—186).

⁴ Исидор Евстигнеевич Любимов (1881—1937) в то время был заместителем народного комиссара внешней торговли, торговым представителем СССР в Германии. С Горьким встретился в Сорренто 15 мая 1930 г.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 8 июня 1930 г.)

Дорогой Артемий Багратович, —

П. П. Крючков ознакомит Вас с моим проектом издания популярной «Истории гражданской войны». Убедительно прошу Вашего активного внимания к этому необходимому делу. На него нельзя жалеть денег, бумаги, времени. Оно особенное принимает значение в момент, когда мы немножко поссорились с деревней. Но я уверен, что Вы сами прекрасно понимаете политическую важность издания «Истории» и мне нет надобности убеждать Вас в этом.

Относительно «концерна» — я ничего не могу сказать Вам. Дело это кажется мне чисто «коммерческим» и потому оно меня, говоря правду, не очень интересует.

Но меня живо интересует *качество* товара, который выпускается ГИЗом на рынок и тут я обязан сказать, что товар — плохого качества. Это — печальная правда, насколько я могу судить по книгам, области мне наиболее знакомой, — по нашей и переводной беллетристике. В этой области нет почти ни одной книги без редакционных, корректурных или технических дефектов. В издании книг этого ряда я не вижу плана, а полный произвол редакторов, что заставляет меня предполагать в их действиях лицемерие, легкомыслие, отсутствие любви к делу и понимания его культурной важности.

Редакторский аппарат ГИЗа не отвечает государственным целям издательства, не чувствует глубочайшего, культурного значения этих целей, — вот что мне кажется. Дело переводов поставлено плохо. Весьма вероятно, что повторяется то, что было при старом режиме у частных издателей: переводчик получал с издателя 30—40 р. за лист и сдавал переводы малограмотным студентам по 10—20 р. за лист. Поэтому и выходит так, что в кни-

гах ГИЗа возможны такие казусы: знаменитый ученый Жоффруа Сент-Илер, превращается в Жоффруа святого Илера.

Редакторский аппарат ГИЗа следует перетряхнуть, проинспектировать — вот, на мой взгляд, существенное дело, дорогой мой друг.

Будьте здоровы. Передайте сердечный мой привет Вашей матушке. Жму руку. Скоро еще напишу Вам по одному делу.

А. Пешков

8.VI.30.

67

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва, 10 июня 1930 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Я получил Ваше большое письмо от 23/V¹ и принял по нему ряд конкретных мер.

1. Ваши предложения относительно издания в «Дешевой библиотеке классиков»: Чехова, Глеба Успенского, Помяловского — о деревне — Литературно-художественным отделом приняты, и в ближайшем будущем эти произведения увидят свет. Кроме перечисленных Вами книг о деревне, Литхуд намечает еще «Парашкинцев» Петропавловского-Каронина². Само собой разумеется, что все эти книги нуждаются в хороших предисловиях. Было бы хорошо, если бы время Вам позволило написать эти предисловия. Если сие невозможно, то, Алексей Максимович, просьба рекомендовать авторов.

Мы полагаем, что еще не настало время выпускать Бунина в массовом издании: с его «Деревней» нам надо подождать. Книга Колоколова «Мед и кровь» — спорная. Можно поставить вопрос о ее переиздании в обычном оформлении, но выпускать в «Дешевой библиотеке» Г(осиздата), где мы стремимся дать широкой массе бесспорные и идеологически выдержанные произведения, — нецелесообразно.

2. О «Наших достижениях». Журнал, несомненно, улучшается, материал 7-й книги Вам высылается. Приветствую Ваше решение печатать в «Н. Д.» продолжение «Клима Самгина». Но это отнюдь не должно означать, что Вы перестанете регулярно давать в журнале Ваши публицистические статьи. Ибо это, несомненно, отразится во второй половине года на распространении его, достигшем, на мой взгляд, солидной цифры в 60 тыс. экз. Для этого дела Вам, Алексей Максимович, необходимо будет находить время и регулярно писать.

3. «Литучеба» вызывает большой интерес. Первоначальный тираж недостаточен³. Ваши указания о том, что статьи идеологического характера для этого журнала должны писать старые, опытные теоретики марксизма, совершенно справедливы, и об этом я сообщил редакции «Литучебы». Конечно, на первых порах следовало бы, чтобы ни одна статья в «Литучебе» не помещалась без Вашей санкции, так как это было по журналу «Н. Д».

4. «СССР на стройке» — имеет успех и вполне заслуженный. Журнал без недостатков, но во всяком случае постепенное его улучшение несомненно. Намеченные Вами темы передам для конкретной переработки.

5. Относительно Н. М(алянтовича). Безобразнейшее дело. Я об этом писал тов. Ворошилову и т. Уханову. Через несколько дней мне сообщат, как все это могло случиться. Пятьсот марок я, конечно, перевел Н. М(алянтовичу) по Вашей просьбе.

6. В отношении Анатолия К(аменского), безусловно, была допущена ошибка. Я уже обратил внимание соответствующих лиц на это дело.

7. Ваша статья «О солитере», на мой и многих товарищей взгляд, должна получить более широкое, чем в «Н. Д.», распространение. Вот почему я сдал ее сегодня в «Правду» и «Известия»⁴. Чтобы статья осталась оригинальной для «Н. Д.», я исключил один небольшой абзац для газет, где она будет помещена со ссылкой: «из статьи, печатаемой в № 6 журнала «Н. Д.» Полагаю, что я сделал правильно, и гневаться не будете.

Очень рад, что д-р Горшков поставил Вас на ноги. Очень хорошо, что он «рационализировал» Вашу жизнь. Ведь Вы пишете, что хворать Вам некогда, работы — уйма. Очень прошу Вас, Алексей Максимович, соблюдайте режим, предписанный Вам. Вас все берегут, — берегите и сами себя.

Крепко жму Вашу руку.

Арт. Халатов

10—VI

¹ Письмо Горького датировано 22 мая 1930 г.

² Имеются в виду «Рассказы о параноиках» С. Каренина-Петровавловского. Отдельное издание этого произведения не было осуществлено.

³ Журнал «Литературная учеба» в 1930—1934 гг. имел тираж 10 тыс. экз.

⁴ Статья М. Горького «О солитере», напечатанная в № 6 журнала «Наши достижения» за 1930 г., в газетах «Правда» и «Известия» не была опубликована.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrente, 13 июня 1930 г.)

Госиздат Халатову

Воспоминания переделаны, высланы Крючкову сегодня¹,
13—VI—30.

¹ Речь идет об очерке «В. И. Ленин» для XXII тома Собрания сочинений М. Горького.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 8 июля, 1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

По поводу издания «Истории гражданской войны» дело движется, правление Госиздата на днях должно утвердить ряд конкретных предложений редакционного и организационного порядка. Мы полагаем, что к литературной обработке исторического материала, рассчитанного для массового читателя и, главным образом, для крестьянства, должны быть привлечены крупнейшие современные писатели. Объем издания мы определяем 120—150 печ. листов; в редколлегию надо включить, разумеется за исключением Вас как главного редактора, гг. Ворошилова, Бубнова, Покровского и Гамарника¹. Я полагаю, что Вы не будете возражать против этого состава. Прошу Вас подтвердить и тогда я этот вопрос согласую в соответствующих инстанциях.

В ближайшее время план и смета этого издания будут подработаны П(етром) П(етровичем) и В(ладимиром) М(ихайловичем) — о чем я Вам дополнительно сообщу.

Я получил справку из секретариата тов. Ворошилова по поводу Малиновича. Соответствующие органы сообщают, что Малинович никогда не был в Красной Армии и числится инвалидом I-ой группы по линии социального страхования. В прошлом он дважды был арестован чрезвычайными органами, числится свободным художником-режиссером и актером. Не кроется ли в Вашей помощи ему — некоторое заблуждение?

Мне на днях тов. Сталин посоветовал послать Вам материал «К отчету ЦКК ВКП (б)», составленный ОГПУ — о работе вредителей, так как по его словам, Вы сейчас работаете по этому вопросу. Материал посылаю.

Сейчас мы переживаем горячий организационный период в связи с образованием концерна. Я твердо убежден, что очень много недочетов в нашей книгоиздательской работе будут устранены с образованием этого объединения.

Также посылаю Вам небольшую брошюру², которую ГИЗ выпустил для делегатов XVI партсъезда³. В этой брошюре кратко изложены основные моменты деятельности Госиздата.

Крепко жму Вашу руку, пишете о своем здоровье, своей работе. Жду ответа на мои письма.

Ваш Арт. Халатов.

² Ян Борисович Гамарник (1894—1937) — в то время начальник Главного политического управления Красной Армии.

³ Речь идет о брошюре, изданной на правах рукописи: «Госиздат РСФСР и проблемы издательского дела в период социалистической реконструкции. К докладу т. А. Б. Халатова в ЦК ВКП(б)». ГИЗ, 1930.

⁴ XVI съезд ВКП(б) состоялся в Москве 26 июня — 13 июля 1930 г.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 4 августа 1930 г.〉

Дорогой Артемий Багратович,—

т.т. Ворошилов, Бубнов, Покровский были и мною намечены как необходимейшие редактора, во-первых: по отбору сырого материала для «Истории гражданской войны», во-вторых: как редактора литературно обработанного материала.

Т. Гамарника знаю только по рассказам, само собой разумеется, что никаких возражений против его включения в состав редакторов у меня нет. Я сейчас же обращаюсь к товарищам редакторам с просьбой немедленно взяться за первую часть их труда — за подбор материала.

О Мальянтониче не имею никакого представления, кроме того, которое мог почерпнуть из его документа, пересланного мною Вам.

Стороной я знаю, что деньги от меня он получил, но он меня об этом не известил. Очевидно, я «взломался», так мне и следует.

За присылаемые материалы — очень благодарен.

Мне особенно важны показания самих вредителей.

Одолевают меня письмами вдова литератора Потапенко⁴, письмо ее — прилагаю. Вдов он оставил, кажется, не одну, а штук шесть. Не кажется ли Вам, что некоторые его вещи, напр. «Новые люди» — следовало бы издать? Эта повесть не утратила значения, в ней Потапенко изобразил ту молодежь 80-х годов, которая в 90-х определенно и без оглядки пошла на службу буржуазии.

Очень прошу поддержать ходатайство Всеволода Иванова о его выезде сюда, ко мне². У меня есть неплохое, кажется, намерение втиснуть его в одну работу. Кроме того, нужно говорить с ним о работе для «Истории гражданской войны».

Из разных мест Союза, а особенно из Сибкрая просят у меня моих книг и жалуются, что в продаже их — нет. Что Вы скажете? Нельзя ли выпустить дешевые издания «Матери» и «Детство», «В людях» — в одном томе?³

Эмигрантская пресса ликует по поводу идиотской выходки американцев. По вопросу о «принудительном труде» следовало бы хорошенько ответить С(оединенным) Ш(татам) широко и жестоко применяющим принудительный труд у себя⁴.

И надо бы повторить издание книжки Погребинского о Болшевской колонии⁵, дополнив ее снимками с новых аданий в Болшеве и новыми данными о достижениях в колонии.

Белая пресса с каждым днем становится все подлее, живее и безграмотней. Прилагаю образцы. Жаль, что у нас не умеют пользоваться ее материалом и не пытаются обличать ее гнусное вранье. Делать это легко, просто и полезно.

Как я живу? Очень много работаю, много огорчаюсь и аляюсь. Налаживаю сердце строгим режимом; одышка исчезает, работоспособность увеличивается. Страшно хочется поехать в Москву, но до апреля, кажется, не смогу. А надо бы! Ох, как надо!

Будьте здоровы. Жму руку.

А. Пешков.

Шалигин предъявил иск за издание его «Записок», якобы напечатанных с рукописи. «Записки» эти печатались в журнале «Летопись»⁶. Историю появления в свет этих «Записок» знают Крючков и Тихонов А. Н. из «Федерации».

А. П.

4.VIII.30.

¹ Издание повести Н. Н. Потапенко «Новые люди» не было тогда осуществлено.

² В. В. Иванов прибыл в Сорренто накануне нового года — 31 декабря 1932 г. У Горького в Сорренто был в январе 1933 г.

³ Произведения М. Горького «Мать», «Детство», «В людях» неоднократно издавались Государственным издательством отдельными книжками. Так, в 1928—1932 гг. было выдано четыре массовых издания повестей «Мать» и «Детство» и два — повести «В людях».

⁴ Речь идет об антисоветской клеветнической кампании, поднятой американской буржуазной печатью вокруг измышлений о «принудительном труде» в СССР. На эту тему Горький в марте 1931 г. выступил со статьей «По поводу одной легенды, в которой показал лживость сообщений американских газет о положении рабочих в СССР (см. Собр. соч., т. 25, стр. 437—446).

⁵ М. С. Погребинский. Трудовая коммуна ОГПУ. М.—Л., ГИЗ, 1928.

Книга вышла с предисловием М. Горького. Второе издание этой книги не было осуществлено.

⁶ В июле 1930 г. Шалигин предъявил в парижском суде иск советскому правительству на два миллиона франков в связи с выходом в 1926 г. в Ленин-

граде его записок «Страницы из моей жизни. Автобиография». В действительности Ленинградское издательство «Прибой» перепечатало текст автобиографии Шалипина из журнала «Летопись», где она была опубликована в 1917 г. Горьким. Автобиография Шалипина была написана при непосредственном участии Горького (см. Собр. соч., т. 30, стр. 196—197).

«Летопись» — ежемесячный литературно-художественный журнал, руководимый Горьким. Выходил в 1915—1917 гг.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 7 августа 1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы уже достаточно осведомлены об иске Ф. И. Шалипина по поводу ввоза во Францию его автобиографии, изданной в 1927 г.¹ «Прибоем». После переговоров со мной по этому вопросу П. П. Крючков писал Вам об обстоятельствах дела и тех мерах, которые могли бы быть приняты Вами.

Я ознакомился с копией Вашего письма т. Довгалевскому от 25/VII т. (екущего) г. (ода)² и считаю, что Ваша помощь в этом деле для нас исключительно ценна и необходима. Удалось ли Вам уже написать Ф. И. Шалипину непосредственно?³ Самым желательным для нас было бы, конечно, с Вашей помощью окончание дела помимо суда. Сейчас мы заняты подробным выяснением фактической и юридической стороны дела. Результат я Вам сообщу на днях. Было бы очень хорошо, если бы Вы коротко сообщили мне Ваши соображения по этому вопросу.

Давно не писал Вам, так как идет напряженная работа по подготовке реорганизации издательского дела. Двигаем вперед подготовку «Истории гражданской войны», которая, по-моему, явится интереснейшим и исключительно ценным изданием. Подробности о работе и ближайших перспективах сообщу Вам на днях. Как Ваше здоровье? Берегите себя.

Крепко жму руку.

Арт. Халатов

P. S. Не получил ответа от Вас на мои посл. (едние) два письма, ожидаю.

¹ Халатов неточно указывает год издания автобиографии Ф. И. Шалипина «Страницы из моей жизни»: книга вышла в 1926 г.

² Валерьян Савельевич Довгалевский (1885—1934) в 1927—1934 гг. был полномочным представителем СССР во Франции. Переписывался с Горьким в 1928—1933 гг. (АГ).

³ См. письмо Горького Ф. И. Шалипину от 9 августа 1930 г. в т. 30 Собрания сочинений (стр. 177—178).

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 10 августа 1930 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

т(оварищ) М. Чумандрин обратился ко мне с просьбой «нажать» на Вас по такому поводу:

Некто Василий Князев, порядочный пустомеля и невежда — собрал 150 печатных листов пословиц и желает издать сей солидный труд. Чумандрин сообщает мне, что «Федерация» уже включила эту работу в свой план и даже обратилась в Наркомпрос за субсидией. Теперь дело за Вами. Мое мнение по этому поводу Вы найдете в копии моего ответа Чумандрию, парню тоже, видимо, легкомысленному.

Как видите, я не возражаю против издания этой работы, хотя и сомневаюсь в ее своевременности. Польза такого сборника «народной мудрости» — несомненна, это было бы прекрасное пособие для ознакомления с подлинным русским языком. Но обязательна строжайшая редакция¹.

Кстати, пожалуй, прочитал изданную «Прибоем» книжку Островера «Конец Княжеострова»². Автор — изумительно щедрый человек: у него грузчики получают с мешка пшеницы по 4 и по 10 коп., т. е. по копейке и по 2½ за пуд, иначе: по 10 и по 25 р. с тысячи пудов. Это было до войны, и в это время на Волге и в морских портах грузили от 4 до 7 р. с тысячи. Язык автора: «свечи разжигали», «вечер был слезивый», «атласная канота». Воду из колодца у него достают «коловоротом».

Есть такие фразы:

«Палка имеет два конца, а свобода, видно, не палка, с какой стороны взяться — концов много».

Читая такую чепуху, я унываю. Когда у нас перестанут издавать такие книги?

Казалось бы, что все мы — писатели, издатели — обязаны относиться очень строго³ к нашей «продукции» и очень заботливо к интересам нашего читателя. Когда рабочее, напрягая свою энергию в социальном обновлении, выбрасывают на рынок плохо сшитые штаны или сапоги, рабочих за это порицают, а вот издатели и писатели торгуют скверным товаром свободно и безнаказанно.

У меня опухла и болит левая рука, — ревматизм. Хотя она и левая, а работать мешает. Вообще: печали и болезни — вон полезли, как сказано у Помяловского⁴, писателя, которого какие-то вредители не хотят издать.

Всего доброго!

А. Пешков

10.VIII.30.

¹ Василий Васильевич Кннзев (псевдоним — Иван Седых) (1887—1938) — советский писатель и фольклорист.

Речь идет о работе Кннзева «Энциклопедия пословиц», частично опубликованной в сборнике «Книга пословиц. Выборки из пословичной энциклопедии» (Л., изд. «Красной газеты», 1930).

Отрицательная оценка «Энциклопедии пословиц» дана Горьким в письмах к М. Ф. Чумандрину от 10 августа и 3 ноября 1930 г., а также В. В. Кннзеву от 3 ноября 1930 г. (см. «Литературное наследство», т. 70. «М. Горький и советские писатели. Незданная переписка». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 194—196; 678—681).

² Л. И. Островер. Конец Книжеострова. Л., изд-во «Прибой», 1930.

³ В авторизованном машинописном тексте слова — *очень строгое* пропущены. Восстанавливаются по черновому автографу, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

⁴ Горький цитирует «Очерки бурсы» Н. Г. Помыловского. См.: Н. Г. Помыловский. Сочинения. М.—Л., Гослитиздат, 1951, стр. 440.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 13 августа 1930 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

П(етр) П(етрович), вероятно, сообщил Вам копию второго моего письма Шалинину¹. Первое послано было в июле и осталось без ответа²; думаю, что и второе постигнет та же участь. Я совершенно серьезно уверен, что Шалинин не сам придумал это идиотское дело, а ему внушили; уверен, что тут главным образом действует жена его³ и Васяк Маклаков⁴, ее советчик. Она мне мелодраматически заявила: «Федя в Россию поедет только через мой труп». Уверен я, что они дело доведут до суда, даже и не надеясь выиграть иск, а просто для того, чтоб — как я писал — закрыть Федору дорогу домой. О России он скучает, как я слышал, и верю в это. Но недавно мне писали, что он сильно одряхлел, нездоров, растерялся. Он всегда был человеком безвольным, а на деньги — жадным, негодии действуют и на волю его, и на эту страсть к деньгам.

Мне кажется, что в процесс надобно ввести факт моего участия в создании книги. Установить этот факт легко. Я уже указывал на А. Н. Тихонова из «Федерации» как на одного из свидетелей участия моего в деле⁵.

На письма Ваши я Вам ответил. Как великолепно выходит у Алексея Толстого «Петр Великий»⁶. Талантлив Толстой, очень.

Прилагаемое, пожалуйста, перешлите Крючкову.

Будьте здоровы, сердечно приветствую.

А. Пешков

13.VIII.30.

Когда это Проханова⁷ выпустили за границу? В 28 г. он был в Мелитополе.

¹ Горький направил это письмо Ф. И. Шалинину 9 августа 1930 г. (см. Собр. соч., т. 30, стр. 177—178).

² Данным письмом Архив А. М. Горького не располагает.

³ Мария Валентиновна Шалинина (урожденная Петцольд).

⁴ Василий Алексеевич Маклаков (1870—1959) — бывший правонадзорский деятель, юрист по профессии, после 1917 г. эмигрировал.

⁵ Это обстоятельство послужило французскому суду одним из оснований для отказа в иске Ф. И. Шалинину.

⁶ Речь идет о романе «Петр Первиз», над первой книжкой которого тогда работал автор; роман печатался в журнале «Новый мир» (в № 7—11 за 1929 г. и № 1—7 за 1930 г.).

⁷ Иван Степанович Проханов — религиозный деятель, один из руководителей так называемого «Всероссийского союза евангельских христиан».

К письму Горького приложена вырезка из белоэмигрантской газеты «Рудь» (10 августа 1930 г.), в которой сообщалось о выступлении Проханова на съезде «христианской молодежи» в Париже.

74

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва, 28 августа 1930 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Вы, наверно, читали опубликованное в газетах постановление ЦК по вопросу образования объединения — ОГИЗ¹. В осуществление этого постановления у нас сейчас идет большая перестройка всего издательского дела страны. Надо совершенно определенно сказать, что эта работа абсолютно заполнила все время последних двух месяцев. К 1-му октябрю организационно все крупнейшие издательства будут влиты в Госиздат, а с начала будущего года мы начнем жить по новой схеме. Я глубоко убежден, что этот концентратор значительно улучшит все издательское дело и в частности — и в отношении улучшения качества издательской продукции, на что Вы резонно неоднократно указываете в Ваших письмах.

Согласитесь, Алексей Максимович, что при наших огромных тиражах неизбежен некоторый процент «брака», вроде книжек Островерга, Гиршбейна и др. Главная причина этого брака — это отсутствие толковых, грамотных редакторов. Ближайшая задача — это ускорить выпуск грамотных редакторов, из-за отсутствия которых, почти во всех областях литературы, мы, издатели, очень страдаем.

Вы очень кстати обратились с письмами к намеченным нами редакторам по «Истории гражданской войны». Соответствующая инстанция полностью утвердила наши предложения — и теперь необходимо взяться серьезно за это дело. Если Вы не будете частенько «нажимать» по этому делу, то я опасюсь как бы выпол-

нение этого нужного начинания не слишком затянулось. П(етр) П(етрович), верно, Вам переслал план расположения материала и издания по томам и главам и список военных редакторов². Было бы хорошо получить от Вас утверждение плана и замечания по нему, а также окончательный список намечаемых Вами авторов. Само собой разумеется, что немало трудов Вам придется положить на это дело в смысле объединения отдельных частей этой «Истории» и по общему редактированию ее.

По поводу издания «Федерацией» сборника В. Князева — я настаю на том, чтобы «Федерация» полностью выполняла Ваши указания, подробно изложенные в Вашем письме к т. Чумандрину, и только при выполнении этих условий — труд его будет издан.

Во всех Ваших письмах Вы, Алексей Максимович, частенько подчеркиваете необходимость издания того или иного произведения (Чехова, Помяловского, Потапенко и др.). Было бы очень хорошо, если бы Вы прислали список тех произведений по художественной литературе, издать и переиздать которые Вы считаете нужным, и при обсуждении плана работы организуемого издательства о художественной литературе — этот Ваш перечень был бы обсужден и включен в производственный план 1931 г.

Обработанную Вами рукопись об Ильиче мы передали в набор³. Через пару месяцев мы закончим печатание юбилейного издания Ваших сочинений. Вам пишут, что в продаже отсутствуют некоторые Ваши книги; нам это известно — и мы постараемся исправить этот минус и дополнительно выпустим массовым тиражом в дешевом издании некоторые Ваши книги.

Видимо, Алексей Максимович, Вам придется неослабно наблюдать за редакциями журналов «За рубежом» и «Литучеба», а то опасаться — как бы там чего не вышло. Не то — Н. Д. — за него можно быть спокойным. Последние две книжки — июльская и августовская неплохи⁴. Из-за бумажного кризиса мы вынуждены были сократить листаж по всем издаваемым журналам на один номер (фактически сократить количество книг каждого журнала на одну). Неприятно, но ничего не поделаешь.

По делу Ф(едора) И(вановича) — здесь считают необходимым до поры до времени не вмешиваться в это дело. Пусть оно идет своим чередом.

Очень рад, что Вы налаживаете свое сердце «строгим режимом». Как Ваша рука? Прошли боли?

Всего, всего хорошего, особенно не обременяйте себя работой. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Арт. Халатов

28/VIII

² Постановление Совета народных комиссаров РСФСР об образовании Объединения государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГНИЗ) было опубликовано в московских газетах 9 августа 1930 г. См. сбор-

нии «О партийной и советской печати». М., изд-во «Правда», 1954, стр. 398.

² В Архиве А. М. Горького хранится первоначальный план издания «Истории гражданской войны» в 15 томах с перечнем авторов, а также список редакторов и состава литературно-художественной редколлегии. Все эти материалы имеют пометки А. М. Горького.

³ Имеется в виду вторая редакция очерка «В. И. Ленин».

⁴ В указанных номерах журнала «Наша достижения» за 1930 г. были опубликованы следующие материалы: в № 7 — Е. Штейнберг «Поездка к белуджам», П. Максимов «Молодая Кабарда», Ф. Перевильев «В долине Сванетии», В. Канторович «Женщина Востока», Л. Польский «Тайга и лавра», А. Автономов «Боливийская коммуна ОГПУ», Н. Базилевич «Студенческая коммуна», Н. Уласевич «Дети революции», С. Маршак «Гигант учится», А. Озерский «В станице», М. Горький «Рассказы о героях», Хроника, Библиография; в № 8 — К. Гудок-Еремеев «Донбасс — героический», Ю. Мари «Первый ударник», Г. Боссе «На пути к советскому научному», А. Кремлев «Тринидад на Волге», профессор Г. В. Шор «Опасный враг», профессор Н. Петров «Рак и борьба с ним», профессор М. Немецков «Первый в мире», профессор М. Иванов «Аскания-Нова», А. Контелов «Ойротия», Н. Луриянов В приволжской глуши», Хроника.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 22 сентября 1930 г.)

Дорогой Артемий Багратович, —

простите, что долго не отвечал; становлюсь неаккуратен, ибо обременен различными делами.

Вы совершенно правильно указываете на то, что «Литучеба» и «За рубежом» требуют серьезной работы над ними. Нелепая смерть г. Кострова еще более осложняет положение дела. Необходимо другой редактор, политически осведомленный и энергичный, способный бить врага по самым чувствительным местам. Необходимо выписать ряд крупнейших газет Германии, Англии, Франции и С(оединенных) Ш(татов), нужно настоять, чтоб дали на это дело валюту. Технические журналы я буду высылать.

Камегулов¹ — много рассуждает, но работает плохо и, видимо, плохо понимает, насколько «Литучеба» журнал ответственный. Мне кажется, что он смотрит на этот журнал только, как на лишнюю и тяжелую «нагрузку». Сожаления — бесполезны, но я сожалею, что затеял эти журналы преждевременно, начать их следовало бы в 31 г. Сокращение листаж на журналах мне кажется весьма печальной мерой. Лучше бы сократить количество журналов, — очень много лишних и не нужных развели мы. Лишних и плохих книг издается десятки, сотни.

Приехала Е(катерина) П(авловна)², привезла Ваши подарки — большое спасибо Вам! Получил «Материал» к докладу

тов. Серго³, это мне очень пригодится. Может быть, раскатаюсь и напишу пьесу.

Пока — кончаю, скоро напишу еще.

Будьте здоровы, дружище.

А. Пешков

22.IX.30

Очень хорошо, что приедет Крючков, мне с ним нужно о многом побеседовать.

¹ Анатолий Дмитриевич Камегулов (1900—1937) — литературный критик, в то время — заместитель редактора журнала «Литературная учеба» (см. переписку Горького с Камегуловым во второй части настоящего тома).

² Екатерина Павловна Пенюкова (р. 1878).

³ Речь идет о замысле пьесы на тему вредительства и советской промышленности. В 1931 г. Горький осуществил этот замысел, написав пьесу «Сомов и другие». Пьеса при жизни Горького не публиковалась. Впервые опубликована во втором томе Архива — М. Горький. Пьесы и сценарии. М., Гослитиздат, 1941.

76

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 23 сентября 1930 г.)

Артемий Багратович,—

работы переводчика просит правнук Фонвизина, автора «Недоросля», Сергей Иванович Фонвизин¹, тоже литератор, автор отличной повести «Сози», романа «В смутные дни» и т. д. Человек он старый, конечно голодающий, переводить мог бы хорошо. Он заслуживает поддержки работой, да, пожалуй, заслуживает и маленькой пенсии.

Его адрес: ст(анция) Кусково, по Нижегородск(ой) жел(езной) дор(оге). Поселок Новогиреево, Ольгинский просп(ект) 16. Сергею Ивановичу Фонвизину.

Жму руку.

А. Пешков

23.IX.30.

¹ Сергей Иванович Фонвизин — писатель, автор ряда произведений о жизни русской дореволюционной интеллигенции. По просьбе Горького ему была предоставлена переводческая работа в Гослитиздате (см. письмо Халатова Горькому от 21 октября 1930 г.).

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сorrento, 30 сентября 1930 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович!

Копии писем, посланных мною редколлегиям журналов «Литучеба»¹ и «За рубежом»² расскажут Вам о моем положении — в первом и об оценке моей — второго.

Редколлегия «Литучебы» игнорирует бытие мое. Но — это не беда, я не обидчив и не обратил бы на сей факт внимания, если б люди делали то, что надо, так, как надо. Однако, делают они плохо, и «Литучеба» серьезнейшему назначению своему нисколько не соответствует. И это не беда, — при желании работников работа может быть отличной, как мы видим на фабриках и на полях, успешно ликвидирующих прорывы.

Но мне кажется, что «Литучебу» хотят сделать органом определенного литературного кружка. Вот это меня — не устраивает. И если «Литучебу» желают сделать кружковым журналом, я, разумеется, должен буду отказаться от номинального чина — «ответственный редактор». Кружковщину, дробление на группы, взаимную грызню, колебания и шатания я считаю бедствием на фронте литературы.

Ведущей группы, группы, вооруженной ясным представлением о том, что и как надо делать, я не вижу. Споры и раздоры кружков носят характер терминологический, преисполнены самолюбия, личных обид и всяческого индивидуализма. Все спорщики именуют себя марксистами и, казалось бы, давно должны выработать единую линию поведения. Воронский, Полонский, Переверзев³, Беспазов — «Перевалыцы»⁴, устранены с поля битвы. Меньше всех заслужил это самый талантливый Воронский, если он вообще заслужил ostracism. Теперь кричат об ошибках «налитостовцев». Не думаю, что этот крик и шум молодых честолюбцев достаточно хорошо служат делу идеологического воспитания литературной молодежи.

Партия слишком мало обращает внимания на литературный фронт. Это плохо. Всесоюзным педагогом является партия в лице ЦК. Мне кажется, что ЦК должен бы принять меры к прекращению излишнего и вредного шума. Следовало бы создать что-то вроде конференции из представителей всех марксистских литгрупп и кружков, создать и вменить им в обязанность договориться до единства. Если — они действительно марксисты, так это значит, что *основная их линия — одна*. Стало быть расколы, раздоры и развалы идут по боковым, по второстепенным линиям. Стало быть — договориться можно и должно и необходимо.

Мы решительно вступили в эпоху строительства подлинной социалистической революции. Это требует концентрации всех творческих сил, всей энергии. Литература — огромная педагогическая сила, ее тоже необходимо концентрировать на задачах дня, — не правда ли?

Попыток сделать это и со стороны ЦК не вижу. Или партия руководит литературой, или она не умеет руководить ею. Нужно, чтоб умела, нужно созвать «врагов» под одну крышу и убедить их в необходимости строгого единства.

С бешенством, но и с радостью прочитал сейчас в «Известиях» о вредителях¹. Когда, наконец, перебита, уничтожена будет эта гнилая сволочь? А ГПУ действительно заслуживает орден — лучший из них — товарищескую благодарность рабочего класса. Крепко жму руку, дорогой А. Б.! Искренне желаю, чтоб вредители и саботажники подошли поносной смертью. Иногда мне кажется, что они приютились и у Вас, в ГИЗе.

Привет. А. Пешков

30.IX.30.

¹ Речь идет о письме Горького в редколлегию журнала «Литературная учеба» от 24 сентября 1930 г., направленном одновременно с письмом Халатову (см. раздел: Горький — «Литературная учеба» во второй части настоящего тома).

² Имеется в виду, очевидно, письмо, адресованное А. С. Гуровичу после 18 сентября 1930 г. (см. переписку Горького с Гуровичем во второй части настоящего тома).

³ Валерий Федорович Переверзев (р. 1882) — литературовед, историк русской литературы.

⁴ «Перевальцы» — участники литературного объединения «Переваль», основанного в 1925 г.

⁵ «Надписистовцы» — руководители литературно-критического журнала «На литературном посту» (выходил с 1923 по 1932 г.) — главного органа Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП).

⁶ Речь идет о материалах обвинения по делу антисоветской организации вредителей в области продовольственного снабжения, раскрытой органами государственной безопасности в 1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

«История гражданской войны» привлекает к себе большое внимание. Сегодня я беседовал с К. Е. Ворошиловым, который обещал в последних числах октября созвать первое совещание редколлегии с моим участием. На днях М. Н. Покровский (он лечится сейчас в Шахтензе)¹ прислал мне письмо, в котором, между

прочим, содержится ряд замечаний по поводу плана истории. Замечания эти в основном сводятся к следующему: М(ихаил) Н(иколаевич) не согласен с предложением военных редакторов разделить материал — по театрам военных действий. Он пишет:

«Но нам нужны картины не «зверств», и не военных действий, нам нужна картина *классовой борьбы*. А где в этом плане классы? Ими и не пахнет.

Около участия классов в гражданской войне и нужно строить план. Рубрики выйдут тогда совсем не военно-географические. Нужно рассмотреть участие в войне *кулачества* (сюда отойдут и Махно, и антоновщина, и Кройштадт), но с другой стороны осветить и героическую борьбу *пролетариата* за белыми фронтами. Горький прав, что у нас переоценили (больше писатели-художники) роль крестьянской партизанщины — она часто была просто отражением и дополнением рабочей борьбы; для Сибири это можно считать доказанным.

Деникинщину, колчаковщину и т. д. нужно обязательно взять как *моменты интервенции*. Теперь, накануне новой интервенции, это даст всему смысл и жизнь — да и что же скрывать тот факт, что пролетариат СССР выдержал с честью бой против *мирового империализма*? Об этом нужно почаще напоминать младшему поколению. И материал для этого есть богатейший, яркий, красочный.

Среди всего этого нужно найти место и для буржуазной контрреволюции («Комуч»², «савинковщина», московские и петербургские заговоры). Она очень удачно помещается между кулацкими восстаниями и интервенцией: с(оциалисты)-р(еволюционеры), главные представители этого течения, с одной стороны являются представителями закятной верхушки деревни, с другой — были в постоянной связи со всеми заграничными миссиями.

Это по части противника. А по части своей нужно, конечно, дать историю возникновения и образования Красной Армии, очистив эту историю от всяких троцкистских легенд. Начал, понятно, с Красной Гвардии, то есть с «*корниловщины*»: как характерно, что это действительное начало гражданской войны военные редакторы просто не заметили! И наивнейшим образом усвоили себе *эсеровскую* схему — начала гражданской войны с выступления большевиков в Октябре. Эсеры это нам еще в 1922 году вдалбливали — а мы, глупые, не соглашались... Оно конечно: Корнилову никаких военных действий развернуть не удалось — какая же это «война»? Но ведь и в мясотресте военных действий не происходило, — а разве это не эпоха гражданской войны? Правда, более поздней эпохи — но еще нужно разобрать, даем мы историю заговоров после 1920 г. или нет. По-моему, следовало бы. Ведь книга будет читаться десятки лет».

В соответствии с этой своей установкой М(ихаил) Н(иколаевич) предлагает привлечь к составлению плана не только военных, а и в первую голову — историков.

Возможно, что М(ихайлу) Н(иколаевичу) врачи предпишут поехать в Италию, и тогда он надеется лично говорить с Вами по этому вопросу.

В заседании редколлегии мы обсудим всю сумму вопросов, поднятых М(ихайлом) Н(иколаевичем), и я тогда сообщу Вам подробно наше коллективное мнение.

В одном из последних писем Вы писали мне о Фонвизине. По моему указанию ему дана переводная работа по линии Лит(е-
ратурно)-художественного издательства.

Я понимаю тревогу Вашу по поводу журнала «Литературная учеба». Мне кажется, что нам надо перевести журнал в Москву³ и усилить его редколлекцию. В ближайшее время я займусь этим вопросом и сплещусь с Вами.

Через несколько дней к Вам выезжает П(етр) П(етрович). У меня была мысль и большое желание приехать к Вам дней на десять, но обстоятельства складываются так, что исполнение этого желания приходится отложить.

Сегодня еду на Сев(ерный) Кавказ в краткую служебную командировку. Работы много. Жму руку.

Препровождаю письмом Н. К. Крупской⁴, которое Н(адежда) К(онстантиновна) просила направить Вам.

На днях черкну побольше.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

21/X—30 г.

¹ Шахтенле — немецкий курорт.

² Комуч — Комитет членов Учредительного собрания — контрреволюционная белогвардейско-эсеровская организация, объявившая себя властью в Самаре после захвата города 8 июня 1918 г. чехословацким интервенным корпусом. С образованием в сентябре 1918 г. так называемой «Уфимской диктатуры», Комуч был переименован в «Съезд членов Учредительного собрания». Прекратил существование в начале декабря 1918 г. — после провозглашения верховной власти белогвардейского адмирала Колчака.

³ В Москве журнал «Литературная учеба» стал издаваться с января 1935 г.

⁴ Письмо Н. К. Крупской А. М. Горькому от октября 1930 г. см. в № 6 журнала «Октябрь» за 1941 г. (стр. 23—24).

Дорогой товарищ!

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на перелом, который произошел в течение последнего года в области детской литературы СССР — единственной страны, в которой издание детских книг не подчинено коммерческим целям. Огромная разница

в принципиальных установках между нами и детскими издателями Запада, дала нам возможность поднять наши детские книги на значительную художественную и политическую высоту.

Выставки детских книг, устраиваемые нами в СССР и рабочих центрах (Москва, Бежица, Глухово, Днепрострой, Иваново—Вознесенск) и др.) проходили с неизменным успехом. Мы имеем уже несколько тысяч отзывов рабочих, свидетельствующих о том, что показ детских книг раскрыл перед ними совершенно новые горизонты в деле воспитания пролетарских детей.

Выставки детских книг, устраиваемые за границей, проходили с огромным успехом и служили одной из форм укрепления культурной связи между СССР и странами Запада. В настоящее время происходит показ выставки в Эстонии, Латвии, Германии, Австрии, причем, судя по иностранной печати, выставка эта пользуется большим успехом. Неоднократно на международных выставках советская детская книга премировалась.

До последних лет эти успехи шли, главным образом, по линии художественно-формальной. В детскую литературу пришли работать крупнейшие мастера-поэты и художники, что, естественно, отразилось на ее качестве.

Но литература до последних лет отставала от задач социалистического воспитания ребенка. Она вращалась в кругу узких специфических детских тем, она не развешивала перед ребенком грандиозного строительства СССР, она не заражала ребенка пафосом социализма, она недостаточно вооружала его для предназначенной ему роли борца и строителя.

Понятно, что подобное отставание вызывало недовольство советской общественности.

Мы можем смело сказать, что в последнем году сделали решительные шаги по пути преодоления отставания детской литературы от задач социалистического строительства. В детской литературе стали отчетливо звучать темы сегодняшнего дня.

Создан целый ряд книг высокого художественного качества, посвященных пятилетке, гигантам строительства, партийному съезду.

Между тем, ряд товарищей, не знакомых со сдвигами, происшедшими в этой области, судят о детской литературе по ее прошлому.

Я поэтому пересылаю Вам комплект детских книг последнего времени, дающий некоторое представление о той работе, которую мы проводим в этой области. Конечно, сделанное нами является только началом коренной перестройки содержания детской книги, но оно свидетельствует о наличии перелома, о том, что в ближайшие годы мы с помощью масс сумеем обеспечить развитие детской книги, действительно, идущее в ногу с социалистической стройкой.

Зав. ГИЗом Арт. Халатос

Приложения: 1. Список детских книг.

2. Комплект детских книг¹.

Письмо — на бланке, носит официальный характер. Очевидно, письма такого же содержания были направлены Халатовым как заведующим ГИЗом и другим адресатам.

¹ К письму приложен следующий список книг для детей, выпущенных Государственным издательством: К. Пискунов «Гигант», Ю. Лантов «Пятилетка», Л. Соболев «Тов. Артем», Ольга Дейнеко «Хлебозавод», М. Ильин «Рассказ о великом плавце», В. Шкловский «Турксиб», Е. Милославский «Днепрострой», В. Смирнов «Стальной путь», В. Поливанов «Вдовья артель» и «Большевистский слет», Лупенко «За колхоз», И. Стучинская «Крылья Советов», И. Рейн «Как устроен трактор», Н. Смирнов «Джек Восьмеркин-американец», Надежда Шер «Новый дом», Евг. Шварц «Слет», Э. Миндлин «Краски во льдах», Н. Трошин «Шапка», Ольга Дейнеко и Николай Трошин «От каучука до галона», М. Рудерман «Эстафета», К. Високовский «Дорога в гору», М. Ильин «Вездеход. Как автомобиль научился ходить», А. Лилина «Ленин — маленький», Э. Баграцкий «Соболиный след», С. Маршак «Как рубанок сделал рубанок», Л. Вайсберг «Джемс Уитт», Алиса Порет «Как победила революция», Д. Бедный «Старые куклы», А. Гайдар «Школа», Г. Дитрих «Казачата».

80

ГОРЬКИЙ — ХАЛатову

(Сorrento, 9 ноября 1930 г.)

Дорогой Артемий Баградович,—

детскую литературу получил, но просмотреть не успел ещё. Заметил только, что на некоторых книжках не указано — на какой возраст они рассчитаны? В большинстве книжек очень неприятны рисунки; напр., шахтеры изображаются какими-то бесформенными, бескостными, сделаны они как будто пальцем и дымом. Перефлет «Джека Восьмеркина»¹ — альпюват, «золотое тиснение» — грубо, да и вообще ни к чему. Прочитал «Турксиб» Шкловского², это — ерунда, издавать ее не следовало; для младшего возраста в этой книжке много непонятного, а ребята среднего возраста — пионеры — не найдут в этой ничего интересного для себя. «Средний возраст» вообще не глупее поставщиков «детской литературы», людей, которые в большинстве своем относятся к сочинению книг для детей ремесленно, казенно, без любви к делу, с противным, фальшивым наигниванием.

Пора бы понять, что дети у нас очень хорошо знают жизнь, принимают непосредственное участие в строительстве новых ее форм, и, беседуя с ними,— сюсюкать не следует.

Хорошо сделаны обе книжки, посвященные теме пятилетки, хорош — «Рубанок» Маршака³; этот человек знает и любит детей!

Подробно о детских книжках напишу, когда прочитаю все.

Пожалуйста, перефлите прилагаемое письмо М. Н. Покровскому⁴, я не знаю его адреса. Письмо отвечает на те его соображения по поводу «Истории», которые Вы сообщили мне.

Разрешите, дорогой А(ртеми) Б(агра)тович, обратить внимание Ваше на то, что *продукция ГИЗа и др(угих) издательств становится качественно все хуже*. Берусь доказать, что почти нет ни одной книги без дефектов корректурных и типографских; последние стали особенно часты, почти в каждой книге встречаешь перепутанные или выпавшие строки и вообще всякие небрежности. Сейчас развернул «Невидимку» Уэллса¹ и на 127-й стр.— путаница. За последнее время небрежность работы особенно бросается в глаза.

Всего доброго!

А. Пешков

9.XI.30.

¹ Н. Г. Смирнов. Джек Восьмеркин-американец. (Повесть в двух частях). М.—Л., ГИЗ, 1930.

² В. Шкловский. Турксиб. (Очерки). М.—Л., ГИЗ, 1930.

В 1930 г. вышло два издания этой книжки для детей. Речь идет, очевидно, о втором издании.

³ Имеется в виду второе издание сказки в стихах С. Я. Маршак «Как рубанок сделал рубанок» с рисунками В. Лебедева (М.—Л., ГИЗ, 1930).

⁴ Речь идет о подготовке издания «Истории трагической войны». Имеется в виду письмо Горького М. Н. Покровскому от 9 ноября 1930 г. (АГ).

⁵ В 1930 г. роман Г. Д. Уэллса «Человек-невидимка» дважды выходил в издательстве «Земли и фабрика». О каком издании идет речь — установить не удалось.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 26 ноября 1930 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Я перед Вами виноват: давненько Вам не писал.

Недавно я был в Харькове, где и принимал участие в работах (выступил с докладом) мировой конференции пролетарских писателей¹. Эта конференция, на которой собрались представители 23-х стран, несомненно, сыграет огромную роль. В качестве практических результатов этой конференции мы приняли ряд постановлений по усилению журнала «Вестник иностранной литературы»², который с 1931 г. превращается в ежемесячник, будет издаваться на двух-трех языках; также обновлена редакционная коллегия.

1. Для того, чтобы этот «Вестник» в действительности превратился в боевой орган пролетарской литературы, я считаю необходимым Ваше участие в этом журнале, и поэтому я прошу Вас, Алексей Максимович, дать согласие на это и на Ваше вхождение в состав обновленной редакции.

2. Все Ваши замечания по вопросу выпущенной нами за последнее время детской литературы нами, несомненно, будут учтены в ближайшей работе. Мы ждем подробного отзыва о детских книжках.

3. Ваше письмо переслано М. Н. Покровскому³. В ближайшие дни у нас состоится совещание у т. Ворошилова по поводу «Истории гражданской войны».

4. Вчера утром в газетах было напечатано Ваше обращение «К рабочим и крестьянам»⁴. Оценивая огромное значение широкого распространения этого Вашего обращения, мы его в тот же день отвечали отдельным оттиском-брошюрой миллионным тиражом, а сегодня вторую брошюру: «Когда враг не сдаётся, его уничтожают», с двумя статьями — трехмиллионным тиражом (приложение)⁵.

5. Н. К. Крупская как-то мне говорила о том, что Вы нерегулярно получаете Собрание сочинений Ленина. Так ли это? Прошу Вас написать об этом и недостающие тома немедленно Вам будут высланы.

6. В связи с реорганизацией вся наша периодика прикреплена к отдельным типизированным издательствам. В отношении журналов, которые выходят под Вашей редакцией и с Вашим участием («Наши достижения», «За рубежом», «СССР на стройке», «Литературная учеба», «Вестник иностранной литературы») — мы решили выделить в особую группу и прикрепить их непосредственно к правлению ОГИЗ, дабы иметь особое наблюдение за этим циклом журналов.

7. Важно знать Ваше мнение о месте дальнейшего издания «Литературной учебы». Будем ли мы переводить этот журнал в Москву с нового — 31 года? Тогда было бы интересно знать Ваше мнение о составе редакционной коллегии «Литучебы».

8. Все как-то не спорится дело с назначением заместителя ответственного редактора журнала «За рубежом». Первоначальные кандидатуры: тт. Стоклицкого и М. Кольцова отпали. Отдел печати НКВД рекомендует ввести в состав редакционной коллегии т. Риза⁶. (...)

9. На днях выезжает к Вам д-р Левин Л. Г.⁷

Примите мой большой привет.

Ваш Арт. Халатов

Когда П. П. предполагает выехать? Привет.

26 ноября 1930 г.
Москва.

³ Вторая мировая конференция пролетарских революционных писателей состоялась в Харькове 6—14 ноября 1930 г. Халатов выступал на ней с докладом о деятельности Государственного издательства.

⁴ «Вестник иностранной литературы» — журнал, издававшийся в 1928—1930 гг., орган Международного бюро революционной литературы. В 1931—

1932 г. журнал выходил под названием «Литература мировой революции» параллельно на русском, английском, немецком, французском и испанском языках, с 1933 по 1943 г. — как «Интернациональная литература». В 1955 г. журнал был возобновлен под названием «Иностранная литература».

³ Имеется в виду письмо Горького М. Н. Покровскому от 9 ноября 1930 г. по поводу плана издания «Истории гражданской войны».

⁴ «К рабочим и крестьянам» — обращение Горького было опубликовано одновременно в газетах «Правда» и «Известия» 25 ноября 1930 г. Статья написана в связи с разоблачением и преданием суду участников антисоветской вредительской организации «Проминтартин» (см. Собр. соч., т. 25, стр. 230—234).

⁵ М. Горький. Если враг не сдается, — его уничтожают, М., Изд-во «Московский рабочий», 1931. В брошюру включены две статьи: «К рабочим и крестьянам» и «Если враг не сдается, — его уничтожают».

⁶ Александр Веняминичев Стоклицкий — журналист, был сотрудником ТАСС.

Михаил Ефимович Кольцов (1898—1942) — редактор журнала «Огонек». С лета 1932 г. совместно с Горьким редактировал реорганизованный журнал «За рубежом» (см. переписку Горького с М. Е. Кольцовым по второй части настоящего тома).

Ариольд Григорьевич Рин (1886—?) — сотрудник Народного комиссариата иностранных дел СССР. В редколлегии журнала «За рубежом» не состоял.

Лев Григорьевич Левин (1870—1938) — врач, лечивший Горького.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто, 3 декабря 1930 г.⟩

Дорогой т(оварищ) Артемий Багратович,—

в журнале «Вестник иностр(анной) литературы» мне делать нечего, а потому и незачем включаться — номинально — в состав редакционной коллегии.

Не могу выбрать времени, чтобы прочитать детские книжки.

Написал ответ «гуманистам» по поводу выхода немецкой «Лиги защиты прав человека»¹; ответ несколько запоздал, но раньше у меня не было ни времени, ни случая, теперь подвернулся удобный. Если будете издавать воззвание еще раз, — может быть включите и ответ «гуманистам»? Он уже послан в Москву.

Ленина у меня всего 5 т(омов)² и то — разрозненных. Пока — не присылайте. Я, кажется, уеду отсюда.

С «Литучебой» дело стоит неопределенно. Вчера послал Камегулову письмо³ с просьбой решительно ответить: будет он работать или нет? Переводить журнал в Москву не хотелось бы, в Ленинграде больше подходящих сотрудников и меньше кружковой силки. Если Камегулов откажется, — не согласится ли ЦК назначить редактором В. А. Десницкого-Строева? Старый большевик, очень образованный, профессорствует в 3-м Ленинградском пединституте. Кроме его: рабнора Лаврухина⁴, — коммунист, Илья Груздева и еще кого-нибудь из коммунистов, знатоков философии

диалектического материализма. Камегулов работает один, Либедиский, Чумандрин, Саянов — совершенно не работают. В «Зарубежном» необходимо привлечь Радека(...)

Крючков выезжает на днях.

Очень рад, что А. К. Воронский организует сборник «Шестидесятники». Рекомендую ему еще два².

В апреле еду в Москву³. Очень еду. Так хочется, что даже во сне все Москву вижу. А тут еще на днях ударников видел⁴. Взвоновали они мою душеньку до чертиков.

В хорошее время живем, дорогой мой товарищ!

Привет всем!

А. Пежков

З.ХП.30.

¹ Статья Горького «Гуманистам» была одновременно опубликована в газетах «Правда» и «Известия» 11 декабря 1930 г.

² Речь идет о втором издании Сочинений В. И. Ленина.

³ См. письмо Горького Камегулову от 2 декабря 1930 г. по второй части настоящего тома.

⁴ Д. Лаврухин (псевдоним Дмитрия Исаевича Георгиевского, 1897—1939) — советский литератор, автор книги «По следам героя» и др.

Предложение Горького об изменении состава редколлегии журнала «Литературная учеба» было осуществлено позднее — в 1933 г.

⁵ Речь идет о замысле М. Горького создать «Историю разночинца» и «Историю большевика». См. письма Горького Воронскому от 3 декабря 1930 и 5 января 1931 г. и письма Воронского Горькому с 24 ноября 1930 по 2 апреля 1931 г. по второй части настоящего тома.

⁶ Горький выехал из Сорренто 9 мая и прибыл в Москву 14 мая 1931 г.

⁷ Речь идет о встречах Горького в Неаполе 26, 27 и 28 ноября 1930 г. с советскими рабочими-ударниками, участниками заграничной экскурсии на пароходе «Абхазия».

Дорогой Артемий Багратович,—

«Наши достижения» журнал, читаемый охотно, и мы имеем право думать, что он достаточно успешно служит своей цели: рассказывать об успехах работы на фабрике, в поле и этим еще выше поднимать трудовую энергию читателей.

Однако нам не следует останавливаться на тираже в 55 тыс. и 60 тыс. — для «На стройке», а необходимо принять все меры к расширению влияния журналов, и значит, их тиражей. О некоторых мерах я пишу Н. В. Сталину, предлагая ему помочь нам, а Вы помогите со стороны ОГИЗа.

Необходимо увеличить гонорары авторам, дабы привлечь к сотрудничеству с нами лучших. Газеты платят больше и потому очеркисты печатаются в газетах охотнее, чем у нас. Давайте начнем платить побольше! Это сделает журнал интересное и расширит круг читателей, увеличит тираж, не принесет убытка ОГИЗу.

Затем: отличного работника И. Шкапу (Гриневского)¹ следовало бы включить в редколлегию. Из него вырабатывается талантливый редактор.

Затем я убедительно прошу Вас увеличить гонорар литераторам, которые будут работать по «Истории гражданской войны», на это дело нельзя жалеть денег, да оно и оправдает все затраты. А сделать его нужно исключительно хорошо, не только в интересах наших «внутренних», но и в интересах всего пролетариата Европы. Ведь этой «Историей» мы даем рабочим всего мира учебник революционного действия, революционной тактики, учебник борьбы с врагами и предателями.

Привет сердечный и доброго здоровья!

А. Пешков

44.XII.30.

¹ Илья Самсонович Шкапа (псевдоним — Гриневский, р. 1898) — журналист, сотрудник журнала «Наши достижения» (см. переписку Горького со Шкапой во второй части настоящего тома).

Дорогой Алексей Максимович!

На днях я получил Ваше последнее письмо. Позвольте поделиться некоторыми соображениями по поводу тех вопросов, которые подняты Вами в этом письме.

1. Относительно Вашего участия в «Вестнике иностранной литературы». Несколько странно звучит Ваше заявление о том, что Вам в этом журнале «нечего делать». Конечно, Алексей Максимович, это не так. Последняя мировая конференция революционных писателей выявила определенное настроение — значительно улучшить этот журнал. Мне думается, что Вы своим участием значительно оживили бы этот журнал. «Номинальное участие» в составе редакционной коллегии места не может иметь еще и потому, что Вы, ведь, решили весной будущего года приехать в Москву. Это Ваше решение меня очень обрадовало и, конечно, устроит нас наилучшим образом.

2. Ваше письмо пришло одновременно с напечатанием Вашего прекрасного ответа «Гуманистам». Мною отдано распоряжение о допечатке миллиона экземпляров брошюры, состоявшей из трех Ваших статей: 1) «К рабочим и крестьянам», 2) «Если враг не сдается — его уничтожают» и 3) «Гуманистам»¹.

3. О «Литучебе». Надо будет подождать ответа на те письма, которые Вы разослали ленинградским товарищам². Все же, мне кажется, что было бы хорошо, если б этот журнал был переведен в Москву, опять-таки учитывая Ваш приезд.

4. «За рубежом»... За последнее время я провел два заседания редколлегии журнала. Первым делом мы решили значительно пополнить состав редколлегии, введя в нее гг. Г. Смолянского³, Аренса (из НКВД), одного из работников Профинтерна по согласованию с т. Лозовским.

Независимо от этого, мы решили создать редакционный совет в широком составе и пока наметили привлечь к участию в работах совета гг. Мануильского, Гошнер, Кренца, Войтовича, Геккерта и несколько товарищей по согласованию с т. Гамарником (РВС) и с т. Петровым (ВОКС).

Посылаю Вам при этом протокол последнего заседания, из которого Вы увидите намеченные нами производственно-издательские планы журнала на 1931 г.

5. Т. Ворошилов обещал на днях созвать первое совещание по вопросу издания «Истории гражданской войны». Результаты этого совещания я Вам сейчас же сообщу.

6. О «Наших достижениях». Дело налажено. В последней беседе т. Шкапа мне сообщал, что редакционный портфель достаточно обеспечен.

7. Сейчас подбираются в аппарат все Ваши статьи, рассказы, заметки и т. д., которые Вы написали за последние два года. Я предполагаю выпустить их отдельной книгой, которая явится продолжением Ваших С(обраний) с(очинений) 1-го и юбилейного издания⁴.

8. На днях правление ОГИЗа решило организовать издание большого ежемесячного журнала «Социалистическое издательство»⁵, который будет отражать главные книжно-журнальные проблемы.

Реорганизационная работа подходит к концу. К новому году я предполагаю, что все 14 издательств будут оформлены, и с нового года мы начнем жить по-новому. В связи с этой реорганизацией возникает ряд больших вопросов, о которых я Вам подробно напишу.

Вы очень обрадовали нас Вашим скорым приездом. Хочется думать, что Вы, дорогой Алексей Максимович, окажете нам помощь в нашей общей большой и интересной работе.

Как Ваше здоровье? Почему об этом — ни звука. Над чем работаете теперь? Очень хочется, чтобы Вы привезли с собой пьесу, написать которую Вы обещали не раз.

Наконец-то сегодня выезжает Лев Григорьевич к Вам.
Всего доброго, дорогой Алексей Максимович.

Привет соррентовцам.
Ваш Арт. Халатов

15/XII—1930 г.

P. S. 1. Прилагаю опубликованную 13/XII (позавчера) в «Правде» прекрасную поэму Лахути на тему: «Мы победим»¹ (перевод с персидского). Обращаю В(аше) внимание, здорово хорошо написано.

2. Прилагаю письмо т. Ханина².

Крепко жму В(ашу) руку.

Арт. Халатов

¹ Издание такой брошюры не было осуществлено.

² Очевидно, речь идет о письмах Горького членам редколлегии журнала «Литературная учеба» — М. Ф. Чумандрину (12 июля 1930 г.), Н. С. Тихонову (11 июля 1930 г.) и А. Д. Каменеву (октябрь 1930 г.). Письмо Чумандрину см. в т. 30 Собрания сочинений Горького (стр. 171—173); письмо Тихонову — АГ.

³ Григорий Борисович Смолинский (р. 1890) — литератор и публицист, в то время работал в органах Профсоюзного Интернационала.

Жан Львович Арена (1889—1938) — в 1930 году был исполняющим обязанности заведующего отделом печати Народного комиссариата иностранных дел СССР.

Соломон Абрамович Лозовский (1878—1952) был генеральным секретарем Профинтерна.

Дмитрий Захарович Мануильский (1883—1959) в период 1928—1943 гг. — секретарь Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Серафима Ильинична Гонсер (р. 1880) тогда работала в секретариате Коминтерна.

Михаил Евсеевич Крекс (1895—?) и Анатолий Федорович Войтович (1896—?) — сотрудники Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

Фриц Геккерт (1884—1936) — видный деятель Коммунистической партии Германии и международного рабочего движения, был членом Исполкома Коминтерна.

Федор Николаевич Петров (р. 1876) — старейший член Коммунистической партии, ученый-историк. В 1929—1933 гг. — председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

⁴ Речь идет о двух изданиях Собрания сочинений М. Горького, вышедших Государственным издательством в 1928—1930 гг. и в 1933—1934 гг.

⁵ Издание такого журнала не было осуществлено.

⁶ Стихотворение А. Лахути «Мы победим» опубликовано в «Правде» от 13 декабря 1930 г. (перевод Георгия Шенгели).

⁷ Давид Маркович Ханин (1903—1938) — заведующий отделом детской и юношеской литературы Государственного издательства. В письме к Горькому Ханин обращался с просьбой высказать мнение о его книге «Университет моего поколения», которую он ранее послал в Сорренто. Кроме того, он сообщал Горькому о том, что готовит для него материал о работе кукольного передвижного театра детской книги, созданного в Москве по инициативе Центрального Комитета Комсомола (АГ).

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 19 декабря 1930 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

убедительно прошу Вас дать работу в «ЗиФе» или ГИЗе Александру Николаевичу Тихонову, который работал в «Федерации», но должен был уйти оттуда по причинам чьего-то каприза или чьей-то интриги.

Тихонов — опытный книжный работник, в этой области я его отлично знаю, работал с ним лет 10. А в общем я его знаю уже 30 лет, со времени его студенчества. Людей, знающих издательское дело так, как знает это он — у нас немного. Человек он безусловно честный, будет весьма полезен. И — широко образованный человек. Прошу я о нем не только по силе моего личного отношения к нему, но — в интересах дела.

Разрабатываем вместе с профессором Г. А. Шмидтом проект популярной «Истории науки» для «широких масс»¹. Уверен, что это очень нужное издание, естественно-научная литература у нас крайне слаба, а интерес к ней большой.

Ну, будьте здоровы!

Жму руку.

А. Пешков

19.XII.30.

Было бы очень хорошо, если б Тихонову дали работу в журнале «За рубежом». Журнал этот из рук вои малограмотен и отчаянно путает: старика Турати, эмигранта, сделал секретарем фашистов!² Нам следует гарантировать себя от таких скандалов. <...>

Привет.

А. П.

¹ Георгий Александрович Шмидт (р. 1896) — ученый-биолог, профессор Московского государственного университета. Во время научной командировки в Италию бывал у Горького в Сорренто. Замысел Горького об издании «Истории науки» не был осуществлен.

² Ошибка имела место в четвертом (октябрьском) номере журнала «За рубежом» за 1930 г.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 26 декабря 1930 г.)

Дорогой друг,—

приехал Л. Г. Левин, внимательно ошунал меня, выстукал и нашел, что я в хорошем порядке: сердце наладилось, печень —

тоже, колит — на ущербе. Так как я чувствую себя действительно работоспособнее, чем в прошлом году, то Левину верю и очень рад.

К делу.

Вы предполагаете издать мои статьи за два года отдельной книгой, как продолжение Собр(ания) сочинений. Протестую. Во-первых: это будет связано с собранием, будет стоить дорого и потому не проникнет в массу читателей. Во-вторых: все статьи нет смысла издавать, ибо в них много повторений и они — в целом — недостаточно актуальны.

Сделайте так: припалите мне весь материал, я сделаю отбор наиболее живых статей, и мы издадим их отдельной книжкой подешевле¹.

Отдельной же книжкой издадим «Рассказы о героях»² — их будет 3 или 4 и отдельной — «Три беседы о ремесле»³, к ним я приложу брошюру «Как я учился». Гонорарий с этой книжки пойдет о(бщест)ву «Долой безграмотность». «Резец»⁴ уже предложил издать ее, ссылаясь на заявленную рабочими нужду в ней.

Очень прошу Вас согласиться на сей план!

Далее: прошу разрешить «Ленинградскому издательству писателей» издать рассказ мой «Голубая жизнь» с рисунками⁵, это — тоже в пользу о(бщест)ва «Долой безграмотность». Груздев просил у «ЗиФа» разрешения на это издание, но — там какой-то чиновник отказал ему. Отказ надешый, — извиняюсь!

Вам «хочется», чтоб я привез пьесу?⁶ Мне тоже хочется этого, но пьеса — очень тяжелая штука! Я уже написал полторы и от них осталось 3 стр., остальное — снег. Стараюсь, однако. Работать — хочется и могу. Надо бы ответить Ллойд-Джорджу?⁷ <...>.

Жму руку!

P. S. Если «Воспоминания о В(ладимире) Ильиче» еще не напечатаны, — включите в них прилагаемый кусочек; на днях нашел его в старых бумагах — ценны слова: «понимает неизбежность ошибок и не обижается»⁸.

А. П.

Передайте письмишко т. Ханину⁹.

Вам следовало бы включить стихи Лахути в мои статейки — «Гуманистам» и др.¹⁰

Приеду — обсудим с Вами вопрос об издании маленьких сборников — копеек по 10—15 — различных боевых стихов¹¹.

А также вопрос об издании «Истории науки», — дело совершенно необходимом.

Надобно питать массу хорошо и дешево не только соей, а и пищей для ума.

Вы, т. Наринт¹², обязаны действовать в интересах массы, чорт, а Вы Брема издаете. Впрочем — за Брема — скажут Вам спасибо очень многие из «массы».

Я уже сказал¹³.

А. П.

Басов затекает в Иркутске журнал «Будущая Сибирь»¹⁴. Очень хорошо! Пора.

Датируется по содержанию и по дате получения адресатом.

¹ В 1931 г. в Государственном издательстве художественной литературы вышло два сборника статей М. Горького: «Публицистические статьи» и «Статьи о литературе и литературной технике». В дальнейшем сборники статей М. Горького неоднократно переиздавались.

² Сборник М. Горького «Рассказы о героях» вышел в 1932 г. Кроме трех рассказов, опубликованных в 1930—1931 гг. в журнале «Наша достижения», в сборник был включен очерк «Михаил Вилонзон», ранее напечатанный в газете «Правда».

³ Речь идет о цикле статей М. Горького «Беседы о ремесле», опубликованных в журнале «Литературная учеба» в 1930—1931 гг. Они вошли в сборник М. Горького «Статьи о литературе и литературной технике», выпущенный Гослитиздатом в 1931 г.

Отдельное издание сборника, включающего «Беседы о ремесле» и рассказ «Нак и учился», не было осуществлено.

⁴ «Ремесло» — двухнедельный литературно-художественный журнал, издавался в Ленинграде в 1924—1939 гг.

⁵ Рассказ М. Горького «Голубая жизнь» был выпущен отдельной книжкой в 1931 г. Издательством писателей в Ленинграде с автолитографиями художника В. Конашенко.

⁶ Речь идет о работе над пьесой «Сомов и другие».

⁷ Давид Ллойд-Джордж (1863—1945) — английский буржуазный политический деятель, лидер либералов. Горький имеет в виду участие Ллойд-Джорджа в антисоветской кампании, развернутой английскими консерваторами по поводу так называемого «советского демпинга». В ноябре 1930 г. Ллойд-Джордж выступил с речью в палате общин английского парламента, в которой солидаризировался с консерваторами в иллективных намерениях о внешней торговле Советского правительства.

⁸ С таким дополнением очерк М. Горького «В. И. Ленин» вышел отдельным изданием в Государственном издательстве художественной литературы в январе 1931 г.

⁹ В ответном письме Д. М. Ханину Горький одобрительно отзывался о его книге «Университет моего поколения» и сообщал о том, что рекомендовал ее Государственному издательству для переиздания и перевода на иностранный язык (АГ).

¹⁰ Статья М. Горького «Гуманистам» была опубликована в газетах 11 декабря 1930 г., т. е. на два дня раньше стихотворения А. Лахути «Мы победили».

¹¹ Этот замысел не был реализован.

¹² Такая шутиная форма обращения Горького к Халатову объясняется, очевидно, тем, что Халатов являлся в свое время одним из организаторов системы общественного питания — треста «Наринт» («Народное питание»).

¹³ Речь идет о следующем издании: «Жизнь животных по А. Э. Брему в трех томах. В переработке В. И. Языцкого и М. А. Гремячкова» (М.— Л., изд-во «Молодая гвардия», 1930—1931 гг.). Второй и третий тома вышли в 1930 г., а первый — в 1931 г. В статье «О работе неуемной, небрежной, недобросовестной и т. д.», опубликованной одновременно в газетах «Правда» и «Известия», 19 апреля 1931 г., М. Горький критиковал третий том этого

надания и осуждал В. И. Язанинго и М. А. Гремяцкого за литературную малограмотность.

¹⁴ «Будущая Сибирь» — литературно-художественный и краеведческий журнал, выходил в Иркутске с 1931 по 1934 г.

87

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто, 15 января 1931 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович!

Очень рекомендую для «Дешевой библиотеки» книжку Петрова «Борель» изд. «Федерации»¹. В этой серии у Вас издается Черненко, — его книжка² больше подходит к серии для детей старшего возраста, герои в ней — дети, а взрослым будет скучно читать о них, да и книжка-то написана неубедительно. А Петров очень живо изобразил историю восстановления золотого прииска и борьбы рабочих с хищником.

Как живете?

Привет!

А. Пешков

15.1.31.

¹ Петр Поликарпович Петров (1892—1941) — писатель-сибиряк, герой гражданской войны. Его роман «Борель» (М., изд-во «Федерации», 1931; изд. 2. М.—Иркутск, Восточно-сибирское краевое изд-во, 1935) в серии «Дешевая библиотека» ГИХЛом не был издан.

Сохранился и более подробный отзыв Горького о романе «Борель»: «Петров. «Борель». История восстановленная золотопромышленником рабочим Медведевым. Тема Гладыша. Рабочий — живой, техник Ихонтон — тоже, неплохо сделана Валентина Сунцова, сестра хищника. Написано — живо, талантливо, автор, видимо, молодой. Картины убийств, покушений на убийства сделаны скромно, являются вполне неизбежными. Очень хороша баба Настя, убитая людьми Сунцова. Вообще автор хорошо видит людей. Книжка — в «Дешевую библиотеку» (АГ).

О книжке «Борель» Горький упоминает также в «Письме полоторазведчиков» (См. Собр. соч., т. 25, стр. 375).

² А. Н. Черненко. Расстрелянные годы. (Роман.) М.—Л., ГИХЛ, 1931.

Титульный лист книги Ал. Черненко «Расстрелянные годы» (Л., изд-во «Прибой», 1930) с дарственной надписью Горькому хранится в Архиве Горького.

Положительный отзыв Горького о романе А. Н. Черненко см. в письме, частично опубликованном адресатом в статье «За что мы любим Горького» («Октябрь», 1931, кн. 4—5, стр. 20).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 15 января 1931 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Наступивший третий решающий год пятилетки совпадает с началом работы вновь организованного Объединения Государственных Издательств (ОГИЗ).

Перед ОГИЗом стоит ответственная задача — обслужить литературу *все* потребности гигантского строительства в нашей стране.

Можно считать, что на сегодня костяк издательского объединения нами создан: проведены основные организационные мероприятия, подобран главный кадр работников, намечены основные вехи деятельности ОГИЗа, составляется план работы на 1931 год и т. д.

Однако бумажные ресурсы и полиграфия продолжают отставать от бурного подъема спроса на произведения печати со стороны политически и культурно растущих масс. Это отставание в 1931 г. принимает особенно острый характер. Между производственно-техническими возможностями печати и потребностями страны в этом году ясно обозначился *огромный разрыв*.

Об этом я недавно говорил на Всесоюзном съезде печатников и бумажников¹ (они слились теперь в единый профессиональный союз) — газетные отчеты, вероятно, уже ознакомили Вас с работой этого съезда. Самым слабым звеном ныне является бумага и несмотря на всю остроту положения, несмотря на полную очевидность огромного разрыва — перелома в развитии этой отрасли промышленности до сих пор нет.

В 1931 году нам надо решить труднейшую задачу — так построить издательскую работу, чтобы из самых недостаточных ресурсов удовлетворить *все* основные потребности, а ведь сейчас в СССР учится до 50 млн. человек, т. е. свыше одной трети населения².

В таких условиях борьба за качество издательской продукции приобретает исключительное значение. Надо каждый лист бумаги использовать максимально эффективно.

Надо вообще сказать, что *борьба за качество* книги — гвоздь в нашей работе этого года, а качество, прежде всего зависит от автора и потом от редактора. *Воспитание автора и редактора*, — в этой области мы мало сделали за предыдущие годы (на этом придется концентрировать внимание сейчас).

Несколько слов о наших журналах:

Журнал «За рубежом» в данный период приобретает большое значение. (...)

Журнал «Наши достижения» завоевал себе определенное место, его читают и знают. Протокол последнего заседания редколлегии, которое было у меня, я Вам послал³. На 1931 г., в связи с бумагой, нам, видимо, придется ограничиться тиражом в 80 тыс. экз.⁴

На днях, наконец, было у т. Ворошилова первое заседание редколлегии «Истории гражданской войны»⁵. Об этом Вам подробнее напишет П. П.⁶ Я вынес такое впечатление, что с М. Н. Покровским мы договоримся и можем сделать хорошую вещь⁷.

Сейчас под руководством т. Гамарника будет проведено уточнение плана, подбор редакторов, подготовка заданий авторам. Вопрос об определении авторского состава мы решили оставить до Вашего приезда⁸.

Вы мне писали о т. Тихонове. Я сделал ему ряд предложений и думаю, если у него есть желание работать в ОГИЗе, мы сумеем его использовать на подходящей работе.

В ближайшие дни выйдет из печати отдельной брошюрой Ваш очерк о В. И. Ленине⁹, в который мы включили и несколько строк об Ив. Вольном¹⁰, присланные Вами в последнем письме. Эту книгу мы предполагаем распространить в Ленинские дни (21 января). Как только она выйдет из печати, сейчас же пошлю ее Вам.

В последнем Вашем письме от 26/XII меня очень порадовал диагноз, поставленный доктором Левиным. Все же режим соблюдать надо. Льву Григорьевичу я на днях напишу.

Все Ваши предложения по поводу порядка издания последних статей принимаю. Статьи мы подбираем и пришлем Вам на утверждение. Выпустим эту книгу массовым тиражом по дешевой цене¹¹.

«Рассказы о героях»¹² и «Три беседы о ремесле»¹³ выпустим отдельными изданиями.

Указание о том, чтобы разрешить «Ленинградскому издательству писателей» выпуск рассказа «Голубая жизнь» я уже дал¹⁴.

Дорогой Алексей Максимович, Вы очень огорчили меня Вашим сообщением о пьесе, но у меня есть твердая надежда, что Вы привезете ее в апреле¹⁵. Должен принести Вам мои извинения за недолгую задержку аппаратом выпуска 150 экз. Самгина: на днях выйдет¹⁶.

Всего хорошего.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

15/1—31 г.

<...>

³ Объединенный съезд профсоюзов печатников и бумажников проходил в Ленинграде в декабре 1930 г. (Отчет о съезде см. в «Известиях» от 3 января 1931 г., в «Литературной газете» от 4 января 1931 г.).

⁴ Слова, набранные полужирным шрифтом, подчеркнуты Горьким. В конце этой, подчеркнутой Горьким фразы, им поставлен вопросительный знак.

¹ Заседание редколлегии журнала «Наши достижения» с участием Халатова происходило 30 декабря 1930 г., о чем свидетельствует протокол заседания (АГ).

² Тираж журнала «Наши достижения» в 1931 г.: № 1—5 — 60 тыс.; № 7—9, 12—65 тыс.; № 10—11 — 70 тыс.

³ Первое заседание редколлегии «Истории гражданской войны» было 12 января 1931 г. (см. письмо М. Н. Покровского Горькому от 14 января 1931 г. — АГ).

⁴ П. П. Крючков в письме к Горькому от 16 февраля 1931 г. сообщает, что подробное письмо о заседании редколлегии «И. Г. В.» шлут К. Е. Воронилев и М. Н. Покровский (АГ).

⁵ Речь идет об издании «Истории гражданской войны».

⁶ Приезд Горького в СССР в 1931 г. намечался весной, до 1-го мая, однако в связи с болезнью Горький задержался и приехал в Москву 14 мая (см. письмо Горького к Н. Е. Вуренну от 15 апреля 1931 г. — АГ).

⁷ М. Горький и В. И. Ленин. М.—Л., ГИХЛ, 1931.

⁸ Вставка об И. Вольфове, начинающаяся словами: «Однажды он, улыбаясь, показал мне телеграмму...» вошла во все последующие издания очерка «В. И. Ленин» (Собр. соч., т. 17, стр. 33).

⁹ М. Горький. Публицистические статьи (с предисловием автора). Ред. и примеч. И. А. Груздева. М., ГИХЛ, 1931.

¹⁰ М. Горький. Рассказы о героях. М.—Л., ГИХЛ, 1932.

¹¹ «Беседы о ремесле» М. Горького отдельным изданием не вышли.

¹² М. Горький. Голубая жизнь. Издательство писателей в Ленинграде, 1931.

¹³ В это время Горький работал над повестью «Сомов и другие».

¹⁴ М. Горький. Жизнь Кайма Самгана (Сорок лет). Повесть. Ки. III. М.—Л., ГИХЛ, 1931.

Дорогой Артемий Багратович,—

из письма Камегулова¹, которое Вам передаст П(етр)П(етрович), Вы убедитесь, что Камегулов действительно не может работать. В конце концов мне приходится пожалеть об этом, ибо он — человек «литературный» и значение журнала — понимает, хотя как редактор и не очень опытен.

Надобно искать заместителя ему и членов редколлегии,— Вы знаете, кого я предполагал². Сделать это надобно скорее, м. б. Вы съездили бы в Ленинград³? По всем отзывам о журнале он весьма полезен и потрудиться для него—стоит. План на 34 г. составлен хорошо, но я просил бы Вас, очень просил бы!—увеличить листаж до 96, а затем обратить внимание Лениггиза на небрежное отношение типографии к печатанию журнала, на анархию в деле его распространения, на недостаточную рекламу и все прочие «промахи», отмеченные Камегуловым⁴. Кстати: В Сибири журнал тоже почти неизвестен. Усердно прошу Вас, дорогой, наладить это дело.

Писем от Вас нет давным-давно. Как живете? Я становлюсь постепенно фельетонистом, чему доказательства у П. П. Крюкова¹.

Привет!

А. Пешков

22.I.31.

¹ Имеется в виду письмо А. К. Камегулова Горькому, написанное во второй половине декабря 1930 г. (см. Переписку Горького с Камегуловым во второй части настоящего тома).

² На работу в журнале «Литературная учеба» Горький рекомендовал Н. А. Груздева, В. А. Десницкого и др.

³ В связи с реорганизацией журнала «Литературная учеба» в Ленинград в феврале 1931 г. ездил П. П. Крючков (см. письмо Крючкова Горькому от 3 февраля 1931 г. — АГ).

⁴ См. письмо А. К. Камегулова Горькому, написанное во второй половине декабря 1930 г.

⁵ По-видимому, Горький имеет в виду статьи «О старичках» и «О работе неуемной, небрежной, недобросовестной и т. д.»

90

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто. 24 января 1931 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович,—

получил протокол заседания 10.I.31 г. по вопросу о журнале «За рубежом». «Постановили» совершенно правильно¹. <...>

Было бы крайне важно вооружиться поскорее иностранной прессой; я со своей стороны очень прошу Вас не медлить с хлопотами о деньгах на выписку зарубежных журналов и газет.

Огорчает недостаток бумаги, как раз именно тогда, когда спрос на книгу неудержимо растет, что даже я издали — прекрасно знаю. Не поверите, как волнует меня это бурное стремление учиться!

Не помню, писал ли я Вам о книге сибиряка Петрова «Борель» изд(ание) «Федерации»? Эту книжку следовало бы пустить в «Дешевой библиотеке», в ней очень живо рассказывается история восставления рабочими золотосносного рудника, хорошо сделаны характеры и чувствуется во всем правда. Автор — талантлив, но та же «Федер(ация)» издает возмутительный хлам вроде, напр(имер), книжки Ломтатидзе «Хамовники»², — вяло и тускло сделанные очерки рабочей жизни, точно «списанные», у кого-то. Или такая же вялая и поверхностная книжка «Время, дела, люди» Аннибала³. Но уже совершенно нелепа претенциозная повесть о гениаль-

ном маляре, написанная человеком, как будто психически больным; повесть названа «Кривая», автор — Долгих⁴.

Крайне досадно, что бумага тратится на такую макулатуру и халтуру. Чувствуется, что в «Федерации» нет грамотного редактора. И не одна «Федерация» засоряет государственный книжный рынок хламом, не только она портит культурно-воспитательную работу ГИЗа и бесполезно истребляет бумагу⁵.

У нас очень много развелось людей, которым весьма правится легкий труд и — отсюда чрезмерное обилие ведомственных журналов, которые никто не читает, обилие параллельных изданий. Недавно прочитал объявление о выходе нового журнала «Строим»⁶! — явная и ненужная параллель к «На стройке».

Издаются и печатаются в огромном количестве экземпляров полуграмотные и скучные «Следопыты»⁷, «Вокруг света»⁸, пошлейший журнальчик «30 дней», ненужный «Ленинград»⁹, — параллель «Резцу» и вообще — масса ерунды и чепухи наводняет рынок, засоряя мозги читателя словесной пылью.

Кстати — о «Ленинграде». Затеял его Чумандрин, человек, которому еще нужно учиться грамоте, а не журналы издавать. Он — член коллегии «Литучебы», но этот журнал он определенно саботировал. Меня интересует вопрос: имел ли он, партнер, право саботировать работу, на которую его поставили?

Некоторые наши молодые люди слишком спешат высказывать вперед на самостоятельные, независимые места, и было бы неплохо, если б таких торопыг щелкали по носам.

Хлама у нас, дорогой друг, издается много; очень жаль, что у меня нет времени доказать Вам фактами и цитатами, что это именно хлам и мусор. Я получаю книги многих издательств и, прочитав, возвращаю их в Союз, в провинцию, в клубы, колхозы, учителям, молодежи, посылаю в библиотеку Римского Полипредства. И вот у меня остаются десятки книг, которые я не решаюсь послать никому, вследствие их негодности.

С этим явлением необходимо бороться и бороться безжалостно. Необходимы грамотные редактора. Поверьте мне, что рекомендуя Вам Тихонова, я руководствовался отнюдь не симпатиями моими к нему, а только тем, что знаю его как очень хорошего книжника. Таким же знатоком книги и книжного дела является М. К. Николаев, работавший в «Международной книге»¹⁰. Людей этого типа нужно утилизировать, на их работе могла бы учиться молодежь.

Мы выпускаем на рынок 6 толстейших томов книги Морозова «Христос»¹¹, — сумбурнейшая книга! Шесть томов — более 200 листов! Но до сей поры у нас нет хорошего издания очерков Глеба Успенского, хотя бы в одном томе. А мужичку не мешало бы познакомиться с прошлым именно по Успенскому, по «народнику». Нужно бы издать «Деревию» Буннина, — ничего, что он — барин, белогвардеец, дореволюционную деревню он изобразил жестоко правильно.

Вообще мне все кажется, что мало обращается внимания на массового читателя, на те 50 милл. учащихся, о которых Вы пишете и которых надобно отучать оглядываться назад.

Ну, кажется, я слишком расписался! Не желая утомлять Вас — кончаю.

Левин уехал. Хороший человек он.

Искренне поздравляю Вас с успехом большой организационной работы. Крепко жму руку.

А. Пешков

24.1.34.

¹ На заседании редколлегии от 10 января 1934 г. утверждался план журнала на 1934 г. В связи с этим в протоколе говорилось: «При внимательном изучении журнала перед нами были поставлены широкие политические задачи, но разрешить их предполагалось, главным образом, путем освещения быта буржуазных стран. Однако обострение политической обстановки по всей линии международного фронта сразу же побудило журнал ставить на первое место политические, а не бытовые вопросы и темы. Было решено выпустить первые три номера за 1934 г. тиражом в 40 000 экз., а затем еще увеличить тираж, ввести в состав редколлегии Б. Куна (от ИККИ) и Г. Смоленского как специалиста по вопросам международного профдвижения (Протокол заседания. — АГ).

² Е. В. Ломтатидзе. *Хамонинки. Зарисовки рабочего быта*. М., изд-во «Федерация», 1930.

³ Б. Аллибей. *Время, дела, люди*. М., изд-во «Федерация», 1930.

⁴ А. Долгих. *Крылато*. (Повесть.) М., изд-во «Федерация», 1934.

Об этих трех книгах сохранилась следующая заметка Горького: «Ломтатидзе «Хамонинки». Плохонькие, беспомощные очерки, как будто списанные у кого-то. Своё отношение к материалу автор не имеет.

Аллибей «Время, дела, люди». Пошнужная фабрика. Вязло, поверхностно. Блещет знанием мифологии.

«Долгих «Крылато». Возмутительно безграмотная, но претенциозная повесть о гениальном малоре. Возможно, что автор — психически больной» (АГ). Об этих книгах Горький упоминает также в статье «О работе неуемной, небрежной, недобросовестной и т. д.» (Собр. соч. т. 25, стр. 470).

⁵ В связи с этим Горький написал статью «О работе неуемной, небрежной, недобросовестной и т. д.». Критикуемые выше журналы также упоминаются Горьким в этой статье.

⁶ Журнал «Строим. Строительство советской промышленности в фото» (выходил с 1929 по 1933 г., сначала — как приложение к «Торгово-промышленной газете», с 1930 г. — как приложение к газете «За индустриализацию».

⁷ «Всемирный следопыт» — ежемесячный иллюстрированный журнал путешествий, приключений и научной фантастики (выходил с 1925 по 1931 г.). Ответственным редактором журнала был некоторое время В. Нарбут.

⁸ «Вокруг света» — журнал приключений, путешествий и открытий. (выходил с 1927 г.)

⁹ «Ленинград» — литературно-художественный и общественно-политический ежемесячник, с седьмого номера 1934 г. — орган Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (выходил с 1930 по 1932 г.).

¹⁰ Михаил Константинович Никольев (1882—1947) — заведующий книжным отделом акционерного общества «Международная книга».

¹¹ Н. А. Морозов. *Христос, кн. 1—7*. М.—Л., ГИЗ, 1924—1932.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, конец января 1931 г.)

12 номер «На стройке» определенно плох¹. Фотографии — мелкие, и делают их какие-то бездарные чиновники, а ведь можно делать хорошо, снимки с двух шахтеров на 1-й стр. этого же номера сделаны отлично, скульптурно. Вот так же крупно нужно было сделать и бригаду ударников.

Кого и чем может удивить номер шахты? Или 25 медных слитков? Или — кабель-кран? Слитки алюминия? Образцы минералов? Монолит? Все это и мелко и не ново, а потому в журнале — не нужно, к тому же англичане и французы хорошо знают, что, напр., алюминий мы все еще покупаем за рублем Союза.

Мне кажется, что журнал будет действовать так, как это нам полезно тогда, когда мы станем действовать на зрителя массовостью — массой слитков меди, массой построек, вообще — массой. И надобно научиться снимать материал с его казовой стороны.

Где расходятся 60 т(ис), экз.? В Италии очень интересуются им, но здесь его нет и сюда — Торгпредстау, консулам, редакции наиболее приличной газеты — следовало бы послать экз(емпляр) с французским текстом.

Очень прошу выслать мне три — французский, английский русский. Нужно послать Р. Розлану, Уэллсу, Голсворти для их клубов. Вообще следовало бы послать во все Пед(редства) и Торгпредства, внушив им, чтоб они знакомили с этим журналом прессу, а последняя печатала бы наши снимки в своих иллюстрированных приложениях. Она это делает — как? Прилагаю список. Это — подпись — «переведено с русского»².

А. Пешков

¹ «СССР на стройке», № 12, 1930.² О каком снимке идет речь, установить не удалось.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Смоленск, 12 февраля 1931 г.)

Дорогой Алексей Максимович.

Приехал д-р Левин и очень обрадовал меня извещением о Вашем здоровье. Весной твердо ждем Вашего приезда.

Одновременно с приездом д-ра Левина я получил два Ваших письма, на которые и спешу Вам отвечать.

Не удивляйтесь, что письмо посылается из г. Смоленска. Я на две недели в качестве уполномоченного Совета Оборона руковожу лесозаготовками в Западной области, рассчитываю вернуться в Москву к Всероссийскому съезду Советов к 25/II¹.

По вопросу о «Литучебе» П. П. Крючков ездил уже в Ленинград, и мы в основном договорились о составе редакции. После моего возвращения мы эти дела оформим.

№ 12 журнала «СССР на стройке» у нас вышел неудачным, в чем я с Вами совершенно согласен. Мы примем все меры к тому, чтобы первые номера этого года дали движение вперед. Я уже дал распоряжение о рассылке журнала по тем адресам, которые Вы указали.

Вопрос о качестве нашей литературы — это боевой основной вопрос, стоящий перед нами. Мы делаем сейчас многое в этом направлении. Проводим генеральную чистку наших договорных и редакционных портфелей. Тщательно пересматриваем наши авторские и редакционные кадры. Проводим целый ряд мер по повышению их квалификации. По всем этим вопросам мы с Вами подробно побеседуем в Москве.

Реорганизация ОГИЗа подходит к концу. Отдельные части нашего большого механизма начинают работать более согласованно, но нужно еще много усилий, чтобы довести работу машины до необходимой четкости.

Признание Ромен Ролланом своих прошлых ошибок и переход его по эту сторону баррикады, является большой нашей победой, с которой я спешу Вас поздравить.

Получилось весьма удачное сочетание, когда была опубликована Ваша статья о «Цинизме» и статья Ромен Роллана².

Ждем Вас весной здоровым и бодрым.

Всего, всего хорошего. Крепко жму руку.

С наилучшим приветом.

Ваш Арт. Халатов

Смоленск, проездом 12/II.

P. S. На днях перед отъездом из Москвы послал Вам большое письмо —, видимо, уже получили — ожидаю от Вас большое письмо.

Арт. X

¹ XV Всероссийский съезд Советов происходил 26 февраля — 5 марта 1931 г.

² Имеется в виду статья Р. Роллана «Европа, расширься или умри! Ответ Gaston Riou» (Romain Rolland «Europe, élargis-toi ou meurs! Réponse à Gaston Riou»), напечатанная в № 2 журнала «Нувель Ревю Мундиаль» («Nouvelle Revue Mondiale») за 1931 г. На русском языке статья Роллана впервые напечатана в газете «Известия» 30 января 1931 г. под заглавием «Ромен Роллан разоблачает или-Европу, защищает СССР». Статья для «Нувель Ревю Мундиаль» — ответ на статью Гастона Риу «Соединенные штаты Европы или Соединенные штаты мира?», помещенную в том же журнале.

В своей статье Роллан разоблачал антисоветскую агрессивную империалистическую сущность проекта организации европейского федерального союза, известного под названием «нац-Европа», выданного министром иностранных дел Франции А. Брианом.

Горький был восхищен этим выступлением Роллана и 15 января 1931 г. в своем письме к нему писал: «В эти дни разжигания авантюристами вражды и ненависти между народами, во дни, когда угроза новой международной войны становится все более реальной, в эти дни люди, которые умеют любить и веровать, должны говорить именно так мужественно, как говорите Вы» (Собр. соч., т. 30, стр. 204).

Статья Горького «О лининизме (Ответ корреспонденту)» была напечатана в газетах «Правда» и «Известия» 30 января 1931 г.; в «Известиях» — одновременно с названной выше статьей Роллана.

Позднее статьи Горького и Роллана были изданы небольшой брошюрой (М., ГИХЛ, 1934).

93

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 1 марта 1931 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Вместо писем, которые Вы мне стали посылать реже за последнее время, я, как и многие другие, читаю публикуемые Вами на страницах центральной печати Ваши боевые статьи¹. Это хорошо. Каждая Ваша статья неизменно бьет в одну точку и несомненно мобилизует массу вокруг большого творческого дела, которое совершается в нашем Союзе.

Недавно я вернулся из поездки по Западной области. Я уже Вам писал о том, что я был туда мобилизован для усиления дровесозаготовок. Мне сдается, что Западная область, обладающая большими лесными массивами и удачным расположением этих массивов вблизи развитой сети железных дорог и богатой системы водных путей сообщения, даст возможность в срок выполнить план. Места не так горячо взялись за это нужное дело, о чем я вкратце писал в «Правде» от 20/II с. г.² Думаю, что мне удалось несколько всколыхнуть местные силы для более успешной заготовки дров. В десятых числах марта вновь придется поехать для проверки работы.

В огизовской области дела идут с большими трудностями в связи со значительным сокращением бумажных ресурсов, отпускаемых ОГИЗу по сравнению с намеченным планом первого квартала. Эти сильно сокращенные бумажные ресурсы в свою очередь значительно сокращают наше производство. Ряд издательств сейчас перестраивает свои редакционно-издательские планы с учетом последнего дозунга, данного т. Сталиным, по овладению техникой (...)

Само собой разумеется — и ОГИЗ всячески пойдет на помощь в отношении издания больших трудов и многих серий популярных брошюр по этому вопросу.

О наших «внутренних» делах. Перелома в смысле улучшения содержания и внешнего оформления журнала «За рубежом» еще не видно, судя по первому номеру. (...) Зато, мне кажется, весьма удачным вышел и с точки зрения содержания и внешнего оформления первый номер журнала «Наши достижения». Мои соображения по этому вопросу изложены в прилагаемой при этом копии письма работникам этого журнала¹. Ближайший план работ этого журнала Вы усмотрите из протокола последнего заседания, в котором зафиксированы важнейшие постановления. Прошу Вас обратить внимание на предлагаемый состав редколлегии и сообщить мне Ваши соображения².

Сегодня начался процесс меньшевиков³. Обвинительное заключение, врученное подсудимым отдельной брошюрой, при этом прилагаю. Эти материалы для Вас, Алексей Максимович, представит особый интерес. Тяжелое впечатление оставляют эти материалы, когда убеждаешься в том, что люди, занимавшие у нас ответственные посты, всячески вредили и тормозили ход успешного строительства социализма.

Ваш приезд не за горами! Ждем Вас с большим нетерпением.
Крепко жму Вашу руку.

Ваш Арт. Халатов

1/III—31 г.

P.S.₁ Препровождаю при сем только что вышедшую книгу — контрольный экземпляр в изд(ании) ОГИЗа и Института Ленина — «В. И. Ленин. Письма к родным — период 1894 г. — 1919 г.»⁴

P.S.₂ Сейчас сидим у меня в кабинете с гг. Крючковым П. П. и д(окто)ром Горшковым и беседуем о состоянии В(ашего) здоровья. Через г. Горшкова, который к В(ам) сегодня отправляется во второй рейс, и передаю это мое письмо.

Ваш Арт. Халатов

Наилучший дружеский привет шлют Вам В. М. Проскуряков и Д. Г. Либерзон.

Арт. Х.

¹ За время с 12 февраля по 1 марта были опубликованы следующие статьи Горького: «Ураган, старый мир разрушающий» в «Правде» и «Известиях» 21 февраля 1931 г. и «Заре востока» — под заглавием «10 лет советской Грузии» — в «Правде» 25 февраля 1931 г., под заглавием «Заре востока» — в «Известиях» 25 февраля 1931 г.

² А. Б. Халатов. Вернуться лицом к лесу. Вниманию следста Советов западной области. «Правда» от 20 февраля 1931 г.

³ В своем письме к работникам журнала «Наши достижения» Халатов выдвинул ряд общих и конкретных тем, считая необходимым их включение в дальнейшие номера журнала, а также обратил внимание работников на

недопустимость опоздания выпуска журнала. Это письмо обсуждалось на заседании редколлегии и секретариата журнала.

⁴ Заседание редколлегии и секретариата журнала «Наши достижения» происходило 25 февраля 1931 г. Первым вопросом обсуждалось названное выше письмо Халатова работникам журнала. Утверждался предлагаемый состав № 2—5 журнала. По вопросу о составе редколлегии журнала было решено «оставить впредь только активно работающих членов редколлегии»: М. Горького, А. Халатова, А. Гольдмана, С. Урицкого, М. Кольцова. Ввести в состав редколлегии гг. Шкапу и Киша, считать желательным привлечение в редколлегию г. Вермишечева (по разделу сельского хозяйства), г. Завадовского (по разделу науки) и г. Розенталя (по разделу техники и производства), сообщив об этих кандидатурах Горькому. (Протокол заседания редколлегии и секретариата от 25 февраля 1931 г. — АГ)

⁵ Судебный процесс над контрреволюционной группой российских социал-демократов меньшевиков Громава, Шера, Суханова, Якубенча и других происходил с 1 по 8 марта 1931 г. На процессе были вскрыты связи русских меньшевиков с белой эмиграцией и агрессивными кругами международного империализма. Обвинительное заключение по делу меньшевистской контрреволюционной организации опубликовано в центральных газетах 27 февраля 1931 г. В связи с процессом Горьким была написана статья «О действительности» и опубликована 10 апреля в газетах «Правда» и «Известия» (Собр. соч., т. 25, стр. 453).

⁶ В. И. Ленин «Письма и родным» 1894—1919 гг. М., Соцгиз, 1931. Вступительная статья А. Ульяновой-Елизаровой — «По поводу писем Вл. Ильича к родным».

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 8 марта 1931 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Избрал свободную минуту, чтобы написать Вам по нескольким вопросам, которые не успел затронуть в письме, переданном д-ру Горшкову.

Процесс меньшевиков близится к концу. Судебное следствие вскрыло отравительную, гнусную картину предательской, интервенционистской работы так называемых «социалистов». Значение процесса огромно: он является тяжчайшим обвинением по адресу II Интернационала.

Вслед за этим, видимо, настанет очередь за группой Кондратьева-Чаянова, лица которых в достаточной степени выявились на двух последних процессах¹. Не используете ли Вы этот богатый материал о предательстве для Вашей пьесы? Правда, этот материал несколько запоздал, так как Петр Петрович мне говорил, что Вы пьесу о предателях уже написали². Прощу Вас, Алексей Максимович, если еще рано ее читать в рукописи, — сообщить коротенько построение и содержание ее.

Среди дел ОГИЗа отмечу некоторые, Вас интересующие.

Недавно у меня был К. Чуковский. Я с ним вел беседу о его дальнейшей работе в области детской литературы и согласовал с ним его командировку в ближайшее время в колхозы для того, чтобы он — мастер детской книги — овладел нужными материалами и дал бы нам высокого качества новую продукцию. При желании он это выполнить может. Я с ним также согласовал вопрос относительно переиздания некоторых его книг и его редакционной работе у нас.

Надо полагать, что Вы подробно ознакомились с работами недавно закончившейся конференции по детской литературе. Посылаю Вам содержание моего выступления². Попутно еще раз хочется подчеркнуть достоинство «Рассказа о великом плане» — Ильина⁴, которого, кстати сказать, мы включили в правление издательства «Молодая гвардия». «Правда» дала блестящий отзыв об этой книге (отзыв прилагается)³. До сих пор книга вышла в двух изданиях тиражом в 110 тыс. экз.

Я хочу обратить Ваше внимание на огромное значение последнего лозунга т. Сталина по овладению техникой, вызвавшего живейший отклик в широких массах. (...) Под углом этого лозунга сейчас перестраивается работа ОГИЗа и в первую очередь издательство научной технической литературы; правление наметило ряд конкретных мероприятий, с которыми я прошу Вас ознакомиться. (См. прил(ожение))⁴.

(...)

Я дал категорическое указание издательству художественной литературы о переиздании им ряда книг, о которых Вы неоднократно мне писали. Я имею в виду: сочинения* Помяловского, Гл. Успенского, «Деревню» Бунина и др.

Недавно вышли из печати сочинения Ник. Успенского⁵ под редакцией Чуковского. Интересно знать Ваше мнение об этой книге.

Издание тома Ваших произведений последних двух лет затягивается⁶. ГИХЛ подготовился к изданию, но, видимо, Груздев задерживает редакцию и составление этого сборника. Кстати, и Вы, ведь, хотели просмотреть план этого тома. Мне думается, что этот том следует издать в течение двух-трех месяцев и не позже.

На днях инстанцией окончательно утверждены план «Истории гражданской войны» и календарные сроки ее издания; проект предложений был внесен по согласованию с ОГИЗом — редколлегией. Из прилагаемого постановления правления Вы увидите, что все Ваши пожелания полностью учтены. Теперь следует форсировать подготовку материалов. Надо полагать, что с Вашим приездом это дело значительно продвинется и «История» будет нами издана ранее намеченных сроков⁷.

Будучи в Смоленске, я имел беседу с 18 ударниками, призван-

ными в литературу. Из этой беседы я установил крайнюю бедность литературы, которая нужна участникам рабочего призыва для их дальнейшей литработы. Прошу Вас ознакомиться с письмом ударников Западной области¹⁰. Я на этом вопросе остановился для того, чтобы спросить Вас, Алексей Максимович, не сочтете ли Вы возможным написать краткую брошюру, которая служила бы путеводителем для ударников по изучению ими литературы. Такая брошюра была бы своевременным дополнением к Вашей брошюре «Как я учился писать».

Приходится констатировать, что последний год в области художественной литературы — очень мало нам дал. Читатели питаются преимущественно той литературой, которая была издана за последние 1928 и 1929 гг.

По вопросу о ближайших творческих перспективах, о писательских настроениях — я недавно написал в соответствующие инстанции записку после нескольких бесед, которые были проведены с писателями в Москве и Ленинграде. В беседах указывалось, что из наиболее острых и наболевших вопросов — это вопрос о неудовлетворительности нашей критики, о беспринципности «Лит(ературной) газеты»¹¹, об отсутствии библиографических журналов, о слабой постановке критических отделов нашей периодики; указывалось о том, что в Ленинграде остро стоит вопрос о писательской газете и т. д. Теперь принимаем нужные меры к укреплению этого участка культурного фронта, благодаря чему создаются такие условия, которые обеспечивают увеличение творческих возможностей основного кадра писателей-коммунистов и попутчиков. Материально-правовое положение их значительно улучшено; подробно об этом побеседуем, когда приедем.

В заключение — два невеселых слова. С бумагой дело обстоит плохо, приходится без конца резать намеченные издательские планы. Разрыв между все растущими потребностями в книге и возможностями удовлетворения его увеличился в этом году. Ведь нарождаются новые миллионы читателей. А бумаги-то нет в нужном количестве.

Делаем упор во всей нашей работе на улучшение качества продукции.

Крепко жму В(ашу) руку. С наилучшим приветом

Ваш Арт. Халатов

8/III—34 г.

Р. С. Шлют Вам теплый дружеский привет гг. Проскуряков В. М. и Либерзон Д. Г., которым здорово хватает работы.

Арт. Халатов

¹ Группа Кондратьева-Чайнова под названием «Т. К. П.» («Трудовая крестьянская партия») была разоблачена в 1930 г.

² Пьеса «Сомов и другие».

³ I-я Всесоюзная конференция по детской литературе происходила в первых числах февраля 1931 г. С докладом о задачах детской литературы выступила Н. К. Крупская; выступление Халатова состоялось 5 февраля («Литературная газета», 1931, 4 и 9 февраля).

⁴ М. Ильин. Рассказ о великом плаве. М.—Л., ГИЗ, 1930.

⁵ И. Рязин. Алфавит новой России. (Отзыв о «Рассказе о великом плаве».) «Правда», 1931, 5 ноября.

⁶ Имеется в виду выписка из протокола заседания правления Объединения книжно-журнальных издательств от 22 февраля 1931 г. (АГ).

⁷ На перечисленных авторов в 1931 г. было издано только Собрание сочинений Н. И. Успенского под редакцией К. Н. Чуковского (М.—Л., ГИХЛ, 1931).

⁸ М. Горький. Публицистические статьи. М., ГИХЛ, 1931.

⁹ Постановление ЦК ВКП(б) «Об истории гражданской войны» состоялось 30 июля 1931 г. («Правда», 1931, 31 июля).

¹⁰ Беседа Халатова с рабочими-ударниками, призванными в литературу, состоялась в Смоленске 20 февраля 1931 г. (Письмо Чуковского к 17 товарищам Халатову, копия секретарю РАПП Авербаху — АГ.)

В «Литературной газете» от 17 марта 1931 г. было напечатано это письмо группы смоленских рабочих-ударников, призванных в литературу, и ответ ОГИЗа, в котором излагался ряд принятых им решений по просьбе ударников Западной области.

¹¹ «Литературная газета» (находит с апреля 1929 г.) в то время — орган Федерации объединенных советских писателей РСФСР. В 1929—1931 гг. «Литературной газете» был присущ ряд ошибок, главные из них — левящее отношение к так называемому «вонючку» («союзники или враги») и кружковщина.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

⟨Сорренто, 16 марта 1931 г.⟩

Дорогой друг,—

тыся вопросов, поставленных Вами, требует от меня весьма внимательного к ним отношения и подробных ответов. Сейчас я сделать этого не могу, ибо тороплюсь написать несколько статей в разные журналы¹, воспоминания об Ив. Вольном² для «ЗиФа» и т. д. и прочее. Отвечу через неделю. А сейчас — вот что: жена известного Вам физика А. В. Цингера пишет мне, что положение его весьма плохо — хотя он не перестает работать — и что они сидят без денег, залезли в долги, нечем платить доктору. По ее расчету, ГИЗ должен им 5 тыс. р., — в феврале им перевели 300. Нельзя ли дать им денег? Следовало бы! Его «Задачник по физике»,

«Учебная физина» и новая «Рабочая книга», — все это очень ценные работы. Очень ходатайствую о Цингере!

Процесс меньшевиков, разумеется, подлая штука, но — сугубо полезная¹! Хорошо написал мне Крючков:

«Впечатление такое: люди эти давно искали удобного случая заявить всеяродно, что они — мерзавцы; наконец получили сию возможность и — заявили!»². <...>

Крепко жму руку. Живу в настроении нетерпения, хочется в Москву скорее!

16.III.34.

А. Пешков

<...>

¹ В это время Горьким были написаны следующие статьи: «Два письма. (Товарищам Пили Мюшценбергу и В. Шатопалина. Редакция газеты «Канадский гудок»)» («За рубежом», 1934, № 4), «Народ должен знать свою историю!» («Борьба классов», 1934, № 1), «Беседы о жизни (Ленинградским работницам и крестьянкам)» («Работница и крестьянка», 1934, № 9) и др.

² Очерк М. Горького «Иван Вольнов» впервые опубликован в № 5—6 журнала «Красная нить», 1931 г., затем — как предисловие к первому тому Собрания сочинений Ивана Вольнова (М.—Л., ГИХЛ, 1931).

³ В газете «Правда» от 28 марта 1934 г. Халатов поместил статью «Наш Горький». В этой статье он привел слова Горького — «сугубо полезная штука» — о процессе меньшевиков.

⁴ Цитата из письма Н. П. Крючкова Горькому от 5 марта 1934 г. — АГ. См. также статью Горького «О действительности» (Собр. соч., т. 25, стр. 455).

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

<Москва, июль 1934 г.>

Дорогой Алексей Максимович,

согласно нашей договоренности — препровождаю только что вышедший мой доклад в ЦК — о работе и задачах книжно-журнальной печати¹ и прошу ознакомиться; через день-два максимум — хочу иметь с Вами продолжительную беседу по этому вопросу. В общем — получился интересный материал и поставлены на очередь ряд основных задач.

С наилучшим приветом.

Ваш Арт. Халатов

Р. С. Должен извиниться за Союзкино — «спровалились» — техникой далеко еще не овладели, а надо бы — пора бы, <в> близ<айшие> два <года> поправим.

Арт. X²

Датируется по времени находа доклада Халатова.

¹ «О работе и задачах книжно-журнальной печати». Доклад заведующего ОГИЗом тов. Халатова в ЦК ВКП (б). Июль 1931 г. (На правах рукописи — АГ).

² В конце письма заметки Горького красным карандашом и чернилами: «Фудлер, убийца Сакко и Ванцетти. Судья, который сознался и <проб> взятон. Б<ольшинству> газ<ет> надо верить». Можно предположить, что они относятся к статье Горького «Логика истории» (Собр. соч., т. 26, стр. 108), над которой писатель работал в момент получения письма Халатова.

97

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

<Москва, между 15 и 30 июля 1931 г.>

Дорогой Алексей Максимович.

Посылаю Вам предварительный проект обращения по поводу издания «Истории гражданской войны», который должны подписать Вы и т. Ворошилов. Этот проект составлен одним из военных редакторов. К сожалению, болезнь т. Эйдемана¹ не позволила ему принять участие в составлении проекта и его редактировании. Текст обращения, по-моему, не совсем удачен, может быть, Вы найдете время его поправить².

Тов. Ворошилов уезжает завтра и очень хотел подписать обращение совместно с Вами до своего отъезда, поэтому я прошу Вас вернуть завтра утром с Петром Петровичем утвержденный Вами текст обращения мне обратно.

С наилучшим приветом.

Арт. Халатов

Датируется на основании обращения Горького «Участникам гражданской войны», написанного 30 июля 1931 г.

¹ Роберт Петрович Эйдеман (1895—1937) — видный советский военный деятель, литвинский писатель, председатель Центрального Совета Осоавиахима, активный участник «Истории гражданской войны».

² 15 июля на заседании редакции «ИГВ» Горькому было поручено написать текст обращения по вопросу «ИГВ» (АГ). Обращение Горького «Участникам гражданской войны» опубликовано в «Правде» 31 июля.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Москва, 20—21 августа 1931 г.)

Дорогой А. Б., —

сейчас мне выдрали зубы и я уезжаю в Горки писать статью для МОПРа¹. Боюсь, что статья будет беззубой. Вернусь через 2 дня, тогда увидимся.

Прилагаю письмо Лидина², м. б., возможно удовлетворить его просьбу? А — надо бы, как думаете?

Жму руку.

А. Пешков

Кукрыниксы — отличные парни, они способны на большую работу³.

Датируется на основании ответного письма Халатова от 23 августа 1931 г.

¹ Речь идет о статье «Террор капиталистов против негритянских рабочих в Америке», опубликованной в «Правде» 24 августа 1931 г. Материал для статьи по делу в Скоттсборо был прислан Горькому Исполкомом МОПР (см. письмо В. Д. Стасовой Горькому от 20 августа 1931 г. — АГ).

² О каком письме В. Г. Лидина идет речь установить не удалось.

³ Встреча и беседа Горького с Кукрыниксами состоялась 24 августа 1931 г. на квартире писателя. В письме к Горькому от 23 августа 1931 г. (АГ) Халатов писал: «Давно, давно к Вам стремился попасть — известная Вам тройка талантливых художников-марксистов-реалистов Кукрыниксы и все никак не удавалось, и на завтра, 24/VIII, через П. П. Крочкова я условился, что они к Вам зайдут — хорошие талантливые ребята — в ОГИЗе они плотно работают, и я намерен и дальше их загружать». См. также: Кукрыниксы. Встречи с Горьким. «Литературная газета», 1938, 30 марта.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 27 октября 1931 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Не дожидаясь от Вас весточки о Вашем приезде в Сорренто¹, пишу Вам об интересующих Вас делах:

1. 22-го октября я созвал заседание секретариата по «Истории гражданской войны» с участием гг. Эйдемана, Мицга², Харитонов и Данилова, на котором мы приняли ряд конкретных решений, изложенных в протоколе, с которым я прошу Вас ознакомиться³. Для того, чтобы форсировать подготовку издания этой «Истории» мы сочли целесообразным заготовить проект постановления по вопросам, о которых Вы беседовали с Писифом Висса-

рионовичем и Климентом Ефремовичем, и путем опроса получить согласие членов редакционной коллегии. Если Вы одобрите запроектованные решения, прошу Вас их завизировать⁴.

Я обращаю Ваше внимание на последний пункт этого протокола по поднятому мною вопросу о выписке литературы по гражданской войне из зарубежных стран. Хорошо бы получить Ваши указания; может быть, Петр Петрович составит такой примерный и Вами одобренный список и отошлет его в Берлин «Межкину» тов. Теру⁵, которому мы и дадим поручение подобрать всю эту литературу, совершенно необходимую для редакторов отдельных сборников по «Истории». (Прилож(ение) 1.)

2. 23-го октября состоялось первое заседание секретариата по «Истории заводов»⁶. И тут я буду Вас просить ознакомиться с прилагаемым протоколом и прислать Ваши соображения. Сейчас мы заняты всякими организационными вопросами, и, мне думается, что энергичный тов. Тихонов совместно с тов. Шункановым⁷, выделенным по согласованию с тов. Авербахом для этой работы, поставят это дело на практические рельсы. (Прилож(ение) 2.)

3. По вопросам «Наши достижения» и «За рубежом» мы сейчас заняты выполнением тех постановлений, которые были приняты с Вашим участием. В частности, в отношении секретариата «Наших достижений»: мы даем туда тов. Новлянского⁸, о котором была речь на заседании и тем самым мы частично разгрузим тов. Шкапа, с которым достигнуто соглашение о его дальнейшей работе в журнале. Содержание первого номера разработано, и в ближайшие же дни я вплотную займусь этим делом. В отношении «За рубежом» хочу Вас предупредить, что через несколько дней ответственный секретарь журнала тов. Даевне выезжает в длительную командировку за границу. По планам своей командировки он предполагает пробыть месяц в Италии. Он обязательно заседит и поведается с Вами. Имеются шансы, что тов. Бухарцева⁹ мы заполучим в ближайшее же время.

4. (...) Если немного и задержится оформление нашего проекта об организации Комиссии, — то фактически ОГИЗ ближайшим образом возьмется за осуществление программы тех вопросов, которые были намечены совместно с Вами и которые послужили основанием для поднятия вопросов об организации специальной Комиссии по улучшению быта писателей.

5. В свое время я Вам говорил о поездке Члена Коллегии НКВД тов. Лепина в Венецию. Так как Вы этим вопросом интересовались, то посылаю Вам его доклад на XV Международном судоходном конгрессе в Италии¹⁰. (Прилож(ение) 3.)

6. Один из активнейших работников по «Истории гражданской войны» — тов. Эйдеман просил меня переслать Вам с его авторской надписью его книжку «Восстание камней».

Недавно вышедшую книжку его «На заре» я Вам дошлю¹¹.

7. Обращаю Ваше внимание на прекрасную речь, произнесенную по радио Бернардом Шоу (речь прилагается)¹².

В самом начале нашей переписки я хотел бы Вас просить, Алексей Максимович, чтобы Вы чаще присылали Ваши указания и соображения по различным вопросам нашей общей работы.

Как доехали?

Привет мой сердечный Марье Игнатьевне, Тимоше, Максиму, Петру Петровичу, Льву Григорьевичу и

Крепкое рукопожатие.

<...>

Ваш Арт. Халатов

27 октября 1931 г.

Москва

¹ Горький выехал из Москвы в Сорренто 18 октября 1931 г.

² Исаак Иванович Минц (р. 1896) — в то время член редколлегии «Истории гражданской войны»; Харламовский Харламович Харитонов (1899—?) — заведующий Военным издательством; Иван Матвеевич Данилов — заведующий редакцией «Истории гражданской войны».

³ На совещании по изданию «Истории гражданской войны» от 22 октября 1931 г. с участием названных выше товарищей обсуждались следующие вопросы: утверждение плана издания, определение типа издания, очередность издания томов, утверждение ответственных редакторов и секретарей по томам, утверждение сметы по изданию, о ценах и тираже, об организации кабинета по истории гражданской войны, а также о выписке литературы о гражданской войне из-за границы. (Протокол от 22 октября 1931 г. — АГ)

⁴ Проект постановления по первым четырем вопросам, изложенным в протоколе от 22 октября, был разослан членам главной редакции для обсуждения в рабочем порядке, так как в ближайшее время собрать совещание главной редакции не представлялось возможным. (Проект постановления главной редакции — АГ.)

⁵ П. А. Тер-Григорян.

⁶ На заседании Секретариата по «По истории заводов» от 23 октября 1931 г. обсуждались следующие вопросы: об опубликовании инструкции по «Истории фабрик и заводов» и вводной статьи Горького, о составлении библиографического обзора литературы, связанной с «Историей заводов», об издании брошюры по «Истории заводов» с предисловием Горького, об организации работы на местах, о порядке издания сборников, о списке заводов и др. (Протокол заседания — АГ)

⁷ Николай Георгиевич Шуняков — ответственный секретарь редакции «Истории фабрик и заводов».

⁸ По-видимому, речь идет об Н. И. Новалинском, авторе брошюры: «Ударники труда» (М.—Л., Горное издательство, 1932) и «Шесть условий победы — за торф» (М.—Л., Новосибирск, Горное издательство, 1933). В редакцию журнала «Наши достижения» Новалинский не вошел.

⁹ Дмитрий Павлович Бухарцев (1898—1956) — журналист, публицист, с 1931 по 1934 гг. — старший научный сотрудник Института мирового хозяйства Коммунизма, в 1932 г. — член редколлегии журнала «За рубежом».

¹⁰ Карл Михайлович Ленин на XV Международном судоходном конгрессе в Венеции 12—23 сентября 1931 г. прочитал доклад «Водный транспорт в СССР в период реконструкции».

¹¹ Р. П. Эйдемук. Восстание камней и другие рассказы. Изд. 2, доп. М.—Л., ГИХЛ, 1931.

На титульном листе книги дарственная надпись автора: «Инициатору «Истории гражданской войны», дорогому Алексею Максимовичу от одного из участников этой войны. Р. Эйдеман. 22.X. 31» (АГ).

Р. П. Э й д е м а н. На заре. (Рассказы.) М.—Л., ГИХЛ, 1931.

¹² По-видимому, имеется в виду речь Бернарда Шоу по радио в Америку о поездке в СССР. Эта речь была напечатана в Лондоне отдельной брошюрой («Look you boob...! What Bernard Shaw told the Americans about Russia. His famous broadcast»). L., Friends of the Soviet Union, 1931. (Бернард Шоу. Био-библиографический указатель к 100-летию со дня рождения. М., изд. Всесоюзной книжной палаты, 1956, № 165, стр. 36). Перевод этой речи был напечатан в «Правде» 13 апреля 1932 г.

100

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 6/XI — 31 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Нынче днем ко мне позвонил тов. Николаев, что сегодня едет к Вам в Сорренто.

Я утром послал Вам телеграмму с приветствием к 14-й годовщине Октября, и сейчас пользуюсь случаем написать Вам несколько строк. (...)

Нам надо сейчас наметить программу действий на наступающий год и развернуть большую работу. Ваше ближайшее участие в этой борьбе совершенно необходимо. Нам надо с Вами посоветоваться об этих предстоящих делах. На днях я пошлю Вам подробное письмо по поводу намеченных основных мероприятий и буду ждать Ваших замечаний и предложений.

Недавно закончилась конференция по борьбе с засухой, этим вопросом Вы интересуетесь. Значение этой конференции в широком плане хозяйственного строительства и развития сельского хозяйства очень велико. Я думаю, Вы из газет уже ознакомились с ходом конференции и ее основными докладами¹. (...)

Издание научно-популярных книг по вопросам борьбы с засухой, несомненно, одна из наших боевых задач.

Получил интересное письмо от Романа Розлана, посылаю его с копией моего ответа — Вам для ознакомления².

Дела по изданию «Истории заводов» начинают двигаться. Было два заседания Секретариата, на которых двинули ряд практических вопросов и окончательно отредактировали инструкцию. В ближайшие дни инструкция и Ваша статья должны быть опубликованы³. После этого, несомненно, развернется широкая практическая работа. Прилагаю инструкцию.

В данный момент все больше и больше внимания уделяем вопросам изобразительной статистики. Приехал в Москву д-р Нейрат и

начинает у нас работу. Организовали специальный Институт по изостатистике при ОГИЗе⁴. В первую очередь развернем издание диаграмм, посвященных нашим хозяйственным планам и достижениям. Это будет агитационно-пропагандистским орудием большой силы.

На днях за границу выезжает детский писатель Ильин. В ближайшее время поедут Авербах и Чумандрин. На очереди поездка Михаила Слонимского и Рафаила. Очевидно, большинство из них посетит Вас.

Привет Макс, Тимоше и Петру Петровичу.
Крепко жму руку.

(...)

Арт. Халатов

Р. С. Препровождаю только что вышедший очер(едной) № 9 Москва советская «СССР на стройке»⁵ и фото-книгу «Город Ленина»⁶.

Привет.

Арт. Халатов

¹ Всесоюзная конференция по борьбе с засухой происходила в Москве 26—31 октября 1931 г. На конференции был поставлен ряд докладов о причинах засухи и борьбе с ней. С докладами выступили: профессор Н. И. Вавилов, академик В. Р. Вильямс, профессор Н. М. Тулайков, агроном, ныне академик Т. Д. Лысенко и др.

² Имеется в виду письмо Р. Роллана Халатову от 15 октября 1931 г. В своем письме Роллан похвалил книги, особенно иллюстрированные, полученные от Халатова: «Искусство советского Востока», «История цирка», «История театра», «Искусство ткани», «Три цвета времени» А. К. Виноградова, «Воспоминания Бодотона», книги Шекспира, поэмы Пастернака и Садовьева и других и посоветовал Халатову обратить внимание на мемуары де Реда и Сен Симона (Копия письма — АГ).

³ Статья Горького «История фабрик и заводов» была опубликована 7 сентября в газетах «Правда» и «Известия».

Постановление ЦК ВКП(б) об издании «Истории фабрик и заводов» состоялось 10 октября 1931 г. и опубликовано в «Правде» 11 октября. Инструкция главной редакции «Как писать „Историю фабрик и заводов“» опубликована в газетах «Правда» и «Известия» 28 ноября.

⁴ В 1931 г. в Москву был приглашен ОГИЗом из Германии д-р Нейрат для постановки дела изостатистики в СССР. Для этой цели правительством было отпущено большое ассигнование в валюте. Параллельно с работами д-ра Нейрата ОГИЗ решил поставить тогда же в 1931 г. издание изостатистики по темам: «СССР в империалистическом окружении», «Женщина в общественной и производственной жизни СССР», «Физкультура и спорт», «Вторая пятилетка» и др. (Письмо М. А. Рафаила — Горькому от 10 ноября 1932 г. — АГ).

⁵ № 9 журнала «СССР на стройке» за 1931 г. был посвящен Москве.

⁶ «Город Ленина в социалистическом строительстве». Составитель В. Н. Гросс. Фото-книга. М.—Л., ОГИЗ, Изогиз, 1931.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

«Сорренто, 14 ноября 1931 г.»

Дорогой Артемий Багратович,—

с большим огорчением должен сказать, что издание книжки «Город Ленина» есть один из актов, похвалить за которые ОГИЗ — никак невозможно. Не говоря о том, что на хорошей бумаге даны скверные, слепые снимки, о том, что не даны снимки «дворцов культуры» Нарвского, Выборгского и других, не показаны новые школы, Марсово поле, портовые сооружения, не говоря вообще о бездарном оформлении книги, разрешите указать Вам на то, что издание вторгается в круг ведения журнала «СССР на стройке». Зачем ОГИЗу потребовалось плохое издание вполне параллельное хорошему? Какие основания побудили ОГИЗ испортить массу хорошей бумаги на 25 (тыс.) экз. этой никому не нужной книжки? Плохое дело.

Вы извините меня, но в области наиболее знакомой мне, в ГИХЛе и в ИЗОГИЗе — ОГИЗ работает все хуже и хуже, все более небрежно и лениво. «Сборник беспризорников»¹, маленькая книжка, печатается год, а в Англии уже давно вышли рассказы, вошедшие в этот сборник. История с «Записками» Макаренко о Харьковской колонии беспризорных — темна и загадочна². Почему книга, одобренная редакцией, не печатается вот уже более года? Почему на запросы автора ГИХЛ не отвечает? Первые листы книжки Исаха «Искушение»³ напечатаны на такой бумаге, что читать ее невозможно, краска прошла насквозь. Читатель наш — терпелив, но — не следовало бы злоупотреблять его терпением. Почему ГИХЛ издает такую кучу шпес, которые нигде не ставятся?

Я мог бы указать еще десятки примеров небрежной, ненужной работы, но, пожалуй, будет лучше, если я повторю мой дружеский Вам совет: введите в ГИХЛ грамотных людей, которые знают и любят книгоиздательское дело. Дайте им хорошие условия, пайки и — возложите на них строжайшую ответственность за работу вплоть до штрафов, до привлечения к суду за небрежность, которая в наших условиях равна вредительству.

То, что Роллан хвалит издания ОГИЗа не должно закрывать Вам глаз на плохую работу, ведь Вы послали Роллану наиболее удачные издания. К тому же Роллан — любезный человек, да и вообще — Франция любит говорить комплименты даже когда он — Лаваль, т. е. — высококвалифицированный жулик и негодяй⁴.

Очень сожалею, что принужден написать Вам такое письмо, но мне искренно хочется помочь Вам. Слышал, что Вы не совсем в порядке, — в чем дело?

Опять легкое? Вам бы отдохнуть надо.
Крепко жму руку. Будьте здоровы.

А. Пешков

Да, — вот что еще: книги Роллана у нас не печатаются, а Т. Драйзера — печатаем. Сие обстоятельство отмечено в какой-то французской газете. Роллану едва ли приятно было прочитать это. Вы, весной, предполагали переговорить по этому поводу с «Временем»¹.

А. П.

14—XI—31.

¹ Речь идет о книге с предисловием Горького «Вчера и сегодня». Альманах бывших правонарушителей и осужденных, № 1. М.—Л., ГИЗ, 1931.

² Имеется в виду «Марш тридцатого года» А. С. Макаренки. В связи с этим Халатов писал в ГИХЛ 1 января 1932 г.: «Рукопись Макаренки «Марш тридцатого года», о которой мне несколько раз писал Горький, окончательно отредактирована и в январе сдается в набор» (АГ). Книга вышла в 1932 г.

³ В тексте описана. Речь идет о книге А. Исаева «Крушение» (М.—Л., ГИЗ, 1931).

⁴ Пьер Лаваль (1883—1945) — реакционный французский политический деятель, фашист.

⁵ В 1928—1930 гг. сочинения Т. Драйзера под общей редакцией С. С. Динамова выходили в двух изданиях в изд-ве «ЗиФ». Второе издание завершалось Государственным издательством художественной литературы.

Фундаментальное собрание Сочинений Р. Роллана начало выходить в 1930 г. в издательстве «Время» и закончено ГИХЛом в 1936 г.

102

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 8 декабря 1931 г.)

Товарищи!

Разрешите обратить внимание ваше на скандальную безграмотность каталогов¹, выпускаемых вами.

По этим каталогам выходит так, что Нестор летописец, написал книгу о Приселкове, а Шарль Фурье об Августе Бебеле. Кто это «Олег, князь», написавший нечто, названное им «Князь Олег»? Что именно написал он: повесть, автобиографию, поэму?

Не первый каталог украшен такими шуточками. И — знаете, какое впечатление получается у меня? Мне кажется, что тут к малограмотности примешано и озорство, потому что некоторые титулы книг печатаются правильно. Считаю нужным сообщить Вам, что если каталоги не будут исправлены, — я опубликую мои соображения по поводу небрежности или озорства, допускаемого вами в серьезном, ответственном деле.

М. Горький

8.XII.31.

¹ Речь идет об антикварных каталогах, издававшихся «Международной книгой».

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, 22 декабря 1931 г.〉

Дорогой Артемий Багратович, —
у Тынянова Ю.А.¹ опасно больна дочь, ее нужно отвезти в Гамбург, где находятся специальные «Институты» для лечения септических заболеваний.

Убедительно прошу Вас помочь Тынянову отвезти дочь в Германию. Работник он ценнейший и помощь заслужил вполне. Очень прошу — устройте это поскорее².

Вы что же не пишете мне? Рассердились? Напрасно, А(ртеми) Б(агратович). Ведь я худого Вам не хочу и когда ругаюсь, так это потому, что у нас развивается явный кризис книги.

Будьте здоровы.

А. Пешков

22.XII.31.

Прилагаю письмо вдовы проф. Чупрыникова, о заслугах коего могу сказать маловато, ибо знаю только то, что он участвовал в квартете бр(ат)ев Кедровых³.

¹ Описка Горького.

² Из писем Ю. Н. Тынянова к П. П. Крючкову известно, что просьба его была удовлетворена.

Жена Тынянова с дочерью выехали в Германию 22 января 1932 г. (АГ).

³ По-видимому, речь идет о пенсии для вдовы певца, профессора Петроградской консерватории Митрофана Михайловича Чупрыникова (1856—1918).

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

〈Сорренто, декабрь 1931 г.〉

Халатову

Москва

Госиздат

Очень прошу Вас поддержать Виноградова против Ионов, который зря травит его¹. Если Виноградов будет устранен от работы (по) «Истории молодого человека», я привлеку Ионина к общественному суду, обвиняя в разрушении социально полезного предприятия. Поведение Ионина граничит с вредительством.

Горький

Датируется по сооставлению с письмом Горького М. Е. Кольцову от 8 декабря 1931 г. и ответному письму Кольцова от 25 декабря того же года (см. переписку Горького с М. Кольцовым во второй части настоящего тома).

¹ О характере конфликта между А. К. Виноградовым и И. И. Ионовым см. переписку Горького с Ионовым в настоящем томе.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 15 января 1932 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

ОГИЗ и издательское дело начали четвертый завершающий год пятилетки. Мне хочется поделиться с Вами некоторыми соображениями о работе в этом году, получить Ваше мнение и поддержку в некоторых вопросах.

В этом году исполняется 15-ти летие Октября, а также завершается пятилетка и исполняется десятилетие конституции. Это будет событием мирового значения, и обязанность нашей печати широко осветить эту дату, организовать не только трудящихся Союза, но и трудящихся Запада вокруг величайших достижений партии, советской власти и рабочего класса.

Я сегодня ихожу в Центральный Комитет с предложениями о тех мероприятиях, которые нужно было бы по издательской линии провести в связи с юбилейной датой. Если ставить это дело широко, то надо развернуть работу уже сейчас. Мне кажется, Алексей Максимович, что было бы очень хорошо, если бы Вы приняли непосредственное участие в этом деле, а именно, взяли бы на себя написать небольшую художественную книгу, подводящую общий итог достижений советской власти, выпукло показывающую, что дала советская власть трудящимся Союза. Такую книгу, которую мог бы и должен был бы прочитать каждый рабочий-ударник, каждый колхозник-активист. Для этой книги мы подберем Вам весь необходимый материал, характеризующий узловые вопросы советского строительства за 15-летие, цифры и материалы выполнения пятилетки. Очень прошу Вас согласиться на это мое предложение и написать мне, какой материал Вам нужен и в каком разрезе Вы думали бы построить такую книгу.

Мы вошли в новый год с чрезвычайно повышенными требованиями со стороны партийной и советской общественности к качеству нашей книги. <...>

Помните, Вы неоднократно ставили вопрос о роли редактора в работе наших издательств, об огромной его ответственности в создании новой литературы. Сейчас этот вопрос стал перед нами исключительно остро. Почти во всех основных издательствах за прошлый год были идеологические провалы. Это объясняется недостаточной классовой бдительностью нашего редакционного аппарата, недостаточной его подготовленностью. Сейчас вопрос о работе редактора, о его роли надо ставить по-новому. Очевидно, что с одной стороны нам нужен редактор, который действительно мог бы обеспечить ответственное, авторитетное для автора редактирование рукописи, который по своим знаниям удовлетворил бы

полностью требованиям к нему, предъявляемым на данном этапе, а с другой стороны — мог бы выступать в качестве организатора литературы, руководителя и помощника авторов, воспитателя начинающих авторских кадров. Я думаю, что сейчас нужно было бы опубликовать какое-то письмо к редактору и автору, которое бы мобилизовало бы всю нашу общественность вокруг этого вопроса и заставило бы и редактора и автора больше думать о результатах своей работы. Интересно было бы, если бы Вы поделились своими соображениями на этот предмет.

Несколько слов о перспективах нашей художественной литературы. Целый ряд прорывов в этом году имел место по линии литературно-художественных журналов. Вы, вероятно, уже знаете о том, что Полоцкий снят с редакции «Нового мира» и вместо него ответственным редактором назначен И. М. Гронский. «Красная нона» также сделала ряд ошибок, а сейчас новый портфель «Красной ноны» очень слаб и мы еще далеки от того, чтобы этот журнал стал ведущим. Но я думаю, и больше того, я уверен в том, что в этом году художественная литература будет иметь новые достижения, что творчески этот год будет интересным. К сожалению, перспективы издания художественной литературы недостаточно благоприятны. Во всяком случае в этой области нам предстоит преодолеть большие трудности. План работы Художественного издательства (ГИХЛ) из-за недостатка бумаги в этом году очевидно будет меньше, чем в 1931 году.

Мы продолжаем бороться с бумажной промышленностью из-за более высоких темпов ее развития, но она еще не сумела преодолеть своих внутренних недостатков, и ОГИЗ в целом получит в этом году бумаги очевидно процентов на 30—40 меньше, чем в предыдущем году (рост будет иметь место главным образом по технической, партийной литературе и по национальным издательствам). В таких условиях, конечно, еще более остро встает вопрос о том, что надо издавать лучшее, надо добиться того, чтобы наши минимальные ресурсы были бы использованы так, чтобы действительно дать рабочему и колхознику наиболее ценную книгу, книгу, которая помогла бы нашей общей борьбе. Вы в свое время несколько раз ставили вопрос относительно литературных вкладок в газеты. Я думаю, что сейчас, когда мы безусловно сможем выпускать самую ограниченную часть творческой продукции писателей, этот вопрос приобретает очень большое значение. Я думаю, что с Вашей помощью мы могли бы добиться организации такой литературной вкладки либо в «Правде», либо в «Известиях» и через нее организовать творческое соревнование между писателями и печатать там действительно для миллионов лучшие произведения и очерки.

В этом году мы получаем две новые вещи Шолохова. Этот талантливейший писатель открывает нам этот литературный год, он, так сказать, явится зачинщиком того творческого соревнова-

ния, которое нам нужно организовать. Шолохов наконец закончил третью часть «Тихого Дона»¹ и дал новый роман², о котором все, читавшие его, без исключения дают самые положительные отзывы. Отрывки из этого романа уже печатались в газетах и производят самое положительное впечатление. Полностью роман начнет печататься в «Новом мире».

Не знаю каковы творческие дела у Фадеева. Его, с отъездом Авербаха и Киршона сильно загрузили организационной работой³. Леопов работает над новым романом, но двигает его пока медленно⁴. Был у меня на днях Толстой. Он закончил «Черное золото» и теперь работает над «Ижорским заводом». Нам надо ему всячески помочь, чтобы он скорее справился с этой новой для него темой. Он ссылается на Ваше приглашение приехать к Вам и я ему оказываю в этом деле помощь. Хорошо было бы, если бы Вы черкнули два слова по этому поводу. Это помогло бы ускорить его отъезд⁵. За границу собирается поехать Слонимский, которому посещение Германии необходимо для его работы над новым романом⁶. Постараюсь и ему помочь. Имею ряд писем от Чумандрина из Берлина, который не только там лечится, но и довольно интересно работает. Судя по его письмам, думаю, что поездка расширит его кругозор и поможет его творческому росту⁷. От Федина опять давно не имею писем, очевидно, здоровье у него неважно⁸. Ильин — тоже в Германии, лечит свой туберкулез. Я организовал ему сбор материалов для его новой книжки об электрификации. Он очень этим интересуется и, по выздоровев, очевидно, даст новую хорошую вещь⁹. По линии драматического творчества в этом году пока довольно слабо. Единственно, о чем можно говорить, это «Страх» Афиногенова (Вы его видели, кажется, в Ленинграде). Сейчас «Страх» с большим успехом идет в Художественном Театре, но мне кажется, что дело больше в игре актеров¹⁰.

Как Ваши дела с четвертым томом «Клима Самгина»?

У меня твердая уверенность, что в этом году по художественной литературе мы будем иметь новые крупные вещи. Надо активно помочь писателям, надо убедить их в том, что их обязанность приветствовать 15-летие Октября созданием новых «Магнитостроев» литературы.

По «Истории заводов» Вас, вероятно, информирует Петр Петрович. Я со своей стороны оказываю им всяческое содействие и думаю, что план этого года мы выполним. Сейчас подготовили издание первого номера внутреннего бюллетеня, который должен давать материал всем практически работающим по организации этого издания. Кроме Тихонова, в работу органически вошел Шупков. Я с ним несколько раз говорил и думаю, что он многое сделает для развертывания этой работы. Плохо у нас дело с «За рубежом». Сегодня — завтра покидаюсь с Радеком¹¹ и намечу с ним вместе практические мероприятия по этой линии, и тогда напишу Вам. По линии Ваших изданий решили к ноябрю закончить

второе издание полного собрания Ваших сочинений¹² и выпустить еще ряд книг. Это нам необходимо, так как вообще Ваши произведения сейчас достать трудно и, кроме того, когда исполнится 40-летие Вашей литературной работы, напор читателей будет большой и надо к этому подготовиться. Материалы для биографии И(осифа) В(иссарионовича) мы Вам послали, напишите мне — не нужны ли Вам какие-либо еще материалы, и когда Вы думаете нам ее дать¹³. Вы мне писали в последнем письме, Алексей Максимович, что я Вам не пишу. Вы знаете, что пишу я Вам с большой охотой, но так как на посланные мною после Вашего отъезда два письма и не имел от Вас ответа, то я думал, что Вы сейчас перегружены литературной работой и поэтому некоторое время решил подождать.

Буду с нетерпением ждать Вашего письма по поводу затронутых мною вопросов и о Ваших личных планах и перспективах. Крепко жму руку.

Арт. Халатов

15/1—32 г.

¹ Над третьей частью романа «Тихий Дон» М. А. Шолохов работал с 1928 по 1931 г. Впервые эта часть романа была опубликована в журнале «Октябрь» (№ 1—3 за 1929 г. и № 4—8 и 10 за 1932 г.).

² Речь идет о первой книге «Поднятой целины». Впервые роман опубликован в журнале «Новый мир» (№ 1—9 за 1932 г.). Отрывок из романа под заглавием «Путь туда — единственный...» был напечатан в «Правде» от 6 января 1932 г.

³ А. А. Фадеев, В. М. Киршон, Л. Л. Авербах — в то время руководители Российской ассоциации пролетарских писателей РАППа.

⁴ По-видимому, речь идет о романе «Скутаревский», над которым Л. Леонов начал работать в конце 1930 г. Впервые роман был напечатан в № 5—9 журнала «Новый мир» за 1932 г.

⁵ Роман «Черное золото» был напечатан в № 1—12 журнала «Новый мир» за 1931 г. «История Ижорского завода» не была написана А. Н. Толстым. В рукописном отделе ИМЛИ им. А. М. Горького хранится материал, собранный А. Н. Толстым для создания этой книги.

А. Н. Толстой просил Государственное издательство содействовать его поездке в Италию к Горькому: «М. Горький, — писал он, — постоянно советовал мне, теперь же, в начале 1932 г., приступить к написанию второй части романа «Петр Первый» и предложил начать эту работу в Сорренто, где я буду находиться в постоянном общении с ним». («Горький и советские писатели. Неизданная переписка». Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 408).

А. Н. Толстой пробыл в Сорренто с 28 марта по 18 апреля 1932 г. и вернулся в СССР вместе с Горьким 25 апреля.

⁸ Поездка М. Л. Слонимского в Германию (в Берлин, Мюнхен, Сал-Блазиев) состоялась летом (июль-август) 1932 г. В результате была написана «Повесть о Ленине», а также очерки и рассказы: «Берлин», «Фашисты в Мюнхене», «Блаужданин», «Католический бог».

⁷ М. Ф. Чумандрин пробыл за границей с ноября 1931 г. по февраль 1932 г. По впечатлениям о пребывании в Германии им был написан роман «Геранция» (Л., ГИХЛ, 1933).

⁸ К. А. Федяев лечился в то время в туберкулезном санатории в Давосе (Швейцария).

* М. Ильин лечился в то время в Хинтершартене (Германия).

Замысел написать книгу об электрификации возник у М. Ильина в 1931 г. 12 сентября Ильин писал Горькому: «Я обдумываю сейчас новую книгу — о генеральном плане электрификации СССР. Проблема генерального плана так грандиозна, что эта тема сама по себе очень трудна». 9 января 1932 г. Ильин писал: «Много читаю — все, что может пригодиться для моей новой книги. В Москве для меня собирают материал, так что работа не стоит» (АГ). Книга «Горы и люди» (М., Детгиз, 1935) вышла в свет с предисловием Горького.

¹⁰ Премьера пьесы А. Афиногенова «Страх» на сцене МХАТа состоялась 24 декабря 1931 г.

¹¹ В это время Радек был заместителем ответственного редактора журнала «За рубежом».

¹² Имеется в виду второе издание Собрания сочинений Горького, т. I—IV. (М.—Л., ГИХЛ, 1931—1932 гг.)

Первое издание Собрания сочинений Горького осуществлено в 1928—1930 гг. (т. I—XXIII, редакция и комментарии И. Груздева).

¹³ Биография Сталина Горьким написана не была.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, после 23 января 1932 г.)

Дорогой Артемий Багратович,—

от предложения Вашего написать «художественную» книгу о достижениях 15 лет — решительно отказываюсь. Дело это — не мое, да и времени у меня для такой сложной работы — нет, ницте другого, а еще лучше — других. Кого-либо *одного*, кто справился бы с такой задачей я — не вижу и даже не представляю. Работу эту можно одолеть только коллективно, группой. А потому и советую Вам: не медля начинайте с Горбуновым, Фадеевым, Либединским, они, вероятно, подберут и других товарищей для этого дела.

А у меня работы и без того — на сажень сверх головы. Мы с Авербахом надумали тут ряд предприятий зрелищных-театральных — к Октябрю¹. Мне нужно сделать сценарий на тему о беспризорниках², проредактировать пьеску, написанную коллективом ленинградских рабочих³, ответить на письмо американцев⁴, выработать три плана новых изданий⁵, написать пьесу⁶ и пр. и т. д. А сверх всего — работа над Самгиным. Да корреспонденция. Петр Петров сообщает Вам копию моего письма Ионову⁷. Вы хорошо сделали, что обратились в ЦК с жалобой на этого неизлечимого склочника.

Его выходка против Вас в «Правде» и на заседании правления «Академии» заслуживает, чтоб Вы его притянули к партсуду.

О «Страхе» Вы судите едва ли правильно, эта пьеса — крупный шаг вперед пролетарской драматургии.

Что за канитель началась с «Библиотекой поэта»? *

Ну, писать больше — некогда.

А «История войны» все задерживается? Это очень плохо¹⁰.
Сердечный привет.

А. Пешков

Датируется по ответному письму Халатова Горькому от 3 февраля 1932 г.

¹ Об этом замысле Горький писал Ю. Н. Либединскому 26 января 1932 г.: «Мы с Авербахом наметили несколько тем, которые следовало бы разработать к 15. Нужно «собоарение» — 15-ти лет политической жизни Европы и нашей. Нужна сатира — пусть примитивная.

По всем этим темам и готовлю план, который Авербах сообщит Вам» (АГ).

² Сценарий «Преступники» написан по материалам Болшевской трудовой коммуну ОГПУ (См. Собр. соч., т. 18).

³ Имеется в виду пьеса «Салот», написанная коллективом самодеятельного рабочего театра ЛАПП. Замечания о второй редакции пьесы Горький высказал в письме театру ЛАПП от 29 января 1932 г. (Собр. соч., т. 30, стр. 233—237).

⁴ Имеется в виду статья «С кем вы, мастера культуры?» (*Отчет американским корреспондентам*). Впервые статья была напечатана одновременно в газетах «Правда» и «Известия» от 22 марта 1932 г. Письмо американских корреспондентов (Д. Смитс и Т. Моррисона) в архиве А. М. Горького не обнаружено.

⁵ Возможно, имеются в виду планы намеченных Горьким изданий: «История женщины в XIX веке», «История кулака», «История городов, как история русского быта» (См. в настоящем томе письмо Горького к И. И. Новову, датированное декабрем 1931 г.).

⁶ Работа над пьесой «Достигаев и другие» была закончена в конце 1932 г.

⁷ Речь идет о письме от 23 января 1932 г. (см. Горький — Новов, письмо 14).

⁸ См. примечание 2 к письму 11 Горького И. Новову.

⁹ См. письма 107, 108.

¹⁰ План издания «Истории гражданской войны» был утвержден в мае 1932 г. Напечатан в газете «Правда» 23—27 мая 1932 г.

107

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 3 февраля 1932 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Очень сожалею, что мне не удалось убедить Вас написать книгу о достижениях пятнадцати лет. Буду по Вашему совету беседовать об этом с Фадеевым, Либединским, Горбуновым и другими писателями. Хотелось бы иметь Ваше согласие написать предисловие к этой книге, если работа по ее созданию будет успешна. План книги пришлю Вам и будем просить Вашего мнения.

На Магнитострое пущена 31 января первая домна, это новая наша большая победа. Мы выпустили к этой дате первый номер «СССР на стройке» за 1932 г., посвященный Магнитострою и раздаем его на XVII партконференции¹. Этот номер я посылаю Вам. Вы увидите, что он сделан по новому. Мы попытались дать

параллельно с показом строительства историю деревенского парня Виктора Калмыкова, который вырос на строительстве и передового бойца социалистической стройки. Мне кажется, что это новое начинание журнала имеет большое политическое значение. 1931 г. «СССР на стройке» закончил также удачным номером «Путь советских нефтяников», в котором, учитывая Ваши пожелания, мелкие фото сведены до минимума и даны крупные выигрышные снимки. Черкните Ваше мнение по поводу этих номеров. В ближайшие дни будет заседание редколлегии с участием гг. Пятакова, Гринько и др.², где мы подробно поговорим о планах журнала на 32 г.

По вопросу о «капитали» с «Библиотекой поэта» я ничего не знаю. Бумагу я для нее выделил. В ближайшие дни я буду в Ленинграде и на месте сделаю все возможное.

Об «Истории заводов» Вас информирует Петр Петрович. Ему пришла хорошая мысль вовлечь в эту работу редакции газет и некоторых журналов, которые возьмут на себя организацию написания истории отдельных заводов. Мы это реализуем. Я использую партконференцию для переговоров с рядом товарищей о форсировании работы по истории заводов на местах. На днях в Ленинграде вышел сборник Ваших публицистических статей, который П. П. Вам послал³.

В ближайшие два месяца намечая провести ряд совещаний с писателями, поэтами и художниками по творческим вопросам, с целью активизации их работы по созданию произведений к 15-й годовщине Октября. Материалы этих совещаний пошлю Вам.

Видали ли Вы комплект книг к ленинским дням, выпущенный «Молодой гвардией»⁴, и как Вы оцениваете это новое начинание.

На днях открылась выставка работ Палехских кустарей, удачно оформленная и пользующаяся вниманием⁵.

Я был прав, когда писал Вам в последнем письме, что Вы, очевидно, перегрузились литературной работой. Программа этой работы Вашей, изложенная в Вашем последнем письме, действительно огромна.

Желаю Вам всяческого успеха в ее выполнении.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

3/II—32 г.

Р. С. Прилагаю письмо т. Эйдемана по поводу «Истории гражданской войны» и т. Рафаила об «Истории заводов»⁶.

Арт. Халатов

¹ XVII конференция ВКП(б), посвященная итогам развития промышленности за 1931 г. и задачам на 1932 г., проходила в Москве с 30 января по 4 февраля 1932 г.

² Г. Л. Пятаков был ответственным редактором журнала «СССР на стройке». Г. Ф. Гринько (наком финансов СССР) входил в состав редколлегии журнала.

³ М. Горький. Публицистические статьи. Ред. и примеч. Н. А. Груздева. М.—Л., ГИХЛ, 1931.

⁴ Речь идет о семи брошюрах, изложенных в отдельную папку, озаглавленную «О Ленине. О комсомоле». М., «Молодая гвардия», 1932.

⁵ См. каталог выставки — «Искусство Палеха» (составил В. М. Васильев). М., Всесоюзхудожник, 1932.

⁶ Имеется в виду копия письма начальника Военной академии РККА Р. П. Эйдемана в главную редакцию «Истории гражданской войны» (с пометками и замечаниями Горького хранится в АГ) и брошюра М. А. Рафиняца «За большевистскую историю заводов». (Л.—М., ГИХЛ, 1931.)

В письме Эйдемана ставился вопрос о характере построения томов по «Истории гражданской войны».

Эйдеман предлагал составить каждый том из двух-трех отдельных выпусков. В первом выпуске должны были быть напечатаны статьи «научного характера (оперативно-стратегический очерк, характеристика политической обстановки и т. д.)», а в остальных выпусках — иллюстративный материал — воспоминания участников, художественные произведения, отдельные интересные документы и т. д.).

На полях письма Горький дважды написал красным карандашом «Против», а в конце письма сделал следующую приписку: «Ориентироваться на Ленина — на простоту, связность изложения, стратегия входит в материал».

Горький считал, что каждый том должен представлять собой целостное произведение: «Представьте себе, — говорил Горький, — что, например, т. Фадеев берет тему по Дальнему Востоку. Подбирает группу литераторов, участников событий того времени. Он работает вместе с военным редактором, который проверяет весь стратегический смысл событий, и редактором политическим, который оспаривает вопрос с идеологической стороны. Тогда получится, несомненно, цельное произведение, которое уложится в один из томов».

(Стенограмма заседания редколлегии «ИГВ» 10 августа 1931 г. у Горького. — АГ).

108

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 17 февраля 1932 г.)

Дорогой Артемий Багратович, —

о «Библиотеке поэта» я написал Вам,¹ потому что из Ленинграда мне сообщали: «В результате переговоров с ГИЗом — 15 тонн нашей бумаги остались у него».

В свое время мне показалось, что культурно-воспитательное значение «Б(иблиотеки) > поэта» для наших стихотворцев Вами очень хорошо понято и горячо принято. Разумеется, я тоже понимаю, что кризис бумажный страшно стесняет размах работы ГИЗа. Но 15 тонн — много ли это? И я еще раз повторю, что масса бумаги непроизводительно тратится на плохие книги и ведомственные издания. Продукция ГИХЛа становится все более никчемной, уродливой и к стати уже технически небрежной.

12-й № «СССР на стройке» — весьма солиден и на иностранцев действует внушительно. А 1-й 32-го отлично хорош и наводит на такую мысль: уменьшить его размеры до нормальной книжки, сохранить все снимки по истории карьеры Калмыкова и дешево

издать для иностр(анных) рабочих. Для американцев, кажется, это удастся. Для европейцев — попробую. Сейчас у меня живет некий парижанин, широко осведомленный¹. Между прочим он указывает, что даже «Обществ(о) друзей России» получало «На стройке» неаккуратно, а некоторых №-ов совсем не получает. Значение журнала он считает весьма солидным. Из всего, что говорит он, американец Лонг и еще один швед, — явствует, что нам необходимо давать иностранцам как можно больше «духовной пищи». Интерес к Союзу растет в прогрессии геометрической и особенно восхищаются люди, «каждущие мира и порядка», нашим поведением на Дальн(ем) Востоке. Весьма интересуется интеллигентов Америки и Европы «культурная работа партии и правительства». Это — естественно: интеллигент считает себя мастером в деле строительства культуры. Чорт с ним, пусть утешается, лишь бы учился относиться к нам более серьезно и не слушал подлых наветов на Союз своей гнусной прессы.

Всего доброго! В цивилинно полувоенном виде Вы — красавец². Но сей вид налагает на Вас обязанность воевать против бумажных врагов и против врагов, бесполезно пожирающих бумагу. Как мельник в «Русалке» я стар и ворчлив становлюсь, хотя мельник говорил о себе — «шаловлив». Мне шалить некогда, но — хочется.

Жму руку.

А. Пешков

17.11.32.

¹ Владимир Познер (р. 1905) — прогрессивный французский писатель и публицист, член компартии Франции. Детство и юность провел в России. Семья В. Познера была тесно связана с русскими литературными кругами, в частности, с Горьким.

О своих встречах с Горьким в 1932 г. В. Познер рассказал в книге воспоминаний о Горьком («Souvenirs sur Gorki», Paris, 1957).

² К письму от 3 февраля 1932 г. Халатов приложил две свои фотографии.

Дорогой Артемий Багратович, —

разрешите сообщить несколько дополнительных соображений по делу об издании книги о достижениях за 15 лет.

Предлагая мне написать такую книгу, Вы слишком высоко оцениваете мои силы и мою осведомленность. Книга эта не должна быть только итогом достижений индустриальных, но должна охватывать все области реализации воли партии и направляемой партией энергии рабочего класса. Стало быть — эта книга глубокого, строго политического значения и кто бы ни взялся писать ее —

редактировать должен ЦК. Не думаю я, что за семь месяцев Вам удастся собрать, организовать и обработать огромный материал фактов, созданных за 15 лет и не лучше ли будет, если Вы начнете работать с расчетом на издание этой книги в 33 г.?

Оба № «На стройке» — хороши. Первый — интереснее, оригинальнее XII. Недостаток: иностранные тексты, особенно французский и английский — малограмотны.

«За рубежом» — требует коренных реформ¹. Мне кажется, что его нужно будет сделать более массовым и «бытовым». Сейчас, во дни трагедии кризиса, быт Запада особенно поучителен политически. Для журнала могли бы дать хорошие очерки Авербах, Чумандрин, Виктор Кин² и «заведующие печатью» в наших полпредствах, люди, которым, в сущности, приходится мало работать, — скромно говоря.

Я снова напоминаю мое предложение: ЦК партии должно обязать заведующих печатью в полпредствах писать ежемесячные отчеты о всех событиях текущих дней в Риме, Лондоне, Париже и т. д.

Поговорите-ка об этом с И. В. Сталиным. Дело правильное. До свидания! Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ См. докладную записку Горького в культпрот ЦК ВКП (б) «О реорганизации журнала „За рубежом“» от 17 июня 1932 г. («Новый мир», 1956, № 6, стр. 166).

² Виктор Кин в то время работал корреспондентом ТАСС в Риме.

140

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 2 марта 1932 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Отъезд М. А. Горькова дает мне удобный случай послать Вам обстоятельное письмо, которое быстро к Вам дойдет.

Михаил Алексеевич расскажет Вам, что только на днях я был в Ленинграде, где надо было разрешить ряд неотложных дел и, в частности, провести несколько бесед с Ленинградскими писателями. В Ленинграде мы решили окончательно вопрос о выпуске книги А. Виноградова «Повесть о братьях Тургеневых»¹, против издания которой имелись некоторые возражения, а также и о книге А. Толстого «Черное золото»². Книга Виноградова выйдет в ближайшие недели. «Черное золото» задерживал Главлит, не понимая того, что издание ее имеет основное значение для заграницы. Эта книга также будет выпущена.

Я пишу Вам об этих книгах, так как Вы ими в свое время интересовались.

Беседы мои с писателями в основном были направлены на активизацию их творческой работы. Как я писал Вам прошлый раз, мне кажется, что в 1932 и 33 г. мы будем иметь значительные сдвиги в нашей художественной литературе, что мы получим ряд новых крупных произведений. Мы должны этого добиться и оказать всяческую помощь писателям в развитии их творческой работы — это основная задача ОГИЗа и ГИХЛа на данном этапе.

Я еще раз хочу фиксировать Ваше внимание на том, что 1932 и 33 г. будет периодом ряда исторических дат: пятнадцатилетие Октябрьской революции, десятилетие Советского Союза, пятнадцатилетие Красной армии, пятнадцатилетие Комсомола, окончание первой пятилетки и начало второй. Вокруг ознаменования этих дат нам надо организовать писателей, поэтов, драматургов, художников и музыкантов. Это мы сейчас и делаем. Беседа с ленинградцами (Чумандрин, Тихонов, Слоимский, Лавренев и др.) убеждает меня в наличии у лучших писательских кадров и большого желания и больших возможностей в деле максимального развития творческой работы и в частности работы, связанной с историческими революционными празднествами.

Первое, что нам очевидно надо будет сделать, это предоставить писателям большие возможности в области непосредственного ознакомления их с ходом и результатами социалистической стройки. В ближайшие месяцы надо обеспечить поездки писателей на ряд строительных, на окраины Союза, конечно, в места их интересующие, обеспечить им возможность видеть там все, что их интересует, помочь им быть не только зрителями, но и участниками стройки и мы несомненно сможем получить ряд новых крупных произведений. Мы неоднократно ругали опыт отправки писательских бригад и действительно в ряде случаев это не давало результатов или кончалось появлением халтурных книг (пример — «Большая Балахна» и др.)³ Но наряду с этими отрицательными фактами есть и положительные. Хороший пример удачной работы бригад это поездка Леонова, Вс. Иванова, Тихонова и других в Туркменистан⁴. Эти бригадники выпустили одиннадцать книг, из которых ряд может быть признан первоклассным: — «Саранчуки» Леонова, «Кочевники» Тихонова⁵.

По-моему центр тяжести в подборе писателей и в том внимании, которым их окружают на месте, и помощи, которую им окажут.

Второй актуальный вопрос касается разгрузки писателей от посторонней работы и увеличения того количества времени, которым они располагают для творчества. По этому вопросу мы на днях получили письмо тов. Огнева (оно было в копии адресовано и Вам)⁶. Я поддержал просьбу Н. Огнева о предоставлении ему «творческого отпуска» (смешно говорить о «творческом отпуске» — как будто творчество не основная работа каждого писателя).

Но этот вопрос гораздо глубже и имеет более общее значение. Это подтвердили в своих выступлениях и ленинградские писатели. Очень характерно, что Чумандрин в связи с Вашим указанием на необходимость получить у него для «За рубежом» ряд очерков по заграничной поездке, написал мне на заседании следующую записку:

«1) Ныне я руковожу издательством писателей, 2) я посажен редактором литературной Ленинградской газеты, 3) я *обязан* работать в руководстве ВСП (Лен. Отд.), 4) я с 1-го марта секретарь ЛАП, 5) я не написал о Германии ни строчки, 6) я три недели никак не прочту II части «Дон Кихота», посуди сам что все это значит...»

В таком же положении, как Огнев, находятся и Чумандрин, и Фадеев, и ряд других. Я ставлю этот вопрос более обще и широко и думаю, что Вы меня поддержите. Основное для писателя — творчество и это должно быть поставлено во главу угла.

Вы часто и справедливо ругаете ГИХЛ. Я очень хорошо знаю крупные недостатки ГИХЛа и за последние месяцы стараюсь сам больше входить в его работу и оказывать ему помощь. Алексей Максимович, положение ГИХЛа является чрезвычайно трудным и крайне ответственным, материальные возможности и силы, которыми ГИХЛ сегодня обладает — крайне ограничены. Недостаточные возможности выпуска новой продукции, в связи с недостатком бумаги, и ошибки аппарата ГИХЛа естественно создают неблагоприятное отношение к ГИХЛу среди части писательских кадров. ГИХЛу надо в этих условиях работать по-новому, значительно перестроиться. Эту перестройку мы ведем, ГИХЛ с ней пока несколько запаздывает.

Суть этой перестройки заключается в том, что ОГИЗ и ГИХЛ должны стать организующими центрами в области развертывания творческой работы писателей. ГИХЛ сегодняшнего дня не только издательство, печатающее готовые книги, а орган, помогающий писателям вести их творческую работу, мобилизующий писателей на отображение узловых пунктов соцстройки, помогающий писательским организациям разрешать насущные вопросы материально-бытовых условий писателей и т. д. На днях я созвал у себя совещание поэтов, где мы беседовали на основные творческие и организационные темы. Стенограмму этого совещания я Вам пришлю. Выступления поэтов были в ряде случаев очень интересны (Безыменский, Сельвинский и др.) Это совещание показало, что мы не используем творческих возможностей наших поэтических кадров, и я думаю, что в результате перестройки работы ГИХЛа с поэтами мы получим и новые хорошие произведения и сумеем мобилизовать поэтов на празднование 15-летия Октября.

Аналогичные совещания были у меня с художниками (эту стенограмму я прилагаю)². На очереди совещания с писателями и музыкантами.

Руководство ГИХЛа мы очевидно в ближайшее время переменим. Я и Кудьтиров намеряем поставить во главе ГИХЛа и по совместительству во главе «Академии» (Ионов в ближайшие дни уйдет) тов. Я. С. Ганецкого⁸. Он культурный и вдумчивый человек, старый партиз, знает литературу и думаю сумеет обеспечить необходимую связь ГИХЛа с писателями. Я по этому поводу беседовал с П. П. Крючковым, который также думает, что кандидатура Ганецкого Вами будет поддержана. Пока все это только наше предположение.

В ближайший месяц (март и начало апреля) мы выпустим по ГИХЛу: 2 и 3 том «Клима Самгина», 3—4 том нового издания собрания Ваших сочинений и книгу Ваших рассказов с иллюстрациями лучших художников. Оформление последней книги должно быть интересным и думаю Вам понравится⁹.

Мы сейчас затеяли издание Полного собрания сочинений Салтыкова-Щедрина (оно выйдет полностью в 3—4 года) и избранных сочинений его. Пора, наконец, дать этого нужного современности писателя по просмотренным текстам и с исправлением цензурных извращений¹⁰.

Об издательстве писателей в Ленинграде я должен сказать, что я оказал им содействие в получении 30 тонн лучшей бумаги (№ 2) для «Библиотеки поэта» и других их изданий. Поэтому их обращение к Вам меня крайне удивляет. Когда я был в Ленинграде, то видел всех руководителей этого издательства, и никто из них мне ни слова об этом деле не говорил. Во всяком случае проверю еще раз какие задержки у них с получением этой бумаги.

Несколько раз виделся с т. Авербахом, который подробно ознакомил меня с Вашими разговорами в Сорренто и намеченными Вами планами работы. Очень большое значение будет иметь намеченный на май созыв съезда пролетарских писателей¹¹.

В связи с Вашим письмом о «За рубежом» я послал т. Сталину просьбу оформить вовлечение заведующих печатью наших Полпредств в работу журнала и буду с ними говорить дополнительно.

У Авербаха, Чумандрина и Кина запросил их очерки. В ближайшие дни по возвращении т. Радена созовем редколлегия и наметим пути к проведению в жизнь предполагаемой Вами перестройки журнала. Я послал уже Вам через П. П. записку по этому поводу, посланную мною членам редколлегия, и план ближайшей работы.

Меня очень порадовала Ваша оценка последних номеров «СССР на стройке». По-моему, бесспорно, что журнал улучшается. Третий номер журнала мы посвящаем 10-летию Закавказской Федерации (десятилетие будет в марте). Работники «СССР на стройке» ездили в Закавказье и совместно с руководящими товарищами на месте провели подготовку этого номера. Очевидно номер также

будет интересным. Сейчас печатается второй номер, посвященный сельскому хозяйству.

По «Истории Заводов» я думаю в марте нажать и развить работу по-ударному. В секретариат дополнительно к Тихонову и Шушканову мы даем двух товарищей партийцев (Новлянского и Петрова — последнего рекомендует Стецкий), чтобы укрепить кадры, непосредственно работающие в этом деле и только на этой работе. В ближайшие дни добьюсь заседания редакции у Л. М. Кагановича (Л. М. последние дни болен)¹². Мы сейчас выделили 10—12 первоочередных предприятий, на которых развернем самую активную работу. Я ставлю перед собой задачу добиться выпуска минимум этих 10 книг до пятнадцатилетия.

В Москве сейчас находится тов. Чуковский. Я 5-го марта устраиваю открытое чтение его новой вещи «Солнечная» (хорошая вещь и новая для Чуковского) и книги Боброва «ЦАГИ» (интересная новая попытка показать ребятам работу одного из чрезвычайно важных наших научно-исследовательских институтов)¹³. Сейчас т. Чуковский начал работать еще над одной новой вещью.

А. Н. Толстому я помог получить разрешение на поездку к Вам, и он выедет в ближайшие дни. На очереди поездка Слонимского в Германию, которому постараюсь также помочь.

Издательство «Федерация» в этом году переиздало книгу писателя Тарасова-Родionова «Февраль». Я прочел сейчас эту книгу впервые (раньше прочесть не удавалось) и должен сказать, что не только переиздание теперь, но и издание раньше этой книги было ошибкой. Эта книга извращает роль партии в первые дни после Февральской революции и в основном посвящена реабилитации автора. Книга эта нуждается в самой жесткой критике.

Ближайшие мои задачи — провести по всему фронту пересмотр и обновление редакционных кадров, ибо они в части своей сейчас не помогают бороться за идеологическое качество книги, а мешают этой борьбе, и развернуть широкую кампанию за реконструкцию полиграфической базы и за улучшение качества внешнего оформления книги.

Мы с тов. Бухариным говорили недавно о том, что надо организовать систематический выпуск переводов ряда книг, издающихся за границей и посвященных всеобщему кризису капитализма, распаду буржуазной культуры и т. д. Это дело я также думаю двинуть.

Международные события, и в первую очередь на Дальнем Востоке, разворачиваются все более и более остро. Снова буржуазный мир у пороховой бочки с тлеющим фитилем. Издательства наши еще плохо реагируют на все это. «За рубежом» был бы нам сейчас очень нужен и надо этот журнал поставить на ноги. Приедет К. Б. Радек — буду на него нажимать.

Позавчера вечером были у меня на новой квартире П. П. и Михаил Алексеевич, засиделись до двух часов ночи за разговорами. Вспоминали наше пребывание в Сорренто, беседовали о Вас. По приезду в Москву Вам надо будет хорошо организовать Вашу

жизнь так, чтобы соблюдался режим Михаила Алексеевича, которого мы все втроем поддерживаем.

Привет, крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

Москва, 2/III—32 г.

(...)

¹ А. Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых. М.—Л., ГИХЛ, 1932.

² Переработанный роман «Черное золото» был выпущен в 1940 г. издательством «Советский писатель» под названием «Эмигранты».

³ «Большая Балахна», (Очерки.) М., изд-во «Федерация», 1931.

Книга написана членами бригады ВССП: Г. Алексеевым, К. Большаковым, С. Вудачевым, Л. Гумилевским, Ю. Слезкиным.

⁴ Поездка в Туркменистан бригады писателей: Н. Тихонова, Л. Леонина, П. Парленко, Вс. Иванова, В. Луговского, Г. Санникова состоялась весной 1930 г.

⁵ Л. Леонин. Сараячуи. М., ГИХЛ, 1931 г.

Н. Тихонов. Кочевники. М., изд-во «Федерация», 1931.

⁶ Николай Отгел — псевдоним писателя Розанова Михаила Григорьевича (1888—1938).

⁷ Совещания поэтов и художников состоялись в ОГИЗе в феврале месяце 1932 г. Отчеты об этих совещаниях см. в «Литературной газете» от 17 февраля («Художники у Арт. Халатова») и от 23 февраля («Счет поэтам и счет поэтам»). На совещании актива поэтов ОГИЗа).

⁸ Я. С. Ганецкий директором ГИХЛа назначен не был.

⁹ Речь идет об изданиях: «Жизнь Калма Самгина» (т. I—III. М.—Л., Госиздат, 1928—1931), Собрание сочинений (изд. 2-е, доп. Ред. и коммент. Н. А. Грудина, предисл. А. В. Луначарского. М.—Л., ГИХЛ, 1932—1934), Избранные произведения с послесловием А. В. Луначарского (М.—Л., ГИХЛ, 1932. Художники В. М. Конашенич, К. С. Петров-Водкин, Н. Ф. Рерберг).

¹⁰ М. Е. Салтыков-Щедрин. Полное собрание сочинений. Ред. В. Я. Киршотина, Л. И. Лебедева-Полянского и др. Т. 1—20. М., ГИХЛ, 1933—1941; Избранные произведения в 7-ми т., т. 1—II. М., ГИХЛ, 1939.

¹¹ Постановлением ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 г. Российская ассоциация пролетарских писателей была ликвидирована.

¹² В это время Л. М. Каганович был членом редколлегии «Истории фабрик и заводов».

¹³ К. Чуковский и Я. Солженицын. М., изд-во «Молодая гвардия», 1933.

Н. Бобров. ЦАГИ. Предисл. Н. М. Харламова, ред. В. Я. Кузнецова. М., изд-во «Молодая гвардия», 1933.

Дорогой А(ртёмий) Б(аграмович), —

получил Ваше письмо, стенограммы, но поговорим обо всем этом при свидании, ведь Вы и Либерзон приедете? Вместе с П. П. или раньше его? Жду. А Вы — торопитесь, времени осталось немного.

Крепко жму руку, всем хорошим — сердечный привет, а плохим — желаю заболеть дезинтерией.

А. Пешков

Да, — об Ионове! Совсем устранить его не следовало бы, работник он — хороший, его только надобно ограничить, чтоб не грубил и не капризничал.

А. П.

12.III.32.

112

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 18 марта 1932 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

На днях, наконец, удалось собрать заседание редколлегии «История заводов». Обсудили все основные вопросы и теперь есть все основания полагать, что практическая работа развернется. Общее мнение было таково, что надо не разбрасываться, а взять ограниченный круг предприятий и по нему действительно хорошо поставить работу. Далее из этого круга решили выделить три завода, которые послужили бы образцом работы для всех остальных заводов. По этим трем заводам создание их историй осуществим в самый минимальный срок. Я думаю, что это правильно. На основе решений Редколлегии в специальной комиссии подробно проработаем окончательный характер сборников, способы их составления и планы работы. Решения комиссии сообщит Вам немедленно Петр Петрович, который входит в Комиссию.

В связи с Вашей оценкой № 1 «СССР на стройке» (Магнитострой) посылаю Вам для ознакомления отклики на этот номер со стороны самих строителей гиганта, помещенные в номере газеты «Магнитогорский рабочий» от 4/III — т. г. Было бы хорошо, если бы Вы в одном из своих ближайших выступлений в печати сказали несколько слов об этом номере, в интересах закрепления и развития этого нового метода показа нашей стройки, предпринятого редакцией.

Пользуюсь случаем ознакомить Вас вкратце с планами очередных номеров «СССР на стройке».

№ 2 мы посвятили социалистической переделке деревни (колхозу).

№ 3 — Десятилетию Закавказской Федерации.

Оба номера заканчиваются печатанием и будут посланы Вам сейчас же по выходе в свет.

№ 4 — Сибирь таежная становится Сибирью социалистической, индустриальной (Кузнецкстрой).

№ 5 — Посвящен важнейшим задачам реконструкции ж.-д. транспорта и его органической связи со всем нашим строительством.

№ 6 — Химический комбинат Березники в действии.

№ 7 (Нижегородский автомобильный завод.)

№ 8 — Работа советской гражданской авиации.

№ 9 — Днепрострой в действии (этим номером и следующим

№ 10 — «Комсомол на стройке» мы полагаем отметить 15-ую годовщину Октября. Прилагаю для ознакомления разработанный пока вчерне план Днепростроя и прошу Вашего мнения о нем).

№ 11 — Пищевая индустрия.

№ 12 — Совхозы.

Из этого краткого перечня Вы можете увидеть, что Ваши пожелания, высказанные на заседании редколлегии от 29/V—31 г. (совхозно-колхозное строительство и строительство нацреспублик) учтены и претворяются в жизнь¹.

Очень прошу Вас имеющиеся у Вас замечания и дополнения к этому плану сообщить мне.

Очередной номер «За рубежом» (к сожалению, это номер первый за этот год) подготавливает т. Бухарцев. Очевидно, подробно об этих журналах будем говорить по Вашему приезду.

По согласованию с П. П. Крючковым мы решили освободить т. Шкапу от заведывания редакцией «Наших достижений», так как он очень об этом просил сам. Вместо него решили взять тов. Разина² — партийца, работавшего в комсомоле, последнее время заведывавшего детской литературой в «Молодой гвардии». Он человек толковый, с инициативой и думаю сумеет повести дело. На этом письмо кончаю, так как надо спешить переслать Екатерине Павловне, которая Вам его вручит. Подробное письмо о делах ОГИЗа и литературных пошлю Вам с Петром Петровичем.

Как Ваше здоровье? С нетерпением ждем Вас к 1-му мая.

Привет Тимоше, Максиму, Михаилу Алексеевичу, Толстому. Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

18/III—32 г.

Р. С. Через Екатерину Павловну посылаю Вам икры, балык, грибов — кушайте на здоровье.

Р. Р. С. Отзыв строителей гиганта Магнитострой дошла дополнительно, ибо оставил у себя в кабинете в ОГИЗе.

Арт. Халатов

¹ План издания журнала на 1932 г. был реализован с некоторым изменением (№ 5 журнала посвящен строительству Березниковского химкомбината, № 11 — Якутии, № 12 — Хибинам и т. п.).

² Павел Михайлович Разин (1905 — 1938) — в 1932—1933 гг. был членом редколлегии журнала «Наша достижения». Его переписка с Горьким см. во второй части настоящего тома.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 30 марта 1932 г.)

Дорогой Артемий Вагратович,—

прилагаю подлинник и перевод письма ко мне инженера Анджелло Омодео. Очень прошу Вас обратить на предложение его серьезное внимание.

Он — непререкаемый авторитет в области гидро- и электро-техники, почему и приглашен на работу в Союз, к нам.

Книга, написанная им, будет прочитана во всей Европе и обеих Америках. Мне кажется книгу эту надобно взять. Издавать ее надо бы Научно-техническому отделу ВСНХ, так?¹

Привет. Скоро увидимся.

А. Пешков

30.III.32.

¹ Анджелло Омодео писал Горькому 24 марта 1932 г. из Милана: «Пишу Вам, вспоминая Ваш дружеский прием в Москве и снова благодарю Вас. Послания Дм. Курский говорил мне о большом издании, касающемся Питалетского плана и индустриализации СССР, которое Вы возглавляете. В качестве консультанта Энергострой и Наркомзема и был бы очень польщен возможностью сотрудничать в этом издании, если бы Вы сочли это полезным...» (АГ).

А. Омодео. Водные ресурсы Закавказья и их использование. Предварительное исследование, перевод с итальянского Я. С. Байварского. М.—Л., Энергиздат, 1934.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 31 марта 1932 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Последние дни в Москве находится Корней Чуковский. Я уже писал Вам о предстоящей читке его новой вещи «Солнечная». Читка эта состоялась, и «Солнечная» была принята аудиторией с большим интересом, вызвав оживленный обмен мнений. Я считаю эту вещь Чуковского несомненно значительной и знаменующей поворот писателя к актуальной тематике.

Я думаю, что Чуковского нам надо поддержать и создать соответствующие условия для дальнейшего развития его творчества. «Молодой гвардии» дано задание, помимо выпуска «Солнечной» (которую иллюстрирует художник Пахомов), обеспечить еще издание трех его книг¹.

Тов. Чуковский подготавливает по ГИХЛу сборник избранных детских стихов в качестве книги для взрослых. Рукопись этой книги с приложением письма т. Чуковского — мне Вам передаст Д. Г. Либерзон. Зная Ваше отношение к Чуковскому, я думал, что, может быть, Вы согласились бы дать к этой книге Ваше предисловие. Это имело бы большое значение для Чуковского в его дальнейшей работе².

Тов. Чуковский сообщил мне, что он начал работу над новой книгой для детей «Государственное управление туч и ветров»³, в которой он в стиле Жюль Верна хочет занимательно рассказать о ряде наших научных достижений и перспективах применения этих достижений.

22-го числа мы отмечали столетие со дня смерти Гете. Об этом заседании Вы знаете из газет. У нас на вечере основной доклад делал А. В. Луначарский⁴.<...>

Как ОГИЗ, мы, в связи со столетием со дня смерти Гете, сделали следующее: выпустили проспект нового собрания сочинений и первые два тома (все это Вам послано). Вскоре выходит книга о Гете (автор Шиллер). По «Академии» намечено выпустить избранную лирику и римские элегии; специальный номер журнала «Литература мировой революции» на немецком языке будет посвящен столетию и содержать основные выступления и статьи по этому поводу⁵. Вообще с гетевскими днями хлопот было много.

План выпуска Ваших произведений по ОГИЗу я опубликовал в статье, помещенной в «Правде» 28/III—с. г. Новым в этом плане является издание шеститомника по Ленинграду, в который мы включаем «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Мать», «Дело Артамоновых» и книгу рассказов. Мы хотим, чтобы этот шеститомник являлся бы одним из образцовых в ряде показательных по внешнему оформлению изданий, серию которых мы сейчас создаем.

Борьба за внешнее оформление издательской продукции является одной из наших боевых задач и в общем ходе этой борьбы нам важно выделить ряд показательных объектов, по которым шло соревнование между издательствами и отдельными группами работников, которые тянули бы за собой оформление всей остальной массы продукции.

Одновременно в Ленинграде мы предполагаем издать несколько книг, принадлежащих близким к нам писателям: Ромену Роллану, Синклеру, Т. Драйзеру и др. (вероятнее всего от 6 до 8 книг), поставив перед собой задачу дать им также образцовое оформление.

Последние дни проходила производственная конференция предприятий ОГИЗа и идет ряд профсоюзных совещаний (нашего профсоюза печатников и бумажников), на которых мне все время приходится выступать с докладами.

Вчера получил письмо от К. Федина. Здоровье его, видимо,

значительно улучшилось, но все же для окончательной поправки он должен будет пробыть за границей еще не менее четырех месяцев. В этом письме впервые он уже говорит о темпе своих литературных работ⁶.

К 15-летию Октября мы наметили переиздание 10—15 лучших произведений советских писателей в качестве юбилейной библиотечки, подводящей некоторый общий итог нашим достижениям в области художественного творчества. План этой библиотеки сейчас прорабатывается и мы, видимо, поговорим о ней лично в Москве.

К 15/IV — с. г. по ОГИЗу в целом будет создан общий план издания к 15-летию Октября, по поводу которого мне необходимо получить Ваше мнение. Я Вам не буду его посылать и подожду Вашего приезда, когда я сообщу Вам также о некоторых специальных мероприятиях ОГИЗа общественно-литературного порядка.

Привет всем, крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

31/III—32 г.

Москва.

¹ Книга К. Чуковского «Солнечная» (М., «Молодая гвардия», 1933) иллюстрирована художницей В. С. Козекальтер.

Издательством «Молодая гвардия» были выпущены в 1933 г. следующие книги Чуковского: «Загадки» (для детей младшего возраста); «Муха Цокотуха» (для детей дошкольного возраста, с рисунками Конашевича); «Мой дождь» (кинематограф для детей, картины Ю. Анненкова).

² Сборник, озаглавленный «Сказки», был выпущен в свет в 1935 г. издательством «Academica» без предисловия Горького.

³ К. И. Чуковский писал в то время научно-фантастическую повесть об управлении погодой, о воздействии на климат. Работа не была завершена.

⁴ Отчет о вечере в Колонном зале Дома Союзов, посвященном памяти Иогана Вольфганга Гете см. в «Литературной газете» от 29 марта 1932 г.

⁵ Имеются в виду следующие издания: Иоган Вольфганг Гёте. Собрание сочинений в 13-ти томах. Юбилейное издание (1832—1932). Проспект. М.—Л., Госиздат, 1932 г.; т. I — лирика, т. II — юношеские пьесы и эпические поэмы; издание Собрания сочинений было завершено в 1949 г.

Ф. П. III и д л е р. Вольфганг Гете. К столетию со дня смерти. М.—Л., ГИХЛ, 1932.

Иоган Вольфганг Гете. Римские элегии. Перев. С. Шервинского. М.—Л., «Academica», 1933. Специальный номер журнала «Литература мировой революции» не был выпущен.

⁶ Письмо от 7 марта 1932 г., в котором Федин писал о работе над романом «Похищение Европы»: «В романе чудовищно много приходится пересматривать. Здесь события мчатся неудержимо и, конечно, в эпической форме «непобедимый день» закрепить нет возможности. Однако какие-то вопросы приходится делать, т. е., говоря (по первоначальному плану) о Европе 1928—1930 гг., «усиливать» те элементы общественной жизни, которые впоследствии получили наибольшее развитие, т. е. подчеркнуть их, оставляя на них внимание. Я поэтому и не послал еще отдельных глав для печати, как предполагал, в конце прошлого года. Надо внести нечто новое и местами пересмотреть старый текст» (АГ).

Книга первая романа «Похищение Европы» была издана в 1934 г. Издательством писателей в Ленинграде.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 8 апреля 1932 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

В связи с Вашим приездом я, по соглашению с Петром Петровичем, дал задание сделать следующее:

1. Подобрать полные комплекты всех журналов («СССР на стройке», «Наши достижения», «За рубежом» и др.), выходявших в ОГИЗе под Вашей редакцией и переплести для Вашей библиотеки;

2. Составить полный список Ваших книг, вышедших за 15 лет советской власти в Союзе, подобрать эти книги и также переплести для Вас;

3. По ГИХЛу к приезду Вашему должны выйти: 3—4 тома Собрания сочинений, 2 и 3 тома «Клима Самгина» и книга рассказов.

По Ленинограду — альбом Ваших портретов¹.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

8/IV—32 г.

¹ «Портреты Максима Горького». Предисл. Арт. Халатова. М.—Л., Изгиз, 1932.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сorrento, 13 апреля 1932 г.)

Дорогой друг мой, —

собирался, собирался я ответить на два больших письма, но в хлопотах с отъездом все откладывал на «завтра» и вот, пришло третье письмо Ваше. Что Вы уйдете из ГИЗа это чувствовалось, а все-таки — грустно¹. Говорю не «кривя душой». Грустно потому, что я очень Вас люблю, привык работать с Вами и хотя, иной раз, Ваша мягкость к людям, не достойным ее, очень раздражала, — в конце то концов мы с Вами жили хорошо. Разумеется и впредь так будет, но уже вне ГИЗа. Учреждение это требует каких-то весьма решительных и глубоких реформ, многое из критики его было справедливо. Впрочем — не буду говорить об этом; прошлое не поправимо. Очень беспокоит вопрос: что будет дальше? Останутся ли с М. П. Томским Либерзон и Проскуряков — хорошие люди и столь опытные работники? Войдете ли Вы в коллегию, в правление как один из необходимых его членов? Ваш опыт нельзя отодвинуть в сторону. Но обо всем этом поговорим при свидании.

Я за последние три месяца должен был работать до того усиленно, что ко времени ужина совершенно выматывался, а после ужина — отдыхал, играл в карты «в дураки». Очень разрастается интерес к нам среди интеллигентов Европы и Америки, это усиливает, увеличивает и мою корреспонденцию. Писпу — много, а печатают не все, да и то, что печатают — искажают. По этому поводу тоже придется писать.

«Методология» по «Истории заводов»² сочинение не столько «академическое», как схоластическое и я не вижу необходимости издавать этот труд, будучи уверен, что он только испугает и запутает работников на местах. Мне кажется, что «Инструкция»³, утвержденная ЦК, вполне ясно говорит о том, что нужно делать, а кроме того, я убежден, что потребуются указания «от случая к случаю», эти указания будут вызваны разнообразием типов заводов. «Методология» слишком сузила бытовую сторону и не указала на значение судебных процессов, которые велись заводо-владельцами против крестьян, против друг друга и «казенных» учреждений: «Удельного ведомства», Казенной палаты, «Гос(ударственных) имуществ». Вообще эта громоздкая затея мне кажется излишней.

Ну, пока — до свидания. Скоро увидимся.

Жму руку.

А. Пешков

13.IV.32.

¹ Халатов в письме Горькому от 3 апреля 1932 г. сообщил:

«Мой уход из ОГИЗа — дело решенное. На днях соответствующее постановление будет опубликовано в газетах.

Переход мой на другую работу в данный момент кажется мне совершенно правильным и целесообразным и вполне совпадает с моими личными желаниями» (АГ).

Сообщение о назначении нового заведующего ОГИЗом — М. П. Томского было помещено в «Литературной газете» от 11 апреля 1932 г.

² В Архиве Горького хранится краткая заметка Горького о рукописи «Методология» по «Истории» заводов, «Громоздкое сочинение это затинет и запутает работу». Сделано схоластически, слишком «по-ученому».

³ «Инструкция по созданию «Истории фабрик и заводов» была напечатана в «Правде» и «Известиях» от 28 ноября 1931 г. В составлении «Инструкции» принимали участие: А. М. Горький, П. П. Постышев, В. И. Невский и другие члены Главной редакции. Текст «Инструкции» см. также в сборнике «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов», М., Соцэкгиз, 1959, стр. 38—46.

Дорогой Алексей Максимович,

мы недавно беседовали с Вами о привлечении писателей, художников и киноматериалов к освещению средствами искусства вопро-

сов социалистической переделки транспорта. Писатели, список которых я с Вами в свое время согласовал, охотно идут на это дело. Как Вы, конечно, помните имеется в виду организовать творческое «Объединение писателей, художников и кинорботников социалистического транспорта»¹. Практическое осуществление организации этого объединения несколько затянулось, ибо т. Гронский, поддерживающий это начинание, просил повременить с организацией до его возвращения из отпуска.

В плане привлечения работников искусства к освещению задач транспорта Цутехироп² предпринял уже ряд мероприятий.

По согласованию с редакцией журнала «Наши достижения» Цутехироп командировал т. Панова на Сурамский перевал, т. Краина на строительство Москва — Доябасс, т. Финна — на Ср. Азиатские ж. д.³

Тов. Ставский начал книгу очерков «Вагоны»⁴.

С. Григорьеву мною дано задание по написанию книги о строительстве Мурманской ж. д.⁵

Имеется согласие Вс. Иванова, Павленко, Третьякова⁶ и Тихопова в ближайшее время включиться в работу по транспортной тематике.

За книгу о транспорте для детей среднего и старшего возраста взялся т. Маршак, который привлечет к этой работе тов. Ильина и Чуковского⁷.

Вчера я имел беседу с тт. Моором, Дени и Черемных, которые согласились взяться за работу над агитационными и техническими плакатами⁸.

Кукрыниксы хотят поработать над сатирическими плакатами и альбомами⁹.

Как Вы видите, кое-что уже сделано, и есть все основания предполагать, что дело разовьется.

В связи с годовиной постановления ЦК о техиропаганде от 5-го августа я считаю целесообразным организовать конкурс художественных произведений по транспортной тематике¹⁰. Условия этого конкурса я Вам посылаю. Мне думается, что Вы это мероприятие одобрите и очень прошу Вас согласиться возглавить жюри по этому конкурсу.

В состав жюри вошли бы тт. Халатов, Кольцов, Вс. Иванов, Третьяков, Тихонов, Павленко, Пудовкин, Симеряков (ЦК ЖД).

К 5-му августа мы организуем также анкету среди писателей, художников и кинорботников по вопросам освещения средствами искусства актуальных задач реконструкции ж. д.

Не могли бы Вы хотя бы вкратце написать, о чем и как надо писать в художественной литературе о транспорте. Ваш ответ мы поместили бы в виде вступления к ответам на анкету.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Арт. Халатов

¹ Объединение не было создано.

² Цутехпроп — Центральное управление производственно-технической пропаганды при Наркомате путей сообщения. А. Б. Халатов был в то время начальником Цутехпропа.

³ Очерки названных писателей: «Магистраль» Н. Крона, «Сурам электрический» Н. Панова, «Дорога» К. Финна были напечатаны в № 9 журнала «Наши достижения» за 1932 г.

⁴ Книга очерков «Вагоны» не была написана.

⁵ Книга не была написана.

⁶ С. Третьяков. Диспетчер. (Очерк.) «Наши достижения», 1932, № 9.

⁷ Книга не была написана.

⁸ Художники Дмитрий Стахевич Моор (1883—1946), Виктор Николаевич Дени (1893—1946) и Михаил Михайлович Черемных (1890—1962) участия в названной работе не принимали.

⁹ В течение всего 1933 г. «Правда» печатала рисунки Кукрыникова, посвященные транспорту. Позднее эти рисунки вошли в альбом «Горячая промявка. Альбом сатиры специальных корреспондентов «Правды» на транспорте художников Кукрыникова. Портреты зарисовки ударников художника А. П. Павлового. М. Вагана, 1934 г.

¹⁰ Сообщение о конкурсе на художественную литературу о транспорте (этот конкурс не состоялся) было напечатано в газете «Известия» от 14 сентября 1932 г. В заметке сообщалось, что в состав жюри вошли: М. Горький, А. Б. Халатов, И. М. Гроппий и др.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, середина ноября 1932 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Пользуюсь отъездом Макса, чтобы написать Вам несколько слов о наших делах.

После Вашего отъезда¹ вышли транспортные номера «СССР на стройке» и «Наши достижения»². Сделан первый шаг в деле усиления роли художественной литературы и изобразительного искусства на нашем транспорте.

По поводу транспортного номера «Наших достижений» есть уже отзыв в «Гудке» который я прилагаю³.

На конкурс на художественные произведения о транспорте уже прислан ряд рукописей (рассказы, киносценарии и пьесы) и поступает ежедневно ряд запросов.

С Вс. Ивановым мы договорились о написании пьесы о Турк-сине⁴. Всеволода и на днях видел — он выезжает в Париж, где один из лучших театров ставит его «Бронепоезд». На обратном пути из Франции он думает заехать к Вам⁵.

В ближайшее время выпускаем книжку стихотворений Олени (его псевдоним в Гудке — Зубило), посвященных железнодорож-

ному транспорту с рисунками Кукрыниксов⁶. По нашему заданию Вагнер написал удачные очерки о Средне-Азиатской дороге⁷.

В декабре созываю заседание Литературно-художественного совета, после чего думаю дело по этой линии развернется дальше.

За последнее время железнодорожный транспорт обогатился рядом новых крупных изобретений. Зная, что Вы интересуетесь этими вопросами и посылаю Вам копию рапорта Научно-технического управления и четырех крупнейших изобретателей Карпова, Казанцева, Трофимова и Рожновского (...). Все эти изобретатели уже имеют большие заслуги в деле реконструкции транспорта, и премии свои за новые изобретения они передали государству и на общественные дела, в подарок к 15-летию. В ближайшее время мы выпускаем несколько сборников об основных изобретениях на транспорте и их творцах. Я обязательно Вам вышлю эти книги.

Транспорт наш вступил сейчас в наиболее ответственный момент. Осенне-зимние перевозки начались и разворачиваются. Транспорт все еще отстает от заданий. На меня теперь возложено руководство снабжением железнодорожников — дело большое и трудное.

На ближайший период, кроме того, я прикреплен к узлу Люблино и Харьковскому паровозному заводу. Придется периодически бывать в этих предприятиях и поднимать их работу.

Много хороших, интересных и нужных дел.

Привет всем соррентовцам.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

Датируется по упоминаемой заметке из газеты «Гудок» (см. ниже примечание 3).

¹ Горький уехал из Москвы в Сорренто 29 октября.

² Имеется в виду журнал «Наши достижения» № 9 и «СССР на стройке» № 8 за 1932 г.

³ Приложена вырезка статьи Н. Осипова «Глава увлекательной повести» О транспортном номере журнала «Наши достижения». «Гудок» от 12 ноября 1932 г.

⁴ Работа над пьесой не была завершена. Материалы к ней хранятся в личном архиве В. Иванова.

⁵ В. Иванов был приглашен в Париж на премьеру пьесы «Бронепоезд 14—69» в Революционном театре, организованном А. Барбюсом, В. Кутюрье, Л. Муссинаком. Из Парижа В. Иванов в конце 1932 г. приехал по приглашению Горького в Сорренто.

Подробнее об этом см. в кн.: В. И в а н о в. Встречи с Максимом Горьким. М., изд-во «Молодая гвардия», 1947, стр. 60—84.

⁶ Юрий Карлович Олеша под псевдонимом «Зубило» печатал стихи и стихотворные фельетоны в газете «Гудок». В 1927 г. в издании газеты «Гудок» вышла его книга стихов «Салют. Стихи (1923—1926)».

Надание, о котором пишет Халатов, не было осуществлено.

⁷ Очерк, посвященный железнодорожному порту Ташкенту, озаглавленный «Ташкент — порт» вошел в книгу: Н. Ва г н е р. Встречи. Опыт вслучайных портретов. Ленинградское областное издательство, 1933.

ГОРЬКИЙ — ХАЛАТОВУ

(Сорренто, 7 января 1933 г.)

Дорогой Артемий Багратович, —

прилагаю копию письма, посланного мною А. С. Бубнову.

Я очень настаиваю на соединении Литвуза, Литмузея и работы фольклористов под одной крышей, это будет всячески удобно¹.

Как живете? Я — читаю рукописи и это раздраживает меня старенькие мои перья.

Что поделяет Оргкомитет?

Кланитесь Вашим. Жму руку.

А. Пешков

7.1.33.

¹ В письме А. С. Бубнову, в то время Наркому просвещения РСФСР, от 4... 28 октября 1932 г. (АГ) речь шла о Литературном институте имени А. М. Горького (организован в 1932 г.) и Центральном музее художественной литературы, критики и публицистики (организован в 1933 г.)

Предложение Горького не было реализовано.

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 2 апреля 1933 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Давно не писал Вам, так как знал, что Вы перегружены работой, да и у меня были бесконечные дела.

Сегодня уезжает к Вам тов. Маршак¹, и я решил послать с ним несколько строк.На днях у меня состоялось заседание редколлегии «СССР на стройке» с участием гг. Пятакова, Калмановича², Урицкого и других, которое прошло очень оживленно и активно. Мы критически оценили нашу работу за 1932 г. и начало текущего года, а также просмотрели план ближайших номеров.

По инициативе тов. Пятакова ближайший номер журнала посвящен теме: «Волга советская» и, судя по макету, — он обещает быть очень интересным.

В плане выпуска журнала на второе полугодие особое значение имеют номера: «Советская Азия», «Камчатка», «Беломорский канал» и «Средняя Азия».

Мы тщательно обсуждали книжки журнала, посвященные Днепрострою и Красной армии, при оформлении которых широко использован метод фотомонтажа. По общему мнению редколлегии оформление их, бесспорно, удачно, но мы признали необходимым не злоупотреблять фотомонтажом, чтобы журнал не потерял простоты и естественности.

Петр Петрович недавно собирал редколлегия* «Наших достижений» с участием моим, Урицкого, Разина и работников редакции. Об этом совещании он Вас, конечно, информировал.

В Оргкомитете советских писателей Н. А. Семашко и я поставили вопрос о Литературном музее. Оргкомитет активно включается в борьбу за создание музея литературы и объединит все силы, которые сейчас разрозненно заняты этим; думаю, что с помощью писательской общественности мы это дело с мертвой точки движем.

А. С. Бубнов, к сожалению, несмотря на все наши попытки и свои обещания, никак не может решить вопрос о Литмузее.

Мои усилия по линии технической пропаганды на ж. д. транспорте направлены в первую очередь на действительное овладение новой техникой, которая заметно растет у нас на транспорте. Печать до сих пор очень слабо отмечает ряд крупнейших технических сдвигов, которые имеются в транспортном хозяйстве. Между тем, сделано много интересного: советское машиностроение освоило новые мощные паровозы («ФД» и «ИС»), на ряде участков проведена автоблокировка, идет вооружение транспорта автотормозами и автосцепкой (на днях приняли окончательно новый тип советской автосцепки ИРТ, которым будет оборудован весь парк), ряд ценных изобретений и новшеств вводится и находится в разработке. Если железные дороги работают до сих пор еще плохо, то в первую очередь потому, что нет еще действительного овладения техникой, нет правильного использования всех возможностей новой техники. Поэтому работа по техпропаганде сейчас крайне важна и злободневна у нас и должна привести огромные результаты.

Первые сдвиги в развитии техпропаганды у нас имеют место, и Коллегия НКПС отметила их, заслушав мой доклад, но все это крайне недостаточно, и впереди масса интересной и очень нужной работы.

Понемногу выпускаем и литературные издания: очень хорошие железнодорожные плакаты в плане политической сатиры сделали нам Кукрыниксы с Архангельским; выпускаем и готовим к печати ряд книг.

Оргкомитет решил созвать на июнь съезд писателей², думаю, что он будет предметом самого живого внимания всей советской общественности. Обаятельный Алексей Николаевич все еще продолжает праздновать свой юбилей — и часто гостит в Москве.

Читал он на днях отрывки второй части «Петр I» — прекрасная и сильная вещь³.

Ждем Вас, как всегда, в мае. Есть много такого, чем хотелось бы поделиться с Вами, но отложу это до скорого свидания в Москве (...)

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

¹ С. Н. Маршак в это время был болен. С помощью Горького он получил возможность жить и лечиться в Италии.

² М. Калманович был членом редколлегии журнала «СССР на стройке».

³ 5 июня 1933 г. в № 26 «Литературной газеты» появилась заметка: «Лето на подготовку к Съезду», в которой сообщалось, что по просьбе республиканских и областных писательских организаций время работы Съезда переносится на осень 1933 г.

⁴ В январе 1933 г. отмечалось 25-летие литературной деятельности А. Н. Толстого.

Роман А. Н. Толстого «Петр I» (книга вторая) печатался в № 2 журнала «Новый мир» за 1933 г. Окончание романа — в этом же журнале (№ 4 за 1934 г.).

ХАЛЯТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 9 ноября 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Мы беседовали с Вами недавно в Москве об изобретательской работе в Союзе, ее успехах и перспективах. Вы разрешили мне информировать Вас о наиболее интересных изобретениях и открытиях и дали обещание принять участие в жизни общественной организации наших изобретателей ¹ своими советами и пожеланиями.

В ближайшее время собирается V пленум Центрального совета Всесоюзного общества изобретателей, который должен подвести итоги развитию изобретательства за последние годы и наметить программу ближайших работ.

Очень много интересных изобретательских новшеств осуществляется сейчас в области самолето- и дирижаблестроения. В частности, большой интерес представляют работы изобрет(ателя) Гроховского ², который у нас является пионером развития советского парашютного дела, принявшего в последние годы у нас такой исключительно широкий размах.

Большое значение имеют работы известного Вам А. М. Игнатьева по созданию самозатачивающихся резов и по электросварке. Широкую известность получили работы доктора Брюхоненко, который создал механическое искусственное сердце и разрешает проблему оживления организма.

Большого внимания, безусловно, заслуживает изобретение Синицына — катодная трубка, по качествам своим лучшая, чем известная трубка американца Куллиджа.

Советская промышленность выдвигает за последнее время ряд новых молодых талантливых изобретателей, развивающих нашу технику во всех ее основных отраслях. Среди них я могу Вам назвать инж. Коприкова — изобретателя железно-графитового псевдосплава для подшипников, Оника — изобретателя, бывшего беспризорника, который дал ряд ценных новшеств в области строи-

тельства. Они занимают места рядом с такими крупными и известными изобретателями, как инженер-нефтяник Канелюшников, Игнатьев и другие ³.

⟨...⟩ Очень важно, что изобретательство охватывает самые широкие круги детей и молодежи. В кабинет юного изобретателя, организованный нашим Обществом, ежедневно за консультацией специалистов приходят дети со своими предложениями и планами. Особенно большой интерес они проявляют к конструкции планеров.

Я очень просил бы Вас, дорогой Алексей Максимович, прислать к Пленуму, который состоится 15/XI — с. г., свои пожелания и приветствия.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

Письмо написано на бланке Всесоюзного общества изобретателей.

¹ В 1930 г. было организовано массовое добровольное Всесоюзное общество изобретателей. С 1932 г. А. Б. Халатов был председателем Центрального совета общества.

² П. И. Гроховский — начальник и главный конструктор Экспериментального института.

³ О двоих из названных здесь изобретателях Д. Г. Овине и М. А. Канелюшникове см. в альбоме «Мастера социалистических побед», (Всесоюзное общество изобретателей. М. ИЗОГИЗ, 1934).

⟨Тесселя, 17 ноября 1935 г.⟩

Дорогой Артемий Багратович, —

прошу прощения: опоздал поздравить съезд изобретателей ¹; опоздал потому, что забыл своевременно сделать это, а забыл потому, что заработался. Сегодня мне напомнил об этом А. М. Игнатьев, и я тотчас же послал съезду молнию.

Из Вашего письма, а также из письма Игнатьева ² вижу, что Вы, как всегда, целиком вработались в новое для Вас дело, и оно стало Вашим кровным делом — как всегда. Меня это искренно радует. По линии издательства мне ничего не удалось и, признаюсь, эта линия очень надоела мне.

Вот что, дорогой А. Б.: велосипед — машина, которая заставляет ноги бегать, в то время, как ⟨...⟩ едет. Это всегда казалось мне несправедливым. Я не люблю велосипед и никогда не пользовался им, потому что неприятно видеть человека, согнутым дугой. Сейчас я слышу, что в Англия становится обиходным велосипед новой конструкции: человек сидит на нем, вытянув ноги

горизонтально, и это ведет к тому, что ноги меньше устают, скорость движения увеличивается и гораздо легче управление велосипедом.

Вот бы поставить задачу конструкции такой машины перед нашими изобретателями. Как Вы думаете?

Здесь стоит отличная погода. Дни — солнечные, тихие, но уже становится холодновато.

На днях был у меня т. Басов, преинтересно рассказывал о Сибири, о детях, колхозниках.

А я чувствую себя живущим в ссылке. Не жалею, но — обидно жить, ничего не видя.

Крепко жму руку.

Привет сердечный.

А. Пешков

17.XI.35.

¹ Телеграмма Горького пленуму Центрального совета общества изобретателей была опубликована в газете «Правда» от 21 ноября 1935 г. и в № 1 журнала «Изобретатель» за 1936 г.

² Александр Михайлович Игнатьев (1879—1936) — инженер-изобретатель, участник революции 1905 г., старый друг Горького.

В очерке «В. И. Ленин» Горький рассказал о встрече В. И. Ленина с Игнатьевым в Главном артиллерийском управлении Красной армии летом 1920 г. Горький имеет в виду письмо А. М. Игнатьева (в то время члена правления Всесоюзного общества изобретателей) от 11 ноября 1935 г.

123

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 22 марта 1936 г.

Дорогой Алексей Максимович.

На приеме отважных парашютисток-девушек ¹ Вы высказали мысль о том, что было бы чрезвычайно полезно создать книгу о бесстрашных героях воздуха.

Центральный совет Всесоюзного общества изобретателей и Экспериментальный институт Наркомтяжпрома Вашу идею превратили в жизнь. По нашей инициативе литератор Николай Бобров написал книгу «Земля внизу», в которой рассказывается о советском парашютизме, об изобретателях и их творчестве в области авиации.

Книга эта издана Центральным советом Всесоюзного общества изобретателей и Экспериментальным институтом и мы решили послать ее Вам, так как «Земля внизу» — первое произведение, рассказывающее в художественной форме об изобретателях и отважных парашютистах.

Разрешите надеяться, дорогой Алексей Максимович, что Вы не откажете в ознакомлении с книгой и выскажете свои соображения о ее качестве.

Примите, дорогой Алексей Максимович, наши искренние пожелания и горячий привет.

Председатель
ЦС ВОИЗа
Арт. Халатов

Гл. конструктор Экспериментального
института
П. Гроховский

¹ Имеется в виду встреча Горького и Р. Роллана с парашютистами, ударниками и пионерами, состоявшаяся в Горках 10 июля 1935 г.

124

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 23 марта 1936 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Я пользуюсь поездкой к Вам Надежды Алексеевны, Елизаветы Захаровны¹ и Петра Петровича, чтобы передать с ними мой горячий привет и написать Вам несколько строк.

Мы с известным летчиком-изобретателем, орденоносцем т. Гроховским одновременно посылаем Вам новую книгу т. Боброва «Земля внизу». Большая просьба к вам, Алексей Максимович, ознакомиться с ней и дать Ваш отзыв.

Последний месяц я был в отпуске и очень основательно лечился в подмосковном санатории в Барвихе. Завтра уезжаю в Ленинград, где еще немного отдохну, а с первых чисел апреля снова впрягусь в работу. У нас очень интересно разворачивается постоянная выставка изобретательства², где мы впервые в СССР демонстрируем телевидение на большом экране и собрали ряд действующих установок новых крупных изобретений. Интерес это вызывает у посетителей огромный. Недавно был у нас Н. С. Хрущев и ознакомился с Выставкой и обещал нам дальнейшую помощь.

Должен огорчить Вас печальными сведениями о А. М. Игнатьеве. Несмотря на длительное лечение — положение его все время ухудшалось, недавно пришлось снестно поместить его в Кремлевскую больницу. Я заезжал к нему вчера и по отзывам врачей положение его очень серьезно. Мы очень опечалены его тяжелой болезнью — прекрасный он человек и очень талантливый изобретатель.

Недавно снова получил письмо от Ромея Роллана, в котором он снова подтверждает, что будет обязательно в Союзе в 1937 г.

Очень сожалею, что во время отпуска не удалось заехать по-видать Вас.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

¹ Елизавета Захаровна — жена П. П. Крючкова.

² Имеется в виду Всесоюзная выставка рабочего изобретательства и рационализации.

О целях и задачах выставки см. в книге «Роль технической консультации в изобретательстве» (М., издательство выставочного комитета, 1933).

125

ХАЛАТОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 8 апреля 1936 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Примите мои самые горячие поздравления с днем Вашего рождения и пожелания сил, бодрости и здоровья.

Петр Петрович говорил мне, что Вы очень много работаете и в ближайшее время нам, Вашим читателям, представится возможность увидеть ряд новых Ваших произведений и, в частности, заключительную часть «Клима Самгина». Я очень сожалел, что необходимость лечения и дела не позволили мне во время истекшего моего отпуска заехать к Вам и побеседовать с Вами. Надеюсь, что теперь уже скоро увидимся с Вами в Москве.

Статьи в «Правде» по вопросам искусства ¹ сильно затронули наших писателей, художников и композиторов, и я думаю, что они ответят на эту критику новыми интересными произведениями. Надо сказать, что 1935 г. в литературе был очень бледен, а между тем у нас есть люди, от которых можно ждать значительных творческих достижений.

Мы все были очень потрясены смертью А. М. Игнатьева. Это был исключительно интересный и крупный человек. Не напишете ли Вы о нем, мне кажется, что в его жизни есть много поучительного для молодежи ². Удалось ли Вам посмотреть книгу «Земля внизу» и каково Ваше мнение о ней.

В области изобретательства есть ряд новых интересных дел, о которых расскажу Вам при свидании.

Крепко жму руку.

Всегда ваш

Арт. Халатов

¹ Речь идет о напечатанных в «Правде» в 1936 г. статьях: «Сумбур вместо музыки» (28 января), «Балетная фальшь» (6 февраля), «Какофония в архитектуре» (20 февраля), «О художниках-пачкунах» (1 марта).

² Горький подписал вместе с Халатовым и другими некролог А. М. Игнатьеву (см. «Изобретатель», 1936, № 5, стр. 24).

М. ГОРЬКИЙ. «О ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЯТИЛЕТНЕМ ПЛАНЕ ИЗДАНИЯ КЛАССИКОВ В СВЯЗИ С ЗАМЕЧАНИЯМИ Н. К. КРУПСКОЙ»¹.

(20...21 сентября 1928 г.)

Сологуб — «Мелкий бес». Из всей прозы Сологуба это, — на мой взгляд, — единственная книга, которую следует издать. В лице Передонова, автор дал нам педагога эпохи самодержавия наиболее удачный, несмотря на его — Передонова — паталогично. Все, что до Сологуба писалось о педагоге — «человек в футляре» — покрыто, завершено Сологубом. Книга эта требует предисловия, которое (дало) бы хорошую картину эпохи, «передоновощины». Необходимо указать на роман «Мелкий бес» Генриха Манна, почти совершенно аналогичный роману Сологуба. Роман Г. Манна вышел в изд(ания) Сабина.

Фет — В поучение совре(менным) поэтам не мешало бы издать томик его избранных стихов. Главное из «Вечерних огней». С той же целью надо бы издать «Пламенный круг» Сологуба. К этим стихам необходимо предисловие на тему «Пассивный романтизм и его связь с пессимизмом».

Лесков — Нужно издать «Очарованный странник», «Овцебык», «Вечер», «В агитацию», рассказ об Иоанне Крошадтском², несколько крестьянских рассказов, «Несмертельный Голован» и некоторые «исторические анекдоты». Лесков характерен отрицательным отношением к деревне и высоко ценен значением языка, богатством лексикона.

Гончаров — «Фрегат П(аллада)» — конечно, устаревшая и не интересная книга. Для знакомства с Г. издан «Обломов».

Достоевский — Нахожу, что «Бесы» должны быть изданы только при условии: с предисловием, которое дало бы очерк всей контрреволюционной литературы: Клюшников «Марево», Крестовский «Плещурово стадо», Писемский «Взбаламученное море», Лесков «На полях». Иначе не вижу оснований издавать отдельно «Бесов», они есть в «Полн(ом) собр(ании) соч(инений)».

Набси. Плещеев — не понимаю, кому они нужны. Почему же тогда не издать Полонского? Мен? Случевского?

Вагнер — «Кот-Мурлыка». Что же у него ценно? Фантастическая и сентиментальная сказочка «Мила и Нелли»? Вагнер — метафизик, спиритуалист, занимался и спиритизмом вместе с Бутлеровым. См. полемику с ним Д. И. Менделеева³.

Омулевский. — Такие бездарные романы, как «Шаг за шагом» у нас теперь издаются десятками⁴.

Серошенского, Скятальца, Михайлова-Шедлера едва ли будут читать — скучно.

Мидевич — а что издать? «Дзедзы» и «Конрад Валленрод»? Очень плохие переводы.

Поэты и писатели надмозышьяств находят место в «Альманахах».

Польки. Есть ли смысл издавать Элизу Ожешко, Клеменса Юношу и вообще польских народников?

«Сиротки», «Обрученные» Машонца, «Овод» Войнич, Эркман-Шатриан «История крестьянина», «Записки рекрута» — нужно издать⁵.

Шейцер — «Эмма» — лубок, Шпальгаген — скучно и длинно.

Полени — столбовец; лучше издать на его тему Ренэ Базена или Эстонье.

Гкоо — «Эриали» нет перевода. Издать нужно «93-й год».

Сказки Афанасьева. Не думаю, чтоб можно было установить «как одна и та же сказка варьируется в устах кулака, середняка, бедняка». Во всяком случае — это задача ученого и талантливого этнографа⁶.

Гаршина, Степанин, Левитов, Шмелев, Момассан, Шоу, Бьерисон показаны в списке заданных.

Бичер-Стоу? — Старо это.

Брест-Гарта — следует издать, он «смигчает нравы».

Мое предложение.

Издать:

Салтыкова — «Трудное время».

Осиповича-Новодеборского — «Из записок ни павы ни вороны».

Кружковского — «Николай Негорев».

Гасба Успенского — «Нравы Растеряевой улицы», «Власть земли».

Рассказы.

Помаловского — «Молотов», «Мещанское счастье».

Станюковича — «Морские рассказы».

Апп. Майкова — «Три смерти» и некоторые избранные стихи

Фюфанова — томик стихов.

Андрей Струг — «Христос», «Сократ».

Теммайер — «Горные орлы».

Рейхмана — «Король Андрей» — кажется?⁷

Сенкевич — «Бартек Победитель» и другие рассказы.

Герольдский — «История греха», «Пенал».

Данилевский — «Поезд»?

Войнич — «Овод».

В списке иностран(ных) авторов, издаваемых ГИЗом, помечены некоторые издания «Всемирной» литературы. Но еще больше непомеченных, и в их числе такие дорогие и важные, как Вольтер «Орлеанская девственница», второй том с гравюрами. Где они?

28 г.

Тургенев — почему «Новь», а не «Отцы и дети»? Думаю, что для нашего времени «О, и д.» — интереснее. Она будет особенно интересна, если и ней дать выдержки из полемики, вызванной ею в свое время.

Кальдер — нужен ли? Кто будет читать его в наши дни? Было бы полезнее — для поэтов издать Державина.

Верхарн — было четыре издания переводов В. Брюсова.

Руссо — не следует ли отнести в «Серию национальных литературы»?

Флобера — надо бы издать всего.

Франс и Зола — выходят «полными собраниями», зачем же еще «избранные»?

29 г.

Писемский — Изданы «Люди 40-х годов» — достаточно. «Плотины артель»?⁸

М. Горький

Датируется на основании письма Секретариата Правления ГИЗа Горькому от 20 сентября 1928 г. и письма Халатова членам редизла от 21 сентября 1928 г. (АГ).

⁷ 20 сентября 1928 г. Секретариат Правления Государственного издательства направил Горькому записку Н. К. Крупской по поводу пятилетнего перепечатного плана ГИЗа по изданию классиков.

Н. К. Крупская предлагала дополнительно включить в план произведения Чернышевского, Рыльского, Плещеева, Надсона, Вагнера, Омулевского, Серошевского, Ситальца, Михайлова-Шеллера, Мицкевича, Ожешко и считала нецелесообразным издавать Сологуба, Фета, Лескова, Достоевского и др.

Н. К. Крупской, по-видимому, не было известно, что ряд названных ею авторов (например, Чернышевский, Рылев и др.) выходили или были предусмотрены планами других серий. (Письмо Н. К. Писемского членам редизла от 20 сентября 1928 г. — АГ.)

⁸ Имеется в виду русский Лесков «Полунощники. Пейзаж и жанр».

⁹ Д. Н. Менделеев в своих автобиографических заметках писал в 1876 г.: «Когда А. М. Бутлеров и Н. П. Вагнер стали очень проповедовать спиритизм, я решился бороться против суеверия, для чего и образовалась „Комиссия

при Физическом обществе» (Архив Д. И. Менделеева. Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 74). Д. И. Менделеев в своих публичных лекциях 15 декабря 1875 г. и 24 и 25 апреля 1876 г. выступал против А. М. Бутлерова и Н. П. Вагнера как проповедников спиритизма. (Д. И. Менделеев. Сочинения, т. XXIV. Л.—М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 171—240).

* Отрицательное отношение к роману Омулевского Горький объяснил в «Беседах о ремесле»: «Еще более соломенными и бумажными видел я фигурки Светлова, Стожарова, Володина и других «революционеров», которых пасеки делали для воспитания юношества» Омулевские, Мордоницы, Засодимские. Многого еще не понимая, чувствовал я, что люди этого типа не в силах взорвать «нормальную» жизнь, а — в лучшем случае — «способны только на то, чтобы — переставить мебель» по слову пьяного певчего в пьесе «Мещане» (Собр. соч., т. 25, стр. 305).

* Видимо, речь идет о романе «История новобранца 1813 г.», в котором рассказ о войне ведется от имени новобранца — простого деревенского парня Юзефа Берта (Пг., «Задруга», 1917).

* Н. К. Крупская в своих замечаниях по поводу сказок Афанасьева писала: «Сказки Афанасьева надо издать, но снабдив их анализом классовых отношений в деревне — показать, как одна и та же сказка варьируется в устах кулака, середняка и бедняка, в устах крепостного крестьянина, как меняется в зависимости от района — в центре помещичьего землевладения, на далеком Севере, в южных степях. Сказки Афанасьева — богатейший материал для марксистского анализа народного крестьянского творчества, национального творчества, но уже не в таком виде их надо издавать, как у нас издавали в старину для гимназистов» (АГ).

* Под таким заглавием произведения у Владислава Реймонта нет. Видимо, речь идет о произведении Казимира Тетмайера «Король Андрей» (см. Казимир Тетмайер. Собр. соч., т. VIII. М., изд. В. М. Саблина, 1910).

* В период с 1928 по 1932 г. издава (в разных издательствах) только часть книг, рекомендованных Горьким («Отцы и дети» Тургенева, «Трудное время» Слепцова, «Молотом» Помяловского, «Овод» Войнич, «Девяносто третий год» Гюго. Избранные произведения Флобера, Ряд книг был издад только в середине и конце 30-х годов («Мелкий бес» Сологуба, стихотворения Державина, Фета, произведения Лескова, Г. Успенского, сказки А. Афанасьева, «Обрученные» А. Мандзони и др.).

Роман «Бесы» Достоевского, «Николай Негорев или благополучный россиянин» И. Кушевского и другие изданы не были.

Ряд произведений («Фрегат Паллада», «Хазина дяди Тома», стихи А. В. Кольцова) Горький отклонил только для данного плана. В его статьях и письмах содержатся и положительные оценки указанных произведений и их авторов (см. Собр. соч., т. 23, стр. 153, 348; т. 24, стр. 475; т. 27, стр. 520, 581; т. 30, стр. 147).

2

М. ГОРЬКИЙ. ПЛАН ОРГАНИЗАЦИИ «ДЕШЕВОЙ БИБЛИОТЕКИ» ГИЗ»

(1929 г.)

Госиздат — учреждение, которое не только механически снабжает читателей книгой, но как один из наиболее мощных проводников культуры в массу, руководит выбором книги, облегчает поиски ее читателем. «Дешевая библиотека» ГИЗа наиболее приближает его к делу службы культурному воспитанию масс, и здесь руководство Государственного издательства и может, и должно иметь наиболее серьезное значение. Поэтому я считал бы, что серия книг «Дешевой библиотеки» должна быть построена по тематическим разделам и в порядке времени. Например:

Война

Серию эту следовало бы начать с войны 1812 г.

1. Эркман—Шатриан — «История новобранца».
2. * — «Конец Наполеона».
3. Ложье — «Дневник офицера Великой армии».
4. Л. Толстой — Отрывки из «Войны и мира».
5. Мюссассан — «Пышка», «Мадемуазель Фифи».
6. Золя — «Разгром».
7. Октав Мирбо — «Война».
8. Сенкевич — «Бартек победитель».
9. Гаршин — «Воспоминания рядового Иванова», «4 дня на поле сражения»¹.
10. Жеко — Очерки войны и нарративных экспедиций 904—5.
11. Клод Фаррер — «Цусима»².
12. Уэллс — «Война в воздухе».
13. Л. Андреев — «Красный смех».
14. Я. Гашек — «Положения Швейка» — издан.
15. Ремарк. «На западе все спокойно» — изд(ается)
Следует издать:
16. Барбюс — «В огне».
17. Арнольд Цвейг — «Приключения сержанта»³.
18. Рени — «Война».
19. Ноган Бохер — «Люлизи».

Разумеется, список не полон, вероятно, мною забыты весьма ценные книги. В дальнейшем этот раздел будет пополняться вновь выходящими книгами на эту тему.

Французская революция

- Ретиф де ля Бретан — «Картины французской жизни XVIII в.».
- В. Гюго — «93 год».
- Анатоль Франс — «Боги жаждут» (Изменить титул).
- Феликс Гра — «Революция».
- «Террор»
- «Белый террор» (Трилогия)⁴ и т. д.

Колониальная политика

- Мультикульт — забыл название⁵.
- Густав Френсен — «Воспоминания Петера, колониального солдата»⁶.
- Пьер Милль — «Рассказы Барново».
- Пьер Милль — «Барново в Париже».
- Лоти — «Исландский рыбаки».
- Юргенсен — «Африканские рассказы».
- «Письмо из Конго» — автор русский белоохранец, бурбон и циник на службе бельгийских промышленников. Печаталось письмо в газете «Руль» за 28—9 г. По цинизму своему письмо глубоко поучительно, автор рассказывает об эксплуатации негров без прикрас.
- Есть еще много книг на эту тему, но сейчас не могу вспомнить их титула.

Престыжиство на Западе

- Бальзак — «Крестьяне».
- Золя — «Земля».
- Рене Базен — «Гибель земли» (?)⁷.

Престыжиство у нас

- Бунин — «Захар Васильев»⁸, «Деревня».
- Чехов — «Мужики», «В овраге».

Г. Успенский — «Власть земли».
Кочнев — «Девки»⁹.
Горбунов — «Ледолом».

Буржуазия

Иоланта Марес — «Лилли. Нравы аристократии Берлина».
Генрих Манн — «Верноподданный», «Светское общество».
Лемонье — «Последний барон».
Мак-Орлан — «Большевистская Венера»¹⁰ — на эту тему существуют сотни книг.
Следует издать книги о первобытном человеке.
Рони — «Вампире», «Борьба за огонь».
Ненсен — «Ледник».
Уэллс — «50 т. лет тому назад».

Антирелигиозные

Эса де Кейрош — «Реликвия».
Ан. Франс — «Танс».
Вольтера — рассказы на эту тему.

Смесь

Васильевой — «Зависки крепостной девки» — издаво в Новгороде, 13 год¹¹.
Станюкович — «Морские рассказы».
Джованноли — «Спартак».
Флобера — «Салаambo» — полный перевод.
Кинеглея — «Иниция».
И совершенно необходимо дать биографии выходцев из рабочего класса, из крестьянства:
Ломоносова,
Фарадея — следовало бы издать его классическую «Историю свечки» в новой редакции.
Ади Негри,
Шалляпина,
Мичурина и т. д. *
Поискать таких выходцев в знаменитой биографической библиотеке Панленкова.

¹ Точное название рассказов Гаршина: «Из воспоминаний рядового Иванова» и «Четыре дня».

² Видимо, Горький имел в виду роман Клода Фэррера о русско-японской войне — «Битва».

³ Имеется в виду «Трагедия унтера Грини».

⁴ Трилогия Феликса Гра имеет общее заглавие. — «Марсельца». (Роман в трех частях.)

⁵ Очевидно, Горький предлагал популярный роман Мультидули «Манс Хавелар».

⁶ Речь идет о романе Френсена «Среди дикарей. Повествование Петра Моора о походе его на юго-восток Африки для усмирения восставших дикарей».

⁷ Роман был издан в России под названием «Умирающая земля».

⁸ Горький имел в виду рассказ И. А. Букина «Захар Воробыш».

⁹ Речь идет о романе Н. И. Кочина «Девки».

¹⁰ Книга вышла в 1925 г. под заглавием «Интернациональная Венера».

¹¹ Рекомендованное Горьким издание было осуществлено в 1912 г.

(1929 r.)

Если я не ошибаюсь — на собрании в ГИЗе решено было давать фотоматериал для каждого № так, чтоб предчитателем вставала более или менее целостная картина стройки по областям, т. е.:

Электрификация страны.

Добыча топлива — торф, уголь, нефть.

Добыча и обработка строительных материалов.

металлов.

Фаб(рики) и зав(оды) по обработке сырья в полуфабрикаты.

е е е е в фибреаты

Судостроение.

Машиностроение.

Строительство зданий государственного и общественного назначения, напр., Харьковский Дом госторговыи, Московский телеграф, «Дом правительств» и т. п.

Школы, вузы, институты.

«Двором трудна», «культура».

Научно-исследовательские институты

и так далее — в каждом №, по возможности, полная картина промышленного или культурного роста.

План 1-го № этой задачи не отвечает. В нем государственная работа дается неорганизованно, в раздробленном виде, что не может быть достаточно убедительным для зрителя-читателя.

Далее, в плане 1-го М намечены линии с некоторых процессов труда: «сборка цилиндрического двигателя», «проверка станка», «сборка турбины» и пр.

Не думаю, что в трудовые процессы нами уже введено нечто новое и способное удалять иностранцев. Вероятнее, что именно эти процессы покажут «старинку», еще не известную у нас: небрежное отношение рабочих к материалу и недостаточно осмысленное отношение к труду. Вполне допустимо, что на снимках иностранцев увидят рабочих, которые стоят и курят, не принимая участия в работе товарищей.— поведение недопустимое с точки зрения «хозяев» Европы и Америки. Нет никакого смысла давать фотоснимки рабочих, которые держат себя как зрители труда товарищей.

Частности, которые нужно устранить: «мешки муки» на Хлебозаводе, естество всходить, сборка машин, прибывших из-за границы и прочее.

Нужно дать два, три №, посвященные нашим изобретениям: завод «Ферментин», сплавное производство, тормоз Казанцева, иезл Матросова, «Ветрини» и т. п.

№ портретов и кратких биографий изобретателей-рабочих.

Мне думается, что, придерживаясь такого плана, мы достигнем более солидного, яркого и правильного освещения процессов государственной стройки.

Считаю необходимым посвятить отдельный № хозяйственным предприятиям ПТУ — трудкомунам, куроводству, «шлаговому» производству и т. д. — во всем его объеме.

A. II.

Знаменитые и знаменитые
Страна:

[illegible]

(1929)

Тексты нужно формировать с точностью совершенной. Такие ограничения как «почти», «приблизительно», «равна или превышает» и т. п. и нахожу недопустимыми, потому что они могут вызвать впечатление неведения того, о чем рассказывается.

Не следует говорить и о том, что «предположено», а только о том, что уже осуществлено.

Совершенно необходимо дать снимки: старой рабочей казармы, поселка Раина, нескольких рабочих домов различной архитектуры, внутренней планировки, типы рабочих тюрем и русских за работой и дома. Не оправданы и не нужны снимки: проба бензина, берега Чусовой, правят транз, резервуар, готовые полускаты, крыша и часть корпуса дизель-деха.

Все эти снимки не показывают ничего, что говорило бы о широте размаха индустриального строительства.

Вообще, мне кажется, что фотоматериал дан недостаточно убедительно и организованно. По Азнефти можно бы дать водонапорный завод, «качалки», а рядом с ними вышку — «стартальную».

(После 12 июля 1931 г.)

1. «История гражданской войны»

Пронестируются:

2. История науки

3. « техника и промышленности

4. « сельского хозяйства

5. « фактическая история культуры, т. е. история возникновения бытовых и полит(ических) форм, обычаев и т. д.

6. « религий, причем необходимо ввести сюда для фактора, которые буржуаз(ная) наука игнорировала: фактор трудовой и сексуальный, а религию рассматривать с двух точек зрения как художественное и этическое творчество трудящихся масс и как индивидуальное мистическое творчество, направленное к утверждению власти единицы над массой.

7. История большевика, дать его как тип, в бытовой обстановке, в революционной работе, где он тоже вел борьбу против всякого реформизма, за революционный радикализм.

Художественный ежегодник — альманах, посвященный отражению наиболее характерных событий года.

В распределении книги необходимо считаться с теми или иными хозяйственно-промышленными особенностями областей.

Не указано, что план 5-летия по изданию классиков — провалился.

Не указано, что широчайший спрос на художественную литературу — не удовлетворяется, хотя эта литература — напр., классики — самая дешевая по себестоимости, является мощным средством излечения лишнего денег из рук массового читателя.

Вообще худ. лит. поставлена где-то на заднем плане, что свидетельствует о недостаточном понимании ОГИЗом ее педагогического и экономического значения.

РЕШЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ НА СОВЕЩАНИЯХ В СОСТАВЕ: М. ГОРЬКИЙ,
ХАЛАТОВ, ЛЕОНОВ, КРЮЧКОВ, ПРОСКУРИКОВ В СОРРЕНТО

24 апреля, 3 мая и 7 мая 1931 г.

1. О журнале «Литературная учеба»

- а) журнал оставить в Ленинграде;
- б) еще раз после приезда М. Горького в СССР пересмотреть состав редакции, ориентировочно наметив следующий ее состав: Кирпотин (зам. зап. ред.), Якубинский, Лаврухин, Груздев, Десницкий-Строев, А. Тихонов, Камегулов, Либединский, Бескина и один марксист-философ из Ленинграда;
- в) по линии Ленинобкома получить специальную директиву партийной части редакции о необходимости работать в журнале планомерно, принимая во внимание его важность;
- г) по линии Ленинобкома обеспечить необходимые условия для работы редакции (помещение и т. д.);
- д) по приезде в Москву созвать совещание нового состава редакции с участием М. Горького;
- е) выпуск полного комплекта «Литучебы» (20 книг) закончить к XI 1932 г.;
- ж) вопрос о тираже издания обсудить на ближайшем заседании редакции;
- з) поручить периодисту ОГИЗа промышленности анализ состава подписчиков «Литучебы» и представлять соответствующий материал М. Горькому и Халатову;
- и) провести прикрепление в общественном порядке ряда писателей к журналу «Литучеба» с тем, чтобы они вели постоянную работу по критическому разбору поступающих рукописей, переписку с автором и т. д.;
- к) поставить перед редакцией вопрос о создании ряда учебных пособий для начинающих авторов.

2. О журнале «Наши достижения»

- а) пересмотреть состав редакции, исключив из нее неработающих членов, и добавить новых, наметив включение тов. Гринько и двух рабочих ударников с московских предприятий;
- б) подготовить выпуск в этом году номера журнала, в основном посвященного достижениям советской печати;
- в) иметь, как правило, в следующих номерах журнала статьи по очередным кампаниям и наиболее важным вопросам текущей политики, строя их в разрезе общих установок журнала;
- г) обратить особое внимание на отдел хроники, усилив в нем освещение достижений советского изобретательства и наших богатств.

3. О журнале «За рубежом»

- а) считать, что основное на данном этапе заключается в усилении работы редакции;
- б) по приезде М. Горького в Москву созвать редакционные совещания с участием М. Горького и Халатова.

4. О журнале «СССР на стройке»

- а) усилить заграничный тираж «СССР на стройке», имея в виду его огромное пропагандистское значение;
- б) улучшить технику журнала;
- в) избегать помещения в журнале мелких и незначительных снимков;
- г) выработать по главным странам списка лиц, имеющих особый общест-

женный вес (влиятельные члены правительства, крупные общественные деятели, литераторы и т. д.), которым рассылать журнал бесплатно;

д) немедленно после выхода № 3 созвать редколлегия с участием М. Горького.

5. *О полож периодическом органе, охватывающем общественную жизнь и быт в зарубежных странах, который восполнял бы недостаток этих сведений с наших газетах*

а) получение материала для этого органа организовать через отделы печати наших полпредств и уполномоченных ТАСС, обязав их развить работу и направления сбора этих материалов, их обработки (получить соответствующие директивные указания ЦК ВКП (б));

б) считать, что в этом органе должны помещаться, примерно: сведения о рабочем движении и рабочем быте, материалы, характеризующие жизнь капиталистических классов и распад буржуазного общества — биржевые скандалы, выдержки из судебной хроники и т. д., стихи на всевозможные политические и бытовые темы, карикатуры (журнал должен быть занимательным), сведения о заграничной технике и т. д.;

в) журнал должен выходить, примерно, раз в декаду;

г) вопрос об организационной форме этого издания решить окончательно по возвращении в СССР (должен ли журнал быть новым самостоятельным изданием, или в этом направлении надо перестроить «Огонек», или, наконец, надо сделать его приложением к основной центральной газете — «Правде» или «Известиям»).

6. *О книге «Ход закона»*

а) создать новую массовую книгу, показывающую массу, как творца закона в СССР. Книга эта должна отразить весь ход создания закона от низов до СНК в связи с практикой социалистического строительства, а также показать обратное движение закона и его результаты. В основном книга должна быть рассчитана на деревенского читателя;

б) в качестве авторов этой книги надо наметить: Ильина и Шкапу, считая, что было бы целесообразно организовать конкурс;

в) в качестве дополнения к этой книге позднее выпустить вторую книгу — «Закон на Западе» в целях выявления резкого контраста практики создания и применения закона у нас и в капиталистических странах.

7. *О книге «День»*

а) ежегодно выпускать книгу «День», рисующую в форме художественных миниатюр день жизни за истекший год в СССР и капиталистических странах. Книга эта должна строиться на фактическом материале, включать наиболее характерные и показательные события и факты (единство времени не обязательно), изложение должно быть художественным, но максимально сжатым (пример: «Ночевники» Н. Тихонова — рассказ о двух баях);

б) писание книги поручить коллективу крупных писателей. Общая редакция М. Горького;

в) к созданию этой книги за 1930 г. приступить немедленно по приезде в СССР.

8. *О книге «Факты и цифры»*

а) периодически (ориентировочно раз в квартал) выпускать книгу — «Факты и цифры», знакомящую, как широкие массы Союза, так и зарубежных читателей с ходом социалистического строительства в СССР во всех областях народного хозяйства и культуры;

б) план книги поручить разработать в месячный срок гг. Крючкову и Проскурякову;

в) к редактированию этого издания привлечь гг. Беленко (Соцгиз) и Розенталя (Госплан);

г) данные, опубликованные в этом издании, широко использовать как в периодике, так и в календарях.

9. О литературном альманахе

а) создать новый литературный альманах, вокруг которого объединить крупнейшие и наиболее талантливые литературные силы с тем, чтобы это издание заключало в себе образцы новой советской литературы;

б) помещать в альманахе только новое, ранее нигде не опубликованное произведение;

в) по приезде в Москву созвать с участием М. Горького и Халатова совещание писателей по поводу альманаха, где подробно обсудить вопрос о его организации. На собрание привлечь в первую очередь гг. Леонова, Вс. Иванова, Федина, Фадеева, Либединского, Н. Тихонова, Слоновского, Олешу, Лидина, Бугрицкого, А. Толстого, Мадяшина — окончательный список составить М. Горькому и Халатову;

г) выпустить во втором полугодии этого года два номера этого альманаха

10. О литературе народов СССР

а) в издании художественной литературы народов Союза и переводах на русский язык сделать упор на новые современные произведения и сократить до минимума выпуск дореволюционных произведений;

б) обратить особое внимание на издание альманахов литературы народов СССР, включающих наиболее крупные новые произведения и таким образом периодически знакомящих русского читателя с достижениями национальных литератур;

в) организовать в ГИХЛе специальное совещание по рассмотрению плана издания литературы народов СССР с участием М. Горького, имея в виду, что за последний период по серии «Творчество народов СССР» был выпущен ряд неудачных книг, и план дальнейшей работы нуждается в самом тщательном пересмотре.

11. Об истории человеческой культуры

а) создать новое издание по истории человеческой культуры. Издание это должно быть доступно широким массам и приспособлено к тому, чтобы быть пособием в средней школе (в нем должна быть хорошая библиография с краткими аннотациями);

б) по поводу плана этого издания по приезде в Москву организовать совещание с историками-марксистами (в первую очередь к редактированию издания привлечь гг. Покровского и Лукина).

12. Об истории гражданской войны

Имея в виду, что план истории и программа ближайших работ уже разработана редакционной комиссией, обсуждение вопроса об этом издании отложить до приезда в Москву и ознакомления с ходом работ по подготовке издания за последний период.

13. Об издании антирелигиозной литературы

а) создать книгу по истории религии в популярной форме, на фактах дающую картину возникновения и развития религии в марксистском освещении. Общие предложения по этому вопросу просить дать М. Горького;

б) помимо общей книги по истории религии, подготовить отдельные книги по истории христианства, истории евреев, истории теистов и другие, которые вооружили бы антирелигиозников необходимыми историческими данными в их борьбе с религией;

в) в Москве более подробно с Советом безбожников и Масспартгизом обсудить вопрос о текущей антирелигиозной литературе, особое внимание обратить на улучшение безбожной периодики.

14. О библиографической работе

Организовать в ОГИЗе внутренний библиографический орган, задачей которого должна быть самая решительная и беспощадная борьба со всеми недостатками ОГИЗовской продукции. Поручить тов. Проскурякову организацию этой работы и представление плана работ в этом направлении и 1-му июня, имея в виду возможность перестройки в этом направлении журнала — «Книга — строителям социализма».

15. О «Библиотеке поэта»

а) в целях ознакомления молодых поэтов с русской и иностранной поэтической литературой создать специальную серию «Библиотека поэта», в которую включить небольшие сборники произведений русских и иностранных поэтов с соответствующими литературно-критическими предисловиями;

б) ориентировочно наметить следующий список книг, подлежащих изданию в этой библиотеке. Сборники стихов: Державина, Батюшкова, Жуковского, Дельвига, Баратынского, Полежаева, Рылеева, Майкова, Плещеева, Мей, сборники русских сатирических поэтов; из иностранных в первую очередь: Гейне, Верашев, Фрейлингра; в)

издание этой серии считать целесообразным, возложить на издательство ленинградских писателей.

16. О переводной художественной литературе

Отмечая, что дело с изданием переводной художественной литературы обстоит крайне неблагоприятно: неудовлетворительные переводы, издание ряда ненужных книг, недостаточная осведомленность о новой заграничной литературе и т. д., считать необходимым созвать в ГИХЛе специальное совещание по этому вопросу и в первую очередь созвать за границей ряд корреспондентов ОГИЗа, обязанных следить за художественной литературой западных стран и быстро информировать ГИХЛ и ОГИЗ о всех новинках.

17. Об истории науки

а) исключительно важно и необходимо в ближайшее время выпустить «Историю науки», которая показывала бы историческое движение человечества в борьбе с природой и организовывала бы трудящиеся массы Союза в направлении овладения наукой и расширения ее достижений;

б) история науки должна состоять из ряда книг, а именно: общей вводной части, показывающей борьбу за научную методологию и ее развитие и ряда книг по истории основных научных дисциплин: физики, химии и т. д.;

в) «История» должна быть построена так, чтобы она все время указывала на связи развития науки с практикой;

г) общая литературная редакция — М. Горького;

д) одновременно с этим изданием подготовить также выпуск истории промышленности и истории сельского хозяйства;

е) просить М. Горького с привлечением т. Проскурякова и Крюкова подготовить развернутые предложения по этим вопросам.

18. О серии книг «История молодого человека»

Признать желательным выпуск книг, посвященных истории молодого человека, которому тесно в рамках буржуазного общества, который бунтует против современной социальной организации во имя своего индивидуума и не находит выхода. В эту серию должны войти крупнейшие произведения мировой литературы 19-го и начала 20-го века (например, «Красное и Черное» Стен-

даля, «Ученик» Бурне и др.). Всей серии должна предшествовать одна книга, дающая социальный анализ произведений серии и типа «молодого человека».

Задача серии — разоблачение индивидуализма «молодого человека», цель — борьба с некоторыми индивидуалистическими тенденциями, наблюдающимися в рядах нашей молодежи.

19. О технической литературе.

Перучить т. Проскурякову по приезду в Москву представить М. Горькому и Халатову общие итоги обмена мнений по вопросу об издании технической литературы и свои соображения по этому вопросу, после чего вновь вернуться к обсуждению конкретных предложений в этой области.

20. Признать необходимым периодический созыв совещаний наиболее творчески активной и ценной группы писателей с участием руководящих товарищей в целях обсуждения основных текущих вопросов литературы и приближения литературного творчества к очередным задачам социалистическойстройки. Организацию этих совещаний возложить на ОГИЗ с тем, чтобы первое совещание созвать вскоре по приезду в Москву.

ГОРЬКИЙ — НАКОРЯКОВ

Николай Никандрович Накоряков (р. 1881) — член КПСС, крупный работник советской печати. Н. Н. Накоряков встречался с Горьким в 1907 г. в Лондоне на пятом съезде партии. Об этом он пишет в своих воспоминаниях: «А. М. Горький на пятом партийном съезде» (см. сб.: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг.» М., Изд-во АН СССР, 1957).

В 1912—1916 гг. Накоряков был редактором социалистической газеты «Новый мир», издававшейся в Нью-Йорке. Он пригласил Горького к участию в этой газете и получил от него разрешение перепечатывать все его рассказы, публиковавшиеся в большевистской «Правде».

О своих отношениях с Горьким Н. Н. Накоряков пишет в воспоминаниях «Встречи и связи с А. М. Горьким с 1907 по 1936 гг.», хранящихся в Архиве А. М. Горького. См. также очерк Н. Н. Накорякова «А. М. Горький и издательское дело» («Литературная газета», 15 июня 1937 г.).

В июне 1932 г. Накоряков был назначен директором ГИХЛа.

В печатаемой ныне переписке Горького с Накоряковым (1932—1936 гг.) и отразилось участие Горького в работе ГИХЛа. В Архиве А. М. Горького сохранились планы ГИХЛа (с 1934 г. — Гослитиздата) с многочисленными пометами, исправлениями и добавлениями Горького.

Письма Горького Накорякову, вошедшие в Собрание сочинений, в настоящую публикацию не включены, кроме письма от 24 февраля 1936 г., которое было опубликовано не полностью.

1

НАКОРЯКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 9 октября 1933 г.
Спиридоновка

Дорогой Алексей Максимович!

Я думаю, что я делаю обязательно-необходимое и важное дело, посылая Вам при этом сводку материалов о заявках читателей на художественную литературу. Заявка только сведена массовым

сектором ГИХЛа из десятиков протоколов конференций с читателями и библиотекарями, из писем запросов с фабрик и заводов, из колхозов. Для документальности я прилагаю и один из таких многих протоколов подобных совещаний, проводимых нами в связи с обсуждением плана ГИХЛа на 1934 г.

Но, Алексей Максимович, знакомясь с такими материалами, я сам впадаю в состояние растерянности перед требованиями читателя, — особенно, если я вспоминаю, что же меня ждет реально в 1934 г.

Вы смотрели этот план и не нашли возможным его сокращать, а многое остро необходимое прибавили...¹

Но этот план, — по существу едва ли удовлетворительный и минимальный, требует по нашим издательским расчетам не менее 170 млн. листов бумаги. Нужно сказать, что уже в 1930 г. такое количество подобной литературы издавалось на русском языке теми издательствами, которые заменены теперь одним ГИХЛом.

В системе же ОГИЗа — в соответствии с его ресурсами в 1934 г., как мне категорически заявлено, на художественную литературу не будет выделено больше 95 млн. листов, следовательно, и этот минимальный план нужно сократить и свести дело издания художественной литературы к положению 1933 г., когда давались хвосты необходимого.

Если бы наш активный, юный читатель знал об этом, он бы парвел самым буйным голосом негодования...

Конечно, это «негодование» может рассматриваться, как художественная метафора человека, представленного в качестве сторожа к художественной литературе...

И как сторож я кричу и протестую против снижения могучего влияния художественной литературы в деле перевоспитания старого человека в нового, в деле вооружения нового на борьбу со старым во всех его «княти чувствах».

Алексей Максимович, поверьте — я беспокою Вас только потому, что размеры плана ГИХЛа — большое общественно-политическое и культурное дело, — кровно связанное с величайшей задачей переделки человека.

Я убедительно прошу Вашего компетентного авторитетного вмешательства в это дело, тем паче, что 1934 г. не без Вашего влияния и в связи со съездом² — будет годом необычайного развития художественной литературы в нашей стране и необычайного интереса широких масс к художественной литературе. Острейшая недостаточность этой литературы, констатируемая буквально всеми, достаточно важное обстоятельство, чтобы такой вопрос подвергался рассмотрению нашими высшими партийными, общественными и государственными органами.

Думаю, что Вы не откажетесь немедленно помочь такой постановке вопроса и общественно-необходимому его разрешению.

С сердечным приветом

Завед. ГИХЛом

Накоряков²

¹ Экземпляр тематического плана книжной продукции ГИХЛа на 1934 г. с многочисленными пометами и заключением Горького хранится в Архиве А. М. Горького:

«Тематический план прочитал, впечатление — тяжелое!

Что значит эти 5 и 10-тысячные тиражи на миллионы читателей?

Возникает вопрос: не следует ли сократить число авторов и этим увеличить цифры тиража? Мне кажется, что, например, в «Иллюстрированной серии» книг можно бы не издавать: «Вертера», «Жорик Занд», пьесы Горького, Мопассана, из книг Щедрина взять одну, исключить «Овегинна» — он издается «Академией».

«Новеллы» Франса лучше бы заменить «Островом Плягининов». Не представляю, какую из книг Роллана можно включить в эту серию — «Кола Брюньон»? Тогда рядом с нею хотелось бы видеть «Уленинителя», «Гаргарена», «Гаргантюа», «Обломов» вполне на месте в школьной серии, где следует дать «Недоросля» и отсюда исключить «Героя нашего времени», заменив его стихами «На смерть Пушкина», «Вадерик» и пр. Не пишу, зачем нужны: «Гроа», Рылеев, «Муму», «Кто виноват?», «Что делать?», «Анна Каренина», «История одного города» — совершенно недоступные пониманию школьников.

Зачем понадобились для школ «Погибшие мечты» Бальзака и «Отец Гориз», 25 листов Бросова, пьесы Горького, Шмелев, «Отверженные»? Сюда следовало бы ввести Франса «Боги жаждут», Стендаля «Нармский монастырь», Кнехт «Страна на закате». У Шоу надо взять «Разоблачения Блэско Познети», издаваемые у нас с письмом автора к Л. Толстому и ответом Толстого.

² Речь идет о Первом всесоюзном съезде советских писателей, который проходил с 17 августа по 21 сентября 1934 г.

³ На письме заметка Горького: «ЦАГИ» Бобрва».

2

НАКОРЯКОВ — ГОРЬКОМУ

Москва, 26 октября 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

С глубочайшей радостью приветствую Вас и, как бывает в тяжелую минуту, обращаюсь к В(ашей) помощи в делах обеспечения развития художественной литературы. В начале ноября рассматриваются наши планы, и к этому моменту я приурочиваю постановку основных вопросов художественной литературы.

Первый и основной вопрос: какое развитие будет обеспечено художественной литературе в 1935 г. По стране стоит стоит по поводу того, что нигде не видно художественной литературы. Я прилагаю одно из тысяч получаемых мною писем¹, в данном

случае письмо человека, стоящего у прилавка и распространяющего книгу. Сам я давно уже готов кричать, умолять, просить, чтобы меня избавили от мучений видеть жгучие, страстные запросы на книгу и не иметь возможности их удовлетворить. Все-таки в основном художественная литература зажата в небывалые тиски, — мы и в 1933 и в 1934 г. издаем на 25—30% меньше, чем в 1931 г. Даже в этом году ведь было издано около 360 млн. листов, в 1934 общая продукция не превысит 220 млн. листов... Ну как же не быть воплям, когда читатель рос, а продукция сокращалась, т. е. бумажные ресурсы кидались на технику, сельское хозяйство и пр.

Сейчас я вместе с товарищами, максимально отсекая все сомнительное, составил план на 1935 г. и он даже не укладывается в 300 млн. листов, — это дает около 30 млн. книжек. Но у меня нет уверенности, что такой план утвердят люди, ведающие бумагой, боюсь, что сократят до 150—200 млн... Что же будут значить 15—20 млн. книжек на 80—90 млн. читателей?.. И особенно в связи с тем интересом к художественной литературе, который выделен во всей нашей удивительной стране.

В решении этого вопроса не избежать сокращения каких-то других видов книжной продукции. А для этого совершенно необходимо, чтобы наши старшие товарищи, особенно Иосиф Виссарионович, сам вник в создавшееся положение и дал прямые указания.

Алексей Максимович, на днях я Вам пошлю подчищенный и переделанный вариант тематического плана 1935 г., из него Вы можете увидеть, что из общего числа 2000 членов Союза писателей мы отобрали около 400, а из московских 600 писателей около 100. Как видите, это получается очень жестко, но и при такой жесткости все-таки план получается такой, о каком я говорю. Вопрос о размере деятельности издательства — это вопрос о неудовлетворенных воплях читателей. А книжники со всех сторон говорят, что технической, сельскохозяйственной книгой мы забили книжные магазины и склады и что спрос на эту книгу ослабел. Так что возможности особого усиления издания художественной литературы за счет сокращения других видов книжной продукции все-таки есть.

Между прочим я должен сообщить, что в связи с отсевом из плана многих писателей-среднячков — в Москве идет шум и страстное волнение. Группы писателей, типа Дорохова, Малашикина, Низового² и т. д., говорят, ищут заявление в высшие органы; были случаи страстных объяснений и угроз уйти из литературы, «хлопнув дверью» и т. д. и т. п. Я не привожу это как оправдание издания плохих книг, но при сокращенных планах приходилось и придется отказываться не от плохих книг, а от таких, которые являются естественным путем движения литературы. Я не говорю о том, как трудно отбирать и отсеивать в такой

обстановке, — основной вопрос, чтобы иметь возможность дать хорошую книгу страстному и удивительному читателю.

Помогите Вашим влиянием, Алексей Максимович, в этом остром вопросе, — теперь будет решаться дело размеров издания художественной литературы.

Есть еще другой вопрос, решение которого тоже определяет и размеры издания художественной литературы, и качество ее, — это вопрос о типографиях³. От этого тяжелого вопроса просто все отмахиваются. Я с ним суюсь по всем органам уже полгода. Если бы мне разрешалось кричать, — я бы кричал публично, обвиняя многих и многих в подрыве культуры нашей страны небрежением к развитию типографского дела. Если мои ближайшие ходатайства не будут иметь результата, я, с риском испортить себе деловую репутацию, «зареву»... Пока я позволяю себе к Вам направить записку⁴ по этому делу, прося и к нему Вашего неутомимого внимания.

За беспокойство я не извиняюсь, т. к. Вы всю жизнь беспокоили все человечество и, кажется, любите такое беспокойство. Но здоровья, бодрых чувств от души желаю и всегда хотел бы помогать созданию обстановки для этого.

С сердечным приветом

Ник. Накоряков

26/X-34.

¹ Речь идет о письме В. Филиппа от 17 октября 1934 г. из Киева, в котором говорится о крайне плохом снабжении столицы Украины и ее областей художественной литературой (АГ).

² Советские писатели: Павел Николаевич Дорохов (р. 1886), Сергей Иванович Малазкин (р. 1890), П. Низовой (Тушиков, Павел Григорьевич) (1882—1940).

³ Н. П. Накоряков добивался постройки специальной типографии для Гослитиздата.

⁴ К письму приложена обширная докладная записка: «Предложения по обеспечению полиграфической базой Государственного издательства художественной литературы».

3

ГОРЬКИЙ — НАКОРЯКОВУ

(Тессели, 7 ноября 1934 г.)

Я не представляю пределов, в коих окончательный план¹ может быть изменен, да — мне кажется — что изменения и вообще невозможны, ибо все книги обусловлены договорами.

Меня очень удивили перечисленные на стр. 20 авторы:

Гриммельсгаузен, Рихтер, Филдинг, Гофман, Кольдерон, Шамиссо, а также «Антология греческой лирики» и «Драмы Греции».

Мне кажется, что все эти авторы подлежат изданию в «Академии», некоторые из них уже имеются в ее плане. «Греческая лирика» — тоже. Откуда они попали к Вам?

Затем я полагал бы, что, издавая «Кола Брюньон» Роллана, следует издать «Тартарена» Додэ и «Улешингедля» де Костера — эти книги одинаковы по теме, одна дает бургундца, как национальный или племенной характер, две других — провансальца и фламандца.

На 15-й стр. указан Чехов — без автора, на 21-й Чехов — Балухатого. Это — две разные книги? ².

По вопросу об издании «Словаря» Даля я согласен с мнением Каринского, но не вижу — почему? нужно исключить Бодуэна де Куртенэ? ³

Оценку рукописи Бондарина ⁴ Вам сообщит Петр Петрович.

Поздравляю Вас с XVII Октябрем, желаю здоровья и успеха в трудной Вашей работе. Крепко жму руку.

М. Горький

7.XI.34.

Это письмо Н. Н. Накоряков приводит в своем очерке «А. М. Горький и издательское дело». См. «Литературная газета», 1937, 15 июня.

¹ Тематический план Гослитиздата на 1935 г. (см. письмо 2).

² На все вопросы, поданные Горьким, Н. Н. Накоряков отвечает в письме от 16 ноября 1934 г.

³ Николай Михайлович Каринский (1873—1935) — языковед, специалист по русской диалектологии, палеограф, член-корреспондент АН СССР. Считал необходимым переиздание «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, предлагал, однако, взять за основу нового издания последнее прижизненное авторское издание 1882 г., а не издания 1903—1909, 1912—1914 гг. под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ (см. письмо 4).

⁴ В это время Сергей Александрович Бондарин (р. 1903) прислал на отзыв Горькому ряд своих тогда еще не опубликованных произведений: «Монгольское детство», «Повесть для сына», «Конец», «Площадь круга», «Поход Авроры» и др. Горький, дав общую положительную оценку присланных повестей и рассказов, находил, однако, что они нуждаются в значительной доработке, после чего могут быть напечатаны. В Архиве А. М. Горького хранятся рукописи С. Бондарина с правкой Горького и переписка его с Горьким.

4

НАКОРЯКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 16 ноября 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваши указания о плане Гослитиздата мы учли; сняли ряд произведений, относящихся к «Academia», Додэ «Тартарен из Тараскона» и «Улешингедля» де Костера включены в план «Молодой гвардии», поэтому не включены в наш план. Вопрос о двух книгах Чехова, вызвавших у Вас недоумение, основан на недоразумении,

— в В(ащем) экземпляре плана просто ошибочно не указано название этих совершенно разных книг.

Но самое важное — это вопрос об издании словаря Даля. На основе рассмотрения существа этого замечательного произведения мы здесь, как и Каринский, как и Вы, склоняемся к решению издать его фотографическим способом с последнего прижизненного авторского издания 1882 г. Это издание, так сказать, окончательно отработано самим Далем. Чтобы сохранить все особенности его, мы готовы отказаться от перевода его на новую орфографию, от какой-либо редактуры и останавливаемся на полном фотографическом воспроизведении цинкографическим путем, дав лишь новое краткое предисловие, объясняющее и научную ценность самого словаря, и цели, побудившие нас к переизданию его.

Почему мы для такого переиздания не берем третье или четвертое издание, вышедшее под редакцией проф. Бодуэна де Куртене?.. Дело в том, что последний к научной, непреходящей ценности произведения, почти не добавил ничего, он для удобства пользования некоторые слова из внутренних гнезд вынес в общий алфавит, внес немного слов позднего происхождения, дал им толкования с точки зрения буржуазного либерализма, разочаровавшегося и в буржуазной революции (характерны его добавления в слове «революция»), — кроме этого, внес слова уличного жаргона, так называемые — грубые — похабные слова. Все это сам Даль по понятным причинам не вносил в свой словарь и не мог внести.

Поэтому издание словаря с текста самого Даля, без последовавшей обработки его, облегчает задачу объяснений в предисловии, не умаляет научного значения издания и в известной степени не будет вводить «во искушение» тех, кто склонен в литературу вводить уличный жаргон.

Вот почему мы сами считаем за лучшее воспроизвести новое издание фотографическим способом с издания 1882 г., т. е. с последнего издания, осуществленного по редакции самого автора.

Если у Вас, Алексей Максимович, будут по этому поводу какие-либо особые указания, соображения и советы, готовы будем их учесть немедленно, так как технически для нас это не имеет никакого значения. Если у Вас возражений не будет, то я позволю себе считать, что могу действовать, как мы здесь сговорились и с учеными, и с Алексеем Ивановичем¹. Письмом этим я утруждаю Вас только потому, что Вы в своем письме ко мне от 7/XI выразили недоумение об исключении материалов, добавленных Бодуэном де Куртене.

С сердечным приветом и самыми лучшими пожеланиями

Ваш Н. Нагоряков

Москва.

¹ Алексей Иванович Стецкий (1896—1939) — в то время заведующий отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б).

ГОРЬКИЙ — О. Ю. ШМИДТУ
и Н. Н. НАКОРЯКОВУ

(не ранее сентября 1934 г.)

Товарищам О. Ю. Шмидт¹ и Накорякову

Уважаемые товарищи!

Простите, что задержал ответ по поводу «Словари лит. языка»².
Материал, присланный Вами, просмотрен А. К. Виноградовым³,
я тоже просмотрел весь. Наши впечатления сходятся: в работе
почти совсем отсутствует сегодняшняя живая речь массы, уже за-
фиксированная текущей литературой, в лице ее наиболее крупных
представителей — Леонова, Вс. Иванова и др. Нет Зощенко,
Маяковского, Д. Бедного — людей весьма чутких к затаенной
игре языка и «словотворцев». Нет нынешних технических рече-
ний, без которых текущая литература уже не обходится. Отсюда
следует, что к работе должно привлечь литераторов, и я бы реко-
мендовал: Леонова, Иванова, Тынянова, Груздева, Лаврухина,
Маррианца⁴. Со стороны редакционной было бы целесообразнее
давать групповые и семейные гнезда слов в подборку, а не разоб-
щать их, это, кстати, уменьшило бы и объем словаря. Виногра-
дов советует смелее указывать латинские, греческие фундаменты
обиходных слов, а также и на вторжение в наш язык восточных
влияний. Сотрудничество литераторов, бесспорно, оживило бы
словарь, суховатость его очень заметна.

Мой сердечный привет.

Печатается по черновому автографу. Частично опубликовано в книге ста-
тей В. Билика «О Горьком», М., изд-во «Советский писатель», 1947, стр. 244.
Датируется по времени работы над «Словарем литературного языка».

¹ Отто Юльевич Шмидт был в то время главным редактором Большой
советской энциклопедии.

² Издание реализовано не было.

Работа по подготовке «Словаря литературного языка» была пачата, од-
нако составить редакцию из литераторов-писателей не удалось. Тем временем
Д. Н. Ушаков закончил работу над своим словарем литературного языка,
который частично осуществлял эту же задачу и издательство «Советская эн-
циклопедия» приступило к его изданию.

³ Речь идет о писателе Анатолии Корниловиче Виноградове. Его со-
ображения по повод «Словаря литературного языка» изложены в письме
Горькому от 25 августа 1934 г. (АГ).

⁴ Маррианц — шутовское прозвище М. С. Шагинян.

ГОРЬКИЙ — НАКОРЯКОВУ .

(Москва, 30 января 1935 г.)

Дорогой Николай Никандрович, —

посылаю Вам статью Мирского о «Войне и мире» Толстого ¹, очень прошу — прочитайте!

На мой взгляд — статья свежая, построена не шаблонно и очень правильно говорит об основном противоречии Толстого, — противоречии барина и мужика, соединенных в одном лице. Не понимаю, почему Лебедеву-Полянскому ² не понравилась она! Нам нужны именно такие ясные статьи.

Отказываться печатать ее, не объяснив автору — почему? — не предложив поправить, это — не дело! Мы, как будто, становимся «баринами» в нашем отношении к людям?

Всего доброго

30.1.35.

Печатается по машинописи, сохранившейся в личном архиве Горького.

¹ Дмитрий Петрович Мирский (1890—1939) — журналист и литературный критик. При содействии Горького в 1932 г. возвратился из эмиграции на родину, печатался в журнале «За рубежом» и других изданиях.

В судьбе Д. П. Мирского Горький увидел одно из свидетельств расхождения в среде белой эмиграции. По этому поводу он писал Ромену Роллану 20 февраля 1932 г.:

«Есть несколько интересных фактов психологической перестройки, напр. граф Стенбок-Фермор, наследник богатых уральских промышленников, гвардейский офицер армии Вильгельма II, вступил вместе с десятком других офицеров в немецкую коммунистическую партию; князь Святополк-Мирский, сын бывшего министра внутренних дел, тоже объявил себя коммунистом; и сын князя Хилкова, проживающий в Бельгии, бывший офицер, а теперь шахтер, внезапно порвал связи с эмигрантами. Однако эти отдельные случаи нравственного возрождения еще не позволяют делать серьезные выводы» (Собр. соч., т. 30, стр. 241—242).

В Архиве А. М. Горького хранятся машинописи этой статьи Д. Мирского с пометами Горького.

² П. И. Лебедев-Полянский был в то время главным редактором отдела классиков Гослитиздата.

НАКОРЯКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, конец 1934 — первая половина 1935 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Пишу Вам срочно по вопросу о типографии, так как наступает решительный момент, когда вопрос у Алексея Ивановича может разрешиться ¹. Я обращаюсь к Вам, Алексей Максимович, так

как Вы проявили достаточное внимание к этому острейшему вопросу о создании культурной, художественной книги.

Вот в чем основная опасность: М. П. Томский хочет сосредоточить расширение типографий в ОГИЗе. Мысль ясная: в руках ОГИЗа типографии, — от него *de facto* будут зависеть и издательства. Это по существу вредная мысль, ведущая к подчинению издательства их инструменту — типографиям. И теперь от этого качество книги страдает, так как независимые и от издательства типографии из-за удобства техники диктуют характер производства книги и упрощают, ухудшают ее качество. А издательства, имеющие типографии, упираются кораблями без двигателей, или с двигателями, которыми управляет, во всяком случае, не воля водителя корабля.

История издательского дела не знала более глупого положения; она доказала, что именно издатель, обладающий типографией, как своим инструментом, создавал быстро и хорошо, с ароматом, соответствующим эпохе, книгу — как художественное произведение.

Теперь, оторвав издательское дело от типографий, мы утратили возможность создавать книги так, чтобы содержание их соответствовало форме и наоборот. Почти нет книг, о которых можно бы сказать, что они по своим полиграфическим качествам были произведениями искусства, соответствующими нашему прекрасному времени.

Для издательства художественной литературы необходимы такие условия. Вот уже два года я прошу, молю о них!..

Издание художественной литературы необходимо обеспечить такой специально приспособленной типографией, в которой изданием можно было бы заниматься как искусством, и дать и количество и высокое качество.

Поэтому-то я и настаиваю на строительстве особой типографии для художественной литературы, — большой типографии, оборудованной по последнему слову науки, со штатом рабочих, мастеров, с учетом особого характера издания книг художественной литературы.

Я буду страстно драться за этот план, как за одно из дел моей партийной жизни. Но мне нужна и Ваша помощь, Ваш авторитет, Алексей Максимович, в этом деле очень важен, и Ваше слово может помочь решению дела. Я знаю, как Вы любите хорошую книгу и умеете ценить ее.

Поэтому я и прошу Вас по этому поводу обратиться с письмом к А. И. Стоцкому по возможности немедленно. набросок такого письма я прилагаю. 14-го у А. И. — идет совещание по этому делу, и если бы он имел письмо Ваше к этому моменту, — я думаю, — решение вопроса было бы предопределено ².

С сердечным приветом

Ник. Накоряков

Основание датировки — решение СНК РСФСР от 7 июля 1935 г. о постройке типографии для Гослитиздата.

¹ У А. И. Стецкого.

² О необходимости постройки новой типографии Горький написал письмо, адресованное правительству. ЦК партии вынес положительное решение. Здание типографии было построено, однако оно не было использовано по назначению.

8

НАКОРЯКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва), 11 января 1936 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Опасаясь беспокоить Вас, я не писал, но потребность рассказать о людях и делах художественной литературы все-таки побуждает нарушить эту привычку к сдержанности. Простите вежливостию.

Простите и за то, что пишу не через машинку, хотя машинопись и легче читать, чем мои каракули, — но хотелось написать даже без «механических свидетелей», хотя вовсе без секретов.

Все мы, как, наверное, и Вы, ждали новых произведений, и они, наконец, появляются: «Дорога на океан», «Сын», «Созревание плодов», «Судьба», «Искатели славы»...¹ Но все искренно любящие художественную литературу просто не удовлетворены тем, что появилось, как бывает неудовлетворен косарь, который в рабочей жемке хватит тепленького, мутненького кваску.

Леонид, напр., сильно ветушится: он написал лучше, чем раньше писал, он глубоко талантливый юноша, но вот читатель, с которым встречаешься, не преодолевает, жалуется на трудность письма, на трудно объяснимое большое внимание автора к Похвистиневым, Протоклитовым, — читатель даже в этом лучшем случае пребывает в некотором разочаровании.

Пильник — «Созреванием плодов» вызвал пока ураганчик мощностью на диаметры среднего стакана и только в писательской среде: такие, как Г. Никифоров, его просто нечестно чуть не публично ругают, в этом, может быть, играет роль и зависть только к факту публикации, — вот он де мой уж написал и издался, а я еще не успел...

Но дорожке опять читатель: во встречах, беседах он не выражает восторга от немного возвышенных описаний нашей хорошей жизни, наших людей и наших дел. Даже автобиографический характер письма, несмотря на древний интерес читателя к личности писателя, не удовлетворяет.

Я не буду говорить о «Сыне» Лидина, — даже критики из «Литературной» газеты растерялись, собираются поругаться, но

даже не знают, как приступить. А культурный читатель просто недоумевает.

«Судьбу», несмотря на ее густые недостатки, видимо, тот же читатель встречает с большим интересом, реагируя на новизну и материала, и автора, по молодости прощая ему недостатки. Но к ней не безразличны хотя!..

Пишу и все о читателе, — я среди него верчусь, он ко мне предъявляет требования, он удивительно настойчив на собраниях, при всяких приемах, просто при случайных встречах, все время задавая вопрос, где же новые произведения в духе решений съезда?..² Конечно, меня волнуют не трудности моего положения в разговорах с читателем, а наша художественная литература с именами авторов, с названиями произведений.

Чтобы искать разрешения этого вопроса, я заставил чутких людей пересмотреть все провинциальные журналы, произведения всех молодых, печатающихся там. Верно, там много свежих имен и свежих небольших произведений. Если бы Вы захотели, я мог бы послать Вам отобранные 20—30 рассказов и повестей. Они все имеют и печать таланта, и новизны, и свежей бодрости голоса. Но вместе с тем так же все, как петушки, и срываются с голоса: основной недостаток, видимо, — бедность знаний и невладевание техникой письма. Иногда просто до боли жалко: чувствуешь в пишущем талант при полном некладевании техникой — мастерством и при полной беспомощности в необходимых культурных знаниях...

Алексей Максимович! Может быть, собрать нам в этом году только таких отобранных молодых, после чтения произведения каждого из них, и хорошо здесь при В(ашем) участии описать их, чтобы лучшее из них выдернуть и поставить за счет особой затраты на культурную вполне обеспеченную учебу, но без выдачи диплома на писательское звание?.. Может быть, таким образом мы ускорили бы формирование новых кадров писателей, которые дадут то, что ждет наш удивительный читатель?!

Это то, о чем главным образом хотел я написать Вам.

У нас еще есть, правда, итоги конкурса на новеллу-рассказ: получено от молодых авторов около 500 рукописей, теперь сделан первый отбор, — рассказов 30—40 вошли в этот отбор и будут стоять на жюри из писателей. Если бы Вы тоже захотели, я бы послал Вам этот отобранный материал³. Но, к сожалению, писательское жюри очень равнодушно к таким делам, — боюсь, что рассматривать будут несколько месяцев. Я организовывал этот конкурс с той же целью поиска молодого автора, способного дать новые произведения, требуемые нашим читателем и достойные нашего времени.

Дальше я буду писать о делах, не требующих многих слов, и прошу еще немного внимания.

О небольшой радости: Алексей Максимович, посмотрите внимательно иллюстрации к 1-й гл. «Тихого Дона». Корольков⁴,

делавший их, это находка, это наш «тринадцатикилограммовый» самородок иллюстрирования книги; человек без всякой школы, самоучка, но какое мастерство простого карандаша. Я бы с радостью показал Вам все 70 картин ко всем 3-м частям книги и снимки со скульптур его, делаемых для Ростовского театра. Но они только в оригиналах пока; из-за трудностей хорошей печати издал только пока одну часть с 24 рис.

О небольшом горе: у нас заболел Иван Михайлович Беспалов⁵, и заболел серьезно, надолго, — сердце; врачи говорят, что он едва ли сможет вернуться к прежней напряженной работе. Это для нас большой ущерб: хотя у меня людей много, но среди них он был человеком, отдавшимся делу со всей душой и, главное, наиболее понимающим. Вся моя машина от этого сильно пострадает, особенно приняв во внимание, что Иван Капитонович Луишол все больше уходит в Ваш Институт⁶ и все меньше уделяет времени чтению того, что печатаем. Поэтому я в ЦК прошу о немедленной замене, и выдвинул кандидатуру Киша Виктора Павловича⁷ — корреспондента ТАСС в Париже. Сам он лично дал мне согласие, т. е. после длительного пребывания во Франции рвется обратно в нашу страну. Все данные говорят за то, что это наиболее подходящий человек: литератор по профессии, образованный, культурный, с большим жизненным опытом, вместе с этим сравнительно молодой, — литературу любит кренко, когда-то сам написал роман, но так как большого успеха не имел, то теперь основательнее будет судить чужие романы.

Алексей Максимович, — Вы, кажется, знаете В. П. Киша, — если согласны с подбором, то поддержите письмом, — наверняка поможет скорому разрешению вопроса об отозвании из-за границы и назначению его заведующим сектором сопром(енной) советской художеств(енной) литературы. И. М. Беспалова я тоже прошу оставить за издательством, — чтобы во время болезни помочь ему, а потом, по выяснении работоспособности, чтобы иметь его хотя бы для очень небольшой работы по его силам.

Вопросы обеспечения издания художественной литературы на будущий год в отношении бумаги, Алексей Максимович, видимо, будут стоять на Оргбюро ЦК в ближайшие дни: планирующие инстанции готовы нам дать значительный рост, т. е. 7400 тонн бумаги вместо 5300 тонн, имевшихся в 1935 г. Но в связи с Пушкинской программой изданий⁸, это все-таки маловато, я прошу 8800 тонн, и надеюсь доказать необходимость. Спрос на художественную литературу прямо жуткий, — все, что издается, исчезает в течение буквально пары дней, и по поводу вышедших книг больше слышишь вопли тех, кто их не получил, а не выражение радости тех, кто их прочитал. Больно это моему издательскому сердцу!

Вопрос о постройке типографии для издания художеств(енной) литературы внесен на Политбюро ЦК при поддержке Отдела печати, но решение затянулось, наверное, ввиду обилия вопросов;

поэтому хотя я имею все проекты, получил участок, но строительство не начал, т. к. лимиты на материалы не определены, — стараюсь всеми силами форсировать это великое дело, — а пока, простите, мучусь в 29 типографиях на пространстве от Симферополя до Иванова-Вознесенска и от Смоленска до Самары, поэтому порчу часто книги и бываю жестоко бит за это. Бит, но не избит — это еще полгоря.

Кстати, Алексей Максимович, — мы члены Пушкинского комитета², самокритически признаемся, что ничего не делаем и даже не знаем, в каком состоянии выполнение намеченных и сданных на утверждение планов. Я — фактический составитель всех издательских планов только из газет по докладу В. И. Межлаука узнал, что планы в некотором сокращенном виде утверждены. Но выполнение их — самое главное, мне кажется, — а за ним никакого наблюдения нет, никакого аппарата, кроме секретаря Коробова при А. С. Бубнове — человеке очень занятом, нет. Это очень опасно, особенно со всякими строительствами, памятниками, организацией выставок и проч. В этом может быть упущено время, и потом не нагоним его. Совершенно необходим Пушкинскому комитету небольшой деловой аппарат из 2—3 действующих его членов, плюс пара культурных помощников-организаторов. Я понимаю, что Вам нет возможности самому непосредственно заняться этим, но если Вы не подтолкнете, не скажете крепкое слово, очень боюсь, что потом будут большие трудности.

— Видите, дорогой Алексей Максимович, как у меня много накопилось того, что надо было сказать. В разговоре сказал бы в полчаса, — а теперь у Вас отниму час времени и сам пару часов просидел за письмом, хотя, признаюсь, с радостью и удовольствием.

В заключение похвастаюсь: план 1935 г. выполнен с честью на 116% по числу изданных экземпляров книг, — главным образом, за счет увеличения издания классиков, — план по ним выполнен даже на 134%. В этом промахи уж нет, хоть серенько изданы, — но добротный материал, несущий культуру и знание миллионам. На радостном вечере накануне 1-го января по этому поводу вспоминали Вас и выпили с большим шумом за Ваше здоровье.

С сердечным приветом

Ник. Накоряков

¹ Речь идет о книгах: Л. Леонов. Дорога на океан. (Роман.) М., Гослитиздат, 1936; В. Лидин. Сын. (Роман.) М., Гослитиздат, 1936; Б. Плякин. Созревание плодов. (Повесть.) М., изд-во «Художественная литература», 1936 и др.

² Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

³ Горький одобрил это мероприятие, но участвовать в нем отказался (см. письмо от 24 февраля 1936 г.).

⁴ М. Шолохов. Тихий Дон. (Роман.) Кн. 1—4. Илл. С. Г. Королькова. М., Гослитиздат, 1935—1940.

² Иван Михайлович Беспалов (1900—1937) — литературовед и критик, в то время был главным редактором Гослитиздата.

³ Иван Капитонович Луповал (1896—1943) — философ и литературовед. С 1935 г. — директор Института мировой литературы АН СССР им. М. Горького, одновременно — редактор издательства «Художественная литература».

⁴ В. К и п. По ту сторону. (Роман.) М., изд-во «Круг», 1928.

⁵ Назанний к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина (29 января 1937 г.).

⁶ Правительственный комитет по ознаменованию столетия со дня смерти А. С. Пушкина, созданный 16 декабря 1935 г.

9

ГОРЬКИЙ — НАКОРЯКОВУ

(Тессели, 24 февраля 1936 г.)

Целый месяц собирался ответить на Ваше письмо, дорогой Николай Никандрович, разумеется такое мое поведение образцовым нельзя признать, но — что поделаешь? Работешка держит за горло, снедали и болезни мои полезны и т. д. Но, чувствуя, что оправдываюсь неудачно, — перехожу к делам.

Затея Ваша отобрать 2—3 десятка рассказов провинциальных авторов, внимательно прочесть рассказы, отметить в них хорошее и плохое, затем устроить собеседование с авторами, и — если они согласятся — издать эти рассказы с *поправками редакторов*, — это не плохая затея. Однако я не могу участвовать в этой работе, как по недостатку времени, так равно и по некоторой другой причине. Отказываюсь от участия и в просмотре материала, отобранного жюри конкурса на новеллу.

Рисунки Королькова я видел, считаю их превосходными и очень советую сохранить.

По поводу назначения В. П. Кина зав(едующим) сектором с(оветс)кой худ(ожественной) литературы прилагаю письмо ¹.

О работе Пушкинского комитета мне ничего не сообщают, и я не знаю принято или отвергнуто мое предложение конкурса на монумент ².

Теперь — о литературе и литераторах. Это — мое очень болезненное место. Так же, как и Вы, я не вижу, чтоб Съезд писателей оживил нашу литературу, создал среди литераторов какие-то разногласия, дискуссии и т. д. Писатели наши продолжают относиться к действительности с равнодушием, которое мне непонятно, и я склонен оценивать равнодушие это как признак какого-то серьезного заболевания, омирения, что ли?

«Взглянем на факты». Никогда еще «головка» трехтысячной массы сочинителей не пользовалась таким вниманием со стороны власти и читателя, который быстро растет количественно, да, кажется, и качественно. Недавно «Ком(сомольская) правда» опубликовала, что книги читают 67 % комсомола. В 30 г., кажется,

читало 29%. Власть создала «Литфонд» 10 миллионов рублей, я слышал, что 700 тысяч уже украдено. Писатели строят дачи — они капризничают, требуя, чтоб дачи строились по их проектам, и будто бы одна писательница заявила: «Или так, как я хочу, или я подожду дачу». Возможно, что это — вранье, но — хорошие литераторы, в среде коих подобное вранье возможно. Вообще о капризах писателей говорят очень много. Разумеется, это «бытовщина», мелочи, но лучше, если б их не было в наше время, в нашей стране. Мелочи эти, обнаруживая некие страсти, даже как будто говорят против обвинения в равнодушии.

Но обвинение это утверждается и углубляется такими фактами:

Съезд постановил устраивать для повышения интеллектуальной квалификации литераторов в Доме писателей доклады по вопросам и по достижениям советской науки, устраивать беседы с учеными, инженерами и т. д. Это не осуществлено.

Не заметно, чтоб Союз литераторов попытался бы ознакомиться со стахановцами, а ведь они — стахановцы, — материал.

Не заметно, чтоб литераторы отнеслись с должным интересом к опытам работы коллективной и обнаружали какую-либо свою инициативу в этом направлении.

Не заметно еще многого, а главное, что крайне удивляет меня, это — полное равнодушие литераторов наших к вопросам обороны и, затем, к интернациональной жизни.

Пакости и мерзости Гитлера, Муссолини, наглость японской военщины, трусливая любовь некоторых и ядовитая ненависть всех остальных мешая миру сего никак не возмущают наших прозаиков и поэтов. А ведь какие богатейшие темы для сатиры, для юмора дают современные подлесты!

Не читал ни одного стихотворения, посвященного единому фронту против фашизма. В Европе и всюду пролетарии все решительнее обнаруживают понимание своего исторического значения, — литераторы страны строящегося социализма равнодушны к битвам пролетариев.

Мы кичимся: передовая литература мира и века! Но почему она передовая? Потому что живет вне грандиозной борьбы, развернутой в мире?

Из всей поэзии нашей я знаю только одно удачное стихотворение Светлова, кажется, — о «Гренаде».

Дипломатия мешает пользоваться интернациональными темами? Пустая отговорка. Писать можно обо всем, была бы охота. Но, охоты, видно, нет.

На необходимость издавать оборонную литературу я указывал до Съезда. В частности — давно пора издать книги об интервенции японцев и о немцах на Украине.

Можно бы прибавить к сказанному в десять раз больше. Но это я прибегу для статьи².

Замечаю, что Вы усиливаете издание иностранной литературы. Это очень хорошо, наши восемнадцатилетние должны знать, как за рубежом живут враги и друзья.

Среди изданных в текущем году книг прочитал две совершенно неудачные: Ханукова «Подводная лодка»⁴ — вещь беспомощно болтливая, скучная, изобилующая повторениями, в которых автор утопил драму гибели матросов. Ринг Ларднер «Новеллы»⁵ — сатирик, может быть, острый, но острогу его притушил переводчик, а пошлость оставил нетронутой, даже, как будто и увеличил ее.

Очень хороша книга Ванды Василевской «Облик дня»⁶. Но на стр. 11 рассказано: «когда ребенок начинает ходить», «ласунет в угли *под печку* новую курточку, стащит с полки хлеб, забавляется со спичками».

Мне кажется: ребенок оклеветан — только что начал ходить и уже достает хлеб с полки. И — зачем ему курточка, младенцу? И почему угли горят под печкой?

Это, наверное, переводчикина кливонься, — вообще же книга хорошая.

Ну, будьте здоровы, дорогой Николай Никандрович.

М. Горький

24. II. 36.

«Безбожникам» следовало бы издать полный текст записок Голубинского⁷, автора «Истории церкви», профессора Московской духовной академии. Я слышал, что записки эти обличают автора как атеиста, главное же — дают интереснейший материал о церковниках и их быте.

Жму руку.

М. Г.

¹ В. П. Кин был назначен заведующим редакцией советской литературы Гослитиздата.

² Горький выдвигал идею создания нового памятника А. С. Пушкину в Москве.

³ Это намерение Горького осталось нереализованным.

⁴ Л. Хануков. Подводная лодка. Л., изд-во «Художественная литература», 1935.

⁵ Ринг Ларднер. Новеллы. Перев. с англ. М., изд-во «Художественная литература», 1935.

⁶ Ванда Василевская. Облик дня. М., изд-во «Художественная литература», 1935.

⁷ Записки Е. Е. Голубинского. Труды Костромского научного об-ва по изучению местного края, вып. 30. «Третий исторический сборник», Кострома, 1923.

ГОРЬКИЙ — НАКОРЯКОВУ

<Тессели, 27 апреля 1936 г.>

Дорогой Николай Николаевич —

я к Вам с жалобой и просьбой. Жалуюсь на неправильную оценку Гослитиздатом культурной работы журнала «Наши достижения». Журнал этот ведет весьма успешно интересную работу по культивации художественного очерка. Доказывать полезность такого очерка в наших условиях едва ли нужно. Журналом воспитан коллектив отличных очеркистов. Редколлегия работает с увлечением, варьируя книжки, выпуская одну интереснее другой. Вы можете убедиться в этом, просмотрев 3—4 книжки за 35 г. и вышедшие в 36 г. — журнал вполне заслуживает широкой поддержки со стороны Гослитиздата. Но в 36 г. Вы стали давать нам бумагу хуже качеством и это очень отражается на журнале, который хочет и должен иметь хорошее оформление.

Я убедительно прошу Вас давать нам бумагу лучшего качества и увеличить тираж до 50 тысяч, вместо 35 ¹.

Редко и беспокою Вас просьбами и очень надеюсь, что эту Вы исполните. А исполнить ее — значит: дать людям, которые хорошо работают, возможность работать еще лучше. Ибо «как известно» хорошее — враг лучшего.

Кстати: представляю на Ваше усмотрение очерки Айзенберга ². На художественное значение они не претендуют, но — на мой взгляд — являются весьма ценным материалом по истории дореволюционного быта, а знать этот быт — нашей молодежи следует. Я говорю только о тех очерках, которые посылаю Вам, все остальные находятся у Ильи А. Груздева, Съездовская линия, 29, 17. Ленинград.

Будьте здоровы, дорогой Н. Н.

Крепко жму руку.

М. Горький

27. IV. 36.

¹ Качество бумаги и художественное оформление журнала были улучшены, тираж — увеличен.

² Очерки Айзенберга напечатаны не были.

НАКОРЯКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, начало мая 1936 г.)

А. М. Горькому

Дорогой Алексей Максимович!

Сердечно благодарен Вам за письмо и, если отвечаю не сразу, то только из естественного желания не особенно беспокоить¹. Только значительный вопрос о подготовке Антологии советской поэзии за 20 лет к XX-летию Октября понуждает просить Вас дать по этому поводу Ваш совет. Дело очень большое: поэты, естественно, захотят первое всего отражать *себя лично*, а если надо это дело осуществить, то, по моему мнению, нужно в нем отразить *эпоху*, т. е. отобразить не только самое лучшее, но то, что выразило в себе *душу борющихся масс*. Поэтому, конечно, хотелось бы, чтобы Вы возглавили это дело и, хотя бы в основном, посмотрели, как оно будет твориться. Судью тут надо, Алексей Максимович, крепкого, поэтому, даже зная все трудности такого дела для Вас, обращаюсь с просьбой дать согласие быть редактором такого монументального издания, конечно, если Вы его одобрите².

Если не одобрите, я не рискну его начать.

Второе начинание к XX-летию Октября — это История советской литературы в 2-х томах. Я больше года веду переговоры об организации этого издания, и не нахожу достаточно людей и хороших редакторов. А нужно бы не только подвести итоги, но на основе изучения двадцати лет пути осветить его глубоко серьезно с постановкой проблем в будущее. Очень нужен был бы и в этом деле Ваш совет, указание, Ваша помощь³.

Вообще, план изданий к XX-летию Октября должен был бы привлечь внимание Союза писателей в целом, но в Союзе такие вопросы привлекают внимание или поздно, или недостаточно. Ваше слово по этому поводу могло бы усилить внимание. Об этом я и позволяю себе просить Вас.

Пользуясь случаем, не могу немного не похвалиться: теперь закончилось подведение всех итогов года, видны все результаты работы, а когда ее любишь, то, естественно, хочется немного и похвалиться.

Вот они итоги: план выполнен по числу изданных книг на 117%, по листам печатных оттисков на 103,5% (если бы дали бумаги, можно было бы дать и больше); перевыполнение пошло за счет сильного увеличения издания классиков (140% плана), т. е. современная художественная литература много не дала из того, что обещала по договорам. (...)

Не буду говорить, что у нас нет больших недостатков. Их еще очень много. В редакционной части, по отбору произведений, по обработке все еще слабо, хотя немного и улучшилось. Поэтому списано в брак оплаченных рукописей на 305 тыс. руб. К большому сожалению, ничего не отобрали выдающегося из множества прошедших рукописей молодых писателей, — а прошло 3700 ант. листов. Думаю, что в этой области просто плохо работаем, плохо ищем, пропускаем... Поэтому молодому, способному человеку у нас все-таки трудно пройти в литературу. Писатели изучением молодых и помощью им совсем не занимались, это дело все еще делается руками консультантов из околослитературных людей. Со стыдом и горестью признаю это...

Поэтому при хозяйственных успехах не впадаю в благодушие, а приехав из поездки на Север по командировке ЦК, опять насколько сил хватает включился во все дела большие и малые. Поэтому и пишу Вам тоже с опозданием, за что и прошу прощения.

Ответ письменный, дорогой Алексей Максимович, ей-ей не обязателен, и боюсь за каждую минуту, ваятую у Вас; достаточно, если через П. П. Вы сообщите устно по вопросу об «Антологии поэзии» и пару строк черкните в Союз, чтобы Правление в целом занялось планом подготовки изданий к XX-(летию) Октября.

С сердечным приветом

Ник. Накоряков⁴

Датируется по письму Горького Накорякову от 27 апреля 1936 г. (письмо 10) и по письму от начала мая (правильней середины мая), опубликованному в т. 30 Собрания сочинений (стр. 441—443).

¹ По-видимому, речь идет о письме от 27 апреля 1936 г.

² В письме, датированном началом мая 1936 г., Горький определяет характер «Антологии»:

«Изданная «Антология», Вы сделали бы очень хорошо, если б подчеркнули интернационализм поэзии нашей посредством включения в «Антологию» переводов армянских, грузинских и др. (уких) поэтов братских республик... Мы живем в стране и атмосфере, для которых характерна именно поэзия, а не лирика... Я очень настаиваю на сюжетности стихов и на их конкретном историческом содержании» (см. Собр. соч., т. 30).

³ Горький находил, что за 18 месяцев не может быть осуществлено издание «Истории советской литературы». «Для этой «Истории» у нас так много нового, что только одна подборка и организация его возьмет не меньше полутора годов...» (см. Собр. соч., т. 30, стр. 441).

⁴ На письме заметка Горького: «Зи Всесоюзность! Сюжетность. Блуды. Интернациональность. Нет ли стихов, посвященных братским народам республик? Улучшение мастерством, техникой».

ГОРЬКИЙ — ИЗДАТЕЛЬСТВУ ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

(Москва), 7 июня 1933 г.
«Издательству писателей»
в Ленинграде

* Уважаемые товарищи!..

(...)

Сообщаю вам соображения, вызванные вашей запиской о расширении работы «Изд(ательства) писателей».

Записка эта кажется недостаточно продуманной и утверждающей совершенно не нужные, даже вредный параллелизм в деле издания художественной литературы. Параллелизм этот уже существует: и расширять, усиливать его — не вижу смысла. Вы затеваете «Библиотеку прозаика»¹ — работу гораздо более сложную и ответственную, чем «Библиотека поэта»². Согласитесь, что выбрать пятиязычные томики стихов из трех томов Майкова, Фета и т. д. гораздо проще, чем отобрать том рассказов Тургенева, Писемского, Чехова и др. В отборе прозы субъективизм оценок может сказаться крайне уродливо. Трудность этой работы, конечно, не должна пугать вас, но она требует очень глубокой продуманности, а записка молчит о том, по каким именно признакам будет отбираться проза. Далее: «Академия» издает «Русских писателей XIX века». Уже изданы: Каролин, Левитов, Наумов, намечены и указанные вами Вельтман, Писемский, Панаев. Следует подумать: нужно ли вам издавать параллельно тех же авторов?

Не возражая против «Библиотеки комедии и драмы»³ при условии очень тщательного отбора материала, — решительно высказываюсь против «Библиотеки сатиры и юмора»⁴, ибо этот материал полностью исчерпывается «Библиотекой поэта».

Что действительно могло бы иметь серьезное литпедагогическое значение, это — издание хорошо составленного сборника народных песен. Но — это крайне серьезная работа, ибо Рыбников, Киреевские, Бессонов и др. собирали песни от помещичьих хоров, т. е. — цензурированные помещиками и — даже казенной цен-

аурой. Здесь нужно поискать в архиве «Академии наук» черновики ваших Якушкина и Шейна, да и вообще на изданный материал не очень рассчитывать, а работать на архивном.

Тогда самое и по отношению к эпосу. По эпосу следовало бы издать Новгородский — вообще северный — отдел, но отдельно от Киевского, причем в обоих случаях необходимо указать на скандинавские влияния, связать наш материал с материалом саг, указать на сходство Васьки Буслаева с берсернорком нормани, на сходство Садко с героями восточных сказок и т. д. Это может быть очень хорошей и оригинальной работой⁵. Пушкина, разумеется, необходимо дать. Крайне жаль, что книги «Библиотеки поэта» выходят не в хронологическом порядке. Я бы полагал, что их необходимо нумеровать. В том порядке, как намечены вами книги к выходу на рынок, — работа имеет характер растрепанный, вызывает впечатление поспешности.

По поводу словаря: нужно справиться в Академии наук, не начата ли там работа создания нового словаря? Очень сомневаюсь, что «Издательство писателей» в силах взяться за такой серьезнейший и сложный труд.

М. Горький

«Издательство писателей в Ленинграде» (кооперативное товарищество писателей) существовало в Ленинграде с 1927 по 1934 г. К. А. Федин был председателем Правления издательства; активными участниками — И. А. Груздев, С. А. Семенов, М. Л. Слонимский и др. Горький проявлял большой интерес к работе издательства, являлся главным редактором «Библиотеки поэта». См. ниже — примечание 3, а также т. 70 «Литературного наследства». «Горький и советские писатели» (отдел «Горький — К. А. Федин»). М., Изд-во АН СССР, 1963.

В 1934 г. «Издательство писателей в Ленинграде» объединилось с «Московским товариществом писателей», и на этой основе было создано единое кооперативное издательство «Советский писатель».

¹ Издание «Библиотеки прованса» реализовано не было.

² «Библиотека поэта» — серия комментированных изданий русских поэтов XVIII—XX вв. и произведений устного поэтического творчества, начала выходить с 1933 г. в «Издательстве писателей в Ленинграде», затем продолжала выходить в издательстве «Советский писатель» Горький возглавлял редколлегию «Библиотеки поэта», в которую вошли: Ю. Тынянов, Н. Тихонов, Ил. Груздев, Вис. Саянов, В. Пастернак, И. Сельвинский; были также привлечены В. А. Десницкий, И. Н. Розанов, Н. Ф. Бельчиков, С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, В. М. Эйхенбаум.

См. статью Горького «О библиотеке поэта» в Собрании сочинений (т. 26, стр. 176—186).

³ Издание «Библиотеки комедий и драмы» в «Издательстве писателей в Ленинграде» реализовано не было.

⁴ Издание «Библиотеки сатиры и юмора» в «Издательстве писателей в Ленинграде» осуществлено не было.

⁵ «Издательство писателей в Ленинграде» предполагало выпустить «Библиотеку фольклора», создаваемую по типу «Библиотеки поэта». Организатором издания намечался литературовед-фольклорист Марк Константинович Аладовский (1888—1954). Горький подробно излагает свои взгляды на тип этого издания в письме к В. М. Саянову 13 сентября 1933 г. (см. Собр. соч., т. 30, стр. 324—326).

ГОРЬКИЙ — МЕХЛИС

Переписка А. М. Горького и Льва Захаровича Мехлиса (1889—1953) относится к тому времени, когда Мехлис работал в «Правде». В начале 30-х годов он принимал участие в ряде общественно-политических начинаний Горького («История гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Две пятилетки»).

Важное место в переписке Горького с Мехлисом занимает вопрос о создании коллективного труда «Две пятилетки». Эта книга, задуманная как художественный памятник 20-летию Советской власти, должна была показать успехи строительства социализма в нашей стране. Особое внимание предлагалось уделять людям, строителям социалистического общества. В статье «Две пятилетки», опубликованной 9 апреля 1935 г. в «Правде», Горький определил основную тему этой коллективной работы следующими словами: «социалистический труд как организатор нового человека и новый человек как организатор социалистического труда».

Переписка Горького с Мехлисом, включающая в себя семь писем Горького и одиннадцать писем Мехлиса, а также материалы приложений, публикуются впервые. Ранее в 30-томном Собрании сочинений были опубликованы три письма Горького к Мехлису, не вошедшие в данную переписку, и одно письмо в сб. «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов» (М., Соцэкиз, 1959).

1

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

(Москва, 14 мая 1932 г.)

Алексей Максимович!

Звонил несколько раз и никто не отвечает. Рискую послать вам материал, не сговорившись по телефону.

т. Кирпотин написал статью о творчестве Леонова¹. Хотелось бы Вашего совета.

Редакция статью еще не утверждала.

С товар(ищеским) приветом

Л. Мехлис

14/V—32 г.

¹ В. Кирпотин. Творческий путь Леонова. «Правда», #932, 8 июня.

2

ГОРЬКИЙ — МЕХЛИСУ

(Москва, 20 мая 1932 г.)

Товарищу Л. Мехлис

Товарищ Мехлис!

Мне кажется, что т. Кирпотин довольно правильно видит процесс вживания Леонова в революцию, т. е. — в ее подлинный смысл. Правильно, однако ж — слишком «эскизно». Процесс этот переживается не одним Леоновым, восхождение на высоту влево охватило и охватывает — как мне кажется — уже довольно значительную группу литераторов наиболее даровитых. Они уже прошли весьма нелегкий путь от попутчиков в союзники, дальше пред ними — путь в партию, еще более трудный. Им нужно действительно помогать. Такие эскизные статейки, как ст(атья) Кирпотина, мало помогут. Было бы гораздо полезней, если б Кирпотин взял на себя труд написать или большую статью о процессе, переживаемом наиболее видными представителями группы «союзников», или же ряд статей о каждом из них. Им необходимо многое подсказать и хорошо бы сделать это, опираясь на историю литературы в прошлом ее. Наиболее внушительно учат факты.

Привет

20.V.32.

Печатается по машинописи без подписи Горького

ГОРЬКИЙ — МЕХЛИСУ

<Крым, Тессели, 23 ноября 1933 г.>

Уважаемый тов. Мехлис!

Очень хорошо, что «Правда» поместила отрывок из истории Моск(овского) Инструм(ентального) завода¹. Не следует ли и дальше публиковать в «Правде» наиболее ценные материалы из рукописей по истории заводов? Очень важно было бы дать как-нибудь специальную подборку материала — это могло бы не только послужить целям информации или представления читателю интересного чтения, но это могло бы и очень помочь укреплению и дальнейшему росту работы по истории заводов. А дело это заслуживает Вашей постоянной помощи.

Крепко жму Вашу руку.

Датируется по секретарской пометке на машинописи без подписи Горького.

Опубликовано в сборнике «А. М. Горький и создание истории фабрик и заводов», М. Соцгиз, 1959.

¹ Очерк «Советская марка», «Правда», 1933, 9 октября.

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

<Москва, 22 апреля 1934 г.>

Алексей Максимович!

Не найдете ли возможным написать статью¹ специально для «Правды» в первомайский номер? Тема по Вашему усмотрению.

Статью желательно получить числа 28/IV.

С приветом.

22/IV

Л. Мехлис

Год установлен по содержанию и по сопоставлению с другими письмами.

¹ В первомайском номере газеты «Правда» не было статьи Горького.

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

(Москва, 16 августа 1934 г.)

Алексей Максимович!

Редакция «Правды» посылает Вам только что вышедший том детчиков-героев¹.

Книга выпущена тиражом в сто тысяч. Из них — 5 тыс. в улучшенных переплетах.

С приветом.
16/VIII

Л. Мехлис

Датируется по авторской пометке «16 III» и дате выхода книги.

¹ Анатолий Ляшневский, Сатимунд Леваневский, Мавринский Сленнен, Василий Молоков, Николай Каманин, Михаил Водольянов, Иван Дорожкин. Как мы спасали челюскинцев. М., изд. «Правда», 1934.

ГОРЬКИЙ — МЕХЛИСУ

(Москва, 19 марта 1935 г.)

Лев Захарович,—

прилагаемая вырезка из «Правды»¹ является отчаянно безграмотной чепухой, прочитав ее внимательно, Вы убедитесь в этом. Трансплантация кожи давно известна, однако чудес не делает и не может возвратить зрение человеку, у которого «вытек глаз». Автор заметки не различает веко от глаза и «клеточку» от клетчатки. Вообще — заметка ужасна. Надо бы избегать таких фокусов безграмотности и невежества.

Извините, что тревожу, но — дело идет о грамотности центрального органа партии. И как раз в этом же № отличная «передовая»².

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по упоминаемой Горьким в письме вырезке из «Правды» от 19 марта 1935 г.

¹ В заметке, приложенной к этому письму, сообщалось об успешных операциях по пересадке кожи профессором-окулистом С. В. Очаповским.

² Статья «Советский патриотизм».

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

Москва, 20 марта 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Два Ваших письма ¹ меня очень обрадовали — такая в них забота о книге «20 лет» ² и «Правде».

Сегодня совещался с т. Корабельниковым по вопросам, затронутым в письме. Не закончили, меня вызвали в ЦК. Завтра продолжим.

Статью-обращение ³, Алексей Максимович, надо напечатать Вашу. Тогда это встряхнет и писателей, и местные организации. Костяк статьи имеется в Ваших высказываниях, которые застенографированы ⁴. Т(ов). Корабельников даст фактический материал, свидетельствующий, что уже делается. Чем скорее статья будет опубликована, тем лучше для дела.

В ближайшие дни поговорю с гг. Щербаковым, Корабельниковым, Агаповым, наметим предварительный список писателей, которые выедут на места. Понятно, о списке поговорю с Вами. По Средней Азии работает группа людей, но пока они разрознены. А главное — местные люди, националы-писатели не привлечены. Украину, казалось мне, могут поднять сами писатели-украинцы. Надо их только организовать на это дело и помочь. Просматривая список привлеченных писателей, я убеждаюсь, что главные писательские силы в дело не вовлечены.

Пора подумать нам и о художественном оформлении книг. Сроку мало, год работы. Сегодня в «Правде» совещание художников, и я с ними побеседую.

Хорошо было бы, Алексей Максимович, Вам войти в состав главной редакции этого художественного памятника 20-летию советской власти.

Вы правы, потираливая с историей деревни ⁵. Это задача самостоятельная. Но поскольку хозяин у нас один — можно было бы лучшее из истории колхозов отобрать для «20-летия».

О телеграмме по «пересадке кожи». Ее визирует наш консультант проф. Абрикосов. Но она, верно, неудачная. Лишь внимательно читая, можно догадаться, что вылечен левый глаз, на котором было бельмо. Вчера у нас состоялось совещание с крупнейшими московскими профессорами, врачами, и вопросы медицины (печатаемый материал) будут взяты под научный контроль.

Что касается «Песен французской революции», то автор заметки в «Правде» — редактор газеты «За коммунистическое просвещение» ⁶. Первые 24 песни, действительно, показывают, как издыхала надежда на короля. Но и значительная часть остальных песен далеко не в пользу революции.

Например, в 33-й по адресу якобинцев написано:

Вся шайка бандитов ночных,
Не выданных в парке доселе,
Прарвалась чрез часовых.
У королевской постели,
Всех в ужасе и в слезах,
Королева прятала страх.

(стр. 197)

В песне № 40, о национальном собрании поется:

Они сожрали нашу знать
И духовенство искусали:
Их надо бить и убивать,
Как псов, что вдруг беситься стали.
Прочь этих удачных ребят!
Гоните их пинками в зад!

и дальше:

Ужель пред шайкой босниев
Король унижаться готов?

(стр. 215—216)

В песне 56 аристократы призываются к «мести черни»:

Вам на помощь — добрый меч,
Войско — для охраны.
Церковь можете привлечь
И чужие страны.

Там же, о новой, революц(онной), власти сказано:

Негодям — у руля;
Тягача их счетом.
Мы лишимся короли,
Вверим их работам,
Коли стерпим их, француз,
Значит, ты — презренный трус.
...Разорит нас эта тварь,
Коль ее мы на фонарь

Не саберете с размаху.
(стр. 226—227)

Такие же куплеты можно найти и в песне 58 (стр. 264—265), в песне 64 (стр. 281), песне 65 (стр. 283), песне 74 (стр. 307), песне 76 (стр. 311—312), песне 92 (стр. 357—358), песне 101 (стр. 377—378), песне 149 (стр. 511—512) и многих других.

Сверх того, 47 страниц (577—623) уделено поэзии известного контрреволюционера Андре Шэнье.

Вряд ли, Алексей Максимович, стоило издательству Академии проявлять такой объективизм. Много контрреволюционных стихов, напечатанных в «Песнях», могут быть обращены против нас.

Привет.

Л. Мехлис

¹ Речь идет о письме Горького к Мехлису от 19 марта 1935 г. (см. Собр. соч., т. 30, стр. 385—386) и письме от того же числа, опубликованном в настоящем томе.

² «20 лет» — одно из первоначальных названий неосуществленного коллективного труда «Две пятилетки» («Люди пятилетки», «Люди второй пятилетки»), посвященного двадцатилетию Советского Союза. А. М. Горький был инициатором и одним из организаторов этого издания. Книга должна была состоять из следующих томов: «Родина», «Становление и формирование человека за годы революции», «Типы и характеры людей», «Творчество народов СССР», «Взгляд в будущее». В главную редакцию «Двух пятилеток» входили: А. М. Горький, Л. З. Мехлис, А. И. Стецкий, Г. М. Корабельников (ответственный секретарь).

Том «Творчество народов СССР» вышел в издании «Правды» в 1937 г. (см. об этом примечание к письму Мехлиса Горькому от 31 мая 1935 г.).

³ 20 апреля 1935 г. в «Правде» за подписями А. М. Горького и А. С. Щербакова было опубликовано обращение ко всем организациям Союза советских писателей с призывом включиться в коллективную работу по созданию «Двух пятилеток».

⁴ См. приложение 1.

⁵ Речь идет о неосуществленном издании «История деревни», одним из инициаторов которого был Горький. См. переписку Горького с В. Я. Зазубриным во второй части настоящего тома.

⁶ В газете «Правда» за 1935 г. 15 марта была опубликована отрицательная рецензия В. Жебровского на книгу «Песни первой французской революции (1789—1799)» (Ред. М. Зеневича и А. Эфроса. Л., «Academia», 1934).

Горький не согласился с рецензией. 19 марта 1935 г. он писал Мехлису: «Правда» сильно ошиблась в оценке книги «Песни французской революции», книга изображает рост революции в песнях, первые 24 песни показывают, как надыхалась надежда на короля, остальные — числом более сотни — песни ярко революционные. По типу этих песен создавались песни Парижской Коммуны и — насколько они в памяти трудового народа, об этом говорит поэзия со-временных «шансонье...» (Собр. соч., т. 30, стр. 386).

8

ГОРЬКИЙ — МЕХЛИСУ

(Москва, 25 марта 1935 г.)

Очень трудно, Лев Захарович, согласиться с Вашей оценкой рецензии на книгу «Песни французской революции». Резко фиксируя внимание на ее «спороке» — песнях народа, верующего в силу короля, и песнях роялистов — рецензия совершенно зачеркивает революционное творчество и этим отдает книгу в руки наших врагов. Книга «объективна» лишь настолько, насколько она исторична и оправдывает свою цель: показать на песнях, как развивалось революционное настроение народа, который начал «алилуей» королю, а затем отрубил ему голову. Этот процесс рецензия совершенно игнорирует, а, ведь, в нем — вся суть книги. Рецензент не знает, что «якобинское» творчество нередко питалось мелодиями роялистов и что мелодия «Са-ира»¹ взята из куплетов дореволюционного водевиля Тьерсо, автор книги «Празднества и песни фр. революции»² указывает на целый ряд взаимодействий

двух ручьев поэзии — пролетариат дразнил дворянство и буржуазию, а они — вередко — дразнили пролетариат искажая его честное творчество. Но формальное взаимодействие не предпринимает и не устанавливает взаимовлияния.

С точки зрения рецензии, защищаемой Вами, нужно опорочить кинокартину «Крестьяне» за отвратительную сцену пожирания пельменей «в поте лица» — сцену — кстати — даже и лживую, не говоря о том, что она, наверное, обидна для колхозников, изображенных животными и обжорами. Лжива она потому, что мужик не станет швырять пельмени за окно, как это приписано ему³.

Что заставляет меня полемизировать с Вами? Мы — накануне войны. Необходима широкая мобилизация всех средств и сил для обороны, а может быть и для нападения. В деле организации обороны должна принять активнейшее участие наша литература. Вы знаете, что в среде ее — далеко не все благополучно: социальная мораль развита крайне слабо, индивидуализм — преобладает, есть очень много равнодушных, немало беспринципных, и так же немало людей настроенных враждебно. Все эти люди, в разной степени, довольны рецензиями, подобными той, о которой мы беседуем. Они, разумеется, станут говорить, что рецензия — не правильная, но — они станут говорить об этом именно с удовольствием, одни — бессознательно, другие — сознательно. «С советской цензурой нельзя работать, она невежественна и малограмотна» — вот что они скажут. Их занимает не история, а — анекдот. Антисоветский, конечно. Я — не либерал и не пропагандирую каких-либо послаблений. Нет, вожжи должны быть натянуты туго. Но это нужно делать не путем рецензий, а более солидно. Рецензия прочитана тысячами молодых писателей, малограмотных политически, — опасаясь, что положительного мобилизационного значения это не будет иметь, а отрицательное — мобилизация внутреннего врага — более возможно.

Я предложил бы «не выносить сора из избы» во всю страну. Книгу, изданную в 5 т. экземпляров, можно не рекламировать в стране. Но совершенно необходимо — на мой взгляд — в каждом подобном случае устраивать дискуссии в доме Союза Писателей. Польза таких дискуссий — очевидна: они приучили бы литераторов интересоваться литературой, заставили бы их читать, учиться думать политически. Сначала это, вероятно, было бы выявлением защиты ими своего «инициального надела»⁴, а затем, наверное, люди поняли бы, что и как они должны делать.

Я предложил бы начать дискуссии эти докладами о внешней политике, о внутреннем положении европейских государств, Японии, Китая, Индии. Было бы хорошо первыми докладчиками попросить выступить т. Гамарника, Эйдемана или кого-либо другого из военных. И — не нужно медлить с этим.

А мелочишки — не раздувать до размеров Всесоюзного события, дураков и лентяев не радовать. Следовало бы немедленно пере-

надать книги Мицка: об английской и японской интервенции ⁵ и вообще двигать энергичнее дело издания оборонной литературы.

И не плохо бы пропагандировать создание книги «День Запада» или «День Европы» ⁶ — книга эта должна дать широкое и полное представление о том, «чем люди живы» — чем наполнен день жизни «культурного» европейца. Я давно — и безуспешно — пропагандирую необходимость создания такой книги, буду пропагандировать и впредь, ибо в политико-педагогическом значении такого издания — крепко уверен.

Привет и доброго здоровья.

М. Горький

Датируется по секретарской пометке на машинномся.

¹ «Ça ira», франц. (дело пойдет на лад, устроится) — народная песня периода французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

² Жюльен Тьерсо «Песни и празднества французской революции». М., Музгиз, 1933.

³ Речь идет о кинофильме «Крестьяне» (1935) режиссера Ф. Эрмлера. Сценарий М. Бодуинова, В. Поргинова и Ф. Эрмлера. В своей речи на совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров 10 апреля 1935 г. Горький более подробно остановился на недостатках этого фильма: «Есть еще много кинематографических вещей, достойных похвал, но это есть только первые победы, и все-таки работа не так хороша, как должна бы быть.

Почему? Мне кажется потому, что нет, — как бы это сказать, чтобы не обидеть, — нет достаточной социальной грамотности, нет достаточно ясного представления о том живом материале, который мы изображаем.

По этой причине, подходя к делу с добрым намерением, в хорошей картине «Крестьяне» показаны мужики пожирющими — именно пожирющими — в поте лица пельмени. Совершенно нелепо и бессмысленно и совершенно невозможно, чтобы мужик, который знает цену хлеба так, как мы этого не знаем, пельмени выкидывал в окошечко» (Собр. соч., т. 27, стр. 434—435).

⁴ В речи на втором пленуме Правления советских писателей 7 марта 1935 г. Горький говорил: «У нас какие-то пелюды с действительностью. Надо ее шире обить, глубже понять! Надо глубже войти в нее. Ведь как-никак, человек XVII века, русский крестьянин, соскочил со своего нищенского надела — это факт. А вот интеллектуальная часть народонаселения с нищенского надела еще не соскочила.

...Нам, я думаю, следует наши наделы расширить. Наш советский писатель не может быть только писателем, не может быть только профессиональным литератором, это — живое лицо, живой, энергичный участник всего того, что творится в стране» (Собр. соч., т. 27, стр. 416—417).

⁵ Н. И. М и и ц. Английская интервенция и северная контрреволюция. М.—Л., Соцгиз, 1934; «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах». Подготовил и печатил И. Мицк. М., Центархив, 1934.

⁶ Впервые мысль о создании книги «День мира» (альманах «День») была высказана Горьким в апреле 1931 г. на совещании в Сорренто, в котором приняли участие Л. Леонов, А. Б. Халатов и В. М. Проскуряков (см. Приложение 6 к переписке Горького с Халатовым). В сентябре 1934 г. на Первом съезде советских писателей Горький обратился с призывом ко всем писателям мира принять участие в создании этой книги. 2 июля 1935 г. в Париже на первом пленуме постоянного бюро Ассоциации для защиты культуры было принято постановление об участии в написании книги «День мира». 27 сентября 1935 г. писатели и журналисты ряда стран зафиксировали события в течение дня во всем мире. Книга «День мира» была издана уже после смерти Горького («День мира». М., Журналино-газетное объединение, 1937).

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

(Москва, 28 марта 1935 г.)

А. М. Горькому

Посылаю для сведения ответы двух авторов. Колосов должен писать — «История одной волости»; Горбатов — Арктика (Диксон, Игарка). Колосов очень талантливый писатель, скромный, знает блестяще деревню¹.

Л. Мехлис

Датируется по телеграмме А. И. Колосова и по протоколу заседания главной редакции сборника «XX лет» от 29 марта 1935 г. (АГ)

¹ Речь идет о привлечении писателей А. И. Колосова и Б. Л. Горбатова к участию в книге «Две пятилетки». На письме воспроизведены тексты телеграмм от А. И. Колосова из г. Кирова и Б. Л. Горбатова с острова Диксон.

«Телеграмму получил. Работе приступлю апреле. Считаю, есть районы исторически и хозяйственно более ярые, чем районы Днепровгэса, например Поволжье, Колосов».

«Вашу телеграмму получил, предложенными темами радостью согласен. Горбатов».

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

(Москва, 31 мая 1935 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю первый набросок плана тома по народному творчеству¹. Кое-какая работа в этой части ведется. Числа 8-го соберем писателей и ученых по тому «Взгляд в будущее»². Думается, что дело у нас пойдет, хотя, признаюсь, работаем еще далеко не так, как требует обстановка. Заедает газета. Последний месяц с его большими событиями меня буквально приковал к редакции — дни и ночи приходилось безвыходно проводить и «Правде».

Для московского актива писателей устроили встречу с крупнейшими хозяйственниками (Бирман и Гвахария) и с Никоновым (военный)³. Это в связи с Вашим письмом⁴. Крижановский отказался от беседы по состоянию здоровья, но намерен написать в пятитомник статью. Подробно о переговорах с авторами, кто что делает — при личной встрече.

Интересно проходит сбор средств на самолеты⁵. Никогда еще массы так не откликались на события. В первые дни, — когда нам еще не дали согласия на открытие сбора денег, — редакцию ата-

ковывали тысячи людей и ругались — почему не собираете средства на постройку самолетов. Народ прекрасно понимает, что первоклассный воздушный флот — это своеобразная страховка от войны и обеспеченная победа, если враг рискнет на войну с нами. Поэтому каждый день приходят в редакцию делегации заводов со своей лентой. Денег соберем, видимо, немало.

Пожелаю Вам, Алексей Максимович, здоровья и благополучного возвращения в Москву.

Ваш Л. Мехлис

31/V—35 г.

¹ Том «Творчество народов СССР» был четвертым томом книги «Две пятилетки». Согласно ориентировочному плану он включал в себя все виды народного творчества за послеоктябрьский период (частушки, песни, музыка, танцы, вышивка, резьба по дереву, керамика и др.). В томе должно было быть представлено творчество не только русского, украинского и белорусского народов, но и народов Закавказья, Средней Азии, Поволжья, Севера, Дальневосточного края. В том предполагалось включить очерки писателей о народных мастерах, певцах, сказателях, артистах. По тематическому содержанию том отражал важнейшие этапы в жизни народов СССР за 20 лет. (Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война, индустриализация, коллективизация, культурная революция и т. д.). Привлекались к участию в томе Д. Бедный, А. И. Безименный, А. А. Суриков, Н. С. Тихонов, М. А. Светлов. Ориентировочный план тома «Творчество народов СССР» приложен к данному письму (АГ).

² Сообщение по тому «Взгляд в будущее» состоялось 10 июня 1935 г. в помещении редакции «Правды». Выступившие на собрании А. Н. Бах, И. Г. Александров, Л. Н. Федоров, Вера Игбер, С. Я. Маршак и другие рассказали о том, каким им представляется Советский Союз в будущем. Книга не вышла. План тома хранится в Архиве А. М. Горького.

³ 14 мая 1935 г. Г. В. Гнахария (директор Магеевского металлургического завода имени С. М. Кирова) и С. П. Бирман (директор металлургического завода в Днепрпетровске имени Г. И. Петровского) встретились с московскими писателями и рассказали им о работе своих заводов. («Литературная газета», 1935, 20 мая).

⁴ Горький писал Мехлису 26 апреля 1935 г.: «...я убедительно прошу Вас организовать на протяжении апреля-мая четыре или пять собраний, на которых литераторы могли бы ознакомиться с итогами работы в разных областях науки и техники. На одно из собраний попросить т. Крижановского в качестве докладчика по электрификации Союза, на другое хорошо бы привлечь А. Н. Баха и еще кого-либо из крупнейших химиков, затем следует послушать геолога, агронома и военника. Такие доклады — одно из первых условий успешности работы по двум пятилеткам, а польза таких собраний и докладов для литераторов — не требует доказательства» (Собр. соч., т. 30, стр. 387).

⁵ Вести о трагической гибели самолета «Максим Горький», с болью отзывавшиеся в сердцах миллионов советских людей, вызвала в массах желание своими сбережениями восполнить понесенную утрату. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о строительстве взамен погибшего самолета «Максим Горький» трех самолетов такого же типа и таких же размеров («Правда», 1935, 20 мая). 24 мая 1935 г. «Правда» объявила о начале сбора средств на строительство этих самолетов.

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

<Москва, 13 июня 1935 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

Нам не удалось еще повидаться, а поэтому не знаю Ваших планов по главной редакции «Двух пятилеток». По общей обстановке полагал бы целесообразным *форсировать* выход тома о народном творчестве. *Дать жесткий срок*. В противном случае все, кому не лень, выпустят халтурные сборники на эти темы.

Хорошо бы собрать редакцию и заслушать т. Кантора (организатора этого тома, работник «Правды») и т. Корабельникова. Привет.

13/VI — 35 г.

Ваш Л. Мехлис

ГОРЬКИЙ — МЕХЛИСУ

<Москва, не ранее 26 июня 1935 г.>

Дорогой т. Мехлис, —

разрешите обратить внимание Ваше на прилагаемую телеграмму «ТАСС»¹, напечатанную в «Правде» от 26.VI. Мне кажется, что победоносно хвастливые цифры этой заметки вполне определенно обличают ее лживость и хвастовство. Вы посмотрите: количество партизан манчжур участников 195 стычек приведено с точностью до одного, так же как и количество убитых. Потери японцев сочтены в круглой цифре 100 и — если не ошибаюсь — на каждого убитого и раненого японца приходится 14 манчжур. Не верю. Но суть, конечно, не в том, что я не верю, а в том, что в эти отношения цифр может поверить рядовой читатель, а это едва ли в интересах его развития. Заметку эту не следовало печатать еще и потому, что ей предшествовала собственная информация «Правды», более толковая².

Привет.

М. Горький

¹ Датируется по телеграмме ТАСС, приложенной к письму: «Токио, 25 июня (ТАСС). Кван-тунская армия (японская оккупационная армия в Маньчжурии), как сообщает чанчунский корреспондент газеты «Асахи», опубликовала на днях данные о военных операциях против повстанцев в Маньчжоу-Го. Согласно этим данным, в течение мая текущего года имели место 196 сражений с участием 14 537 повстанцев. В боях, согласно этим же данным, было убито 1422 повстанца. Японцы потеряли 25 солдат и офицеров убитыми и 75 — ранеными». (Подчеркивания А. М. Горького. — *Ред.*)

² Имеется в виду заметка «Борьба маньчжурских партизан. 195 сражений за один месяц», в которой сообщалось о росте повстанческого движения в Маньчжурии против японских оккупантов.

13

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

Москва, 29 июня 1935 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы обратили внимание на помещенную в «Правде» телеграмму ТАСС, в которой сообщалось о сражениях японской армии с повстанцами. Бесспорно верно, что приводимые в ней цифровые данные командования Квантувской армии о японских потерях ложные. Ценность этой телеграммы в том, что японский штаб вынужден публично признать 195 сражений с повстанцами.

В нашей информации по этому же вопросу дается лишь политическая оценка событию. Было бы уместно подвергнуть сомнению данные японского штаба о потерях.

Привет.

Л. Мехлис

14

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

(Москва, 18 июля 1935 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

В последний раз условились, что соберете редакции «Двух пятилеток» в ближайшие дни. Сейчас у Вас гость и не сможете ¹. Но было бы хорошо 23—25 июля ². Позже встретим трудности с проведением ряда решений в ЦК, так как соберется конгресс и все будут заняты ³.

С приветом.

Л. Мехлис

18/VII—35 г.

¹ 23 июня 1935 г. в Москву приехал Р. Роллан. 29 июня Р. Роллан встретился с Горьким и в течение июля жил у него на даче в Горках. 24 июля Р. Роллан уехал из Москвы.

² Заседание главной редакции пятитомника «Две пятилетки» состоялось 2 августа 1935 г. (Стенограмма заседания — АГ).

³ VII конгресс Коммунистического Интернационала, который проходил в Москве с 21 июля по 25 августа 1935 г.

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

(Москва, 5 августа 1935 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

т. Корабелышников встречается с большими трудностями при решении финансовых дел, связанных с книгами «Две пятилетки». Я слышал о Вашем плане объединить все издательские дела истории фабрик, гражданской войны и т. д. Думаю, что это очень целесообразно и сократит всякие расходы.

Привет.

Ваш Л. Мехлис

5/VIII—35 г.

ГОРЬКИЙ — МЕХЛИСУ

(не ранее мая 1935 г.)

Уважаемый т. Лев Захарович,—

предлагаю вниманию Вашему работу Аганова¹. Я против главы «День мира», тему эту нельзя включать в план «Двух пятилеток», ибо будет эта сложная и самостоятельная тема разрабатываться параллельно с темой книги «День страны Советов»².

Вторая глава работы, в данном ее виде, тоже кажется мне совершенно неудачной, местами — едва ли политически уместной, а местами неясной с каким-то «загибчиком»!

Начиная с третьей главы, дело идет лучше, но требует внимательной редакции.

Первые же две главы я предлагаю заменить кратким очерком «наследства», оставленного партией семью годами империалистской и гражданской войны. В этот очерк необходимо включить и «НЭП» с лозунгом «Обогащайтесь!», лозунгом, резонанс коего ощущал и в наши дни.

Привет и доброго здоровья

М. Горький

Р. С. По поводу фольклора Украины: надобно использовать старинные издания альбомов вышивок, цветного тканья, ковров, гончарных изделий Опоники, Межигорья и т. д.

Это и «выставка»³ — очень хорошая затея у Вас. Наименьшинства весьма чутки на внимание к ним.

М. Г.

Датируется по упоминанию о книге, над которой работала бригада под руководством В. Н. Агапова.

¹ Речь идет о истинно народной книге «Картины жизни страны», с которой предполагалось начать издание «Двух пятилеток». Книга должна была дать в историческом разрезе образ жизни страны. Она состояла из следующих глав: «День мира», «Низ», первая и вторая пятилетки, коллективизация. («Литературная газета», 1935, 24 марта и 24 мая).

² В речи на совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссеров 10 апреля 1935 г., говоря о необходимости написания книги «День мира», Горький выдвинул идею и о создании книги «День страны Советов».

«Мы можем и советский день показать, — сказал Горький, — будничней советский день, весь день во всей стране, начиная от Арктики и кончая границами Средней Азии — до Памира, начиная от Владивостока и кончая Одессой, Астраханью или Эриванью, — весь наш советский день, что случилось за день» (Собр. соч., т. 27, стр. 436).

Подвиге материал, предназначавшийся для книги «День страны Советов», вошел в книгу «День мира» («День мира». М., Издательство «Культурное наследие», 1937).

³ Речь идет о мероприятиях, связанных с изданием тома «Творчество народов СССР», работу над которым возглавлял Мехлис.

17

МЕХЛИС — ГОРЬКОМУ

(Москва, 30 марта 1936 г.)

Очень просим прислать 8 апреля хотя бы небольшую вещь, посвященную съезду комсомола на основании мысли съезду Комсомольской правды учиться и дерзать ¹.

Мехлис

Датируется по рукописной копии телеграммы.

¹ 11 апреля 1936 г., в день открытия X съезда ВЛКСМ, в газете «Правда» была напечатана статья М. Горького «Непоколебимо верю в победу нашу, дорогие товарищи (Приветствие X съезду ВЛКСМ)» (см. Собр. соч., т. 27, стр. 529—531). Одновременно (11 апреля) эта статья была опубликована в газетах «Известия» и «Комсомольская правда» под названием «Вы призваны для победы».

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

ВЫСТУПЛЕНИЯ ГОРЬКОГО НА СОВЕЩАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ИЗДАНИЮ КНИГИ «ДВЕ ПЯТИЛЕТКИ» 16 МАРТА 1935 Г.¹

С положением дела вы в общем, вероятно, знакомы, товарищи, или и должен осветить свое положение?

Молчанье... Так будем очерчивать.

Дело движется у нас не столь быстро, как следовало бы. Сему есть «уважительные» причины, — уважительные в кавычках. Ни один из членов редакции не руководит работой.

Есть еще мероприятия, которые нельзя провести непосредственно без участия главной редакции, например, подбор докладчиков на ответственные темы о типе коммуниста, хозяйственника, красного директора, о типах тех людей, которых мы должны изобразить.

Коллектив не может развернуть своей работы без помощи Союза писателей, которые, следуя решениям съезда, должны бы рассматривать коллективную работу как свое кровное дело. По этой причине нужно вовлечь коллектив писателей и вообще как-то поставить это дело на широкое основание.

Затем, коллектив работает в условиях невозможных, в одной небольшой комнате. И когда начали составлять «Хроники» двух пятилеток, то газетами завалили комнату до потолка, пришлось расстелить работу по своим квартирам и т. д.

Я думаю, что о той работе, которая произведена, доклад сделает т. Коробельщиков. А я укажу только на те причины, вследствие которых мы должны проанализировать кануло-то реформу, которое требует, действительно требует, притяжения всех основных писательских сил, помощи ряда организаций и авторитетного повседневного руководства.

Тут сказано, — и правильно сказано, — что лучше дело приостановить, чем вести его так, как оно велось до сей поры, при таком к нему хладнокровном отношении. Этим хладнокровным отношением можно скомпрометировать идею коллективной работы, идею, уважаемые товарищи, чрезвычайно дорогую и полезную. Полезна она по мотивам, которые я буду иметь честь доложить вам, и которые, мне кажется, как-то не усваиваются.

Нет никакого сомнения, что мы очень плохо знаем действительность. Очень плохо. Знакомство с ней ограничивается главным образом показателями газет, чрезвычайно скудными. Есть целый ряд таких явлений и таких работ, которые газетами не то что игнорируются, а во всяком случае до газет не доходит по каким-то причинам, мне не совсем понятным.

По всей стране происходит нечто совершенно умопомрачительное. Я недавно видел фильм «Колыма». Эта работа чудовищна по своему объему, по тем изумительным условиям, в которых совершалась эта работа, по, несомненно, гигантской затрате энергии, которая потребовалась для того, чтобы ее сделать, эту работу, и по изумительным успехам этой работы. Кроме «Колымы», можно назвать еще целый ряд явлений, как, скажем, освоение Аргентины и вообще все, что делается на севере, в Карельском крае и т. д.

Всю эту работу надо как-то изобразить и изобразить, по возможности, в художественном освещении.

Что, собственно, мы хотим изобразить? Мы хотим изобразить рост массы, ее культурный рост, хотим изобразить, как за 17 лет в стране, которая одержала такую победу, сначала элиталки делали; все это было, и нам не надо стесняться изображать это, потому что те же самые люди, которые делали элиталки, черт знает на какую высоту полезли, преодолев совершенно изумительные нечеловеческие препятствия и затраты на это гигантские силы.

Надо изобразить эту массу, ее рост — это самое главное. Возни с индивидуальностью, которая все еще является традицией в литературе, она немножко надоела, и, собственно, уже не в этом дело. Человек интеллектуалист от времени становится все беднее и скучнее. У него нет старой привлекательной черты страдальца, которая была в нем и которая очень многих соблазняла. Все это принимает сейчас формы совершенно неинтересные, литературно неинтересные. Все это переживая, все это сказано и т. д. Сейчас пошел другой человек, другой интеллигент, и вот его нам надо показать самим себе и всему миру, потому что как ты ни говори, как ни стесняйся громких слов, тем не менее факт — делаем мировое дело. Это очень обижает. Обижает то обстоятельство, что люди растут с быстрой невероятной.

Передо мною конка². Там была поставлена такая задача. «Давайте зайдём в дом № 1 по Кировской улице. Это один из рядовых, ничем не отли-

чающихся домов. Посмотрим на людей, которые там живут. Здесь живет коммунист Романов... (читает).

Здесь передали все жители дома № 1 по Кировской ул. И мы видим, как быстро совершается процесс перерождения людей. Дело идет, конечно, не только о том, что они делаются из неквалифицированных, чернорабочих, не чернорабочими и квалифицированными, даже мастерами и идут учиться. Дело не в этом, а в том, что внутри человека имеется такая жажда быть не тем, чем он был, переработать себя, пережить себя, переплавить. Это как раз то, чего не хватает очень многим нашим литераторам. Живут, черт их возьми, как,— ругаться, конечно, не поддается, но все-таки не хватает многого литераторам-то. Надо как-то их привести в порядок. Надо их как-то зажечь. Надо их как-то,— вообще я не знаю, какое слово употребить,— перевоспитать что ли. А с моей точки зрения ничто не может человека перевоспитать так быстро и так хорошо, как его перевоспитывает труд, особенно труд, имеющий то значение, какое у нас в стране труд получил,— значение какого-то рычага, который превращает мир. Мир превращается.

История воплощения этой энергии, история ее возникновения, организации и выявления, ее оформления в вещах, в машинах,— во всем строительстве,— вот наша задача. Дать эту штуку, дать ее в точных ярких словах, сжато, ясно, экономно. Не надо никаких особых украшений. Дело настолько красиво, что само за себя говорит. Вот это дать, показать партерную, работу наших низовых работников, показать, как двенадцатилетичники росли в деревню, что они там делают, что они делают там; показать, как перерождается наш крестьянин, человек XVII века,— он действительно пошел в XX век из XVII века. И, посмотрите, что он делает. Посмотрите, как он поставил себя на съезде колхозников-ударников².

Мне страшно тяжело говорить такие вещи, в конце концов, надо говорить как-то иначе,— я знаю,— но у меня нет других слов. Если мы сумеем создать такой хороший руководящий орган, такой орган в этом деле, мы сумеем приподнять публику и выправить ее, сумеем просто потому что, собственно, требуем от нас — показать значительность всего происходящего, показать всю широту этой работы, всю ее прикрасу, всю ее мощь и ее философию.

Затем, некоторых тут смущает такой вопрос, как писать «Две пятилетки». Я говорю, что нужно писать за 20 лет потому, что если мы будем брать только 2 пятилетки, это повиснет в воздухе. Нам надо начинать сначала. Так мы и будем работать. К 20-летию Советской власти мы должны дать какие-то книги. Много их будет — материал покажет.

Надо еще такую вещь сделать. Отчетные собрания по работе, которые у нас будут, я думаю, нужно проводить в Союзе писателей при большой публике с той целью, чтобы с имеющимся уже материалом в том освещении, которое ему уже будет дано, ознакомиться, чтобы это повлияло на писателей в том смысле, чтобы они писали сценарии для кино, чтобы они писали книги для детей, чтобы они вообще писали, вообще работали и вне рамок этой работы, которая должна их, на мой взгляд, удовлетворять. Заметьте, что у нас недоговоренностей бесчисленное количество. У нас написано черт знает сколько книг, но нет крупных типов, нет обобщений, нет тех типичных явлений и людей, которые нам необходимы. И пора их иметь. У нас очень много талантливых писателей, и они могут написать большие книги, несомненно. Если они не пишут — не хватает материала, просто нет материала, это чувствуешь везде. Вы посмотрите, я сейчас более или менее усердный читатель, и вот, когда я читаю книгу, написанную о наших днях, я не вижу, как живет этот герой, какие у него стулья, как он одевается, как он пьет и ест и прочее, а ведь все это заменилось: он иначе живет, другое у него появляются привычки, другое у него отношение к детям, жене и прочее такое. А этого не чувствуется. Это чувствуется в словах, а в поведении, в выражении его чувствований — не чувствуется. Не дают этого и естественно — почему, потому что не знают.

Так что мне думается, что необходимо делать такие отчеты о материале, показывать его, чтобы это возбуждало у людей желание обработать этот материал с силой и блеском, которых он заслуживает.

Мы должны сделать хорошую книгу, и мы не можем ее не сделать. Это, может быть, смешно звучит, но я говорю просто по внутренней необходимости сказать это, и просто верю в это, убежден, что это может быть. Надо перестроиться. Надо только соприкоснуться с этим огромным потоком событий, выкупаться в нем. И будут писать. Пробуют уже. Даже при этой скудости знаний все-таки написаны кое-какие вещи весьма значительные. А тут при таком обогащении это непременно должно быть. Должны быть созданы книги крупные.

Я дерзая думать, что можно создать очень серьезные произведения. Дерзая думать и убежден почти. Там, конечно, должна быть и очерковая литература. Само собою, что в беллетристике мы не найдем все то, что сделано наукой за эти 17 лет. Не уложим таким образом. У нас есть целый ряд таких научных достижений, которые имеют огромное и, прямо можно сказать, потрясающее значение, и когда они будут опубликованы, мы в этом убедимся. Это Бауэр⁴, Спиревский⁵, которые ввели в науку медицину новые, совершенно революционные идеи. Затем возьмите, например, все, что сделано геологией за эти 17 лет. Совершенно сказочное обогащение страны. В Колыме, помимо того, что там поднимают золото на ходу, там, несомненно, огромное количество олова, молибдена, и черт знает, чего только нет. А Хибинам, а Солоновкам, а бесчисленное количество всех других вещей. Геология сыграла за это время огромнейшую роль.

Возьмите область физики. У нас есть вещи, которыми мы можем похвастаться. У нас есть синтетический каучук. Тут мы обогнали Европу. У нас начали строительство. У нас сделана сварочная машина, которую покупают сейчас, покупают Шкода и Рено. Подумайте только, что это-то значит. Когда эта машина была выставлена, все моментально схватилось за нее. У нас есть целый ряд изобретений, о которых никто не знает. И мы не знаем о них. Это все, конечно, придется дать в какой-то том отдельно. Придется дать. Но, видите ли, почему не попытаться, почему не попробовать изобразить этого нашего молодого ученого в сопоставлении со старым или без одного сопоставления? Почему его не изобразить в рассказе, в драме. И рассказы такие попробовали писать. У Соловьева есть «142-й опыт»⁶. Почему не сделать этого? Почему? У нас есть превосходнейший популяризатор Ильян. Можно вместе с ним поработать над произведением.

Трудно перечислить целый ряд тем, которых мы не раскрыли, например, ярат в деревне, учитель в деревне. Наконец, у нас огромнейшая тема — это женщина, и она тоже не дана. А она выросла за это время, да еще как выросла. Затем — тема о восточной женщине. Наконец, мы очень плохо знаем наши совхозные республики, а они хотят, чтобы их знали, хотят. Вот Стильский прислал письмо⁷, где говорит, что пришлите 4-х писателей, чтобы они написали историю Дагестана. И это — совершенно естественное требование. Я думаю, что такое стремление послать себя — это вообще естественная вещь.

Я думаю, что иногда, в некоторых случаях, в исключительных случаях следует взглянуть даже и дальше в прошлое. Например, тема сохи, — это в высшей степени любопытная вещь, — очень выигрывает, если знать, предположим, пример, как Николай I картофель заставлял крестьян есть, что вызвало картофельные бунты по целому ряду губерний — Нижегородской, Вятской, Пермской и т. д.; если показать, что презирает солдат, разжигают костры, ставят большие котлы, варят картошку, созывают крестьян, а потом эту горячую картошку крестьянину в рот засунут, а если он не ест, то и поубьют его, — если дать такую картину, а потом показать, как сейчас проводится культура, хотя бы с той же сохой. Расстояние тут лет 90 будет.

Возьмите другую вещь. Возьмите оспориывание. Да целый ряд вещей есть, которые могут современное внедрение культуры в массы очень интересно показать, очень хорошо осветить.

Когда я говорил, что следует начать с таких явлений, как делание за-жигалок, я забыл упомянуть, что были явления прямо противоположные. Были случаи, когда рабочие сами, по своей инициативе, вследствие просто хорошего понимания того, что они значат и что они должны делать, сами начинали работу. Возили на себе дрова, — это было на Гусь-Хрустальном и в других местах. Также в Колюбакино * и т. д. Эти факты надо собрать, потому что они свидетельствуют о том, что именно у пролетариата в ту пору уже имелось сознание своей хозяйской роли.

Вопрос, который стоит тут. Коробельников относительно программы, тщательно разработанной. Я не совсем его понимаю. По моему, программа у него уже намечена. В той работе, которая сделана, уже есть программа, в той хронике, которая имеется. А как ее нужно делить, в какую сторону, я не уславиваю, в чем тут дело. Если очень тщательно разрабатывать такую программу, так мы тогда, возможно, ограничим свободу писателя в выборе темы и в сокращении ее разработки. Этого нужно опасаться. Здесь нужно предоставить свободу выбора материала, темы и т. д., потому что иначе может получиться очень неприятное явление сжимания темы и порчи материала. Я не понимаю, о какой именно программе идет речь, кроме того, что уже намечено.

Гораздо более существенно другое соображение, — это о необходимости привлечь представителей братских республик. Они хотят работать. С некоторой стороны уже имеется сведения о том, что они желали бы ознакомиться со своим историческим прошлым. Когда начнется работа по истории деревни, тогда само собою разумеется это еще более даст материала и сюда я вам и воодушевляю их, улаивает им, как надо делать. А с этим не надо особенно тинуть. Нужно сейчас же сделать такое заключение им всем, что давайте-ка работать.

...Есть некоторое различие между геологией и бытом. С бытом любой писатель может ознакомиться и лично, просто обойдя целый ряд домов, рабочих семей и т. д. Затем в помощь ему есть целые сотни высказываний самих рабочих о том, как они живут сейчас. Уже было сказано довольно много о том, что раньше жили так, теперь так и прочее. Это легко. Теперь, если обратиться, скажем, к области геологии, то что же, будет дан по этой линии один очерк именно о геологии, именно о всех геологических изысканиях, которые были проведены в течение 17—20 лет, и о тех итогах, которые эти изыскания дали, и о тех практических выводах, которые из этого следуют экономического и политического значения и т. д. По этой линии что можно сделать? Можно дать выток, если окажется, рассказов, иллюстрирующих процесс работы геолога. Но вот представьте себе человека, который почему-то, по каким-то очень странным основаниям, по мажори какой-нибудь убежден в том, что есть у нас олово, должно быть олово, не может не быть олова, и пишет олово. Ведь как это бывает. Это бывает таким образом. Вот человек смеется над неким ученым, изучающим древние рукописи. Ученый сказал, что араб написал, что в таком-то месте, в таком-то пункте Ср. Азия был город, и в этом городе свинцовые трубы были. Нельзя предположить, что свинец в ту пору был привезен откуда-то издалека. Значит он был на месте. Идет, роет и находит. Тут связь с отдаленной действительностью, и вдруг получается совершенно неожиданный результат. Вот взять такого человека, усердного в богатстве своей сгразы, накопив, в своих качествах искателя, открывателя, — взять и изобразить — это будет интересная вещь. Очень много можно рассказать таких вещей. В самом деле, существовала целая гора. Мимо ее ходили норманны, ходили новгородцы сколько времени, а потом оказалось, что эта гора позволяет и в Америку завозить апатиты и т. д.* Это можно сделать. Вообще говоря, для литера-

тора ничего запретного нет. Снизать такие отдельные, даже отдаленные факты он может.

Точно так же по поводу ВИАМ¹⁰. По этому поводу будет дана статья, которая покажет, что только у нас поставлен вопрос о комплексном изучении человеческого организма. Все-таки культурно богатые люди не сделали этого. А затем — бесчисленное количество всяких тем, просто сотней тем, которые отсюда вытекают. Недавно я разговаривал с Бауэром-биологом по поводу книги, которую он печатает. Знаете, черт знает, какая штука — его книга. Но если взять Бауэра и подумать, каким путем он работал, просто линию его мышления изобразить — это будет замечательная вещь.

В чем дело, собственно говоря? Чего мы не понимаем? — Техника мышления становится новой просто потому, что есть некоторая основная идея, основной толчок другой, не тот, в котором живет остальной мир. И вот этот оборот человека к его продукции и обратно — влияние продукции на человека, это не удается показать. А это все же нужно. Вот она — диалектика. А она действует везде и у нас. Это так очевидно, что дальше ехать некуда. Это очень легко усвоимо.

Я хочу обратить Ваше внимание еще на одну тему, которая нашей литературой обойдена — это вырождение или выветривание религиозных эмоций в народе. Это очень важно. У нас не дана картина, например, вскрытия мощей и всякая такая штука. Целого ряда вещей нет по этой линии.

Затем очень важно, конечно, показать красавицу дома. Саушкин он в Красной армии и пришел домой в какую-нибудь глухую деревню, какого-то Сергачского уезда, где шорой встречаются кулацкие бои. И вообще, если намечать конкретные темы, то их выберут сотни, и все это будут темы нетронутые, или, если тронутые, то очень поверхностно.

¹ Выступления Горького печатаются по стенограммам совещания и правлены автором. Начиная со слов: «И дерзая думать...», все последующие радости, отмеченные интервалами, воспроизводят выступления Горького в прениях.

Совещание главной редакции и авторов издания пятитомника «Две пятилетки» состоялось 16 марта 1935 г. на квартире у Горького на Малой Никитской. На совещании были определены основные задачи и тематика издания. Доклад на эту тему сделал Горький. В прениях по докладу приняли участие А. И. Степный, А. С. Шеремков, Л. З. Мехлис, В. В. Иванов, Б. И. Агранов, Г. М. Коробешинков. На совещании было принято решение о составлении программы издания «Две пятилетки» (см. приложение 2).

² Каким языком имеется в виду, не установлено.

³ Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников проходил в Москве в феврале 1935 г. Горький обратился к делегатам съезда с приветствием («Правда», 1935, 19 февраля).

⁴ Эрнст Симеонович Бауэр (1896—1942) — профессор, биолог.

⁵ Алексей Дмитриевич Сперанский (1888—1961) — академик, физиолог.

⁶ Л. Соловьев — «Сто двенадцатый опыт». (Рассказ.) «Красная новь», 1933, № 6.

⁷ Письмо С. Стальского от 13-го января 1935 г. (Сулейман Стальский и В. Сочинени. М., Гослитиздат, 1948, стр. 369—371).

⁸ Колдобино — поселок городского типа в Рузском районе Московской области.

⁹ Изучены в виду месторождения апатита в Хибинских горах, открытые в 1926 г. советскими геологами под руководством академика А. Е. Ферсмана. В 1929 г. были начаты разработки этого месторождения.

¹⁰ Всесоюзный институт экспериментальной медицины был создан по инициативе Горького постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 15 октября 1932 г. В 1944 г. ВИАМ реорганизован в Академию медицинских наук СССР. О задачах ВИАМ Горький писал в статье «О науке» («Архив А. М. Горького», т. III, М., 1951, стр. 196—198).

**«ЛЮДИ ПЯТИЛЕТКИ»
ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ПРОГРАММА РАБОТЫ 1957 г.**

Настоящая программа является результатом обсуждения проблем книги на совещании у А. М. Горького, разосланного членам коллектива предварительного плана, последовавших замечаний и указаний по плану ряда членов коллектива. Тем не менее, настоящий вариант пока лишь черновой и грубый набросок плана работ по книге. Программа может быть выработана только после длительного изучения материала и его проработки. Таким образом, даваемую в программе наметку можно рассматривать как общее направление дальнейшей работы коллектива по изучению материалов и разработке стилей книги.

Задача книги.

В ходе социалистического строительства вырастает и выковывается человек нового типа. Характерными его чертами являются: сознание себя активным строителем жизни, боржом за социализм, участником коллектива, классов. Это тип человека с новым отношением к труду, к творчеству, осваивающего технику, науку, культуру, искусство, воспитавшего и развившего в своем характере отвагу, преданность партии и социализму, могучую волю и упорство в преодолении препятствий и трудностей, революционный размах, влияние техники.

Такой тип человека формировался и формируется в годы первой и второй пятилеток и стал распространенным в среде рабочих, Красной армии, proletарской технической интеллигенции и колхозников. Он стал массовым и, *будучи седущей фигурой с меткой действительности, он является ее подлинным героем.*

Основная задача книги: изобразить тип новых людей советской страны во всем многообразии и разнообразии их характеров, индивидуальных черт, свойств, личных переживаний, показать процесс роста нового человека под влиянием революционного труда.

Ничего: изобразить процесс воздействия коллективно организованного разума людей на силу и материю природы и процесс влияния практических результатов этого воздействия на «природу человека».

Еще иначе и проще: работа людей по созданию культуры и обратное влияние созданного на тех же людей.

Общая установка.

Книга должна явиться полным произведением, которое отобразит типические процессы, события и людей эпохи создания социалистического общества. Она должна явиться как бы «человеческой комедией» нашего времени.

Русская классическая литература создала галерею типов старой России. «Люди первой и второй пятилетки» должны дать сложившиеся и складывающиеся новые типы советских людей.

Введением в книгу явится исторический литературный очерк, идейно cementирующий галерею героев книги. Автор очерка — А. М. Горький.

Коллектив рассматривает себя как художественно целостный творческий организм и видит единство книги в общем для всех идейном направлении, в общем мироощущении, основанном на учении Маркса — Ленина, в творческом методе социалистического реализма, базирующемся на критическом овладении культурой прошлого, на социалистическом опыте и утверждающем новую социалистическую действительность.

Именно это единство, в основном, главным и решающим, позволит и обязывает требовать от каждого члена коллектива наиболее полного развертывания его индивидуальных творческих сил и возможностей, своеобразия его литературной манеры, художественного интереса к тем или другим явлениям социалистической действительности, являющимся для него

органическим мотивом творчества. Книга в целом должна быть продуктом художественных интересов каждого участника коллектива, давая ему полную возможность наиболее эффективно проявить себя как художника.

Общая композиция материала книги решается коллективом. Работа писателя обуславливается в коллективе. Каждый писатель будет делать на коллективе сообщения и по отдельным вопросам, которые возникнут в процессе его работы, и по общим проблемам.

В работе над книгой следует исходить из того, что книга не является некоей иллюстрацией к уже готовым, добытым положениям, к уже зафиксированным типам и характерам, к проблемам уже полностью истерпанным. Книга должна давать не литературную инвентаризацию выявленных в процессе типов, а должна дать глубокий разрез нашего общества и в этом случае мы должны заниматься не натуралистическим описательством, а художественно раскрывать действительность и людей нашей эпохи.

Коллектив должен исходить из того, что мы очень мало знаем наше общество, его «типичный состав» и, занимаясь изучением объектов работы, мы еще как следует не изучили субъекта революции — пролетариата, коммунистов, армию, комсомол, пионеров, работников науки, техники, изобретателей, колхозников и т. д. в художественно-социологическом освещении. В литературе существуют много грубых штампов, приблизительных и просто неверных, устаревших представлений о поколениях 20—30 годов, о процессах и новых отношениях внутри нашего общества, и разрушить эти штампы на основе глубокого, самостоятельного, смелого исследования жизни — есть первая задача книги. Она должна дать настоящий правдивый материал жизни и, в известном смысле, должна являться художественной энциклопедией нашей действительности.

Герой книги, формы его изучения и изображения.

Так как книга должна дать художественную типологию эпохи, то, естественно, мы должны показать самых разнообразных людей, от низового работника до вождя, но отобразив их с существенной стороны, что в целом и даст типологическое художественное и философское единство книги.

Но именно для того, чтобы дать типы людей нашего времени, мы должны построить изучение и изображение этих людей *вокруг конкретно-исторических проблем* типологии так, как они стояли в определенные периоды раньше и развиваются теперь. Поэтому задача нашей ближайшей работы — проработать общие проблемы, проблемы второй типологии таким образом, чтобы они в нашей книге (напр., проблема транспорта, не говоря уже о проблеме освоения и овладения техникой) выступили как *литературные темы, как политические мотивы нашей действительности*. В своей работе мы должны идти от факта, от материалов, от знания действительности, всего ее конкретного богатства и исходить из того, что мы должны изобразить типы людей и их типичные отношения между собой и с отношениями к природе.

Формой жизнедеятельности и развития личности в нашей стране является коллектив, — человек в коллективе, поэтому мы в книге должны выразить эти новые общественные связи в их конкретности с тем, чтобы эта новая общественная связь выступала основой сюжетного построения книги.

Главным предметом изучения и отображения должны явиться социальная практика людей реконструктивного периода, их поступки, их действия, но так, чтобы это раскрывало и сознание людей нашего времени, их интересы, намерения, стремления и не только производственные, но и «интерпретативные»; чего человек хочет для себя, как он планирует свою жизнь, круг его симпатий, личных вкусов, тяготений и т. д. Предметом изучения должны явиться *новые мотивы человеческого поведения*, новые чувства, страсти, понятия, так как они возникали в процессе социалистического строительства и получали новое историческое развитие. Наша задача — открыть то исторически-специфическое в людях нашей эпохи, которое складывается не под влиянием стихийного развития, а *формируется силами или же перестраивается действительности*.

Особенно мы должны бежать от «сушальщины» в изображении людей, от наигранной патетики и «героизированной» избранной темы, от поспешного стремления бумажно-газетной фабрикацией героев. Однако героем книги ни в коем случае не является некий арифметический «средний человек» подобно ходоному герою современной западно-европейской литературы. Либеральная и сентиментальная мелкобуржуазная литература на Западе и у нас (даже и советская литература) изображала мелкого и среднего героя с точки зрения его места под солнцем. Мы не должны забывать, что основная идея, возбудившая чудовищную энергию лучших людей нашей страны, отрицает право на место под солнцем для целого класса людей. Героев нашей книги можно, правда, грубо, но в основном распределить на три группы.

В первую группу мы отнесем людей, наиболее полно воплотивших в своей работе и жизни черты нового человечества, людей полных, сильных, энергичных, людей, воплотивших новое отношение к труду (ударничество, соревнование), новые взаимоотношения в коллективе, в семье и т. д. Старая Россия почти не знала людей этой формации и поэтому, литература готова была считать обломовщину национальным русским явлением, ей противостояли Штолы и т. д. Герои нашей книги, которых можно отнести к названной первой группе, вместе с тем не единообразны. Люди по-разному проявляют себя в разных условиях. Единство типа и диалектика кадров революции. Большевик как процесс, формирующий новое человечество.

Во вторую группу надо отнести титанов, характеризующий всю сумму извешений, противостоящих социалистической передатке общества. Это силы капитализма. Типы врагов, кредитисей, кулаков. Тип меньшевика, троцкиста, оппортуниста. Сюда же надо отнести людей, которые не вступили на путь борьбы с революцией, но по всей природе своей являются изородным направлением в советскую среду, «механическими гражданами» и т. д. В книге должен быть описан и современный обыватель, мир его интересов и настроений. Мир этого «мелкого человека» очень изменился революцией. Раньше такой «мелкий человек» снули от сорости и снули или умственно чуждачествовал. Освещенный круг его сознания был очень мал. Ныне советский обыватель живет в окружении больших событий, в атмосфере идейных страстей. Он должен оборотиться от идеологии. Он по-своему приспосаблиется к необходимости жить в революционной среде.

Здесь перед нашим коллективом стоит задача разработки новых для литературы оригинальных типов.

Третью группу героев книги составят обширный мир людей, продолживших путь от капитализма к коммунизму. Это, в известном смысле, резервы революции, постепенно вовлекаемые в бой. Типами этой группы самый пестрый. Существенно показать в нем две стороны: перековку, обожествление человека и своеобразие путей включения в дело строительства социализма. В этом последнем смысле интересно наряду с обычным подходом со стороны профессии показать самоопределение в революции людей со своеобразным, часто индивидуалистическим душевным складом, фантазеров, романтиков, бродяг. В старину в России не мало было таких людей, не уживавшихся в своей среде. Часто, например, странничество было проявлением слабостей человека, но иногда «чуждачество» оказывалось проявлением изобретательских сил. В книге надо будет показать и советских «студиков»: псевдомозговых колхозных умельцев, изобретателей, затем имовников, ситуационистов геолого-разведывательных партий, завоевателей природы и т. д.

Раннее место в книге должен занять тип советской женщины, главным образом, женщины революционной формации. Затем в книге должны быть показаны новые люди, которых выдвинула революция в национальных республиках, типы организаторов, большевиков, ученых и т. д. Старая Россия, угнетавшая десятки народов, в сущности, даже не знала эти национальности и их культуру. А в прежней литературе почти совсем нельзя встретить изображения людей из небольших народностей, входивших ранее в состав империи.

Коллектив и работа над книгой как университет.

«Надо действительно знать, как будто сам ее делал» — эти замечательные слова Горького, — должны стать основным лозунгом в работе коллектива.

Первый период работы над книгой будет для каждого периодом сбора материала и обдумывания своей темы. Но вместе с тем от каждого члена коллектива потребуется продумывание проблематики книги в целом, ее философской и научной стороны. Нужно, чтобы коллектив был на уровне громадных и для большинства новых вопросов, которые будут решаться в книге. Эта книга должна давать обобщения, идущие от действительности, от факта, от материалов, а не подгонять материал к заданной теме. Мы будем открывать, а не описывать. Вот почему работа над книгой от каждого писателя потребует в первую очередь знаний, знаний людей, знаний того опыта, который накоплен в различных звеньях советского общества. Для этого коллектив должен стать университетом или философским и техническим институтом изучения эпохи в тех разрезах, которые мы себе намечаем.

Помимо привлечения в качестве консультантов ученых, экономистов и т. д. в специальных случаях, коллектив заслушает серию лекций и проведет ряд бесед и встреч с командирами батальона. Работа пишется именно с изучения опыта рабочего класса в строительстве социализма. Важнейшая работа будет заключаться в том, чтобы с привлечением ряда консультантов основной аппарат редакции разработал «карту советской страны» с нанесением опорных пунктов книги «Люди пятилетки», наиболее типичные объекты предприятий, научных учреждений, колхозов и т. д.; разработал бы хронологический календарь событий первой и второй пятилеток, расположил их во «времени» и «пространстве», установил бы очередность работ и расставил бы писательские салы по определенным тематическим маршрутам, — в соответствии с творческими типотензиями каждого и интересом к проблеме. От общего обсуждения плана — коллектив может перейти к конкретной работе.

Несомненным вводом в творческую обстановку новой работы может явиться обсуждение итогов работы над книгой «Беломорстрой», которая по сути дела является истоком новой коллективной работы.

Работа коллектива и опыт советской литературы.

Коллектив рассматривает свою работу, как дальнейшее развитие всего опыта советской литературы. В изучение явления нашей действительности также включается и изучение развития советской литературы, подытоживание и анализ того, что уже литература дала, ее типов, характеров, образов людей советской страны. В связи с этим, работа критиков в коллективе, помимо тех или иных личных художественных заданий, которые возьмет на себя тот или иной товарищ, — должна заключаться в обобщении опыта советской литературы, в анализе творчества писателей, входящих в коллектив. Критики должны подходить к творческой задаче каждого члена коллектива не изолированно, а с точки зрения его творческого развития, художественной манеры, стиля и т. д.

Критика должна в коллективе изучать как явления жизни, так и литературные проблемы, связанные с работой над книгой — вопросы стиля, языка, сюжета, композиции, типа, характера, жанра и т. д., ставя и обсуждая доклады по этим проблемам и т. д.

Задача создания «человеческой комедии» нашего общества возможна при условии критического анализа и усвоения того, как создана «человеческая комедия» общества буржуазного, ее типов и синтетических образов. И здесь критика должна обогатить этим анализом весь писательский коллектив.

¹ Печтается по машинописной копии с пометками Горького.

После ознакомления с ориентировочной программой Горький писал членам бюро авторского коллектива пятитомника «Две пятилетки»:

«Товарищи,

Мне кажется, что план является детализирован и требует значительных сокращений. Детализация намечает ряд ограничительных линий для нас, строит некую клетку для нашей творческой фантазии, для воображения нашего, т. е. для включения материала в «образ». Образ есть синтез, но, заранее намечая границы и пределы синтеза, вы рискуете исказить материал, «обескрасилить» нашу свободу отбора деталей. Я говорю не о тенденции, у нас тенденции — нет, у нас — идея, она, по-новому организуя психику людей, — преобразует — «изменяет» мир. Я говорю о широте охвата материала, о глубине его понимания нами. Существенно важные, смысловые детали должны явиться в процессе ознакомления с материалом, изучения его и нет нужды намечать их в плане работы.

План — детальный — необходим для построения здания или машины, наша задача — шире и сложнее. Мы имеем дело как бы с геологическими пластами разнообразнейшей и живой руды, должны исследовать области ее скопления, направления, ее залеганий, процессы ее образований, процессы плавления, выявление на них тех драгоценностей, которые ослепляют энергией своего нас и — все более — даже мир наших врагов.

Как всякая юнга у нас — наша должна быть «оборонческой», т. е. — революционно-воспитательной, т. е. — возбуждающей коллективную, боевую, творческую энергию нашей страны, страны, которая все более устранила старый мир и неизбежно заставит его обрушиться на Союз соц(иалистических) Советов, чтоб закончить этим актом процесс своей гибели. Мы должны идти за намеченную нами работу со всею силой наших способностей, с предельным напряжением сознания глубочайшей ответственности нашей работы — честно, самоотверженно и радостно. Мы должны понять, что начинаем дело, которое считалось невозможным, — дело коллективного создания литературного монумента замечательнейшему десятилетию. Мы хотим доказать — и я убежден: докажем! — возможность коллективного начала в творчестве искусства — в области, которая считалась и считается наиболее резко обособленной, строго индивидуализированной.

Нам следует работать, как работали безымянные каменщики средневековья, силой таланта коих созданы в мире такие изумительные здания, каковы непрезойденные по красоте и мощности соборы в Европе или храм в Бенаресе. Нам есть у кого учиться работать великолепно. Начнем работу с верой в нашу способность и творчеству великого и мы создадим великое» (см. «Вопросы литературы», 1957, № 7).

В Архиве А. М. Горького находится также заметка Горького, относящаяся к плану пятилетки: «Две пятилетки»:

«Новое в науке за 17 лет

Изобретательство —

Место детям

«Знатные люди» завода и колхоза»

Основная тема?

Рассказы

Очерки

Статьи

Двеиники и личное — общест(венное)

Стихи

Интернациональный момент

Комсомол (мраб.)

Наимены

Всё — в искусство.

Герои это — цветение масс и ничем иным никогда они не были. Этим же отрицается бытие идолитых цветов».

Первый том.

Тема книги — Родина.

Расцвет народов. Развитие культуры социалистической по содержанию и национальной по форме.

Дать ощущение страны от границы к границе.

Ориентировочная наброска авторов и тем:

Артем Веселый — Рассказ о Ленине.

Эпизод конца 18-го, начала 19-го годов — отцепки двух вагонов хлеба для Сердукова из маршрута, шедшего в Москву.

Показ Вл. Ильича со стороны его неистощимого оптимизма, как великого прантника и одновременно мечтателя о великом будущем страны, строящегося социализма и мировой пролетарской революции.

М. Слонянский — Повесть о пограничниках (Запад).

Н. Папанко — Пограничники (Дальний Восток).

Бабель — Кабардино-Балкария.

Бергelson — Повесть о строительстве Биробиджана.

Г. Фин — Кировск.

О людях Хибинского (Кировск), построивших город в тундре и перестроивших тысячи людей в труднейших условиях Заполярья. Соколов-Микитов — Кольский полуостров.

О Кировске и его строителях, растениеводческой станции в Хибинах и преобразователе северной природы — агрономе Эйхфельде, совершившем поразительное дело продвижения культурного земледелия на крайний Север.

Зингер — Колыма.

Повесть о советской Колыме, людях, которые сделали ее советской, и людях, сделавшихся на Колыме советскими.

А. Караванова — Народы Севера.

Показ возрождения целого народа в образе одного или нескольких людей. Человек с каких-то чукотских или ненецких окраин, забытое существо входит в жизнь, завоевывает для себя реальный мир, исчезают страхи перед природой, перед человеком, перед непонятным.

Улин — Дальний Восток.

Золото и лес. Промышленное освоение новых мощных золотоносных площадей и лесных массивов в горном районе Охотского побережья.

Завоевание «белых пятен».

Эрберг — Комсомольск.

Н. Костарев — Советский Сахалин.

Вагнер — Якутия.

Портреты людей Дальнего Северо-Востока, отражающие рост этих людей, развитие их в новых формах социалистического общества.

Фраерман — Тунгусы.

Действие рассказа происходит на берегу океана в новом рыбацком городе, возникшем в последние годы. В городке школа, медицинский пункт, аэродром, моторно-рыболовная станция. За городом — сопки и тайга.

А. Платонов — Средняя Азия.

Превращение пустынного нищего раба в передового человека современности, в существо, на которое пала вся ответственность за будущую историю.

Саргиджан — Армения. Человек с Памира.

Максимов Г. — Нефтегаз (Туркмения).

Пасынков — Дагестан.

Ю. Берзин — Казахстан.

История молодого казаха, который был конюхом и стал шофером, а потом начальником строительства крупного тракта.

В. Ставский — Кубань.

Финк — Молдавия.

Советская Молдавия, ее старые и новые люди, ее организаторы, строители и вожди.

Жига — Донбасс.

Его историческое развитие, экономическое значение в стране. Борьба горняков и металлургов под руководством партии до революции и в период гражданской войны. Борьба с вредителями и анти-механизаторами на социалистический Донбасс.

Колдунов — Завоевание стратосферы.

Достижения советского стратоплавания и героический полет стратостата «Осоавиахим 1». Жизнь и деятельности участников этого полета дает ценнейший материал для отображения роста нового человека и социалистического самосознания в нашей стране.

Никулин — Советский дипломат.

В качестве прообраза портрета советского дипломата взят убитый белогвардейцами в Варшаве полномочный представитель СССР т. Войнов.

Диковский — СССР — родина трудящихся.

Отрванным материалом для повести будет служить известный эпизод, уход в армию молодого рабочего Котельникова, взамен убитого брата — пограничника.

Гудаш — СССР — ударная бригада мирового пролетариата.

Дмитровский — Родина.

Иностранец, крупный партийный работник, долгие годы работавший в подполье, по решению Центрального Комитета приезжает в СССР. Он здесь впервые и уже из окна вагона видит и чувствует свою осуществленную мечту. Начинает работать, но все острее и больнее чувствует мрачную действительность своей оставленной родины. Он давно здесь свой, но несмотря на это покидает настоящую родину для того, чтобы вернуться в свою страну и продолжить там борьбу.

Паустовский — Родина.

Ильф и Петров — Советский человек среди Остапов Бендеров Европы и Америки (проходит отрывками по всему тому).

Основными участниками первого тома должны явиться писатели национальных республик.

Однако конкретные темы их произведений сейчас еще не определены.

Сюда же войдет ряд работ больших ученых страны о социально-экономическом лице страны и богатстве ее производительных сил.

Второй том.

Тема книги — Становление и формирование человека за годы революции.

Ориентировочная наметка авторов и тем:

М. Зощенко — Двенадцать лет жизни.

Рассказы людей разных профессий о том, как они пережили революцию, о том, что дала им революция и что они дали революции.

Н. Никитин — Киров.

Портрет одного из лучших людей партии и нашей страны. Как сложился и расцвел такой характер: преданность, уверенность, простота и сила.

В. Герасимов — Профессиональный революционер.

Период, примерно, от 1905 до 1936 гг. Подполье, октябрьские дни, гражданская война и период строительства. Одновременно по-

наз тех сил, которые противостоят революционной линии подлинного коммуниста.

К. Боялаков — Красный маршал.

В прозном участии гражданской войны, который вырастает вместе с беспримерной в истории армией, не только в волевого командира, но и в подлинного мастера большого полководческого искусства.

А. Исаев — Люди Красной армии.

Образы бойцов и командиров, путь их за это десятилетие.

Б. Ленин — «Вот, какая это была лошадь».

Повесть о людях, участниках гражданской войны, реконструктивного периода — до наших дней.

Славин — Коллективизация 30-го года.

Платонкин — Семья Мироновых.

Четыре поколения рабочего класса, наши достижения (люди хозяйства), перспективы в будущее, вопрос о труде и старости.

Адфельдт — «Строитель „Лыжное сердце“».

Директор первой пятилетки, его место в социалистическом строительстве и личная перспектива его перерастания в человека будущего.

Сейфуллин — Две женщины.

Афиногенов — Пьеса о людях нашего времени.

Тема обвиняет собою жизнь 3-х товарищей на протяжении 30-ти лет.

Основные характеры — женщина, ставшая академиком, и мужчина, ставший очень крупным политическим руководителем. В середине этой темы включаются новые характеры людей, молодежи, выросшей уже во время революции и, наоборот, стариков, захвативших чуть ли не середину прошлого века.

Ю. Либедиский — Рассказы о том особенном, что свойственно каждому из 20-ти лет революции.

Большевики 17-го года и колчаковский подполье. Большевики гражданской войны. Переход к новому. Изд. Партийная мораль, формируемая напором и борьбой с оппозицией. Возврат к рабочему классу. Путиловцев в 1930 г. Сталинградский тракторный в 1931 г. Кубань и Кабарда.

Е. Половская — Портреты женщин.

Старуха-работница, обретающая вторую молодость. Работница средних лет, прошедшая революционное подполье и ведущая сейчас крупную организационную работу. Производственница, выдвинутая Октябрем на учебу, ставшая директором ткацкой или сапожной фабрики. Наконец, женщина, работавшая по охране материнства и младенчества.

Бек — Югосталь.

Возрождение южской металлургии, восстановительный период.

С. Городецкий — Директор металлургического завода.

В детстве герой едва спасся из подожженной избы своего отца.

На всю жизнь остался ужас перед огнем. Борьба с этим ужасом и победа над огнем путем механизации самых трудоемких и опасных процессов — психологический план повести.

В. Катаев — Директор завода.

Прошлое героя — Одесская «Молдаванка», затем партизанство в отряде Котовского.

Юревичский — Кушнецкий.

Казахи — строители. При пуске первой донны они тысячами стояли на доменном дворе двое суток, ожидая выплавки первого чугуна, как чуда.

Гехт — Молодежь еврейского местечка.

Берггольд — Павлик Морозов.

Ф. Панферов — От Царицына к Сталинграду.

А. Колосов — История одной волости.

Прошлое этой волости, крестьянское хозяйство, земельные отношения, деревенский быт, помещичья усадьба.

Гражданская война, годы нежа, предколхозный период. В этой части показ Волкомов, сельских партийных ячеек, бедноты, батрачества, первых колхозов, кулака, классовой борьбы на селе.

Коллективизация, ее герои и враги, середняк (его колебания) и кулак (религиозные секты, восстания, убийства). Первые этапы колхозного строительства. Победа колхозного строя.

Третий том.

Тема книги — Типы и характеры людей второй пятилетки. Ориентировочная наметка авторов и тем:

А. Яновлев — Стахановцы.

Повесть о рабочем стахановце на материале завода «Сормовок». Олдоев-Тришин — Счастливый ЭЛ.

Сюжет и основной замах навеян из биографии машиниста Н. Л. Петушкова и т. Кривоноса. Это будет повесть о двух людях, старом машинисте — наставнике, и молодом машинисте, перевернувшим старую технику вождения поездов.

В. Гроссман — Стахановцы у конвейера.

И. Катаев — Новый рабочий.

Зарудин — Путь рабочего в искусство.

Габрилович — Секретарь Крайкома.

В этой теме автор хочет дать не только портрет большевика, но показать на работе Крайкома весь новый, неизвестный ни в одной стране, механизмы управления государством.

Л. Авербах — День секретаря парткома.

Саянов — Партийный работник.

Повесть о секретаре парткома, о новом типе человека-руководителя масс, о настроениях, мыслях и мечтах нашего партийного антифа, о росте людей, о новом в области морали и социального поведения.

Черненко — Крупный парторганизатор.

А. Фадеев — Красная армия Дальнего Востока.

Далецкий — Командир Красной армии.

Повесть о среднем командире — компромисс, скажем. В его личном быту, в его домашнем быту.

Г. Кип — Летчики.

Повесть о борьбе за господство в воздухе, о рекордах наших летчиков на дальность и высоту (Громов, Смирин, Евсеев, Коккинаки).

Лавин и Хадурин — Моряки торгового флота.

Буданцев — Государственный деятель.

Б. Галин — Металлурги.

Марич — Домоводы.

Н. Адфельдт — Молодой человек второй пятилетки.

Молодые люди, умом и руками которых мы догоняем и перегоняем Америку. Это люди, которые относятся к заводу, как ученый к своей лаборатории, как композитор к своему инструменту, как писатель к перу и бумаге. Гармоничный человек на производстве: не зарабатывающий, не делающий, но творящий.

П. Низовой — Новая Териберка.

Люди Мурманских промыслов.

Г. Алексеев — Рабочий на заводе.

Нарождение сельскохозяйственного пролетариата в наших совхозах, попытка синтезировать тип «рабочего на земле», нового рабочего, растущего на «земледельческих фабриках».

Д. Стонов — Люди совхозов и колхозов.

Рассказы о новых чувствах, о трудном их рождении. Родилось новое чувство ответственности единицы за благополучие коллектива и всей страны, желание соревноваться, желание материально и духовно обогащать колхоз в целом.

Каверин — Молодой ученый.

На материале биографии профессора Дубянина.

Митрофанов — Новый тип женщины-ученого.

В. Инбер — Тип ученого, пересоздающего природу. Природа в будущем (Мичуринец Яковлев).

Форт — Начальник милиции.

Слетов — Торговый навильон.

Тип культурного советского торговца, красного купца с широкими горизонтами, понимающего, что и чему, откуда и куда идет. Тип рядового и командарма товарных накоплений, прасолов и «Мюр Мерилизов» советской торговли, внимательных соратников общей стройки.

Ильина — Советская антреса.

Шкапская — Женские портреты.

Оттев — Повесть о педагоге.

Кассиль — Советский подросток и школа.

Ильф и Петров — Советский человек среди Остапов Бендеров Европы и Америки (отрывки проходят по всей книге).

¹ Печатается по машинописной копии.

20 января 1936 г. Г. М. Корбелянский сообщал Горькому: «Сейчас подготовка многотомника «Две пятилетки» вступила уже в период непосредственной творческой работы писателей над своими произведениями. Накоплен довольно солидный материал, содержащий как общие данные о первой и второй пятилетках, «хроники», так и личные записи ряда людей нашей страны. Эти записи богаты яркими биографиями и охватывают большое количество людей разных профессий и специальностей: хозяйственников, ученых, инженеров, парработников, летчиков, полириков, геологов, комбайнеров, учителей и т. д.

Для творческой работы писателей этот материал оказался весьма ценным, обнаружив интереснейшие жизненные факты, детали, темы, оригинальные коллизии. Много дали писателям длительные поездки на места, являющиеся объектом их описаний.

Бергелсон побывал в Египетском, М. Зингер ездил с экспедицией на Колыму, Б. Горбатов зимовал на острове Диксон, К. Фини был в Молдавии, Ю. Берлин в Казахстане, Глеб Алексеев в совхозах Черноморского края, Далецкий, Удин — на Дальнем Востоке, М. Слонимский — у пограничников и т. д.

Ряд писателей уже заканчивает свои вещи, предназначенные для «Двух пятилеток» (А. Платонов, Удин, Гехт, О. Эрдберг). В феврале-марте будут готовы вещи ряда ленинградских писателей. Разумеется, что уже сейчас писатели хотят точно знать план издания, сроки выхода книг, допустимые размеры вещей, так как у некоторых товарищей написанные ими для «Двух пятилеток» произведения переросли в повести и романы от 8 до 15 печатных листов.

Без Ваших указаний я на эти вопросы не могу ответить. Вы не раз обращали наше внимание на то, что сложность и особенность задачи «Двух пятилеток» заключены в том, чтобы, сохраняя полную свободу выбора материала и темы каждым писателем, обеспечить тематическую многосторонность и идейное единство книг, высокое художественное качество.

Опираясь на опыт работы и знание имеющегося материала, я считаю необходимым поставить на обсуждение редакции следующий план I, II и III тома «Двух пятилеток» как наиболее близкий к поставленной Вами задаче (АГ).

В ответном письме (без даты) Горький писал:
«Дорогой т. Корабельников!

Просмотрев материал, присланный Вами, вижу, что лично Вами сделано все, что можно было сделать в условиях крайнего равнодушия наших литераторов к работам коллективного характера. Вероятно, кое-что из замеченного ими не будет написано, часть произведений они — думаю — напечатать в журналах, многое окажется непригодным для публикации. Но намечено так много, что можно надеяться: некая часть обещанного будет дана.

Это не снимает с нас обязанности продолжать попытки вовлечения литераторов в работу по «Двум пятилеткам», и нужно обратить особенное внимание на братские республики. В списке нет грузин, армян, татар, киргизов, башкир и т. д. На днях я попробую сочинить «маленькое» воззвание к ним, и его надобно будет разослать по нац(иональным) организациям членов Союза писателей. Мне кажется: нужно, чтоб воззвание это подписал и Мехлис (АГ).

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВ

Александр Сергеевич Щербаков (1901—1945) — деятель Коммунистической партии и Советского государства. На I Всесоюзном съезде писателей в 1934 г. А. М. Горький был избран председателем Правления ССП, А. С. Щербаков — секретарем. С этого времени начинается их постоянное общение и переписка, длившаяся до последних дней жизни Горького.

В письмах Горького А. С. Щербакову затрагиваются важнейшие проблемы развития и формирования многонациональной советской литературы.

Значительное место занимают в ней вопросы, связанные с делом рядом изданий, предпринимаемых по инициативе и при участии Горького.

Ранее опубликованные в 30-томном Собрании сочинений письма Горького А. С. Щербакову в данную публикацию не включены.

Письма Щербакова печатаются по подлинникам, хранящимся в ЦПА ИМЛ.

Письма 2, 6, 11, 12, 14, 17, 20 Горького Щербакову опубликованы в № 5 журнала «Исторический архив» за 1960 г.

1

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Москва, конец октября — начало ноября 1934 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Считаю необходимым доложить Вам о работе, которую мы проделали за последние 15 дней.

1. Важным делом явилось совещание издательства. (<...> Рассмотрели планы (перед тем, как нести в ЦК). Ваши предложения о включении в план издательства «Советский писатель» пособий для начинающих, сборников молодых писателей и т. д. выполнены¹. Подробнее о совещании расскажет Петр Петрович. Горбунову² поручено дать свои предложения о развертывании литконсультаций.

2. Крайне важным делом я считаю продвижение вопроса об организации Литературного альманаха народов СССР ². Издавать его в «Советском писателе» трудно — нет соответствующего аппарата. Лучше издавать его в ГИХЛе, который включил его в свой план. Однако после того, как я познакомился с отношением ГИХЛа к этому большому делу, я убедился, что ГИХЛ этого мероприятия недооценивает. Я вынужден был заставить участвовать в разработке плана альманаха лично гг. Накорякова, Луннола, Беспалова. План предлагаю и жду Ваших указаний.

3. Провели организационное собрание секции критиков и литературоведов ⁴. Народу собралось так много, как давно не было. Должен Вам сказать, что публика всей серьезности положения на участке критики не понимает. Наметил ряд мероприятий, одно из них — прикрепление части критиков к журналам для постоянной работы. Это даст критикам возможность серьезнее работать над своими статьями.

4. Провели организационное совещание секции переводчиков.

5. Сложнее оказался вопрос с детскими писателями. После съезда ⁵ на этом участке никакого движения воды нет. Я решил собрать наличных московских писателей и побудить их к работе. На совещание просил приехать тов. Маршака ⁶. Приехать он не мог (лечится), но мы с ним обменялись письмами. Из его письма и особенно в результате беседы с московскими писателями, я убедился в том, какая сложная обстановка на участке детской литературы. После этого я решил все коренные вопросы оставить до личной встречи с тов. Маршаком и до того, как получу Ваши указания. Ограничились тем, что назначили временное бюро секции, которому поручили продвижение текущих вопросов.

6. С Литфондом никаких недоразумений больше не было. Крайне необходимо скорее сформировать постоянное Правление. Но как ни срочен вопрос, решили ждать приезда Вс. Иванова ⁷. Без него решать вопросы считаю неудобным.

7. Устанавливаем тесные связи с учеными. По договоренности с Петром Петровичем на 10/XI намечено собрание группы ученых и писателей по вопросу об участии их в журнале «Колхозник» ⁸. Затем намечено собрание писателей и ученых, посвященное ВИЭМу⁹. Для дальнейшего намечена целая программа.

8. (...) Статья Н. Федоровского «10 лет работы Института прикладной минералогии» (№ 9 «Нового мира») заинтересовала работников промышленного отдела ЦК партии. Обещали принять меры ¹⁰.

9. Звонили из Наркоминдела, просили дать наше заключение на предложение Уэллса о иступлении советских писателей в Пен-клуб. От разговоров на эту тему я уклонился. Решающее слово должны сказать Вы ¹¹.

10. Много острых хозяйственных вопросов (квартиры, дачи и т. д.), но не буду ими утруждать Вас.

Письмо выходит слишком длинным, не решаюсь дальше злоупотреблять Вашим вниманием.

Многие писатели все еще в отъезде, в том числе и члены Президиума и Секретариата. Пока работаю один.

Желаю крепкого здоровья и бодрой работы.

А. Щербаков

Датируется по последующим письмам: Горького от 15 ноября 1934 г. и Щербакова от 17 ноября 1934 г.

¹ Издательство «Советский писатель» возникло в 1932 г. из объединенных мелких издательств: «Недра», «Круг» и др. Первоначально, до Первого Всесоюзного съезда советских писателей, носило название «Советская литература».

В 1934 г., приняв в свой состав издательства: «Московское товарищество писателей» и «Издательство писателей в Ленинграде», образовало единое кооперативное издательство «Советский писатель».

В «Советском писателе» до сих пор выходят основанная М. Горьким «Библиотека поэта» (Большая и Малая серии).

В конце 1935 г. издательство «Советский писатель» сообщало о ходе своей работы в направлении, указанном Горьким: «Мы наметили выпуск большой серии книг о «технике и организации» труда классиков и крупнейших советских и иностранных писателей.

В будущем году выйдут следующие выпуски: «Как работал Толстой» Н. Гудали, «Как работал Бальзак» Б. Грифцова, «Как работал Маяковский» В. Тренина, «Как работал Достоевский» Н. Величкова, «Как работал Чехов» С. Балухатого, «Как работал Щедрин» С. Макашина, «Работа с молодыми» Н. Огнева, «Как я работал над «Железным потоком»» А. Серафимовича и др.

Кроме того, «Советский писатель» издает «Хрестоматию образцов мировой литературы» и словари-справочники — «Словарь крылатых слов», «Словарь советских писателей», «Словарь литературных типов».

По разделу «Творчество молодых» решено издать 25 книг, в том числе коллективную поэму «Дом» (поэма написана группой молодых поэтов под руководством И. Сельвинского), Альманах красноармейских писателей. Сборник произведений областных авторов и два сборника рассказов и стихов молодых писателей. Далее сообщается о выходе книг Большой и Малой серий «Библиотеки поэта» (см. «Советский писатель» в 1936 г., «Литературная газета» от 24 декабря 1935 г.)

² Козьма Яковлевич Горбунов (р. 1903 г.) — советский писатель, в то время был заведующим редакцией журнала «Литературная учеба».

³ Альманах «Творчество народов СССР» (к письму приложен план альманаха). Первый номер вышел в издательстве «Художественная литература» в 1937 г. С 1939 г. начинает выходить альманах «Дружба народов», главной задачей которого является обмен опытом литературно-художественного творчества и показ роста поэзии и прозы всех народов СССР (см. «Дружба народов», 1939, № 1). К 20-летию Октябрьской революции был выпущен обширный сборник «Творчество народов СССР» под редакцией М. Горького, Л. Мехлиса, А. Стецкого (М., изд. «Правда», 1937 г.), представляющий собой один из томов пятитомного издания «Две пятилетки».

⁴ 25 октября 1934 г. была организована секция критиков Союза советских писателей СССР. В бюро секции избраны И. Беспазов, Ф. Шидлер, М. Розенталь, М. Серебрянский и Ю. Юзовский.

⁵ Первого Всесоюзного съезда советских писателей.

⁶ С. Я. Маршак уделял много внимания вопросам детской литературы, вел большую работу как редактор детской литературы в издательстве «Молодая гвардия», в детсекторе ОГИЗ и в Детиздате ЦК ВЛКСМ. На Первом Всесоюзном съезде советских писателей он выступил с докладом «О большой литературе для малышей».

⁷ В то время Вс. Иванов был председателем Литфонда.

⁸ «Колхозник» — литературно-политический и научно-популярный журнал, созданный по инициативе Горького и выходивший под его редакцией (№ 1 вышел в сентябре 1934 г.). О задачах этого журнала см. в т. 27 Собрания сочинений статьи Горького о журнале «Колхозник». См. также итоговую часть настоящего тома.

⁹ Летом 1933 г. на даче у Горького обсуждался вопрос о конкретных формах организации вновь создаваемого института. См.: А. С. Ив а н о в и й. М. Горький — организатор ВНЭМ. «Известия», 1936, 24 июня; О и ж н. Об эксперименте и экспериментаторе. «Год шестнадцатый», альманах первый. М., изд-во «Советская литература», 1933.

¹⁰ В статье излагаются основные задачи Института: освоение промышленных месторождений минерального сырья, углубление и развитие новых отраслей промышленности, подведение сырьевой базы под вновь возникающие отрасли.

¹¹ Пен-клуб — международная ассоциация поэтов, драматургов, редакторов, очеркистов и романистов. Основан в 1921 г. в Лондоне. Первым президентом клуба был Д. Голсуорси. В том же году Горький принял приглашение быть почетным членом клуба. Впоследствии Горький порвал с Пен-клубом, ввиду того что эта организация носила апологетичный и чуждый советской литературе характер. К предложению Г. Уэллса относительно ретушировки советских писателей в Пен-клуб Горький отнесся отрицательно (см. следующее письмо).

2

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Тессели, 13 ноября 1934 г.)

Дорогой т. Щербаков, —

простите, запаздвал ответить на Ваше деловитое, солидное письмо. В комплиментах, искренних с моей стороны и заслуженных Вами, Вы, наверное, не нуждаетесь, но все же с большой радостью отмечу: чувствуется, что в лице Вашем беспастынная, беспризорная литература найдет, наконец, энергичного пастыря и организатора анархически растрепанных, но все же социально ценных сил, которым необходимо меткое, но умное и продуманное руководство, кое непрерывно внушало бы им, как велика ответственность, возлагаемая на литературу эпохой и страной Советов. Они все еще не понимают простейшего, а именно: они живут в стране, где личная польза, понимаемая ими как популярность и «слава», вполне сливается с пользой всей массы политически грамотного пролетариата, которая быстро растет количественно, растет интеллектуально и угрожает отстающим от ее роста быстрым забвением, «исключением из игры», смысл коей — подготовка к делу всемирной революции. Проще говоря: не понимают необходимости для них знания политической и естественнонаучной грамотности, ибо наука наша тоже находится в процессе революции, решительно ломающей многие ее старые установки — теории и гипотезы.

Перейдем к более близким конкретностям:

план альманахов составлен вполне толково, но мне кажется допустимой маленькая поправка.

Основная цель альманахов: объединение всех нацлитератур в единую всеобщую. Отдаленно за этим объединением рисуется слияние всех племен и — некое единое не только идеологически, но и физиологически, посредством непрерывного скрещивания особей. Я говорю именно о слиянии, а не о поглощении не о физическом, а о биохимическом конгломерате, который и создаст новую культуру. Мне кажется, что мы в работе нашей не должны терять из вида эту цель и, — по мере возможного, нам следует двигаться к ней.

В принципах работы альманахов сказано: «Как правило, альманах печатает лишь новые произведения современных писателей». Но в прошлом идиотизм самодержавия и буржуазной политики нанесли нациям многие и весьма тяжелые ранения, боль коих еще чувствуется, а церковь приучила безграмотных и малограмотных людей относиться к иноверцам как людям второго и третьего сорта. Национальные обиды — не исчезли, не исчезло и высокомерное пренебрежительное отношение русских к нерусским. Вчера мне товарищи рассказали случай, когда партийке, зря оскорбившей татарина, предложили извиниться перед цехом и обиженным. Пред цехом — согласилась, а извиниться пред татариним отказалась: «Не могу!». Фактов такого рода и знаю десятки.

«Кренок татарин — не изломится,

Жиловат, собака, не избрвется»¹.

«Ко мне поступался презренный еврей»².

«Бежали робкие грузины»³.

— все это звучит обидно и до сего дня, а таких штук и в литературе нашей не мало, и они служат для националистов не плохо.

Я думаю, что нам нет надобности замалчивать обиды прошлого, и если в альманахах наши литераторы будут помещать маленькие хорошо сделанные этюды на материале трагической истории завоевания Кавказа, строительства Закавказской дороги, похода Скобелева на Ахал Теке⁴, факты насильственного крещения казанских татар, участие их, а также башкир в деле Пугачева, продвижение поволжской мордвы в 40-х годах, грабеж сибирских племен и т. д. — мы на этом очень выиграли бы в глазах наименьшинского читателя. Риск впасть в тон покаяния — исключен, пролетариат не ответствен за действия царя и кулака. Разумеется, все это нужно хорошо подать и нужно отобрать людей со вкусом к истории. Таковые — имеются: Павленко может написать о движении Шамиля, Шторм — о племенах Поволжья, Толстой, Тютюнов, Чаныгин, Шильдирет — всех не упомяну.

В другую сторону можно бы дать маленькие биографии грузин-народовольцев. — Вера Фигнер способна написать об участ-

никах Персидской революции, биографии таких армян, как Шаумян, Камо, Наримбеков и пр. Если бы в каждом альманахе являлись такие статейки — одна-две, это было бы весьма эффективно⁶.

По поводу критиков: на этом «участке фронта» дело стоит постыдно плохо. Критики не умеют писать, плохо знакомы с техникой строения критической статьи, не знают истории критики и приемов ее. Нельзя ли организовать для них лекции о Сент Беве, Тэне, Брандесе, Берне, Лессинге и даже об эстетике Айхенвальде? Может быть, на это дело пошел бы т. Лушол или кто-нибудь из работающих в «Академии»? Это было бы полезно. По детской литературе — необходимо привлечь т. Басова, я уже писал об этом Л. М. Кагановичу. Басов энергичен, умен, любит литературу. Горячо приветствую организацию связи с учеными⁷.

Удале уже сделал небольшое свистовое, говорят — намерен сделать солидное. Мы ему ответим. Привлечем Сперанского, он зубастый. Вам, дорогой товарищ, следует войти в группу, работающую по пятилеткам⁸. Затем следовало бы обратить внимание на ленинградцев, держатся они как-то «аппаратно», относятся к Москве, как относился в старину Ярославль к Пошехонью. Их следовало бы поближе вовлечь в московскую жизнь Союза. Хорошо бы устраивать в домах писателей и ученых вечера бесед, привлекая на них не только ученых и писателей, но инженеров, архитекторов, «начинающих» писателей, рабочих-ударников, изобретателей, и вообще адекватные быстрые вечера. Можно с докладами, на самые различные темы, можно и без докладов, а просто: сидят за столом, пьют чай и говорят кто о чем хочет. Но — обязательно, в качестве приманки, устраивать концерты, привлекая самых лучших, наиболее своеобразных артистов и преимущественно из нацменов: музыкальные и вокальные ансамбли, танцоров и поэтов.

Очень заметно, что национальная музыка хорошо влияет на творчество русских композиторов. Весьма желательно, чтоб национальная поэзия влияла на нашу, ибо стихи нацменов, в переводах на русский, кажутся гораздо значительнее наших стихов.

Ну, вот, кажется — все!

Желаю Вам всего хорошего и — главное — бодрости духа⁹.

А. Пешков

Печатается по машинописи, сверенной с черковым автографом.

Датируется по помете Щербикова: «Письмо получено 15/XI—1934 г.»

¹ Цитата из баллады «Илья Муромец и Казимир царь».

² Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Черная шаль».

³ Цитата из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

⁴ Речь идет о военной экспедиции 1880—1881 гг. генерала М. Д. Скобелева против туркмен-текинцев.

⁵ В задуманной Горьким форме альманах создан не был.

⁶ Речь идет о совместной работе писателей и ученых в журнале «Колхозник» и сборнике писателей и ученых, посвященных ВИЭМ.

⁷ Речь идет о коллективе литераторов, работавших над книгой «Две пятилетки».

⁸ На письме — помета Горького: «Успел написать. Снимите копию и дайте ему, а черновики — мне», по-видимому, адресованная секретарю Горького П. П. Крючкову.

3

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 17 ноября 1934 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Прежде всего считаю обязанным себя, выразить Вам глубокую благодарность и признательность за Ваше внимательное и теплое письмо. Оно много прибавило мне сил и бодрости. Спасибо, много раз спасибо.

Тов. Авдеевко передал мне рукопись своего романа «Столица»¹, просил ее прочесть и дать свои советы.

Роман я прочел. Но т. к. такого рода деликатных советов в своей работе мне давать не приходилось, рискуя наговорить таких слов, каких говорить нельзя и вредно и которые могут только дезориентировать автора — я не решился послать письмо т. Авдеевко без того, чтобы не посоветоваться с Вами². Это тем более необходимо, что Вы роман читали, и я могу посоветовать такого, что пойдет в разрез с Вашей оценкой.

Ваши указания о критиках, о ленинградцах и другие — будут выполнены.

Желаю Вам бодрости и много недель хорошей погоды.

А. Щербаков

17/XI—34 г.

¹ Позднее опубликован под названием «Судьба» (М., ГИХЛ, 1936).

² В Архиве А. М. Горького находится обстоятельный отзыв (на 11 страницах) А. С. Щербакова на книгу Авдеевко. В ответном письме (см. Собр. соч., т. 30, стр. 366—367) Горький дает положительную оценку рецензии А. С. Щербакова на книгу Авдеевко: «Вы написали деловитую, убедительную рецензию в хорошем, подлинно литературном тоне. Это возбуждает у меня крепкую надежду на то, что молодая наша литература пойдет в лице Вашего крепкого, толкового, заботливого руководителя. Вы понимаете, как необходим такой руководитель, партийно-большевизма».

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 21 ноября 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

19/XI Президиум Правления Союза советских писателей принял решение о созыве пленума Правления на январь. Срок будет уточнен позже.

Повестка намечена в точном соответствии с теми пожеланиями, какие Вы высказали в разговоре со мною в Крыму¹, а именно:

1. О состоянии и задачах критики.
2. Доклад редакции «Истории гражданской войны».
3. Доклад редакции «Истории фабрик и заводов».
4. План работы.

В ЦК партии эта повестка встретила одобрение.

Докладчики намечены следующие:

По первому вопросу — тов. Беспалов, Шагинян.

По второму вопросу — Минц.

По третьему вопросу — докладчик не намечен.

Особенно важно наметить нужных докладчиков по первому вопросу. На Беспалова, как докладчика, в том же разговоре указали Вы. Тов. Шагинян была выдвинута в качестве докладчика на самом заседании президиума (было решено одного докладчика по вопросам критики иметь писателя²). Кроме того, решен вопрос о докладе по вопросам театральной критики — докладчик еще не намечен³.

Не найдете ли Вы целесообразным наметить еще одного докладчика из числа украинских или ленинградских писателей?

Крайне важным и считаю, Алексей Максимович, Ваше выступление на пленуме по вопросам критики. Выступление это желательно на самом пленуме и не раньше⁴ по той же причине, по которой Вы не взяли на себя обязанности докладчика, а именно: дать возможность критикам и писателям поспорить. Ваше выступление должно быть подытоживающим и решающим. Если Вы полагаете иначе, прошу мне сообщить.

Пленум решили проводить в Москве, а не в Киеве, хотя украинцы и настаивают на Киеве. Обсудили на президиуме также вопрос о плане работы, о приеме в члены Союза, утвердили Правление Литфонда. Ваше пожелание о вводе в Правление Литфонда тов. Зазубрина учтено⁵.

Желаю здоровья и бодрости.

А. Щербаков

21/XI—34 г.

¹ В октябре 1934 г. Щербаков приезжал к Горькому в Тесседи.

² На Втором пленуме Правления Союза советских писателей, состоявшемся 2—7 марта 1935 г., были прочтены доклады: И. М. Беспалов «Состояние и задачи литературной критики»; М. С. Шагинян «Чего ждет писатель от критики»; А. Н. Афиногенов «Театральная критика»; В. В. Иванов «История фабрик и заводов»; И. И. Минц «Об истории гражданской войны».

В начале февраля 1935 г. А. С. Щербаков приехал на просмотр Горькому тезисы докладов Беспалова, Шагинян и Афиногенова. Горький подверг тезисы тщательному рассмотрению и оценке (см. Собр. соч., т. 30, стр. 381—384).

³ На Втором пленуме Правления Союза советских писателей Горький выступал дважды (см. Собр. соч., т. 27, стр. 409—424).

⁴ В. Я. Залубрич был избран членом Правления Литфонда (см. переписку Горького с В. Я. Залубриным во второй части настоящего тома).

5

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 11 января 1935 г.)

Уважаемый Алексей Максимович!

1. Наступило время, когда надо проверить ряд писателей — как они выполнят свои обещания, данные ими на Съезде писателей. Эту проверку можно было бы осуществить в форме заседания Президиума под Вашим руководством, на котором писатели сделали бы сообщение о своей работе.

Состав этого заседания (предположительно) можно было бы наметить такой:

1. Афиногенов	10. Вишневский
2. В. Иванов	11. Катаев Ив.
3. Киршон	12. Лидин
4. Леонов	13. Пастернак
5. Панферов	14. Ставский
6. Сейфуллина	15. Малышкин
7. Тихонов Н.	16. Бабель
8. Толстой	17. Олеша
9. Федин	

Перечисленные т(оварищи) являются членами президиума и Правления. Прошу Вас дать свои указания¹.

2. Мы с Маршаком договорились о характере совещания по детской литературе и о сроке (осень 1935 г.).

Для разработки коренных вопросов детской литературы мы выдвигаем с ним такой состав комиссии:

1. Горький	4. Алексинский
2. Маршак	5. Семанко
3. Рабичев	6. Басов

7. Стецкий	10. Злобин
8. Тихонов Н.	11. Чуковский
9. Желдин	12. Эшштейн

В задачу этой комиссии войдет рассмотрение основных (двух-трех) докладов, которые будут определять развитие детской литературы на ряд лет.

Прошу Ваше мнение².

3. Тов. Маршак и ядвигаем следующий состав редакции Альманаха детской литературы народов СССР:

1. Горький	3. Семашко
2. Маршак	4. Басов

Во время пленума ССП договоримся с украинцами, белорусами и др(угими) о лицах, коих надо будет ввести в редакцию дополнительно.

Прошу Ваше мнение³.

4. Центральная редакция Альманаха «Творчество народов СССР» намечается в таком составе:

1. Горький (отв. ред.)
2. Лушпол ВКП(б)
3. Беспалов ВКП(б)
4. Вс. Иванов (Москва)
5. Тихонов (Литр)
6. Кулик (УССР) ВКП(б)
7. Тычина (УССР)
8. Александрович
9. Горшенидзе (Грузия) ВКП(б)
10. Алекберли (Азербайджан) ВКП(б)
11. Шерван-Заде (Армения)
12. Маджиди (Узбекистан) ВКП(б)
13. Лахути (Таджикистан) ВКП(б)
14. Таш-Назаров (Туркменистан) ВКП(б)

Крайне важен член редакции, для которого работа в Альманахе являлась бы основной. Не укажете ли Вы такого работника⁴.

5. Прошу Вас также дать свои указания относительно плана работы и программы литкружков⁵.

Желаю здоровья и бодрости.

А. Щербаков

Р. С. Работа по составлению плана поэтической хрестоматии протекает с трудом. Возник такой вопрос — включать ли в хрестоматию материалы только русской или и мировой литературы.

Прошу Вашего разъяснения⁶.

А. Щербаков

11/1—35 г.

¹ См. об этом письмо Горького Щербакову от 13 января 1935 г. в Собрании сочинений (т. 30, стр. 370—371). Горький находил нецелесообразным проводить проверку работы писателей в чисто административном порядке и предлагал провести совещание, посвященное обсуждению его статей «Литературные забавы», напечатанных в «Правде» 14 июля 1934 г., 18 января и 23 января 1935 г. «...в них речь идет как раз о требованиях эпохи, обращениях к литературе, к поведению литераторов» (см. Собр. соч., т. 30, стр. 371).

² Совещание по вопросам детской литературы при ЦК ВЛКСМ состоялось 15—19 января 1936 г. Находившийся в то время в Тессели Горький придал свои «Замечания по плану Детгиза» (см. приложение 4). В совещании приняли участие: А. А. Андреев, А. С. Щербаков, С. Я. Маршак, А. Н. Толстой, К. И. Чуковский и др.

³ Возглавить редакцию Альманаха детской литературы Горький отказался и рекомендовал вместо себя Н. И. Сац, бывшую в то время директором и художественным руководителем театра для детей, и кинорежиссера М. А. Барскую. Издание Альманаха не состоялось (см. в примечании 1 указанное письмо Горького Щербакову).

⁴ В качестве основных работников редакции альманаха «Творчество народов СССР» Горький предлагал Н. С. Тихонова и А. А. Бодоткина.

⁵ Ознакомившись с планами, Горький написал статью «К проекту программы для лит. кружков» (см. Архив А. М. Горького, т. III. М., Гослитиздат, 1954).

⁶ О необходимости создания такой хрестоматии Горький говорил на Первом пленуме Правления Союза советских писателей: «...на наших поэтах лежит обязанность создать для той огромнейшей массы людей, которая ищет стихи, такую историческую хрестоматию, которая показала бы им, как вообще исторически создавались стихи» (Собр. соч., т. 27, стр. 358). Горький находил нужным широкое привлечение мировой литературы. Наделение не состоялось.

6

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Москва, 22 января 1935 г.)

Дорогой,—

посылаю Вам для ознакомления письмо литератора¹ и мой ответ ему. Письма такого содержания и тона — не редки. Они правильно констатируют хамоватость отношения «великих» к малым в нашей литературной среде и нам неизбежно следует бороться против этого «феномена».

Как видите — автор письма и сам болен этой болезнью. Самолюбие его изрядно раскисло, и он в том настроении, когда из ворчуна на непорядки своего цеха, — индивидуалист превращается в злостного оппозиционера всему заводу. При этом он редактирует журнал в городе, где работает Лазарь Шмидт, бывший не плохим редактором журнала «Пржектор»². Все сие — странно.

Письмо литератора возвратите. Я буду писать на эту тему. Привет.

А. Пешков

22.I.35 г.

¹ Речь идет о письме писателя Александра Ивановича Патреева из города Горького от 16 декабря 1934 г. (АГ), в котором молодой писатель сообщает о своих мытарствах по редакциям московских журналов и издательства, о высокомерном и пренебрежительном отношении к провинциальным писателям, с которым он столкнулся там.

В январе 1935 г. в ответном письме Горький писал Патрееву: «...вопрос о необходимости прочной и непрерывной связи литераторов провинции с литераторами центра — вопрос весьма серьезный и надобно думать, что Правление Союза нашего попытается разрешить его в течение этой зимы». О настроении Патреева Горький писал: «если верно, что в возрасте 33 лет, когда писатель еще только начинает созревать для работы, (Вы) уже «перестали уважать людей, потеряли в них веру», если это верно, я советую Вам перестать писать, литературная работа не Ваше дело». В ответ на это письмо Патреев писал: «Я чувствую себя точно после хорошей жаркой бани...» «От всей души благодарю Вас, что не оставили мое обращение к Вам без ответа. Хочется одного... — сообщить Вам о благодетельной, отрезывающей силе скрутных и мудрых слов, сказанных мне. Еще и еще благодарю Вас» (АГ).

² Н. Ю. Шмидт в 20-х годах был ответственным секретарем, а затем членом редколлегии журнала «Прожектор». Позднее принадлежал Горьким к работе над «Историей фабрик и заводов».

7

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Москва, 29 января 1935 г.)

Т. Щербаков, —

мне кажется, что вопрос об издании, предлагаемом гр(ажданином) Балабановичем¹, следовало бы рассмотреть Правлению Союза или тому его органу, который ведает издательскими делами.

Издание «Синхроники» имеет определенное практическое значение.

Привет.

М. Горький

29/1 1935.

¹ Евгений Зиновьевич Балабанович (р. 1906) — литературовед, сотрудник Литературного музея. Речь идет о «Синхронике русской литературы и русского искусства». В письме Е. З. Балабановичу от 19 ноября 1934 г. Горький писал: «...предложение Ваше показалось мне весьма интересным и — чтобы не откладывать дело «в долгий ящик» — я сообщил его т. Щербакову...» (АГ). Издание не состоялось.

8

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Москва, 19 февраля 1935 г.)

Тов. Щербаков, —

говорят: т. Межлаук отказал Союзу писателей в деньгах на постройку дач. Если это верно, то — едва ли правильно, ибо, ведь, уже готовы срубы. Но, дело, конечно, не только в том, что часть

денег, данных т. Куйбышевым, уже истрачена на материал и стройку, а в неустойчивости решений: один — дает, другой — отнимает. Впечатление получается странное. Правление Союза должно узнать: в чем тут дело?¹

Привет.

М. Горький

19/II 1935.

Печатается по машинописной копии, заверенной секретарем Горького и сверенной с черновым автографом.

¹ См. об этом в следующем письме.

9

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, февраль, после 19, 1935 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

1. Со строительством дач действительно возникли затруднения. По этому поводу секретарям ЦК ВКП(б) (...) направил письмо.

Вас, Алексей Максимович, я просто не решился беспокоить по этому вопросу. Если Вы найдете время и возможность кому следует позвонить и черкнуть записочку — будет прекрасно.

2. Ваше указание относительно памятника Павлику Морозову¹ и театра² — принимаю к исполнению и призываю свое упущение в этих вопросах.

3. Относительно письма Горьковского писателя Патрсева — я панел справки. Оказалось, что Ставским и Панферовым в свое время рукописи были прочитаны своевременно и отклонены.

4. Ваши замечания к тезисам получил. В тезисы Беспалова и Афиногенова Ваши практические указания внесены³. Что касается Вашего юбренного указания, что «определение состояния критики и ее задачи даны в формах слишком «общих», хорошо знакомых литераторам и критикам и потому едва ли способных возбудить живой актуальный интерес» — то сейчас мы бессильны предложить что-либо другое. Если, Алексей Максимович, Вы найдете время, то хорошо было бы получить от Вас сформулированные один-два пункта тезисов, поднимающих литературные проблемы на действительно новый, более высокий уровень.

Жду Вашего согласия — поговорить с докладчиками лично. Желаю бодрости и здоровья.

А. Щербаков

Датируется по письмам Горького Щербакову от 22 января 1935 г. (см. в настоящем томе письмо б) и от 19 февраля 1935 г. (см. Собр. соч., т. 30, стр. 381—384).

¹ В указанном выше письме от 19 февраля Горький напоминал о том, что ничего не сделано для сооружения памятника Павлику Морозову — пионеру, погибшему в 1932 г. в борьбе с кулаками.

* Речь идет о «Всесоюзном театре». В своем выступлении на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Горький указывал на необходимость установить взаимное ознакомление с культурами братских республик: «Для начала нужно бы организовать в Москве «Всесоюзный театр», который показывал бы на сцене, в драме и комедии жизнь и быт национальных республик в их историческом прошлом и героическом настоящем» (см. Собр. соч., т. 27, стр. 342).

³ Замечания Горького по тезисам докладов Второго пленума Союза советских писателей изложены в письме Щербакову от 19 февраля 1935 г. (см. Собр. соч., т. 30, стр. 381—384).

10

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Тессели, 27 апреля 1935 г.)

Дорогой Александр Сергеевич, —

пошлю Вам несколько замечаний по поводу плана хрестоматии¹. Разумеется, замечания эти вопроса не исчерпывают, нуждаются в расширении и т. д. Но я поторопился набросать их потому, что в плане литература дается как бы без плана, «как таковая», висящей в воздухе, оторванной от истории культуры. Мы не должны допускать этого, — не правда ли?

Я представляю себе расположение материала в такой последовательности, напр.:

офранцузенный норманн, крупный землевладелец, собрав своих легионов и друзей, переправляется через Ламанш, избивает под Гастингсом туземцев, островитян Британии, грабит оставшихся живыми, организует государство, далее его сын входит в конфликт с епископом Фомой Бекетом, убивает пона и т. д. Все это отлично и картинно рассказано Огюстеном Тьерри в его «Истории завоевания Англии норманнами»². Мы даем несколько страниц Тьерри, иллюстрируем битву при Гастингсе стихами Гейне о «Эдифе, лебединой шее», новеллой Мейера «Святой» — о хитром мужике епископе Бекете, можно дать несколько страничек описания быта рыцарей из «Айвенго», и все это накрывается, освещается нашей статьей, скажем, на тему о роли скандинавских мужиков в организации государств Англии, Киевской Руси, Сицилии, герцогств Салерно, Амальфи. Весьма интересно будет указать, что всюду, где скандинавский мужик укрепился, — он вступал в конфликты с церковью. Кстати: роль скандинавов в организации грабительницы мира Европы очень слабо освещена, а эти крепкие мужики, «язычники» и разбойники много сделали, как мы видим это на колониальной политике их потомков.

Я привел пример этот, как первый, который подсказала память и не для того, чтоб воспользоваться им в хрестоматии, а лишь затем, чтоб показать, как — на мой взгляд — мы должны давать

литературно-художественный материал, т. е. давать его всегда как иллюстрацию к истории культуры. Это отнюдь не может понизить самостоятельного значения художественной литературы, наоборот это повышает ее социально-историческую ценность, придавая ей еще и значение документа.

О документе: подлинные документы можно брать из «Истории средних веков» Стасюлевича³, «Истории социальных систем» Щеглова⁴, а также у Петра Редкина из его лекций по праву.

Вот и все, покамест.

Прилагаю копию письма моего т. Мехлису и очень прошу Вас помочь ему организовать доклады для литераторов⁵. Он, Мехлис, как будто, не очень широко понимает образовательное значение коллективных работ, или же принципиально не сочувствует этим работам.

Мне сообщили, что крымская молодежь весьма продолжительное время находилась под влиянием группы контрреволюционеров, которая вела себя настолько нагло, что эту наглость юноши принимали за храбрость, за мужество людей, которые лично и тесно знакомы с самой совершенной истиной, и за сие гонимы советской властью. Читались лекции, доказывающие, что Ленин не имел представления о том, что такое философия, распространялось патетическое и хвалебное стихотворение «Наган», написанное по поводу убийства Кирова и т. д. Группочка была — говорят — неглупая и очень грамотная⁶. Недавно сюда приезжали Гладков и Бахметьев, но, — по словам т. т., которые рассказывали мне об этом, Г., Б. не удалось рассеять влияние «контриков» на молодежь. Поэтому, мне кажется, следовало бы послать сюда еще раз людей из Москвы. Предлог: «Две пятилетки», очерк истории Крыма, истории деревни и т. д. Хорошо бы послать беспартийных: напр., Всеволода Иванова, Ник. Тихонова и парочку хорошо грамотных зубастых партийцев.

Устроить бы конференцию крым(ских) литераторов — как Вы думаете? Такие конференции были бы очень полезно организовывать по всем республикам и областям.

Но гораздо более практично предложение, сделанное П. П. Крючковым: попросить приехать в Крым т. Тагирова, преда Башсовнаркома по — как литератора, попросить о том же партийца, представителя литературы Татареспублики и других, пусть бы они тут поговорили на тему о задачах не только нашей, Союзной литературы, но и задачах литературы Европейской пред лицом фашизма. Москва, как будто, не участвует в этой конференции Союзных литераторов, но такая конференция была бы вполне уместна ввиду возможного съезда европейских писателей в Париже⁷. Очень прошу Вас поговорить об этом в ЦК.

Товарищески жму руку Вашу.

27.IV.35.

Крым.

М. Горький

Письмо, по-видимому, ошибочно датировано Горьким 27 мая 1935 г. Датируется по письму Горького Л. З. Мехлису от 26 апреля 1935 г. (см. Собр. соч., т. 30, стр. 387).

¹ Замечания по плану «Хрестоматии образов мировой литературы» в 15 томах, проектировавшейся издательством «Советский писатель». См. приложение 4.

² Ог. Тьерри. История завоевания Англии норманнами с изложением причин и последствий этого завоевания в Англии, Шотландии, Ирландии и на материке, до нашего времени, т. 1—3. СПб., 1859—1860.

³ М. М. Стасюлевич. История средних веков и ее писатели и исследования новейших ученых, т. 1—3. СПб., 1863—1865.

⁴ Д. Ф. Щеглов. История социальных систем от древности до наших дней, т. 1—2. СПб., 1870—1889.

⁵ См. в настоящем томе переписку Горького с Л. З. Мехлисом. В письме Л. З. Мехлису от 26 апреля 1935 г. (Собр. соч., т. 30, стр. 387) Горький говорит о постоянной необходимости устроить ряд собраний для работающих над книгой «Две цивилизации», «...на которых литераторы могли бы ознакомиться с итогами работы в разных областях науки и техники». В качестве докладчиков Горький предлагал пригласить академика Г. М. Крижановского (Электрификация СССР), академика А. Н. Баха, «...кого-либо из крупнейших химиков, геолога, астронома, военачальника...».

⁶ Горький имеет в виду литературную группу при Ленинградской газете «Маяк коммуны». Решением горкома партии эта группа была реорганизована, ее руководство укреплено (справка о работе литературной группы с подписями руководителей группы Г. Семин и секретари Н. Сильченко — АГ).

⁷ Речь идет о Международном конгрессе защиты культуры, проходившем в Париже с 24 по 25 июня 1935 г. Он был созван по инициативе группы французских писателей: Романа Роллана, Анри Барбюса, Жана-Ришара Блока, Виктора Маргеритта, Луи Арагона, при поддержке писателей других стран: Генриха Манна, Лиона Фейхтвангера, Альду Гинсли Форстера, Стречи, Шервуда Андерсена, Уильяма Френка, Карела Чапека и др.

В конгрессе приняло участие 230 писателей, представлено было 35 стран. В советскую делегацию входили: В. Алазан, И. Бабель, Вс. Иванов, А. Караванов, В. Кирион, Я. Колас, М. Кольцов, А. Корнейчук, Г. Лахути, Н. Лушпол, Н. Микитенко, Ф. Пастернак, П. Панч, Б. Пастернак, Н. Тихонов, Г. Табидзе, А.л. Толстой, П. Тычина, А. Щербаков, Н. Эренбург. Председатель делегации М. Горький не мог присутствовать на конгрессе. См. его «Обращение» к конгрессу в Собрании сочинений (т. 27, стр. 449—450).

11

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Тессели, конец апреля — начало мая 1935 г.)

Дорогой Александр Сергеевич,—

Роман Роллан сообщил мне о его решении приехать в Москву в июне¹ и просит меня сообщить буду ли я в это время в Москве? Отсюда — ясно, что его еще не известили о Съезде и времени Съезда². (<...>)

Далее Роллан осведомляет, что он познакомился с личностью к романом венгерского писателя Эрвина Сикко, «который был

одним из вождей революции 19 г. и теперь живет в Париже в большой нужде. Роман показался мне и жене моей произведением выдающимся. Синко и его жена-медик — хотели бы получить возможность приехать в Москву».

На суждение Роллана о произведении Синко можно положиться. Но хорошо бы узнать в Коминтерне, — кто таков автор Синко? В Москву, переводчику Борису Грифцову³ — улица Станкевича, дом 11, кв. 27 — Роллан послал автобиографию Э. Синко. Хорошо бы взять ее и проверить у венгров⁴.

Если Съезд состоится в июне — мы могли бы привезти Роллана в Москву — не правда ли?

Жму руку.

А. Пешков

Датируется по письму Р. Роллана от 15 апреля 1935 г. (АГ).

¹ Роман Роллан приехал в Советский Союз 23 июня 1935 г. и пробыл до 21 июля. Все это время он жил у Горького. Выступая по московскому радио, он сказал: «В настоящее время я живу у Максима Горького, которого я знал только по нашей двадцатилетней дружеской переписке и встрече с которым я бесконечно рад» («Известия», 5 июля 1935 г.).

² См. приложение 6 к письму 10.

³ Борис Александрович Грифцов (1885—1950) — литературовед и переводчик.

⁴ Эрвин Синко (правильнее Шинко, р. 1898 г.) — венгерский писатель, один из участников революции 1919 г. в Венгрии. После поражения революции эмигрировал; жил в Вене, Цюрихе, Париже, в 1934—1937 гг. — в Москве. С 1939 г. поселился в Югославии.

Здесь речь идет о рукописи автобиографической повести Э. Синко «Исповедь».

12

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Тессели, 13 мая 1935 г.)

Дорогой Александр Сергеевич¹, —

нелепое поведение генерала от кинематографии² заслуживает — на мой взгляд — весьма серьезного внимания и жесткого отпора. Заслуживает генерал этого потому, что — на мой взгляд — партия и Советская власть в их заботе о культурном воспитании масс должны желать крепкого, дружеского единения всех искусств, а установление приоритета какого-то одного искусства над всеми прочими — вовсе не в интересах партии и способно лишь вызвать обостренную борьбу самолюбий. Кинематографический генерал в письме, которое Вы правильно назвали «документом войны», открыто заявил о праве кино командовать литературой. Завтра Шумяцкий заявит о необходимости подчинения музыки и живописи целям кино. Грозная форма его заявления о priori-

тете кино над литературой была бы смешной, если б в нашей действительности не наблюдалась тенденция утилизации искусства, как зрелища. Зрелищные впечатления вообще — не стойки, не глубоки, поверхностны. Работа режиссеров в театрах все более затейливо превращает пьесы в зрелища для глаз, и все менее заинтересована тем, чтоб наиболее подчеркнуть смысловое, социальное значение пьес. Очень хвалят новую постановку «Садко», но указывают, что достоинство постановки в ее «фееричности». Феерия — это нечто сугубо менщанское и до Октября феериями угощали детей. Так что Шумицкий в некотором роде идет в ногу с прошлым, когда не учили, а — успокаивали.

Наша — «инженеров душ» — обязанность учить. Для этого мы должны сами учиться, что и начинаем, как сообщаете Вы. <...>

Далее: мне думается, что один из журналов — или хотя бы «Литгазета» — должны дать возможно полный обзор областных журналов, каковы, напр. «Сибир(ские) огни», Воронежский «Подъем»³ и прочие. Сделать это давно пора. Не поговорите ли Вы с г. Болотниковым⁴ по сему поводу?

Прилагаю письмо Тукалевского⁵, директора Славянской государственной библиотеки, в надежде, что оно, м(ожет) б(ыть), пригодится Вам, как иллюстрация для одного из Ваших собеседований с литераторами.

Благодарю Вас за письмо⁶ и дружески крепко жму руку Вашу.

А. Пешков

13.V.35.

¹ У Горького ошибочно: Сергей Александрович.

² Речь идет о Борисе Захаровиче Шумицком (1886—1942), бывшем тогда заведующим ГУКФ (Главным управлением кинофотопромышленности при СНК СССР).

³ «Подъем» — литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходивший в Воронеже с 1931 по 1935 г.

⁴ А. А. Болотников — советский писатель. В то время был ответственным редактором «Литературной газеты».

⁵ Владимир Николаевич Тукалевский (1881—1936) — журналист и библиограф. После Октябрьской революции жил в Праге, был помощником директора Славянской библиотеки. Сотрудничал в советской печати. Письмо Тукалевского в Архиве А. М. Горького не обнаружено.

⁶ Речь идет о письме от 7 мая 1935 г. (АГ).

13

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Тессели, 15 мая 1935 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Постановлением ЦК ВКП(б) я назначен заведывать отделом культурно-просветительной работы ЦК.

Руководство участком культурно-просветительной работы на-

ходилось в неудовлетворительном состоянии. Между тем сейчас этому участку работы придается исключительное значение.

От литературы я ни в какой мере не отхожу. Пока обстоит (дело) так, что я должен работать и в ЦК и в Союзе писателей. Как долго продлится такое состояние — не знаю¹.

Но и в том случае, если я работать в Союзе не буду — дело литературы будет непосредственно моим (и добавлю любимым) — делом.

Я, — Алексей Максимович, — хотел бы остаться Вашим (если Вы не против) помощником в этой области.

Мероприятия, о которых я Вам писал в прошлом письме, все выполняются².

Состоялась встреча писателей с металлургами (Бирман, Гвахария) — прошла очень интересно³.

Вечера армянской поэзии в Доме писателя, в Доме армянской культуры, на заводе «Шарикоподшипник» — прошли изумительно⁴.

На днях будет доклад Никонова (военного), а затем и другие доклады и лекции.

Шолохов попросил т. Сталина освободить его от поездки в Париж. И. В. дал согласие и предложил наметить другого кандидата. И. В. также дал согласие включить одного делегата Белорусской литературы.

Вот пока и все.

Желаю бодрости, здоровья и хорошей погоды.

А. Щербаков

15/V—35 г.

¹ В письме от 22 мая 1935 г. (см. Собр. соч., т. 30, стр. 389) Горький писал: «...Очень удручен Вашим назначением в Культпрон. Конечно — дело необходимое, с литературой тесно сопрягается и давно требует энергичных работников, — людей, которые имеют определенное представление о социалистической культуре, о методах ее развития. Но боюсь, что новая, сложная работа отнимет у Союза писателей две трети, а то и всю Вашу энергию. В Союзе Вы оказались на месте, быстро приобрели авторитет культурного руководителя и друга дела».

² Речь идет о посылке писательских бригад в Кара-Калпакию, в Калмыкию на съезд писателей, в Копи, в Таджикистан; об устройстве вечеров армянских поэтов в Москве и Ленинграде; о посылке белорусских писателей в Грузию и грузинских в Белоруссию; о прикреплении ряда кратиков к областным журналам; о рецензировании областной литературы; об организации альманахов областной литературы; о поездках писателей в Восточную Сибирь, Архангельск, Западную Сибирь, Магнитогорск и т. д.

³ В письме от 7 мая 1935 г. (АГ) Щербаков писал Горькому: «Ваше указание в письме к т. Мехлису об организации докладов для писателей реализуем таким образом».

В течение 1½ месяцев проводим цикл докладов и встреч:

1. Доклад т. Никонова (из Разведупра) — о военной технике армии капиталистических стран.

2. Встреча с металлургами (Гуревич, Бирман, Завенягин, Гвахария).

3. Доклад агронома Лисицына.

4. «Баха

5. » Крижановского
6. » Сперанского и др.»

14 мая 1935 г. директор Макеевского металлургического завода им. С. М. Кирова — Г. В. Глахария и директор металлургического завода им. Петровского — С. П. Бирман встретились с московскими писателями и рассказали о работе своих заводов (см. «Литературная газета», 1935, 20 мая).

* Вечера армянской поэзии состоялись: в Доме советского писателя 10 мая 1935 г., на заводе «Шарикоподшипник» — 13 мая.

14

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Тессели, 29 мая 1935 г.)

Дорогой Александр Сергеевич,—

т. Гамарник предложил мне просмотреть план хрестоматии по литературе для красноармейцев и краснофлотцев¹.

Я нашел план этот очень громоздким, составленным без соблюдения хронологии развития литературы, без опоры ее на историю. Составил другой план, копию коего прилагаю для сведения Вашего. Делаю это потому, что на мой взгляд: все начинания, которые ставят целью своей использовать литературу, как материал педагогический, должны быть известны Союзу писателей, хотя бы в лице его Правления. Это было бы полезно как для воспитуемых, так и для воспитателей, ибо все формы участия литераторов в работе общественной благотворно влияли бы на повышение интеллектуальной квалификации литераторов, в чем «учителя жизни» нуждаются не менее учеников.

У нас все еще не понимают до какой степени широка роль литературы на родине нашей и в эти дни. А не понимая — не пытаются исполнить свои обещания.

По оборонной литературе все еще не дано ни одной книжки. Обратите внимание на две книжки т. Бухбанд: «Перебежчики» и «Путь солдата»². Книжки — прилагаю. Книжки нуждаются в рецензии. О «беспризорности» областных изданий мы с Вами говорили.

Товарищеский привет!

А. Пешков

29.V.35 г.

¹ Речь идет о плане «Книжки для чтения по истории литературы для красноармейцев и краснофлотцев», подготовлявшейся тогда Главным политическим управлением РККА. Издание не состоялось (План был изложен в письмах Горького Гамарнику, см. приложения 2 и 3).

Горький написал для этой книги предисловие, оставшееся незаконченным (см. Собр. соч., т. 27, стр. 489—493).

² Я. А. Бухбанд. Перебежчики. (Повесть.) Симферополь, Госиздат, 1935; он же. Путь солдата. ч. 1—3. Симферополь, Госиздат, 1934—1936.

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, не ранее 18 мая 1935 г.)

Горькому

Дорогой Алексей Максимович, вместе с Вами глубоко скорблю о гибели гордых соколов нашей родины, дорогих товарищей, погибших при катастрофе самолета «Максим Горький». Вечная память погибшим. Слава живым, которые создадут вместо одного погибшего самолета десятки новых, еще более прекрасных и мощных. Слава Советской стране, которая вырастит сотни и тысячи новых отважных летчиков.

Сердечно жму Вашу руку.

Щербак(ос)

Датируется по времени гибели самолета «Максим Горький», [проведенной 18 мая 1935 г.

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, 31 мая 1935 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Получив Ваше последнее письмо, я был озабочен и в то же время тронут.

Озабочен тем, что плохая весна не очень, видимо, содействовала восстановлению Ваших сил, а гибель самолета так потрясла Вас¹.

Озабочен и тем, что Ваши близкие и в первую очередь Петр Петрович позволяют Вам совершенно нечеловечески работать.

Алексей Максимович! Вы злоупотребляете своим здоровьем. Вашей работоспособности можно завидовать, но Вы явно работаете перенапряженно. Вы должны себя беречь.

Тронут, Алексей Максимович, я был потому, что Вы написали мне подлинно дружеское письмо. Искреннее и сердечно благодарю. <...>

Работать в Союзе я продолжаю, но значительно меньше. Программа лекций и докладов, намеченная Вами, выполняется. Замечательно прошла встреча с металлургами. Состоялся доклад военных работников.

В Калпакии очень хорошо прошел съезд². В Казахстане работает бригада во главе с Соболевым. Выехала бригада в Белоруссию. 15 молодых писателей посылаем для собирания совре-

менного фольклора. Приглашали в Москву группу ленинградских поэтов, прошли их вечера в Доме советского писателя², на предприятиях и у студентов; в «Литгазете» и в «Октябре» начали рецензирование областных журналов и областной литературы. Как видите, текущая работа не прекращается.

Искренне и дружески желаю Вам бодрости. Искренне и дружески крепко жму Вашу руку.

А. Щербаков

31/V—35 г.

¹ В письме от 22 мая 1935 г. Горький писал: «Радости меня возмужают до слез, но горе и переживаю молча. Однако недавняя гибель аэронавта «Горький» заставила меня вздохнуть свободно» (см. Собр. соч., т. 30, стр. 390).

² Съезд писателей Кара-Калпаккии.

³ В мае 1935 г. в Москву приехала группа ленинградских писателей и поэтов: А. Прокофьев, Н. Браун, Б. Корнилов, В. Эрали, В. Саннов, А. Ренбетов и др.

17

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

(Тессели, 4 октября 1935 г.)

Александр Сергеевич,—

8-го сентября Секретариат ОСП имел суждение о статьях Гольцева и Нодари и постановил: «статью Нодари... при правильности в общей форме ее основного положения... признать недобросовестной в силу наличия в ней передержек и голословных обвинений»¹.

Мне кажется, что и литературная, и юридическая формулировка постановления весьма не удачна и послужит материалом для создания анекдотов, нелепых для секретариата. Разумеется: «сама себя раба бьет, коли не чисто жнет», но факт не ограничивается только этим. Объявить «недобросовестной» статью литератора братской республики, не приведя ни одного доказательства «недобросовестности», эт — серьезная ошибка секретариата и она может иметь весьма вредные последствия. Если мы искренно хотим видеть литературы союзных республик органически скрепленными во единую Всесоюзную литературу, — мы должны относиться к литераторам братских республик более осторожно, с большим вниманием, должны щадить их самолюбие, очень обостренное дурацкой политикой самодержавия. Глубокая культурная связь народов Союза должна развиваться не только на единстве цели, но и на взаимном росте чувства собственного человеческого достоинства, возникающего на единстве целеустремлен-

ности. Считаю уместным напомнить о специфической особенности Грузии, страны, где все еще мало пролетариата и много закоснелого мещанства. Мне кажется, что в эту сторону нами должно быть проявлено особенно много осторожности.

Я не знаю статей Гольцева, но прочитал обе статьи Нодари. Его основное требование: редактор должен знать язык оригинала, переводимого на русский язык — секретариат признал правильным. Я — тоже не знаю иноязыков, но мне приходилось весьма часто редактировать русский язык переводов. Опираясь на свой опыт, я считаю возможным сказать, что мне очень понятны мелкие указания Нодари на ошибки переводчика и редактора, но я не чувствую в этих указаниях наличия «недобросовестности». Термин «недобросовестность» при более серьезном отношении Секретариата к делу, можно бы вполне заменить термином «ошибки», — мелкие ошибки, не извращающие основного смысла переведенных рассказов Кадияшвили.

Мне кажется, что Вы напрасно поместили в «Правде» сообщение о количестве пьес и романов, написанных в текущем году¹. Количество не гарантия качества, и Ваше сообщение может возбудить надежды, которые едва ли оправдаются², но, наверное, вызовут кое у кого алорадные усмешечки, кое-кого подвигнет к созданию еще одного антисоветского анекдота.

М. Горький

4/X—35.

Печтается по машинписной копии, заверенной секретарем и сверенной с черновым автографом.

¹ Речь идет о рецензии Л. Нодари на книгу Серго Кадияшвили «Грузинские повеллы» (Авторизов. перев. с грузинск. Наты Чхендзе. Редакция и комментарии В. В. Гольцева. М., Гослитиздат, 1935), рецензию см. в «Литературной газете» от 9 июля 1935 г. В ней дается отрицательная оценка большинства переводов повелл Кадияшвили, из-за плохой редактурной утративших все свое стилистическое своеобразие. Объясняется это тем, что редактор не знает грузинской литературы и грузинского языка.

В «Литературной газете» от 24 сентября 1935 г. напечатано Постановление Секретариата Правления ССП СССР: «Признать статью Л. Нодари (Л. Г. от 9/VII—1935 г.) о сборнике переводов рассказов С. Кадияшвили под редакцией В. Гольцева, при правильности и общей форме ее о основном положении о том, что редактор должен знать язык переводимых произведений, незаконной и силу наличия в ней передергивки и голословных обвинений. Секретариат Правления ССП СССР».

В ответном письме от 14 октября 1935 г. Щербаков, признавая формулировку постановления неудачной, настаивал на справедливости сущности постановления (АГ).

² «Над чем работают наши писатели». (Беседа с секретарем Правления Союза советских писателей т. Щербаковым.) «Правда» от 29 сентября 1935 г.

³ В указанном ответном письме Горькому А. С. Щербаков писал: «Собчас (я в этом глубоко убежден) мы можем наблюдать первые признаки нового подъема советской литературы. Нет сомнения, что этот подъем в значительной мере предопределен съездом советских писателей. Об этом подъеме надлежит еще громко сказать, потому что мы еще не знаем несколько новых произведений».

Мое убеждение заключается:

а) на значительном количестве новых прозаических произведений и пьес;

б) на знакомстве по существу с некоторыми из этих произведений.

Я с Вами целиком согласен, что «количество не гарантия качества». Ибо поэтому моя оценка сугубо осторожна. На согласитесь, Алексей Максимович, что и количества мы не можем игнорировать, ведь это тоже некоторый показатель перелома и подъема. Но, конечно, это не главное, главное — качество.

Кое-что о содержании новых книг и пьес мы знаем, с некоторыми знакомимся на заседании партийной группы. Позволю себе высказать о некоторых свое мнение».

Далее Щербаков говорит о следующих произведенных как достижениях советской литературы: о романе Пастернака «Большая война», Леонова «Дорога на океан», Аксенова «Судьба», Орлова «Последнее письмо», о пьесе Файко «Концерт».

«Только после ознакомления с рядом новых работ («Поднятая целина» Шолохова, «30-е годы» Малышова (первоначальное название романа «Люди из захолустья» — *Ред.*), «Брусня» Панферова, «Оборона Царицына» Толстого и др.), — пишет он, — можно сказать о подъеме развернуто. И уже не говорю о «Самгине» и о Вашей пьесе, поднявшие которой поднимает советскую литературу на новый уровень.

Вот почему я считал политически необходимым дать предварительные и осторожные сведения о новых книгах и пьесах. Эти сведения прекращают разговорчики о «кризисе», быт по «иллюзорным усмешкам», бодрят писателей» (АГ).

18

ГОРЬКИЙ — ЩЕРБАКОВУ

〈Октябрь, не ранее 19, 1935 г.〉

Дорогой Александр Сергеевич —

Ян Страуян, латышский литератор, пишущий по-русски, автор драматической повести — «Лесные братья» решил осуществить давнюю свою мечту — написать повесть о жизни и работе большевика-латыша. Для этой работы ему необходим творческий отпуск, о чем я и пишу Вас.

Затем прошу ознакомить меня со списком кандидатов на квартиры в новом «Доме писателей». Очень меня смущает и огорчает Вы оптимизмом Ваших оценок текущей литературы. Я не стал бы протестовать против них, если б оценки эти ограничивались Вашими письмами ко мне. Но Вы публикуете их, адресуя «городу и миру»¹, возбуждая в советской общественности надежды и ожидания, которые едва ли сбудутся. Мой скепсис основан на чтении тех рукописей, которые особенно подчеркнуты Вами, как явления весьма значительные. Вы — не читали тех произведений, о которых говорите.

Разрешите обратить внимание Ваше на следующее: Вы — лицо официальное, член правительства, и для очень многих граждан Ваше слово звучит, как некий «категорический императив».

Наша критика, маломощная, не отличающаяся храбростью и не очень грамотная исторически, раньше чем решиться сказать свое слово, посчитается с Вашим. Отсюда Вам должно быть ясно, как велика Ваша ответственность и как солидно должны быть продуманы Ваши оценки.

Наши литераторы сильно набалованы, я бы даже сказал — избалованы до уродства. Балуют их поверхностные безответственные суждения и личные симпатии людей «власть имущих». Баловство ведет к тому, что — как я слышу от литераторов — де одна из них хотела подквечь выстроенную ей дачу, потому только, что окна дачи сделаны не там, где она указала. Это — анекдот? Сплетня? Среда, в которой возможны такие сплетни и анекдоты — нездоровая среда. Вы знаете, что вокруг строительства дач, среди писателей — склока, свара, — но я не слышал, какие меры приняты Вами для прекращения этого проявления мещанства.

Лично мне известны факты существования литераторов, вполне достойных этого звания, но живущих так нищенски, что, напр., один из них не мог летом купаться лишь потому, что не имел трех рублей на покушку трусиков. А рядом с этим один литератор получает из Литфонда 5 т(ысяч) рублей, другой 3 т(ысячи) и аэроплан для полета в Крым. Допустимо ли в нашей стране такое разное деление писателей на счастливых богачей и на нищих?

По дачному строительству уже разворованы какие-то большие деньги — почему воры не преданы суду? В каких формах выразились Ваши попытки создать в Союзе писателей «общественное мнение», которое относилось бы к социальному поведению единицы не безразлично, не равнодушно? Равнодушное кажется мне настроением, преобладающим в среде литераторов, исчезает оно лишь тогда, когда задеты узко личные интересы их. В нашей стране быстро идет процесс освоения техники труда, — процесс трудовой героизации масс в мире, враждебном нам, капитализм напрягает последние силы свои, организуя против революционного пролетариата пеструю, гибкую, наименее способную к организованному действию массу мелкой буржуазии. Готовится война, ее уже начали в Африке, завтра она может разразиться в Средиземном море, а вслед затем вспыхнуть и на Востоке. Я напоминаю Вам об этом, чтоб сказать: оборонной литературы у нас нет, а ведь, если помните, о необходимости ее говорилось давно. Да, Павленко написал большую повесть «Судьба войны»². Но — повесть не имеет конца и какова же «судьба войны»? — это остается неизвестным читателю. Но — основной дефект повести не в этом, а в том, что в ней совершенно отсутствует главный герой будущей войны, наш красноармейский, краснофлотский боец. Это — более чем странно, ибо наш боец воспитывается не как прислуга машины, придаток техники, а как сознательная сила битвы, как вершитель ее; как человек, который знает, зачем пуж-

на родине и красной армии победа, что принесет победа эта миру трудящихся.

Социалистическое строительство наше создает сотни и тысячи Изотовых, Стахановых, Демченко, — социалистическая война должна создать бойцов такой же, стахановской инициативы и активности. И повесть должна бы иметь целью своей — показ бойца для того, чтоб сейчас помочь ему осознать, каким он должен явиться на поле битвы, как вести себя в ее огне. Павленко — не подумал об этом, а он — коммунист, партиз. Встает вопрос о том, какова роль партии в деле социально-революционного воспитания литераторов? Какова лично Ваша роль?²

Когда Вас назначили секретарем Союза писателей, Вы сказали: буду учиться. Не видно, чтоб Вы научились чему-то. При Вас литература остается такой же беспризорной. <...>. Вы, как будто, желаете примирить всех со всеми, создать в Союзе «тишь, гладь, божью благодать». А создавать-то нужно нечто прямо противоположное, ибо необходимо обличать противоречия, обличать мещанство — мобилизовать литературу, как единую, определенно целеустремленную силу, способствующую росту культурного возрождения страны, повышающую трудовое, героическое настроение масс.

М. Горький

Датируется по письму Щербакова от 15 октября 1935 г.

¹ *Urbi et orbi* — латинская поговорка.

² «Большая война», «Судьба войны» — заглавия первоначальных вариантов романа А. А. Павленко «На востоке». Отзыв Горького об этом романе см. также в письме его к Павленко, написанном в начале ноября 1935 г. (Собр. соч., т. 30, стр. 408—411).

³ В преддверии навязанной фашизмом войны Горький добивался усиления влияния партии на литературу.

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

(Москва, конец января — начало февраля, 1936 г.)

Уважаемый Алексей Максимович!

Сообщаю Вам о мероприятиях, которые намечаются Секретариатом по организации учебы начинающих писателей на ближайшие месяцы.

1. По примеру прошлого года — провести курсы для кандидатов. Курсы продолжительностью 2 с половиной месяца будут организованы при ИКП литературы. Начало занятий — с 20—25 февраля. Подготовительная работа ведется. На курсах будут учиться 60 человек, из них 30 москвичей.

2. В марте вместе с «Крестьянской газетой» вызвать в Москву группу молодых писателей из областей, которые пишут преимущественно о деревне и колхозах. Организовать для них экскурсии на заводы, посещение выставок, музеев и т. п. и прочесть им цикл лекций.

3. Особое внимание обращаем на заочный университет ССП. Учатся 125 молодых писателей. Заявлений о желании учиться — 600. Думаем, что все кандидаты должны учиться, и при переводе кандидатов в члены учитывать также — учиться или не учиться подавший заявление о переводе.

4. Журнал «Литературная учеба» теснее связывается с ВРЛУ¹ и заочным университетом. Для студентов журнал все больше становится одним из основных пособий.

Посылаю тезисы доклада Суркова². Не могу о них сказать, что они окончательно отработаны, их будет еще раз редактировать партийная группа.

Прошу прислать Ваши указания как по учебе с молодыми, — так и по тезисам Суркова.

Желаю Вам бодрости и здоровья.

А. Щербаков

¹ ВРЛУ — Вечерний рабочий литературный университет Союза советских писателей СССР. Организован в 1934 г.

² Доклад «О советской поэзии» для Третьего пленума ССП.

Тов-у А. Щ е р б а к о в у

Намерение Секретариата Союза Совписателей организовать 2^х с половиной месячные курсы для начинающих писателей я нахожу не серьезным.

Позволительно думать, что курсы затеваются в целях повышения технической квалификации молодых людей, намеренных заняться литературной работой.

Тут возникает ряд существенно важных вопросов:

по каким признакам будут отобраны люди, достойные? Почему они желают заниматься литературой? Кем и как будет выработана программа преподавания? Ограничена ли она только вопросами техники — т. е.: изучением языка, строения фразы, организации материала согласно требованиям темы и сюжета — или же это общеобразовательные, идеологические курсы? Чему можно научить людей в два с половиной месяца? Есть и еще не мало вопросов, которые возбуждают сомнение в целесообразности

курсов и в том, что такая «кустарная» деятельность Секретариата может привести литературе Советов какую-нибудь пользу. И нет никаких сомнений, что путем таких курсов будет увеличено количество бездарных и малограмотных людей, «прикосновенных» литературе. Их уже так много, что мне кажется совершенно необходимым пересмотреть списки членов Союза писателей и основательно отозвать лишнего и вредного балласта. Положение литераторов в Союзе Советов Соц. республик — очень соблазнительно, этим и объясняется тяготение многих к литературе. Союз писателей — тепленькое место, где можно жить удобно и равнодушно. О наличии равнодушия весьма убедительно говорит тот факт, что влияние Съезда до сего дня ничем и никак не обнаружилось. Не заметно, чтоб «стахановское» движение как-либо взволновало Союз писателей, вызвало бы у писателей желание показать себя стахановцам, устроить для них литвечера и т. д. В Союзе числится около трех тысяч членов. За 35-й год более или менее заметные книги опубликованы тремя десятками писателей, давно уже заслуживших известность. Что делали за время от Съезда до сего дня остальные сотни членов Союза?

Я возражаю против кустарных начинаний Секретариата Союза, ибо уверен, что наши литераторы должны учиться не два месяца с половиной неизвестно у кого и не известно чему именно, — они должны учиться 3—4 года, серьезно, по широкой, научно-философской программе, материалом которой должна быть взята вся история культуры прошлого, — и как прямое ее продолжение — материал Советской социкультуры¹. А увеличивать количество малограмотных писателей, которые, продолжая жить так, как они живут — скоро могут получить от пролетариата СССР чин паразитов, — увеличивать кадры таких людей — дело вредное.

Прилагаю заявление Всев. Иванова, я тоже нахожу, что ему не следует брать на себя обязанности «административные»².

Климат Ленинграда не годится для Конст. Федина, у него уже снова начала играть температура. Он собирается переехать в Москву, и я прошу поместить его — временно — на одной из пустующих дач Каменева или Тарасова-Родионова. Говорят, что местность там болотистая, если это так — это удобно для туберкулеза, но, конечно, не годится для Федина, но с переездом его надо торопиться. Поэтому я и говорю о «временном» его устройстве на одной из названных дач³.

М. Горький

10/II — 1936.

Печатается по машинописной копии, заверенной секретарем Горького и снабженной с черновым автографом.

¹ Литературный институт им. М. Горького в то время уже существовал (открыт в декабре 1933 г.). Горький хотел создать также специальный университет для изучения истории всемирной литературы. См. письмо Горького Ромену Роллану от 24 апреля 1934 г. (Собр. соч., т. 30, стр. 343).

² Ве. Иванов просил освободить его от обязанностей председателя Литфонда. По просьбе Щербакова он согласился продолжать работу до момента избрания нового председателя.

³ В ответном письме от 28 февраля 1936 г. Щербаков писал: «Федину в Москве дадим немедленно квартиру, как только дом будет окончательно отделан. Дачу также дадим» (АГ).

21

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Минск, 17 февраля 1936 г.〉

Спешу сообщить Вам, что Пленум¹ прошел интересно и удачно. Интерес и напряжение нарастало изо дня в день. Пленум вылился в демонстрацию подлинной дружбы братских литератур. Поэты нашли силы подняться выше своего самолюбия, и обсуждение вопросов поэзии прошло остро и в основном принципиально. Большую роль сыграло Ваше письмо Суркову², выдержки из которого были зачитаны. Это письмо послужило толчком для развертывания самокритики. Сыграло свою роль и то, что пленум проходил на границе. Закончилось все олимпиадой поэтов, на которой читали стихи пятьдесят поэтов на 27 языках. Подробный отчет высылаю почтой. Примите мой искренний привет.

А. Щербаков

Датируется по времени закрытия Третьего пленума Правления ССП.

¹ Третий пленум Правления ССП состоялся в Минске 10—16 февраля 1936 г. и был посвящен белорусской и башкирской советской литературе и вопросам поэзии. С докладом о белорусской литературе выступил М. Климович; с докладом о башкирской литературе — А. Тагиров. Доклад «О советской поэзии» сделал А. Сурков.

² В письме Горькому от 28 ноября 1935 г. А. А. Сурков сообщал основные положения своего доклада о советской поэзии на предстоящем Третьем пленуме Правления Союза советских писателей. Щербаков прислал Горькому тезисы этого доклада. Горький высказал по поводу доклада Суркова ряд глубоких принципиальных суждений. См. письмо Горького Суркову от 7 декабря 1935 г. (Собр. соч., т. 30, стр. 411—414).

22

ЩЕРБАКОВ — ГОРЬКОМУ

〈Москва, 22 февраля 1936 г.〉

Уважаемый Алексей Максимович!

Сообщаю Вам о пленуме ССП.

Обсуждение докладов о состоянии белорусской и башкирской литератур вылилось в яркую демонстрацию дружбы братских республик.

Впервые в истории советской литературы писатели национальных республик говорили не столько о себе, сколько о литературе других республик.

Грузин Табидзе делал обзор украинской поэзии, поэт Армении Наир Зарьян говорил о белорусской литературе, украинец Бажан разбирал достоинства и недостатки грузинских писателей, русские писатели давали оценку произведений белорусских, украинских, грузинских, узбекских, туркменских, башкирских, калмыцких, кара-калпакских, коми-зырянских, тюркских, германских, венгерских писателей и т. д. и т. д.¹

На пленуме были продемонстрированы многочисленные взаимные переводы и сообщено о выходе в ближайшее время антологий советской поэзии на различных языках².

Недостатком обсуждения вопроса о национальных литературах явилось то, что литераторы республик говорили о писателях других республик пока что, главным образом, с положительной стороны, мало критиковали друг друга. В выступлении армянского поэта Наира Зарьяна, эти настроения сказались следующим образом:

«Я не стану говорить о недостатках белорусской поэзии, потому что нахожусь пока в стадии влюбленного человека, который не замечает недостатков в объекте своего восторга».

Пленуму предшествовало острое обсуждение вопросов поэзии и на секции поэтов, и в президиуме, и в партгруппе вокруг тезисов будущих докладов.

Особенную активность проявили перед пленумом участники бывшей группы «Лев». Т.г. Асеев, Кирсанов, Шкловский, Брик пытались истолковать оценку тов. Сталина Маяковскому — по своему, как отпущение многих прежних формалистических и политических грехов, свойственных этой группе.

Единомышленная, твердая и принципиальная линия, какую заняла партийная группа Правления во всех вопросах позволила провести обсуждения вопросов поэзии на высоком принципиальном уровне и, в результате, консолидировать поэтов.

Самым ценным в обсуждении вопросов поэзии было следующее: поэты сумели подняться выше своих мелких драг, обсуждали вопросы самокритично, резко, но в основном принципиально.

Не проявлялось, как это было раньше, желания угробить противника, больше того, сквозило желание — помочь. Такая обстановка консолидировала поэтов.

Не вполне удачное выступление Безыменского получило отпор большинства участников.

Делегаты пленума провели значительную работу на фабриках, заводах, в красноармейских частях, среди пограничников, студентов, колхозников.

Пленум закончился олимпиадой поэтов, на которой читали стихи 50 поэтов на 27 языках.

По вопросу об учебе молодых должен добавить следующее: На 2-х месячные курсы имелось в виду вызывать в Москву кандидатов в члены союза для того, чтобы они выслушали несколько

лекций квалифицированных людей, побывали в музеях, театрах, встретились с писателями и т. д.

Само собой разумеется, что после Вашего письма курсы созывать не будем.

Во время пленума созывал совещание председателей союзов писателей республик по вопросу о «двух пятилетках». Наметили ряд мер, которые могут это дело двинуть вперед.

Денежные дела редакции «Две пятилетки» (дальнейшее финансирование) — урегулировал полностью.

Примите привет мой.

А. Щербаков

22.II.36 г.

¹ Материалы Третьего пленума ССН. См. «Правду» от 11—17 февраля 1936 г., а также «Литературную газету» от 10—24 февраля 1936 г.

² Такое издание осуществлено не было. К 20-й годовщине Октябрьской революции был подготовлен к печати и выпущен сборник «Творчество народов СССР» под редакцией М. Горького, Л. Мехлиса и А. Стецкого (М., Издание редакции «Правда», 1937).

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

М. ГОРЬКИЙ, ЗАМЕЧАНИЯ К ПЛАНУ ДЕТГИЗА

(Конец 1935 г.)

Если включены баллады Жуковского, так полагаю бы, что очень полезно включить и баллады А. Конст. Толстого «Поток-богатырь», «Гайона», «Алена» и т. д., а также поместить и его «Русскую историю».

Весьма сомневаюсь, что нужен «Робинзон», а уж если нужен, так — в сокращении очень значительном и умелом. Английское хвастовство победоносной силой единоличника нам уже не пригодно, и у нас организована иная решающая сила. «Робинзона» следует дать как «роман приключений». Дать бы «Записки Бернати Диаса», одного из солдат Кортеса и — в сокращенном виде — книжку Польского «Пизарро». В маленьком предисловии к Робинзону указать на необходимость познакомиться с этими книжками, они дают очень яркое впечатление о колониальных «робинзонадах».

Вместо Жиль Блаза следует дать «Хромого черта». Не уверен, что детей надобно знакомить с «плутовским романом», если он не только «замысловатое чтение», как напр., «Три мушкетера» — чтение, развивающее интерес к истории.

«Преступление и наказание» хотя и заказано Наркомпросом, но этот роман лучше бы заменить «Мертвым домом».

Но много ли Гюго? Может, быть, «Человек лишний»?

«Железный поток» Серафимовича следует почистить, выбросить ругани, грубости. Вообще — это очень плохая книга — и не понимаю, зачем ее показывать детям?

«Астрономические вечера» Клейки нужно дать на редактуру кому-нибудь из современных астрономов. Этой книге более сорока лет.

Дать бы «Путеводитель по небу» К. Покровского.

Аксакова «Детские годы» перевести бы из резерва в 36 г.

Многократно советовал: дайте последовательно «серию «детств»!
Как воспитывались дети дворян: Аксаков, Ел. Марков «Варюшки», Толстой Лев.

«Разночинцев», мещан: Помяловский, Кущевский. Гарин «Детство Тёмы», Горький.

Крестьян: Иван Вольный и пр.

Рабочих — без числа автобиографии.

Будучи прочитана в хронологической последовательности, серия этих книг имела бы определенное воспитательное значение.

Купера — много!

Мало книг «оборонного» значения. Следует заказать книги по интересам: немецкой, французской, японской и т. д.

Книги принесли бы гораздо больше пользы, если б были хронологически связаны. Для детей — всякая литература уже история, уже уход в прошлое, не знакомое им. Человек 25 лет знает нечто бывшее 10, даже 15 лет назад, 10-летний — еще ничего не знает, и это очень хорошо, т. е. было бы хорошо, если б мы умели знакомить его с прошлым, как естественным, закономерным процессом, в котором жизнь без противоречий невозможна.

Вот, пока, все, что могу сказать.

2

ГОРЬКИЙ — ГАМАРНИКУ

(Не ранее начала мая — не позднее середины июля 1935 г.)

Дорогой т. Гамарник,—

сообщил вам впечатление, вызванное у меня знакомством с материалом хрестоматии для красноармейцев и краснофлотцев. Понятие хрестоматии значит — «полезно учиться», оно определяется как сборник образцовых произведений литературы или науки для целей школы и популяризации знаний.

Если под словом «образцовой» понимать произведения литературы наиболее метко, красочно, глубоко изображающие социальные взаимоотношения людей, события истории — прочитанный мною материал усвоенно-образцовости мало отвечает. Это потому, что материал перетружен пресной и бесцветной литературой трюкестопенного значения, цитаты которую молодежь будет скучно и которая у нас, в стране культурно растущий с поразительной быстротой, уже устарела, бесполезно-воспитательного значения не имеет, как со стороны оформления — т. е. технического умения организовать материал в наиболее четкие слова, яркие образы — так и со стороны ясности идеологической.

С этой точки зрения стихи Кольцова кажутся мне совершенно лишними, ибо по форме они слишком примитивны, а по содержанию совершенно устарели стихами Никитина, Некрасова.

Нам не надо называть прошлое «проклятым», а нужно, чтоб материал сам показал, что прошлое действительно было глупо, маторжно, унизительно и позорно для людей.

Литературные стоны Кольцова не возбуждают ни гнева, ни ненависти, а нам необходимо воспитывать в молодежи именно ненависть к прошлому, которое, — как мы видим, — буржуазия намерена возродить и укрепить.

Нам так же нужно зажигать в молодых сердцах активное чувство любви к стране, столь обильно рождающей героев, к прекрасной, богатейшей стране, — великолепно работающей под неизбежным ударом со стороны врагов, бесчеловечный диктат которых, не имея пределов, принимает все более отвратительные формы.

Хрестоматия не только учит знать и понимать, но для многих она является руководством — как писать. Это должно быть учтено нами и поэтому я советую исключить неуклюжий, небрежно написанный, неубедительный

рассказ Салтыкова-Шchedрина, — у нас теперь пролетарская молодежь пишет лучше, чем написал Салтыковым этот рассказ. О дряхлых при крепостном праве есть более яркие повести других авторов. С точностью не могу указать их, но если здесь библиотеки, советую посмотреть у Лескова, Писемского, Тургенева и др.

В подробную критику каждого рассказа, намеченного планом, я не могу входить, да и не считаю это нужным, ибо нахожу, что весь план построен неправильно, без соблюдения хронологического порядка, совершенно необходимого для понимания исторического процесса.

Я предлагаю организовать первый раздел хрестоматии «Прошлое» в таком порядке:

Сначала дать краткий очерк состояния Московского государства в последней четверти 16-го столетия, рассказать о борьбе царей против удельных князей, а также против торговой буржуазии Новгорода, Пскова, т. е. — показать процесс «собрания земель» царями и боярами Москвы «под свою руку». Обязательно указать, что делом этим лет за сотню до царей занимался французский король Людовик XI-й, а одновременно с Иваном Грозным — английский король Елизавета.

Это сопоставление дает отличный повод еще раз напомнить читателям, что закон развития социальных отношений одинаков для всех стран и народов и что он развивается только временно, т. е. только отсталостью той или иной национальной группы буржуазии и ее торгово-промышленной деятельности. Думаю, что не нужно доказывать, насколько важно для молодежи освоение этого закона.

Закончить этот исторический очерк «мутным временем», особенно подчеркнуть движение, возглавленное Болотниковым, опять-таки указав на сходство этого движения с крестьянскими войнами в Германии и отметить, что как у нас, так и у немцев, и у всех народов, из крестьянских восстаний всегда извлекала пользу только городская буржуазия, и что первая в истории человечества победа над классом-паразитом оказалась возможной лишь тогда, когда этот класс мешал воспитать городской пролетариат, под руководством которого была одержана эта победа и будут одержаны все следующие.

Простите, что я говорю о том, что Вам хорошо известно. Допустимо намекнуть, что восстание Пугачева было учено буржуазией Франции и быть может — заставляло ее поторопиться начать борьбу с феодализмом из страха перед возможной «угрожающей» в своей стране.

Далее необходимо бросить свет на развитие фашизма в Европе, как на последнее усилие буржуазии в ее борьбе с пролетариатом и против неизбежности наступления эпохи социализма. (На очерк этот весьма рекомендую тов. Минца.)

Затем перейти к иллюстрациям исторического процесса.

1. Георгий Шторм. «Повесть о Болотникове».

2. Алексей Толстой. «Житие» — ?! — забыл чье? — взят из него страницы, где княгиня Туренина с сыном, педеросом, выпрашивает «деревенки» у Годунова, у паря Дмитрия, Василия Шуйского, Михаила Романова, — отличное изображение связи помещичьего дворянства с «престолами».

3. Георгий Шторм. «Земля мордвина» — картина колониаторской политики при царе Романове, типичной и для последнего из них.

4. Чалития. «Разин», «Гулящие люди».

5. Ал. Толстой. «Петр».

6. Дать очерк бунта Кондратия Булавина — 1707-й г. — с прокламациями и письмами Кондрата.

7. Очерк придворной жизни после Петра до Екатерины по мемуарам Шетарди, Сегюра и др.

8. Дать «Наказ» о волюности дворянства.

9. «Челобитную» купечества о разрешении купцам покупать крестьян.

10. Пугачевское движение. Смонтировать очерк из нескольких литературных произведений.

11. Взять из романа графа Салюаса «Мор» картину московского чужинного бунта.

12. Радищев — отрывок из «Путешествия».

13. Описание «Аристеидиды».

14. Бунт солдат Семеновского полка и картина казарменной жизни при Александре Первом. Дать солдатские песни того времени.

15. Декабристы. Смонтировать очерк по Пушкину и др., а также по документам.

16. Пушкин. «Послание в Сибирь», «К Чаадаеву», «Деревни».

17. Тургенев. «Два помещика», «Муму».

18. Писемский. «Старая барыня».

19. Толстой. «Утро помещика».

20. Некрасов. «Орина, мать солдатская».

21. Шевченко. «Катерина».

22. Срезнев. «Питомка», «Синьки» или что-нибудь другое из очерков.

23. Краткий рассказ о причинах отмены крепостного права.

24. «Безземельное дело».

25. Гл. Успенский. «Освобождение пришло», из «Власти земли».

26. Семенова-Тянь-Шанская. «Жизнь Ивана», две-три страницы ее исследования о воспитании крестьянского ребенка.

27. Ив. Вольный. «Повесть о днях моей жизни» — взять детство.

28. Галина Грекова. «Жизнь батрачки» — детство.

29. Гл. Успенский. «Миродня», «Деревенские будни».

29б. Некрасов. «Плач детей», «Кому на Руси жить хорошо».

30. Каролин. «Ученик», «Вольный человек», «Мешок в три пуда».

31. Бушин. «Захар Воробьев».

32. Чехов. «Мужики», «Утиер Пришибеев».

33. Ковалевский. «Мужики на фабрике» — из истории Прехоровской мануфактуры.

34. Горький. «Жизнь и смерть Власова» — из повести «Мать».

35. Паустовский. «Судьба Шарля Лонсевича» — быт рабочих казенных заводов.

36. О солдатах, матросах. Куприн. «На царской службе».

37. Станюковича — посмотреть. Горький «Федор Дядин» — посмотреть.

38. Пушкин. «Вольность».

39. Веневитинов. «Родина».

40. Купала. «Наука», «Белорусская песня».

Мне кажется, что в этом плане мы дадим несколько более целостное и связанное представление о литературе и ходе ее развития.

Ввести в хрестоматию немного истории и считать совершенно необходимым, ибо литература, как известно, является отражением истории.

Отрывки, взятые из Шухова, Сварского, Вишневецкого не нахожу удачными, так же, как и Аядаенко.

Первый отдел значительно распух, но это — за счет сокращений в следующих.

«Разин» переносится из второго в первый раздел. Но — почему взята картина пятым? Следовало бы дать нечто другое рядом с этой картиной, если не исключать ее. Другую картину можно дать вместо Васильенко, — очень плохого отрывка. А разгром усадьбы взять у Ивана Вольного, гораздо более яркого писателя.

Советую отказаться от плохого, надуманного очерка Вахметьева, замени его хотя бы «Федором Дядиным» Горького, а еще лучше — кем либо другим, — Горького очень много в этом втором разделе. Нужно учесть тот факт, что Горький читается в школах и что, напр., «Мать» можно исключать или — уменьшить порцию. Следует исключить «е-е инвара», о нем есть показания других авторов, не хуже Г., а — лучше. Бой на Пресне Илифорова заменить рассказом Серафимовича, гораздо более точным и грамотным.

Остальные три раздела слишком перегружены материалом и определенно нуждаются в сокращениях, напр., за счет Панферова, Шухова, Безземель-

ского, Жарова. Не следовало бы включать историческую речь Андреевского на Съезде писателей.

И надо бы исключить стихи поэтов братских республик, — многие из них свежее, лучше наших, сунуто по переводам Тихонова, Шенгеля и др.

В 5-й отдел хорошо бы внести отрывки из романов буржуазных писателей: Солжиз «В край ночи», Фейхтвангера «Успех», стр. 314—317 и 174—180. Внести бы по кусочку и других авторов, антифашистов.

Нужно исключить плохие стихи Жарова, заменив их более сильными. Необходимы краткие в 10—25 строк характеристики писателей.

Внести, как образцы современного фольклора, сказки и легенды о Ленине (...)

Я очень советую сократить все четыре раздела хрестоматии до размеров первого. Получится два тома, а затем организовать — по типу первого — третий, который должен исторически осветить техническую реконструкцию страны и колхозное строительство.

Крепко жму руку.

М. Горький

Датируется по письмам Я. Б. Гамарника от 16 мая и 22 июля 1935 г. (АГ).

¹ «Краткое жизнеописание блаженного Нифонта (из рукописей книги Турецкина). Первоначальное название — «Повести смутного времени».

3

ГОРЬКИЙ — ГАМАРНИКУ

(17 сентября 1935 г.)

Уважаемый т. Гамарник, —

я еще раз прочитал весь материал «Хрестоматии», затем — согласно Вашему желанию — попробовал написать предисловие к ней и убедился, что предисловие написать — не могу, ибо оно у меня превращается в критическую статью «недобросовестную» «Хрестоматии».

Мотивы критического отношения таковы:

Неясность плана книги — чему она хочет научить?

«Историческое» предисловие написано очень плохо и — несмотря на внесенные поправки — изменению не поддается.

Торопливый и хаотический подбор литературного материала. Куски, включенные в книгу, не дают читателю ни представления о литературной ценности романа или повести, от которого они оторваны, ни представления о характере и политическом смысле явлений, — фактов, — изображенных в этих кусках. Между этими отрывками нет смысловой и тематической связи. Материал книги, которая назначена для чтения грамотным и взрослым людям, должен быть предложен в форме «монтажа», т. е. — пересказа всего произведения со включением отдельных, наиболее красочных и основных его страниц целиком.

Отбор материала произведен так, что преобладает дворянское, барское отношение к мужику, изображение его «хитрым дураком», человеком «себе на уме», затем следует народническое, идущее от «нашего же дворянина», жалобное изображение мужика христиански кротким, терпеливым, забывчивым, что совершенно противоречит историческому мужику, который шел за казачьими войсками, ватагами Москвы: Разинным, Булавинным, Пугачевым, мужику, который шел против царя Москвы с Наполеоном, и вообще, независимо «бултыхал» против государства «и церкви», наиболее первого и хитрого слуги царей. С Наполеоном-то шли не Полкишки, не Платоны Каратаевы, не этого типа люди и «самоснигались», уходили искать «Огоньское царство».

Для того, чтоб показать крестьянство в его борьбе за землю, за собственность, нужно дать его в образах устного творчества; дать песни, послания, «Жалобу холопов», «Челобитную крымских солдат», Крыловскую «Похвалу дедушке», «Шемякин суд», «Повесть о Ерше», и т. д. Тогда читатель красноремец и краснофлотец получил бы иной портрет мужика в двух его лицах — мирота и кулака, набатчика и пропойцы, стихотельца и лодыря, оседлого и бродяги.

Необходимо также показать и производных от мужика: наемно — фабричного рабочего, напроказ — купца, торговца, фабриканта.

Показав его таким, мы показали бы фальшь сланинского, малограмотного свекочника Златовратских и К°, а также показали бы сознательное или бессознательное лицемерие литературы дворян.

Помимо указанных пороков, материал в данном его виде имеет еще один весьма крупный политический порок: художественная ценность образов Октябрьской, а также и Советской литературы беспартийных на много превышает образцы литературы т. т. коммунистов. Это «равноречие» настолько ярко, насколько оно тактически неуместно, ибо может оказать крайне вредное влияние на молодежь.

В наши дни, когда политическая атмосфера густо насыщена влияниями фашизма, с его прославлением индивидуального начала и когда у нас неизбежна фабрикация героев, приниженный массовый характер, тоже подчеркивает значение индивидуализма, — в наши дни, — мне кажется — следует особенно избегать возможности неправомерных сопоставлений и умозаключений.

В нашем случае избежать такой возможности можно очень легко и даже с блеском. Для этого надо предельно сократить отрывки из книг коммунистов, даже столь заслуженных, как, напр. Серафимович, а вместо их дать краткие автобиографии или сжатые биографии таких партийцев, как напр. К. Е. Ворошилов и еще двух, трех соратников его, как Щорс и др. Сделать это легко потому, что отрывки из книг партийцев взяты как факты, а не в качестве образов искусства. Противопоставляя героям старой литературы наших героев гражданской войны и социалистического труда, мы можем сказать о них, что вот это герои мира, строительства, наших не знало прошлое, герои, которые, со временем, будут героями коммунистической, большевистской литературы.

Разрешите обратить внимание Ваше на такой факт: книга, затеянная Вами, будет первой книгой такого рода, и по типу ее станут издавать другие, как по образцу. Если же еще и в предисловии к ней, так — боюсь — что это одобрение литератора, признанного компетентным в его деле, еще более поспособствует оценке «Хрестоматии», как работы образцовой и заслуживающей подражания.

Мне кажется, что книги такого сорта требуют большей обдуманности и солидности исполнения, и я советовал бы создать небольшую группу, которая, тщательно просмотрев собранный материал, отсеяла бы от него все плохое, ненужное, заменила более ценным, тематически связала бы материал более прочно и т. д.

Группа эта должна точно знать, с какой целью издается «Хрестоматия», каков ее общий смысл и план.

Примите сердечный мой привет.

М. Горький

17.IX.35.

По поводу плана хрестоматии

(апрель 1935 г.)

В проекте хрестоматии сказано: «материал располагается по историческому принципу». История создавалась и создается во времени, рассказ о ходе ее требует точной хронологии, без которой «исторические связи» и взаимоотношения, взаимодействия не могут быть поняты. Авторы проекта начинают историю со вчерашнего дня и, посвятив 5-й (омов) русской литературе, перебрасывают читателя в античный мир, но все-таки не так далеко, как следует, ибо история начинается первобытным обществом, в котором литература, — в ее «устной» форме — была непосредственным отражением трудовой деятельности людей, служила единственным способом организации житейского опыта, являлась научной и социально-правовой — философией общества.

Наша цель не только в том, чтоб дать молодежи интересные, документальные книги по истории литературы, в ее непрерывной связи с историей литературного развития, — наша цель: показать пути и линии, следуя которым марксистская мысль должна пересмотреть, переоценить показания и утверждения буржуазной истории культуры.

Наша позиция: побудитель и организатор мысли — труд; первобытное общество закрепляло свой трудовой опыт в образах героев труда, мастеров различных ремесел.

«Трагизм бытия», который буржуазные историки считают вызванным преждевременно людям силами природы или своеволием всемогущих богов, горюдо прище и естественное объясняется характером социальных отношений, борьбой личности против общества, человека с человеком, племени с племенем и т. д.

Войны более часты, чем землетрясения, более разрушительны, чем наводнения, холод сменяется жаром, но раб всю жизнь и на протяжении тысячелетий остается рабом владыки своего. Идея «трагизма бытия» не была результатом деятельности коллектива, она обращена к личности, ее мизантропией. В самом начале своего разрыва с коллективом личность стала в позицию самообороны, поставила себя перед необходимостью оправдать эту позицию — отсюда и начинается великая всемирная ложь всех религий, всякой мистики и метафизики. Нужно вскрыть связи трагического с мистическим, индивидуализма с пессимизмом. Нужно указать, что командующие группы и единицы должны были испытывать — не могли не испытывать — давления на них со стороны поработанных масс. Чем дальше отходила единица от массы, тем более резко чувствовала утомительность своей позиции, временность и бессмысленность своего бытия, что впоследствии будет с такой силой отражено во в «Евклисте».

Нам необходимо отказаться от сплошного наводнения буржуазными историками понятия «борьбы за существование» трагическим содержанием, ибо такое понимание борьбы за жизнь создавалось искусственно, для того,

чтоб утвердить заповедь, якобы данную свыше: «и поте лица твоего будешь есть хлеб твой». *Плоти*, организовавшись как естественное животное, с мировой перспективой, — как человек — оптимистичен и если б не была таковой, то едва ли могла бы существовать, как сила, сотворившая вторую природу — культуру. Плоть любит радость бытия, знает цену здоровью, наслаждение своими «выдумками» и удачами труда, наслаждение оплодотворением женщины, превращением диких животных в домашних и т. д. Детей родили не для того, чтоб создать наследников каменным товарам и шкурам зверей. Даже в нашу расстрелянную эпоху и даже в буржуазном обществе мы наблюдаем, что чем плотнее организован коллектив, тем более он работоспособен и способен к ощущению радости успехов труда, не взирая на то, что труд — подневольен.

Чем древнее сказка и миф, тем с большей силой звучит в нем победное торжество людей над силами природы и совершенно отсутствуют драмы социального характера, распри человеческих единиц. Первообытный коммунизм, разумеется, был очень далек от нынешнего представления Гезиода о «золотом веке», но все же знаменательно, что Гезиод говорил о каких-то условиях жизни, лучшей чем те, среди которых он жил, — за 2800 лет до наших дней. Следует помнить, что мифы — конечно — изменялись согласно интересам жрецов, аристократов и вообще командующих групп. Поэтому почти во всех древнейших мифах человек терпит наказание от богов за его службу людям: Прометей за то, что он похитил огонь с неба, Тантал за то, что похитил пищу богов — нектар и амброзию, Сизиф за то, что заковал в цепи смерть, посланную Зевсом, и люди перестали умирать. Мифы, в которых безнадежное, пессимистическое и метафизическое отношение к жизни и участи людей, эти мифы возникли с Востока, где возникли первые деспотии и первые мистические религии, где, как в Индии, организовалось резкое деление людей на касты, где созданы наиболее страшные образы богов. Средиземноморское человечество родило человекоподобных, веселых богов Олимпа, и весьма заметно, что сырьем для фабрикации богов этих служили талантливые кузнецы, гончары, певцы и музыканты, ткачихи, странники и вообще — реальные люди. Богиня Деметра покидает Олимп и богов для того, чтоб жить среди людей.

Если скандинавы создали образ железного волка Фенриса, который должен пожрать мир, — волк этот мистичен настолько же, насколько современный, зверски наглый капитализм, изживший свои творческие силы, способный только разрушать, и — значит — лишенный смысла, а тем самым и дальнейшего права на существование.

Волк Фенрис — одна из демонстраций того изумительного свойства, которым обладало древнее, устное, образное творчество. Характерной особенностью этого творчества, не унаследованной рукописной литературой, является мощь воображения. В народном творчестве пределы реального исторического материала удивительно расширяются силой воображения, которое, будучи встревожено фактами социального характера, нередко как бы предугадывает, предвидит будущее. Этот феномен можно объяснить тем, что для древнего основоположника и творца культуры слово было не только соединением звуков, изображающих понятие, — оно еще физиологический

акт передачи энергии людей друг другу, от многих — одному, от одного — многим. Слово тем сильнее, чем более образно. Волшебная сила придавалась слову потому, что в нем всегда воплощалось коллективное деяние, именующее мир, — александрицы, создавая учение о Логосе, не понимали, откуда получена словом организующая антуальная сила, они вознесли его от земли в небеса и этим выхолостили, погасили силу слова. Образ — концентрации опыта, в древности мыслившей антропологически и материалистически — образ был вместилищем определенной суммы опыта и воспринимался как идея, которая, возбуждая творческую силу, дополняла недостаток реально данного желаемым как возможным. Поэтому миф не бесплодная фантазия, а — в основе своей — реальная истина, дополненная воображением и призванная руководить жизнедеятельностью коллектива.

Богословы допускают, что сила воображения первых христиан была неизмеримо богаче до времени признания христианства государственной религией. Гегельовец Морац Каррьер в его солиднейшем труде «Искусство и идеалы человечества» утверждает, что древнее миропонимание было всеобщим для коллектива, и одаренная личность, не выступая за пределы данного, полагаясь на этот данный опыт, расширяла и углубляла его согласно интересам коллектива. В примечании к этому месту Каррьер говорит: «Отсутствием именно этого условия в позднейшие времена вполне объясняется невозможность для какого бы то ни было гения создать что-нибудь подобное близким старому времени по тому всеобщему действию, какое производили они на целый народ» (том I, стр. 35). Буржуазные историки культуры в общем сходятся на том, что — научному разумению явлений природы предшествует объяснение их вмешательством высших невидимых сил. Это явно неверно. Разум во младенчестве его не способен был отметить в изменении вещества и форм материи ничего, кроме его простейших свойств: тяжести, твердости, гибкости, текучести и т. д. Вопросы: «как», «почему», «зачем», лежащие в основе научного мышления, не волновали древнего коллективиста, они не волнуют трудовые массы и до сего дня, но это не мешает трудовому народу всех стран создавать мифы. **В** Владимир Ленин. **Х**

Нам для хрестоматии необходимо взглянуть глазами Маркса на целый ряд таких произведений, каковы напр.:

Белоз. История Греции.

Любке. Словарь классической древности.

Овидий. Метаморфозы.

Страбон. География.

Павзаний. Описание Эллады.

Плутарх. История и жизнеописания и т. д.

Можно пользоваться книгой Могаффи: «История классического периода греческой литературы», у этого автора есть немало правильных замечаний о кастовом чувстве аристократии и о влиянии этого чувства на литературу древнегреческого театра.

* * *

Еще более чем мифология для нас поучительны сказки, ибо в них ярче и обильнее отражено лицо рабочей массы, яснее выступает характер ее мышле-

ния, ее мечты, ее отношение к труду. Следует обратить особое внимание на то, что вымещается как «необудившая фантазия», а по смыслу своему является утверждением всемогущества труда, *наименее* мир. И уже многократно указывая на «кован-самолеты», «сапоги-скороходы», на «живую и мертвую воду», на изменение пейзажа посредством заклинания, на чудеса ментального появления рек и лесов на пути героя сказки, преследуемого злой силой, и на бесчисленное количество всяких иных фантазий, которые, в общем, говорят об одном и том же: человек надпреле мечтал о полной власти над силами природы. Мечтать об этом мог только раб, ибо силы природы не мешали жить праведному владыке, и в облегчении труда рабов он не был заинтересован. На него беспрерывно работала живая бесплательная сила, она давала ему хлеб, посуду, оружие, одежду, украшения — добывала все, в чем нуждался владыка. Он брал себе самых красивых девиц, наиболее сильных юношей — сказка изображала его зверем, мифотанром, многоглавым, крылатым зием, Нашею бессмертным, одиоглавым Лихо и т. д. Социальный смысл сказок легко вскрывается. От мифа через сказку мы подходим к сатирическому изображению владык в песне, в народной комедии, и народным на анос. Возможно считать «Войну мышей и лягушек» народной на Илиаду или на одну из утраченных поэм — Эфиопию, Кипрею. Величиики сказок, начиная с XV в., насмешаются в примарочных комедиях о докторе Фаусте, и непрерывно, во всех странах, действует «Петрушка», бессмертный любимец трудящихся, их создатель и смелый выразитель их отношения ко всем явленным жизни. Здесь должны найти место также и подобные произведения, как: «Шемякин суд», «Ерш Ершович» и т. д.

Миф и сказка воплощают и отражают трудовое, материалистическое мышление, которое послужило основой философия Демокрита, затем было обработано Лукрецием Карром в знаменитую поэму «О природе вещей» и ныне утверждается экспериментальной наукой как единственная философия, способная коллективно, гармонически организовать волю и разум людей, направить их великую работу социального и физического изменения мира.

По линии интересов и целей литературы, а также и всех иных искусств, миф и сказка говорят нам о праве и полезности искусства преувеличивать созданное реальное в целях достижения идеального желаемого, а также говорят о положительном и актуальном значении гипотезы в науке и в литературном творчестве.

Отсюда, — на мой взгляд, — следует, что первый том хрестоматии мы должны посвятить мифологии и сказке. Определив, насколько это возможно, время появления мифа или сказки, мы должны дать краткий исторический очерк социальных условий времени; некоторые указания на время мы найдем в материале самих мифов и сказок. Народную сатиру, комедию, сатирическую сказку о погах, монахах, дворянстве, чиновниках, кушачах следует включить тоже в первый том. Таким приемом мы получим индекс еще не написанную книгу по истории устного народного творчества, начиная от глубокой древности до легенд и песен о Ленине.

План составлен по литературным традициям буржуазной науки. VII том «Античная литература» начинается эпосом. Эпос — явление, созданное древними деспотизмами Востока, аристократиями и ранним феодализмом Средневекового моря. Илиада, Одиссея не так характерны для нас, как «Метаморфозы» Овидия, и нам пользы «по старинке» ограничиваться греками. Нужно дать «Галыгамеш», куски «Гильгамеш», «Калевалы», «Эдды», «Шах-Наме», курдо-армянского эпоса и т. д. Нужно во всем этом материале выделить и подчеркнуть признаки внедрения в эпическую поэзию трудовой, материалистической и мифической мысли.

Ранний эпос весьма часто и крепко связан с мифом. Это делалось искусственно, в целях наибольшего возвышения героев эпоса — царей, королей, рыцарей. Мы не должны слепо и равнодушно подчиниться указаниям и установлениям буржуазной науки, — мы должны отнестись к ней резко критически и создавать свою науку. Пусть мы ошибемся не один раз, но это не должно смущать наших авторов, и нам следует крепко помнить, что весь материал, над которым мы будем работать, был многократно прален и цитирован королями, баронами, церковниками. Однако все же осталось многое, это все еще живет и звучит глубочайшей правдой времени. Приведу пример:

В «Эдде» сорятся боги, и один из них говорит богине (...). Пиво, что это слово не бога, а скандинавского мужика, вакинга. Такие грубые реальности знаменуют культурный быт эпохи, изображают лицо авторов эпоса. «Эдду» нельзя называть «дружинным эпосом», ибо ее герои являются боги, и в нее входит «Воллспел», нечто философическое и «пророческое».

Всюду, где возможно, нам следует сопоставлять показания эпоса — фактам истории. В VII в. не включены Платарх и Тацит. Не является ли эротический роман — лишним? Его писали для забавы меценатов, иное — социальное — значение он едва ли имеет. Совершенно не нужен, на мой взгляд, «Сатирикон» Петрония. Пронзнен роман «Дафнис и Хлоя», названный много подражаний, вплоть до «Манон» Прево.

К работе по Возрождению следует привлечь А. К. Диквеллегова. В XIV в. забыт Чосер, автор «Кентерберрийских рассказов», где впервые и до Сервантеса английскому рыцарству противопоставлены здравомыслящие английские Санчо Пансы. В XVII в. забыт Свифт. XVIII — Пеп — именней огромный значение, а также Озерная школа — Соути, Вордсворт — В. Скотт, Стерн. В XIX—XX вв. нужен ли Уго Фосколо? Забыт Леонарди.

Лично мне план по литературе кажется очень хаотичным и лишним основной линии или же линий.

Я бы предложил распределить материал такими группами:

Становление и укрепление феодализма: «дружинный эпос», рыцарский роман и пр. Личность при феодалах, условия ее жизни, включение в ряды рыцарства, в армию церкви. Культ дамы, причины культа. Борьба против церкви в союзе с городом и борьба против буржуазии в союзе с церковью. Альтбюгиды. Крестьянские войны.

Становление буржуазии и эпоха треченто-чинквеченто. Личность в буржуазном обществе. Роль искусства. Меценатство буржуазии и церкви.

Количественный рост личности. Ее положение, запросы. Личность и церковь и их борьбе. Галилей, Джордано Бруно, Гус и др. Гуманисты, путешественники, алхимики. Беркли — «мир, это — мое я».

Рост и запросы индивидуализма как мироощущения и миропонимания.

Затем: основной темой всех литератур Европы является судьба личности и ее противопоставлении государству, церкви, обществу. Эта основная тема остается таковой до наших дней. Русская литература:

Ее подражательный характер в XVIII в. Влияние французских классиков — Расин, Корнель, влияние «газетной» поэзии — Богданович,⁴ Пастушков, Бомарше, фон Вилли и т. д. Грибоедов и «французик из Бордо». Славянофильство — как протест против иностранных влияний.

Влияние славянофильства на народничество. Крестьянство как трамплин для прыжка интеллигента индивидуалиста к власти. Интеллигент после первой революции. После Октябрьской и — далее, до наших дней.

У нас борьба индивидуальности за место в жизни пришла наиболее интересная и резкая форма, потому что капитал почти не требовал интеллигента, буржуа был откровенно некультурен, — свидетельство Островского и др.

Все это, разумеется, только грубая схема, требующая дальнейшей разработки с указанием на материал и т. д.

Крупнейшими недостатками плана является полное игнорирование авторами истории христианской церкви, начиная с V в., всесторонне, очень умело и глубоко влияла на весь ход истории. Антикультурная роль церкви никак еще не изображена, а на ее якобы культурное значение ссылаются и сегодня.

Мне кажется, что следует дать очерк социальных отношений и политического положения Иудей в конце первого века до Христианской эры. Это можно дать по Флавия и еврейским историкам XIX столетия. Затем показать четырехвековой ход организации церкви до признания христианства государственной религией Рима, — это отлично можно сделать, опираясь на второй том Гиббона, — более правдивого и толкового изложения событий той поры я не знаю. Чрезвычайно важно отметить, что уже со второй половины второго века н. э. церковь в лице Иустина мученика и епископа Приняв объявила жесточайшую войну «гнозису» — знанию, т. е. свободному исследованию церковной догматики. Необходимо осветить мотивы этой войны, что мог бы сделать Преображенский, автор книги «Тертуллиан и Рим».

Показать жесточайшую борьбу сект, акты предательства епископов, организацию культа мучеников, осакщение страданий и т. д. — все пороки этого вероучения.

Важно также рассказать о романтике Юлиана, о его попытке реставрировать язычество, попытке, которая кончилась убийством реставратора; по намену Гиббона убийство было организовано христианами-церковниками. О Юлиане у нас есть несколько книг, из них весьма интересна книга Афилонова «Юлиан Апостат». В этой книге даны отрывки из сочинений Юлиана «Цезарь» и «Милотогон». Есть «Речи» Либания, его наставника, и среди них — характеристика Юлиана.

Рассказать такую была роль церкви в эпоху «крестовых походов» на Восток, ее борьба против городской демократии, защита крупной буржуазии — альбигойцы, гугеноты, тибориты, — дать фигуру Лютера как первого слугу буржуазии и классического предателя крестьянства. Все это потребует немалого места, но совершенно необходимо, ибо, говоря об истории литературы, придется говорить о рецидивах религиозности после каждого, более или менее значительного подавления трудовой массы о ее праве и силе.

Вот, покамест, все, что я имею сказать по поводу плана хрестоматии, XV тома, конечно, много. Мы ведь не даем хрестоматии Гербеля, нам нужно создать историю литературы в образцах, насколько они необходимы для иллюстрации истории культуры, а главным материалом хрестоматий должны быть очерки по истории литературы в связи с историей культуры.

Художественную литературу мы должны указать, т. е. дать библиографию. И, разумеется, нам нужно будет переработать ряд крупнейших произведений, — создать «Библиотеку литератора». Вместе с хрестоматией я предложил бы Советскому издательству писателей издать три книги, которые показали бы историю развития определенных тем: рыцарский роман до Сервантеса, «Дон Кихот», «Грактиршица» Гольдони и еще что-нибудь из эпохи разложения рыцарства.

«Дон Жуан» — все пьесы и поэмы, начиная с XVI в. до Байрона, Пушкина и далее.

«Фауст» — все, начиная от ярмарочной комедии и Мерлоу до Гете, Клингера, Крашевского и т. д.

Этого никто еще не догадался сделать, а это крайне поучительно: показать рост формы, изменение оценок, игру быта на одних и тех же темах.

М. Горький

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Переписка А. М. Горького с руководителями различных советских издательств затрагивает очень широкий круг вопросов, обогащает наши представления о жизни и деятельности Горького, об истории советской литературы и журналистики. Но главная тема переписки — поиски, успехи и неудачи советских книгоиздательств.

Горький выступает в книге как поистине великий деятель советской культуры, обладавший огромными знаниями, всеобъемлющим умом, исключительной работоспособностью. Переписка демонстрирует это с особенной наглядностью и конкретностью. Она знакомит нас с отзывами и критическими замечаниями Горького о самых различных произведениях старой и современной литературы — художественной, научной и философской, русской, советской и зарубежной, — со множеством его рекомендаций, советов, предложений и замыслов, относящихся к изданию книг и журналов и поражающих своей глубиной и дальновидностью. Горы прочитанных книг и вдумчиво просмотренные (вернее изученные) планы различных издательств стоят за этими отзывами и рекомендациями. А. С. Пушкин сказал о Ломоносове: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Так и Горький не только положил основание многочисленным культурным начинаниям общенародного значения и создал ряд советских журналов, но был своего рода Госпланом нашей культуры, в особенности книгоиздательского дела.

1

Безграничные возможности и перспективы, которые открыла перед книгоиздательским делом Великая Октябрьская социалистическая революция, Горький осознал и почувствовал сразу же после перехода власти в руки пролетариата. По его предложению при Народном комиссариате просвещения было создано издательство «Всемирная литература». Издательские планы Горького

были поистине беспримерными. Намечено было выпустить серию книг — по несколько сот томов в каждой: «Западная литература», «Литература Востока», «Русская классическая литература», «Современная советская литература» и т. д. К составлению издательских проспектов, работе над переводами, редактированию книг Горький привлек десятки видных писателей и крупных ученых. «Как видите, — задача грандиозная, и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе», — писал Горький В. В. Воронскому 26 апреля 1919 г. «Честь осуществления этого предприятия, — утверждал он во вступительной статье к «Каталогу издательства «Всемирная литература», выданному в 1919 г. на русском и французском языках, — принадлежит творческим силам русской революции, той революции, которую ее враги считают «бунгом варваров». Создавая такое ответственное и огромное культурное дело в первый же год своей деятельности, в условиях невыразимо тяжелых, — русский народ имеет право сказать, что он ставит себе самому памятник, достойный его».

Задачи, которые Горький ставил перед издательством «Всемирная литература», были очень важными:

выпустить в свет и дать массам, разбуженным революцией и сознательному историческому творчеству, наиболее значительные произведения мировой литературы;

помочь собиранию жизнеспособных сил старой и формированию новой интеллигенции;

служить связующим звеном между советской властью и литературной интеллигенцией;

продемонстрировать перед зарубежными друзьями и недругами политику советской власти в области культуры, ее отношение к культурному наследию.

«На днях закончили печатание перечня книг, предполагаемых к изданию «Всемирной литературой», — сообщает Горький В. И. Ленину в январе 1919 г. — Я думаю, что не худо будет перевести эти списки на все европейские языки и разослать их в Германию, Англию, Францию, скандинавские страны и т. д., дабы пролетариат Запада, а также Уэллсы и разные Шейдеманны видели воочию, что российский пролетариат, не только не варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди, и что он в самых гнусных условиях, какие только можно представить себе, сумел сделать в год то, до чего им давно бы пора задуматься».

Как видно, основные цели, которые имел в виду Горький, создавая издательство «Всемирная литература», совершенно совпадали с главным направлением культурной революции, к осуществлению которой приступили в те годы Советское государство и Коммунистическая партия. Однако представления Горького о задачах издательства «Всемирная литература» содержали в себе и некие инородные примеси. В письме Воронскому от 26 апреля

1919 г. Горький, доказывая, что советская власть должна энергично помогать издательству «Всемирная литература», аргументировал это следующим образом: «Может быть, от всех ее усилий только одно это останется памятником ее энергии, только это не погибнет, растоптанное ордой озверевших мужиков». И в другом письме, поясняя Воровскому цели издательства «Всемирная литература», Горький писал о необходимости просвещения «темных масс» и борьбы с «эмоциями, которые губят революцию». Нетрудно заметить связь этих суждений Горького с его заблуждениями, нашедшими незадолго до этого выражение в цикле статей «Несвоевременные мысли». Суть этих заблуждений известна: Горький опасался, что Октябрьская революция принесет русский политически сознательный пролетариат и революционную интеллигенцию в жертву крестьянству — носителю, по мнению писателя, «зоологического индивидуализма», анархии и жестокости.

Очевидно, что, создавая издательство «Всемирная литература», Горький еще не освободился до конца от этих опасений. Недаром В. И. Ленин, поддерживая издательские планы Горького, в то же время в известном письме от 31 июля 1919 г. критиковал «большие впечатления» и «большие выводы» писателя, обращая его внимание на то, что в качестве профессионального редактора переводов он поставил себя в такое положение, «в котором наблюдать нового строения новой жизни нельзя». «Ни нового в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник, наблюдать и изучать не можете», — писал Ленин (Сочинения, т. 35, стр. 349).

Горький скоро признал правоту Ленина, но те или иные проявления пристрастного и одностороннего отношения к русскому крестьянству, деревне встречаются в его выступлениях и позднее. Есть они и в публикуемой переписке.

Что же касается издательства «Всемирная литература», то оно вошло в историю советской культуры как одно из замечательных начинаний первых лет революции. Гражданская война, разруха не дали возможности осуществить грандиозный замысел Горького во всем его объеме, но, преодолевая трудности, издательство выпустило с 1919 по 1922 г. 59 названий книг в количестве около миллиона экземпляров и сыграло значительную роль в решении сложных задач культурной революции.

2

Осенью 1921 г. Горький уехал за границу для лечения. Но связи писателя с родиной оставались самыми тесными и крепкими. «Где-то далеко от России Вы слушаете и слышите ее так, как будто бы ни на час не покидали ее», — писал Горькому в декабре 1924 г. К. А. Федин.

С огромной заинтересованностью следил Горький за книгами и периодическими изданиями, выходившими в Советском Союзе, и оказывал всемерную помощь советским журналам и книгоиздательствам. Очень показательна в этом отношении его переписка с работниками издательства «Время».

Это было кооперативное издательство, во главе которого стояли сведущие люди. Оно преследовало серьезные культурные цели, но в годы нэпа подчас поступалось ими ради соображений коммерческого характера. Выпуская по преимуществу современную иностранную литературу, издательство «Время» вместе с хорошими, ценными произведениями нередко выбрасывало на книжный рынок и ходкий, модный «товар» не очень высокого качества.

Весьма поучительно наблюдать, как Горький настойчиво, но тактично поправлял издательство, стремясь придать его деятельности более строгий, принципиальный характер.

Некоторые начинания издательства «Время» и многие выпущенные им книги Горький горячо одобрял. Так, он высоко оценил научно-популярную серию «Занимательная наука», такие книги, как «Занимательная минералогия» А. Е. Ферсмана, «Занимательная ботаника» А. В. Цингера, «Занимательная арифметика», «Занимательная геометрия» Я. И. Перельмана и др. «Занимательные науки, — действительно занимательны! Как они идут у Вас? Читает ли их молодежь?» — спрашивал Горький у И. В. Вольфсона. И был рад, когда узнал, что серия имеет большой успех, и устранил препятствия к ее дальнейшему росту. «Конечно — рад, что «Занимательные книжки» снова увидят свет. Показывал я их людям весьма ученым, — хвалят и завидуют, — писал он.

Самую энергичную поддержку оказал Горький предпринятому «Временем» изданию собрания сочинений Стефана Цвейга и Романа Роллана. «Издание Цвейга — заслуга и праздник», — отзывался он. По просьбе издательства Горький написал для этих изданий статьи о Цвейге и Роллане.

Разумеется, отношение Горького к современной зарубежной литературе было далеко от какого-либо упрощения и односторонности. Он многое ценил в ней (кроме Цвейга и Роллана, назовем Синклера Льюиса), но отмечал и явления деградации, упадка. «В общем современная литература на Западе лично мне кажется серой, скучной, несмотря на ее попытки «встать ближе к жизни», — писал он Вольфсону.

Отсюда — довольно критическое отношение Горького к значительной части зарубежных книг, выпускаемых «Временем». Он постоянно советует издательству отвести должное место в своих планах зарубежной классике, рекомендуя издать произведения Диккенса, Вальтера Скотта, Гюго и такие книги как «Трое в одной лодке» Джером К.-Джерома, «Мадам Бовари» и «Саламбо» Флобера, «Разгром» Золя, «Тартарен из Тараскона» Додэ и др.

«Старо? Да, но ведь хорошо и — это надо знать», — убеждает он руководителей издательства.

Учитывая запросы книжного рынка, издательство «Время» иногда переводило и выпускало и разного рода «фабульную» литературу, которая в те годы получила на Западе самое широкое распространение. Горький, как правило, не одобрял книги такого рода. И не потому, что они «фабульны» и рассказывают о необыкновенном («сказание необыкновенного всегда здоровое желание», — пишет он Вольфсону), а потому, что они чаще всего были очень низкого качества. Конечно, не «Время» издавало тогда «Приключения Тарзана», но и оно иногда выпускало книги, так или иначе соприкасавшиеся с пресловутым сочинением Берроуза. Горький и здесь противопоставлял дурному чтivu талантливую и оказывающую хорошее влияние «фабульную» литературу. Так, настойчиво рекомендует он Вольфсону издать романы А. Дюма. «Простите за эти советы, — пишет он, — но, мне кажется, что я понимаю современного читателя, который «тарзанизирует» себя не только «Тарзаном», но и кинематографом».

Читателю 20-х годов приходилось подвергаться воздействию не только «тарзанизации», но и — в самых различных формах — влиянию идей «американизации» личности и образа жизни. Под флагом борьбы с отсталостью пропагандировался бизнес, воспевался утилитаризм и сильный «энергично функционирующий» человек. В сущности говоря, и «пестизация» звериных инстинктов Тарзана были не чем иным, как разновидностью подобных умонастроений. Опасность распространения идей «американизма» была вполне реальна и серьезна (их связь с напором и оживлением буржуазных тенденций в экономике и идеологии для нас очевидна), и тем более нужно отдать должное политической прозорливости Горького, обратившего внимание в переписке с Вольфсоном на их социальную сущность. Коснулся же этого вопроса Горький не случайно. Дело в том, что «Время» выпустило несколькими изданиями известную автобиографию Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения» и другие книги, так или иначе идеализирующие бизнесменство и его «философию». Горький и в данном случае предостерегал издательство. По поводу издания романа американской писательницы Анджи Езерской «Гнет поколений» Горький писал Вольфсону: «Роман Езерской — интересен, но писательница не талантлива, и заголовок «Гнет поколений» слишком громко звучит для книги, написанной на излюбленную американцами США тему: «энергия — все преодолевает». Но в результате «преодоления» появляются такие люди, как Гольдштейн «эпиколобий» (один из героев романа Езерской. — А.Д.), который хвастается тем, что на него работают «люди с университетским образованием», и он может их в любой момент вышвырнуть вон. Американская идеализация энергии — штука плоховатая и требует — для русского читателя — пространственных пояснений».

Получая из России книги книг и журналов, читая произведения современной зарубежной и советской литературы, Горький нередко сравнивал их между собой. 2 октября 1927 г., ознакомившись с очередной порцией переводной литературы, присланной издательством «Время», он сообщал, что впечатление у него от прочитанных книг «тускловатое». «...Должен сказать, — писал Горький далее, — что русских «молодых» читаю более охотно, даже — с жадностью. Удивительное разнообразие типов у нас и хорошая дерзость. Поправились мне — за этот год — Андрей Платонов, Заяицкий, Фадеев и Олеша».

Жадный интерес к советской литературе, восхищение ее успехами постоянно звучит в письмах и выступлениях Горького 20-х годов. Но, конечно, столь же постоянно он выступал и против любых проявлений зазнайства и бахвальства у наших писателей и читателей. Рекомендуя издательству «Время» выпускать произведения старой зарубежной литературы, он писал: «А то молодые литераторы, читая западных современников своих, пишут мне самонадеянно: «Мы — лучше, талантливее», да и читатели тоже впадают в патристический раж: «Наши лучше».

Что «наши» не всегда лучше зарубежных, Горький показывал в письме к руководителю издательства «Земли и фабрика» В. Нарбуту от 17 августа 1925 г. Нарбут жаловался Горькому, что такие иностранные писатели, как Джек Лондон, Конрад, О'Генри, Свickлер, пользуются у советских читателей большим спросом, чем молодые русские авторы. Горький вовсе не склонен был «прибедняться», и в своем письме он хвалит С. Г. Григорьева, Бабеля и других советских писателей. Более того он убедительно обнажает слабые стороны рассказов О'Генри. Однако и рассказы О'Генри, с его точки зрения, «забавнее, искуснее» рассказов Дорогойченко, Ярового, Волкова, Гаврикова и т. д. Что же касается Лондона и Конрада, то они и талантливее, и пишут «романтичнее», «фабульнее и о незнакомом».

Все дальнейшие суждения Горького свидетельствуют о том, что он не только внимательно следил за советской литературой, но и хорошо разбирался в происходящих в ней процессах. В переписке с исключительной точностью отмечены характерные недостатки значительной части ранней советской прозы — невысокий художественный уровень, натурализм, пережитки народнического подхода к деревне и к городу:

«...Читатель хочет романтизма, это несомненно. Он требует, чтоб о знакомом ему рассказали интересно, незнакомо, чтоб и то, что он переживает и пережил было внесено нечто углубляющее, украшающее».

«К противоречиям старого и нового у нас подходят неумело, изображают их грубо и слишком торопятся примирить их...»

«И — еще одно: слишком много деревни, изображаемой идиллически. Кажется, что уже забыто существенно важное: рево-

люцию сделал и делает город. У молодых писателей чаще является героем деревенский парень красноармеец, а рабочий — реже. Неверно. И нехорошо... Много пишется о деревенском труде и забыта поэзия городской работы, творчество рабочего».

Несомненно, некоторые мысли, высказанные Горьким в письме к Нарбуту, спорны (характеристика Неверова, совет показывать противоречия между коммунистом-рабочим и коммунистом-музыком) или просто неверны («революцию сделал и делает город»), но в целом оно попадает, как говорится, не в бровь, а в глаз: издательство «Земля и фабрика», ориентировалось тогда на довольно многочисленных прозаиков «Кулиницы», произведения которых, бесспорно, страдали отмеченными недостатками.

Как видно, Горький и в годы жизни в Сорренто оставался «наседкой современной русской литературы», как называл его В. В. Воронский. И в своем отношении к работе советских книгоиздательства он занимал очень верные позиции. Известно, например, что опубликованная в 1925 г. резолюция ЦК ВКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» решительно осудила как каппитулянтство, т. е. неверие в успехи и возможности советской литературы, так и комчванство, т. е. шапкозакидательское бахвальство достижениями пролетарского искусства. Нарбут в своем письме спрашивал Горького: «Вы, вероятно, знаете эту резолюцию?» Да, конечно, Горький знал резолюцию о литературной политике партии. «...Резолюция эта, — писал он в июле 1925 г. М. Ф. Андреевой, — несомненно, будет иметь огромное воспитательное значение для литераторов и сильно толкнет вперед русское художественное творчество».

3

В 1928 г. Горький приехал на родину. И, естественно, что его культурная деятельность сразу же принимает небывалый до сих пор размах. С особенной наглядностью это сказалось в области книгоиздательства.

Один за другим возникают у Горького замыслы различных издательских начинаний, книжных серий, коллективных работ. Многие из них были реализованы еще при жизни писателя, другие, рассчитанные на десятилетия, развиваются и в наши дни, третьи по разным причинам не были осуществлены. Все их трудно и перечислить. «История фабрик и заводов»; «История гражданской войны»; «История молодого человека»; «Библиотека поэта»; «История деревни»; «История городов»; «История разночинца»; «День мира»; «История женщины»; «История большевика»; «Две пятилетки»; «Творчество народов СССР»; книги о писательском труде и другие.

Горький постоянно выступал против стихийности, случайности и параллелизма в работе издательств и был горячим сторонником продуманного планирования в книжном деле, серийного выпуска книг, коллективных изданий. «План Академии я просмотрел, — писал он в декабре 1931 г. И. Ионову. — Он показался мне несколько «нестрым»... Я стоял бы за большую связность, за разбивку книг по сериям. Разбиваются они вполне удобно: русские прозаики и поэты, эпос и сказка, иностранная проза; можно и так: город и деревня в прошлом, мещанство на Западе и т. д.». Письмо — для Горького весьма характерное.

Однако при этом Горький советовал составлять планы и программы таким образом, чтобы они, направляя усилия литераторов на изучение и художественное освоение новой действительности, не были слишком подробны и детальны, чтобы они не стесняли творческой свободы писателей, их инициативы. Когда он познакомился с планом одного из томов пятитомника «Две пятилетки», разработанным группой литераторов, то сделал следующее замечание: «Мне кажется, что план излишне детализован и требует значительных сокращений. Детализация намечает ряд ограничительных линий для вас, строит некую клетку для вашей творческой фантазии, для воображения вашего, т. е. для включения материала в образ. Образ есть синтез, но заранее намечая границы и пределы синтеза, вы рискуете исказить материал, «обескрылить» вашу свободу отбора деталей... Существенно важные смысловые детали должны явиться в процессе ознакомления с материалом, изучения его, и нет нужды намечать их в плане работы. План — детальный — необходим для построения здания или машины, наша задача — шире и сложнее».

В том же духе Горький и выступал тогда. Он говорил, что если очень тщательно разрабатывать программу, то можно стать на путь мелочной регламентации художественного творчества. «Этого нужно опасаться, — говорил Горький. — Здесь нужно предоставить свободу выбора материала, темы и т. д., потому что иначе может получиться очень неприятное явление сжимания темы и порчи материала».

Поражает самая широкая осведомленность Горького во всем, что касается книг. Когда он замыслил ту или иную книжную серию или коллективную работу, он тут же набрасывает ее план — будь то «история молодого человека» или «история городов», «история сектантства» или «история гражданской войны». И эти планы изумляют богатством знаний. Если, к примеру, речь идет о русской литературе XIX в., то Горький характеризует не только таких второстепенных писателей, как Вельтман, Борис Алмазов, Палым, Авдеевко и др., но и предлагает «воскресить» интересного, по его словам, прозаика Дмитрия Гирса — «Д. Константиновича»: «...он никогда не издавался, а его «Записки военного» и

«Дневник писца» стоит этого», — пишет Горький. И добавляет: «Основная его вещь «Старая и новая Россия» считается незаконченной, но в одном из писем Демерта это опровергнуто». Или вот, что пишет он о мало известных мемуарах Л. Оболенского. «Мне кажется, что прежде чем издавать его старые воспоминания в том виде, как они напечатаны были в 902 г. — необходимо поискать в Архиве Департамента полиции его рукописи, которые хранились у Мих. Мих. Филиппова и вместе с архивом последнего были арестованы полицией». Такие замечания Горького способны поставить в затруднительное положение самого знающего комментатора. А главное — они свидетельствуют о страстной любви и интересе Горького к истории русской культуры, литературы, общественной мысли.

Планирование издания книг должно было, по мысли Горького, свести на нет выпуск литературного брака, повысить качество издательской «продукции». Вопросы же качества книг являются для Горького, как известно, важнейшими, мучительнейшими и неотступными.

Горький радовался каждой хорошей книге, будь то исторический роман известного писателя А. Н. Толстого «Петр Первый» или роман из современной жизни молодого литератора К. Горбунова «Ледолом», или мемуары старого большевика А. Бадаева «Большевики в Государственной думе». Он гордился достижениями и успехами советской печати, советских книгоиздательства. В 1930 г. Горький посвятил советской печати специальный номер журнала «Наши достижения» (майский), в передовой статье которого «18-я годовщина пролетарской печати» писал: «Количественные и качественные успехи советской печати несомненно велики, прямо разительны. Оспорить их не посмеет самый оголтелый отрицатель наших достижений... Книжная продукция 1928 г. более чем в два с половиной раза выше книжной продукции 1913 г. (отношение 100 к 280). У нас печатаются и в короткие сроки расходятся миллионные тиражи серьезных социально-политических и научно-популярных книг».

И чем больше гордился Горький достижениями советского книгопечатания, тем сильнее негодовал он по поводу его недостатков, возмущался небрежной, неумелой и недобросовестной работой издательства. Слова «хлам», «чепуха», «халтура», «мусор», «ерунда», «брак», «макулатура» то и дело мелькают в его суждениях о книжной продукции. Он негодует, возмущается, сердится, огорчается, протестует, возражает, настаивает... Для иллюстрации можно взять почти любое его письмо к Халатову. Вот, что писал Горький Халатову, например, 24 января 1931 г. по поводу «возмутительного хлама», выпускаемого в свет издательством «Федерация»: «Крайне досадно, что бумага тратится на такую макулатуру и халтуру. Чувствуется, что в «Федерации» нет грамотного редактора. И не одна «Федерация» засоряет государственный книжный

рынок хламом, не только она портит культурно-воспитательную работу ГИЗа и бесполезно истребляет бумагу.

У нас очень много развелось людей, которым весьма нравится легкий труд и — отсюда чрезмерное обилие ведомственных журналов, которые никто не читает, обилие параллельных изданий...

Хлама у нас, дорогой друг, издается много; очень жаль, что у меня нет времени доказать Вам фактами и цитатами, что это именно хлам и мусор. Я получаю книги многих издательства и, прочитав, возвращаю их в Союз, в провинцию, в клубы, колхозы, учителям, молодежи, посылаю в библиотеку Римского Полипредства. И вот у меня остаются десятки книг, которые я не решаюсь послать никому, вследствие их негодности.

С этим явлением необходимо бороться безжалостно.

Подход Горького к изданию книг был строгий, государственный. При этом в борьбе за качество книг для него не было мелочей. Он обращал внимание и на бумагу, и на иллюстрации, и на перевод, и на корректуру, формат, внешнее оформление книги. Его сердят опечатки, безграмотность, ошибки, небрежность, безответственное отношение к делу. Нетрудно вспомнить многочисленные примеры из его писем.

Понятно, что он очень ценил хороших, опытных и любящих свое дело редакторов и издательских работников. Он защищал А. Н. Тихонова и А. К. Виноградова от И. Иконова, самого Иконова от Халатова, жалел, что Халатов уходит из ГИЗа, рекомендовал взять на работу в Госиздат «старика Сытина» и нескольких ценных им редакторов и специалистов.

Но главный недостаток в работе издательства, по мнению Горького, заключался в нетребовательном отношении к произведениям, которые предлагаются к изданию, в неумелом отборе рукописей и книг для печати. «Есть целые ряды книг на одну тему и почти одинаково бездарных, напр., книги американских «трампов», бродяг. Их выпущено Госиздатом, кажется, шесть штук», — указывал он Халатову. «Одна другой хуже и в безобразных переводах... Вообще переводная литература Госиздата очень плоха», — сетовал он по поводу этих книг и в письме к И. Груздеву.

К сожалению, плоха была не только переводная литература Госиздата, но нередко и отечественная. Советуя Халатову пересмотреть сложившийся порядок оплаты труда литераторов, Горький писал: «Уже есть «пролетарские» литераторы, которые пишут книги как будто «из милости» к пролетариату, смотрят на рабочих как бы «сверху вниз» и предлагают ему всякий хлам необработанным, как он высыпался из-под вена на бумагу. Все это плохо».

С точки зрения повышения качества книг не удовлетворяла Горького и работа издательства с молодыми и начинающими писа-

телями. «Редактора издательства, — писал он в статье «О работе литературных издательства», — слишком торопятся «выводить в свет» начинающих писателей, и весьма часто принимают куриц за петухов, причем курицы оказываются способными нести только яйца, именуемые «болтунами». Иными словами: происходит фабрикация литературных неудачников, которые неизбежно претворяются в паразитов литературы».

Таким образом, постоянная забота о всестороннем улучшении работы издательства соединялась у Горького с заботой о воспитании молодых литераторов, о совершенствовании советской литературы, о повышении ее идейно-художественного уровня. Горький полагал, что и авторы, и редакторы журналов, и работники издательства, и Союз писателей — обязаны считать борьбу за качество литературы своей важнейшей задачей. И все, от кого зависит качество литературы, должны проникнуться духом скромности и самокритики, а не настроенными самоуспокоенности и бахвальства.

29 сентября 1935 г. в «Правде» была помещена «Беседа с секретарем Правления Союза советских писателей т. Щербаковым». В этой беседе Щербаков говорил о новом подъеме советской литературы и ссылался на большое количество новых произведений прозы и драматургии. По его словам, наши авторы «чекают» свои произведения и, можно сказать, что некоторые их романы и пьесы будут «выдающимися литературными событиями». В письме к Горькому Щербаков объяснял, что подъем литературы «предопределен съездом советских писателей», и он считал «политически необходимым» свое выступление, чтобы прекратить «разговорчики» о «кризисе» и ободрить писателей. Горький был очень недоволен «беседой» Щербакова, полагая, что «количество не гарантия качества». «Очень меня смущает и огорчает Вы оптимизмом Ваших оценок текущей литературы, — писал Горький Щербакову. — Я не стал бы протестовать против них, если б оценки эти ограничивались Вашими письмами ко мне. Но Вы публикуете их, адресуя «городу и миру», возбуждая в советской общественности надежды и ожидания, которые едва ли сбудутся. Мой скепсис основан на чтении тех рукописей, которые особенно подчеркнуты Вами как явления весьма значительные. Вы — не читали тех произведений, о которых говорите».

Разрешите обратить внимание Ваше на следующее: Вы — лицо официальное, член правительства, и для очень многих граждан Ваше слово звучит как некий «категорический императив». Наша критика, маломощная, не отличающаяся храбростью и не очень грамотная исторически, раньше чем решиться сказать свое слово, посчитается с Вами. Отсюда Вам должно быть ясно, как велика Ваша ответственность и как солидно должны быть продуманы Ваши оценки».

Направляя работу издательства, советуя издать одни книги или возражая против выпуска других, Горький всегда соотносил книгоиздательскую деятельность в нашей стране с борьбой двух миров — социализма и капитализма, с задачами коммунистического воспитания, с интересами Советского государства и Коммунистической партии.

«Мое мнение таково: эпоха, переживаемая нами, характеризуется взрывом творческих сил в России и духовным одиночеством Европы, Америки, так вот всестороннее, объективное освещение этих двух процессов и должно быть поставлено целью журнала», — писал Горький Халатову по поводу журнала «Читатель и писатель». Но с полным правом можно сказать, что речь здесь идет и о горьковском понимании целей любого культурного начинания.

Перед глазами Горького — при всех его начинаниях — стоял идейный противник, и все замыслы писателя носили боевой характер и были направлены против врагов коммунизма, чуждой идеологии, измышлений буржуазной и эмигрантской прессы. «Нам нужно драться, и мы должны быть лентяев, индифферентистов, скептиков по причине сытости, а также и по причине усталости. Или мы способны заразить молодежь нашей бодростью или не способны. Я верю: способны», — писал он Халатову.

Издательские планы Горького никогда не были нейтрально просветительскими. Так, книги «Дешевой библиотеки ГИЗа» он разбил на такие тематические разделы: Война; Французская революция; Колониальная политика; Крестьянство на Западе; Крестьянство у нас; Буржуазия; Антирелигиозные издания. Самый отбор книг для издания он производил, исходя из строгих идейных принципов. Многие книги (романы Писемского и Мельникова-Печерского, свою «Исповедь» и др.) он считал целесообразным снабдить предисловиями, поясняющими их противоречивость. Появление любой книги, чуждой советской идеологии, вызывало у него резкий протест. И именно поэтому позиция Горького была принципиальной, она противостояла всякому сектантству, ложной подозрительности, групповщине. В те годы, когда районцы относили М. Пришвина и Сергеева-Ценского к внутренней эмиграции, именем Бунина пугали молодых писателей, Горький с восторгом отзывался о творчестве Пришвина и Сергеева-Ценского и настаивал на том, чтобы напечатать «Деревяку» Бунина. Рекомендации и мнения Горького нередко ставили в трудное положение людей, не способных по-горьковски широко понимать задачи советской литературы, советского книгоиздательства. «Я — не либерал и не пропагандирую каких-либо послаблений», — объяснял Горький Мехлису, справедливо

указывая в то же время на недопустимость упрощенного подхода к литературе.

Некоторые идеологические мотивы, из которых исходил Горький в своем понимании задач нашего книгоиздательского дела, звучат в переписке особенно сильно. Они развиваются Горьким и в ряде статей.

Наиважнейшей задачей советских издательства Горький считал выпуск в свет таких книг, которые способствовали бы воспитанию крестьянства, преодолению им пережитков — индивидуализма и собственности и распространенных в деревне предрассудков. В своих письмах Горький постоянно возвращается к этому вопросу. Для крестьянства в первую очередь он предназначает «Историю деревни», «Историю гражданской войны» и настойчиво рекомендует переиздать рассказы Н. Успенского, «Власть земли» Г. Успенского, «Мужиков» и «В овраге» Чехова, «Деревню» Бунина. Имея в виду воспитание крестьянства, Горький предостерегает против идеализации деревни Златовратским, Лениным, другими писателями-народниками и их современными эмигрантами. И даже, замыслив серию «История молодого человека», он пишет, что «нужно бороться с психологией крестьянского индивидуализма».

Иногда, развивая излюбленные мысли о воспитании крестьянства, Горький впадает в явные преувеличения. «...Вы, конечно, понимаете, что мною руководит сознание необходимости всестороннего интеллектуального нажима на деревню и что с этим делом мы должны бороться. Борьба за культуру, это — борьба с деревней, с идеализмом всяких предрассудков, суеверий, консерватизма кротов и медведей», — писал он 29 ноября 1928 г. Халатову. Но идея «борьбы с деревней», да и самая характеристика деревни показывают, что здесь Горький впадает в крайность, забывая о давнем тяготении деревни к культуре, о том, что крестьянин всегда был не только собственником, но и тружеником.

И совсем невозможно согласиться с Горьким, когда он — в письме Халатову от 22 мая 1930 г. говорит, что «Власть земли», «Мужиков» и «В овраге», «Деревню» советская молодежь должна знать для того, чтобы понять классово-психологические причины нашей «ссоры» с деревней и избавиться от испуга и «либерального слюнотечения» по этому поводу. Но никакой «ссоры» и «столкновения» с деревней в период коллективизации не было. «Ссора» происходила с кулацкой частью деревни, а не с трудовым крестьянством. Правда, в ряде случаев коллективизация сопровождалась перегибами, но, как известно, партия осудила их, и не крестьянство было в них повинно.

Надо полагать, что и несправедливое отношение к поэзии А. В. Кольцова («лирические стоны Кольцова не возбуждают ни гнева, ни ненависти») и к «Железному потоку» А. Серафимовича связано у Горького с его отношением к деревне и со свойственной ему пре-

менами недооценкой земледельческого труда, трудовой природы и революционных возможностей крестьянства.

Но односторонность и субъективизм некоторых суждений Горького о деревне и об отдельных произведениях литературы не могут заслонить существенное и важное значение его постоянной и действенной заботы о воспитании крестьянства, его мыслей об изображении деревни в русской дореволюционной и советской литературе и в связи с этим о задачах книгоиздательства.

Говоря об «интеллектуальном нажиме на деревню», Горький в первую очередь имел в виду развитие антирелигиозной пропаганды, издание антирелигиозных книг. Дело это он считал очень нужным и писал о нем очень часто. «Книжки, написанные в целях антирелигиозной пропаганды, я читал почти все, но среди них не нашел ни одной, написанной достаточно толково и в уровень пониманию массы, — писал он Халатову, доказывая необходимость издания серьезных книг, направленных против религиозных верований, церкви и сектантства. С этой целью Горький обращал внимание Халатова на архив Святейшего Синода, который, по его мнению, дает богатый материал для таких книг. В одном из писем он набросал план книги о сектантстве, советовал издать для безбожников полный текст записок профессора Московской духовной академии, автора «Истории церкви» Е. Голубинского («Записки эти оближают автора как атеиста, главное же дают исторический материал о духовниках и их быте»).

О значении, какое придавал Горький антирелигиозной пропаганде, свидетельствует и такой факт. В 1929 г. была переиздана повесть Горького «Исповеди». По этому поводу он писал Халатову: «Ее не следовало издавать в те дни, когда наблюдается рецидив религиозных настроений».

Не менее серьезной задачей издательства, чем воспитание крестьянства, Горький считал борьбу с мещанством. Именно с этой целью была задумана им книжная серия «История городов, как история русского быта». В разработанном плане этой серии Горький писал: «Мещанин — враг, не менее серьезный, чем средний и крупный буржуа. Это — «враг внутренний» не только в том смысле, что он живет среди нас, а и в том, что он живет внутри каждого из нас. Надевая словесную маску социалиста, мещанин умеет весьма ловко скрывать под ней свои эмоции мелкого хищника. Он поет «Интернационал», но в мелодию его мысленно вставляет слова: «Господи, воззвах к тебе, услыши мя». Он органически не способен мыслить государственно и еще менее способен понимать государственное значение труда. Этот враг, количественно обильный и трудно уловимый, должен быть разоблачен и уничтожен» («Литературное наследство», т. 70, стр. 393—394).

Читатель публикуемой переписки не может не обратить внимание на постоянство и настойчивость, с которыми Горький рекомендует выпустить романы Помяловского «Мещанское счастье»

и «Молотов». Причины такой настойчивости очевидны. «В проекте издания за время 28—32 указан Помыловский «Очерки бурсы». Почему именно это, а не «Молотов» и «Мещанское счастье» — повести особенно характерные для нашего времени, когда мещанство, становясь более активным политически, просачивается всюду? Странно это», — писал Горький Халатову в феврале 1929 г. А десять месяцев спустя снова: «Не изданы до сей поры повести Помыловского «Мещанское счастье» и «Молотов».

Есть и книги советской литературы, на издании и переиздании которых Горький настаивает по тем же самым соображениям: «время требует». Например, роман Н. Колоколова «Мед и кровь». «Хотел или не хотел этого автор, но он нанес гуманизму мещан сокрушительный и меткий удар», — говорится в отзыве Горького об этом произведении. «Вы прочитайте «Мед и кровь» Николай Колоколова — отличная вещь! Этот ударил мещанина по душе. Очень метко ударил», — писал Горький И. М. Касаткину в письме от 31 декабря 1928 г. («Новый мир», 1937, № 6, стр. 19).

С течением времени все сильнее и сильнее звучит в переписке Горького требование издавать литературу, готовящую советский народ к обороне отечества, к войне с фашизмом. «Готовится война», — писал Горький в октябре 1935 г. Щербакову, — ее уже начали в Африке, завтра она может разразиться в Средиземном море, а вслед затем вспыхнуть и на Востоке. Я напоминаю Вам об этом, чтоб сказать: оборонной литературы у нас нет, а ведь, если помните, о необходимости ее говорилось давно».

Еще более резко и горячо вопрос о создании и издании оборонной литературы и на интернациональную тему Горький ставит через несколько месяцев в письме к Накорякову: «...Что крайне удивляет меня, это — полное равнодушие литераторов наших к вопросам обороны и, затем, к интернациональной жизни...

Дипломатия мешает пользоваться интернациональными темами? Пустая отговорка. Писать можно обо всем, была бы охота. Но охоты, видно, нет.

На необходимость издавать оборонную литературу я указывал до Съезда. В частности, давно пора издать книги об интервенции японцев и немцев на Украине».

Пристально следя Горький за появлением произведений оборонного характера. Так, он с большим интересом встретил повесть П. Павленко «На Востоке» (первоначальное название «Судьба войны»). Но она не удовлетворила его. Основной недостаток повести Горький видел в том, что в ней отсутствует главный герой будущей войны — наш боец, красноармеец и краснофлотец. С исключительной заинтересованностью отнесся Горький к затеи Главным политическим управлением Советской армии «Хрестоматии для красноармейцев и краснофлотцев». В письмах к Я. Б. Гамарнику он разобрал ее что называется «по косточкам» и в сущности пересоставил ее.

Можно было бы выделить и еще некоторые идеи, из которых исходил Горький в своем стремлении улучшить работу советских книгоиздательства, подчеркнуть его заботу об издании литературы, которая утверждает и укрепляет дружбу народов Советского Союза, показывает достижения советского народа, разоблачает буржуазный образ жизни и русскую эмиграцию, развивает идеи социалистического гуманизма — литературы, воспитывающей «новую» породу людей, помогающей росту и победам социализма. Но и так «линия» Горького в книжном деле абсолютно ясна. «Линия» эта была строго партийной в самом лучшем и истинном ленинском смысле этого слова.

А. Дементьев

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-----------------------	---

ПЕРЕПИСКА

ГОРЬКИЙ—В. И. ВОРОВСКИЙ	7
-----------------------------------	---

Приложения:

1. Договор между А. М. Горьким, А. Н. Тихоновым, З. И. Граебным и Н. П. Ладыженским об организации издательства «Всемирная литература», 1918 г.	16
2. Договор между Народным комиссариатом просвещения и литературно-издательской группой об организации издательства «Всемирная литература», 1918 г.	17
3. Дополнительное соглашение к договорам между Народным комиссариатом просвещения и литературно-издательской группой «Всемирная литература», 1919 г.	18
4. Из доклада заведующего издательством «Всемирная литература» А. Н. Тихонова редакционной коллегии Госиздата о деятельности издательства, 1923 г.	19

ГОРЬКИЙ—ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВРЕМЯ»	22
--	----

Приложение:

Из протокола расширенного редакционного совещания кооперативного товарищества «Время», 1931 г.	55
--	----

ГОРЬКИЙ—В. И. НАРЕУТ	60
--------------------------------	----

ГОРЬКИЙ—И. И. ИОНОВ	67
-------------------------------	----

Приложения:

1. М. Горький. К плану художественной литературы издательства «Academia», 1930 г.	82
2. М. Горький. Издательский план «Academia» на 1931 г.	84

ГОРЬКИЙ—А. В. ХАЛАТОВ	86
---------------------------------	----

Приложения:

1. М. Горький. О перспективном пятилетнем плане издания классиков в связи с замечаниями Н. К. Крупской 20... 21 сентября 1928 г.	289
--	-----

2. М. Горький. План организации «Дешевой библиотеки ГИЗа», 1929 г.	291
3. М. Горький. Замечания к плану 1-го номера журнала «Стройка», 1929 г.	294
4. М. Горький. Замечания по журналу «Стройка» 1929 г.	296
5. М. Горький. Замечания к плану ОГИЗа, 1931 г.	296
6. Решения, принятые на совещаниях в Сорренто, 1931 г.	297
ГОРЬКИЙ—Н. Н. НАКОРИКОВ	302
ГОРЬКИЙ—ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ	322
ГОРЬКИЙ—Л. З. МЕХЛИС	324
Приложения:	
1. Выступления Горького на совещании, посвященном изданию книги «Две пятилетки», 1935 г.	338
2. «Люди пятилетки». Ориентировочная программа работы по книге «Две пятилетки», 1935 г.	344
3. «Две пятилетки». Ориентировочная заметка авторов и тем, 1936 г.	349
ГОРЬКИЙ—А. С. ЩЕРБАКОВ	355
Приложения:	
1. М. Горький. Замечания к плану Детгиза, 1935 г.	385
2. Горький — Н. Б. Гамаринку, 1935 г.	386
3. Горький — Н. Б. Гамарину, 1935 г.	389
4. Горький — А. С. Щербинову. По поводу плана хрестоматии, 1935 г.	391
Послесловие — А. Дементьев	398